АЛЕКСАНДР
БРЕУСЕНКО-КУЗНЕЦОВ
Гарпии визжат
5
Дерзкий мир

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Пятый роман цикла представляет попытку женского взгляда на Ярусный мир и происходящие в нём события. В центре внимания действия и переживания нескольких героинь-женщин, причём каждая из них глядит на мир с собственной колокольни.

Среди героинь романа мёртвая царевна Оксоляна, небесная прорицательница Бланш, хитроумная разведчица Кэнэкта, прародительница множества драконов Гатаматар, а также Лулу Марципарина Бианка — женщина-родительница пусть одного дракона, самого маленького, но и самого важного, и не только для неё одной.

Каждая строит свою судьбу собственными хрупкими руками-крыльями. Каждая отвечает за сложившуюся постройку. Иной раз в романе может послышаться хриплый визг растрёпанных гарпий — это тоже ответы.

Если же не считать отдельных чудовищ, народ в романе подобрался душевный, можно сказать, деликатный.

- Бронислав Кузнецов
  -
  - Глава 1. Тревожное известие
  - Глава 2. Кто на новенького?
  - Глава 3. Дорога привела к храму
  - Глава 4. Отдалённые раскаты хохота
  - Глава 5. В том гробу твоя невеста
  - Глава 6. Время прощать
  - Глава 7. Воля к страсти
  - Глава 8. Прелесть разнообразия
  - Глава 9. Драконовские меры
  - Глава 10. Клопы просвещения
  - Глава 11. Не судьба
  - Глава 12. Все на борьбу с пиратством
  - Глава 13. Знаки гарпии. Осуждающий взгляд
  - Глава 14. Пирата любовь исправит
  - Глава 15. Звуки гарпии. Злобный хохот
  - Глава 16. Империя наносит ответный удар
  - Глава 17. Марципарина, вперёд!
  - Глава 18. Звуки гарпии. Цепенящий визг
  - Глава 19. Круги гарпии. Новая надежда
  - Глава 20. Золото ягнят
  - Глава 21. По глазам вижу
  - Глава 22. Планы гарпии. Атака клопов

- Глава 23. Смех сквозь хохот
- Глава 24. Подвиг разведчицы
- Глава 25. Кукла наследника
- Глава 26. Полёт над гнездом дракона
- Глава 27. Время не ждёт
- Глава 28. Кукольная угроза
- Глава 29. Каждому своё
- Глава 30. Визжащие в терновнике
- Глава 31. Битва с гарпией

Бронислав Кузнецов
Гарпии визжат

Глава 1. Тревожное известие

Самое ненавистное событие в посмертии царевны Оксоляны из Уземфа произошло так.

Ещё с утра верный евнух Ынышар в нарушение всех церемоний вошёл в покои своей повелительницы и, привычно стукнув лбом об пол, встревожено воскликнул:

— Что-то назревает, моя царевна. В Гур-Гулузе становится для вас опасно. Я видел слишком много посторонних людей с решительными лицами!

— Опять мутит воду в пиале моя сестричка Будула? — предположила царевна. — И когда она успокоится? — упокоится, хотелось бы сказать.

— Хуже, моя царевна.

— Хуже? — что может быть хуже козней действующей царицы Уземфа, молодой красавице Оксоляне пока и невдомёк.

— Племя картау. Может быть, несколько племён. Они собираются к оазису, в котором им делать особенно нечего. Не к добру.

— И что они, по-твоему, могли замыслить?

— Это религиозные фанатики. У них здесь, под Гур-Гулузом, было раньше святилище. Они могли вбить в свои тупые племенные головы, что это мы его осквернили.

— Что ж вилять, Ынышар, — фыркнула царевна, — мы его действительно осквернили. Неужели эти картау представляют собой угрозу?

— Их очень много. И каждый владеет оружием.

— Что ты предлагаешь?

— Бежать. Не из оазиса — из Уземфа.

Следовало подумать. Но долго раздумывать в таких случаях некогда. Оксоляна ограничилась тем, что выглянула за дворцовую ограду. Для этого поднялась на башенку, винтовая лестница в которую вела прямо из её покоев.

Взглянула, и сама убедилась: Ынышар не врёт и не преувеличивает. Песчаные дюны вокруг оазиса были прямо-таки утыканы малоподвижными фигурками людей. Что они здесь забыли?

Не «что», а «кого». Её, Оксоляну. Из-за того давно заброшенного святилища — фу, бред какой!

Судя по рисункам на цветастых халатах, стекшиеся к её дворцу люди действительно принадлежали к племенам картау. И притом к разным племенам, иначе рисунки бы совпадали. Обычно все эти ветви кочевого народа рассеяны по пустыне и забредают

как можно дальше, чтобы друг другу не мешать в скудной охоте и торговле. И если ныне стеклись под окна Оксоляны, то неспроста. Неспроста.

И главное, что бы этот сброд ни замыслил, дворцовая стража — ну никак с ним не сладит. У царевны ведь нет собственной армии.

— Как я смогу выйти? — обернулась к Ынышару.

— В оазисе мне попался торговец оливковым маслом, — испытующе глядя на повелительницу, медленно проговорил евнух, — я на всякий случай велел ему поворачивать к дворцу. Сейчас он на хозяйственном дворе, среди его товаров есть достаточных размеров бочонок с неочищенным маслом… — Ынышар остановился.

Боится своей идеей спасения меня разгневать, поняла царевна. Сказала:

— Достаточных, чтобы я туда поместилась?

— К сожалению, лишь только согнувшись, моя госпожа…

— Хорошо, — приняла решение царевна, — где бочонок?

Погружение в бочонок состоялось в одной из неприметных построек хозяйственного двора, куда из господских покоев вёл потайной коридор. Пришлось не то что согнуться, а сложиться почти вчетверо — живая бы так не сумела. Тем более живая не сумела бы выжить, окунувшись с головой в мутное уземфское масло не лучшего качества — ведь вариантов не окунаться у царевны не было. Если злобные картау захотят проверить бочонок, надо, чтобы в нём они увидели масло, ведь так?

Впрочем, если всё-таки её предал сам Ынышар, думала царевна, пока бочонок сильные руки рабов и прислужников несли через двор и пристраивали на спину верблюду торговца, — увы, если он предал, участь её будет более чем плачевна. Если бочонок поставят на огонь, если масло подожгут — эх, сгорая в кипящем масле, мёртвец позавидовал бы живому, заранее в том бочонке утонувшему.

Потом верблюд поднялся на высокие ноги, да и пошёл со двора. Животное отшагало довольно далеко к тому моменту, когда царевна смогла узреть светлый мир вокруг себя. Картау бочонок не проверяли, либо погружённая в масло беженка просто не заметила осмотра. Надо признаться, обычно ясное сознание мёртвой царевны в новом её положении здорово затуманилось.

Очнулась она в тени нескольких высоких камней, торчащих из песка посреди пустыни — такие встречались немного южней Гур-Гулуза. Переодетый торговцем Ынышар тоже был здесь — это он, чтобы проверить, как там госпожа, аккуратно снял с бочонка верхнее днище.

— Куда мы пойдём? — отплёвываясь от чуть прогорклого густого масла, спросила у евнуха Оксоляна.

Оказалось, на сей счёт идей у Ынышара не нашлось. Он надеялся, что госпожа сама ему прикажет, куда её теперь доставить.

— Во что я переоденусь? — продолжила допрос Оксоляна. Её голова, торчащая из бочонка, казалось, вызывала у мёртвого евнуха животный ужас.

— Надо будет купить платье…

— У нас есть деньги? — этот вопрос Ынышара добил.

Оказалось, с ним только его скромные сбережения, которых не достало бы и на одно приличное платье. О чём он думал раньше? О том, что царевна сама побеспокоится о своих деньгах и драгоценностях? Но разве он не видел, что они не с нею?

— Ынышар, ты должен вернуться в Гур-Гулуз, — приказала Оксоляна, — мне нужна моя шкатулка из малой спальни.

— Картау там уже готовятся штурмовать дворец, — этот болван даже попытался объяснить своё нежелание рисковать.

— Ынышар! — предостерегающе бросила госпожа.

Евнух склонился в согласном поклоне.

Всё, что случилось дальше, Оксоляне рассказал Ынышар. С нелёгким сердцем вернувшись к Гур-Гулузу, евнух ещё на отшибе оазиса, в теньке под пальмами, обнаружил стоянку трёх племенных вождей картау. Чего-чего, а наблюдательности старику не занимать. Евнух из Гур-Гулуза должен владеть навыками заправского шпиона, чтобы вовремя пополнять сераль госпожи.

Проходя мимо стоянки картау, Ынышар намеренно замедлил шаг: и внимания привлечёшь меньше, и рассмотришь получше, а может, даже чего и услышишь. Рядом с племенными вождями сидели два карлика, одного из которых Ынышар узнал. Ну конечно же, Лимн! Он из тех ротозеев, которые доставили в Гур-Гулуз последнюю крупную партию наложников. Помнится, ушли недовольными, несмотря на честно выплаченную сумму.

Месть! Только она могла привести отшибинца снова в оазис госпожи. Месть за своё убогое святилище привела сюда и картау. Ясно, как белое солнце, на чём они спелись — противный карлик и племенные вожди. Небось, он-то их и настрополил, наглая мелкая рожа!

Между тем к троим вождям откуда ни возьмись подошёл четвёртый — явился во главе собственных людей. Те трое, ни словом не перемолвившись, выхватили из-за кушаков кривые сабли и во главе мигом возникших у них за спинами ватаг бегом понеслись к царевниному дворцу. Карлики от рослых картау тоже

не отставали.

Ынышар побежал было следом, но подумал, что появиться сейчас у ворот или под стенами атакуемого дворца — не лучший способ выполнить поручение царевны. Тогда он вспомнил о подземном ходе — том самом, который и осквернил святилище картау.

Евнух отправился к высокой скале, далеко отстоящей от оазиса с противоположной его стороны. Эта скала отмечала выход из подземного хода, выкопанного по велению Оксоляны, а кроме того служила святилищем полоумным кочевникам пустыни.

А ещё долгий путь через подземный ход позволял потянуть время — и явиться за шкатулкой в момент, когда картау вырежут всё живое во дворце и хоть немного успокоятся. Сам Ынышар специально не уточнял, но разумная царевна поняла его манёвр и в этом смысле.

Дойдя до священной скалы картау, посланец Оксоляны по множеству следов определил, что какие-то из племён при штурме дворца также решили воспользоваться подземным ходом.

Что ж, решил Ынышар, «буду надеяться, что захватчики не станут так уж внимательно смотреть себе за спину». Ещё бы, если главные враги, все, кого они спешат зарубить кривыми саблями, находятся там, впереди.

Думая так, Ынышар нырнул в подземный ход и без приключений добрался до захваченного мстителями дворца. Хитрец не просчитался: всех, кого только можно было найти, картау уже укокошили. Повсюду валялись продырявленные тела живых и обезглавленные — мёртвых. Кровь и бальзамы заливали парадный и хозяйственный дворы. Картау топтались по дворцовому саду — высматривали под деревьями притаившуюся Оксоляну.

Дальнейшие свои похождения, связанные с беготнёй от неуклюжих кочевников по дворцовым переходам и счастливым убийством самого главного из племенных вождей Ынышар расписывал слишком подробно и чересчур цветастым языком, чтобы Оксоляна в такое поверила. В мелочах даже самым верным слугам позволительно приврать, когда некому их схватить за шиворот. Вернее же всего, старый евнух умудрился-таки никому не попасться, поскольку хорошо знал дворец со всеми его ходами.

Может быть, доля истины есть в финальном эпизоде рассказанной им истории, когда за Ынышаром погнались оба отшибинских карлика. Иначе откуда бы, как не из их переклички между собою Ынышару выяснить, что второго из карликов звали Зунг?

Но благодарности Ынышар достоин — и не за то, что рассказывает. Он доставил Оксоляне шкатулку с драгоценностями, а это главное.

— Ценности со мною. Куда желаете двигаться теперь, госпожа? — склонился в поклоне старик.

— В Карамц! — убеждённо произнесла Оксоляна. — Там надо найти банк Карамуфа. У кого-то из младших его деловых партнёров узнать, где сейчас он сам. Он где-то на западе. Раньше я видела его в Цанце, но Цанц разгромили, и теперь он, конечно, переехал, — при слове «разгромили» царевна взглянула на далёкое зарево, встающее над Гур-Гулузом.

— То есть, нам предстоит найти этого банкира? — скучным голосом спросил Ынышар.

— Неплохо бы. Но раз он осел на западе, то нам это будет всё равно по пути, — тут царевна набрала побольше воздуха и нырнула поглубже в масло, чтобы снова высунуть голову далече от границ Уземфа.

* * *

В крупнейшем небесном святилище Драеладра человеческие шаги отдавались особенно гулким эхом от укрытых многослойной изморозью стен. Помещение будто бы изумлялось приходу человека — и ведь его изумление можно понять. К Дальним Святыням Старых Драконов люди добираются в тех редчайших случаях, когда встречают драконов, готовых их сюда перенести прямо на своей горделивой спине или шее.

Что же до воздушных замков, то их полёты к драеладровому святилищу почему-то не разрешаются. Может, именно ради того, чтобы лишние любопытствующие люди не беспокоили драконов, явившихся побыть наедине с Прародителем.

Увы, нынче как раз тот случай, когда медитирующих паломников-драконов есть кому переполошить гулкими шагами по полу. В святилище просто-таки поселилась провидица Бланш. И поселилась не совсем по своей воле. Просто её принесли к этому небесному острову на мощной драконьей спине, а вовремя не забрали.

Уж скоро месяц, как должны были забрать.

Сложно положение людей в Небесном мировом ярусе. Слишком уж много островков, между которыми широченные пропасти длиною в сутки и недели лёту. Своим ходом никак не доберёшься. А какой у тебя «свой ход» если ты, скажем, двунога, но совершенно бескрыла? Нет уж: только чья-то

доброжелательная спина, только громадный воздушный замок. Да и замок тот кто приводит в движение? Те же драконы, но вчетвером.

Положим, Бланш и сама немного драконица… Но в таких случаях, когда тебя забыли на небесном острове, об этом как-то не к месту заикаться. Да, ты можешь вволю гордиться происхождением из драконьего рода, даже самого славного из драконьих родов — этого у тебя не отнять. Но выглядишь ты при том сугубо по-человечески, а главное, крылышка, ну хоть одного, хоть малюсенького… Крыльев-то ты и лишена.

А ещё лишний месяц в морозном месте, где нет малейшей возможности даже развести простой человеческий костёр — этот месяц не добавляет тебе сил. И твоя гордость — она-то у тебя от драконов, тут иного и не подумаешь — всё же понемногу отступает. И ты понимаешь, что изначальное решение не тревожить покоя крылатых паломников — было наивным и скоропалительным. Святилище-то создано для живых, а ты, того и гляди, отправишься в последнее путешествие. Обидно.

И вот на смену старому решению приходит новое, более взвешенное: попросить о помощи. Ну, или для начала — хоть заявить о своём существовании. Единственному дракону, который, как она думает, ещё не улетел.

Потому-то Бланш и вышла из крохотного придела, посвящённого Кешле, человеческой сестре первого Драеладра. Из того места, где она не могла никому помешать. Из едва тронутой рукой зодсего боковой скальной полости, куда крылатые драконы не прилетят никогда — просто потому, что вряд ли смогут протиснуться.

А теперь идёт по центральной анфиладе святилища нетвёрдым шагом очень замёрзшего человека. Где-то там, далеко впереди, перед центральным алтарём, скрытый от глаз целой семьёй сталактитов — завис дракон. Настоящий, крылатый. Провидица слышала шелест крыльев, когда он туда пролетел — месяца полтора назад, когда Бланш ещё не ожидала того, кто должен её забрать.

Приблизившись к алтарю и задрав голову, Бланш легко узнала дракона, вернее, драконицу, зависшую среди сталактитов, под самым сводом. Гатаматар, Мать-Драконица, известная своей религиозностью. Кто бы ещё провёл в святилище Драеладра полтора месяца!

Встретиться с Великой Матерью Бланш хотелось бы меньше всего. Известно, как она не жалует ни людей, ни человекообразных драконов. Но в таком полузамёрзшем состоянии оттенки отношений теряются. Пусть будет и

Гатаматар, лишь бы сделала милость забрать меня отсюда.

— Великая Мать! — позвала Бланш, так как на гром её шагов драконица не встрепенулась.

— Я вижу тебя, провидица. Чего ты хочешь?

Бланш честно призналась, что замёрзла, что её драконьи силы в человечьем обличии подходят к концу, что нуждается в спасении.

— А кто доставил тебя к святилищу?

— Драеладр. Ныне действующий Драеладр, я хотела сказать.

— И до сих пор не забрал? — Гатаматар под высоким сводом оценивающе склонила голову на длинной шее. — На него не похоже.

Как бы ни относилась Гатаматар к человеческой родне крылатых драконов, но Драеладра она любила. И того, изначального, которому посвящено святилище, и «ныне действующего», как выразилась Бланш. Второго, наверное, любила сильнее.

— Боюсь, как бы что-то у него не случилось, — провидица замороженными пальцами смахнула слезу с ресницы. Слеза с едва слышимым звоном слетела на пол.

— Вот и меня здесь, в святилище, посетило такое странное чувство… — Гатаматар, описывая неширокие круги, стала снижаться. — По-моему, предчувствие катастрофы. Посетило и вновь прошло. — Гатаматар присела на пол неподалёку от Бланш. — Я пыталась его вызвать снова, чтобы определить, откуда мне ждать беды, но чувство так больше и не вернулось… Скажи мне, Бланш, правда ли, что ты умеешь читать будущее по глазам драконов?

Бланш знала, что Гатаматар в курсе, что она это умеет. Но у обеих имелась одна и та же особенность: гордость мешала прямо изложить просьбу, принуждала заходить издалека.

— Да, — ответила Бланш, — я могу посмотреть. Глаза драконов для меня открыты, я вижу в них не только будущее, но также и настоящее, а иной раз и прошлое себя кажет.

Сами же драконы обычно не видят того, о чём рассказывают их глаза. И можно представить, каково им узнавать, что в их глазах что-то есть, но совсем не с той стороны. Не зря и Гатаматар прежде к провидице не обращалась — кому из драконов приятно, когда практически сквозь них какой-то почти человек нечто осознаёт.

— Что ж, посмотри, — велела Гатаматар, — а я тебя за это доставлю туда, где ты обогреешься, — до чего для драконицы важно не быть обязанной!

Гатаматар приблизила к Бланш свою вытянутую морду.

Бланш заглянула в калейдоскопические радужные оболочки её глаз — и без труда отвлеклась от всего, что выступало за границы этих круглых тарелок, в центре которых, словно диковинные весёлые змейки, живо пульсировали щелевидные зрачковые отверстия.

Перед взором провидицы зашуршал-завертелся многоцветный калейдоскоп, складывая всё новые образы из раскалённых от внутреннего света текуче-прекрасных радужных структур. Непостижимые картины одна за другой проносились мимо сознания Бланш. Она не пыталась их задержать, наперёд зная — время понятных для неё картин ещё не приспело.

Когда же ясно видимая фигура сложилась — из белоснежных уголков, устремившикся к центру рождающейся картины, Бланш тотчас уразумела, почему ей пришлось провести в этом святилище целый месяц сверх даты жёсткого испытания, установленный себе ею самой.

— Драеладр! — крикнула она белоснежной фигуре, как только та обрела законченный вид и способность двигаться. Способность, заложенную в картину, но так и не реализованную фигурой.

— Что — Драеладр? — заморгала Гатаматар, сбивая контраст и резкость картинки.

— Он умер, — глухим отмороженным голосом произнесла Бланш.

Что теперь будет?

* * *

Весточка от Кьяра пришла с птичьей почтой. Бедная птица, высоко же ей пришлось подниматься в поисках родной голубятни — на самую вершину Белой горы, где примостился город Ярал.

— Что пишут? — спросила Лулу Марципарина Бианка, когда Эрнестина Кэнэкта развернула шифрованное послание.

Дело происходило в рабочем кабинете разведчицы, который, впрочем, служил ей заодно и гостиной. Ох и трудно бывало порой Эрнестиине развести деловую и личную жизнь. Казалось бы, зачем, если в труднодоступном Ярале живут и с тобой общаются только свои. Здесь ведь с полгорода проработало под твоим началом.

— Кьяр хвастается, что заткнул за пояс других саламинских пиратов, — ответила разведчица, ещё ничего не успев прочитать. Беглое чтение шифровки в число её умений покуда не вошло. Лишь по длине письма и размеренному почерку можно было

догадаться, что там, у Кьяра, ситуация достаточно спокойная.

— А зачем ему затыкать их за пояс?

— Я приказала, — Кэнэкта внутренне усмехнулась.

— Понимаю: государственный секрет, — поджала губы Марципарина.

— Не такой уже и секрет. И от тебя я даже настоящих секретов не прячу, — вздохнула Кэнэкта. — Если не скучно, слушай. Море Ксеркса для нас важно. Там ведь Адовадаи, Саламин, Лопволарое… Пока эти порты враждуют с некрократией, Владыка Смерти на Эузу войной не пойдёт. Вот мои люди и заняты, считай, единственным делом: выявляют по побережью мертвецких шпионов, чтоб им ржавый якорь в набальзамированную задницу!

— Что за якорь?

— Не принимай близко к сердцу. Мои люди как пообтираются среди морских пиратов, так нанесут от них выражений и похлеще, то-то и у меня стало проскакивать. А с пиратами штука такая: эти ребята в море Ксеркса сегодня держат четыре портовых города: Саламин наш, Саламин заморский, потом Южный Утёс и Разбойничий Клык. А кто командует, например, Саламином, того слушают и в Адовадаи, понимаешь?

Марципарина кивнула, словно и впрямь понимала. Кэнэкте пришлось продолжить:

— Вот и получается, что влияние на пиратов — ключ ко всему морю. А ключи к нему я подбирала не год, и не два. Мои люди зарабатывали репутацию. У пиратов она — известно какая. В том для людей опасность. Этак ведь можно совсем заиграться, набраться разбойничими ухватками — вот как Бабозо — да и забыть о главных делах. К счастью, их умеет сдержать Кьяр. Он лучший. Он сам никогда не забывается и другим не даёт…

И верно, что бы Кэнэкта делала без Кьяра? Наверное, так и прикидывалась трактирщицей из Адовадаи, надеясь по пьяному бормотанию отличить морского разбойника от простого матроса — при том, что граница меж ними прерывиста и текуча.

— Я слышала, Кьяр выбился в главные пиратские капитаны? — сказала Марципарина.

Ещё бы не слышать! Кьяр таки выбился в главные пиратские капитаны и прогремел со своими тремя кораблями на целое море Ксеркса. Ленивый не слышал баек о вежливом пирате, да и тот, скорее всего, просто шутит.

— Кьяр не просто вошёл в число главарей, — отметила Кэнэкта самое главное, — он повлиял на пиратский кодекс. При нём саламинские головорезы перестали нападать на честных живых торговцев. Это он убедил «приятелей», что живых трогать

не выгодно. Если у торговца не достаёт денег даже на посмертие, что с него можно взять в опасном морском набеге, кроме парочки кошельковых вшей? А вот как скопит состояньице, заплывёт жирком — тогда бы его и брать. Как увидишь торговца с набальзамированной харей — то будет верный признак: уже пора.

Кстати, поразительно, до чего быстро перенимают люди внешние повадки и целые образы действия мастеров, успешных в своём ремесле. Кьяр показал, как подходит морскому разбойнику обаяние вежливости — так тут же нашлось несколько эпигонов. Кьяр стал грабить одних мертвецов да их прихвостней — и другие тут же уяснили, что трясти копилки некрократии выгоднее всего. Кьяр чихнёт — и то воспроизведут в деталях.

— Но не случится ли так, что мёртвые просто перестанут плавать по морю? Если так, то кого он возьмёт на аборжаж?

Кэнэкта весело расхохоталось:

— Если мёртвые покинут море, это будет гораздо больше, чем я могла надеяться изначально. Только мёртвые тоже не дураки, море Ксеркса им стратегически важно, поэтому они станут молча терпеть убытки. Только бы не уйти, ведь потом их обратно не пустят! А ещё та сторона пытается перенимать наши методы, — Кэнэкта и не хотела, но допустила в голос некую ревнивую гордость, — и вот представь: во втором, заморском Саламине появляется молодчик, многим похожий на Кьяра — кроме одного: тот мертвецов уважает, не трогает, расшаркивается при случайной встрече. И расправляется — только с живыми торговцами. Между прочим, с особой жестокостью. — Кэнэкта припомнила образцы той жестокости, скривилась в презрительной усмешке. — И у этого «второго Кьяра» тоже нашлись почитатели, подражатели, всё, как у нас. И тут уж заглавным вопросом получается «кто кого», и дело доходит до смертельного поединка.

— Два пирата дрались на дуэли? — встрепенулась Марципарина. — из-за нравственных принципов?

— Ну, не совсем так. Дуэль у них вышла особая — на кораблях, с усиленными абордажными командами. А что до «нравственных принципов», то нигде в мотивировке битвы таковые никак не звучали. Два корабля с капитанами во главе повздорили из-за влияния на Южные острова — такое пиратам куда понятнее. Так вот, — разведчица не сдержала гордости, — наш Кьяр победил, жестокого соперника и всю его команду благополучно обезглавил — и что оказалось? На том корабле все поголовно, даже сопливый юнга, были накануне произведены в мертвецы. Представляешь? К счастью, это им ничуть не помогло. Посмертие, знаешь ли, приучает к беспечности. А взмах

абордажной сабли сносит мёртвую голову с тем же успехом, что и живую!

На том Эрнестина Кэнэкта сочла свой обещанный Марципарине рассказ завершённым и вновь, но уже с усилием, по складам, принялась разбирать кьяровскую шифровку.

— Фу ты зараза! — вырвалось у неё.

— Что-то не так? — спросила Марципарина. — Кьяру не достались положенные Южные острова?

— Да нет, он их контролирует, — отозвалась Эрнестина, — просто вокруг, говорит, снова шныряют прихвостни мертвецов. Что-то у него назревает.

* * *

А ведь Лулу Марципарина заходила к Эрнестине Кэнэкте поделиться новостью. Она беременна — что ж, об этом разведчица уже в курсе. А того не знает, что юной матери сказал Бларп Эйуой.

— Кого мне ждать, как ты думаешь? — спросила она его.

А, спрашивая, думала лишь о том, кто в животике сидит: мальчик или девочка. И никак не ожидала такого вот ответа Бларпа:

— Одного из двух: либо человека, либо дракона.

— Дракона? — опешила женщина. — Настоящего, с крыльями?

— Да, — с необычной мягкостью произнёс Бларп, — и, зная, что старый Драеладр умер, а замены ему нет, я думаю, что крылатый дракон даже более вероятен. Поэтому если снесёшь яйцо — тёплое, с кожистой стенкой — пожалуйста, не пугайся. Нас, человекообразных драконов, развелось уже слишком много. Пора и крылатой братии пополняться. В нашем драконьем клане сейчас ожидают прихода в мир нового Драеладра.

Лулу Марципарина тот разговор целый день взвешивала и пришла к мысли, что Бларпу Эйуою она искренне благодарна за предупреждение.

Благодарность. А что под нею?

Радость? Понятное чувство для будущей роженицы. Интерес? Жутко интересно, кто же родится. Ну, или вылупится. Теплота и забота ко всякому, кто появится. Всё это есть, и полностью оправдано её положением.

Но только где-то рядом притаилась тревога. Оснований для неё, вроде, и не видно, но сама-то она есть! И о чём-то хочет Марципарине сказать.

Молчи, тревога, молчи. Позже поговорим, позже!

Глава 2. Кто на новенького?

Складывая на лету могучие крылья, Гатаматар величаво вплыла в широкий зев Центральной пещеры Небесного дворца и мягко снизилась к престольному ложу, щедро посыпанному изысканной обсидиановой крошкой. Зайти на посадку так, чтобы ни один камешек не шелохнулся — счастливая прерогатива высших драконов.

Четверо советниц по правое крыло напустили на себя торжественный вид, пятеро воспитанников по левое крыло приняли почтительные позы, как и надлежит в присутствии драконицы-матери. Все позы выверены временем, исполнены древнего скромного изящества. В прошлые дни Гатаматар подолгу наслаждалась ритуальными формами почитания со стороны домочадцев. Но не сегодня.

— Я жду новостей, — драконица сразу перешла к делу.

Гатаматар странствовала, и странствовала далеко, к Святыням Старых Драконов, потому к вестям из ближних небес прислушалась с любопытством.

— Знаете ли вы, о Великая, что Драеладр умер? — спросил отливающий синевой Ардарег, старший из воспитанников.

— Да, знаю, — Гатаматар откинулась на ложе, — я почувствовала миг ухода, находясь в его собственном святилище.

— А знаете, что учудили люди? — прежде своей очереди воскликнул несдержанный Мадротор. — Как только Драеладр умер, небеса были немедленно прокляты!

— Кем прокляты? — переспросила Гатаматар.

— Кем-то… Людьми.

Гатаматар обернулась к советницам:

— Кто-то мне даст более точные сведения?

Внимательная драконица Хинофатар склонила длинную шею:

— В Ярале по халатности либо из-за предательства в небеса пропустили злонамеренного мертвеца.

— В Ярале были мертвецы? Да, кажется я об одном помню. Посланник Смерти по имени Чичеро — это сделал он?

— Нет, — покачала шеей Хинофатар, — тот Чичеро по общему решению был заточён в сундук, где и сейчас находится. Речь о другом мертвеце. Его приняли на борт воздушного замка под Адовадаи в составе отряда охотников.

— Охотников? Зачем?

— Охотников наняли для защиты умирающего Драеладра от небесных падальщиков, — пояснила Хинофатар, — этих отвратительных тварей в его императорском приюте развелось

слишком много, яральцы сами не справлялись.

— Развелось много падальщиков? — нахмурилась Гатаматар. — Уже и это неспроста. Раз Драеладр подобное допустил, значит, он утратил силу задолго до смерти. Не лучшее поведение для главного дракона. — Гатаматар пыхнула горячим паром. — Уходить надо вовремя!

Красиво сказала. Хотя… По правде говоря, Мать-Драконица сердилась на Драеладра не только за то, что он неправильно умер, но и просто за то, что умер. А «вовремя-невовремя»… Можно подумать, она сама вовремя ушла! Но храбрится.

— У Драеладра был украден камень, который давал ему силу, — привычно пояснила Хинофатар, — да вы же знаете, Великая Мать.

Гатаматар пропустила реплику мимо ушей. Если Хинофатар, знает, что Великая Мать знает, зачем воздух сотрясать?

Сама Гатаматар о спокойном воздухе заботится. Поэтому она не будет спрашивать, как идут поиски камня. И так ведь ясно, что потуги растяпы Бларобатара ни к чему не привели. Только и добился несчастный, что освободил от пленения в замке Глюм безымянного серого дракона — истинного виновника кражи. А может, они с изгоем даже заранее сговорились, кто знает? А коли не знаешь, то и говорить не о чем.

Но о другом поговорить самое время:

— И мертвецов в небесах тоже слишком много развелось. Двое — это ведь намного больше, чем надо.

— Их число уже меньше двух, — уточнила Хинофатар, — дело в том, что первый мертвец уже убил второго.

— Мертвец мертвеца? — снова вклинился неуравновешенный Мадротор, ёрзая на месте, — не верю этому. Да и как мог посланник Чичеро дотянуться до того шпиона-некроманта? Из сундука, что ли?

— Именно сундуком он того некроманта и прихлопнул, — уточнила Хинофатар с почти человеческим смешком. — Можно сказать, спас наш мир, такой уязвимый после смерти Драеладра.

— Дожили! — бросила Гатаматар в известном раздражении. — Мир благородных драконов спасает мертвец. Спасибо мертвецу!

Советница хотела ещё что-то добавить, но Гатаматар покачиванием головы дала понять, что продолжения не хочет. Когда любишь оставлять за собой последнее слово, а тебе то и дело пытаются ответить, поневоле растянешь разговор надольше, чем он того заслуживает.

* * *

До конца светового дня Гатаматар поучала воспитанников, а у советниц ничего не спрашивала. Поучать для Матери-Драконицы привычное занятие, оно давно уже не требует от неё погружения и присутствия. Все поучения когда-то уже были произнесены, абсолютно надёжная драконья память их прекрасно сохранила, так зачем же сочинять что-то заведомо лишнее, когда слова вековой давности блестят, как новенькие.

Пусть блестят и далее сквозь века.

Пока кого-то чему-то привычно поучаешь, имеешь достаточно времени, чтобы подумать о главном. А смерть старика Драеладра, конечно, главнее даже его славной жизни. Не всякое несчастье достойно размышлений, но есть особые беды с непредсказуемыми последствиями для всей расы драконов. Они-то и требуют вмешательства Гатаматар, А пока Драеладр был ещё жив, Гатаматар могла ни о чём не тревожиться.

Ибо кто такая Мать-Драконица при живом Драеладре? Её титул из тех, которые лишь звучат громко, а власти особенной не дают. Забота о подрастающем поколении — вот круг занятий Гатаматар, пока главный дракон занимает своё верховное место. И так повелось издавна.

Но в тревожно-мучительные периоды пересменки заботы Великой Матери прирастают, теперь они должны охватить весь драконий род. Ровно весь, и ни одним летуном меньше. Благо, Гатаматар очень древняя драконица и является родной праматерью для большинства ныне здравствующих собратов по крылатой расе.

Когда-то, когда ныне умерший Драеладр только готовился к тому, чтобы занять пост своего предка, Гатаматар уже вошла в возраст преклонный даже по драконическим меркам. И свою роль она тогда выполнила с блеском и уверенной силой. Всем, кому надо, растолковала, что династия Драеладров не прервётся, а значит в соседних драконьих кланах некого обнадёживать.

Благо, в тот раз предшественник позаботился о преемнике. Предугадывая год ухода, он провёл ночь любви с последней из своих супруг, а после, над кладкой яиц, стого-настрого наказал для самого сильного из помёта имени не приискивать. Что означало: «Быть ему Драеладром — сразу после моей смерти».

Предшедственник в предсказании своей смерти на пару лет ошибся, а преемнику пришлось целых два года провести без имени, в терпеливом ожидании. Зато к моменту наречения имени он превратился в сильного и рослого молодого дракона, способного каждому делом доказать, кто здесь Драеладр. Ну, и не мудрено, что спорщиков не нашлось.

Но вот Драеладр умер. Теперь спорщики, кажется, появятся.

Имеют неплохой шанс.

В мудрых поучениях и беспокойных мыслях Гатаматар не заметила, как заснула. Проснувшись же поутру, обнаружила, что по левое крыло от её обсидиановой лежанки расположились далеко не пятеро воспитанников, а не менее трёх десятков. Здесь были и те, кого она не видывала последние пару двенадцатилетий, но вовсе лишних драконов явиться не посмело. Только воспитанники — пусть и давние, но не бывшие. Ибо бывших воспитанников не бывает.

Давненько у поучений Гатаматар не находилось настолько обширной аудитории. Неужели она права во вчерашних предсказаниях, и сегодня её послушать явились те самые спорщики, которые питают надежду встать во главе драконической расы.

Драконица-Мать окинула ряды воспитанников. Нет спору, среди них есть очень достойные драконы. Есть и такие, которые немногим младше самого Драеладра — этим-то как раз ничего и не светит, но зато как раз они и знамениты самыми громкими свершениями. Наверное, будут поддерживать молодёжь своих кланов.

— Великая Мать, — попросил Динофатар, один из младших предводителей клана Горпогурфа, — расскажите же нам, каков из себя был Драеладр?

— Надеешься узнать себя в его портрете? — пошутила Гатаматар, покамест не выказывая раздражения его простотой.

Кстати сказать, недавно умерший Драеладр был очень непрост. Его свершений хватило бы и на нескольких драконов. Это ведь он вовремя поддержал Восточно-Человеческую империю и сумел надолго, почти до сегодняшнего дня, остановить экспансию мертвецов на Средний мировой ярус. За полсотни лет те события обросли легендами, многих участников не стало, но Великая Мать жива. Хорошо, что драконья память не слабеет с годами, вот и у Гатаматар воспоминания живы, точно всё происходило вчера. Такое ведь воистину хочется помнить!

Да что там помнить — и воспитанникам можно рассказать! Пусть слушают и не говорят потом, будто не слышали:

— Многим был славен наш Драеладр, но громкая слава пришла к нему в тот год…

Ох уж и год выдался! Год, когда подземельные мертвецы показали своё лицо, когда мягкое владычество Мёртвого Престола сменилось чередой военных захватов и неудержимым движением Порога Смерти. Люди в страхе от увиденного в мёртвых глазах вели себя безрассудно.

Живые властители пытались противостоять, наскоро

организовали четыре человеческих империи, но что они могли противопоставить? Империи разлетались, как домики из костяшек кадуанского домино. Где подкуп самих властителей, где предательство, где подозрения союзников и вассалов позволили Владыке Смерти справиться с тремя империями из четырёх. Восточно-Человеческая ещё стояла. Собранная под началом Эузы.

Но крепко ли она стояла, да и стояла ли? Увы, мертвецкие шпионы проникли и туда. Предательство прислуги, подкуп военачальников, очень вовремя раздутые дрязги между эузской знатью — всё пошло в ход, чтобы опрокинуть империю одним точным ударом. Яд в прохладительном напитке, поданном посреди жаркого спора на военном совете в душный предгрозовой день. Одна изящная «операция» — и ни император, ни самые преданные союзники, ни лучшие имперские полководцы интересам Владыки Смерти больше не угрожают. А «чудом уцелело» лишь трое военачальников, которые не стали утолять жажду по мотивам, известным лишь им самим.

Другие империи от подобного падали. Но не Восточно-Человеческая, сформированная на основе царства Эуза. В Эузе жизнь государя никогда не была предметом гласности. Многие даже не знают, каков их царь из себя, и не то, чтобы по глупости. Слишком уж Эуза велика, слишком огромны расстояния, которые приходится преодолеть любой вести. Поэтому и слух, что царь-де отравлен, если и разошёлся, то не слишком широко, да и мало чем отличался от других слухов наподобие: что царь проиграл свою новую империю в домино, а потом отыгрался; что к царю приходил с повинной Владыка Смерти, низко кланялся, лобызал царские ноги через сапоги, а у царя потом со ступней три недели волдыри не сходили; что царь поспорил с Владыкой Смерти, кто кого перепьёт, а тот Владыка в процессе спора возьми да и окочурься…

И был у царя двойник — довольно недалёкий парнишка, да и не больно похожий на царя, к тому же, но чтобы на людях появляться вполне годился. Как покажется парнишка в царском платье, народ и уверен, что всё с государем-императором благополучно. Иностранным послам — тем тоже говорили, что парнишка — это и есить царь, а что не похож — так это особая магическая завеса узнать его мешает. В общем, имея в резерве дурака в царском платье, можно было хоть полвека утверждать, что царь жив. Если бы не Владыка Смерти, который уже привёл в движение верные себе войска.

Но ещё одного не учёл Владыка Смерти, когда подсылал убийц отравить последнего живого императора. На том самом военном совете присутствовал и дракон Драеладр. Правда,

поскольку не помещался в человеческих помещениях, то летал снаружи дворца, через распахнутые окна зала более-менее сносно слышал всё, что говорилось, а сам при желании мог изложить царю свою точку зрения через специально приставленного человека-толмача.

Когда отравленные участники совета почувствовали себя дурно, ситуацией попытались овладеть трое военачальников. По горячим следам учинили следствие, послали за подавальщиками прохладительных напитков, но те — все пятнадцать — лежали уже на кухне, кем-то зарезанные. Тогда военачальники, изображая дотошных дознавателей, принялись допрашивать дворцовую охрану и оставшихся слуг. Никаких зацепок не получили, только и дождались, что их несчастливые коллеги стали один за другим умирать. Дворцовый лекарь в недоумении разводил руками: с подобным ядом он сталкивался впервые и не знал, чем его обезвредить. Мертвецкие яды, созданные бальзамировщиками, живым аптекарям не особо знакомы — на то хитрые убийцы и рассчитывали.

Живой император был ещё жив, когда в игру вступил не учтённый владыкиными посланцами дракон. Как существо, наделённое особой чувствительностью к фальши, он распознал наигранность в интонациях троих бдительных следователей и указал на неё царю и начальнику дворцовой стражи. Разоблачённые военачальники схватились за мечи, большая часть стражи тоже к ним присоединилась. Но заговорщики не учли, что широкие окна зала распахнуты, а за окнами — дракон.

Драеладр не ворвался в зал, он попросту несколько раз просунул голову на длинной драконьей шее в три гостеприимных окна, но и того оказалось достаточно, чтобы определить исход битвы. В зале нашлось немного уголков, недоступных из окон. Заговорщики были биты…

— Простие, Великая Мать, — перебил её рассказ один из воспитанников, тёмнокрылый Куркнарт, — но вы эти события так живо нам расписываете, словно сами в них принимали участие.

Гатаматар лёгким облачком выпустила пар из ноздрей. Человек — тот бы в подобном состоянии покраснел, но драконы-то не краснеют, даже если ненароком пойманы на слове. Что сказать?

— Да, я тоже там была, — призналась Гатаматар, — летала поблизости.

— Но зачем? — это спросил уже красный Мадротор.

— Драеладр в ту пору был хоть и велик, но совсем молод, — Великая Мать улыбнулась, — не могла же я отпустить его одного на столь важный военный совет!

* * *

Молод ли был Драеладр полвека назад? Для Великой Матери — конечно же, а так — наверное, нет. По драконьим меркам молодость не длится дольше трёхсот лет, а белоснежному дракону тогда исполнилось намного больше. Но ведь воспитанники спрашивают её, Мать-Драконицу, а для неё всякий воспитанник остаётся юношей. Даже на смертном одре.

Уж так получается, может, от преклонных лет Гатаматар, что, собираясь подумать о будущем, она тем не менее с упорством ударяется в воспоминания о делах прошедших.

Смерть Драеладра — достаточный рубеж, чтобы идти от него только вперёд, к непростому решению вопроса о воспреемнике. Как-никак, три драконьих клана — Рооретрала, Горпогурфа и Ореолора — могут оспорить заглавное место, которое Драеладры занимали ещё с легендарных времён. С легенды о находившейся в бездне под скалой Глюм жемчужины «Лунный Пламень», об очарованной её светом цанцкой царевны Эллы, о герое Ашогеорне, которому первый Драеладр уступил в честном поединке.

Но в том же легендарном своде даны и причины возвышения Драеладра. Ведь это он расколдовал основателей других кланов. Если бы не он, Рооретрал бы до сих пор злобно хохотал, Ореолор жил во сне, а Горпогурф испытывал все тяготы порабощения разума.

Однако… Что же за напасть такая? Гатаматар вновь себе удивилась: она ведь поставила себе ясную цель: думать о будущем, планировать дальнейшие действия, а вместо того ещё глубже ушла в минувшее — аж до самой легендарной эпохи.

Впрочем, легенды повествуют не о прошлом, они — навсегда. Потому в решении мало-мальски важных вопросов обращение к ним неизбежно. Но и тут не всё так просто: из множества случаев обращения к легендам для решения важных вопросов опять-таки складывается история…

— А что, Великая Мать, — спросил юный Куркнарт, — даже после того, как мне присягнут на верность драконьи кланы, вы по-прежнему станете меня опекать? Как и Драеладра? — в голосе обида, но и уверенность, что на месте почившего царя драконов окажется именно он.

С чего бы Куркнарту так думать? Да, он принадлежит к драеладровому клану, он самый младший из вылупившихся драконов этого клана. Власть передаётся младшему, всё верно. Вот только с именем «Куркнарт» главным драконом никогда не станешь, потому что это слабое имя.

Как и стоило ожидать, Куркнарта подняли на смех:

— Тебе? На верность? Наши драконьи кланы? — Мадротор веселился с известным оттенком злорадства.

— А кто мне откажется присягнуть? Ты?

— Ладно, — посерьёзнел Мадротор, — шутки в сторону. Посмеялись, и будет. Всем ясно, что следующего правителя будут звать «Мадротор». Куркнарту его бестактность, допущенную по малолетству, я, так и быть, прощу. Кстати, Великая Мать, скажите, когда мне будут присягать? Хочется быть готовым к столь торжественной дате.

Гатаматар опешила, Куркнарт же взвился:

— Тебе? Присягать? Да как ты смеешь?! Ты же даже не из клана Драеладра, самозванец!

— Будет смена династии, малютка! — с издевкой процедил Мадротор. — Ты не знал? Но это не избавит тебя от трёпки: встретимся под Ледяной скалой…

Старшие драконы заволновались.

Дольше молчать Гатаматар не молгла и не хотела. Она призвала юных наглецов к порядку, почти силой вернула им те почтительные позы, в которых они её встретили. Позы облагораживают, эту истину Гатаматар затвердила ещё с собственного детства.

По сути же претензий обоих горе-кандидатов сказала прямо: шансы у обоих ничтожны. Да, Куркнарт младший в разветвлённом роду Драеладра. И да, Мадротор представляет целых два рода: Ореолора и Рооретрала, поскольку и был зачат в одной из попыток этих кланов породниться. Но имена! У обоих слабые имена, с которыми многое им не светит. А именем дракон, как известно, пренебрегать не может.

Восстановив порядок, Мать-Драконица вновь обратилась к поучениям. Говорила о том, каким дракону надлежит быть, а каким — не обязательно, но желательно, напоминала и об основных способах закалки драконьего характера, таких как совершенствование в никому не нужном деле (воспитывает независимость), доведение дела до конца (воспитывает настойчивость), не доведение дела до конца (воспитывает способность к переключению внимания).

Но, как ни приятны часы, проведенные в наставлениях молодёжи, всё же и новым обязанностям, появившимся у Гатаматар со смертью Драеладра, приходится уделять время и силы. Мать-Драконица должна созвать Совет Старейшин. То есть, отправить своих советниц во все стороны Неба: кого налево, кого направо, кого налево вверх, кого налево вниз… И если начистоту, нет у Гатаматар стольких советниц. Придётся полномочия

советниц передавать воспитанникам, а ведь не к каждому Старейшине такого «полномочного воспитанника» пошлёшь. Некоторые ни с кем, кроме первой советницы и говорить не пожелают.

Сложный они народец, эти Старейшины.

Да и не каждого сразу найдёшь. Одно дело — главы крупных драконьих кланов. Эти узнают о Совете и без помощи Гатаматар, послать к ним советницу — просто дань уважения. Но многие Старнйшины ведут отшельнический образ жизни, специально забираются подальше, чтобы их не тревожили, а перед тем, как разыскать, подумали не дважды и не трижды.

Будь у Драеладра заранее известный наследник, сам сбор Совета обратился бы в пустую формальность, когда дело Старейшин — подтвердить известное и без них. Но если подходящего продолжателя династии в клане Драеладра не сыскалось, то Старейшинам придётся выбирать самого достойного из нескольких кандидатур, предложенных разными кланами. Ибо, как сгоряча, но неспроста брякнул Мадротор, ожидается смена династии. То есть, грядёт смутное время свободного соперничества за верховную власть.

А конкуренция за власть — она, если честно, одних лишь мертвецов и красит. Да и тех — только в собственных мёртвых глазах. У драконов же вовлечённость в мертвецкий тип отношений легко перерастает в неутолимый саморазрушительный азарт.

У Мадротора и Куркнарта, которые уже сейчас так смешно, по-ребячески, схлестнулись, азарт не достигнет опасного накала — просто потому, что собственная родня им доходчиво объяснит беспочвенность претензий. Но те намного более достойные драконы, на которых возложат свои надежды кланы — этим из азартного состояния не будет выхода, кроме победы да погибели в самоубийственной череде поединков.

Глупо? Ещё бы не глупо! Погибнет весь цвет драконьей расы, кроме единственного «цветка», приглянувшегося Старейшинам. Да и тот, коли разобраться, будет в чём-то гораздо слабее и несовершеннее Драеладра — просто по свойствам своего имени.

— Хинофатар! — позвала Мать-Драконица старшую советницу. — Запоминай свой маршрут. Сперва к Большому гнезду клана Рооретрала, затем к островам кланов Ореолора и Горпогурфа. Затем — к пяти самым гордым из наших отшельников: Сармахатару, Трембараскару, Ифродору, Гаркамадару, Уркегеру… Да, я понимаю, что к ним лететь далеко, что к каждому — в свою сторону. Но каждый из них знает в лицо мою первую советницу и вторую просто не примет. Что ещё?

— Великая Мать, — осторожно произнесла Хинофатар, не кажется ли вам, что и клан Драеладра известить о Совете тоже надлежит мне?

— Пожалуй, — вздохнула Гатаматар. — И всё же сначала слетай к Рооретралу, Ореолору и Горпогурфу. У этих кланов в наличии их истинные главы, тогда как у Драеладра — пока временный заместитель. Если узнают, что ты главам сильнейших кланов предпочла заместителя — явятся на Совет в тяжелейшей обиде. А узнать-то не мудрено, — Гатаматар покосилась на фигурки своих воспитанников, застывших в позах почтительного внимания. Даже среди них кланы Рооретрала, Ореолора и Горпогурфа были богато представлены.

Значит, и об инструктаже первой советницы большинство кланов будет извещено прежде, чем та к ним долетит. И, хотя Гатаматар и в мыслях не имеет заискивать перед первыми родами, всё-таки важно, что лишнего напряжения в ожидающийся сложный период она своими действиями не создаёт. Мать она, или не Мать? А матерям мир особенно важен.

Что ещё любопытно: не успели вестницы разлетесься по адресам Старейшин, как к самой Гатаматар явились посланники от Рооретрала, Ореолора и Горпогурфа. Все втроём, синхронно, как сговорились. И с однотипными просьбами: каждый из глав трёх важнейших кланов испрашивал позволения полетать с Великой Матерью наедине для тайной беседы.

Три беседы, все глубоко засекречены. Только в свете смерти Драеладра всем и так заранее известно, что за тайны имелись в виду.

— Я не стану отказывать в беседе никому из ваших кланов, — сказала Гатаматар, — но предлагаю на чудеса не надеяться. Пусть я тоже вхожу в Совет, но ведь не я на Совете главная. О чём бы со мною не поговорили, я не смогу и не буду ни на что влиять.

— Рооретрал вовсе не питает иллюзорных надежд, о Великая Мать, — заверил её первый гонец. Второй и третий, соответственно, подтвердили, что и Ореолор с Горпогурфом также не надеются ни на какие сомнительные иллюзии. У них и в мыслях нет даже склонять саму Гатаматар к какому-либо решению, не то что упрашивать повлиять на Совет.

Великая Мать со вздохом выслушала все прозвучавшие в речи гонцов дипломатические формулы. И без того понятно, что простодушных драконов, которые с ходу признаются в честолюбивых намерениях своих кланов — таких к ней с подобной миссией не пришлют. А тем более — в публичное место, откуда Рооретрал, Ореолор и Горпогурф планируют её выманить для более откровенных бесед.

— Что ж, если пославшим вас охота тратить время на беседы, не преследующие иллюзорных целей — извольте, — пожала сложенными крыльями Гатаматар. — Совет соберётся ещё нескоро, времени у меня предостаточно, можно побеседовать и просто так, для развлечения.

* * *

Развлечение вышло напряжённым. И тяжелее всего далась Гатаматар развлекательная беседа с Рооретралом. Кажется, отвечая на вопиющее отсутствие иллюзорных целей, Мать-Драконица не удержалась в тех дипломатичных границах, которые для себя провела.

Ну что ж: Рооретрал первый начал, сам спровоцировал раздосадовавший его ответ, сам же принял его близко к сердцу, сам не удержал возмущённых слов. И только тогда Гатаматар сказала по-настоящему злые слова. Рядовые драконы с небогатой фантазией из-за подобных слов устраивают поединки, но не станет же глава одного из крупнейших кланов биться с самой Великой Матерью. Впрочем, оскорбление без свидетелей оставляет дракону выбор, оскорбляться ли. От Матери-Драконицы брань и похлеще можно принять в качестве доброго поучения.

Ореолор и Горпогурф повели себя терпеливее, уж их-то Великой Матери, по крайней мере, не понадобилось оскорблять. Но раздосадовать пришлось, не без того. Как и предчувствовала Гатаматар, каждый клан уже завёл претендента, имени которого не называл, но готовился выставить в подходящий момент со всем чудовищным драконьим азартом.

Что ж, так тому и быть. Гатаматар свои советы произнесла. Всё, что нашла своевременным и уместным. Остальное, наверное, тоже без толку, скажет уже на Совете.

Переговоры наедине с главами трёх кланов заняли целый день. По возвращении в Небесный дворец Гатаматар обнаружила, что воспитанников у неё в Центральной пещере стало ещё больше. Вдвое от прежнего. И вели они себя несколько необычно. Что-то новое, какая-то странная черта…

Ах да, каждый из воспитанников — и нынешний, и давний, не суть важно — старательно обращал на себя внимание Матери-Драконицы. Как бы говорил: погляди на меня, Великая Мать! Чем я не новый Драеладр? Ты ведь любишь меня, Великая Мать, ты всех своих воспитанников любишь. Любила Драеладра, любишь меня, а теперь, будь любезна, расскажи на Совете Старейшин, как сильно ты меня любишь. Ведь не меньше, чем покойного

Драеладра, правда же? А раз любишь, то, уж верно, разглядела и самые потаённые мои достоинства, которые мне самому на ум не приходят. Будь добра, Великая Мать, опиши эти достоинства на Совете! Пусть Старейшины задумаются, пусть хотя бы допустят мысль, что я не хуже Драеладра, а может, чем-то и лучше. Ну, хоть тем, что Драеладр уже умер, а я, видите, ещё живой, готовый к скромному выполнению его роли — и в целом пока неплохо себя чувствую.

Поучать воспитанников, которые выпячивают самих себя и самими же собою любуются — неблагодарное всё-таки занятие. Гатаматар думала расслабиться после трёх напряжённых полётов наедине, но вышло с точностью до наоборот: напряглась ещё больше.

С трудом доведя до логической середины поучение о чувстве справедливости у драконов, Гатаматар подвесила паузу, которую воспитанники не решались нарушить добрый час.

Наконец хоть кто-то в задних рядах собрался с духом, чтобы озвучить скрытую цель своего прихода к Воспитательнице:

— А всё-таки, Великая Мать, кого из нас вы видите в роли преемника Драеладра? — спросил пожилой крылатый Бастохатор.

— Я подумаю, — пообещала Мать-Драконица.

Глава 3. Дорога привела к храму

Барельеф острозубого ангела на входе был чудо как хорош. Но стоило шагнуть, благостное впечатление мигом развеялось.

— О, желтомазая явилась! — зашелестели старческие смешки по углам кафедрального собора во имя Вечнотраурной Смерти.

И охота же дряхлым чернильницам языки чесать! Словечко какое нашли — «желтомазая»… Да не будь царевна Оксоляна выше всяких мелочных дрязг, уж она бы им так ответила, что захлопнули бы свои жалкие пастишки да язычата зубьями поприкусывали, а слово «желтомазая» запихнули далеко в свои призрачные шкатулки, туда его, поглубже, к теням их собачьим — неловким, хилым да мешковатым!..

Злющие чернильницы завидуют — оно и дурочке понятно. Уж больно сами они несвежи. Мертвечихи, опоздавшие умереть, не прощают свежести чужого раннего посмертия. Им только бы побольнее уколоть соперницу, вот и цепляются к второстепенным деталям. Ну, «желтомазая», и что?

Можно подумать, особо модный в этом году оттенок «кровь с молоком» кого-то из насмешниц украсил! Так ведь любому ясно, что внутри мертвецов не бывает ни крови, ни молока, только бальзамы с красителями, зачем же своим внешним видом так очевидно врать?

Конечно, и Оксоляна с лимонным цветом кожи перемудрила — он очень на любителя, но за вычетом этой особенности уземфская царевна выглядела весьма хорошенькой мертвечихой. Подобранный в тон бледный цвет волос, сизые тени, малиновые румяна, массивные бирюзовые серьги и нежно-купоросное платье с ярко-рыжими выточками под чуть зауженным лифом, право же, исправляют картину. Ведь чудо как хороша!

Ах, ну да, платье, выбранное ею по приезде в Циг — не из самых скромных, но скажите на милость, кого в этом мире украшает скромность? Одних чернильниц и украшает. А если ты — само очарование, то позволено тебе намного больше. Ведь так?

Ну, не совсем так. Чернильницы позволять не хотят — что ж, они такие. К ним бы надеть коралловое платье, оно поспокойнее. Однако в коралловом её уже видели, наденешь второй раз — будут хихикать над нищей царевной. И так цвет лица им не модный, а тут и платье бы им за месяц устарело.

Да, скалятся всё равно. Но если к тому же тебе важно именно броситься в глаза? Не остаться незамеченной беглянкой из провинциальной восточной земли, а обеспечить себе признание и поддержку, чтобы в самом скором времени, пока не истаяли

прихваченные в оазисе Гур-Гулуз фамильные драгоценности, подготовить своё триумфальное возвращение в неблагодарный Уземф… Тогда тебе подойдёт далеко не всякое из здешних правил поведения для молодых женщин.

В чём Оксоляна сегодня поскромничала — так это не стала привлекать к себе внимания нарочито бестактным поведением. Незачем, когда всё это и так за тебя выполняет яркое платье. Да и уземфское воспитание не спрячешь: не готовят там царевен к западному непринуждённому стилю светского времяпрепровождения. Чуть перестараешься — будешь выглядеть, как дура провинциальная, и от этого позора сама же и оробеешь.

В общем, Оксоляна не стала подниматься на хоры по парадной лестнице собора, как положено полномочным представителям своей земли («…не сегодня; ещё представится случай», — решила про себя), а чинно выстояла в очереди на неприметную винтовую лестницу сбоку, какой и пользовались почти все присутствующие на службе. Пока стояла, напоказ рассматривала причудливый орнамент на тяжёлом траурном своде, как бы говоря: «Я не стесняюсь показать, что я здесь впервые, но я зато тонкая ценительница красоты, примите сие к сведению, будьте любезны!».

И, кстати, в орнаменте ей открылось много неожиданного. Поверженные мёртвой дланью деревья Буцегу, развёрнутые корнями вверх — каково? Между корнями — груды черепов, над которыми грозно вспархивают ангельские фигуры в коричневых траурных одеяниях. Причём птичьи когти на ногах ангелов красны от нечестивой человеческой крови. Жуть.

На верхнем уровне собора царевна смиренно проследовала в пустующую гостевую ложу «для принцесс», откуда всё шестилучевое внутреннее пространство здания предстало как на ладони. Но будет ли здесь видна она сама? Что ж, место не ахти, но купоросное платье справится: на него всяк не избежит покоситься, то есть в безвестности не пропадём.

Косились. Ещё как косились! Правда, в основном она перехватывала довольно-таки злобные взгляды широкозадых чернильниц — их тут было подавляющее большинство. Пылкие обожатели, если и присутствовали, вели себя более скрытно. Не решались бросить тень на Оксоляну и себя.

Царевна слегка небрежным, но исполненным изящества движением поправила причёску. Ноль эффекта.

Покрасовавшись вволю, гостья из Уземфа опустилась на строгую чернокаменную скамью, крытую мягкими подушечками из кожи мёртвого барана: всё ради комфорта мертвецких седалищ и вящего удовольствия от некрократических проповедей и

молитв.

Сидя, Оксоляна лишена возможности сиять на весь собор Вечнотраурной Смерти, но кто ей помешает периодически подниматься на ноги и поправлять причёску? Вот чуток ещё посидит, а тогда встанет и поправит. И вновь исчезнет, чтобы возбудить общее любопытство: кто же там мерцает среди тьмы и уродства? Так это я.

Любой, кто причисляет себя к мужескому полу, к её мерцанию не останется безучастным. Таковы не только робкие девичьи надежды, но и сама истина, подтверждаемая опытом женского кокетства. Несколько городов у её лимонно-жёлтых ног уже лёживало. Пользуется ли она громким успехом и у высокопоставленных мертвецов города Цига? Надо полагать!

«Вы ослепительны», — сказал ей при первой встрече впечатлённый банкир Карамуф из Карамца, а его западные деловые партнёры просто не нашли слов. Оксоляна тогда заметила, что не нашли, с недоумением решила: не понравилась, от чего немного огорчилась, но, как оказалось, зря. В тот же вечер в её покои были доставлены пять — по числу встреченных деловых партнёров Карамуфа — букетов из особо ценных мёртвых цветов Подземелья.

Пять! Такое обилие о чём-то да говорит. «Вы жёлтый топаз в моей оправе!» — хихикнул Карамуф, как только перемножил в уме стоимость подаренных цветков на их изрядное общее количество. Так ведь и перемножить сумел не сразу, а где-то с минуту загибал пальцы на обеих руках, мучительно уставившись в потолок. Или он заодно прикидывал и цены на топазы на рынке драгоценностей?

Под «оправой» хитрец имел в виду не только свой особняк в Циге, где царственная беглянка из Уземфа нашла временное убежище, но и свои разветвлённые связи в городских верхах, вплоть до самой Ангелоликой.

Приход Оксоляны на службу в кафедральный храм — тоже итог натяжения связей карамцкого банкира. Без них и на порог бы не пустили. Служба-то, пусть и публичная — но только для своих. В Циге не сильно жалуют посторонних.

Жаль, самого Карамуфа отвлекли дела, не дали поприсутствовать на некрократической службе. Он и сам-то расстроился, что не увидит результата своих действий. Да и царевне, коли начистоту, без него неспокойно. Кто поможет быстрым советом в случае надобности?

Пора показаться! Лимоннокожая уземфка привстала на своём сидении, опершись на балюстрадку ложи для принцесс, кошачьим движением подала бюст вперёд, провела по волосам ладонью,

скользнула взором по залу, ловя боковым зрением ответные заинтересованные взгляды. Что, нет?!

Да найдётся ли в этом столь многолюдном соборе хоть один мужчина, который оправдает её старания хорошо выглядеть? Пусть не смельчак, способный на поступок, а обыкновенный мертвец, которому хотя бы по памяти некогда живого тела всё ещё милы тела женские.

Ещё на парочке прошлых светских приёмов у нужных людей Цига, куда её неизменно сопровождал карамцкий банкир, Оксоляна нутром своим набальзамированным почуяла: дамское большинство здешнего высшего света настолько само утратило истинные женские формы, что готово возненавидеть её с полувзгляда. Такие не простят ни пылких взглядов поклонников, ни дороговизны присланных букетов. А уж уземфской выскочке рассчитывать на снисхождение и вовсе глупо. Кто она, и кто они: едва приобщённая к Смерти дикарка с востока — и заслуженные матери западной некрократии, почётные вдовы первосподвижников Владыки!

И только тут Оксоляна приметила то, чему не уделила внимания лишь по понятной скованности новичка и давней привычке себя контролировать.

В соборе Вечнотраурной Смерти мужчин вообще не было — ни одного. Женщины, женщины, женщины. Вернее, даже не вполне женщины, а только тот неприглядный тип мертвечих, который Оксоляна для себя определила презрительным словом «чернильницы».

* * *

Угу, кругом одни мертвечихи. Сварливые, старотелые, почти бесполые, почти все в тошнотворном окрасе «кровь с молоком». От женского в них только и осталось, что всепоглощающая зависть. Но если так, то для кого, спрашивается, царевна Оксоляна так вырядилась?

Почему Карамуф не предупредил? Знала бы — оделась бы так, чтобы меньше смущать омерзительных чернильниц. Скромно, как храмовая мышь. Любви бы от них не добилась, но, по крайней мере, не читала бы единогласное осуждение во всех обращённых на неё глазах.

Оксоляна мрачно забилась в угол гостевой ложи, куда большинство взглядов не добивало. Нет, её тело в купоросном платье так и сидело, где сидело, но сама она постаралась как можно дальше спрятаться. Пусть смотрят на вырядившуюся

куклу, на пустую оболочку, а хозяйка останется незримой и не больно-то осуждённой.

«Плюют в морду, а мне не мокро. Бьют больно, а я довольна», — как писала одна мёртвая поэтесса, над которой в Уземфе похохатывали простаки. Что ж, её речь в сравнении с традиционной восточной поэзией и впрямь звучит грубовато. А ведь поэтесса знала, о чём писала, потому вовремя успевала от себя отстраниться, вот и не добивали до неё ни плевки, ни слова, ни удары. Разумная тактика. Не до конца воплощённые мертвецы такое проделывают всякий раз, когда попадают в позорные ситуации, не имеющие выигрышных перспектив.

Но кое-кто ведь виноват, что царевна попала в неудобное положение!

Карамуф наверняка был в курсе, что на службу Ангелоликой в соборе Вечнотраурной Смерти мертвецы мужеского пола не допускаются, потому-то и сам сюда не пошёл. И раз ни словом не обмолвился, виной тому не могла быть простая забывчивость. Интриги, кругом интриги! Не царица ли Будула дотянула до Цига свои толстопалые щупальца? Не перекупила ли алчного карамцкого банкира как раз накануне самой важной встречи опекаемой им беглянки — с Ангелоликой госпожой?

Уму непостижимое вероломство!

Казалось бы, на двух предыдущих ступенях восхождения царевны — на званых приёмах у ближних сподвижниц Ангелоликой — Карамуф показал себя с лучшей стороны: провожал её, представлял, знакомил, мягко советовал. Но не усыплял ли он бдительность? Может, уже тогда знал, что продастся сестричке Будуле за её дурно пахнущие изумруды?

Нет, не похоже, что уже тогда. Ведь и в самом деле из кожи лез, чуть бальзамы не пускал из носу. Да и с Будулой иметь дело себе дороже — она ведь живая! Карамуф не дурак, чтобы о таком забыть. На живую союзницу он не поставит — не то воспитание.

Может, он раньше верил в Оксоляну, а теперь перестал? Но чем же таким она его разочаровала? Неужто слабо очаровывала мертвецов Цига? Да ведь все мертвецы-мужчины, встреченные на обоих званых приёмах, склонились к её ногам, включая даже сурового посланника Смерти по имени Запр. А обе тётушки-сподвижницы Ангелоликой, которые собирали гостей, отнеслись к ней благосклонно, по крайней мере, без явной враждебности. Увы, чего-то важного царевна не понимает. Запад — шкатулка с секретом…

Под сводами собора повис оглушительный удар гонга, возвещая начало некрократической службы. Царевна поспешила вернуться в своё тело — ведь больше на него никто не смотрел.

Общее внимание теперь приковывала роскошная трибуна в дюжине шагов от распахнутых врат центрального соборного алтаря, за которыми весело клубился священный сумрак. Трибуна пока пустовала, но вот сейчас, пройдёт лишь самая малость времени, и Ангелоликая осчастливит собравшихся редчайшей возможностью наяву себя лицезреть…

— Владычица!!! — раздался единодушный стон, когда в алтарных воротцах показалась невысокая согбенная фигурка с узковатым тазом, с лицом цвета чуть тронутого кровью молока и…

Хотя нет, тщедушной фигура царевне лишь показалась (и где же были её внимательные глаза?)… Ибо на самом деле величественная дама не то что не горбилась, а с явной гордостью несла выпирающий живот, уверенно прилепившийся над тазом столь же выдающейся ширины, ну а цвет лица, в отличие от первого впечатления, предстал кроваво-красным почти без молочной примеси. Всё наоборот!

У меня глаза слезятся, догадалась Оксоляна. От благоговения. А ещё рассмотреть Ангелоликую в подробностях мешает освещение. Как-никак, собор посвящён Вечнотраурной Смерти, оттого и светильники на колоннах близ алтаря испускают какой-то необычный свет — с черноватыми тенями пополам. Сразу видно: их мёртвая светотень происходит из элитных святотёмных мест Подземельного мирового яруса.

Но вот вышедшая из алтарных врат дама по специальной приступке тяжеловесно взбирается на трибуну, которая освещена намного ярче, зато затемнена куда слабее. Специально, чтобы позволить пастве вдоволь налюбоваться чертами главного лица города.

Хозяйка Цига расположилась на трибуне поудобнее. Царевна Оксоляна так же, как и все, прикипела к ней взглядом. Какая же она из себя, Ангелоликая? Каков её дивный ангельский лик?

Ответ, к которому она пришла, Оксоляну настолько поразил и ошарашил, что она постаралась тут же его забыть — во избежание шпионского подслушивания мыслей. Но забыть не получилось. Как же забудешь, когда весь собор заполнен мёртвыми женщинами, удивительно похожими друг на друга, практически на одно лицо. Совсем недавно, в пылу дерзновенного мысленного зубоскальства царевна обозвала такой тип внешности злым словечком «чернильницы». Но при том она и думать не гадала, в честь кого эти все «чернильницы» так выглядят.

Сейчас за трибуной у алтаря стоял оригинал.

* * *

Ангельский лик составили выдающийся вперёд строгий подбородок, ещё парочка подбородков, оттянутых книзу солидностью собственного веса, а ещё широкие скулы, круглые щёчки под ними — несколько более выпуклые, чем это бывает у живых людей. Нос выдающийся, хищный, примерно той формы, какой бывают клювы у западных орлов или грифов. Лоб невысок, но производит впечатление тяжести, так как выдаётся вперёд, нависая над глазками — маленькими, но заметными, круглыми, как монетки, но острыми, утопленными, но навыкате. Верно, для того и навыкате, чтобы не затеряться по обе стороны рельефного носа в густой тени от лба.

Всё-таки основу этого ангельского лика составляли лоб и подбородок — оба крепкие, массивные, точно наковальни: ими бы орехи колоть! Но вместо того, чтобы встретиться, сминая всё, что попадёт между ними, наковальни передали свою тяжёлую энергию рвущемуся вперёд носу. И не поздоровится тому, кто по неосторожности встретится на пути подобного носа, подпитанного упрямо-надменной силой подбородочного лба.

Ангелоликая повела носом и приступила к чтению проповеди.

— Слава некрократии! — сказала она.

И далее — много вроде и давно известных слов, но зазвучавших в её ангельских устах неожиданно и по-новому: об укреплении Мёртвого престола, о Торжестве светлых идей некрократического прогресса и сопротивлении неразумных врагов, о бедствиях Абалона и Дрона, о защите безопасности Цига, немыслимым в отрыве от идеи вышеупомянутого Торжества, о нетвёрдых в приверженности некрократии своекорыстных сателлитах, об Отшибине, которой надо дать испытательный срок и жёстко спросить за нарушение дисциплины, об Эузе, которой давно пора преподнести урок — жестокий, но такой необходимый для её выздоровления.

Славная вышла проповедь. Ангелоликая говорила с таким пафосом, словно надеялась докричаться до Мёртвого престола, порадовать самого Владыку Смерти. Говорила почти сама, лишь изредка поглядывала в записи — и вновь вскидывала к слушателям свой ястребино-ангельский профиль.

И вот странность: в минуты особого воодушевления сквозь ястребиные черты неуступчивой в отстаивании некрократических идеалов «королевы чернильниц» проглядывало совсем другое лицо: лишённое острых углов, сглажено-округлое, покрытое сетью трогательных морщинок, присобирающихся у глазниц, добродушно-усталое, тёплоглазое, всегда готовое уже после нанесения упреждающего смертельного удара всякого понять и

простить. Лицо, при взгляде на которое Оксоляне вспоминались обе тётушки, на званые приёмы которых её приводил банкир Карамуф.

Может, в этой двойственности и состоит основная суть ангелоликости? Да, наверное. Но лик выражается не только в формах лица.

Всё тело хозяйки Цига тоже имело две полярные версии, будто наложенные друг на друга. С одной стороны — согбенное худосочное тело тётушки; эта версия выходила на первый план, когда проповедь обращалась к теме безопасности простых мертвецов — мирных обитателей Цига. Но стоило Ангелоликой свернуть на иные темы: о возмездии мятежному рыцарю Дрю, почём зря погубившему пару крупных городов некрократии, о виновности и показательном наказании живых пиратов, распоясавшихся в море Ксеркса где-то далеко по ту сторону Порога Смерти, об осуждении царства Эузы не важно, за что — и вот уже фигура проповедницы заметно утяжеляется, таз крепчает и раздаётся вширь, величественно свешивается по обе стороны трибуны. В такие моменты Ангелоликая более кого-либо в зале напоминает древнюю керамическую чернильницу периода всеобщей грамотности — в Уземфе такими пользуются до сих пор.

«Чернильница»… Надо бы царевне забыть это непочтительное слово. Великих гневить опасно, великих женщин — вдвойне. Ходят слухи, что Ангелоликая умеет читать мысли. Сейчас-то она занята чтением собственной проповеди, но ведь наступит и момент, когда обратится во внутренний слух, чтобы проверить мысли собравшихся. И тогда у всех будут правильные мысли, а у тебя одной, как обычно, сплошные гадости и пошлости на уме.

Итак, пора настроиться и думать почтительно. Скажем, о том, что всякая форма хороша, если она только служит делу Смерти. Или о том, что форма у Ангелоликой — это далеко не всякая, а совершеннейшая из форм. Если долго твердить про себя слово «совершеннейшая», то непременно в него сама поверишь, а позже, когда царевна удостоится аудиенции, она тем вернее получит от хозяйки Цига всё то жестокое счастье, о котором мечтает.

Но о деле пока ни слова — рано!

Лучше внимательнее послушать проповедь — вдруг потом Ангелоликая с хитрым прищуром доброй тётушки поинтересуется, что из услышанного тебе приглянулось в особенности. Если начистоту, Оксоляне особенно понравилось про неотвратимую месть мятежникам (любит она такие темы, представляет в картинках), но надо будет сказать, что её искренне взволновала проблема безопасности Цига, ну или

злостное несоблюдение царским режимом Эузы вечных и неотчуждаемых прав мертвеца.

Ага, последнее звучит красивее всего. Только как бы упомнить и не переврать эту длинную сложную формулировку!

Пока у Оксоляны длилась внутренняя борьба, проповедь завершилась и Ангелоликая вышла из-за кафедры для всесоборной некрократической молитвы. Образ, в котором она её начала, был всецело благостным: «чернильница» временно ушла, восторжествовала «тётушка».

— О славный и непобедимый Мёртвый престол, дарующий нам вечное посмертие! — провозгласила Владычица.

— О славный и непобедимый Мёртвый престол, дарующий нам вечное посмертие! — повторил слаженный хор голосов, заполняя собор усиленным и истончённым до пронзительности звуком до самых тяжёлых сводов.

— О избранный между человеками мёртвый народ Цига и всего Запорожья! — вдохновенно продолжала Ангелоликая.

Оксоляна повторила вместе со всеми. Озорная мысль пришептать к избранным народам и свой Уземф посетила её, но не была столь настойчива, чтобы непременно дойти до воплощения. Надо признать, Уземф покуда вовсе не заслужил того, чтобы царевна его протаскивала впереди себя в высшие сферы западного мёртвого мира. Нет уж, сначала в состав избранников войдёт царевна, а там уже наступит и черёд просто людей, дотла пропитанных одной из отсталых восточных культур, приостановленных в движении по пути прогресса (а всё из-за своего расположения: так близко к опасным границам Эузы).

— О торжество некрократической законности во славу и по милости нашего Владыки, подателя свобод и преобразователя наших природ… — Ангелоликая так и воспаряла к сводам, наслаждаясь музыкой собственного голоса, пробуждающего в подданных мощную стихию повиновения. Казалось, она только ради собственного развлечения усложняла речь, играючи присовокупляла к сказанному всё новые и новые обороты, а сама дожидалась, когда же её люди собьются — но те воспроизводили верно.

И даже Оксоляна ни разу не ошиблась, хотя декламировать такие долгие и сложные комбинации из громких слов было для неё внове. Царевна удивлялась другим, удивлялась себе, а пуще всего удивлялась звукам, которые выскакивали из её уст будто помимо воли. Чем дальше, тем сильнее она убеждалась, что в сложности произносимых Ангелоликой молитвенных заклинаний присутствует какой-то непостижимый глубокий смысл.

Вот это да! Вот это молитва! Всё счастье человеческого

посмертия соединилось в ней. После этого пусть кто-то болтает, что истинная молитва должна твориться наедине. Какая ересь: ведь «наедине» значит «помимо Ангелоликой», а что за радость в пустом словоблудии помимо неё? Ой, да некогда искать, и без того ясно: нет там радости!

Мимоходом Оксоляна с недоумением отметила, что и её чувства к хору давних сподвижниц Ангелоликой сильно потеплели. А уж их прежняя единогласно осуждающая позиция претерпела вовсе неожиданную метаморфозу. Ей будто разом забыли красоту, молодость, желтоликость и кричащее мимо хора купоросное платье. Или всё заново вспомнят, как только завершится молитва?

До сих пор Оксоляна избегала внимательно рассматривать своих новых товарок по некрократическому хору. Лишь боковым зрением отмечала, что им не до надменных гримас в адрес провинциалки — во все глаза глядят на саму Ангелоликую, во все уши слушают, во весь голос повторяют. А тут обратила внимание — и обомлела: от давешних «чернильниц» в зале не осталось и намёка. Её, куда ни кинь взор, окружали одни «тётушки». Худые, малость согбенные — они и места-то теперь занимали гораздо меньше, хотя число их, скорее всего, не изменилось — Оксоляна заметила бы из ложи, если бы в течение молитвы кто-нибудь вставал и выходил.

Но как же такое объяснить? Один тип женщин сменился решительно другим — сами-то они заметили своё превращение? Трудно не заметить, ведь если не себя, то друг друга они прекрасно видят. Кажется, ангелолики здесь решительно все…

Полно, да есть ли здесь кому замечать других? Да и сами другие — точно ли они есть? Может, Ангелоликая ещё перед службой заполнила своими точными копиями целый собор, и теперь говорит слаженным хором просто сама с собой?.

Царевна так переволновалась, что вдруг сбилась в зачитывании очередного молитвенного тезиса. Вместо словосочетания «Владыка Смерти» произнесла «Мёртвый престол». Не Смерть весть какая ошибка, но к царевне в один момент повернулись несколько лиц из разных концов зала. Без осуждения, но повернулись. О чём-то безмолвно предупредили.

С перепугу от щёк Оксоляны отлил бальзам. Почувствовав неладное, царевна покосилась на своё отражение в зеркалах, вмонтированных в дверцы гостевой ложи, и отметила, как на лице проступает изысканная аристократическая бледность. Модницами Цига подобный эффект обычно достигается за счёт искусного подбора красителей. А им бы, оказывается — чуток струхнуть, и готово…

— Я выучу, — виновато пообещала царевна.

Лица согласно отвернулись.

— О некрократическое достоинство славной семьи цивилизовавшихся народов Запорожья! — снова завела Ангелоликая. Прерванную молитву она вновь начала с более-менее просто звучащих предложений.

— О радостное наше посмертие, счастливое право свободного избранничества…

Действительно, надо будет всё тщательно заучить. Ведь если Ангелоликая действительно поможет Оксоляне вернуться в Уземф, то и ей — уже как новой царице — придётся тоже провозглашать идеи некрократии в соборах и на площадях. А что она сможет сказать, если ничего не запомнит? И что подумают об её уме, если она начнёт путаться в словах? Или, к примеру, не отличит текст молитвы от проповеди…

— О святая и равновеликая нашей власти над недалёкими умами некрократическая свобода слова!

Нет, правда, о чём приличествует говорить в проповеди, а о чём — в молитве? С непривычки особенной разницы-то и не уловишь.

Раньше Оксоляна думала, что все некрократические молитвы адресованы лично Владыке Смерти, но эта же не такова! Ангелоликая посвятила её, кажется, всему хорошему…

— О святые-пресвятые архангелы Порога Смерти, поименованные как Алдовьем и Бруногол, а также их многочисленные мстительные воинства!

Ну вот, имена ангельские, и те приплела. Хотя некрократическая наука и говорит по старинке, что ангелов не бывает, но Ангелоликой никакая наука не указ, она сама какого хочешь учёного проинструктирует, какие ангелы бывают, а какие нет. Ибо кому же лучше знать, как не ей самой?

Ну ладно, даже когда сама не понимаешь, к кому обращена молитва, это тоже не беда. Главное, что все вместе свободно повторяют одни и те же правильные слова, а в этом залог некрократического единства.

— О вечный залог некрократического единства… — произнесла Ангелоликая.

* * *

Молитва длилась очень долго, может, и целый день. И, значит, целый день участники некрократической службы провели на эмоциональном подъёме, доходя до искреннего благоговения к

великому множеству существ и понятий, определённых Ангелоликой в адресаты всесоборного послания.

Оксоляна и не заметила, как пылко полюбила двоих ангелов, чьи имена — Бруногол и Алдовьем — впервые услышала и произнесла в ходе соборной молитвы. Чем именно сии существа оказались царевне так уж милы, она и сама бы затруднилась определить. Кажется, не последним ангельским чином.

Ещё пару или тройку раз случалась, что Ангелоликая прерывала свою речь на полуслове, и под тяжёлыми потолками собора повисала неловкая пауза, но то уже не из-за Оксоляны. Кто-то другой из гостей собора тоже делал ошибки. Лица обращались к незаметным из её ложи возмутителям, и Оксоляна припоминала, что по пути от хор в собственную гостевую ложу «для принцесс» ей попался и добрый десяток других гостевых лож, проходы в которые также открывались с окаймляющей собор верхней галереи.

Те ложи, судя по надписям на дверцах, предназначались «для герцогов и князей», «для некрократического дворянства», «для учёного духовенства», «для рыцарей Ордена посланников Смерти», «для руководства торговых и ремесленных гильдий», а ещё «для секретных надобностей тайных некрократических служб». Где-то была отдельная ложа и «для великанов», но к ней вела отдельная лестница с нижнего яруса собора — как и положено, с высоченными ступенями, на которые в длинном платье ни за что не вскарабкаешься.

Великанов в Циге порядочно. Ведь совсем рядом находится Менг, а уж тот город — чисто великанский. Правда, на сегодняшнюю некрократическую службу ни одна великанша так и не пришла, однако, как видно, в соборе Вечнотраурной Смерти на их приход очень рассчитывают.

А вот в ложе «для руководства торговых и ремесленных гильдий» гости, определённо, имеются. У входа в неё царевна Оксоляна ещё на пути к собственной ложе застала с десяток дам, неловко перегородивших ей проход, а с учётом их не слишком грациозной комплекции — целую толпу, сквозь которую с великим трудом протиснулась.

Кажется, при последней остановке соборной молитвы — это именно в ложе для гильдий кто-то оскандалился. Так им и надо, мстительно подумала Оксоляна, пореже будут, клуши этакие, всю дорогу занимать, а ещё, небось, в другой раз тщательней поглядят, не идёт ли какая царевна.

Смешно звучит, но по завершении молитвы снова последовала проповедь. Неутомимая Ангелоликая дала понять пастве, что более за ней повторять не обязательно, и, не давая

себе отдыха, вновь заговорила. Её трудоспособность уземфскую царевну Оксоляну изумила просто-таки несказанно, но для Цига — города, в истории которого ремесленные гильдии всегда играли важнейшую роль, такая самоотдача в трудовом порыве, кажется, была в порядке вещей.

Оксоляна вновь попыталась определить, какими особенностями содержания проповедь отличается от молитвы. Вяло попыталась — не преуспела. Показалось, особенно ничем и не отличается. Но ведь так не бывает! Где-то спрятан подвох, который принцессы, наверное, понимают лучше царевен отсталого уземфского воспитания. Ну ладно, даже если чего-то главного сразу понять не удастся, Оксоляна сумеет прикинуться сообразительной. Главное сейчас — побольше всего запомнить. Мудрость из уст Ангелоликой, говорят, с годами не портится.

Эта вторая на сегодня проповедь вышла долгой, но очень интересной. Конечно, заучить такую целиком почти нереально, но некоторые обороты — вполне. Когда по завершении всех мытарств Оксоляна слелается царицей нового, некрократического Уземфа…

Но тут в дверцу гостевой ложи «для принцесс» тихонько постучали. И быстро, не озаботившись её позволением, вошли.

Три «тётушки», из которых стоявшие по бокам по внимательном рассмотрении царевной оказались хозяйками тех самых посещённых ею в сопровождении Карамуфа званых вечеров. А средняя…

Нет, ну не может быть!..

* * *

Тётушки по бокам наскоро представили своей средней спутнице царевну Оксоляну. Затем средняя представилась сама. Властно, значительно:

— Мад Ольгерд, Духовная канцлерина города Цига.

— Ангелоликая! — царевна на всякий случай предпочла ахнуть.

— Да, — сухо подтвердила Мад Ольгерд, — так меня тоже называют.

А ещё её называют Правой и любимой рукой Владыки Смерти. За этот секретный титул старушке Мад, говорят, пришлось заплатить Владыке немалую цену, а ещё большую — Управителю соседней земли Цанц Умбриэлю Цилиндрону в качестве отступного.

Но самое время ещё раз тонко удивиться:

— А как же… — Оксоляна кивнула вниз, туда где с кафедры под алтарными вратами всё ещё звучала вторая проповедь.

— Это говорит мой ангельский голос, — небрежно пояснила Ангелоликая.

Ну конечно, подумалось Оксоляне, станет Ангелоликая целый день почём зря в соборе распинаться! Ясно, что подставила вместо себя одну из особо доверенных прислужниц, которых называет своими «голосами»…

А ведь зря ей этакое подумалось! Как есть — зря. Потому что Ангелоликая взяла да и помрачнела. Без всякого внешнего повода. Да и не просто помрачнела, а стала превращаться из доброй «тётушки» в строгую противную «чернильницу».

Кстати, после мысленного упоминания о письменном приборе преображение Мад Ольгерд пошло быстрее.

Ах, нет, спохватилась царевна, я совсем не то хотела подумать! Спохватишься тут — если с обычной на вид мёртвой леди такое творится.

Сбивчивые тревожные оправдания глупы, но вовсе не излишни, если Ангелоликая, как многие говорили, ещё и владеет искусством чтения мыслей. А чьи же мысли ей сегодня читать, как не Оксоляны, ведь царевна здесь из новеньких, да ещё вырядилась в яркий купорос, а мысли большинства других женщин в соборе хитроумной начальницей, уж наверное, давно прочитаны наперёд.

Так что, если рассудить по-хорошему, то уземфской гостье стоило начинать мысленно оправдываться гораздо раньше, ещё тогда, когда впервые подумала недоброе под траурными сводами цигского собора.

Всегда лучше заранее прикидываться тихой овечкой. И как Оксоляна не догадалась? Ведь в Циге у вынужденной уземфской беглянки только одна дорога, и пролегает она через доброе отношение Мад Ольгерд, которого поэтому надо всеми правдами и неправдами добиться. Но в основном правдами, потому что неправды Ангелоликая слишком легко распознаёт.

Эх, будь Оксоляна чуть предусмотрительнее, говорила бы великой даме лишь правду, а думала бы только о хорошем. И умилилась бы Ангелоликая, и стала бы юной уземфской мертвечихе верить без придирчивых проверок, подробно не выспрашивая, что да как.

Увы, первое впечатление второй раз не произведёшь. Злоречивые мысли уземфки внимательную Мад Ольгерд уже огорчили. Значит, вместо безоговорочного доверия царевна вызвала подозрения. И это-то особенно скверно.

Ибо вот начнёт Ангелоликая читать Оксоляну насквозь, а

там…

Ой, только бы самой ненароком не вспомнить!

Глава 4. Отдалённые раскаты хохота

Поучать целую толпу драконов, каждый из которых прилетел не мудрые речи послушать, а единственно себя показать — какая, в сущности моральная пытка!

Молчать — тоже не выход. В тишине куда громче звенят колокола твоего напряжения.

Накричать на воспитанников, да так, чтобы больше не собрались? Соберутся, но только уже без тебя. Соберутся и будут выяснять, кто из них главнее, уже без помощи твоего авторитета.

Что остаётся? Единственно воспоминания. Единственно о Драеладре, с которым эти надувшиеся индюшата тщетно пытаются себя отождествить.

— А скажите, Великая Мать, — попросил Мадротор, — как Драеладр достиг совершенства в мастерстве полководца?

По содержанию вопроса можно было догадаться, что своих мечтаний Мадротор не оставил, но тон взял выдержанный, смиренный. Почему бы и не рассказать?

— Полководческий талант Драеладра впервые проявился в знаменитой битве при Пибике, — начала Гатаматар.

* * *

Битва выглядела впечатляюще. Да что там! Задолго до сражения силы весьма многообещающе предъявляли себя летучей зрительнице Гатаматар. Они покрывали собой изрядную площадь. Они хвастались числом и вооружением, не спеша его, впрочем, применять. Надеялись сперва как следует испугать соперника.

Выстроенное у стен Пибика мощное мертвецкое войско. Сильный центр, сильные фланги, позади — надёжная городская стена с арбалетчиками, целящимися из бойниц. Мёртвые арбалет за то и любят, что живым он причиняет непоправимый урон, а своих зацепить вовсе не страшно: заживёт как на мертвеце.

А чуть западнее у Эузы-реки — войско живое, человеческое. И смотрится тоже грозно. Блестят кирасы конников правого фланга, ощерились копьями пехотинцы на левом фланге и в центре. Лучников за спинами пехотинцев совсем немного, но достаточно, чтобы в нужный момент мертвецов раздразнить — на большее стрелкам рассчитывать не приходится.

И хоть может показаться, что силы равны, но то — до начала битвы. Как только начнутся потери, сразу и выяснится, чьё войско уязвимей. Да с умной головой на шее и заранее ясно, что живым

людям против мёртвых долго не выстоять. Ибо те не только снаружи покрыты надёжными панцирями, но и изнутри налиты по уши намертво заживляющими бальзамами.

И всё же одна надежда у живых есть: парящий над боевым построением Живой Император верхом на громадном белоснежном драконе. Глядишь на него — и как не впечатлиться сдержанной силой в осанке великого человека…

Да только намеренное заблуждение это всё. Никакой тот человек не император, а двойник, актёришка, нанятый в очередной раз ловко сыграть роль. Истинного императора отравил враг, а Живым-то Императором кого прозвали? Разве актёришку? Нет, разумеется, Драеладра. Того, кто командует войском на самом деле…

— А почему мертвецы не остались в городе? Зачем они расположили своё войско под стенами, где до него было так легко добраться? — принялся выяснять умненький Алазарт. Слишком умный, от Мадротора с Куркнартом ему за то не раз уже попадало.

— Они не чувствовали себя уязвимыми. Мёртвый военачальник откровенно издевался над войском Живого Императора. Ну, вернее, пытался издеваться. Чувства юмора мертвецам часто недоставало.

— Значит, мертвецы стали под стенами Пибика по глупости?

Гатаматар кивнула, но потом сочла нужным действия мёртвых немного и оправдать:

— Пибик — маленький город. Такие силы в нём разместить сложно, вот и поставили под стенами.

— А откуда же они туда пришли? — спросил Куркнарт.

— Из Пибика.

— Вы смеётесь, Великая Мать? — хором промолвили Куркнарт и Техаватар.

Мать-Драконица действительно не удержала улыбки, но сказала серьёзно, даже строго:

— Вы не учли, что Пибик — пещерный город, выстроенный подземельными мертвецами, вышедшими на поверхность в этом самом месте. А значит, он сообщался поздемными ходами не только с соседними пещерными городами, но и с Подземным мировым ярусом.

— Ну, ты понял?! — Мадротор промаху Куркнарта так сильно обрадовался, точно сам ориентировался в вопросе намного лучше.

На самом же деле оба незадачливых «претендента» не отягощены историческими знаниями. По лености и некоторой даже глупости. Если бы вдруг случилось кому из них занять

драеладрово место — не повезло бы ни им самим, ни всей могучей небесной расе. Ведь зачем дракону абсолютная память, как не для того, чтобы помнить историю — свою и мировую.

— А кто скажет, зачем Живому Императору было подходить к Пибику?

— Ну, чтобы его захватить. Отбить у мертвецов, — быстро сообразил Мадротор. И снова мимо.

— Нет. Войско живых пришло разрушить Пибик.

— Серьёзно? — Мадротор искренне удивился.

Зато малыш Алазарт догадался верно:

— Пибик надо было разрушить, чтобы мертвецы из него не лезли на территорию Эузы, ведь так? — за что получил куркнартовым хвостом по шее. Получил будто ненароком, но уж Гатаматар-то знает цену подобной неуклюжести.

— Да, — сказала она, — молодец, Алазарт! А тебе, Куркнарт, должно быть стыдно: не обижай старших. Пусть ты и крупнее, но размеры не отменяют права старшинства.

Миг — и уже Мадротор Куркнарту врезал когтистой лапой. Якобы в отместку за товарища, но на самом-то деле…

— Позвольте, Великая Мать? — почтительно молвил Ардарег, самый старший и крупнейший из последней стаи воспитанников.

Гатаматар согласно склонила голову, и старший среди младших резво навёл порядок: зарядил когтем в глаз Мадротору, чувствительно щёлкнул хвостом Куркнарта, да к тому же и Алазарта знатно припечатал крылом к лежанке. То ли ему собиралась позволить великая Мать-Драконица?

— Я знаю всю эту историю, — между тем продолжал Ардарег, не давая Гатаматар что-либо возразить на его чрезмерные действия. — Драеладр с войском пришёл к Пибику с востока, ведь так? А перед тем он уже разрушил три-четыре таких же пещерных города вдоль Большой тропы мёртвых — там ему почти не оказали сопротивления. Пибик, таким образом, был последним, самым западным городом, выстроенным мертвецами на территории Эузы.

— Да, — кивнула Гатаматар, — западнее уже Бегон.

— И именно там, под Пибиком, раздосадованные действиями Драеладра мертвецы решили дать ему показательный бой. Потому и встретили его перед городом, а не внутри — ведь город они хотели сохранить.

— Всё верно, — порадовалась его знаниям Гатаматар, — только мертвецы пока не догадывались, что им противостоит дракон. Думали, им так и не удалось убить императора-человека.

— Чуток просчитались, — робко ввернул Алазарт.

Да уж, Гатаматар прекрасно запомнила ту интригу. Глупые

мертвецы смотрели во все глаза на парящего над войском полководца, и всё-таки видели не то, что там было, а нечто иное. Якобы Живой Император сидел верхом на послушном ему драконе, а на самом-то деле Живой Император свободно летал с подставной куклой на спине.

Важная разница, если учесть, что от драконов мертвецы ожидали бы драконьей логики, а от людей — только человеческой. Очень по-человечески было бы напасть, раз уж пришли. Вот мертвецы и ждали нападения, но не атаковали сами, чтобы не удаляться от стен города.

Подошедшие же с востока человеческие полки не стали ни штурмовать Пибик, ни осаждать. Вместо этого они обогнули город по широкой дуге и остановились западнее Пибика — между Эузой-рекой и Большой тропой мёртвых. На таком расстоянии, чтобы арбалетные болты от городских стен при всём старании не добили.

А там стояли особые арбалетные машины — многострельные, бьющие намного дальше привычного. И при каждом стрелке трое помощников — чтобы вовремя подавать болты и взводить множественные тетивы.

Наивные мертвецы не подумали, что их арбалетчиков, недурно замаскированных в нишах стены у бойниц, с высоты так хорошо видно. Если бы смотрел человек — не заметил бы. А у Драеладра глаза куда совершеннее. Всё, что можно рассмотреть с воздуха, его взору открыто, а места укрытия при каждом арбалетном гнезде даже во тьме ночи подсвечиваются.

Разглядел Драеладр и мертвецкий засадный полк, схоронившийся в поросшем чахлыми кустами овраге чуть южнее, чем можно заметить из Пибика. Зачем мертвецам понадобился там засадный полк, Гатаматар толком и не разобралась. Верно, уж больно подходящим для засады показался им тот овраг среди ровной пустынной местности — грех не воспользоваться. Даже в полной уверенности насчёт непобедимости основных сил.

С этого-то наполненного неприятелем оврага Драеладр и начал разгром вражеских сил. Начал сугубо по-драконьи, без лишнего бряцания рукотворным оружием. Выбраться-то из того оврага на ровное место можно было лишь в трёх-четырёх местах. Что стоит каждое из этих мест перекрыть одному-единственному дракону?

Четверо драконов у Драеладра с собой было. Даже пятеро, если считать и Гатаматар. Только её можно не считать, ведь она участвовала в битвах так, как сама почитала за нужное. Дышать огнём и дымом на хитрую засаду мертвецов в том овраге она, например, не стала. Не материнское это дело! А вот спасти

Драеладра от чьих-нибудь наземных или подземных козней — это самое что ни на есть материнское.

Из жёстко закреплённого у бойницы арбалета попасть по дракону высоко в небе — пустая затея. Но какой-нибудь магической пакостью из некромантского арсенала — почему нет? Какие-то из пакостей против драконов не работают, но ведь не все.

Если что, Гатаматар заслонила бы Драеладра. Вышло бы или нет, не ей судить, а всё-таки честно бы попыталась. Однако то ли среди мертвецов не случилось сильных некромантов, то ли те настолько прочно убедили себя, что противник человечен и глуп, но покушений на дракона, несущего двойника императора, так и не состоялось.

Бойня в овраге выглядела не особо захватывающе. Пойманные мертвецы медленно, по одному-двое вылезали, пытаясь отмахиваться плавящимся оружием, драконы их поливали слаженным огнём из четырёх пастей. Смрад от палёных бальзамов стоял такой, что и в стенах Пибика, наверное, был повод их унюхать и всполошиться. Но мертвецы на свою беду не различают запахов.

А драконы — уже на свою беду — различают. Такой вони, как здесь, в эпицентре битвы, мало кому прежде довелось обонять. От неё тошно сводило животы и неприятно кружило драконьи головы. Гатаматар летала поодаль, но очень живо представляла чувства и ощущения своих воспитанников — и искренне удивлялась, как они ещё держатся.

Держаться пришлось долго, ведь мертвецы в овражном котле представляли не шуточную силу, теперь из захлопнувшейся ловушки они пёрли медленно, но настойчиво, по-мертвецкому методично. Стоило кому-то из одурманенных воздушными миазмами сородичей Драеладра дрогнуть, отступить, остановить испепеляющий огонь, как мертвецы долгой вереницей потянулись бы из котла. Догонять их потом, истреблять по одному, лихорадочно возвращаясь к оставленной бреши, через которую лезут всё новые и новые — задача намного сложнее исходной.

Легко догадаться, к чему привёл бы прорыв хоть одного мертвеца — учитывая, что под Пибиком силовой перевес был на их стороне. Нет, конечно, и Гатаматар летала поблизости, в случае прорыва, наверное, помогла бы — но она горда, что её воспитанникам помощь не понадобилась. Настоящий дракон за материнское крыло не спрячется, ведь так говорят на советах мудрые голоса Старейшин.

Когда засадный — или ловушечный полк был в овраге до конца истреблён, а это, с учётом количества мертвецов, заняло

больше суток, пришёл черёд пустить в дело засадный полк самого Драеладра. Ведь и он прятался поблизости, только что не на земле: завис в небесном замке, укрывшись за телом самой неповоротливой тучи.

Тёмное время дня позволяло замку передвигаться без лишней маскировки. Зависнуть над оврагом, сбросить пару верёвочных лестниц: одну для спуска людей, другую для подъёма людей с поклажей — и бойня незадачливых мертвецов неожиданно для Гатаматар наполнилась новым смыслом.

Груда доспехов с мертвецкими опознавательными знаками под прикрытием ночи перекочевала из оврага на борт воздушного замка. Люди наскоро переоделись — и замок двинулся к новой точке. Теперь он завис высоко над Пибиком. Арбалетчики на стенах — вот кого наметил Драеладр в качестве новой тактической жертвы. Замаскированные в многочисленных стенных нишах, готовящие живым людям смертельные сюрпризы из скорострельного своего дальнобоя.

К утру изрядный участок стены вместе с надвратной башней оказался в руках переодетых гвардейцев Живого Императора. И лишь тогда началась настоящая битва живых и мёртвых людей — уже почти без ухищрений, ибо дольше скрывать свой успех от мёртвого неприятеля сделалось невозможно.

Рассказывать последние эпизоды битвы при Пибике Гатаматар приходилось через силу. Всё-таки, драконы в них не участвовали — только люди живые и мёртвые. Людские битвы — какие это всё-таки неэстетичные свалки с труднопредсказуемым исходом, редко напрямую зависящим от сил и умений отдельных бойцов. Описать такую свалку и не потеряться в малозначительных и неразумных движениях сторон — искусство, которым Драконица-Мать владела не вполне. Так зачем же множить своими речами неразумный хаос?

Полки, опиравшиеся флангом на Эузу-реку, засветло двинулись к Пибику. Враг приготовился отражать атаку, но смирно стоял под стеной города, собираясь наброситься на пришельцев лишь тогда, когда залпы из настенных арбалетов облегчат их рукопашную задачу.

Но арбалетные машины, во-первых, долго молчали, а как заговорили — ударили прямиком в мертвецкие спины. И пусть мёртвого из арбалета уложишь вряд ли, но всё же ввести его в жестокое замешательство — задача вполне посильная. И даже более чем.

Сначала мёртвые пехотинцы под стенами старались не замечать болты, засевшие в собственных телах: подумаешь, недолёт. Но когда «недолёты» с каждым залпом стали

красноречиво множиться, мёртвые мишени поняли: Пибик принадлежит не им. А дальше нарушился мертвецкий строй: часть мертвецов встретила живые полки, наступающие вдоль реки и Большой тропы смерти, другая же часть в гневе понеслась штурмовать городские стены, не разбирая, где засели переодетые чужаки, а где сохранивший верность Владыке Смерти мёртвый гарнизон…

— Только благодаря хаосу и смогли победить, — закончила Гатаматар. — И то жестокой ценой. Живых людей полегло чуть меньше, чем мертвецов, а мертвецы-то были выбиты все. Конечно, без военных хитростей Драеладра и того бы не получилось.

Жестокая, во многом несправедливая правда.

* * *

На девятый день послушать рассказы Гатаматар о Драеладре явились три сотни драконов. Чуть ли не все воспитанники Великой Матери, а может, и все, ведь очень многих уже просто нет. Слева такая куча летучего народу поместиться не могла — пришлось потеснить лежанки советниц в правой части зала.

— А что делал Живой Император после победы при Пибике? — спросил Мадротор. Спросить-то спросил, но как-то незаинтересованно. Другие драконы привычно поддержали просьбу товарища.

Чувствуя, что история жизни Драеладра — лишь повод поговорить, Гатаматар пролетела скороговоркой всю оставшуюся часть войны войска Живого Императора с мёртвыми воинами Владыки Смерти.

Подземный ход в Пибике запечатать удалось — как и предыдущие успешно взятые мертвецкие города на южных территориях Эузы — малонаселённых и тем более уязвимых, лёгкой добычи для вылезающих из-под земли мертвецких орд.

Проход замуровали тяжеленными камнями, обрушили в пропасть ведущий в наземную часть города подъёмный мост, завал зачертили драконьими магическими печатями — некроманты такие так просто не сковырнут.

Пока всё запечатывали, к врагам из Подземельного мирового яруса пришла запоздалая подмога. Мертвецы стучались, просили и угрожали, но кто ж их теперь-то выпустит. Они и ушли восвояси.

А Драеладрова армия, дождавшись присланного по Эузе-реке подкрепления, отправилась развивать успех далее вдоль Большой тропы мёртвых. Из Эузы-то врага выгнали, но Восточно-

Человеческая империя намного шире. Если ты назван Живым Императором, приходится заботиться и об остальных уголках империи.

Следующим сражением после битвы при Пибике было взятие Бегона — ближайшего к западным границам Эузы пещерного города. В нём полководческие таланты Драеладра раскрылись ещё сильнее. Крупных людских потерь удалось избежать, а подземному Владыке не помогли даже конные отряды элитных посланников Смерти, так и норовящие прорвать фланг и заехать с тыла.

— Слишком много врёт им Владыка Смерти, — подытожила Гатаматар исход Бегонской битвы, — потому-то у этих посланников даже крылатые кони не летают, а все притворяются, будто так и надо.

После Бегона помогли правителю Уземфа изгнать двуличных приспешников мёртвого Владыки — далеко в пустыню, откуда они грозились, но так и не сумели вернуться. Пришли на подмогу восставшему против мертвецов Карамцу, затем осадили Глукщ, параллельно вышли к Адовадаи, заняли Отшибину и поглядывали уже на тотально вражеский Цанц. Увы, под Цанцем и в Отшибине наступление захлебнулось.

Под угрозой окружения Драеладр отвёл своё сильно потрёпанное войско к границам Эузы. По мере этого отступления Восточно-Человеческая империя теряла земли. Откололась Отшибина, Глукщ, Бегон. Их правителей можно понять, ведь с уходом эузцев они оставались один на один с ширящими своё влияние мертвецами.

Но и Владыка Смерти Живого Императора испугался. Настолько, что с тех пор не решался вторгаться в Эузу. Не решался в настоящем, хотя вторжениями будущими заранее гордился всякий недалёкий мертвец…

* * *

Гатаматар не ошиблась. Вся та масса драконов-воспитанников, которая теперь её посещала словно бы в поисках руководства в жизненном полёте, действительно утрачивала интерес к её воспоминаниям о снежно-белом Живом Императоре. Они словно бы даже перестали себя отождествлять с Драеладром. Да и обратить на себя внимание никто из воспитанников, казалось, больше не пытался. Излечились от иллюзий?

Может, предположила Гатаматар, в толпе, где таких же, как ты «новых драеладров», минимум триста душ, у них попросту не

получается ощутить себя единственно-избранными?

Или, что вероятнее, в трёх кланах определились с претендентами на Драеладрово наследство. В таком случае, их теперь, видимо, ровно три, и остальные вынужденно смирились.

И к лучшему, решила Гатаматар. За прошлые дни она уже отчаялась мирить горячих юных драконов, которые бравировали своей уверенностью в неминуемом воцарении. Это с именами Куркнарт, Мадротор, Пандролиар и даже, смешно сказать, Чумпокрюхотамбатр. Никуда не годные слабейшие имена, но каков апломб! Какие задранные клювы!

Апломб, конечно же, от того и берётся, что драконам с такими именами важно ежемоментно доказывать свою значимость. И важно самим в неё верить, иначе станет совсем грустно. Ведь имена — фильты проявления драконических начал. И если родители давали такие имена, получается, уже они в своё потомство не очень-то верили.

И если весь апломб её воспитанников водночасье пропал, а на неё смотрят какие-то маловыразительные потерянные глаза, в которых, поди, только провидица Бланш и разберётся…

То не говорит ли сие об одном: после смерти Драеладра случилось что-то ещё? А Гатаматар одна лишь не в курсе, так как отправила всех своих советниц на длительные поиски Старейшин для приглашения на Совет.

— Что случилось? — Гатаматар спросила Куркнарта, который выглядел чуть менее потерянным, чем другие.

— В нашем клане снесено яйцо, — прямо сказал тот.

— Кем снесено? Кто мать?

— Лулу Марципарина Бианка, одна из человеческих дочерей умершего Драеладра, — потеснил Куркнарта более осведомлённый Палахатор.

— Что ж… — Гатаматар взвесила новость. — Поскольку есть основания наречь дракона Драеладром, смены династий можно избежать. Это, без сомнения, к лучшему.

— К лучшему, — мрачно откликнулся Палахатор. Он происходил из рода Горпогурфа, в котором уже строились новые планы. И вряд ли появление на свет нового Драеладра во все эти планы вписывалось.

А Мадротор, соединивший роды Рооретрала с Ореолором, процедил с откровенной злобой:

— Ну, ещё неизвестно, вылупится ли он живым.

* * *

Кому как, а самой Гатаматар успокоительная новость о том, что в клане Драеладра всё-таки ждут наследника, пришлась как нельзя более кстати. С совершенно иным чувством она теперь ждала возвращёния своих четырёх советниц.

И вот они стали возвращаться. Одни были в курсе снесённого яйца, другие нет, но ни одна не сообщила Драколнице-Матери чего-то нового, ведь самая талантливая, первая из советниц Хинофатар была послана намного дальше всех и «наиболее надолго», как выразилась одна из её косноязычных сестриц.

Когда же Хинофатар вернулась, то с лёту запросила прогулки наедине с Великой Матерью. Поскольку принесенная весть — не для всех.

Гатаматар уточнила:

— Твоя новость — о яйце Драеладра?

— Не только, — отозвалась Хинофатар. И в тоне её звучало явно изображаемое для воспитанников торжество, на дне которого едва слышно плескалась тревога.

* * *

— Клан Рооретрала ведёт себя странно, — сказала Хатафатар, как только они с Матерью-Драконицей отлетели достаточно далеко от Небесного дворца, чтобы выйти из области слышимости его многочисленных воспитанников.

— Не смирился с крушением надежд на власть?

— Хуже, — советница помрачнела и даже поёжилась прямо в полёте, — там какая-то эпидемия, а скорее всего, колдовство. Они… подхихикивают.

— Что делают?

— Подхихикивают. О чём ни спросишь — сперва хихикают, а потом уже отвечают. И не один, не два дракона. Я специально с полутора десятками разговорилась, проверяла. Симптом есть не у всех, но тех, у кого нет, сущие единицы.

— А не могли они нарочно — над тобой хихикать?

— Не думаю, хотя выглядело так, будто надо мной, — с кислой миной признала советница.

— А как вели себя другие кланы?

— Не хихикали, это точно.

— А никто ли не засыпал во время беседы? — неожиданно для самой себя спросила Гатаматар.

— Было! — изумлённо признала советница. — Как вы догадались, Великая Мать? На островах Ореолора драконы двигаются, словно сонные мухи. Замедленно летают, замедленно

говорят — точно и сами они, и звуки от них так и зависают в воздухе… Это чьё-то колдовское наваждение?

— Нет, — ответила Мать-Драконица на ходу вспоминая давние драконьи предания. К сожалению, это проявилась исходная природа кланов. Но что-то, конечно, заставило её так проявиться.

— Исходная природа? — переспросила советница. Гатаматар поняла, что говорит загадками.

— В полном имени Рооретрала, как оно прежде звучало на стародраконьем, есть особая особый оттенок смысла, неочевидный сейчас. «Злобный хохот» — так его можно перевести. Эта старинная смысловая составляющая имени лежит в основе главных несовершенств его клана.

— В самом имени заключён этот хохот? — поразилась Хинофатар.

Гатаматар кивнула, совершая нырок вслед за кивающей головой:

— Хохот долгое время не проявлялся. Залогом его молчания была сила целителя-Драеладра — ещё того, легендарного основателя династии. Надеюсь, остальное понятно?

— Да, — советница поспешила включиться в предложенную логику, — Разумеется, эта сила передавалась в династии от одного Драеладра к следующему. Когда же последний Драеладр стал слабеть, а затем и умер, оковы на древнем хохоте тут же ослабли. Теперь самый сильный драконий клан — страшно подумать…

— Будем надеяться на нового Драеладра, — смиренно промолвила Гатаматар, — когда он вылупится, посмотрим, останется ли симптом. Конечно, если хохот сохранится и тогда — то всей нашей расе несдобровать. Но будем надеяться на лучшее, — и Мать-Драконица свечой взмыла вертикально вверх.

Снизу донёсся чуть запорздалый голос Хинофатар:

— А что же с Ореолором? Он в моменты слабости Драеладра усыпляет собственный клан? И в том специфическая патология этого имени?

Умничка первая срветница: ловит прямо на лету! Точнее лишь буквальный перевод имени: «жизнь во сне».

— А Горпогурф?

— Его имя, — задумалась Гатаматар, — означает помимо прочего «порабощённый разум». Вот только ума не приложу, в каких внешних признаках это может проявляться. Зато внутренние признаки наверняка не приятнее «хохота» или «сна».

Всей глубиной снизошедшего на неё знания Великой Матери первая советница прониклась уже на обратном пути к Небесному

дворцу Гатаматар. Голос Хинофатар сделался взволнованным до экзальтации, когда она воскликнула:

— Великая Мать, да вы ведь самая мудрая в нашем мире!..

Гатаматар осталось загадочно промолчать. Не пояснять же советнице, что такие восторги всеведения оставляют по себе моменты соприкосновения с драконьим праязыком, что Мать-Драконица при всей своей древности всё же не современница ни стародраконьего языка, ни, тем более, легендарных событий. И уж точно незачем знать умненькой Хинофатар, что сведения о древних значениях имён основателей кланов почерпнуты Матерью (от кого бы она подумала?) — от Бларобатара, одного из тех недодраконов, что внешне неотличимы от людей. А Бларобатаром — смешно сказать — из человеческих преданий, посвящённых драконам.

* * *

Когда наконец собрался Совет Старейшин, особенно яркого впечатления он по себе не оставил. Ещё бы: драматическое соперничество рвущихся к верховенству кланов было в который раз подменено формальностью.

Прямой потомок ушедшего Драеладра, по сути, внук, рождённый в яйце младшей из его человеческих дочерей — разве может его отстранить от великих предначертаний судьбы справедливый дракон-Старейшина? Нет, ведь всякий Старейшина мнит себя точно таким же предначертанием судьбы. Что ж этим двум предначертаниям уж между собою-то делить?

Кто-то, конечно, высказывал и трусливую мыслишку вполне из мадроторовского репертуара: мало ли что из яйца-то вылупится, да и выживет ли оно? Но большинство Старейшин сомнения не поддержали. Что же может вылупиться из драконьего яйца, кроме как сам дракон? Людям-то там делать нечего, внутри яйца-то. А в живучести драконов сомневаются лишь явные их недоброжелатели, да и то самые недалёкие из них.

Гатаматар была не одинока в уверенности: из яйца рано или поздно вылупится Драеладр. А будет ли он столь же хорош, как и предыдущий? Ну, так имя же порукой. Кого отважились наречь Драеладром, тот получил самое совершенное драконье имя. Откуда же взяться отдельным несовершенствам?

И Драеладр не подвёл. Пусть и не сразу, как его ожидали, а очень постепенно, но ведь вылупился! Удивил собой человеческий город Ярал, где жила его матушка Лулу Марципарина Бианка.

Пока маленький дракончик собирался с силами, чтобы показаться из яйца, Гатаматар имела преизрядное количество тревог и забот. Надо было не только следить за ситуацией в Ярале, но — по возможности — не терять из поля зрения и три раздосадованных клана.

Правда, чтобы не повторить прежней ошибки (той, когда Мать-Драконица очутилась без единой свободной советницы, отправив Хинофатар и других собирать Совет Старейшин), теперь Гатаматар постаралась направить в гнездовья кланов не узнаваемых драконицы из своей свиты, а лучше — простых воспитанников. И воспитанников не каких попало, но, по возможности, верных лично ей и, вместе с тем, принадлежащих к интересующему клану.

Так, Мадротора Гатаматар попросила приглядывать за происходящим в клане Рооретрала: мол, есть ли там по-прежнему хохочущие драконы, не идёт ли хохот на убыль — и что насчёт хохота думает сам глава клана и его ближайшее окружение.

К Ореолору — приглядеть за спящими — Гатаматар послала Курдрегона. К Горпогурфу — Алазарта.

В человеческий же город Ярал, чтобы приглядывать за нововылупившимся Драелалдром, дракона на постоянной основе не пошлёшь, очень уж он там будет заметен. Человекообразный дракон — другое дело. Вот Гатаматар и обратилась к Бларобатару. Как-никак, разведчик, да притом представляет в Ярале именно драконью сторону.

— Если что, — говорила Бларобатару Мать-Драконица, — связывайся со мной. Угрозы жизни Драеладра, странности в его собственном поведении — всё меня заинтересует.

— Если возникнет угроза, — серьёзно отвечал Бларобатар, — обязательно обратимся. — К счастью, в Ярале пока всё спокойно, но мало ли…

Глава 5. В том гробу твоя невеста

Лулу Марципарина Бианка, родительница дракона. Звучит пышно. Звучит торжественно. Но что скрывается за пышным торжеством? Эх, что только не скрывается. Лулу надеялась, что выдержит. Ради маленького Драеладрика, только вылупившегося из яйца. Ради жизни.

Но где же сыскать в её жизни просвет? И чем ей удастся накормить несмышлёныша, кроме женской обиды? Увы, Лулу Марципарина давно уже сосуд с обидой, и сколько сосуд ни взбалтывай, опасное содержимое не преображается: оно законсервировано, как законсервирован её любимый — чем-то невнятным прогневивший небеса рыцарь Чичеро.

Чичеро спрятан в сундук. Марципарине сказали, что выпустить его из сундука — неверный ход, ведущий к проигрышу весь высокогорный Ярал и Эузу впридачу. Дело в том, что в беднягу Чичеро вселился демон, и не какой-то там, а главнейший, и сможет ли рыцарь контролировать демона, если выпустить их из сундука — кто же сможет поручиться?

Два человека могли принять решение о том, чтобы отпереть сундук: Бларп Эйуой и Эрнестина Кэнэкта, главные разведчики Ярала. И у первого, и у второй достало бы авторитета, чтобы сделать это в одиночку. Достало бы — но не достало.

И Бларп, и Кэнэкта причисляют себя к друзьям Лулу Марципарины, и даже к друзьям Чичеро Кройдонского, но дружба дружбой, а есть у них и обязанности. Обязанности таковы, что дружеские чувства не могут руководить их поступками безоглядно. Выпустишь друга, оглянуться не успеешь, а придёт конец всему Яралу. Оправдывайся тогда, стоя на пепелище, высокими и добрыми переживаниями, заслонившими чувство долга. Разве Лулу сама не понимает этой тяжести выбора?

Понимает. Но от понимания не легче.

Кстати, от её понимания точно так же не легче и тем двоим, способным решать. Марципарина вежливо молчит, но они-то знают цену её вежливости. И потому все её не высказанные доводы обращают к своей совести сами. Во всяком случае, она думает, что это так.

Совести Эрнестины Кэнэкты пришлось особенно туго. Как-никак, в её мотивации оставить Чичеро в заточении чувство долга не одиноко. Самое жалкое эгоистическое стремление — даже не к счастью, а к последним её крохам, урванным у подступающей старости… Как ещё можно определить страсть разведчицы к умелому в любви карлику?

Думая об Эрнестине в таком тоне, Лулу тоже чувствует свою неправоту. Она останавливается, не высказывая самых ужасных обвинений, ибо понимает: сердцу не прикажешь. К тому карлику, которого Кэнэкта избрала в любовники, сама Марципарина неравнодушна. И в тот же момент несправедлива: она не видит в нём отдельного человека. Так уж случилось, что для неё этот карлик — не более, чем часть её собственного любимого. Вернуть Лулу Марципарине Чичеро — значит обездолить Кэнэкту. Может быть, и всерьёз обездолить — и чем тогда сама Лулу будет лучше и выше своей эгоистичной подруги?

С другой стороны, чтобы быть лучше и выше, ей что, самой должно отказываться от счастья? И потакать несправедливости и дружескому вероломству? Вот до чего тугой завязался узел: одним лишь умом не распутаешь, разорвёшь только силой, а всякая сила будет неправедной.

По правде говоря, чего здесь не понимать? Соперничество в любви убивает дружбу — давно известная опытная истина. И то, что предметы любви у Марципарины Бианки и её подруги-разведчицы разные — лишь кажущийся факт. Раз уж так получилось, что одноглазый Дулдокравн — это не только самостоятельный карлик, но и составная часть Чичеро…

Но полно, допустимо ли видеть в людях вообще, да и в отдельных человеках — «составные части»? Может, любовь Марципарины — несусветная блажь, от которой стоило бы для общего блага отказаться? Ведь это любовь — к мертвецу, более того, к существу составному, к продукту некромантского изощрения, которое вплело в противоестественный синтез живых людей…

Если такое решение и впрямь лучшее, то оно — без горечи и не скажешь — уже выполняется. Выполняется само собой, и помимо каких-либо «благородных решений» со стороны Лулу. И результат понятен: оно Лулу убивает. Ибо — опять-таки — сердцу не прикажешь… И любовь — зла. Любовь к мертвецу — так точно.

Смешная, поди, коллизия? Чтобы сохранить добрые отношения с подругой, Марципарина должна умереть. Чтобы восторжествовала жизнь и справедливость — умереть. Чтобы не подвергать опасности Ярал — опять-таки умереть. Ясное дело, не сразу. Но и не понарошку. Кажется, в детстве, живя среди одних мертвецов, Лулу смотрела на мир чуток веселее.

Есть статус-кво, который Лулу медленно убивает. Его можно нарушить, но нарушение чревато большими разрушениями сразу — и дружбы, и жизни, и всего Ярала… Где в своих рассуждениях Бианка ошиблась?

Не так уж и странно, что милая подружка Кэнэкта о заветном

сундуке даже говорить избегает. Она из последних сил хранит статус-кво, при котором к напряжённому внешнему благополучию примешаны крупицы её личного счастья. Ещё бы, ведь и у неё тоже своя любовь, и эта любовь такого свойства, что возвращение Чичеро из сундука ей наверное помешает. Где найдёт счастье Марципарина Бианка, там Эрнестина Кэнэкта потеряет.

Но, кажется, рассуждение уже пошло по кругу. Как обычно, Лулу повторяется. И повторения — верный знак того, что никакого решения нет.

Лучшее средство от повторений — рвать. Рвать закольцованную нить рассуждений, делать с ней то, на что Марципарина редко идёт в отношениях со значимыми людьми. Кэнэкту никак не изымешь из жизни — нету сил, да и неправильно это, а вот из мыслей, на какое-то время — уже получается.

И, послушная собственному решению, Лулу оставляет в покое удушающий её узел отношений с Эрнестиной Кэнектой, чтобы перейти к той части узла, в которой дышится намного свободнее. Хотя всякое чувство свободы выявит свою иллюзорность, если узел — Гордиев.

Кто и мог бы спасти рыцаря Чичеро из его тяжёлого кованого гроба, так это Бларп Эйуой — человек, не имевший от его заточения никаких личных выгод. Совсем никаких. Надо лучше знать Бларпа, чтобы говорить об этом наверняка, но Лулу не сомневалась: разведка в широком смысле и составляла его личную жизнь. В широком — это вместе с исследовательскими перелётами на воздушных замках, с долгими периодами скрытной жизни в разных городах и замках, с проникновением в тайны редких библиотек и собирательством фольклора.

Выгод от заточения рыцаря Бларп Эйуой не имел, а вот ущерб наверняка чувствовал. Сотрудничество с Чичеро для него, наверное, не было бесполезным. Столько славных дел совершено вместе (вот, хотя бы, победа над великаном Плюстом из замка Глюм), столько ещё могло предстоять…

По правде говоря, был и момент, когда к решению выпустить товарища наружу Бларп Эйуой приближался совсем вплотную, но полностью взять ответственность на себя — всё же не мог и не хотел. В тот раз он спросил у Чичеро — да, прямо так, постучал по сундуку и спросил:

— Если я отопру замок, сможете ли вы гарантировать покорность демона? — или как-то наподобие, точнее Бианка уже не помнит.

И Чичеро тогда ответил:

— Нет, не смогу, — это глупо, но ответил именно так. Что,

спрашивается, оставалось делать Эйуою?

Попрощаться, уйти.

Вспоминая ту, пусть недавнюю, историю, но с каждым днём, неделей, месяцем, годом уходящую в прошлое, Лулу Марципарина вновь и вновь силилась понять мотивы обоих участников столь краткого диалога у сундука, понять, быть может, лучше и точнее, чем они сами, — с тем, чтобы на новой основе.

Почему Бларп запросил гарантий на то, что Чичеро не мог ему гарантировать, в сущности, понятно. Ему, как разумному человеку, нужен был повод, чтобы выпустить товарища. Чтобы не «ни с того ни с сего».

Повод требовался, чтобы убедить себя, что появились хоть какие-то новые основания для этого акта милосердия. А заодно, быть может, и для того, чтобы подтвердить: прежние причины не выпускать мёртвого рыцаря из сундука были достаточно вескими. Мол, посланник Смерти посидел в сундуке, поразмыслил и — достаточно «перевоспитался», чтобы захотеть понадёжнее прежнего контролировать своего демонического попутчика.

В такой позиции Бларпа легко заметить изрядную долю слабости. Лживая, по сути, позиция. Закрывающая истину от себя, от Чичеро, да и от всего горного Ярала. С чем-то важным Эйуой не готов встретиться, вот и уходит, как только может.

Получается, хитроумный разведчик предложил Чичеро поучаствовать в своей хитроумной игре, тот же, как рыцарь, исполненный истинного благородства, с негодованием отверг сию сомнительную основу для своего освобождения. То есть…

То есть, обиделся, что ли?

Нет, уж для чего-чего, а для обиды у Чичеро, конечно, было крепкое основание, проверенное долгим сроком заточения в сундуке. Но: вот так обидеться и отказаться выходить? Когда тебя ждут — какие-никакие, а дела, когда тебя, наконец, ждёт любимая женщина?

Нет уж, такая обиженная реакция посланника в картину мира Марципарины никак не укладывалась. Пусть ты даже трижды негодуешь на произвол заточителя, дело-то понятное, но к чему же оно должно подтолкнуть? Доказать Эйуою его лживую неправоту — раз. Если не удаётся доказать — обругать его, ударить, а то и схватиться в честном поединке на мечах — вот в чём проявилось бы подлинное рыцарство. Да, условием такого поединка была бы тактическая хитрость: согласиться с Бларпом понарошку, а потом… Этак и для Чичеро вопрос бы разрешился, и несправедливым обидчикам был бы преподан хлёсткий и красивый урок.

Но — вовсе отказаться выходить? Да чем ты тогда лучше?

Кто не выходит из сундука, когда его готовы уже выпустить — всё равно с каким объяснением — тот или полный дурак, или индюк напыщенный.

Чичеро не дурак, во всяком случае, не полный — Марципарине ли не знать? Да, он мёртв, он разрушен и много чем обделён, однако понять, к чему приведёт отказ контролировать демона — уж это ему под силу.

А значит, упёрся из принципа. Не подумал о тех, кто во встрече с ним очень нуждается. Не подумал даже о троих карликах, без которых его нет. И о любви своей не подумал — только бы поставить на место Эйуоя. Так какой же отсюда следует вывод?

Напрашивался неутешительный для Марципарины ответ. Похоже, она рыцарю в сундуке вообще не нужна. Это от неё он прячется.

* * *

Иной раз думается: а не зря прячется. Кто прогневил дракона, тому бы и на глаза ему не попадаться, а уж драконицу — ту сердить опасно втройне. И не в том дело, как она выглядит, а в тех силах, которые бурлят внутри. Что с того, что миру не предъявлена огнедышащая пасть? Пасть для драконов — что труба для печи. Служит для отвода излишка внутреннего жара.

Человек ты, или драконица — кто разберёт? Вроде, больше похожа на человека, и даже самую протяжённую часть жизни причисляла себя к ним. Но люди не несут драконьих яиц. Кто бы чего ни говорил — не несут. Обычно вовсе того и не хотят, но ведь и не могут. Желания соригинальничать здесь мало: нужна подходящая наследственность.

Лулу Марципарина Бианка — из рода породнившегося с людьми дракона Драеладра. Смешно, но истинную свою родословную ей пришлось обнаружить совсем недавно. По дороге в Ярал и в самом Ярале.

А прежде-то думала… Ой, какую ерунду с самого раннего детства ей выдавали за её родовую историю. Внебрачная дочь высокопоставленного мертвеца — в таком происхождении её убеждали с младенчества. Или не внебрачная, а от тайного брака. Или не дочь, а внучка. Но мертвец… О, мертвец поставлен столь высоко, что даже имя его долгое время не называлось. Чтобы верней удивить при первой встрече, когда «всё откроется».

Воспитывалась маленькая Лулу в городе Цанц, в

сообщающейся с Подземным ярусом мира пещерной его части. Воспитанием заведовали мертвецы, более того — некроманты. Некроманты часто были умны, попадались среди них и настоящие мудрецы, а кое-кто из подлинных светил некрософии даже мог отнестись к девочке вполне доброжелательно. Из самых авторитетных и самых доброжелательных воспитателей Лулу выделяла некромейстера Гны. Его-то в детских фантазиях она и признала своим отцом.

Гны её не разубеждал, но и не давал подтверждений. Влияние на девчушку ему льстило, но он же и находил причины слишком близко не подходить. Много позже Бианка выяснила, что драконическое начало, жившее в ней, несовместимо с началом мертвецким, разрушительно действует на бальзамированные тела. Но в детстве её посещало лишь смутное ощущение своей инаковости, которое легко было отнести на счёт разницы между ещё живым ребёнком — и взрослыми, ответственно перешедшими в посмертие. Драконы же… О них ей избегали рассказывать, и даже слугам велели подальше прятать иллюстрированные книги.

Что до летящих по небесам драконьих замков — ну так Смерть с ними, с атмосферными явлениями: какой уважающий себя мертвец вздумает их всерьёз обсуждать?

В самом раннем детстве драконическое начало в Лулу Марципарине либо никак себя не проявляло, либо проявления не очень-то ей запомнились. Не зря ведь её опекали некроманты — какую-то часть готовых проявиться стихийных сил её природы они могли прикрыть своими заклинаниями. Именно прикрыть, а не обуздать — на последнее мертвецкая магия неспособна. Ибо «иноприродна», говоря подходящим словечком из хитрого лексикона некромейстера Гны…

Кстати, а как сейчас поживают могучие силы драконической природы в маленьком крылатом сынишке Марципарины? Молодая мать чутко прислушалась, проницая вниманием ночной мрак. Силы спали.

* * *

Драконы сильны, драконы могучи, но прежде того, как усилиться, их могущество тихо дремлет, незаметное для внешнего глаза. В этот ранний период, ключевой для становления всей дальнейшей судьбы драконов, они спокойны, доверчивы и очень уязвимы.

Уязвим и малютка Драеладрик. Но не просто уязвим, а недоверчив и беспокоен. А это не лучшее настроение, чтобы

успеть ему быстро развиться в могучую и неуязвимую с земли воздушную крепость.

Ранние треволнения ослабляют. И множат незащищённые зоны на теле, в чувствах, воле и уме. Иной раз, пытаясь разобраться в переживаниях маленького Драеладра, Бианка сталкивается с такими сильными всплесками беспокойства, каких сама доселе не ведала.

Может, это её собственное беспокойство за малыша? Нет. Собственное было бы другим. Лулу Марципарина достаточно хорошо разбирается в своих чувствах, чтобы не путать их с чувствами, приходящими извне. Своё от чужого тонко различается благодаря многим уникальным особенностям, таким, например, как высота звона, качество запаха, вкуса и цвета. Переживания Драеладра для неё — милые, трогательные, совсем не чужие, но притом и далеко не свои.

Отчего Драеладр тревожится? Может, именно оттого, что его будущая драконица-мать в свой период ранней безмятежности была жестоко обманута. Введена в заблуждение о мире и о себе. Хитроумно уязвлена.

Когда-то малышка Лулу, а скорее — просто малышка, мирно спала в драконьем гнезде и была похищена мертвецами. Внешне дракона она ничуть не напоминала, но похитители, уж наверное, знали, кого забрали с собой. Если даже не знал тот из них, кто первым взял ребёнка на руки (исполнителей редко посвящают в неявные детали задачи), то уж наверняка догадывался тот, кто его послал.

Кто же послал? Некромейстер Гны? Может, и не он, но именно в его кураторство малышка затем попала. И в её отношении некромейстер имел какие-то планы, которыми предусматривалось сокрытие её драконьей сути как от её самой, так и от дальнего круга. Сколько мертвецов было посвящено? Теперь уже и не важно: говорят, некромантская гильдия Цанца была полностью разгромлена и вырезана в краткий период захвата города отшибинскими карликами, а Гны тогда же ударился в бега.

Но то пришло потом. А тогда… В городе Цанце традиционно задавали тон две гильдии, всей своей деятельностью ориентированные именно на посмертие: бальзамировщики и некроманты. Первые врачевали мёртвые тела, вторые — мёртвые души.

Тело маленькой Лулу напоминало человеческое, а вот в душе гнездились драконьи силы, потому посвящённые некроманты знали, как сильно они рискуют. И знали, что это дитя — в отличие от чисто людских — они никогда не смогут ввести в

посмертие. И всё-таки, зная это, почему-то рассказывали девочке о преимуществах заведомо недостижимого ею состояния. Но зачем? Чтобы поселить в душе зависть?

Или затем, чтобы верней обманывать непосвящённых. Чтобы поменьше внимания привлекать. Желая использовать скрытую драконицу в какой-то своей игре, Гны приложил немалый воспитательский талант и старания, чтобы сделать её поведение малоотличимым от типичного для других детей аристократического сословия. И действительно, в детстве она отличалась от них очень мало, почти ничем. Почти только вечным эскортом из мёртвого слуги, да в придачу одного-двух воспитателей в некромантских фиолетовых мантиях.

Что ж, такие старания, взамен того, чтобы просто «убить дракона» — знак известной меры доброжелательности… Искать ли в последней мысли разумную основу, или видеть одну иронию — это уже дело личного вкуса.

Как и у многих детей аристократов земли Цанц, детство Лулу почти полностью прошло в одиночестве среди взрослых мертвецов. Лишь у кого-то из маленьких отпрысков знатных фамилий в услужении бывали вороватые живые слуги, но чаще — честные и дисциплинированные слуги мёртвые. Такие не взбрыкнут, не позарятся, ведь по условиям контракта заранее предоставляли хозяевам «призрачную шкатулку» с заключённой в неё собственной тенью. Иначе говоря, душой.

С живыми сверстниками (в детстве-то все сверстники были живыми, лишь в пору совершеннолетия их ждал главный некромантский обряд) Лулу Марципарина виделась редко. Сначала — из-за того, что имела неопределённый родовой статус: чья она дочь, некроманты держали в тайне, лишь на что-то смутно намекали. Потом — из-за того, что статус определился. Лулу думала, ей в торжественной обстановке, наконец, скажут, что дочерью она приходится некромейстеру Гны. Однако — ничего подобного! Когда назвали имя «высокопоставленного мертвеца», предназначенного ей в родители, то как нарочно выбрали самое главное из имён города Цанц.

Умбриэль Цилиндрон, Управитель всего Цанцкого воеводства — ведь неслабо же звучит! И пусть на саму воспитанницу некромантов эта весть не произвела всеми ожидаемого впечатления, зато весь остальной город Цанц она просто-таки потрясла и сразила. Ведь Жемчужномудрый цанцкий воевода был произведён в отцы не одной Марципарины. Он приходился отцом и всему городу.

За это его все любили. Ну, или обязаны были любить.

Надо сказать, что город Цанц в пору детства Марципарины

ещё не удостоился войти в состав мёртвого Запорожья, но усиленно к тому готовился. Наверное, как и другие пещерные города, расположенные вдоль главной магистрали среднего мира — Большой тропы мёртвых, но всё же поболее других городов. Пусть немногим, но всё же поболее.

Управителя Цанцкого воеводства издавна обуревали честолюбивые планы. Ему хотелось быть вторым мертвецом в некрократии после самого Владыки Смерти — и это, наверное, только для начала. У себя в Цанце тщеславный Цилиндрон поставил почти точную копию Мёртвого Престола из подземных чертогов Владыки Смерти.

Как отнёсся Владыка Смерти к таким амбициям Умбриэля Цилиндрона? Наверное, неоднозначно. Зависит от того, кто таков сам Владыка Смерти, или что он такое. Если ты существо, чем-то подобное человеку, то желание другого человека на тебя походить должно быть тебе лестно. Если же его желание столь велико, что готово тебя полностью скопировать, а то и подменить — то кому такое понравится? В том и неоднозначность.

Да только подобен ли Владыка человеку хоть в чём-нибудь, это ещё вопрос. И в нём — вопреки некромантскому составу своих воспитателей и учителей, Марципарина Бианка так и не разобралась. По правде говоря, некроманты и сами знали о Смерти далеко не всё. И чем меньше знали, тем, как водится, больше темнили — приём строго по секрету и с самым таинственным видом.

* * *

Имена для драконов особенно важны. Для людей они, конечно, важны тоже, но не настолько. Назовёшь человека чужим именем — проживёт и под ним, даже не заметит. А драконы ради своих имён вылетают на поединки. Двоих драконов под одним именем одновременно жить не может.

Имя насыщает дракона энергией. Не само имя её источник, но помимо имени такой энергией не напитаешься. По словам сведущего в вопросе Бларпа Эйуоя, имена сродни фильтрам, через которые представители драконьей расы сообщаются с силой породившего драконов Божества.

Имена несут память рода. Нет, не так. Есть особая память имени, память долгой прерывистой линии, составленной из жизней драконов, которых звали одинаково с тобой. В эту линию включены только предки, но не все из предков, а только те, что имели назначение, сходное с твоим.

Именем дракона определяется его сила: сила воли, желания и ума, сила интуитивных озарений и крепость заклинающих слов. Нарекая имя дракону, не всякий родитель дерзает претендовать на большее. Если претендентов окажется больше одного, право носить загаданное сильное имя придётся подтверждать на поединке.

Самых сильных имён немного, сильнейшее из них — Драеладр. И Лулу Марципарина Бианка может гордиться: снесённое ею яйцо получило именно это имя ещё до появления на свет самого сына-дракона, к тому же, что важно, с полного согласия большинства драконьих родов, собравшихся на совет у драконицы-архиматери Гатаматар.

Самой Марципарины Бианки, правда, на том драконьем совете не было. Но был Бларп Эйуой, чьё драконье имя — Бларобатар — открывало ему дорогу на подобные собрания. Так вот, Эйуой сообщил, что на совете царило беспокойство. Шутка ли: умер старый Драеладр, чьё имя на протяжении многих веков удерживало мировое равновесие.

Без Драеладра кто мог поручиться за неуязвимость небес? Кто мог противостоять дальнейшей экспансии мёртвых, что Срединный мировой ярус, почитай, заполонили? Мать-драконица Гатаматар ни поручиться, ни противостоять не могла, другие драконы тоже.

Требовалось скорейшее рождение нового Драеладра, пока в созданный смертью старого разрыв между временами не хлынули полчища рукотворных существ Нижнего мира. Других драконов, готовых вылупиться, в ту пору не оказалось — только тот Драеладрик, встречи с которым ожидала Лулу. Потому его права на главное династическое имя никто не дерзнул оспаривать.

Именем дракона определяется и его слабость. Слабости у большинства драконов легко заметны: тот неумён, тот несдержан, а у этого крылья скрипят в полёте. Бывают и такие имена, чьи слабости намного сильнее весьма посредственных сил, потому их наречение нововылупленным дракончикам иначе и не объяснишь, как умственной слабостью родителей.

Слабости сильнейших драконов неявны, более того — намеренно держатся в секрете, раскрыть которые подчас позволяют лишь тексты древних мифов. Хитроумный Бларп Эйуой не зря собирает старые поверья, сказки да легенды из разных человеческих местностей. Он-то и разведал, что имя Рооретрала уязвимо для «злобного хохота», что бы это определение ни означало, а имя Ореолора предрасполагает к «жизни во сне».

Так вот, имя Драеладра особенно хорошо ещё и тем, что

вовсе не имеет слабости. Точнее, как замечал дотошный Бларп-Бларобатар, эта слабость до сих пор никем не разведана. А если и разведана, как замечал он позднее, пребывая уже в шутливом расположении духа, то — живых разведчиков не сохранилось. Отчего только Бларпу вздумалось на эту тему шутить?

Бианке, вот, к сожалению, не смешно. Тому есть веская причина. Пусть с именем у её Драеладрика всё сложилось благополучно, но… Не чересчур ли медленно он растёт? Если не имя, то что влияет? Если не влияет, то отчего Марципарину посещает такое тревожное чувство, будто не только её семья, но и весь мир накануне краха?

— Могли ли повлиять имена родителей? — допытывалась Лулу Марципарина у компетентного Бларпа Эйуоя.

— Влияние родителей есть всегда, — отвечал тот, — но дело не в именах. Ни у Чичеро, ни у вас, досточтимая родительница, нет никаких наречённых драконьих имён. А человеческие не в счёт.

Ответ исчерпывающий. Но не успокоительный. Бларп упомянул влияние родителей, и ведь да, налицо самая отягощённая наследственность. Чичеро — тот вообще мертвец. Ясно, на телесном уровне Лулу Марципарина Бианка имела дело с тремя живыми карликами, но ведь и карлики выступали не от своего собственного имени. Когда эти люди выступают от собственных имён, идут они к другим женщинам, не к Марципарине. Вон, одноглазый Дулдокравн — тот ходит к Кэнэкте, у них любовь. А чтобы зашёл к «досточтимой родительнице» Драеладра, для того мертвеца Чичеро должно предварительно извлечь из покрытого чарами сундука. Смешно?

Отнюдь не всё благополучно и с влиянием матери. Да, живая. Да, женщина из смешанного человечески-драконьего рода. Но воспитывалась-то мертвецами! Самыми отъявленными — некромантами. Могла ли она не получить от такого воспитания неизгладимый отпечаток на душевных силах?

А имя её? Не несёт ли оно также хитрого некромантского заклятия? Всей драконьей частью своего естества Бианка чувствует: никакого заклятия нет, имя дано вполне искренне, без явного зложелательства. Будто и не врагу. Может, не некроманты давали?

Но почему тогда, стоило матери Драеладра лишь задуматься о собственном имени — и бессонная ночь проходила в сумбурных нелогичных размышлениях, из коих к утру запоминались одни урывки?

И всё же. Лулу Марципарина Бианка — откуда взялось это имя? Ответить просто. Имя далеко не драконье. Всё указывает на

то, что его дали мертвецы. Возможно, доброжелательно настроенный некромейстер Гны, который, надо отдать ему должное, пытался малышку понять.

Да, очень похоже. Цанцкий некромейстер — он и далее, когда драконьи силы из Марципарины стали вырываться, как лава из вулкана, продолжал постигать необычную для себя сущность девушки с искренним интересом.

Такой интерес — залог соответствия имени. А ведь имя у девочки-дракона вполне прижилось: не было ею сразу отторгнуто, а там понравилось и вошло в привычку. И составной характер имени не составил неодолимой помехи, поскольку Лулу в идейной своей глубине действительно была Бианкой, а на поверхности — Марципариной.

В самом деле, славные имена, раскрывающие в человеке богатство внутренней сложности. Странно даже представить себя в других словесных одеждах, но в этих трёх платьях — можно щеголять, не боясь соскучиться.

Конечно, в самой тройственности имени может таиться и известная опасность. Перспектива разделения. Но в ней — не некроманты виновны. А внутренняя сложность опыта Лулу Марципарины Бианки как чем-то подобного Чичеро разноприродного существа.

* * *

Кто знает, в чём состояла интрига, в которой цанцкие некроманты надеялись использовать девочку, похищенную из гнезда дракона? В том ли, чтобы во славу Владыки смести с поста Цанцкого воеводы Умбриэдя Цилиндрона — как это и случилось добрых тридцать лет спустя? Или же, наоборот, она требовалась самому Цилиндрону, а задача состояла как раз в удержании власти?

Спросить некого. Одно несомненно, толком использовать её так и не удосужились, а может, и пожалели. Странная для некроманта жалостливость в отношении Лулу исходила от Гны, и если в детстве воспринималась как должное, то по мере взросления всё более удивляла, предрасполагала к мыслям: а что, если официальная версия лжёт? Что, если её отец — всё-таки Гны, а не Умбриэль Цилиндрон?

Последнему до «дочери» в обычные дни и дела-то не было. Только в праздничные, когда протокол требовал её официального присутствия. Да и тогда — Марципарину эмоциональная холодность вознесённого над головами Умбриэля заставляла

крепко задуматься. К чему эти спектакли на тему важности родственных чувств? К чему приуроченные к дням её рождения симпозиумы с угощениями? К чему, если она сама Цилиндрону неинтересна?

На торжественные симпозиумы имени себя Лулу приходила с книгой. Знала, что всегда представится возможность уединиться у облюбованного ею фонтана в дальней оконечности Зеркального зала. Пару мгновений займёт формальность открытия симпозиума — и дальше делай, что хочешь. Никто не подойдёт, не помешает. Да и просто не подойдёт.

Когда Лулу Марципарина стала вырастать из девочки в девушку, в ней начали пробуждаться мощные энергии драконической стихии. Умбриэль Цилиндрон этого пробуждения вовсе не заметил, а вот Гны был начеку. Как только Лулу принялась влюбляться в своих воспитателей, некромейстер стал их быстрее тасовать. Только девушка почувствует, что кто-то из них симпатичен ей настолько, что без него она жить не может — а хитромудрый Гны тотчас удалит именно этого мертвеца. Пройдёт час-полтора мучительных страстей — и удивлённая воспитанница вдруг заметит: а жить-то можно! И не так ей важен оперативно убранный предмет воздыхания — подумаешь, свет в оконце…

Дикие желания нежданно захлёстывали Марципарину — и с той же внезапностью отступали. Нахлынет — отхлынет. Накатит — откатит. Заштормит — обернётся апатическим штилем. Вознесёт — укачает.

Странно, что все неожиданные для неё самой чувства Лулу некромейстер Гны успевал предугадывать. Видно, в тонкостях изучил её драконически восприимчивую натуру. Но какая же злоба обуревала воспитанницу всякий раз, когда к зарождению её нового чувства Гны оказывался готов. И снова переиграл… И опять… И теперь…

В ослеплении от яркости собственных чувств Марципарина всякий раз идеализировала сменный предмет своих обожаний. Она и думать не могла, что перепуганные чрезмерностью её внимания некроманты сами спешат доложить главе цанцкой гильдии о назревающей проблеме. Нет, ей казалось, что некромейстер вездесущ и всевидящ. И потом, когда сильный гнев испарялся, на его месте обнаруживалось нежное дочернее чувство. Не к напыщенному индюку Цилиндрону, а к тому, кто чутко реагирует на все замысловатые движения души воспитанницы.

Хотя… Была ли в них тогда замысловатость? Быть может — лишь напор и бешеный ритм страстей. Вызывающий тревогу

внимательного Гны. Страшный для воспитателей-некромантов. Опасный для мёртвых воздыхателей из города Цанц, которые явились чуть позже, вились вокруг, точно шмели над лужицей медвяного нектара, но в глупости своей не знали, с чем играют. Загнавший в сундук даже перепуганного рыцаря Чичеро.

* * *

Воздыхатели, правда, издевательски непостоянные, у Марципарины появились годам к двадцати двум — в том возрасте не девушки, а молодой женщины, когда наигравшаяся с юными своими жизнями цанцкая молодёжь уже готовится переходить в посмертие. Мол, перебесились — пора и честь знать. Остепениться, выйти в уважаемые мертвецы, а для того — заняться каким-нибудь делом. А, как известно, жизнь — серьёзному делу помеха.

Наблюдая, как на глазах мертвеет её окружение, Марципарина не могла взять в толк: а её-то почему не трогают некроманты-учителя, ни к чему не готовят? Даже обидно. Может, она сама должна о чём-то их попросить?

Но даже когда ей случалось завести разговор об обряде перехода, некроманты тотчас уходили от ответа. С ловкостью, говорившей о долгой тренировке заранее.

Её что, решили оставить в живых? За какие такие проступки?

Позднее, уже с появлением в Цанце Эрнестины Кэнэкты, перед молодой дочерью Умбриэля Цилиндрона был исподволь раскрыт верный ответ — о том, что бродящие в ней мощные энергии — драконьего свойства, каковое исключает проведение в её отношении всяких там некромантских обрядов. Но в течение ряда лет, пока яральская разведчица до закрытого города Цанца ещё не добралась — о чём могла думать Марципарина? Она недостойна посмертия. Она всех хуже. Официальный отец Умбриэль Цилиндрон очень ею недоволен.

Страдая от собственной неполноценности, Марципарина с удвоенным пылом откликалась на понятное стремление мёртвых аристократических сынков Цанца завести с нею отношения. Большинство из них она непроизвольно отталкивала сразу же — этим самым удвоенным пылом. Тех же, кого при первой встрече её пыл недостаточно пугал, о чём-то важном просвещали родственники — и молодые люди ретировались уже со второй встречи.

Некоторых же — самых родовитых и упрямых — отваживал сам Цилиндрон, снисходя для таких разговоров со своего

высоченного стула. Надо сказать, характер официального «отца» Марципарины был таков, что сам процесс отваживания был для него особенно вдохновителен.

Что думать юной красавице? Мертвецы её сторонятся. И даже те из них, которые, казалось, желали её, по зрелом размышлении с негодованием её отвергают. А те, кому всё же не страшно, всё равно пугаются гнева её отца, чем показывают неготовность к мало-мальски решительным подвигам в её имя. Угу, и этих тоже не вдохновила. Видать, с нею как с женщиной что-то очень-очень не то.

Намного позднее Бианке рассказали, в чём было дело. Конечно же, в несовместимости мертвецов и драконов — о том ей твердила, например, Эрнестина Кэнэкта. Но чем такая несовместимость грозит, Кэнэкта уточнить затруднялась. Чем-то ужасным, но чем?

Опасно ли это для мёртвой души — тени, спрятанной в «призрачной шкатулке»? Но чем же опасно, если душа удалена и спрятана? Кэнэкта молчала, не в силах найти вразумительный ответ. Не имела она в своём личном опыте ни подлинных драконьих страстей, ни схоронённой в шкатулку мёртвой души. Могла лишь фантазировать, да и то неуверенно.

Помог Бларп Эйуой — уже здесь, в Ярале. Он, как и Марципарина, в сути своей — человекообразный дракон из рода Драеладра. И даже, в отличие от Лулу, имеет собственное драконье имя, даром что слабенькое — Бларобатар. А значит, через имя может общаться с тем из Семи Божеств, которое сотворило драконов. В сочетании с редким среди драконов умением понимать мертвецов, эта способность делает его носителем уникальных знаний. Тех, каких Эрнестине недоставало.

Так вот, Эйуой Марципарине ответил.

Что происходит, если мертвец попадает в жаркие объятия драконицы? Пожар происходит. Страдает ли заключённая в шкатулку мёртвая душа? Конечно, страдает — рыдая на пепелище тела. Ибо первое из того, что с телом произойдёт — это вспыхнут мертвецкие бальзамы. Когда мертвец воспламенится, тем для него вся любовь и закончится. Драконица тоже рискует получить множественные ожоги. Держать в объятиях промасленный факел — чревато, знаете ли.

Слушая Бларпа, Бианка не без содрогания узнавала об опасностях, которых избежала лишь чудом — и благодаря слаженности работы некромантов-соглядатаев. Стоило им спасовать хоть раз — и запылал бы костёр. Стоило ей оказаться хитрей — то же самое. Или — хоть раз, хоть кому-то из мёртвых

её поклонников проявить несгибаемую волю и твёрдый характер.

Не проявили. Никто. И рыцарь Чичеро из Кройдона — тоже.

Залог твоей безопасности оказался в том, что ты никому-никому-никому-никому не была нужна!

* * *

Больше всего Бианку ранило то, что рождение маленького Драеладра не произвело на рыцаря Чичеро никакого заметного впечатления. Она-то думала, он так вдохновится, что уж теперь сам измыслит способ, как ему извлечься из ненавистного заколдованного гроба. Но не тут-то было. Полная безучастность гадкого любимого мертвеца — ведь она же невыносима!

— Ты разбиваешь мне сердце! — громко кричала Марципарина. — Никто другой, ты один, ты будешь виноват! Ну, что молчишь? Твоё молчание говорит, знаешь о чём? О безразличии! О безразличии ко мне, о безразличии к твоему сыну! Молчание — обоюдоострый меч, ты не знал? Молчание может иногда исцелить, но молчание может и убить, и именно сейчас твоё молчание того самого безучастного свойства…

Чичеро упрямо продолжал молчать, хотя Марципарина, распаляясь, чуть ли не качала своим отчаянным криком всю преогромнейшую Белую гору, на вершине которой и стоит городок Ярал.

Увы, никакие крики так и не произвели на молчуна должного впечатления. Может, всё дело в том, что кричала она не вслух?

Но даже закричи она во всеуслышание, сотряси гору пронзительным человечьим сопрано да тяжёлым драконьим басом, что изменится? Тот, кто не желает слушать, всё равно не услышит.

Марципарина ведь знает, что имел в виду её вероломный любимый, залезая подальше от гнева драконицы в кованый сундук и упрашивая доброго Эйуоя ни в коем случае не выпускать! Конечно знает, ведь она драконица, а драконицы знают всё!

Всем своим поведением любимый мертвец ей показал, что в гробу он её видел.

Видел. Сидя. В гробу.

Глава 6. Время прощать

Испуг творит чудеса.

И речь не о том, что перепуганная царевна Оксоляна много чего учудила. Хотя и учудила, как же без этого.

Нет, вслух ничего не сказала. Лицом и жестами промолчала тоже. Но…

Многого, слишком уж многого с перепугу наболтала в своих мыслях, настолько прозрачных для Ангелоликой, насколько бывают помыслы храбрых рыцарей Ордена посланников Смерти для всеслышащего уха Владыки.

«Ой, я больше не буду! Ой, это как-то оно само собой вырвалось»… Сколько раз пойманная в ловушку собственной неискренности царевна повторяла эти бессильные заклинания?

Во внезапности испуга повинен Карамуф. Кто же ещё? Это он разубеждал Оксоляну в особом даре Ангелоликой прочитывать мысли. Смеялся. Говорил, есть не чтение мыслей, а просто их предсказуемость. Зачем читать то, что можно и так вычислить, да ещё заранее?

Царевна тогда не нашлась с ответом. И зря: достаточно было переформулировать последний вопрос, прочесть его наоборот — и Карамуф уже сам не нашёлся бы. Зачем вычислять, да ещё заранее — всё то, что можно и так прочитать в любой удобный момент? Ага, крыть нечем!

Карамуф, конечно, не старался царевну обмануть. Он искренне сомневался, что способность читать мысли у Ангелоликой есть, и даже рассказы собственных знакомых о чудесах проницательности хозяйки Цига его не убеждали. Бывают люди скептиками по натуре.

— Откуда же у Ангелоликой те секретные сведения, которые я никому не доверял? — вопрошал один из деловых партнёров банкира, тот самый, чей букет во славу красоты Оксоляны оказался щедрее прочих.

Но Карамуф отвечал, что дело, конечно же, в разветвлённой сети шпионов и разведчиков. Оттуда, дескать, у неё и ваши сведения, господин Босс!

Оксоляна же в том разговоре заявила глубокомысленным спорщикам, что сама точно не знает, но думает так: шпионская сеть у Ангелоликой, конечно же, имеется, но присутствует и чтение мыслей — ну как ему не быть, если сам Владыка Смерти ей вместо любимого старшего брата? А уж в способностях Владыки не усомнится никто. Раз никто, то и нам не след.

Хорошо ведь тогда сказала? Чудо, как хорошо! Ещё бы

малость себе же самой поверить… Ну, и о мыслях своих неприличных заранее поразмыслить, чтобы так сильно не опозориться.

Ведь что получается? Ангелоликая может многое…

— Да, я могу многое, — с удовольствием признала госпожа Мад Ольгерд. То всё молчала да смотрела на весь ширящийся перепуг царевны насмешливым взглядом, а тут заговорила. Ясное дело: впервые выискала в мыслях Оксоляны что-то для себя лестное.

Да-да, многое! Раз молва о нисходящем на неё ангельском лике ничуть не привирает, а полностью подтверждается, то и насчёт чтения мыслей — всё правда. Оксоляне бы о том… А то ведь теперь… — ужас-то какой!!!

— А в чём ужас? — кокетливо спросила Мад Ольгерд.

Ясно, затем и спросила, чтобы ужас мой приумножить! Вот злобная ч… ч-человеколюбивая властительница…

— Как вы хотели меня назвать? — губы Ангелоликой иронически искривлены, а вот глаза, кажется, полны гнева. — Словом на букву «ч»?

Прости меня, Владычица, за дерзость, больше никогда не стану сравнивать тебя с глупым писчим предметом… Нет, прямо сейчас перестану сравнивать — и не упомяну слова «чернильница», как бы сильно ни подмывало…

Ой, как назло, упомянула. Не удержалась — вот дура!

— Да вы себя, как я слышу, ругаете, милое дитя?

Ругаю. Да.

— Почему же?

Потому в отношении всяких непочтительных мыслей Оксоляна положила твёрдо себе сказать: «Я больше не буду»… Но попробуйте выполнить обещание не думать о чернильнице! Поскольку мерзкий предмет возвращается, царевне придётся приискивать другие сравнения, не столь уничижающие.

— О, есть и другие сравнения?

И вот беда: другие-то сравнения пришли, но теперь они, как на зло, все замыкались в царстве животных — ну хоть плачь! Ну правда ведь, о человеческой красоте и грации при взгляде на Ангелоликую и речи не возникает. Взамен обнаруживается сложная комбинация из грации куриной, кабаньей и немного рачьей. Нет, животные, как животные, но сравнение с ними опять-таки не может не оскорблять величественную мёртвую леди.

— У животных можно многому поучиться, — разрешила сомнения царевны Ангелоликая, — даже у насекомых. Поглядите-ка на мою брошку!

На правой груди Мад Ольгерд и правда присела изящная

сапфировая саранча. Славная вещица, вот бы и мне такую же! Сработана, поди, лучшими карамцкими ювелирами — на крылышках замысловатые клейма. А какие у неё нежно-переливчатые загребущие жвалы — просто прелесть…

Кажется, Оксоляне снова удалось ненавязчиво польстить Владычице.

— Вижу, дитя моё, вы наконец-то освоились, — усмехнулась Ангелоликая, — думаю, нам с вами самое время перейти к делу.

— Да-да, конечно, — поспешно проговорила царевна. Кажется, это были первые слова, произнесённые ею вслух за те добрых четверть часа, что на лице и во всей фигуре Мад Ольгерд красовалась суровая маска ч-ч-чрезвычайного человеколюбия.

— Испуг творит чудеса, не правда ли? — спросила Владычица Мад.

— Творит, — закивала царевна.

Она постепенно поняла, что только что прошла какую-то сложную проверку. И ещё поняла, что Ангелоликая прониклась к ней самыми добрыми из чувств, на которые была способна. И благодаря чему, спрашивается?

Благодаря испугу.

Её испуг Ангелоликой польстил.

* * *

— Что ж, принцесса, теперь к делу, — решительно потребовала Мад. — И потрудитесь отныне говорить вслух. Во избежание разночтений при установлении условий нашего с вами сотрудничества.

— Да-да, конечно, — произнесла царевна.

— Я полагаю, что в ваших интересах заключение с некрократической властью в моём лице некоторого обоюдовыгодного договора.

— Да, вы правы.

— Так вот. Хочу предупредить, что наш с вами договор останется устным, но будет заключён при свидетелях, — Ангелоликая повела орлиным носом направо и налево, призывая в свидетели своих спутниц.

— Да-да, понимаю.

— Хочу также подчеркнуть, что все пункты нашего соглашения должны быть проговорены при свидетелях. Всё то, о чём вы подумаете, но не скажете, в состав договора не войдёт.

— Это справедливо, — кивнула царевна.

— В таком случае будьте любезны сообщить, чем вы можете

быть полезны некрократии?

— Прямо сейчас? Мало чем, — увы, Оксоляна не настолько прочно стоит на ногах, чтобы в своём положении беженки уверенно помогать некрократии.

— А потом?

Потом, когда некрократия поможет Оксоляне, то возможности стать полезной делу Смерти у неё, конечно, появятся, а желание помогать, наверное, усилится, ведь уземфская царевна не голь какая неблагодарная… Ах да, надо же не забыть всё проговаривать вслух. Как-никак, сама Мад о том попросила.

— Со временем, надеюсь, наше сотрудничество окупится к общей выгоде, — произнесла царевна обтекаемо. Ведь понятно же выражается?

Ангелоликая внимательно поглядела царевне в глаза:

— Что ж, для нас важны не столько ваши возможности, сколько готовность служить делу некрократии. Постоянная готовность. И тогда, когда вы достигнете вершин. И ранее.

Оксоляна заверила недоверчивую Мад, что желание чем-то послужить некрократии её прямо-таки теснит и распирает. Ангелоликая, в свою очередь, заверила царевну, что некрократия невероятно щедра к собственным благородным помощникам. Кто ей послужит — не прогадает, ибо уже по ходу службы обретёт многие личные выгоды.

— Итак, что вы хотите получить?

— Хочу вернуться в Уземф, — поспешно произнесла царевна.

В обсуждении кое-каких вопросов она уже натренирована в ходе долгих бесед с Карамуфом. Банкир дал понять, что её желание остаться в Запорожье будет хоть и понято Ангелоликой, но никак не поддержано. Мало ли кто хочет остаться в Запорожье? Да практически все.

— На каких условиях вернуться? И что вам мешает это сделать?

— Мешают — преследования со стороны моей сестры, царицы Будулы. А насчёт условий возвращения… — здесь Оксоляна замялась. И не то чтобы не обдумала своих условий, просто надо же показать хоть какую-то меру уземфской скромности. Амбициозным нахалам обычно помогают нехотя.

— Я жду, — поторопила Мад.

— Хочу стать царицей Уземфа…

— Это разумно! — похвалила Владычица. — Что ещё?

— Ещё? — будущая царица на миг задумалась. — Осталась сущая безделица. Личная месть.

— Кому?

— Нескольким людям. А ещё — одному народу.

— Народу? — надо же, Оксоляна ухитрилась впечатлить Ангелоликую.

— Что же за народ, и чем он перед вами так провинился?

— Картау. Народ — так себе. Кочуют по пустыне слаборазвитые племена, вот и весь народ. А провинился тем, что напал на мой дворец в оазисе Гур-Гулуз. И так ловко напал, что камня на камне не оставил, — Оксоляна демонстративно скрипнула верхними зубами о нижние. Звук получился мелодичным.

— И что же, весь их народ участвовал в разорении вашего дворца?

— Не весь, конечно. Но картау очень примитивны: у них нет имён. Все они просто Картау. Поэтому как отличить правого от виноватого? Проще и разумнее наказать сразу всех.

Ангелоликая одобрительно покивала. Мол, несомненно разумнее.

— Кстати, а зачем эти Картау напали на дворец? Хотели поживиться?

— Ну, не совсем, — Оксоляна замялась, — дело в том, что мерзавцы мне мстили… — сказала и сама же расстроилась: Ангелоликая теперь не отстанет, пока не выспросит до конца, а там ведь — в опасном соседстве с племенами картау — притаились собственные грешки.

— А за что мстили? — оджидаемо спросила Мад Ольгерд.

Лимонные щёки царевны в зеркале видимо пооранжевели.

— Ну… — протянула она, собираясь с духом, — дело в том, что я совершенно случайно осквернила их поганое святилище…

— И только-то? — прыснула Мад. — Что ж, поганые святилища осквернять надо. Значит, поступила правильно!

Царевна, помня о своём грешке — довольно мелком, но таком постыдном и трудносовместимом с высокой моралью мертвеца, поспешила согласиться. А то ведь Ангелоликая, как узнает — не только не одобрит её пошлое потакание своим низменным страстишкам, но и знаться с Оксоляной больше не захочет. Чтобы как минимум самой не замараться. Руки мертвеца должны быть чисты — это всякий скажет.

Ещё Мад Ольгерд попросила перечислить тех «нескольких людей», которым Оксоляна также собирается мстить. Не только ведь народу.

— Царица Будула! — с чувством произнесла царевна.

— Ну, это-то понятно. Дальше.

— Один мой бывший наложник. По имени Хафиз.

— А этого-то за что? — хихикнула Мад.

Оксоляна надула губки:

— Он меня бросил.

— Это всё?

— Нет. Ещё надо уничтожить двух отшибинских карликов. Их имена — Лимн и Зунг. И это они привели племя картау в оазис Гур-Гулуз и натравили на мой дворец! — Оксоляна снова скрежетнула зубами. На сей раз получился не такой уж и мелодичный звук. В общем, зря скрежетала.

* * *

Неужели состоялась та главная встреча, ради которой Оксоляна приехала в Циг? Встеча долгожданная, но неожиданная.

Когда Ангелоликая вышла из оксоляниной ложи, а сделала она это в образе «тётушки» (тщедушная, узкий таз, мягкие очертания лица, добрые морщинки у глаз, цвет кожи ближе к молоку, чем к крови), счастливая царевна не могла сдержать глупой улыбки. Получилось!

Обо всём договорилась! Убедила Мад Ольгерд в своей полезности. Оконфузилась в малом (ох уж эти обидные прозвища!), но зато избежала мыслей о куда более серьёзных грешках. О дурных привычках, коим царевна предавалась в Уземфе. Узнай о них Ангелоликая, тогда ещё неизвестно, пожелала ли бы иметь дело с таким грешным существом, отягощённым многими слабостями — тогда как некрократии важны сильные адепты.

Повезло, что госпожа Мад не стала подробнее расспрашивать и о причинах бегства царевны. Да, о вероломном преследовании царицей Будулой — истинная правда, но ведь не вся правда. Стоит чуть глубже копнуть — и тут же наружу полезет история потакания молодой царевны собственным дурным наклонностям. Извинительным, но очень дурным — будущей царице такие не к лицу.

А ещё — пришлось в который раз увериться в неизменной щедрости некрократической власти. Пятьсот некроталеров ежемесячно всегда пригодятся. Ангелоликая сама поставила вопрос о гонораре — за что? За то, что царевной Оксоляной будут совершаться действия, которые приведут её к титулу царицы? Так она же и без того собиралась их совершать!

— Вы обязались перед некрократией стать царицей, — пояснила госпожа Мад, — это значит, что вы более не вправе отказаться от своих слов.

А собирается ли отказываться уземфская беглянка? Такое

даже представить весело!

— Пятьсот — это для начала, — сказала Мад, — когда станете царицей, вам будет причитаться намного больше. Проекты, которые доказали свою успешность, некрократия ценит гораздо выше.

Если говорить начистоту, царевна пока что в деньгах не нуждалась. Не считая приличной доли родительского наследства — запаса изумрудов и ценных бумаг, что лежали в банке Карамуфа с незапамятных времён, Оксоляна владела и неплохой коллекцией личных драгоценностей, спасённой из гибнущего дворца в Гур-Гулузе. Рискуя посмертием, верный Ынышар её буквально выцарапал из-под носа подлых захватчиков.

Когда Оксоляна нашла в Циге своего банкира, тот подтвердил её права на причитающуюся долю наследства, подсчитал по её просьбе, на сколько лет существования на широкую ногу его может хватить — лет на пятьдесят, но при том настоятельно советовал не обналичивать сокровища до встречи с Ангелоликой. «Зачем тратить состояние, которое может полежать?».

Царевна тогда не до конца поняла Карамуфа. Ещё бы: даже его готовность предоставить ей часть собственного особняка показалась непродуманной и смешной благотворительностью. Но теперь-то — после договора с Ангелоликой — его предложение крова клиентке выглядит исполненным здравомыслия и практического опыта. Карамуф был уверен, что уж деньги-то Оксоляна получит, даже если не догадается попросить. Он хорошо знал некрократию и её приёмы работы с людьми.

Некрократия на твой счёт намного спокойнее, когда платит тебе деньги, сказал однажды Карамуф, а царевна ещё подумала, что он оговорился, что имел в виду твои взносы в некрократию, а не её — в тебя. Оказывается, его слова были точны. Да, вступая с тобой в отношения, власть мертвецов ищет повод тебе заплатить. Ибо щедра. Ибо справедлива. Ибо страдает, когда не удаётся проявлять лучших своих качеств.

* * *

Под впечатлением от встречи с Ангелоликой Оксоляна словно бы выключилась из той благодатной службы, которая происходила в храме. Проповедь, звучавшую с трибуны, почти всю пропустила мимо ушей. Конечно, у неё есть оправдание: на трибуне-то не сама госпожа Мад, а лишь один из её ангельских голосов. «Станешь ли с прежним усердием внимать отражённому свету луны, когда имел счастье лицезреть само Солнце?» —

вопрошала очень подходящая по смыслу старинная уземфская мудрость.

Несколько отойдя от радостного события, царевна попыталась заставить себя обратиться в слух. Помогло, но не надолго. Почти сразу Оксоляна словила себя на том, что весьма жёстко критикует проповедницу. И о том она-де сказала без должной силы в голосе, и этот глагол употребила в неверной форме, а здесь вообще запуталась в логике излагаемых мыслей. Ну кто её учил красноречию? Торговец попугаями с Рыночной площади?

Устыдившись собственных слов (ибо хитрая госпожа Мад запросто могла их подслушать), Оксоляна вновь перестала вслушиваться в журчание проповеди. Пускай себе! Её дело, так или иначе, решено, причём в высшей степени позитивно.

Какой-нибудь вовсе наивный проситель после такого разговора с самой Ангелоликой счёл бы даже необязательным своё дальнейшее присутствие на службе, но уж этой ошибки царевна не допустит. О ней и Карамуф предупреждал, советовал не уходить, пока о том официально не попросят. Кто и когда ушёл со службы, не остаётся незамеченным, ведь специальные служительницы на входе в собор фиксируют имя и время. Если не досидел до положенного часа, значит нетвёрд в деле некрократии, ведь так?

А ещё банкир обещал, что в службе обязательно наступит пора перерыва, когда элитных посетителей отведут в трапезную палату и щедро накормят изысканной пищей мёртвых. Отличнейшим образом накормят, ведь соборные повара, натренированные на некрократических поминках, знают своё дело лучше кого-либо из поварской гильдии Цига. Эта трапеза — лучшее время для установления полезных контактов. С кем Оксоляна должна установить контакт? Да с кем получится. Случайных-то людей на трапезе не будет, как заверял Карамуф. Он и сам бы с огромным удовольствием там потрапезничал, но дела, дела, дела…

Занятая своими мыслями, Оксоляна едва не пропустила момента, когда проповедь в очередной раз сменилась молитвой. Уж в молитвенном-то режиме о своём особенно не подумаешь, надо произносить, что ангельский голос скажет, но будущей ли царице Уземфа на то роптать?

Произнося заданные ведущей формулы, Оксоляна отдавалась процессу. На сей раз она не пыталась ни запоминать, ни анализировать содержание произносимого текста: надо, значит, надо! И, тем не менее, отличие этой молитвы от предыдущей внезапно сделалось ей ясным.

В той молитве только и было, что обращение к начальникам — самым разным: и начальствующим идеям, и существам, и к тем, о ком непонятно, существо оно или идея.

Нынешняя же молитва не такая. Она с самого начала о чём-то просила Всемогущую Смерть. Как правило, о чём-то хорошем (ну, это для своих), и лишь изредка о плохом (для врагов, естественно).

— Да будет стабильным и неколебимым наш могущественный Порог Смерти! — повторяла царевна за ангельским голосом вместе с остальным Вечнотраурным собором. — Укрепи его Смерть в неуклонном движении на Восток, на головы нецивилизованных варварских орд!

Оксоляна заметила, что слова о бедствиях для врагов Смерти ей даются намного легче, веселей и напевней, чем добрые пожелания существам, вроде бы дружественным некрократии. Почему так? Верно, потому, что дружественное некрократии существо вовсе не обязательно столь же по-доброму относилось и к уземфской царевне. А вот с врагами — всё намного яснее. Главное, самой не забывать, что враги некрократии — это и есть твои собственные враги.

— Да будет как можно скорее повержен самый наилютейший враг дела Смерти — Живой Император, который покуда владычествует в Эузе, но недолго ему осталось!

— Да вовеки продлятся санкции на головы всех сознательных, несознательных и вовсе бессознательных врагов некрократии!

— Да потонут противные воле Смерти корабли жестокого пирата Кьяра!

— Да сгниют отвратительные деревья Буцегу!

— Да будет предан Инквизиторскому суду лже-посланник Смерти Дрю из Дрона, погубивший собственный город в уязвимую пору начала его движения по пути некрократического прогресса!

А вот молитва добралась и до пожеланий друзьям и врагам самой Оксоляны, да и о ней самой недвусмысленно упомянула… Царевна ушам своим не поверила, когда услышала соответствующие темы в тексте молитвы. Странно, ведь Ангелоликая посетила её ложу «для принцесс» не так уж и давно, а её голосистый лик в это время продолжал вещать с трибуны и — не сменялся. Откуда же…

Хотя ясно ведь, откуда. Госпожа Владычица Мад Ольгерд не только свободно читает чужие мысли, но и свои передаёт. Потому-то всё, что только было с нею обсуждено, тут же стало достоянием всех её «ангельских ликов». И не только их, а — всей

некрократии.

— Да низвергнет Смерть мерзкую правительницу земли Уземф по имени Будула! — грянул собор.

— Да будет прославлена будущая правительница Уземфа, верная заветам нашей любимой некрократии… — Оксоляна чуть слезу не пустила, повторяя за ангельским ликом особо лестные выражения. Умеют же сказать приятное, когда очень захотят.

— Да переведутся в пустынях Уземфа нецивилизованные племена народа картау!

— Да изничтожит Смерть неверного наложника Хафиза, оставившего свою госпожу вопреки её желаниям, ожиданиям и надеждам!

— Да выпотрошит Вечнотраурная Смерть двоих карликов по имени Лимн и Зунг, и не просто потому, что они карлики, а по причине совершённого ими подстрекательства народа картау к грабительскому набегу на Гур Гулуз! И да свершится над ними всеми наш приговор!

Вот он, самый волнительный для царевны Оксоляны эпизод сегодняшней службы! Какое единство с народом Цига, со всем некрократическим человечеством почувствовала уземфская царевна — в прозе и не передашь.

Весь собор, вся выгнутая шестилучевая громада мёртвой звезды, каждым своим лучом обращённая на запад, прославлял будущую некрократическую царицу далёкого Уземфа и единодушно приговаривал её врагов. Расплываясь в торжественной мелодии приговоров, Оксоляна лишь однажды забеспокоилась: всех ли своих врагов она назвала Ангелоликой? Всех ли, кого надо бы приговорить? Может, кого не упомнила?

Но порыв к уточнению миновал. Если кого не смогла вспомнить, рассудила царевна, з-начит это не серьёзный враг, а так, мелкий обидчик. Таких и помиловать не грех. А не помиловать, так разобраться с ними лично, верша справедливый суд Уземфского царства.

Не всякого же подвергать зловещему некрократическому приговору от имени самой Смерти!

Довольна ли ты теперь, милая моя Оксоляна? Так спросила она себя, когда последний из некрократических приговоров отзвучал под траурными сводами. И ответила: да, я довольна. Я счастлива. Счастлива настолько, что готова простить и даже полюбить своих врагов.

И Оксоляна не лукавила. Она была готова принести в том себе самую жестокую клятву. Да, простила. Главные её враги — прощены. Тому есть очень мощная и достойнейшая причина. Дело в том…

Дело в том, что отныне её врагов ничто не спасёт. Никакая мелко-человеческая сила. И раз уж это так, будущая царица Уземфа может расслабиться. Не плести козни да интриги. Не разрабатывать хитроумные планы мести. Не подсылать по ненавистным адресам разведчиков и убийц.

Зачем, если над исполнением вынесенных им приговоров трудится вся мировая некрократия?

Глава 7. Воля к страсти

Надо заснуть. Или проснуться. Войти в состояние, которое будет хоть как-то определено. Не получается. Тот недосон, в котором Лулу Марципарина Бианка дежурит у постели маленького Драеладра, чем-то подобен мертвецкому посмертию.

Посмертие тоже ни смерть, ни жизнь. Оно где-то между. И тоже длится отвратительно долго — пока не сгниёт бальзам. Срок окончания посмертия можно легко ускорить. Объятия Марципарины, которые бальзам воспламенят — не худший способ ускорения. Правда, сами мертвецы думают иначе.

С Лулу Марципариной им ещё повезло, наверное думают мертвецы из Цанца. Ну да, здорово повезло, что Управитель Умбриэль Цилиндрон и некромейстер Гны сохранили для медленного гниения их упитанные бальзамами тела, спасли от собственной непутёвой доченьки!

Повезло им и с самой Лулу Марципариной. Ну, вешалась им на шеи, не без того. Но ведь дожидалась обоюдного решения! Никому своих жарких объятий не навязала насильно, давала шанс унести ноги.

Повезло им, конечно, и с собой самими, поскольку как только Марципарина отвернётся, или родичи нахмурятся, или Гны с Цилиндроном нагрянут, они ноги в руки — и поминай, как звали.

Редкостное везение. Счастливый, можно сказать, случай.

Марципарина Бианка в полусне бормочет иронические фразы, быстро теряет нить и силится вспомнить, кого же она последнего награждала убийственным сарказмом. А, что там вспоминать. Посланника Смерти Чичеро — вот кого. Даже если говорила о ком-то другом, весь сарказм — только ему. В безраздельное пользование. Может, в сундуке пригодится.

…Ах да, вот о чём она думала: о прошлых!

Ну да, Лулу Марципарина ведь теперь уже дама с историей. Правда, история — в основном отрицательного свойства. Прошлые — не значит бывшие. У растяпы Лулу они именно так «прошли», что толком-то их и не было! А всё почему: не догнала!

Обидно ли Марципарине, что ни одного мертвеца в её объятиях так и не сгорело? И да, и нет. С одной стороны, она ведь не бочка заморского пороха, чтобы почём зря воспламенять мёртвые тела. Этак и красоты своей неземной очень быстро лишишься, и здравие пострадает, да и боли телесной сколько придётся вынести — не наплачешься!

С другой стороны, что ж они, стервецы такие, от любови девичьей отказывались? Определённо, заслужили худшего. Гореть

им в объятиях за отказ от нежных объятий — и долго гореть, прочувствованно и вдумчиво!

С третьей стороны, если бы кто дерзнул, и отважился, и не отверг — такого смельчака Марципарине Бианке было бы ой как жалко! И чувствовала бы свою несправедливость — несправедливость всего в себе: и желаний, и решений, и самого появления на свет.

А с четвёртой стороны, что же о мертвецах-то горевать? Вот же: всё образовалось! И родился у неё прекрасный сын. И так чудно переливаются на свету его серебристые чешуйки, что диво дивное. И зовут его Драеладр, а у драконов это — первое имя! Откуда же, спрашивается, грусть и печаль?

Но откуда-то грусть и печаль пришли. И о чём-то сказали.

Ой, да полно! Воспоминания о мертвецах — глупая глупость, жалкая жалость и потакание слезоточивой ерунде. Не состоялось в твоей жизни мертвецов, ни одного, кроме, разве, Чичеро — и радуйся, дурочка!

Это ведь враки, что мертвецы — высшая раса. Никакая не высшая: бедные, обманутые люди. Захотели жить, как в Запорожье, а Запорожья-то из живых никто и не видел. Вот и закачали в себя бальзамы, которые при общении с настоящими женщинами вспыхивают и горят — жалеть таких надо.

Да, поведение мертвецов уязвляло женскую гордость именно в ту пору, когда много чего решается. Да, умнее Марципарина Бианка стала потом, а с детства — имела ли случай усомниться в той навязчивой «истине», будто мертвецы выше. Но теперь-то Бианка прозрела, думает иначе.

И верно, прозрела. И правда, иначе. И в глупости она больше не верит, это тоже так. Но в истории-то были настоящие чувства. К тем предметам, в какие верила тогда. К тем людям, чьего расположения искала. И к тому единственному странному мертвецу, чьё — нашла.

Бларп говорил, что в случае общения мертвеца с драконом воспламенение бальзамов — беда не единственная. Что с мертвецом произошло бы ещё много чего, если бы несчастный не погибал сразу. Но возможности повременить с погибелью у него нет, вот потому до конца неизвестно, какие другие беды возможны при таком контакте.

Может, в её отношения с Чичеро вмешались эти скрытые причины?

* * *

Конечно, в юности Лулу, прошедшей в Цанце, было что вспомнить и приятного, весёлого, интересного. Интересным обеспечили книги да учителя-некроманты (то-то и вышел интерес пополам со скукой, ведь отравлять чужую любознательность они мастера), а весёлым и приятным — живые люди. Ясно, что эти живые были не слишком гордые: их специально нанимали для «скрашивания» её юных лет. Потому и отношения с ними были из числа тех, что «не считались».

Ну да, «не считались». Но роль-то свою сыграли.

Униженная частыми отказами мёртвых молодых людей, Марципарина подумывала о том, чтобы замкнуться в гордом одиночестве. Почему нет? Пусть сами попрыгают, чтобы попасть в её поле зрения.

Идея-то благая, но вот с воплощением… Замкнуться и не желать — оказалось выше девичьих сил. Этого попросту не позволил драконий темперамент. Попробуй замкнись, когда энергия бурлит и каждый миг изнутри тебя размыкает! А после очередного неудавшегося «замыкания» попробуй дальше себя уважать.

Вот тут-то Марципарину и спасли живые люди. Ловко?

Выход оказался донельзя прост, и раньше к нему не прибегли дишь потому, что он вовсе не выглядел выходом, ведь живые — ну никак не могли быть ровней Лулу. Живых аристократов марципаринного возраста в Цанце давно не осталось, а не аристократы — что им делать в покоях известно чьей дочери? Чёрная работа, уборка в её отсутствие — вот и всё, на что могут рассчитывать «живцы» из простонародья. А придёт она — так некроманты тут как тут, а волшебников в фиолетовых мантиях простолюдины пугаются.

Странно, но мертвецкое предубеждение против живых долгое время разделяла и Лулу — сказывалось воспитание. Что с того, что живая и она сама? Если и живая, так по-другому: в силу каприза. Иное дело — тёмное простонародье, неспособное на посмертие заработать. Как таких уважать? Их даже мертвецы поскромнее именем и достатком порой за людей не держат, а уж дочери самого Цилиндрона и взглянуть на таких неприлично.

А надо заметить, что истинная причина, по каковой к ней не пускали мёртвых, Марципарине до сих пор была неясна. Она думала — просто против Умбриэль Цилиндрон, который сам желает выбрать для дочери подходящую партию. Логично ли было так решить? Да вполне! А значит, если даже мёртвые аристократы Цилиндрону нелюбы, то что говорить о вовсе безродных «существах»?

Чтобы выходу найтись, понадобилось расстояние. Вблизи он

не был заметен. Приехал он, откуда не ждали — из царства Уземф.

Уземфская царевна Оксоляна путешествовала по землям Предпорожья в сопровождении своего мужского сераля. Царевна недавно вошла в посмертие, а вот сераль имела совершенно живой, что немаловажно. Один из лучших в ремесле доставления утех. Каждого наложника в подобных сералях натаскивают с раннего детского возраста, и к совершеннолетию те обязательно превращаются в утончённые «машины наслаждения».

В какое море восторга окунулась Марципарина, когда кривляка Оксоляна своим сералем поделилась — трудно вообразить. Ещё труднее было бы ожидать, чтобы надменная уземфка оказалась столь подельчива — но тому нашлась веская причина. В посмертии Оксоляна совершенно разучилась получать удовольствие от невольничьих ласк — и сералем своим тяготилась.

А тут — восторженная покупательница, с которой можно слупить за невольников очень выгодную цену.

— Беру всех! Оптом! — воскликнула Марципарина, надеясь, что Умбриэль Цилиндрон воспротивится не категорично. Услышав об оптовой покупке, Оксоляна надула губы и твёрдо заявила, что скидки не сделает. Дружба дружбой, как говорится, но деловые отношения святы.

Подумаешь! Марципарина и не помышляла ни о какой скидке. Единственное, что её тревожило: деньги на приобретения сераля предстояло получить от отца, а даст ли суровый Умбриэль себя разжалобить?

Если не даст, я…

Но что бы такое обидное для запретителя измыслить, Лулу так и не нашлась. И даже не потребовалось, поскольку Цилиндрон согласился.

Почему согласился? Вывод очевиден. Живых наложников уземфского разлива цанцкий воевода за людей не считал, а признавал исключительно дорогой — но игрушкой. А дочери такую игрушку купить важно по той причине, что девушка должна ведь следить за модой! А что наложники нынче вошли в моду, о том Умбриэль как-то давненько слышал.

Наверное, перед окончательным решением отец обратился за советом к некромейстеру Гны. Тот же, зная подоплёку вопроса, не раздумывая, заявил:

— Для доброго здравия вашей дочери это единственный выход. — И в самом деле, кому, как не Гны, оценить красоту решения: живые берут на себя задачу, непосильную для мёртвых, и драконица остаётся удовлетворена.

И тогда Марципарина удовлетворилась. И снова, и снова: уземфский сераль работал, как песочные часы с механизмом переворачивания колб. Она радовалась почти по-детски, и не по-детски мстила трусливым мёртвым аристократам, и мстить им с живыми нижневосточными парнями оказалось невыносимо приятным занятием.

Умелые ребята Джамил, Зульфио, Зухр, Хафиз, Лейн, Гюльч и Атай старались на совесть, помогали друг другу в сложные моменты и, когда Лулу желала надолго забыть обо всём, кроме наслаждений, наперебой доказывали свою неутомимость в ласках. Ведь умеют! С такими партнёрами ты приподнимаешься и летишь, и видишь у них в глазах себя красивую.

Между тем, красавице Бианке ни на миг не почудилось, будто всё, что происходит между ней и её новым семиглавым любовником, имеет хоть какое-то отношение к любви. Вовсе нет: она ни разу не забывала, что наложники ей не ровня. Вот если бы мертвецы…

Но мёртвые отпрыски аристократических родов Цанца всё так же её игнорировали, либо сбегали подальше от неподдельного гнева Цилиндрона. И даже спустя время, когда Управитель Цанцкого воеводства заметил, что годы идут, а подходящей для Марципарины партии нет, как нет, когда перестал разгонять осторожных молодых людей, а принялся привечать — даже тогда её продолжали избегать, уже строго по личной инициативе.

Чтобы подразнить мёртвых трусов, Лулу принялась озорничать, не считаясь ни с каким этикетом. Что она вытворяла в довольно людных оконечностях цилиндронова дворца, это уму непостижимо. Стыдно и вспоминать, хотя вспомнить зачастую приятно. Уземфский сераль своей новой хозяйке во всём подыгрывал, и даже словом никто не обмолвился, что какие-то из чересчур смелых её выходок находит сомнительными.

Цилиндрон какое-то время терпел, но терпение лопнуло быстро. Тогда он позвал посоветоваться некромейстера Гны. По итогам их разговора заботливый отец сделал дочери новый дорогой подарок. У разорившейся великанши Клюп он выкупил Окс — один из чудных замков Клямщины.

Именно там, в Оксе, Марципарине предстояло теперь кувыркаться со своими семерыми подневольными живыми наёмниками. С одной стороны — ну и славно: никто точно не помешает уловольствию. С другой стороны, ей, оказывается, очень хотелось, чтобы именно в Цанце её заметили и оценили незаурядную смелость поведения. Эх, молодо-зелено.

Приобретение замка Окс — о, что за роль оно сыграло в жизни Лулу Марципарины! Её мир стал намного шире, да и не

просто шире: он впервые вышел на поверхность земли. Цанц, как его ни превозноси, всё же пещерный город, и удивительно красивый дворец Умбриэля Цилиндрона, где проходили её дни до того, находится целиком в подземной части. Сам дворец снаружи и не виден, он представляет собой причудливую череду интерьеров, украшенную череду внутренних пространств.

Иное дело — замок Окс. Существующий не только изнутри, но и снаружи. В нём даже себя начинаешь словно впервые снаружи видеть. Ибо кто ты сама, как не такой же вот гостеприимный замок?

Но главное — свобода. От мелочной опеки учителей-некромантов, которые в Окс за ней не поехали, поневоле передав функцию контроля над наследницей великанше Клюп. Та, хоть и продала замок, а всё же продолжала в нём обитать, поскольку идти ей было особенно некуда — вот и согласилась присматривать за Марципариной. Для оправдания своего там присутствия. Великанша и правда за ней смотрела. Но — сквозь пальцы.

Некроманты с Гны во главе остались недовольны, но смирились. Они ведь и так основательно перебрали полномочий, продолжая воспитывать и чему-то учить Марципарину и в тот период, когда в большинстве аристократических родов дети считаются выученными и достаточно взрослыми, чтобы вступать в ряды мертвецов.

Она плюс семеро наложников плюс великанша Клюп. Ну, ещё какие-никакие слуги да стража на стенах. Лулу быстро вошла во вкус замковой жизни. Теперь она не так уж и часто наезжала в Цанц. Смысл?

Иной раз надменный папаша Умбриэль Цилиндрон делал вид, что по ней соскучился. Марципарина шла навстречу её скуке, но нехотя. В каждую встречу отец дарил ей всё новых наложников, выписанных из тех даотних земель, где такому ремеслу обучают: из Уземфа, Карамца, Лопволарое. Дочь благодарила его за заботу и по случаю выслушивала какие-то наставления, придуманные Цилиндроном прямо по ходу краткой беседы с дочерью. Отцовской мудростью полагалось восхититься, что Марципарина и выполнялаю. Пара наложников из-за моря ведь стоят пары кивков с дежурной улыбкой?

Месяц-другой натужного существования в Цанце — и снова Окс, опять свобода и целые горы нетрудной женской радости. Так может и жизнь пройти, а ты в радостях и не заметишь — ведь жизнь и твоя, и наложников, конечно же, короче посмертия цанцких мертвецов.

Примерно в те года Марципарина Бианка познакомилась и с

Эрнестиной Кэнэктой. Та сказалась мелкопоместной клямской дворянкой, давней приятельницей великанши Клюп. Второе было истинной правдой, а вот первое — не обязательно. В своё родовое поместье Кэнэкта не приглашала никого и никогда. Зато в Окс к великанше по-соседски наведывалась.

Но главное — Кэнэкта, как и Марципарина, была живая! Что и послужило основанием дружеских отношений, даром что клямская соседка превосходила Лулу годами — лет этак на десяток.

То, что в посмертие Кэнэкта к своим годам — пусть не преклонным, но основательно зрелым — так и не собралась, она объяснила индивидуальной непереносимостью мертвецких бальзамов. Что ж, у всякого человека свои болячки. Марципарина вон сама не понимает, почему она не мертвец.

Госпожа Кэнэкта в жизни дочери Цилиндрона появилась не просто так. Она представляла разведку враждебной Цанцу далёкой Эузы, но в первые несколько встреч такого о человеке не поймёшь. Живая — ну и к лучшему. Объединены общей бедой.

Там, в замке Окс, новые подруги подолгу разговаривали, но не скажешь, что Кэнэкта с ходу кинулась вербовать Марципарину в свои шпионы, либо агитировать против некрократии. Не было этого. Говорили просто так, о жизни, о женской судьбе. Тяжёлая и грустная, в общем-то, судьба, но при чём тут некрократия?

Ещё развлекались — не без того. Шутка ли: замок доверху наполнен наложниками одной из подруг. Что ж им прозябать без дела, пусть отрабатывают немалые деньги, за которые куплены или наняты.

В природной своей щедрости Марципарина с готовностью делилась изрядными человеческими ресурсами со старшей подругой. Та не злоупотребляла, но и не отказывалась — как и надлежит хитрой шпионке, чтобы не вызвать подозрений. Отказалась бы — вышла бы из образа. И уж кто-кто, а Марципарина сразу бы подумала, что перед ней никакая не подруга, а разведчица из Эузы.

Именно через Марципарину — как новая её подруга — Кэнэкта получила доступ в закрытый город Цанц. А ведь подозрительный Умбриэль Цилиндрон год от года ужесточал систему пропуска. Многие даже добропорядочные мертвецы, не говоря уже о живых, проезжали поворот на Цанц по Большой тропе мёртвых — только бы не останавливаться у дозорных башен, не предъявлять несколько раз документы, не заполнять декларацию о цели приезда, не выстаивать очередь в случае желания попасть в пещерную часть города. Так ведь Цанц — из тех городов, у которых весь смысл заключён именно в пещерной

части.

Кстати, Чичеро именно по этой причине игнорировал Цанц все разы, когда мимо него ездил — аж до того самого года, когда в городе случилось некрократическое вече, а Порог Смерти пришёл в движение на восток.

Первый раз Кэнэкта появилась в Цанце в образе скромницы, ходила по городу с великой осторожностью. Весь её вид показывал, что дама ещё жива, и немало этого стесняется. Но рядом с Лулу Марципариной разве скромную роль надолго выдержишь? Постепенно Кэнэкта настолько освоилась, да и примелькалась, что стала вести себя шумно, вызывающе. Женщины с Клямщины — они действительно зачастую так себя и ведут.

Между прочим, в качестве зрелой живой женщины Кэнэкта ухитрилась ни у кого не вызывать подозрений по единственной причине: рядом всегда была не менее живая Марципарина, а секретная причина отказа в посмертии молодой дочери самого Цилиндрона составляла куда более сильную интригу.

В общем, если у Кэнэкты в Цанце имелись какие-то разведывательные задачи, она могла их без лишних затруднений выполнить. Да только главным делом разведчицы оказалась она сама — Марципарина Бианка. Поддерживать отношения и исподволь, мелкими шажками, способствовать осознанию своей скрытой драконьей сути. Причём эта задача настолько превосходила своей значимостью любые остальные, что размениваться на мелочи подруга себе не позволяла. Погоришь на ерунде, а ведь на приёмную дочь Цилиндрона в тайной игре Эузы сделаны основные ставки.

От кого в Ярале ожидали рождения нового Драеладра? Неведомо, как заранее догадались, но — от неё. И чтобы выполнить в Ярале своё предназначение, Марципарина Бианка должна была быть сюда привезена. Вразумлена, подготовлена. И Кэнэкта её действительно вразумляла и готовила, да ещё участвовала в перевозке. Ибо где-нибудь в Цанце кого-нибудь вразумлять, а тем более, готовить — может быть опасным.

* * *

А вот затем в Цанце впервые появился посланник Смерти по имени Чичеро. И на симпозиуме, посвящённом дню рождения Лулу Марципарины, прекрасно выполнил завидную роль героя дня. Держался с достоинством, но не скучно. Умело поддерживал к себе интерес. То есть, показал себя душкой.

Какие конкретные героические деяния совершил этот рыцарь? Кажется, вступил в поединок с Живым Императором и обратил того в бегство. Да это и не столь важно. Героя ведь нельзя не отличить, его видно сразу. По осанке, по походке. Ещё по горькому запаху пролитых бальзамов.

И Марципарина, давно поостывшая к мертвецам, при виде этого нового мертвеца-героя — не могла не воспылать неудержимыми страстями. Драконий темперамент, что с ним поделаешь!

Они встретились в Зеркальном зале у бассейна. Лулу Марципарина была в скромном, но выразительном зелёном платье, в руках держала последний роман Зраля — пыталась читать, но безуспешно. В тот день, как она решила, роман должен закрутиться наяву.

Увы, Чичеро ни о каком романе не думал. Да разве Марципарине привыкать? Прямо с ходу (к чему откладывать?) она сделала ему предложение руки и сердца. Или сердца и руки?

Герой оказался в замешательстве, бормотал нечто невразумительное. Во всяком случае, невразумительное для Марципарины. Вместо безоговорочного согласия, он подавал реплики из совершенно другой, не уготованной ему роли, которая его не красила. Сказал, что предложенной чести он не достоин. Что не сможет составить её счастья.

Говори, говори, нежно думала Марципарина, глядя на героя лучистыми глазами. Ведь ты герой? Значит, достоин любой чести. А счастье моё — не твоя забота. Я сама тебе помогу мне его составить.

Понимала ли она, что её, как бы это сказать, не особенно хотят? Конечно, понимала: как не понять? Но вместе с тем понимала и другое: этот мертвец в героическом ореоле просто сам ещё не понял своего счастья. Ей ли не знать, что в отношении чувств мертвецы — люди приторможенные. Пока они в себе разберутся, живая невеста уже соскучится.

Рыцарь пытался избежать судьбы. Думал незаметно покинуть симпозиум. Детство какое!

Разумеется, для восстановления счастья и справедливости всякое средство не бесполезно. Марципарина обратилась к своему отцу, которого, надо сказать, в тот момент почти полюбила. Да, скорее всего, этот отец ей не родной. Да, приёмный. Но — можно подумать, другие мертвецы не приёмные отцы. И главное — он ведь готов сделать всё для счастья дочери! Не на словах, на деле.

О том, что пора бы выдать Марципарину замуж, Умбриэль Цилиндрон и сам уже пару лет, как подумывал. Привычно дарил ей новых наложников, а сам приговаривал: готовься, мол, подыщу

тебе кого-нибудь навсегда. Вот только заняться этим вопросом доселе не успевал. Всё дела городские, да спасение некрократии, да происки Живого Императора, да посильная помощь Владыке Смерти. Наверное, хорошо, что не успевал: Марципарина ведь специально готовилась ему перечить.

И вот теперь всё замечательно сложилось. Выдать дочь замуж за героя, который заведомо не станет целить на место тестя, при том что она сама того хочет — этак одним решением снимались все нудные трудности. Дело за малым — известить будущего зятя о сроках обряда.

В беседе с отцом герой Чичеро пытался прибегать к своим детским увёрткам — но не на того ведь напал! Перечить самому Умбриэлю Цилиндрону — такое могла себе позволить разве что любимая дочь, да и та была в себе не вполне уверена, поскольку ещё не пробовала. Жениться — значит, жениться: что непонятно?!

У сурового Управителя Цанцкого воеводства был на этого посланника ещё один надёжный рычаг давления: ведь Чичеро в Цанце что-то было нужно. Ему требовалось содействие в странном занятии: в сборе по окрестным замкам теней мёртвых крестьян. И это задание, скорее всего исходило не лично от Владыки Смерти, а от начальства пожиже. Так вот, чтобы его тебе выполнить, досточтимый герой, изволь сначала жениться.

Отцовская позиция была примерно такой, в подробности Марципарина не вникала, да ей и не потребовалось. Мертвецы редко отступают от велений здравого смысла, вот и Чичеро, взвесив сопутствующие выгоды, надежды и риски, в предоставленный Цилиндроном срок принял ожидаемое решение. И лишь малую уступку выговорил: женитьба — через полгода, обручение — на третий день. Честное слово рыцаря.

Ура! Он согласен!

На радостях Лулу была готова горы свернуть. Видя, что своему согласию суженый не так уж и рад, она постаралась ему доказать, что радоваться всё-таки надо! Так, накануне церемонии она встретила его неодетой и даже исполнила ради него завлекательный танец с двоими заморскими наложниками — последним подарком отца. Кажется, перестаралась.

Нет, Чичеро не остался глух к её обнажённым прелестям — такого и быть-то не может, но скрыть своё вожделение сумел успешно. Зачем, непонятно. Может, наложников стеснялся?

Но, как бы то ни было, обряд обручения состоялся. Чичеро из Кройдона и Лулу Марципарина Бианка сочетались предварительными узами во имя Смерти. Обряд, что для невесты особенно важно, провёл ещё один из её вероятных отцов — некромейстер Гны. В общем, благословлена со всех сторон.

И что, дело сделано? Но прямо с обручения Чичеро уехал. Вопреки всем требованиям хвалёной рыцарской учтивости. Конечно, в таком поведении было много желания досадить Лулу и негодования на недобровольный характер своего согласия на женитьбу.

Бианка обратилась было к Умбриэлю Цилиндрону с этой новой обидой:

— Но как же, отец… Он теперь посвящён мне, значит он должен…».

Оказалось, вовсе не значит, и не так уж и должен.

— Условия договора он выполнил, — заметил отец, — чего же тебе ещё надо?

Любви, хотелось ответить Бианке, но почему-то постеснялась. Да, в договоре с Чичеро пункты насчет любви только лишь подразумевались.

— Успокойся, — строго сказал отец, — этот рыцарь уехал не навсегда. Ему ещё придётся вернуться в Цанц, когда соберёт мёртвые души. Тут-то, доченька, ты его и сцапаешь! — мол, дело за тобою: не промахнись.

Скромное, но утешение.

* * *

К кому же пойти со своими треволнениями, как не к старшей подруге? Можно ещё к наложникам, но то годится только чтобы забыться. Марципарина Бианка желала иного: повлиять на судьбу.

— Дорогая, я ведь в курсе, — напомнила Кэнэкта.

В общем-то, Марципарина и сама это помнила. Кэнэкта присутствовала при всех основных перипетиях её отношений с Чичеро, начиная ещё с первых минут их встречи на симпозиуме. Была в центре событий, но влиять не пыталась, что как-то даже на неё не похоже. Растерялась она, что ли? Это притом, что посланнику Смерти она всё равно не понравилась. Чичеро нашёл её — пустой, что ли?

— Я наблюдала за вами, — улыбнулась Кэнэкта.

Не то, чтобы молча наблюдала, напротив, успела с Чичеро поговорить, но как-то нейтрально, без обычного своего нажима, который в прошлые наезды в Цанц ещё сильнее отпугивал от Марципарины молодых мертвецов.

— Мне показалось, что у вас будет серьёзно, — пояснила Кэнэкта.

В ту пору Марципарина и думать не гадала, что милейшая Эрнестина на самом деле разведчица, и не из рядовых. Зато

позже, приискивая подходящие объяснения поступкам, словам и намёком подруги, Бианка легко поняла причину, по которой та отгоняла прочь мертвецов. Но благодаря чему с Чичеро всё пошло иначе? Он что, не выглядел таким же мертвецом, как они? Или внушал опасения чёрным плащом посланника Смерти? Но может, и впрямь Кэнэкта пронялась мощью и серьёзностью чувства младшей подруги, поняла, что такое — дуновением не погасишь?

— Что же мне делать? — с мукой спросила Марципарина у покуда не раскрывшей себя подруги. — Ждать его в Цанце, как советовал отец?

— Ни в коем случае! — возразила Кэнэкта. — Кто ждёт суженых да мужей с подобных продолжительных секретных миссий, те дожидаются лишь старости.

— Но что же ты посоветуешь? — насторожилась Бианка.

И тогда многоопытная подруга сказала:

— Ехать на Клямщину, в замок Окс.

— То есть, ты предлагаешь вовсе его не ждать? — взвилась Марципарина.

Но нет, Кэнэкта измыслила план получше.

— Чичеро ведь будет ездить по замкам Клямщины, — сказала она, — вот у нас и появится шанс его перехватить!

Ого! За такую идею Марципарина готова была уступить подруге до конца её дней весь свой разношёрстный мужской гарем с романтическим замком Окс впридачу!

* * *

И подруги выехали в Окс. Марципарина, так получилось, безотчётно доверилась Кэнэкте, как будто перехват странствующего по Клямщине рыцаря молодой женой выглядел делом решённым. Как будто не могли они с Чичеро разминуться.

— А мы точно его встретим? — забеспокоилась Бианка уже в дороге.

— У меня в Цанцком воеводстве много друзей, — загадочно произнесла Кэнэкта, — и в особенности на Клямщине. Друзья не подведут».

Оказывается, у Кэнэкты действительно были какие-то специальные возможности, чтобы вопреки слепоте воли случая резко повысить шансы молодожёнов на встречу. Могла ли такое предполагать Лулу? Необычно надёжные и разветвлённые связи охватывали всю Клямщину, позволяли отслеживать путь Чичеро от замка к замку.

Дня не прошло, как внезапный весельчак-попутчик уже донёс

первые сведения о путешествии Чичеро. С экипажем Лулу поравнялся жеребец каурой масти, а всадник прямо спросил, не едет ли в нём некая госпожа Кэнэкта. Пара чёрных наложников и возница, в сопровождении которых приятельницы ехали к Оксу, с перепугу чуть не кинулись наутёк, но Кэнэкта поспешно высунулась в окошко и признала одного из «друзей». Сказала:

— Здравствуйте, Бабозо! Какими судьбами в здешних краях?.

А тот возьми да и ляпни:

— Хочу поделиться сведениями касательно странствий в здешних краях некоего Чичеро Кройдонского, рыцаря Ордена посланников Смерти.

— Делись! — соизволила Кэнэкта. И Бабозо поделился.

По его данным, означенный Чичеро первым долгом зарулил в замок Мнил, принадлежащий утонувшей родне великанского отпрыска по имени Ом. Там он-де общался с Омом, единственным из хозяев замка, которого болото так и не засосало. С Омом он заключил договор на приобретение теней его мёртвых крестьян, однако по причине неграмотности великана поимкой теней был вынужден озаботиться лично. Поскольку же каждая из теней бродит, где хочет, то провозится рыцарь ещё порядочный кусок времени, вероятнее всего, с недельку.

— Что ж, — усмехнулась Кэнэкта, лукаво подмигивая Марципарине, — раз у нашего рыцаря дела не очень-то клеятся, лучше нам чуток повременить со встречей. Поедем-ка далее в Окс! А за Чичеро пусть мои друзья приглядывают. Как только достигнет крупного успеха — тут и мы прибудем да поздравим. Ему будет приятно нас слушать, а нам того и надо.

Однако потом, когда подруги уже вновь обвыкались жить в свободном от условностей Оксе, пришла весть, что Чичеро пропал.

— Мнил стоит разграбленный, — сказал один из новопроявленных «друзей» Кэнэкты, специально нашедший её и Марципарину в замке Окс, — не знаю, что там стряслось у великана Ома и его гостя, но бывает-то всякое. Может, кто-то из них и выжил.

Как Марципарина переволновалась! А Кэнэкта учинила своему «другу» настоящий разнос, как будто и не друг он никакой, а подчинённый. Уже этого эпизода было бы достаточно, чтобы заподозрить её в руководстве разведывательной сетью. Но подозревала ли Лулу? Так, немножечко. Ни в коем случае не серьёзно.

Когда Чичеро пропал, в замке Окс наступили тревожные дни. Не только Марципарина Бианка, но и Кэнэкта, да и наложники пребывали в сильнейшем напряжении. Последние даже порой

шарахались от хозяек: известно, чего можно ждать от двух бешеных кошек! Уездят до обморочного изнеможения — это ещё куда ни шло, но могут ведь и заездить…

Больше других доставалось двоим чёрным наложникам — Хопу и Буму, тем самым, с которыми Марципарина недавно творила озорное непотребство на глазах у жениха. Кэнэкта первая заметила, к чему идёт дело, и тогда Лулу призналась:

— Ты права, мне в глубине души хочется их наказать, лишить мужской силы. Всё из-за того раза. Самой удивительно, но почему-то до сих пор совестно перед Чичеро… — она ненароком всхлипнула.

— Так может, лучше Хопа и Бума просто услать в Цанц? — предложила подруга.

Лулу так и сделала — и с тех пор этих двоих не видела. Больше никогда.

В первые недели тревоги Кэнэкте стало не до конспирации. Она завела порядок, по которому её «друзья с Клямщины» ежевечернее отчитывались в поисках пропавшего без вести посланника Смерти. Увы, донесения не радовали. Как в воду канул.

— Неужели это он просто путает следы, чтобы наверняка от меня сбежать? — вопрошала Марципарина, надеясь, что её разубедят.

— Не думаю. Кажется, с ним действительно стряслось неладное, — отвечала Кэнэкта, и тут Марципарина понимала, что надеялась-то она на обратное. Лучше бы любимый избежал самого худшего, пусть и вдалеке от неё.

— Тревожусь за него, — признавалась она Кэнэкте, — он хотя и герой, но какой-то чересчур добрый и совсем беззащитный. Всякий его обидит, всякий надругается.

Кэнэкта же на это… Ох, уж и не вспомнить, что она на это отвечала. Да только задать беззащитному Чичеро хорошую порку сохнущей по нему Марципарине хотелось тоже. Ишь, ожидать он себя заставил!

А потом, откуда ни возьмись, сведения о Чичеро пришли. Хитрец Бабозо — единственный более-менее счастливый вестник — привёз их из-под замка Глюм. Оказывается, в Глюме том, в гостях у подлого великана Плюста, новоиспеченный женишок Марципарины и томится.

— Томится? Так что же не уедет? — в недоумении спросила Лулу. Кэнэкта, кажется, и так понимала, что к чему.

— Плюст очень гостеприимен, — оскалился загорелый весельчак Бабозо, — Так просто у него из замка не отпросишься. И без спросу не выйдешь. Ворота-то заперты. А стоит лишь

отпереть ворота, хе-хе, гостей Плюста и след простынет.

— Так там что, тюрьма? — догадалась Бианка.

— Вроде того. Навязчивое у него гостеприимство.

— Понятно, — прервала разглагольствования Кэнэкта, — кто-то из наших там внутри есть?

— Только Бларп, — хмыкнул Бабозо. — Кьяр ему советовал не соваться, но надо знать Бларпа. У него, как всегда, собственное расследование, никто из нас ему не указ. Но в случае штурма поддержит, ясное дело.

— Штурм? — Кэнэкта поморщилась. — Затратно по людям и неразумно. Придумаем что-то другое. Может, справимся и без участия Бларпа.

Лулу Марципарина понимала, что составляется план спасения её любимого. Причём план рискованный, с какой стороны ни взгляни. Зачем всем этим живым людям рисковать жизнями для спасения мертвеца Чичеро, да кто их разберёт? Она чувствовала благодарность и желала принять участие. Разделить все тяготы и опасности — ведь это её дело!

И Лулу включилась в беседу Кэнэкты с Бабозо, стала тоже что-то предлагать, но быстро поняла, что слушают её из вежливости. Высказаться она может, но не повлиять. В общем-то и сам разговор предназначался не для её ушей, и когда бы не добрая воля Кэнэкты, ничего бы она не узнала.

— Почему ты мне помогаешь? — спросила она у подруги.

— Мы ведь подруги, — сказала Кэнэкта, — и у нас теперь не только наложники обшие. Появляется и что-то посущественнее.

Что именно посущественнее, Марципарина всё равно не поняла. Но выяснять подробнее было не время. У Кэнэкты уже рождался изящный план, в котором из её людей были задействованы лишь она сама и скромная великанша Клюп.

— Вот и к лучшему, — с облегчением сказал Бабозо. Будем надеяться, что сработает. Если попадётесь, попробуем отбить — вас ведь убьют не сразу. Только лучше не попадайтесь — людей-то для штурма в обрез. И в каком составе наш отряд вернётся в Адовадаи? — разведчик изобразил такую сокрушённую мину, что сам же весело рассмеялся, завидев себя в зеркале.

* * *

Кэнэкта и великанша Клюп всё сделали без неё. Снарядили экипаж и отправились к Плюсту. Позабавили великана глупой самоуверенностью, с которой попросили отпустить Чичеро, в то время как сами — словно голову засунули в пасть хищника.

Главный же расчёт Кэнэкты был на присутствие Клюп. Так уж повелось, что «гостеприимный» великан никогда не задерживал себе подобных. Небось, великанским мнением о себе нешуточно дорожил, или сохранил опыт общения с великаншами в гневе.

Тот миг, когда Лулу Марципарина дождалась Чичеро в замке Окс, в её жизни до сих пор — самый счастливый. Посланника Смерти спасители Клюп и Кэнэкта привезли в санях (ведь в Оксе, который в ту пору находился по человеческую сторону Порога Смерти, наступила зима). Когда сани зарулили в заснеженный двор, Лулу выбежала навстречу спрыгнувшему в сугроб суженому — и наконец-то попала в долгожданные объятия.

Теперь вся жизнь пойдёт правильно, про себя загадала она. Конечно, поспешила. Правильно жизнь и в самом деле пошла, но не надолго.

Чичеро после пленения в замке Глюм лишился своего рыцарского высокомерия, что, конечно, стало изменением к лучшему. Но это же самое пленение много чего в нём подавило. Плюст украл у него киоромерхенную суэниту — то есть, «призрачную шкатулку», в которой всякий мертвец держит свою извлечённую из тела душу. А ещё Чичеро поклялся Плюсту к нему вернуться, что выглядит уж совсем глупо и смешно. Глупее и смешнее — лишь твёрдое намерение рыцаря выполнить обещанное.

Зато… К счастью, пленение не подавило в Чичеро того романтического начала, которого страстно желала Марципарина, предугадывая его ещё с первой встречи на симпозиуме в Цанце. Кажется, и сам посланник таких нежных чувств тогда в себе не предполагал, но женщину не обманешь.

Любовь потребовала от мертвеца самораскрытия. Чичеро Кройдонский действительно раскрылся — и что же? Под его рыцарским плащом почти не оказалось мёртвого тела. Там сидело три живых карлика — вот неожиданность! Правда, эти три карлика и составляли одного Чичеро. Да, «парадокс», именно так это и называется.

Другая на месте Марципарины почувствовала бы себе обманутой, но только не она. Карлики? Ну, сойдут и карлики. Все втроём, так втроём — кому когда мешало разнообразие. Живые? Ладно, пусть будут живые — не бальзамировать же. Да какая разница, если человек хороший? Чичеро как химерное существо, состоящее из троих карликов, нравился ей всё больше.

А былое влечение Лулу к мёртвому телу? Тьфу, детство какое: Бианка даже не заметила, как запросто с ним справилась. Тем более, что и не влечение оно никакое, а внушение мертвецов. Ну конечно же: эти люди дорого купили себе посмертие, вот и

внушают себе и другим, что они теперь и есть самые лучшие и для всех желанные.

С любимым, пусть он даже составлен из троих мужчин, всё иначе, чем с какими-то там наложниками. С ним — тянет поговорить о чувствах. И так — через собственный разговор с Чичеро — Лулу Марципарина многое поняла о своём отношении к нему. В том отношении — не только, да и не столько похоть (хотя без похоти тоже не обойтись). Бианка чувствовала уважение, гордость и любовь. Уважала — за солидный возраст и богатый героический опыт, гордилась — уникальностью судьбы, застрявшей в одной из немногих точек, где Владыка Смерти схлестнулся с Живым Императором, а вот зато любила — ни за что, просто так.

— Завидую тебе, подруга, — в первый же день бурного счастья Лулу искренне молвила Кэнэкта, — и ещё должна сознаться в скверном поступке.

— В том, что была с одним из карликов — там, в замке Глюм? — неожиданно для себя самой догадалась Бианка. Подруга молча кивнула.

— Но я ведь на тебя не в обиде! — столь же искренне призналась Лулу. — И потом, ты вернула мне Чичеро! Всего Чичеро! — она порывисто обняла подругу. Та не отстранилась, но и не совершила встречного движения.

— Что? Ты сомневаешься, — поняла Лулу. — Ну, хочешь, я поделюсь с тобой тем карликом, что тебе приглянулся? Это кто — Дулдокравн?

Кэнэкта снова молча кивнула. Тогда Марципарина шепнула:

— Он твой! Всегда, когда позовёшь.

После таких слов, пусть и сказанных сгоряча, может ли она подругу в чём-нибудь упрекнуть?

Именно там, в замке Окс, где большое число отставных наложников прозябало в бездействии, не посещаемое ни одной из хозяек, для обеих женщин ковались узы. Тройная цепь связала Лулу Марципарину Бианку с посланником Чичеро, цепь одинарная, но немногим менее прочная соединила одноглазого Дулдокравна с её подругой. Что и говорить, опасный опыт. Но в те дни он казался таким изящным выходом из запутанного положения.

* * *

А потом идиллия резко закончилась. У Чичеро нашлись другие дела, кроме как миловаться с невестой. Нашлись даже

раньше, чем подошёл оговоренный срок его возвращения в тюремный замок Плюста. Всё-таки, любой посланник Смерти, он первым делом посланник Смерти, ну а девушки — потом, в свободное время.

Выяснилось, что посланнику во что бы то не стало надо собрать и завезти в Цанц тени мёртвых крестьян. И даже если Плюст его всё равно не отпустит, отлынивать от дела не след. Зачем? Наверное, для очистки рыцарской совести. Мол, «он старался». А значит, радостные минуты, часы и дни общения с любимой надо принести в жертву — чему? Посещению окрестных великанских замков.

Как же не навестить великана Ногера в замке Батурм? А Югера в замке Гарм? У обоих ведь мёртвых крестьян куры не коюют…

А после того — едва попрощавшись с любимой в замке Окс, и даже в уме не взвесив счастливую возможность преступить клятву — лететь, подобно крылатому абалонскому скакуну, скорее в родную тюремную камеру. Чтобы занять в той камере самое лучшее, самоё тёплое, самое устойчивое место.

Чичеро поступил по-рыцарски — очень может быть. Но и глупо, и жестоко, и смертельно обидно для трогательной и ранимой души его невесты Марципарины.

И скажите потом, что Чичеро не нуждался в футляре. Нет же, нуждался — без футляра таким нельзя! И эту свою нужду воплощал при первой возможности. Воплощал, только бы сбежать от счастья с Марципариной в очередную свою тюрьму!

Только и разницы между тюрьмами Чичеро, что в размерах. Замок, он всё же малость покрупней сундука будет. И ещё в сундуке не отбрешешься злою волею какого-нибудь там тюремщика Плюста. Сам провинился, сам поклялся искупить, сам себя засадил. Сам разбил невестино сердце.

Глава 8. Прелесть разнообразия

После долгой череды некрократических проповедей и молитв за семью десятками самых дорогих гостей Цига зашли специальные служительницы и отвели в трапезную залу, расположенную в подвальном этаже собора. Как и следовало надеяться, Оксоляна тоже удостоилась чести. Единственная посетительница ложи «для принцесс» — шутка ли!

Гостей усадили за длинный стол, крытый праздничной чёрной скатертью и уставленный дорогими яствами исподнего мира — «пищей мёртвых». Как верно предсказал Карамуф, здесь были могильные черви в лимонном соусе, запечённые в собственном соку личинки бабочек моли, хорошо проваренные чёртовы огурцы.

Во главе стола уселась сама Ангелоликая. Ну, или один из её ангельских ликов — Оксоляна их пока что не различала. Хвост стола подковообразно изгибался, и в центре изгиба на невысоком постаменте помещалась выточенная из тёмного камня скульптура — задумчиво сидящий на стуле мужчина с отбитым носом.

На плече его умостилась и весело скалилась птаха — не птаха, а скорее распатланный мелкий ангел со стилизованными орлиными крыльями и когтистыми ногами, но с лицом человечьим, да ещё с уродливой грудью, свисающей аж до птичьих колен. Пока царевна думала, что это за чудо такое, ангелоликая птаха взлетела с плеча статуи, да и впечаталась в потолочный орнамент, где стала неотличимой от других точно таких же, как она.

Ну, затерялась, и затерялась. О том и спрашивать не след, ведь храмовые чудеса находятся в компетенции здешних посвящённых самых высших степеней. Магические соглядатаи храма — тем более, ведь смотреть должно им, а не на них. Кто заметил лишнее, тому несдобровать — и, видно, другие гости это неплохо усвоили, раз даже не обратили внимания на резкое движение. И Оксоляна тоже постарается позабыть мелкого ангела.

Осталась ещё сама безносая статуя. Уж она здесь не случайно. Вот её и заметить положено, да и вежливо поинтересоваться не возбраняется — в знак того, что гости явились в трапезную не только поесть.

Что же нос-то назад не приставили? Оксоляна мысленно фыркнула на этот непорядок, но осеклась. Негоже испытывать недовольство, ведь гостей наверняка проверяют. Пусть лучше кто-то другой попадётся, не она.

Так и есть. Кого-то уже прорвало:

— А кто это там, в конце стола — безносенький? — ляпнула голосистая гостья Цига из какой-то торговой гильдии — там они все бойкие на язык.

— Ваш вопрос адресован Ангелоликой? — с иронией спросила сама Ангелоликая и метнула в несдержанную мужичку короткий гневный взгляд.

Торговка заохала, принесла многословные извинения, а её товарка по гильдии с низким поклоном поспешно пояснила:

— Данея раскаивается. Будьте любезны простить её бестактность, Ангелоликая, она ведь не со зла. Просто ни я, ни она не можем припомнить, кому из деятелей Цига посвящён памятник. Не вашему ли батюшке?

Объяснение ещё бестактнее, чем объясняемое, внутренне улыбнулась Оксоляна. Уж она-то найдёт возможность помолчать, если сказать нечего, но так позориться нипочём не станет.

— Кто ещё хочет это знать? — с искромётным весельем спросила Ангелоликая.

В ответ раздался гул голосов. Ещё бы не захотеть узнать, кому посвящена статуя, которая, уж наверное, поставлена тут не случайно, а если бы вдруг случайно, то её, наверно, давно уже тут бы и не стояло…

— Значит, кто-то всё-таки хочет узнать? — голос Ангелоликой совершенно неожиданно зазвучал зловеще. То есть, всё-таки гости сказали что-то не то и её прогневили? Ничего ведь не предвещало!

Голоса гостей перепуганно примолкли, поблекшие лица заозирались: может, кто-то знает, как ответить правильнее всего. И тут Оксоляну осенило: ведь это проверка! Ну конечно: Ангелоликая смотрит, кто из всей собранной кучи гостей не растеряется. Ведь тот, кто не робкого десятка, может быть полезен некрократии, а весь робкий десяток — отсеется без сожаления.

И, пока никто другой не догадался, царевна поспешила воскликнуть:

— Я очень хочу узнать… — голос предательски дрогнул, но устоял. — Будьте добры, расскажите, Ангелоликая. Если только не трудно… — сказала и сама же с испугом уставилась в бесцветные глазки навыкате. Что, ошиблась?

Нет, предугадала!

Ангелоликая озорно улыбнулась, показав миру зубы довольно крепкие, но не чрезмерной длины. Затем глазки навыкате из образа строгой женщины-чернильницы погрузились вглубь черепа, протянув за собой радиальную сеть добрых тётушкиных морщинок.

— Что же, больше никому не интересно? — и в голосе зазвенела едва ли не обида. Слишком легко отступились.

Любопытство тотчас вернулось. Гул интересующихся голосов постепенно набрал прежнюю силу.

— Хорошо, — дала себя уговорить Ангелоликая, — расскажу вам, кто с нами сидит. Я так и думала, что вы примете его фигуру за памятник, и это действительно памятник — в некотором роде. Памятник Управителю Цанцкого воеводства Умбриэлю Цилиндрону.

Ангелоликая попыталась выдержать паузу, но не тут-то было.

— Так он не из Цига? — изумилась торговка Данея.

— Из Цанца. Сказано же. Чем ты слушала? — поддержала тему ещё одна.

— Тогда мне неясно, зачем эта статуя здесь стоит.

— А затем, что этот Цилиндрон когда-то был в Цанце главным. А теперь Владычица Цига его приютила.

— Приютила его старую статую? — Данея упорствовала в глупости.

Оксоляна, которая обо всём уже вспомнила и догадалась, ценою огромных усилий не ввязалась в этот непочтительный разговор. Ангелоликая держит паузу, значит, надеется всех удивить разгадкой — что же её перебивать? Нет, Оксоляна самая хитрая. Она не будет произносить верного ответа, но станет его думать. Ангелоликая как прочитает её мысли, так обрадуется. Скажет, «царевна умна, но деликатна».

— В том-то и дело, что это не статуя, — таинственно усмехнулась Ангелоликая, — а Умбриэль Цилиндрон собственной персоной. Только он малость, хе-хе, окаменел. А стоит он здесь, потому что между правителями Цига и Цанца как-то вышел спор, кто ближе и милее Владыке Смерти…

О споре том Оксоляна не знала, но должна была догадаться.

— …и решили, что кого Владыка решит наказать, того он обратит в камень. И пообещали друг другу, что тот из них, кто не окаменеет, обеспечит второму сносное место за своим гостеприимным столом…

Что, серьёзно? Так всё и было?

— …Кто знает, чем бы дело закончилось, но об их споре узнал Владыка Смерти. Это и не мудрено: все мы знаем, что Мёртвый Престол в курсе всего. И когда прознал Владыка, какой они затеяли обмен мнениями, то потребовал, чтобы каждый из них описал свои чувства к нему как председателю всей наземной и подземной некрократии.

Да, Оксоляна слышала, что Владыка поощряет состязательность.

— И вот послушайте, как один из спорщиков объяснялся в любви Владыке Смерти. «Ты самый сильный, о Владыка, — говорил этот, что греха таить, очень самоуверенный спорщик, — ты сильнее всех человеков, а значит, моё место рядом с тобой. В знак глубочайшей преданности я буду стараться походить на тебя, я даже стану немножко тобой ради такого дела. Зато ты, величайший из великих, поделишься со мною властью и могуществом. Как не поделиться, если я с некоторых пор — твоя составная часть, причём самая лучшая, самая старательная из прочих частей. Когда же ты решишь отдохнуть — а даже Владыка Смерти отдыха, несомненно, заслуживает, — я смогу тебя подменить. Когда же ты решишь окончательно удалиться от дел на заслуженный отдых, то я тебя и полностью заменю. Отчего бы не заменить, если я — это и есть ты?». Так считал Умбриэль Цилиндрон — и думал, что будет Владыке Смерти очень любезен…

Что ж, по крайней мере понятно, зачем здесь поставлена эта окаменелость. Чтобы объяснить, что Цилиндрон был нелюбезен и неправ.

— А та, которая спорила с Цилиндроном за первенство, говорила совсем иначе, — заверила хитроумная Мад, — она хотела одного: быть полезной Мёртвому Престолу. «Ты, ты, Владыка, и только ты!» — вот как она говорила, — при этих словах Ангелоликая даже всхоипнула, как бы показывая, что в ихъяснении любви к Владыке Смерти слёзы также не возбраняются.

Трапезный зал не остался безучастен к слезам Ангелоликой. Кто-то намеренно выдавил слезу цвета собственного бальзама, а другие смогли даже непроизвольно, без видимых усилий.

— И как вы думаете, что решил Мёртвый Престол?

Оксоляна покосилась на каменного Цилиндрона. Разве не очевидно и без размышлений, что решил Владыка? Хотя, конечно, среди гостий Ангелоликой имеются туповатые, этим лишний раз подумать не помешает.

— Итог его решения перед вами, — широким жестом госпожа Мад указала на обращённого в камень горемыку.

Гостьи дружно покачали головами: вот оно как бывает. Ангелоликая же напустила на лик загадочный вид:

— А теперь угадайте, зачем я вам поведала эту историю, а?

— Наверное, — выпалила Оксоляна, — чтобы в своей любви к некрократии мы брали верный пример с вас, и не брали его из сомнительных источников, противных воле Владыки? — ага, первой успела.

— Правильно, — сдержанно кивнула Мад, — я и не

сомневалась, что принцесса догадается первой, и всё же похвально…

Правда, в интонации Владычицы было больше ревности, чем похвалы. Наверняка хотела потомить слушательниц подольше и по причине их тупости самолично выдать верный ответ.

— …похвально, что в Уземфе так хорошо знают историю не самых ближних земель.

Историю… Историю ли?

Странно, что главы Цига и Цанца о чём-то между собой спорили, подумалось Оксоляне. Ведь в пору властвования в Цанце Умбриэля Цилиндрона эти города были по разные стороны Порога Смерти. Столь же странно и то, что в окаменении Цилиндрона будто бы участвовал Владыка, тогда как до Уземфа дошла версия попроще — о заговоре бальзамировщиков. Вся история, скупо поведанная Ангелоликой, напоминала вымысел…

Но вслух я этого не скажу, внутренне улыбнулась царевна. Ведь я знаю, что это тоже проверка. Другие, может, не знают, но я-то не такая дурочка! Я подумаю обо всём, о чём догадалась, чтобы Ангелоликая не забывала, что я умна. Но лишь про себя, чтобы она знала, что я послушна. Только послушных царевен западная некрократия производит в царицы.

* * *

В почтительном молчании прослушав поучительную историю воеводы Умбриэля (изложенную в местной версии), гостьи понемногу принялись за мертвецкие деликатесы на столе. Более других усердствовала торговка Данея: щёки так и ходили на её полном лице. Что ж, у каждой свой мотив прийти к Ангелоликой. Кому-то давно пора стать царицей, ну а кому-то — сытно подкрепиться надурняк яствами, обычно далеко не бесплатными.

Оксоляна просто восхитилась, когда заметила, с какой скоростью Данея уписывает за обе щеки — но не всё, что на столе попадётся, а лишь самое дорогое. К счастью для набальзамированного желудка торговки, дорогое тоже поражало разнообразием. Некрократия не мелочится. Она даёт сразу много. Конечно, много и желает взамен. Поэтому, чтобы потом не чувствовать себя обманутой, надо прямо сейчас поглотить все возможные блага. Пока есть.

— Все ли попробовали андаманских тараканов? — участливо спросила Мад Ольгерд.

— Да, благодарим тебя, Ангелоликая… — раздались отдельные голоса.

— Я спросила, все ли попробовали андаманских тараканов?! — отчеканила суровая Мад, прерывая благодарственные излияния.

Гости снова притихли, не решаясь и слова изо рта выпустить.

После долгой напряжённой паузы Мад решила переформулировать исходный вопрос:

— Признавайтесь, кто андаманских тараканов не пробовал?

— Ну, я… — с хорошо заметным со стороны содраганием произнесла мелкая отшибинская карлица, сидящая бок о бок с Оксоляной.

Вот умора, сидим рядом, наверное, с начала трапезы, а я её впервые заметила, подивилась Оксоляна.

— Кто такая «я»?! — продолжала допрос Ангелоликая.

— Меня зовут малышка Тупси, — представилась карлица, — и тараканов я не ела не по злому умыслу, просто их быстро не стало, — Тупси красноречиво посмотрела на Данею. Уж кто тех тараканов с главного блюда уничтожил поболее всех других, так это, конечно, прожорливая торговка.

— Каждый должен попробовать! — потребовала Мад.

Интересно, что в этих тараканах такого, что нам их обязательно надо впустить внутрь? Может, там яд. Или противоядие. Или…

Но младшие соборные служители уже разносили по залу тараканов, ловко пришпиленных булавками к особым деревянным тарелкам. Это блюдо они предлагали каждому, причём пристально следили, чтобы гостьи употребили насекомых тут же на месте. А как же: на этой дегустации дегустируют самих дегустаторов.

К Оксоляне тоже подошли. Надеясь на лучшее, она взяла с блюда таракана, откусила ему брюшко, прожевала. Ну вот, ну и что?

— Тараканы, как вы заметили, у нас особенные, — похвалилась Ангелоликая, когда все угощения дошли по адресам. — Андаманцы — близкие родственники пещерных Червей Сомнения. Но их парализующее волю действие намного шире и в то же время избирательнее… — Мад широко улыбнулась. — Они вредят только врагам некрократии, представляете?..

Хорошо, что я не враг, подумалось Оксоляне.

— А друзьям некрократии они не повредят? — забеспокоился кто-то.

— Ну что вы! — добрая улыбка тётушки утопила глаза в морщинках. — Друзьям наши тараканчики только помогают.

— А чем помогают? — спросила Данея, ловко хватая со стола

добавку.

— Тем, что подавляют плохие мысли, конечно! Видите ли, дорогие мои, это блюдо способно бороться не только с врагами некрократии, но и с отдельными проявлениями враждебности в мыслях её друзей.

Вот это да! Впечатляет.

— Итак, — провозгласила Мад, — наступил момент истины. Рада сообщить присутствующим, что среди нас вовсе не оказалось шпионов, людей случайных и тем более злонамеренных. Это показали тараканы, но ещё прежде них отвага, с которой вы согласились на это новое испытание! Что ж, некрократия вашу преданность оценит.

Гостьи Ангелоликой так и плавились от её добрых интонаций, а их полурастёкшиеся по столу тела отражались в потолочном зеркальном плафоне — пёстрая масса, но в едином настроении и порыве к некрократическому единению.

— А давайте закажем ещё тараканов. Пусть они улучшат нашу природу, и без того хорошую! — сказала женщина в дальнем от Оксоляны конце стола, и её единодушно поддержали. Развиваться, так до предела!

* * *

Как только взаимные аппетиты людей и тараканов пришли к полному удовлетворению, Мад Ольгерд предложила своим гостьям встать из-за стола.

Уже расходимся, подумала царевна. И ошиблась. Оказывается, хозяйке взбрело на ум своих гостей перезнакомить.

— Посмотрите на тех, кто стоит рядом с вами! — с некоторой театральностью воскликнула Мад. — Спросите их имена.

— Как их зовут, Ангелоликая? — поспешил спросить кто-то.

— Спросите у них самих, — велела хозяйка Цига.

И добавила, видя, что гостьи между собой заговаривают вяло:

— Я хочу, чтобы вы узнали друг друга получше. Только вместе, всем сообща, вам и удастся послужить некрократии. Одиночки обречены, вы ведь знаете, что Эуза не дремлет, а Живой Император окончательно не разбит.

— Знаем, Ангелоликая, — в такт закивали все. И царевна с ними.

Мад Ольгерд обрадовалась общему единодушию, но всё же вновь пояснила, что желает налаживания общения между самими гостьями храма:

— Я желаю, чтобы из вас образовались команды. Настоящие

команды Хранителей некрократии! Сбитые, слаженные, опасные для врага. Каждая из вас по умолчанию достойна этой чести. Повторяю, каждая, а не только лично вы! Недостойных мы и не пригласили бы, а возможные ошибки устранил бы контакт с тараканами…

Ну, «каждая», это сильно сказано, внутренне фыркнула разумная уземфка, но в остальном пожелание Владычицы стоит принять к исполнению. Да, завести связи среди участниц некрократической службы советовал и банкир Карамуф, Оксоляна собиралась так и сделать, если бы не мелочь: с кем здесь может свести равное знакомство мёртвая царевна крови? Значит, всё-таки стоит это пожелание воплотить. Ну да ладно…

— Я понимаю, — тётушка Мад заговорила задушевно, — что принять другого с его особенностями подчас нелегко. Но у некрократии широкое сердце, она принимает всех. В том её сила. И в том погибель Живого Императора, на которого многие народы, страны, сословия выступят одним некрократическим фронтом. А для создания такого фронта что нужно? Нужна толерантность, милые мои, именно толерантность.

Должно быть, последнее из сказанных Ангелоликой слов принадлежало к наиновейшим некрократическим заклинаниям. Из тех громких выражений, основная сила влияния которых на слабые умы — в ускользании сути между звуками.

Положим, Оксоляна, получившая в Уземфе недурное домашнее образование, слово «толерантность» раньше не раз слышала. Более того, как барышня начитанная, имела случай развернуть и свиток собрания сочинений некрософа Толера, который, кстати, и дал синтезируемому заклинанию своё честное имя. Правда, читать тогда не стала, только и посмотрела, что определение слова «толерантность», да и то потом позабыла.

— А что такое толерантность? — выдала свою недалёкость карлица Тупси. — Вы только скажите, а мы отыщем. Обязательно.

Царевна ждала, что Мад Ольгерд заговорит о Толере и его сочинении, но та всё разъяснила простыми словами, без отсылок.

«Прелесть разнообразия» — вот какую формулу толерантости применила Мад. И снова заговорила о том, что делу Владыки милы самые разные адепты, что против разнообразных врагов Живому Императору придётся туго, а значит… Ну, дальше всё пошло по кругу. Но ведь тупые отшибинские карлицы без повторения никогда не запомнят!

— Да, — признала Тупси, — в разнообразии наша сила… — о, запечатлела.

И вид напустила на себя такой умильно-послушный. Но только на деле карлики всегда собачатся даже между собой, а уж

с людьми, непохожими на них ростом — так всенепременно. «Великий народ», да чтобы не подпрыгнул! Не бывать такому, ведь иначе никто не приметит величия.

По ходу размышлений Оксоляна знакомилась: назвалась нескольким дамам и сама получила несколько невнятно произнесённых имён, из которых только и запомнила, что Данею, Тупси да… Ой, нет, третье забыла тоже. Но ведь и Тупси, и Данея запомнились ей чуть прежде знакомства, так что они даже не в счёт. Что-то мешало царевне следовать заветам Толера и указаниям Ангелоликой. Тошнило её от разнообразия участников, если начистоту. А вот прелести особенной от их соседства с нею — так и вовсе не ощущалось.

— Отлично, — подытожила Мад, когда ритуал знакомства был совершён участниками порядочное количество раз, — теперь я хочу, чтобы вы объединились в группы по семь человек. Постарайтесь, чтобы в вашу семёрку попали люди, как можно менее похожие на вас. Помните: прелесть в разнообразии!

Ох и кислую же мину пришлось отряхнуть с лица царевне, когда она попала в одну группу с отшибинской карлицей Тупси, клямской торговкой Данеей, тупомордой зажиточной крестьянкой из Бегона, крючконосой переписчицей летописей из Глукща, наглоглазой купчихиной дочкой из Лопволарое, да ещё — с порядком потасканной дамой свободных занятий, что ныне с трудом остепенилась в глубоко провинциальном Шкмо, но происходила-то из столичных подворотен самой Эузы.

В таком составе её группа по предложению Мад встала из-за стола и образовала кружок в одном из углов зала. Потолочный зеркальный плафон отразил добрый десяток кругов со столь же разношерстным сбродом.

— Все справились с заданием? — заботливо поинтересовалась Ангелоликая. — Никто не остался не охвачен? Что ж, поздравляю вас. Только что мы с вами вместе сформировали так называемые «боевые септимы» — великолепные семёрки, которые отныне будут вершить истории ваших же местностей в точном соответствии с идеалами некрократии.

— Ура Ангелоликой! — рявкнула лужёная глотка какой-то саламинской трактирщицы. Её поддержали прочие представители «прелестного разнообразия», причём их нестройный хор неожиданно скоро выстроился.

— Но чем нашим семёркам теперь предстоит заниматься? — настороженно спросила царевна Оксоляна. — Выполнять какие-то тайные задания, насколько я поняла?

Ангелоликая взглядом поблагодарила её за вопрос:

— Для начала — учиться, да ещё соревноваться. Лишь те «боевые септимы», которые докажут свою эффективность, будут допущены до настоящей борьбы. Другие же, неэффективные семёрки мы расформируем, — и последнее слово прозвучало с неожиданной жёсткостью.

Неужели участники неэффективных септим предполагаются к физическому устранению? Скорее, конечно, к устрашению, но всё-таки…

— О том же, какие септимам предстоят задания, — вела дальше Мад, — все вы узнали ещё накануне нашей трапезы. В соборной молитве — помните?

Да, царевне запомнилась та пространная череда молитвенных славословий и проклятий, сформированная, кажется, из запросов гостей собора. В молитве говорилось «да низвергнет некрократия», но в какой такой форме некрократическая власть сие низвержение совершит? Теперь ясно: в форме «боевых септим», составленных из тех самых просительниц, что заявили некрократии о своих сокровенных потребностях.

— Так значит, мы всё сделаем собственными руками?

— Конечно, — широко улыбнулась тётушка Мад. — Кому же лучше знать, как следует наказывать наложника Хафиза, карликов Лимна и Зунга, варварский и нецивилизованный народ картау…или, к примеру, дочку и наследницу Умбриэля Цилиндрона по имени Лулу Марципарина Бианка?

— Марципарину я не заказывала! — быстро поправила Оксоляна.

— Да, конечно, — поглядела искоса Владычица, — вы, верно, не в курсе, что ненавистный вам наложник Хафиз убежал именно к ней.

* * *

Итак, чаяния уземфской царевны оказались ближе к воплощению, чем можно было надеяться. Никого не ждать! Самой, пусть и в составе «боевой септимы», действовать в Уземфе и других местностях. Да, от имени некрократии, но и с немалым ресурсом, который она дарует. Право же, от быстроты перемен у Оксоляны захватывало дух.

— А подготовка наших «боевых септим» начнётся прямо сейчас? — не без торжества в голосе спросила писица из Глукща. — И чему нас начнут обучать: каждую септиму чему-то своему?

Ну куда она спешит? Обучаться, да ещё немедля, не

освоившись с новым положением — фи, какая грустная перспективка. Хотя большинству участников оксоляниной «септимы» и правда не мешало бы подучиться. Ну хоть чему-нибудь путному!

К делу, так к делу. Ангелоликая с ходу объявила:

— Сегодня занятий у вас не будет, но завтра они начнутся. Учить будем самому лучшему, но в основном тем знаниям и умениям, которые приблизят воцарение некрократии во всём мире. Познакомиться с нашими учителями сможете завтра же, а пока, — улыбка Мад утратила симметрию, превратившись в кривую усмешку, — ваши «септимы» ожидает первое испытание.

— Что, прямо сейчас? — весь десяток кружков, заполнивших просторы трапезного зала, пришёл в известное беспокойство. — А что будем делать?

— Как обычно, есть тараканов, — пояснила Владычица, — прошу к столу! — и она указала на заново сервированный пиршественный стол, на приборах которого на сей раз угнездились одни лишь тараканы.

Снова эти милые насекомые, и ничего, и никого больше. Тараканы, пригвождённые к тарелкам, шевелили усами и конечностями, пытались покачивать корпусом, что, разумеется, сильно способствовало аппетиту. Прежние-то их собратья вели себя скромнее. Те были более сонными и чуть замороженными шоколадным соусом на спирту, зато эти — бодрствовали вовсю, возбуждённые соусом из лимона.

— Так мы ведь ими уже наелись! — капризно проныла купчихина дочка из Саламина. Девочка не поняла слова «испытание». Глупая девочка.

* * *

Хорошенькое испытание — давиться тараканами, с которыми, как все думали, уже попрощались надолго. Да что поделаешь? Надо признать: решения некрократической власти бывают подчас неожиданными. Кто хочет её помощи, тому пора смириться с этими маленькими капризами.

«Ешь тараканов. С лапками жуй», как писала уземфская мёртвая поэтесса. Не была ли она в прошлом участницей такой же «септимы»?

Стол и без того заставлен приборами со съедобными тараканами, но то лишь начало. Рядом с ним выстроилось десять — по числу «септим» — служительниц кухни вечнотраурного храма, а при каждой — внушительнейших размеров кастрюля.

Добавка, как есть добавка!

Условия просты: какая «септима» всех больше съест, та и есть более эффективной и преданной некрократии. Тщательно пережёвывая насекомых, ты помагаешь Владыке лично.

Правда, есть и пожелание Мад, которому следовать, как она сказала, вроде, и не обязательно, но которое всё же повышает твои шансы: перед поглощением насекомых не обездвиживать. То есть, не отрывать лапки, как делали некоторые, пытаясь себя убедить, что перед тобою не таракан, а, скажем, фасоль. Ну и не свинчивать раньше времени тараканью голову пальцами, а кусать с целого — так ведь зрелищней. И больше напоминает весёлую некрократическую игру.

А ещё есть пожелание Мад, о котором она даже не сказала, но царевна-то понимает! Поглощая тараканов, нельзя показывать отвращения. Если что вокруг себя и излучать, то только лишь вдохновение, дерзновение и удовольствие. Когда испытание представляет собой весёлую игру, то и лица должны быть соответственные. В этом суть некрократического артистизма.

Сколько времени прошло с натянутой гримасой удовольствия на лице? Оксоляна бы не сказала. За гастрономическим испытанием не только время перестало существовать, но и пространство сузилось до малого участка пиршественного стола, на которым расположилась твоя «септима».

Только твои люди, других и не надо. И враги-тараканы. Изредка в поле внимания попадает служительница, которая накладывает на центральное блюдо — точку сборки твоей «септимы» — новую порцию шевелящейся пищи.

Прежде тараканов поливали парализующими соусами да прикалывали к посуде специальными пищевыми булавками. Теперь их без затей вытряхивают из поварёшки. Какая разница? Насекомые врассыпную, но ни одно не уходит от бдительных хранительниц некрократии. Мёртвые люди быстрее мёртвых насекомых. Писица из Глукша по имени Бац объяснила всем, почему.

— Насекомые холоднобальзамны, — сказала крючконосая, — человек же принадлежит к теплобальзамным мертвецам, ибо у него четырёхкамерное сердце.

Как это верно, как это славно подмечено! Именно четырёхкамерное. В первой камере — любовь к Владыке Смерти, это не обсуждается. Во второй камере царит Ангелоликая, она это заслужила. В третьей камере притаилась ты сама, и в трепетной любви к себе нет ничего постыдного. А в четвёртой — тараканы!!!

* * *

Кто сколько тараканов сумел в себя запихнуть, Оксоляна сперва ревниво подмечала, потом сбилась со счёта и просто отдалась процессу. И так ясно, что в преследовании и поглощении пищи торговку Данею никто не переплюнет. Эх, самой бы царевне так! Если у тебя истинный талант, пусть это даже талант обжоры, он достоин уважения, а то и поклонения тех, кто не в состоянии доставить своей «септиме» подобных конкурентных преимуществ.

Карлица Тупси тоже закидывалась тараканами будь здоров. Конечно, до клямской торговки ей, как до Небесного яруса, но надо же сделать поправку на размеры! В такую малютку, да столько тварей величиною в её ладонь — как они только в ней поместились?

Основательно вгрызлась в насекомых и сама царевна. Не всё получалось идеально и быстро. Тонкое нижневосточное воспитание мешало запихивать в рот слишком объёмистые куски пищи, ведь получается некрасиво, да и щёки почём зря круглятся.

Не слишком отставала от неё и въедливая писица из Глукща. Уж так она въедалась в хитиновые панцири, словно пирующий падальщик на поле сражения недавно живых воинов. Расколет панцирь зубами, а кажется, будто клювом взрезала.

Дама лёгкого поведения, та, что сменила столичную Эузу на лучшую жизнь в провинциальном Шкмо, старалась не просто есть, и не примитивно имитировать удовольствие от еды, а будто бы переживать его. Нанижет таракана на вилку, изящным движением поднесёт ко рту, быстрым движением язычка слижет лимонный соус, пару раз шаловливо прикусит дрыгающиеся лапки, затем, грудным голосом похохатывая от щекотки, заглотит насекомое целиком… И давай лакомиться. Этак другие уже по третьему таракану приканчивают, а она всё первого любовно додавливает. Медленно ест, гадина такая! Зато безукоризненно.

Единственным слабым звеном в семёрке царицы Оксоляны оказалась купчихина дочь. Затолкать в себя насекомое — подумаешь, трудность. Но барышня после каждого поглощения ныла и скулила о том, что уж этот-то таракан должен быть последним. Вся «септима» её дружно уговаривала, попутно теряя драгоценное время. Почему нас не шесть? Этак бы съели намного больше, чем всемером. Разнообразие разнообразием, а подводить своих — всё же не дело.

А потом где-то на краю мира, очерченного длиной стола, одна «септима» сошла с дистанции. Видать, девчонки вроде купчихиной дочери оказались там в большинстве. Вот и подумали, что их водоизмещение уже заполнено до отказа — но ведь это было не так!

Ангелоликая потребовала нерадивую «септиму» немедленно увести, а голос у неё был такой, что не оставалось сомнения: от лентяек в негодовании отвернётся некрократия! Тотчас и навсегда.

Оставшимся же «септимам» Владычица сказала, что испытание ими пройдено. Отныне они станут септимами уже без всяких кавычек. Ибо подтвердили свою сплочённость и боевую силу.

— Жаль, — призналась Данея, — что мы не успели съесть остальных тараканов. А такие имели неплохие шансы…

Торговка и дальше бы жевала тараканью стряпню, но увы: служительницы храмовой кухни не подносили сего более ненужного блюда. И в самом деле, что годится для испытания, порой не стоит превращать в повседневную пищу.

— По-моему, мы тараканами на несколько лет наелись, — отметила Оксоляна.

— Если не навсегда, — усилила переписчица из Глукща.

Постепенно в поле зрения уземфской царевны вернулся трапезный зал. Пиршественный стол, с которого забрали все приборы, напомнил Оксоляне Большую тропу мёртвых. Та ведь тоже тянется через весь Средний мировой ярус, простираясь далеко за Врата Порога Смерти.

И подобно тому, как Порог Смерти всё сильней наезжает на земли, доступные для жизни живых, так и здесь, в этом зале, какая-то сила уменьшила количество гостий храма. Те семеро из неудавшейся «септимы» — где они теперь? За столом от них оставалась зияющая брешь, пока другие не сели кучнее… Всё ли с ними там благополучно?

Не в том вопрос, каково проигравшим, а в том, что угрожало оставшимся — недурно бы такое узнавать заранее…

Ангелоликая снова заговорила о толерантности, о важности разнообразия. В основном повторяла, чтобы недалёкие гостьи храма чего не забыли, но и отметила важный новый урок: лишь достаточно разносторонние способности участников септимы позволяют выдержать всю череду испытаний: на обжорство, на голодание и много ещё на что.

— А голодание-то зачем? — насупилась торговка Данея, прежде чем Оксоляна успела её остановить.

— И правда, вовсе незачем, — легко поправилась Ангелоликая, — испытания на голод у нас не будет. Это так, к слову пришлось.

Оксоляне и самой ясно, что голодания, скорее всего, не будет. Заставить мертвеца проголодаться — та ещё задача, его ведь сами бальзамы питают, и надо ему немного. К тому же

сегодняшней обжираловки самой по себе мёртвому человеку на полгода хватит. Что, кто-то будет специально ждать, чтобы произвести испытание голодом?

Но для Данеи — единственно для неё — это испытание уже началось. В ней поселилось беспокойство: а вдруг голод? И потому Мад Ольгерд всё же схитрила, когда отказывалась от своих слов…

Какой подозрительно разумной иногда становишься — стоит почувствовать ответственность за успешность игры своей септимы. И какой внимательной: Оксоляна приспособилась поглядывать на зеркальный потолочный плафон, чтобы одним взглядом оценить, что происходит в зале.

А что происходило? Участниц сделалось меньше, пустого пространства больше — это понятно. Но это далеко не всё. В результате совместной работы в септимах разношёрстность гостей храма стала не такой разительной. Некая сила — сила совместной деятельности — будто причесала здесь каждую единым волшебным гребнем. Кто здесь карлица, а кто полнорослая женщина — даже это определялось не без труда.

То есть — куда-то девается расхваленная госпожой Мад прелесть разнообразия, так что ли?

Нет, успокоила себя царевна. Разнообразие сохранилось в полной мере, просто оно теперь менее заметно, не бросается в глаза. Ведь я — это по-прежнему я. Я царевна, в будущем — царица Уземфа. Здесь я одна такая. Ведь не путаю же я себя с кем-нибудь другим?

Кто царевна, кто торговка, а кто и вовсе отшибинская карлица — уж это-то сохранится навсегда. В том ведь и сила некрократии, ведь так?

Что-то важное говорила Мад. Но уземфка временно выпала из её темы. Всё из-за взглядов, украдкой брошенных на потолок. Ведь там же…

И правда, в зеркальном плафоне все участники состязания в септимах выглядели не просто похожими друг на друга. Они теперь сильно смахивали на Ангелоликую. Не так, чтобы совсем перепутать, но всё-таки…

Ангелоликая — очень многолика. Все мы — это она.

Нет, не так. Мы однолики, поскольку ангелолики.

И это ерунда. А значит, зеркало врёт. Ну ещё бы ему не врать, если отражает оно нас вверх ногами. Если мысленно переставить гостий храма с ног на голову, то никакой унификации не будет, а восторжествует прелесть разнообразия, именуемая толерантностью.

В зале началось какое-то движение. Что-то важное царевна

прослушала. Потихоньку спросила у карлицы Тупси:

— Что сейчас будет?

— Занятия и тренировки, — отозвалась та.

— Мы ждём учителей, — добавила писица из Глукща.

— Так ведь Ангелоликая сказала, что сегодня учёбы не будет…

— Сегодня давно прошло, — усмехнулась глукщица, — и уже с десяток часов, как наступило завтра.

Вот как? Что ж, поглядим на учителей. Возможно, среди них найдутся и мужчины. Если так, надо предстать во всеоружии восточной красоты.

Оксоляна украдкой нашла себя в зеркальном плафоне на потолке… Нет, украдкой как раз и не получилось. Несколько минут, как дурочка, изучала потолок. Себя она, надо сказать, искала там впервые, вот и заметила с превеликим трудом.

Ещё бы! От Ангелоликой она теперь отличалась разве что кричащим платьем.

Глава 9. Драконовские меры

Когда посланник Смерти Чичеро Кройдонский вернулся в тюремный замок великана Плюста, Лулу Марципарина Бианка принялась его ждать. Что ещё оставалось?

По правде говоря, какая-то надежда вновь свидеться с женихом у неё оставалась. Всё-таки, перед возвращением Чичеро настроился на борьбу. Возможно ведь, что прежде он не был настроенным, а тут настроился и быстро врага победит. И если самой Марципарине выпала честь вдохновить героя, то тогда и не жалко его отпускать. Действовать-то герой должен!

Жаль, Эрнестина Кэнэкта оптимизма не разделяла.

— Всё немного хуже, чем я думала вначале, — брякнула на второй день.

— Ты о Чичеро?

— Нет. Хотя и о нём тоже.

Эрнестину Кэнэкту в Оксе по-прежнему посещали те её «друзья», которым она раньше поручала разыскивать Чичеро. Судя по всему, этими людьми решались и ещё какие-то задачи. Марципарина ими до сих пор не интересовалась, но раз Кэнэкта сама намекает…

— Так что случилось?

— В Цанце заговор, — просто сказала подруга, — твоего отца Цилиндрона хотят сместить, а может быть, это уже и сделали. Всё происходит быстро, новости ко мне не поспевают.

— Значит, мне пора возвращаться? — нахмурилась Лулу.

— Не возвращаться. Бежать.

— А если не бежать?

— Убьют, — пожала плечами Кэнэкта.

Кому выгодна гибель Марципарины Бианки? Может, кому и выгодна, но — с какой стати?

— Заинтересованы многие. Легче пересчитать тех, кто не заинтересован, — заверила её разведчица.

— Зачем меня убивать? Я что, наследница отцовского поста?

— Нет, — возразила подруга, — и он тебе не отец.

— А кто, некромейстер Гны? Я так и думала.

— Не Цилиндрон и не некромейстер, — покачала Кэнэкта головой.

Так впервые Лулу Марципарина Бианка узнала, что никакая она не Лулу Марципарина. Дочь дракона, похищенная из гнезда? Надо же! И драконы по ней скучают? Ещё интересней.

Вместе с тем и собственные карты Кэнэкте пришлось раскрыть. Да, разведчица. Да, из Эузы. Почему скрывала? Да

принято такое скрывать. К тому же, не так-то и старалась в сокрытии. Разве трудно было догадаться?

— Нет, не трудно, — признала Марципарина.

Итак, она не дочь ни Цилиндиану, ни Гны, а значит, их прохладное отношение объяснимо. И можно догадаться, почему в Цанце её вдруг убьют. Драконы для мертвецов — в общем-то, враги.

— Я им враг?

— Скорее, угроза.

Одно другого не веселее.

Каким беззаботным казалось прежде цанцкое детство! Каким сильным желанием удивить и порадовать своё мёртвое окружение наполняла его Лулу — и, кажется, в своей наивной непосредственности добивалась взаимности даже от самых наимертвейших учителей-некромантов! Потом по той же наивной детской стезе двинулась её юность — бурная, но полная добра и нежности к человеческим существам — живым, мёртвым, притворяющимся.

Иное дело теперь.

Осталось ли у Лулу к кому-то из мертвецов тёплое отношение?.. Разве что к Чичеро и Гны. Но про Гны она попросту невесть чего придумала, ну а Чичеро — какой же он мертвец?

— Мертвец, — возразила Кэнэкта, — составной, химерический, но всё же мертвец. У них важнее всего основа, спрятанная в «призрачную шкатулку», а тело с бальзамами — так, приложение. Потому карлики ничего не меняют.

— Меняют, — сказала Лулу, — поэтому Чичеро я дождусь.

— Из Цанца пришлют убийц, — покачала головой Кэнэкта.

На всё готов безрадостный ответ.

— Ты советуешь бежать прямо сейчас. Но почему?

— Мои люди не смогут нас защищать. Они сегодня уходят. Большинство из них родом из Адовадаи, там ожидает срочное дело, я не могу их дольше задерживать.

— Нет, — с твёрдостью объявила Бианка, — всё же я жду Чичеро.

А сама подумала…

Эх, не дождаться бы кого-то иного.

* * *

Люди Кэнэкты ушли. Весёлый загорелый Бабозо, любезный Кьяр, простоватый молчун Ламбуто. Попрощались с такими лицами, что Марципарина поняла: решение своей начальницы

остаться они тоже не одобряют.

В замке Окс практически нет серьёзной стражи. Сама великанша Клюп, конечно, грозная сила, но одной великанше, наверное, не справиться. Есть ещё, разумеется, несколько десятков наложников, но с них-то какой спрос? Наложники — люди мягкие, мужскую роль привыкли играть лишь в постели.

Бианка спросила у помрачневшей Кэнэкты:

— Что же тебя саму здесь держит?

— Слово, — грустно сказала та.

Оказывается, слово Кэнэкты дано белому дракону Драеладру. Разведчица пообещала найти похищенную из гнезда девочку, выйти с ней на контакт, а также — не давать её в обиду. Вот и не даст в обиду, даром что у Лулу самой голова на плечах. И в замке Окс одну не оставит.

— Что же я этому Драеладру так важна? — изумилась Марципарина. — Он, что ли, мне отец?

Оказалось, он. Во всяком случае, по дошедшим до Кэнэкты сведениям.

Час от часу не легче. Не градоначальник, не главный городской некромант, а дракон — и тоже, как объяснила Кэнэкта, не последний в своём драконьем народе. Не много ли выходит исключительности?

— И что же, — поддразнивая Кэнэкту, спросила Марципарина, — мой дракон-отец сам не хотел меня увидеть? Взял слово с разведчицы, и доволен?

— Он прилетит, даже не сомневайся! — голос Кэнэкты дышал уверенностью. — В беде не оставит. Как только прослышит, что с моими людьми нам уйти не пришлось, тут же и примчится. Надеюсь, успеет раньше убийц… Но дело в ином. Так ты согласишься лететь с ним?

Полетать на спине дракона — само по себе немалый соблазн. С другой стороны, Бианка обещала ждать Чичеро. С третьей — угроза смерти от подосланных убийц.

— Что ж, — сказала она, — если дракон Драеладр прилетит специально ради меня… То я, пожалуй, с ним улечу.

Сказала, а сама внутренне давилась от смеха. Кэнэкта всё-таки мечтательница. Если Драеладр прилетит… Но за ней ведь ещё никогда не прилетали драконы. И вряд ли в ближайшее время что-то изменится.

* * *

Хорошее решение, иронизировала над собою Бианка. После,

когда решение принято и озвучено, высмеивать его легко. Но вернуться и перерешать? Нет, что-то не хочется.

Как-нибудь всё случится. Может, Чичеро появится первым. Принесёт голову Плюста, шваркнет её Марципарине под ноги, скажет: это всё в твою честь, дорогая невестушка, ибо ты и только ты — подлинная вдохновительница смелого деяния. Теперь, когда главный подвиг совершён, я могу настолько расслабиться, что готов на тебе жениться не спустя полгода, как оговаривалось, а, к примеру, в будущую пятницу.

Марципарина, понятное дело, для вида подумает, но и ломаться долго не будет. Она, как-никак, женщина прямая — тем и цанцких мертвецов не раз в тупик ставила. Раз уж решила замуж, то пойдёт замуж, а жениха томить — пусть другие стараются, у кого на то выдержки хватит.

Может, конечно, случиться и так, что дракон прилетит быстрее. Что ж, и такое поправимо. Чичеро герой, али не герой? Коли герой, то и у дракона её отыщет. Имя дракона надо будет передать с великаншей Клюп. И тогда сразивший Плюста рыцарь вместо тёпленькой невесты получит в замке Окс новое задание. Стоит ли ему в таком случае на что-то обижаться? Конечно же нет: раз уж сам не слишком торопился, то и жены ему с первого подвига не видать. А как же, раз провинился, то должен пройти-превозмочь положенный испытательный срок!

Худший вариант, конечно — это если до замка Окс первыми доберутся цанцкие убийцы. Худший потому, что все останутся недовольны: и Чичеро, и Драеладр, и сама Марципарина. Хотя, конечно, для неё самой такое недовольство надолго не затянется. Когда тебя же первую и убьют — это выйдет сродни несчастному случаю. И в чём себя можно винить, если пала невинной жертвой, а перед тем никого не успела обидеть?

— Эй, подруга, не вздумай собой жертвовать! — внимательно поглядела на неё Кэнэкта. — Это ни к чему, правда. Кому ты что должна? Чичеро сам уехал в щербатую пасть к Плюсту, потому что, видите ли, у него слово чести, а ещё серьёзные дела. Это разумно? Нет! Не должно быть у героя серьёзнее дел, чем спасение самой женщины. Сам не можешь — доверь дракону!

— А что дракон? — фыркнула Марципарина. — Много ли защиты мне дал дракон, если я до совершеннолетия воспитывалась враждебными мертвецами, и сама жизнь моя зависела только от их милости? От каких-то неведомых целей, которые они надеялись с моей помощью достичь…

— Тогда, после разорения гнезда, Драеладр тебя искал, — защитила дракона Кэнэкта, — причём он давно уже знал, где ты находишься, задолго до твоего совершеннолетия.

— Что же тогда не прилетел?

— Чтобы не подвергать опасности. Вспомни, где ты пребывала всё детство: в пещерном дворце, под присмотром отряда некромантов, готовых тебя убить при первых же признаках того, что нечто пошло не так. Одно дело — подобрать тебя в свободном наземном замке, другое дело — пробиваться в пещерную часть Цанца, в отлично охраняемый дворец Цилиндрона.

— Да, конечно, я не подумала, — вздохнула Бианка, — крупному дракону в тех переходах негде развернуться, надо посылать людей, причём целую армию, причём на верную смерть…

— Может, всё не так драматично, — Кэнэкта не любила, когда её сравнивали с армией, поскольку чувствовала за собой небольшой излишек веса, — я-то ведь справилась одна! Правда, к тому времени много воды утекло и некроманты утратили бдительность.

Всё верно, утратили. А почему? Наверное, цели похищения мёртвые не достигли. Думали выманить к Цанцу Драеладра, но он не явился. Чтобы усилия зря не пропали, стали вокруг выкраденной девочки плести интриги, но то уже по мелочам, друг против друга. Ею самой эти мелкие интриги ощущались как ниточки, привязанные к крыльям. Поскольку же крыльев она у себя не наблюдала, то встряхивала головой и с облегчением думала: «Почудилось!».

Нет, ей не чудилось, но и горя большого не выходило. Подумаешь, кто-то что-то говорил за спиной некромейстера, а некромейстер — ещё за чьей-нибудь спиной. Много что мертвецы друг другу нашёптывали о самой Лулу. И что? Такие мелочи, конечно же, драконье дитя не трогали. Сильнее влияла постоянная несвобода. Малышка в ту пору и знать не знала, как выглядит свобода и зачем она ей нужна, но несвобода-то влияла!

Потом, когда свободы сделалось больше, когда «отец» Умбриэль Цилиндрон услал неправильную дочь в дальний замок и откупался от неё заморскими наложниками, Марципарина восприняла послабление как должное, но на самом-то деле — не она ли его добилась от мертвецов, замученных мощью её страстей?

Даже смешно. Похитили, а справиться не смогли. Оказалось, пользы от Лулу немного, а проблем доставляет порядочно. Мёртвую мудрость пусть и осваивает — но, честно говоря, с натугой. Мёртвую аристократическую молодёжь — смущает и пугает кипением драконьей силы.

Может, и Умбриэля цанцкие мертвецы сместили для того

лишь, чтобы расквитаться с Марципариной Бианкой. Кто знает? Ведь так она всех в Цанце достала…

— Мотивов тебя убить у них порядочно, — вздохнула Кэнэкта, — и в большинстве из них о личном отношении к тебе и речи не идёт. Кто хотел бы натянуть нос некромейстеру Гны, кто жаждет мести драконьей расе, а большинство хочет перестраховаться — боятся, что ты возьмёшься мстить за Цилиндрона. Есть и такие, кому мало заплатили за дворцовый переворот, эти просто готовы учинить всё равно какую пакость.

— Надо же! — хмыкнула Бианка. — Знали бы они, как далеко я сейчас от всего, что происходит в Цанце…

— Это тоже достаточный мотив для мести, — на полном серьёзе подхватила Кэнэкта, — тамошние мертвецы воображают, что они делают историю. И если кому-то их история просто не интересна, вот как тебе, — в голосе Кэнэкты зазвенела горькая ирония, — то такой человек вызывает смертельно опасную бурю негодования. Он обесценивает главные смыслы их посмертия. А за посмертие все они заплатили очень дорого.

Вот так, в диалогах — отчасти внутренних молчаливых, отчасти озвученных наедине с Кэнэктой — протекало ожидание то ли Чичеро, то ли Драеладра, то ли незнакомых убийц.

Что-то подсказывало Бианке, что убийцы из Цанца наверняка не успеют. У Кэнэкты должен быть припасён запасной вариант, который она пустит в ход, если ни Чичеро, ни Драеладр вовремя не появятся. С другой стороны, как рассчитывать на вариант, о котором не знаешь, а только думаешь, что такой должен быть.

Но кто кого обгонит: Чичеро Драеладра, или Драеладр Чичеро? И за кого болеет сама Марципарина? Если Кэнэкта спросит, она ответит: ну конечно же, за любимого Чичеро! Но если бы спросил сам Чичеро? Надо признаться, Бианка ощутила бы сильные колебания.

Ты слишком задрал свой курносый карличий нос, дорогой мой Чичеро. Ты слишком уверен, что я от тебя никуда не денусь. Ты слишком много чего чересчур и слишком! Я, по твоему мнению, должна отпустить Драеладра, моего настоящего отца-дракона, чтобы дать тебе возможность найти меня на прежнем месте? Ты так думаешь? Так вот: я тебе ничего не должна! Ищи меня! Свищи меня! Позеленей от свиста!

А если бы спросил Драеладр? О, Драеладру тоже есть многое высказать. За все те тридцать с лишком лет, что знакомство с ним не состоялось. За плохую охрану гнезда тридцать лет назад. За попытку явиться первым и унести на родительских крыльях прочь от любимого!

Драконьи энергии. Мощные силы, целые фонтаны, бьющие

наотмашь. Мертвецы их панически боялись, подруга Кэнэкта тоже глядит с опаской, и только немногим дано с ними сладить.

Во-первых, сладит истинный дракон — таков Драеладр. Во-вторых, справится тот не однажды убитый мертвец, которому и терять-то нечего — таков Чичеро. Третьего не дано. Третьей могла бы быть только сама Лулу Марципарина Бианка, но, право же, вы слишком многого от неё хотите — от женщины, которую воспитали некроманты!

Странно ли, что в тот ключевой час и миг, когда заснеженный двор замка Окс принял зашедшего на посадку огромного белого дракона, Марципарина сказала подруге-разведчице:

— Знаешь, я передумала. Никуда я лететь не хочу.

* * *

Как решила, так и сказала. Думала, Кэнэкта снова начнёт отговаривать, но ничего подобного.

— Что ж… Не мне тебя убеждать, — развела руками разведчица.

— Раньше ведь убеждала, — заметила Бианка.

— Раньше убеждала, но теперь поздно.

Поздно? Тоже мне подруга — так легко опустила руки.

— К Драеладру выйдешь, чтобы сообщить ему о своём решении?

— Это уловка? Чтобы он меня выкрал без спросу?

— Драконы не крадут без спросу собственных дочерей.

— Пусть так. Но прошу тебя, сообщи ему сама.

— Не буду, — заартачилась Кэнэкта, — дело ваше родственное, вам его и решать.

— Значит, я должна попросить Клюп?

— Клюп, конечно, славная тётка, — скептически хмыкнула Кэнэкта, — но не забывай, что она всё-таки мёртвая великанша. Не стоит её вмешивать. Мало ли до чего они с Драеладром договорятся.

На том разведчица и удалилась, оставив Марципарину одну стоять у окна во двор, большую часть которого занял едва приземлившийся и уже готовый к отлёту дракон Драеладр. Хитрый манёвр: если Кэнэкта не станет её уговаривать, получается, Бианке придётся самой?

Что ж, если драконьи энергии сейчас оказались плохими советчиками, не пускающими бедняжку Лулу ни к отцу, ни к любимому, придётся ей обратиться к суровой мертвецкой логике, пусть и замешанной на сомнительном величии здравого смысла.

Итак, что велит здравый смысл?

Он велит милой девушке Лулу Марципарине разумно спланировать свою судьбу. В планах у Лулу — выйти замуж за Чичеро, ведь так? Для достижения радостной цели Марципарина уже многое сделала. Спасибо Умбриэлю Цилиндрону, способному всякого убедить, они с Чичеро уже помолвлены и в скором времени сочетаются узами брака.

Не всё происходило гладко, и некоторые обстоятельства помнить не хочется, но надо. Надо иметь мужество признать, что Чичеро жениться на Марципарине вовсе и не хотел. Если чего и хотел, то — не жениться. И не будь в своё время достаточно убедительным Цилиндрон, не видать бы ей этого посланника Смерти, как своих ушей.

Увы, «батюшка» Умбриэль уже низвергнут дерзкими заговорщиками. Но в то же время — помолвка состоялась, и рыцарское слово дано. Раз так, то и свержение Цилиндрона ничего не меняет: свадьба состоится в договоренный день… Или меняет?

На тот случай, если всё же меняет, и если слово, данное Цилиндрону, канет в неизвестность вместе с ним самим, хитрая Марципарина тоже подготовилась. Ибо сумела доставить жениха в замок Окс, и уж чего-чего, а общения с нею уклончивый посланник Смерти не забудет точно. Пусть помолвка выдалась недобровольной, но дальше-то, дальше — пошли совсем другие отношения.

Помолвлены любящие сердца — за это утверждение Бианка ручается. Теперь её герой привязан к ней не одним только честным словом, но и сердечной связью. То есть он имеет не только причину жениться, но и силу для воплощения причины. И, стало быть, воплотит!

Да, воплотит, но в любом ли случае? И вот тут-то в рассуждениях умной невесты раскрывается беспокоящая проплешина. Будет ли Чичеро что-нибудь ей должен, если прямо сейчас она улетит на драконе? Вот уж заранее не скажешь! Захочет — признает свой долг и женится, не захочет — увы.

Конечно, после встреч в замке Окс уж саму-то Марципарину Чичеро захочет. Но настолько ли сильно захочет, чтобы разыскивать её у драконов для совершения обряда? Ой, не похоже, что такое осуществится!

Значит, она права? Права, что не поддалась на убеждения Кэнэкты, что так до сих пор к белоснежному дракону и не вышла. Конечно же, всенепременно права: кто надеется на скорую свадьбу, та не должна сбегать от жениха. Ей надлежит терпеливо дождаться заветного обряда.

Обряда? Стоп! Но обряд-то — некрократический! Имеет ли он теперь в отношении Марципарины ну хоть какой-нибудь вес? Ой, сомнительно… Учитывая всё то, что намедни было ей открыто, ни помолвка, ни свадьба в её отношении, кажется, просто не могут рассматриваться всерьёз. Она ведь не мертвец, это раз, и не вполне человек, это два. Некрократические таинства для драконов не предназначены, даже для человекообразных. Ни один некромант в здравом уме не согласится венчать драконицу.

Что получается? Даже если Чичеро её найдёт, свадьбы не будет — грустно это! Случится разве что повторение тех нежных отношений, которые в замке Окс у них состоялись. Да и то сомнительно, ведь присланные из Цанца убийцы не дадут им больше расслабиться.

Но если так — тогда Кэнэкта права. И Драеладр прилетел не напрасно. Спасение для Лулу ими обеспечено, а кто не желает спастись, тот всё равно не вынесет никакой выгоды.

— Что ж, — молвила тогда Марципарина вслух, — я подумала и решила воспользоваться предложением. Да, я взойду на спину дракона. И готова быть им унесённой в неведомые безопасные земли.

* * *

Драеладр воспарил над башнями замка Окс, выровнялся, чтобы Марципарина с Кэнэктой не сползали по чешуе, сделал прощальный облёт замковой стены, после чего лёг на курс, известный ему самому.

Драконья спина была достаточно широка, чтобы закрыть обзор приникшим к ней пассажиркам почти до самого горизонта. Вдобавок два громадных белых крыла мерно взмахивали, закрывая каждое по полнеба.

Идеальный способ похищения невест, подумалось Марципарине, это, конечно же, на драконе. И захоти она запомнить дорогу, а не выйдет. Правда, на густые клямские леса, окружающие замок Окс, и смотреть-то без толку: нужных для прохода ориентиров с высоты не заметишь.

— Некоторым нравится так летать, — сказала Кэнэкта, судорожно впившись пальцами в костяной гребень и чешую, — но я всё же предпочитаю более традиционный транспорт — воздушные замки. Правда, скрываясь от убийц, недосуг привередничать.

Бианка привередничать и не думала. Решилась, так решилась — чего уж там потом жаловаться. Жаль, конечно, что дорожные

ориентиры ей не запомнить, но если поразмыслить, то запоминать их и не надо.

Ведь не придётся же ей потом одной, точно вдове, возвращаться на родину в замок Окс. Чичеро — вот кто за ней приедет. Вот кому пригодились бы ориентиры, да только всё равно не будет возможности передать. Ой, да нет нужды! Чичеро герой, он все ориентиры разыщет сам.

— Как думаешь, куда мы летим? — спросила Кэнэкта. — Да, верно, в Эузу. Если точнее, то в горный Ярал. Там у Драеладра большой дворец. Думаю, в нём он тебя и поселит.

Что ж, поселит, и ладно.

Но может, и не поселит. Что-то этот белый дракон чересчур молчалив и не слишком любезен.

Понимала ли Марципарина, что в Ярале её ожидает новая жизнь? Понимала, как не понять. Старая-то жизнь в пещерном городе Цанц ещё когда завершилась! Да и жалеть ли о ней, о жизни с мертвецами, под бдительным присмотром некромантов?

Сладкая жизнь в Оксе с верными наложниками — чуток веселее, но тоже без особой осмысленности. Спать с целым замком — мечта понятная, но это не её мечта. От безысходности и не такое учудишь, но чтобы подобного страстно желать — нет, Лулу не настолько разочарована в себе и людях.

Не стоит забывать, что Лулу — избранница Чичеро.

Со старой жизнью избранница Чичеро рассталась без малейшего сожаления, но в новую входить не спешила. Сама не отдавала себе отчёта, почему. Может, ожидала: вот придёт за ней любимый, тогда уж…

А коли не придёт, так ей без него новой жизни вовсе не надо. Так она решила для себя, ну а жениха известит уже по его прибытии.

В общем, приезжай, Чичеро, поскорее. Тебя ждут, и жить без тебя не могут, во всяком случае, отказываются. Приезжай, не томи, не валяй дурака, на тебе ведь одном, бесстыдник такой, всё в жизни держится!

И даже в долгом изматывающем перелёте, когда двум женщинам с превеликим трудом удавалось удержаться на гордой, ни разу не знавшей людской упряжи спине дракона, даже в нём для Марципарине всё держалось отнюдь не на Драеладре.

На посланнике Чичеро, и только на нём одном.

* * *

Дракон в полёте выглядел не слишком любезным.

Его новообретённая человеческая дочь — тоже.

Ни при первой встрече, ни в дороге Марципарина с Драеладром и парой слов не обмолвились. Уж наверное, не случайно.

Он молчит именно потому, что прекрасно чувствует, в каком она состоянии, подумала Бианка. Я же молчу, далее подумала она, потому что желаю скорей видеть Чичеро. Дело в том, что я взрослая женщина, и в мои годы впервые встречаться с отцом не столь интересно, ибо попросту поздно.

Отец мне требовался в раннем детстве. Оно прошло. Мой новый возраст требует совершенно иных встреч.

Кэнэкта, даром что не имела в себе ни ложки драконьей крови, её настроение тоже прочувствовала. Спросила:

— Зачем ты его отталкиваешь?

Если бы Лулу Марципарина знала сама!

Когда прибыли в Ярал, Драеладр Марципарину в гости не пригласил. Сам же, как только пассажирки бессильными кулями сгрузились со спины, перелетел от гостевого флигеля, куда их доставил, к центральному зданию дворца, в котором и обитал.

— Он хочет тебя поселить в гостевом флигеле, — сообщила Кэнэкта, хотя Лулу и так догадалась.

Повисла неловкая пауза.

— Мы находимся в верхней части Ярала, — сказала Кэнэкта, — отсюда открывается неплохой вид на город.

— Я вижу, — кивнула Бианка.

— Вон там внизу, видишь, в той стороне — выдаются вперёд и налево длинные деревянные строения? Это пирсы воздушных замков. От нашего воздушного порта уже рукой подать и до настоящего неба. Мы словно посредине между небом и землёй — интересно? Сюда, к Яралу, обычно только так и поднимешься — на воздушных замках до тех пирсов, а оттуда уже пешком в гору до верхнего дворцового комплекса. Пешком здесь можно полдня подыматься, в общем, можно сказать спасибо Драеладру, что подбросил до самого флигеля. Ну, или не сказать — по желанию…

— Мы ещё помиримся, — виновато вздохнула Марципарина.

Хотя это и вряд ли, добавила она про себя. Чтобы мириться, надо сперва поссориться, а даже для этого дочке с отцом надо лучше друг друга узнать. Но то — в будущем. Пока же Бианка устроится в гостевом флигеле, будет ждать Чичеро. Ну, и попутно — жить.

* * *

А может быть, всё было и чуть иначе. Память Лулу, нелинейная, как у большинства драконов, сохранила и другую версию её появления в Ярале. Какая достовернее — Кэнэкте видней, но самой Лулу второй версии доверять приятней, ведь она намного ближе к канону того, что обязано было здесь случиться.

В этой второй версии Бианка с Драеладром общались. Всю дорогу болтали, весь неблизкий полёт на чешуйчатой драконьей спине. Правда, общались молча, но для двоих драконов разве такое недоступно? Скрытность драконам и вообще свойственна. К тому же — вполне отвечает интимной стилистике общения отца с дочерью.

Если не виделись почти с младенчества, или около того, что же делать свои первые родственные переговоры достоянием внешних ушей? Пусть эти уши даже выросли у единственной твоей подруги.

Рассказала ли Бианка Драеладру, как жила она в пещерном городе Цанц и воспитывалась некромантами? Конечно же, рассказала, отчего бы не рассказать. Дела прошлые, но отцу-то интересны. Ведь не чужой же человек, не безучастный мертвец, а свой родной дракон.

И о Чичеро Бианка рассказала? Да, и о Чичеро. Должен же Драеладр быть в курсе. Да и та странная задержка с вылетом из замка Окс — надо ведь было изложить её причины, чтобы отца зря не обидеть. А как их изложить, если промолчать о любимом? Нет, молчать не получится; этак с роднёй только разругаешься вместо возвращения домой из постылого царства мёртвых.

* * *

О нелинейности драконьей памяти Лулу Марципарине Бианке рассказал Бларп Эйуой. Рассказал намного позже, ведь и встреча с ним у Бианки состоялась не тотчас по прибытии в Ярал.

Прошёл едва ли не месяц уединённой жизни Бианки в гостевом флигеле, когда и Бларп явился в Ярал из долгого путешествия, и Кэнэкта привела его к Марципарине познакомить. Почему бы и нет?

Что примечательно, Бларп едва лишь представился — и тут же успокоительно заговорил о нелинейности драконьей памяти. Неужели Лулу настолько плохо выглядела, что пришлось её специально ободрять?

Ой, нет, не так: перед рассказом о нелинейности Бларп ещё успел задать парочку вежливых вопросов (Как долетели? Как вам

показался Ярал?), а тогда уж и сам принялся вспоминать об особенностях драконьей памяти.

Может статься, что и не в Марципарине дело, а Эйуой, к примеру, себя же и успокаивал. Он ведь и сам человек-дракон, его тоже той нелинейностью подчас и с головой накрывает. И что, как не «нелинейность» могло ему помешать внятно, без увёрток, ответить на простой женский вопрос: «А где же Чичеро?».

Ибо Бларп, как ей показалось, и знал ответ, и в то же время не знал.

В момент, когда белый дракон оставил двух женщин у гостевого флигеля и величественно уплыл в сторону главного дворцового здания, Бларп находился (бывают же совпадения!) в замке Глюм, рядом с Чичеро. Там назревали решительные выступления гостей замка против тирании великана, где Чичеро, как положено, сражался в первых рядах, ну а Бларп — тот, пожалуй, превзошёл ожидания Марципарины, ибо (так получилось!) не только все те выступления организовал, но и лично убил великана Плюста.

Признаться, Лулу надеялась, что подлого великана победит сам Чичеро, но раз уж Эйуой успел это сделать первым, так тому и быть. Лулу понимает: мужчин на земле много, и если героями желают стать хотя бы каждые два из десятка — то на всех злобных великанов никак не хватит. Отсюда вывод: надо делиться, и если Чичеро уступил Бларпу своё право свалить Плюста, то это к тому же благородно с его стороны.

— Вам признаюсь, — Эйуой обезоруживающе улыбался, когда это говорил, — что там, в Глюме, ни мне, ни Чичеро не было принципиально, кто из нас убьёт Плюста. Вот оставить его неубитым было бы легкомысленно, а всё остальное — подробности движения к цели. Если претендовать на точность, великана убил и не я, а огненная плеть — одно из немногих средств, способных противостоять противникам такого типа. Просто плеть — оружие, покорное лично мне, я не мог его передать кому-то другому.

Лулу слушала и понимала: ну да, Чичеро поступил мудро, что не стал зря размахивать рыцарским мечом, а выпустил вперёд человека с более подходящим оружием. Чичеро проявил смирение и выдержку. Он молодец.

— Более того, — Бларп о некоторых эпизодах случившегося в Глюме говорил со смехом и изрядной долей самоиронии, — опыта героической борьбы поединок с Плюстом прибавил мне очень немного. Видите ли, в такие моменты я, как правило, вхожу в особое состояние. Как бы примеряю на себя образы мудрецов и героев прошлого, позволяю кому-то из них водить моей рукою.

Потом и вспомнить подчас затруднительно, кем я в той схватке был и что конкретно делал.

— Да, понимаю, — отвечала Лулу, — нелинейность памяти.

Нет, всё-таки очевидно: Бларп говорил именно о себе. А Марципарину зачем упомянул? Ну, потому что и она тоже — драконьего рода.

В Глюме хитрый Бларп Эйуой был самим собою, а параллельно — следовал древним авторитетным силам, воображая себя мудрецом Авдрамом из многим известного свода цанцких и карамцких легенд. Потому-то и сумел организовать отпор Плюсту: именно Авдрам был изначально на такое способен, а сам Эйуой — лишь постольку-поскольку.

И вот, вспоминая перипетии захвата хорошо охраняемого плюстовского замка, Бларп и попадает в ту нелинейность, о какой говорил. Что сделано самим Бларпом, а что Авдрамом — кто задним числом разберёт, если в момент деяния разделения между ними не было?

В повествовании о глюмских событиях Эйуой вдавался в многочисленные подробности, наверное, и потому, что представлял сразу две точки зрения — легендарно-мифического Авдрама и свою собственную. И всё же всякий рассказ когда-нибудь подходит к концу, и к концу рассказа Бларпа у Марципарины оставался всего один вопрос.

А Чичеро-то где?

Злобный великан побеждён, самое время отправиться на розыски любимой женщины, ведь так? Великанша Клюп в замке Окс должна была намекнуть вырвавшемуся на свободу рыцарю, где искать. Да, Ярал оттуда далековато, но ведь ничто не указывает на то, что Чичеро хоть коня поворотил в нужную сторону!

— У посланника Смерти Чичеро после нашей победы над Плюстом остались ещё дела, — с уклончивостью пояснял Эйуой.

Да какие дела-то?!

Что за дела способны оправдать?..

Много позже, когда уже и Чичеро в Ярале каким-то случайным ветром появился, Марципарина ненароком узнала, что то были за дела. Чушь всякая некрократическая: сбор теней мёртвых крестьян ради полноты влияния кучки сместивших Умбриэля заговорщиков на исход цанцкого вече.

И это — вместо того, чтобы вернуть себе любимую женщину. Что за дрянная мертвечина угнездилась в честном слове рыцаря!

Ну не обидно ли?

Глава 10. Клопы просвещения

Как это ни смешно, занятия всё-таки начались. Оксоляна и думать не гадала, что её посещение службы в кафедральном соборе Цига затянется так надолго, но так уж получилось: одно влекло другое, за другое цеплялось третье, а там и первое возвращалось по второму-третьему-очередному разу.

Оглядываясь назад, уземфская царевна с удивлением вспоминала прошлые этапы своего пути в состав цигского некрократического воинства. Кажется, на каких-то из них уйти ещё было реально.

Два званых вечера в самом начале были вообще ни о чём, после них, усыпляя бдительность, её даже отпускали домой, то есть — в особняк банкира Карамуфа. Служба с её чередованием проповедей и молитв выглядела куда как серьёзнее, но была только прологом к основному действу, за ней же состоялась якобы просто трапеза, которую, однако, Мад Ольгерд превратила в далеко не гастрономическое мероприятие.

Эта трапеза, совмещённая с первым серьёзным испытанием, стала точкой невозврата, ведь в результате образовалась боевая септима, в которую входишь уже не вполне добровольно. То есть, конечно, вроде и добровольно, но то при условии правильности воли.

Начиная с того трапезного испытания по домам уже никого не отпускали. Другое дело — что не больно-то и хотелось, ведь в септиме обретаешь какую-то… Одним словом, ангелоликость.

Когда ты самой себе напоминаешь то добрую тётушку, то злобную чернильницу, как-то по ходу дела соображаешь уже и о том, что домой в этих образах являться не слишком уместно. Угу, объясняй потом домочадцам, кто ты теперь и что с тобой стало.

Положим, Оксоляну в её предоставленных Карамуфом покоях и ждать-то некому. Кто там остался? Лишь верный евнух Ынышар, вывезенный ещё из Уземфа. Ещё сам Карамуф, подумала бы царевна, когда бы с некоторых пор не понимала: Карамуф с Ангелоликой в деле. Кто меньше всех удивится долгому отсутствию Оксоляны, так это, несомненно, хитрый, как лиса, карамцкий банкир.

Не случайно ведь его имя (Оксоляна потихоньку заглядывала) стоит одним из первых в списке учителей её септимы.

* * *

Бальзамировщик Фальк, отдалённо знакомый Оксоляне по давнишнему посещению Цанца, был для их септимы самым первым учителем. Знакомство с предметом «Основы бальзамирования» потребовало не меньше пяти недель.

Всё это время септима безвылазно провела в подвальных помещениях собора Вечнотраурной Смерти, неизменно являясь для учёбы и подкрепления сил в Трапезный зал.

Задиктовывание мудрёных рецептов заняло львиную долю отведенного времени. В порядке развлечения между тугопонимаемыми монологами Фальк демонстрировал барышням принесенные с собой препараты набальзамированных частей человеческого тела. Глаза, носы, челюсти, мозги, сердца, кишечники, печени, матки и семенники весело плескались в его разноцветных колбах и пробирках, окружённые геле- и золеобразными баользамировочными средами. Дамы из обучаемой септимы поневоле на них заглядывались — и подолгу, превозмогая тошноту. Больно уж не хотелось возвращаться к монотонным спискам ингредиентов.

— А не боитесь, что мы всё выучим, и сами станем бальзамировать людей? — уже под конец курса спросила Данея.

— Нет, не боюсь. Предмет не зря назван «Основы бальзамирования». Именно основы вы и постигнете. А если не сможешь конкурировать с виртуозами, скажу заранее — лучше и не пытаться.

— Да, мы-то, конечно, слышали, что вы виртуоз… — произнесла с чуть скептической интонацией писица из Глукща. Наверное, она имела в виду, что истинные виртурозы дело делают, а ремесленники средней руки обучают, кого не попадя.

— Нет, вы ещё не знаете, какой я виртуоз! — взвился бальзамировщик с утрированным ударением на слове «какой». — Поглядите-ка туда, за свой трапезный стол, красавицы! — велел он почти зло. — Кого вы там видите?

Ученицы поглядели. Ну да, единственным бессменным седоком за столом оставалась та статуя Умбриэля Цилиндрона, которая вовсе не статуя. Весь фокус Ангелоликая Мад уже давно раскрыла… Или ещё не весь?

— Это всё я, это мои вяжущие бальзамы! — похвалился Фальк, указывая на сидячее тело вконец остатуевшего Цилиндрона. — В заговоре против этого высокопоставленного мертвеца моя роль была самой ответственной, но и самой интересной. А главное — самой опасной! Представьте-ка, если бы господин Управитель Цанцкого воеводства вдруг догадался, что за бальзамами я его поил в течение недели? Тут бы многим несдобровать, но бальзамировщику — первому. Так что вы видите

перед собой очень-очень рискового человека, — Фальк аж надулся от удовольствия, которое ему доставили собственные комплименты.

Тут Оксоляна решила вернуть учителя поближе к теме:

— Вы ведь в Цанце были главой бальзамировочной гильдии…

— Был, — кивнул Фальк аккуратной пурпурной головой.

— Не жалеете?

— Нет, не жалею! — громко расхохотался Фальк. Как по Оксоляне, так и чересчур громко.

Чтобы не дать ему вернуться к зачитыванию очередного рецепта, члены септимы принялись вслух сомневаться. Бальзамировщик повёлся — кинулся развеивать сомнения.

— Что мне давало бальзамирование? Да, стабильный доход. Да, солидный статус. Но тратить всё своё вечное посмертие на бальзамирование чьих-то тел — нет, не предел моих мечтаний. Знаете, барышни, — Фальк усмехнулся с утрированной загадочностью, — мои мечтания почти беспредельны, но и беспределью какой-то предел положен. Так вот… — он перешёл на заговорщический шёпот, — этот предел… мною вот-вот будет достигут! Каким образом, спросите вы? Отвечу! Мне предстоит одна недолгая командировка, которая окупит всё моё посмертие. Здорово, а?

— Неслыханная щедрость! — фыркнула Данея. — Только кто платит-то? Ангелоликая? Кажется, я угадала…

— А вот и нет! Ангелоликая, конечно, участвует, но деньги не от неё. Они от того, кто снабжает деньгами саму Ангелоликую. Поняли?

— А кто снабжает деньгами Ангелоликую? — царевна Оксодляна прикинулась круглой дурочкой, не способной заметить своей бестактности.

— Разведка! — одними губами произнёс Фальк.

— Ну да?

— Оказывается, в разведке можно заработать гораздо больше, причём за один раз, без долгих муторных процедур, без возни с полуживыми телами, без вечных проблем с сокрытием трупных пятен, — заговорил бальзамировщик тихо, с примерной быстротой.

С каждым словом разведывательный бальзамировщик воодушевлялся всё сильнее. Разговор-то зашёл о деньгах, а деньги красноголовый ремесленник любил преданно.

— Именно в разведке крутятся сейчас настоящие деньги. Вы знаете, сколько стоит раскачать царство или королевство средней руки? О, вы даже по арифметике не проходили такой цифры. А я — знаю! Ведь я ныне не просто бывший глава цанцкой гильдии

бальзамировщиков. Я теперь и пишусь-то с большой буквы! — бальзамировщик подбоченился, поглядел горделиво. — Так вот, Я — таков, что пущу по миру саму Эузу!

* * *

О том, где и какие деньги крутятся на самом деле, боевой септиме царевны Оксоляны поведал второй учитель — старый знакомец Карамуф из Карамца, учебный курс которого поражал красноречивостью названия — «Выгода».

У царевны и малейшего сомнения не возникло, что о выгоде старик Карамуф знает всё. Но зачем боевой септиме знания банкира?

Наверное, хотя бы затем, чтобы знать, насколько выгодна для умного мертвеца самоотверженная преданность некрократии.

Начал Карамуф издалека: с того, какая высокая добродетель таится в обыкновенной любви к золотым некроталерам. Мертвец может ничего больше не делать, и никого больше не любить, но если любит мёртвые деньги и способствует их накоплению, он уже тем и приятен Владыке Смерти. Владыка — он ведь всегда с теми, кто с ним заодно.

Тот, кто жертвует собой ради Владыки — вот хоть посланников Смерти вспомним — конечно, уже и тем угоден Мёртвому Престолу. Но кто жертвует собою за деньги, тот угоден вдвойне. Почему? А так Владыка получает не только благородную жертву, но и материально заинтересованного раба наживы.

Казалось бы, разница между жертвой и рабом в том, что раб чуть умнее. Только есть различие поглубже: жертва — предмет одноразовый, рабу же можно многое ещё поручить.

Раб наживы всегда предсказуем, он делает лишь то, что обеспечит его наживой, и так он творит вокруг и после себя разумный и предсказуемый мир. Универсальная единица такого мира — золотой некроталер.

Слушать умного Карамуфа было очень любопытно. К сожалению, сам он к тому, о чём говорил, быстро терял интерес, и тогда облегчал себе задачу заполнения учебного времени пространным цитированием по памяти. Банкир без труда воспроизводил целые страницы «Восемнадцатизакония» и «Священной книги ростовщика», в которых, будто бы, содержались скрытые иллюстрации к его явно высказанным идеям:

— «Помни, что время — деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по десять некроталеров и тем не менее полдня

гуляет или лентяйничает дома, должен — если он расходует на себя всего только шесть некропфеннингов — учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять некроталеров. Помни, что кредит — деньги. Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги, после того как я должен был вернуть их ему, дарит мне проценты или столько, сколько я могу выручить с их помощью за это время. А это может составить значительную сумму, если у человека хороший и обширный кредит и если он умело пользуется им. Помни, что деньги по природе своей плодоносны и способны порождать новые деньги. Деньги могут родить деньги, их отпрыски могут породить еще больше и так далее. Пять некроталеров, пущенные в оборот, дают шесть, а если эти последние опять пустить в оборот, будет семь некроталеров и так далее, пока не получится — сто некроталеров. Чем больше у тебя денег, тем больше порождают они в обороте, так что прибыль растет все быстрее и быстрее»… И быстрее, и быстрее, и быстрее…

Так вещал Карамуф, и его монотонный голос, казалось, иллюстрировал в основном лишь ту истину, что вот лекция идёт, а денежки в карман ручейком капают. Потом спохватывался, говорил одну-две хорошо интонированные фразы от себя, и снова возвращался к первоисточнику:

— «Тот, кто убивает супоросную свинью, уничтожает все ее потомство до тысячного ее члена. Тот, кто изводит одну монету в пять некропфеннингов, убивает все, что она могла бы произвести: целые колонны из некроталеров»…

— Постойте, учитель… — иной раз встревала переписчица из Глукша. — А можно спросить про свинью в вашем примере? Судя по тому, что вы говорите о её возможном приплоде, это — живая свинья? Но как такое можно совместить с идеалами некрократии?

Но Карамуфа так просто не «срежешь»:

— Да, свинья там живая. Но включена в особые ойкономические отношения, которые задуманы так, чтобы в скорости не быть ей живою. Разумеется, к вящей славе Мёртвого Престола и Владыки лично.

И не прикопаешься!

Лишь где-то к концу отведенного ему месяца Карамуф припомнил, что готовит он не совсем банкиров, и снова заговорил по-человечески.

— Я понимаю, — сказал он, — что стать истинно бескорыстным рабом наживы даже в нашем некрократическом мире дано не каждому. Иногда для выработки этого качества должно пройти несколько поколений мертвецов, а последнее

возможно лишь в городах Дальнего Запорожья. Понимаю и то, что сам я безнадёжно далёк от этого идеала, ведь я мертвец лишь во втором поколении, а происхожу из нижневосточного Карамца, куда Порог Смерти не добрался и где варварски живые люди до сих пор ходят, как у себя дома…

— Не расстраивайтесь, учитель, — нашла повод ободрить его торговка Данея, которая, кроме всего прочего, была ещё и мастерицей подлизаться.

— Наконец, я понимаю, что вы — боевая септима, которая скорее будет тратить деньги некрократии, чем зарабатывать в её казну, — Карамуф состроил довольно-таки уморительную гримасу понимания, — но вот последнее из того, что я вам скажу, постарайтесь запомнить. Пригодится!

Септима послушно приготовилась запоминать. Лица напряжены, уши развёрнуты к источнику звука — поза внимания.

— К вам, как боевому отряду, происходящему из покуда варварских земель, главное требование таково: научитесь желать. Не бойтесь своих желаний, помните, что вы любимцы некрократии, которая даст вам всё, что ни попросите. Ваши желания — это то, что помогает некрократии держать вас в узде, — Карамуф пристально поглядел на семёрку женщин. — Я надеюсь, здесь все хотят попасть в некрократическую узду?

Его наперебой заверили, что так и есть, все именно этого и хотят.

— А кому важнее всего держать вас в узде?

Карлица Тупси выпалила первой:

— Ангелоликой!

Оксоляна подумала и сказала:

— Самому Владыке Смерти!

— Некрократии в целом! — изощрилась глукщская переписчица.

— А вот и нет! — расхохотался Карамуф. — Узда важнее всего вам самим. Узда, наброшенная на вас — это гарантия. Гарантия чего? Того, что некрократия вас никем другим не заменит. Ясно, почему?

— Почему?

— Да зачем искать на ваше место кого-то другого, — прыснул банкир, — если вы уже и так в узде, а на него эту самую узду ещё подобрать надо!

Разумно. Что и говорить, разумно.

— Поэтому, — Карамуф снова заговорил назидательно, — старайтесь хотеть всего и побольше. Заглядывайте в древние трактаты и развивайте всё по порядку: алчность, гордыню, сребролюбие, честолюбие, тщеславие, сладострастие — все эти

качества дают прекрасные поводы обращаться к щедрости некрократии. Чем больше захотите, тем в большей вы безопасности. Некрократия видит, сколь многим вы ей обязаны, и тоже не беспокоится на ваш счёт. А если вы вдруг ничего не хотите, — Карамуф аж скривился, — тогда некрократии с вами неуютно.

— Учитель, — заметила Оксоляна, — но ведь всем нам и так что-то надо в землях, откуда мы приехали в Циг.

— Разумеется, царевна, — Карамуф в силу давней привычки выделял её из других учениц в септиме, — но вот представьте, что вы вернулись к себе в Уземф. Некрократия сделала вас царицей. Вы усаживаетесь на престол и видите, что всё вокруг вроде бы ваше… И это самый опасный момент.

— Почему?

— Потому что у вас появляется соблазн что-то решать самостоятельно, какие-то блага — получать и помимо некрократических отношений. И даже если вы успешно поборете эти новые соблазны, некрократия всё равно в отношении вас будет настороже. Знаете, до каких пор? Пока вы надёжно не сядете на все заготовленные для вас крючки. Поэтому — не сторонитесь крючков. Крючки вам даруют безопасность.

* * *

А ещё царевна, хоть не очень быстро, но запомнила имена своих товарок по септиме. Что попишешь — пришлось ради большого дела. Пусть многие из них были неблагозвучны, но уж какие есть. Кроме клямской торговки Данеи да отшибинской карлицы Тупси Оксоляна сравнительно легко запечатлела смешное наименование переписчицы из Глукща. Бац — так её звали (полное имя Бацилла). Бац из Глукща — ничего себе имечко.

Оставалось трое. Звали их Кси, Рюх и Клементильда, но кого как — здесь Оксоляна путалась. Кажется, Клементильдой именовалась тупая купчихина дочка, тогда дама не слишком увесистого поведения из Шкмо забирает кошачье имечко Кси, а свинячье название Рюх — достаётся оставшейся. Это если царевна снова в них не запуталась.

Хорошо, хоть другие септимы занимались не здесь, в подвальных помещениях вокруг Трапезного зала, а были куда-то переведены. Видимо, ещё по итогам испытания тараканами септима Оксоляны была признана самой многообещающей, вот её и оставили в лучшем месте.

А то запомнить семь десятков имён простолюдинок — это всё же не для царевны занятие.

* * *

В первые месяца полтора подготовки (или переподготовки — она называлась по-разному) оксоляниной боевой септимы у царевны даже не было возможности хоть на денёк отвлечься от обучения. Нельзя было ни отдохнуть дома, ни просто пройтись по городу, ни наведаться к платяным и ювелирным лавкам Центрального рынка Цига.

Сама Оксоляна неуступчивую Ангелоликую даже ни о чём не просила. Она наблюдала, чем заканчиваются просьбы Данеи, Тупси да купеческой дочки — а те все втроём были мастерицы просить.

Хорошо, хоть среди учителей её септимы оказался Карамуф. Слушая его лекции, царевна могла закрыть глаза и воображать, что находится сейчас у банкира в приятной домашней обстановке. Ведь это один и тот же человек, хотя в роли учителя и ведёт себя иначе. Намного менее подобострастно, кстати сказать.

А в конце первого дня преподавания курса «Выгода» Карамуф улучил минутку чуть ли не наедине, чтобы наскоро сообщить: дома всё по-прежнему, все вещи на своих местах дожидаются хозяйку, верный слуга Ынышар по-прежнему столуется со слугами самого Карамуфа. В общем, можно смело проходить переподготовку и ни о чём не беспокоиться.

— Скажите, Карамуф, вы знали… — царевна замялась, — чем увенчается моя встреча с Ангелоликой на службе в соборе?

— Конечно, знал, — не стал отпираться банкир, — но это знание из числа тех, которые по просьбе Мад Ольгерд не афишируются.

— Значит, принимая меня в своём доме, вы изначально были не на моей стороне, а только в свите Ангелоликой? — Оксоляна подумала, не обидеться ли. Кстати, и обиделась бы, если бы не обязанности перед снптой.

— На вашей, — мягко возразил Карамуф, — просто я знал чуть больше о предстоящем развитии вашей стороны, вот и всё. Вы ведь в любом случае собирались встретиться с госпожой Мад? Я так и подумал. А другой возможности встреч с Ангелоликой и не предусмотрено. Ныне все в Циге непременно вступают в септимы — мода такая. И все проходят переподготовку — таков ритуал. Думаете, такое впервые? Ничуть не бывало. Вот рыцари Ордена посланников Смерти — те даже не просто так учились, а

заканчивали лучшие университеты Запорожья. Правда, слишком уж элитарное образование рыцарям так и не помогло, их Орден не так давно разорён, погибли все ни за грош. Вот потому-то ваши септимы, дорогие дамы, — Карамуф поклонился, так как дамы за спиною царевны уже и собрались, а она, увлечённая расспросами, их не заметила, — так вот, ваши септимы будут учиться по-новому. С упором не на теоретические изыски, как было у посланников Смерти, а на практическую пользу…

— Так что же это получается! — переписчица Бац из Глукща быстро захлопала бледными своими ресницами. — Получается, из нас готовят каких-то новых посланников Смерти?

— А вы до сих пор этого не поняли?

Как не понять. Боевая септима тоже не зря ведь так называется. Видать, действительно боевая. И кроме покуда не изученного искусства боя много чего дополнительно будет уметь. Например, чуток ангелоликости никогда не повредит при разведке в тылу врага.

— Ах, так вот, что мы такое! — вырвалось у царевны. — Мы — это и есть «новый проект» Ангелоликой, о котором шла речь ещё тогда, на званых вечерах у той пары тётушек? — банкир кивнул. — Так значит, этот проект — не что иное, как возрождение рыцарства на женской основе?

— Не рыцаства, — покачал головой Карамуф, — и основа возможна разная. Я ведь говорил, что сравнительно с рыцарями, дни которых сочтены, ваша подготовка будет намного лучше. Вы пройдёте там, где рыцари погорели, вы будете сильны там, где они обнаружили слабость.

— А в чём была слабость посланников Смерти, учитель?

— В так называемом «благородстве», — Карамуф усмехнулся, — которое они впитали, во-первых, из-за слишком буквального понимания древних рыцарских уставов, а во-вторых, по причине перегруженности обучения всякой элитарной ерундой: теоретическими там рассуждениями да историческими экскурсами. Со своей стороны, обещаю, милые дамы: в вашем обучении такого не будет. Только то, что вам пригодится. Только то, что нужно некрократии.

* * *

Третий учебный курс был снова по бальзамированию. И названьице-то какое: «Бальзамирование полутрупа». Оксоляна думала, читать будет снова Фальк, но вместо него явился совсем другой бальзамировщик; имени его царевна не запомнила.

Бальзамировщик первым делом указал на то, что он вовсе не Фальк. И, хотя последнее и так было заметно, посвятил именно этому вопросу целые сутки рассуждений. Оказывается, не-Фальком быть очень правильно, потому что Фальк — это вчерашний день и архив некрократии.

— Да вы поосторожнее, — почему-то оскорбилась за Фалька Данея, — между прочим, ваш конкурент с разведкой теперь сотрудничает.

— Во-первых, мне он не конкурент, — объявил безымянный бальзамировщик, во-вторых, он потому и сотрудничает с кем угодно, что в ремесле не смог удержаться. Кто к нему всерьёз относится? Из нас, бальзамировщиков гильдии Цига — никто.

— Он в прошлом руководил гильдией бальзамировщиков Цанца…

— Правильно. Руководил. И где теперь гильдия бальзамировщиков Цанца? Полагаю, там же, где и сам Цанц. А кто виновен? Тот, кто руководил. Знаете ли, кто его рукоположил на гильдейское руководство?

— Ну, наверное, совет гильдии…

— А вот и нет! Лично Умбриэль Цилиндрон! — отчеканил фальковский конкурент. — Вопросы, касающиеся посмертия, Управитель Цанцкого воеводства никогда не выпускал из-под своего контроля, знаете ли… И где теперь Умбриэль Цилиндрон? — бальзамировщик издевательски расхохотался и ткнул пальцем. — Да вон он, за столом сидит! Одна беда — подняться самостоятельно не может. А кто его в эту глыбу превратил? Фальк. Ишь ведь как отплатил за добро! А всё почему?

— Наверное, в действиях Фалька была определённая выгода, — строгим голосом предположила Оксоляна. Столь строгим, словно вынородить Фалька пыталась. Хотя к чему ей это?

— Ясное дело, парню хорошо заплатили! — закивал его коллега из Цига. — И коли не ему, заплатили бы кому-то другому. Но соображение-то надо иметь, что ты теряешь, обращая в камень собственных благодетелей! В нашем ремесленном деле таким путём потеряешь всё.

— Так то в ремесленном. А в свете некрократии? — когда царевна спрашивала, голос её звенел.

— А, ну, разве что в свете некрократии… — смешался бальзамировщик и заговорил уже строго по делу. О том, кто такие есть полутрупы в строгой научной и ремесленной терминологии.

Кстати о полутрупах. Вот, оказывается, кто под ними

понимался: люди, не лишённые покуда тени, в телах, откуда не вполне выпущена кровь, но бальзамирующие вещества в некоторых дозах поступили.

Зачем такое нужно, и, главное, кому? Нужно для «обеспечения жизнедеятельности живого тела за Порогом Смерти», как выразился бальзамировщик. А использовать этот эффект могут разведчики.

— Так значит, Эуза может наводнить наше Запорожье своими людьми?! — с перепугу вскричала несдержанная Данея.

— В принципе да, но при том условии, если там тоже откроют этот эффект. Но очень не думаю, ведь в Эузе искусство бальзамирования так и не развилось — ибо зачем им?

Ясное дело, в Эузе людей не бальзамируют просто потому, что некромантия там под запретом. Зачем кого-то бальзамировать, чтобы затем не вводить в посмертие? Но при чём же тогда разведка?

— Я говорил о нашей разведке, — пояснил учитель, — о некрократической. Представьте себе, что здесь, в Циге, готовят лазутчиков для переброски в Эузу. Легко ли им там придётся?

— Наверное, нет, — первой ответила гетера из Шкмо, — там, в Эузе, мертвецов не любят. Сами люди не любят — уж я-то знаю. Наши шпионы, поэтому, будут на виду. Набальзамированное тело редко выдашь за живое, — и дама ласково погладила своё тело по животу и груди, будто успокаивая в связи с каким-то неблагополучным опытом.

— Вот-вот! — обрадовался пониманию бальзамировщик. — Так что же делать? Можно, конечно, лазутчиков вербовать где-то там, с той стороны Порога. Но гарантируем ли мы при этом достаточный уровень подготовки? Ой, ли! Да и мы сами… Можем ли мы доверять человеку, если он, извините за выражение, живой?

А ведь он дело говорит, поразилась Оксоляна, и решила всё-таки запомнить имя бальзамировщика, но, как выяснилось впоследствие, всё же не запомнила. Во всяком случае, не смогла воспроизвести.

— Взглянем теперь без предвзятости на искусство бальзамирования полутрупа, — продолжал учитель, — что мы видим? Человек может добраться из Припорожья в Запорожье за нашими ценными указаниями? Может! И даже тело его не пострадает, поскольку и низкая концентрация бальзама уже останавливает процессы онемения организма. Мы можем доверять человеку? Да, потому что при внешне живом теле он сущностно уже наш, мертвец. И третий вопрос: опознают ли его в Эузе? Нет, не опознают, поскольку крови мы его не лишали, а

низкие концентрации бальзама выводятся из организма практически бесследно. Впечатляет?

— Ещё как! — одними губами прошептала Оксоляна.

— В таком случае, встречайте: дипломатический работник Гзырь, будущий министр иностранных дел царства Эуза.

Что, серьёзно, чиновник такого ранга из вражеской страны? Оксоляна и ушам-то не сразу поверила. Но вызванное лицо вошло, и царевне стало понятно: человек это свой, правильный — и скорее мёртвый, нежели живой, а значит, достойный доверия. Вошёл не какой-то там «будущий министр иностранных дел царства Эуза», а именно «полутруп» из той самой категории, которую столь талантливо расписал бальзамировщик.

— Слава некрократии, — сказал будущий министр иностранных дел эузы и облизнулся. Рот его был удивительно слюняв.

— У данной технологии, — кивнул на него бальзамировщик, — есть один отрицательный эффект. У объекта бальзамирования резко обостряется вампиризм. Но, при должном контроле со стороны, в этом нет ничего страшного. Просто от рта его стоит держаться подальше во избежание внезапных увечий.

— Не бойтесь, милые дамы, — я достаточно себя контролирую, — сказал Гзырь и снова облизнулся. Знатный приготовлен для царства Эуза министр иностранных дел — просто заглядение.

— И что, у него и клыки увеличены, как в романах? — спросила Данея. Известно, какие романы читают торговки вроде неё.

— Нет, с клыками всё как у людей, — успокоил бальзамировщик, но остаётся тяга.

— Тяга к крови? — решила уточнить Оксоляна.

— Тьфу, гадость, — в сердцах сплюнул на пол будущий министр, — крови-то во мне самом больше, чем надо. А вот бальзама в организме не хватает… Но не шарахайтесь от меня, милые госпожи, повторяю: я полностью себя контролирую, — а сам облизнулся в третий раз.

— С ним правда всё в порядке?

— От обильного слюноотделения никто ещё не терял рассудка, — не слишком уверенным тоном произнёс бальзамировщик, — потому мёртвые дамы не должны опасаться; впрочем, если в его присутствии о бальзамах не говорить, он будет совсем адекватен.

Дамы пообещали не говорить о бальзамах, и бальзамировщик откланялся, оставив аудиторию «полутрупу».

— Как вы уже поняли, — начал тот, подбирая слюну с

подбородка, — я здесь нахожусь в двойном качестве: и как оратор, и как экспонат искусства прошлого оратора.

Тут оратору снова залило слюной его неволевой подбородок, и ему пришлось сражаться со стихией с помощью кружевного рукава.

— Чему будет посвящено ваше выступление, господин будущий министр? — поинтересовалась Оксоляна.

— Новой политике Эузы, — сглатывая слюну, проговорил полутруп.

— В чём она будет заключаться?

— Эуза развернётся лицом к некрократии, — затараторили слюнявые губы. — Пусть понарошку, но развернётся. Это будет мой вклад…

— Если вы станете министром, — строго припечатала царевна.

— Я стану, — заискивающим тоном пообещал министр, — непременно. Это теперь уже вопрос времени… Должно смениться центральное руководство царства, а ему недолго осталось… Меня есть кому провести на министерский пост, я просто сам не хотел заранее… Вы ведь не подумайте, я же не для себя стараюсь… И не для Эузы. Радею только за некрократию! — густая слюна изо рта Гзыря уже промочила ему манишку. — И буду с вами вместе верно служить Ангелоликой!

Вот уж самоотверженные парни эти самые «полутрупы». Ничего не щадят, только бы услышать приказание лично из начальственных уст.

— Но в чём будет заключаться эта ваша «новая политика»? И как вы убедите Эузу присоединиться к некрократии?

— Присоединиться? — Гзырь поперхнулся слюной. — Нет, ну присоединиться вряд ли получится. Но вести такую политику, которая будет выгодна Владыке Смерти, я сумею… Вот это я обещаю! А суть политики — очень проста: Эуза станет прикидываться слабой.

— Эуза станет прикидываться слабой? — повторила царевна. — Но я в толк не возьму, зачем это Эузе.

— Чтоб нас с вами обмануть, конечно! — прыснул слюной Гзырь. — Якобы Эуза нас одурачит, а мы, наивные, нападём, а Эуза окажется сильнее, и тогда мы отстанем.

— Вот как? Но зачем это нам? В смысле — некрократии.

— Как зачем? Мы же знаем, что слабость — только уловка? Значит, врасплох сила Эузы нас не застанет. Но этого мало. Мы дадим Эузе знать, что не вполне поверили в её слабость. Тогда, чтобы нас убедить, ей придётся слабеть, и слабеть реально — иначе нас ведь не убедишь…Улавливаете? И в эту игру наша

некрократия может играть сколь угодно долго. Когда же царство Эуза, втянувшись в нашу чудную игру, ослабеет окончательно, тут уж придёт черёд решительных действий. С этого момента и вступят в дело десятки тысяч боевых септим. Ну, вроде вашей. И тогда вы поблагодарите меня, за то, что сильное царство Эуза я уже для начала ослабил. И скажете промеж собой: Гзырь — это голова, истинно наша, «мёртвая голова», даром что полноценного посмертия так и не получил, — тут непокорная страсть к мертвецким бальзамам снова произвела слюнный фонтан, смывший остаток гзыревой речи. «Некрократическая геополитика» — так она должна была называться.

* * *

Гзырь, который готовится стать министром иностранных дел царства Эуза, оказался среди преподавателей боевой септимы далеко не единственным «полутрупом». По-видимому, очень многие открыли для себя «временное посмертие», дарующее новую возможность — посещение мёртвого Запорожья без окончательного прощания с жизнью. А уж туда, в запретное для живых пространство за Порогом Смерти каждый мечтал угодить ещё с детства.

Имя второго учительствующего «полутрупа» звучало как Фарадео Фарадей. Это был ещё сравнительно молодой парень, который в истинное посмертие мог не спешить ещё по крайней мере лет пять. Но в учителя септимы попал. И грозился вычитать целых три учебных курса: «О неправомерности концепции мировой ярусности», «О шарообразности планет», «О несуществовании драконов».

Фарадео Фарадей чувствовал себя учёным, и не каким попало, а одной из величайших научных сил некрократического прогресса. Умонастроение вполне понятное, и не скажешь, будто незнакомое. После полугода обучения при соборе Вечнотраурной Смерти насмотришься всякого.

Только чем ему не угодил Ярусный мир, простой уземфской царевне понять было сложно. Слова Фарадео «на самом деле» для Оксоляны весили не так уж и много. У каждого ведь своё дело, и своё дело обычно «самое».

— На самом деле ярусов никаких нет, а земля шарообразна, — заявлял этот оригинал.

«Шарообразна»? Да ты в окно кабинета когда-нибудь смотрел, умник? А выйти да пройтись куда-то, где горизонт виден? Вот побывал бы хоть раз в пустыне Уземфа, вся

шарообразная дурь-то и выветрилась бы!

— Не спешите гневаться, дамы, — пошёл Фарадео на попятную ещё к концу своего первого курса.

Теперь он заговорил не про «на самом деле», а про «некрократии выгодно считать» — и стал, наконец, понятен. Если некрократии и правда выгоднее — тогда конечно…

Правда, и в выгодах — терзают сомнения. Точно ли так уж выгодно? И настолько ли выгодно, как, скажем, ростовщичество по Карамуфу?

Фарадео заметно обиделся. Поведал, что сам Владыка Смерти его научные теории очень хвалил и называл своевременными. Ссылка на авторитет Мёртвого Престола помогла ему, но не очень. Оксоляне, да и не ей одной, показалось, что молодой человек пытается бросить свою жалкую тень на самого Владыку.

— Не понимаем! — строго сказала ему септима. — Или вы доходчиво объясняете, чем ваши глупые идейки могут пригодиться некрократии, или пеняйте на себя, так как мы вас из этого подвала полуживым не выпустим.

После такой угрозы человечишка совсем перепугался, растерялся и вряд ли взял бы себя в руки, если бы не Карамуф с Ангелоликой, которые, наверное, решали какие-то финансовые вопросы в помещении неподалёку.

— Позволите мне взять молодого человека под свою защиту? — спросил Карамуф.

Ангелоликая позволила. Однако одёргивать участниц септимы предоставила инициативному банкиру.

Труднее всего оказалось унять глукщскую переписчицу Бац. Эта Бацилла и так дама нервная, а тут и вовсе распалилась, трещала без умолку:

— Ваше дурацкое учение — ересь, ересь, ересь!!! Она противна не только учению Владыки, но и всему святому вообще! Как это нет Мировых Ярусов? Нет небес, земли, Подземелия?! Но это же ложь, ложь, ложь!!!

— Ну, не совсем ложь, — с мягкостью в голосе возразил Карамуф, — скорее, «нас возвышающий обман», как сказал… Ах, я не помню кто; наверное, Эвр?

— Но разве этот обман не противен некрократии? — Бац тут же переключилась на него.

А Карамуфу того и надо:

— Некрократия ведь не себя старается обмануть, а других. Верно, молодой человек?

Фарадео Фарадей быстро закивал, так быстро, что, даже когда прекратил движения головой, Оксоляне казалось, что она ещё вертится.

— Но зачем нужен некрократии этот обман других? — спросила Бац уже намного тише.

— Отличный вопрос! — похвалил Карамуф. — Но я имею свою формулировку: нужны ли некрократии умные враги, или намного удобней дурачки обманутые? Ответ очевиден. Ясно, что некрократии нужно минимум два учения о мироздании: одно для себя, другое для остальных. В учении для себя — извольте, Мировые Ярусы останутся. Но для других — зачем эта излишняя подробность? — и банкир захихикал.

— Всех ведь не обманешь, — упрямо сказала Бац, — есть люди, которые эти Ярусы видели.

— И что? Думаете, много людей путешествует между мирами? Зато нашу истину можно излагать другим, у которых нет возможности лично проверить, — расхрабрился уже и Фарадео.

— Да, — медленно, с превращением всего лица, улыбнулась Ангелоликая, — на таких вот одноярусных людях и держится наш мир. Вы молодец, Фарадео, у вас очень полезная теория.

Глава 11. Не судьба

Лулу всегда была фантазёркой. И вволю представляла идеальные отношения с Чичеро, каких ни у людей не бывает, ни у драконов, а у мертвецов и подавно. И даже после того, как узнала своего рыцаря близко — полумёртвым-полуживым, в тройственном карликовом теле — продолжала фантазировать, как ни в чём не бывало.

Примерно тогда же, улетая из замка Окс на спине Драеладра, Лулу Марципарина воображала себя похищенной красавицей и втайне надеялась, что её рыцарь всё на свете бросит, а её станет искать и непременно разыщет. В Ярале, так и в Ярале — подумаешь, недоступное место!

А что потом? Да ничего хорошего!

Как Чичеро появился в Ярале? Да неправильно он здесь появился! Лучше б вовсе не являлся, чем так.

В первое своё появление он даже не зашёл к любимой — каково?

И сразу дал понять, что вовсе он её не искал.

Потом оказалось, в Ярал его мог забросить и намного ранее некий счастливый случай.

Когда мертвецы под руководством Владыки Смерти поспешно передвинули свой Порог вплотную к Отшибине, накрыв при этом Цанц, и Дрон, и Клям, то Чичеро очутился в мёртвом Запорожье, куда специально за ним Бларп Эйуой привёл свой небесный замок.

И Чичеро поднялся на борт, и летел уже в направлении Ярала, но вот незадача: сидеаший внутри мёртвого рыцаря демон надоумил его совершить одну глупую кражу. На ней Чичеро попался, и его ссадили. Когда ссадили, неугомонный рыцарь тут же ввязался в ещё одну историю: сопроводил к царевне Оксоляне тот самый сераль из замка Окс, который та царевна — особа предприимчивая — уже однажды продала Марципарине. История вышла тёмная да некрасивая. Но и тут за ним прилетел Бларп Эйуой, и доставил-таки в Ярал. Проездом, или, вернее, пролётом. Сроком примерно на одни сутки, чтобы влюбленные могли повидаться…

Да что толку? Разве кто-то с ней повидался?

Даже поклониться не пожелал. Отправил вместо себя Хафиза. Старого наложника Марципарины — вместо себя! Это, что ли, у него юмор такой мертвецкий? Хафиз, рабская душонка, пытался ещё Чичеро выгородить. Мол, к сожалению, благородный рыцарь пока слишком занят. Мол, у него дела, у него идея секретная,

страшно важная для яральской разведки…

Ну, раз дела, раз идея — Чичеро, вроде, можно понять. Идея требовала спешного воплощения, рыцарь не мог ждать. То-то и на любимую не желал отвлекаться: вдруг да помешает?

Но Марципарина расспросила Хафиза. С пристрастием расспросила. Бедный наложник, поди, и не упомнит от госпожи подобных расспросов.

И всплыли детали. Весело так, кучно всплыли.

Оказалось, безупречный рыцарь, вроде, и хотел зайти, почти мечтал, бредил об этом, но что-то его, поди ж ты, остановило! Что именно? Смешно сказать: недоукомплектованность.

При Чичеро в тот раз был единственный карлик Дулдокравн. Два прочих в дороге потерялись, но это-то был. И надо же такому случиться, что милая подружка Эрнестина именно этого последнего карлика у него и просит! И не по делу просит, а чисто для себя — истомилась.

Но если откажешь главе яральской разведки, то станет ли она рассматривать твои идеи, а, Чичеро?

И что делает рыцарь практически под крыльцом любимой женщины?..

(Ну, не совсем уж под крыльцом, чуть подалее, но Лулу Марципарина очень уж ясно представила пройдоху Чичеро совсем рядом, настолько, что кажется — и крылом дотянешься!).

Так что же делает благородный рыцарь? Топчется за дверью, не решаясь войти, да ещё, бесстыдник, отпускает последнего карлика маленько поутешать Эрнестину Кэнэкту!

Зная, прекрасно зная, что без этого самого карлика обратится в кучу тряпья, которая если и дойдёт к любимой женщине, то не своими ногами, а разве что в крепком мешке на плечах посыльного.

Кто-то, наверное, считает драконов излишне обидчивыми?!! Кто так считает, не видал ещё обидчивых драконов.

* * *

Много позже, от старой Бланш, Марципарине Бианке пришлось услышать объяснение, почему верный рыцарь её не нашёл. «Не судьба!» — с выражением фатальной суровости на лице произнесла Бланш.

Не судьба? Но что она объясняет? И какие причины предлагает принять на веру? И, главное, зачем?

Лулу Марципарина знает, зачем. Затем, чтобы никогда не найти виноватых. Чтобы Бианка устала, понемногу отвлеклась и

успокоилась.

Но виноватые-то есть! Во-первых, милая подружка Кэнэкта. Попросила у Чичеро карлика, а сама и не прояснила, есть ли у того под чёрным посланничьим плащом хоть что-то ещё живое. Конечно, полюбившегося разведчице одноглазого Дулдокравна, не чинясь, одалживала подруге и сама Лулу. Но не в ущерб же собственным отношениям с возлюбленным!

Во-вторых, виновен и Бларп Эйуой. Это ведь он спланировал маршрут Чичеро с таким ничтожным сроком пребывания в Ярале, чтобы рыцарь, прибывший из низинных частей среднего яруса мира, никак не задерживаясь на Белой горе, полетел дальше — на небо, к самому Драеладру.

В-третьих, виноват и наложник Хафиз, но, как водится, меньше других. Выгораживание Чичеро — вот основное, что раздосадованная Лулу ему вменила.

В-четвёртых, вина лежит и на карлике Дулдокравне. Он что, не знал, к чему приведёт его согласие забавлять разведчицу? Знал, но не придал значения. Видать, и сам был не менее Кэнэкты одолеваем похотью.

В-пятых (и в самых главных), виноват Чичеро Кройдонский. Тут уж — кругом виноват, без малейшего смягчающего обстоятельства. Поступился своим счастьем — ради дела, из благородства, ради справедливости к карлику — что за разница? Важно, что собственное счастье рыцарь обесценил.

А счастье у мёртвого рыцаря — живое, зовут его Лулу Марципарина Бианка. Значит, он её, её обесценил! И какие громадные, истинно драконические слёзы наворачиваются на глаза, едва Лулу добирается до этого эпизода в своих рассуждениях! А добирается не раз, не два. Она каждый день, и все дни напролёт, а также в ночном полусне только о том и думает. И честно старается простить любимого — и не может!

* * *

Хафиз остался с Марципариной. Она ему не то чтобы сильно обрадовалась, но и не возражала. Всё-таки уземфец предлагал себя не в наложники, а выказывал готовность помочь по хозяйству. Не отказываться же от помощи в тех делах, которыми сама занимаешься через силу.

Иначе уютному гостевому флигелю, занятому Лулу, грозило бы превращение в непотребную свалку.

(Ну, «непотребную», может, и сильно сказано, да только Хафизу всё равно спасибо. Когда ты истинная драконица, то

человеческих домашних дел невольно сторонишься, настолько, что даже мертвецам — известным педантам, не позволяешь себя приучить к порядку).

Хафиз остался, зато Чичеро улетел. На небеса, к Драеладру. Чтобы поделиться своей идеей «мёртвой разведки», которая, конечно же, больше никого не посещала.

Когда-то люди с драконами воевали, чтобы их пленниц, а своих невест поскорее отбить обратно. Иное дело Чичеро: никаких тебе поединков за невесту, а только переговоры с драконом, и сугубо по делу. Как это, всё-таки, по-мертвецки! Как не по-человечески…

Однажды Хафиз (он больше себе теперь позволял, ведь карьера наложника осталась в прошлом) ехидно поинтересовался:

— Неужели поединок жениха с отцом для драконицы чем-то привлекателен? А если кто-то кого-то, не приведи такого Седьмое Божество, но всё-таки растерзает насмерть?

— Опасность делает жизнь ярче! — возразила Марципарина.

Но внутренне подметила, что такой «яркой жизни» с трагическими решениями ей хотелось бы лишь понарошку, не всерьёз. Овдоветь из принципа? Немного смешно.

С другой стороны, быть женщиной, ради которой трагически сцепились мужчины, не значит ли — быть самой настоящей женщиной? И если — нет, не сцепились, не следует ли отсюда глубочайшей женской неудачи? В романах Зраля — следует, но, может, романы лгут?

Возможно. Да только и уземфские героические песни самого Хафиза, получается, лгут тоже. И цанцко-карамцкие байки об Ашогеорне. Везде, везде ведь истинно верный герой спасает пленницу. Должен спасти.

А Чичеро — даже не почесался.

Не намекал ли он своим равнодушием на что-то постыдное для Лулу?

Нет. Всё гораздо хуже. Кажется, равнодушие Чичеро самодостаточно. Без намёков и подмигиваний с хитрецой. Просто оно само. По лицу.

Получается, Марципарина даже намела не достойна? Её просто забыли, без какой-либо задней цели. В том-то и вся глубина унижения.

Видно, чувство унижения толкнуло Бианку себе же во вред солгать Эрнестине Кэнэкте, когда та (вот внимательная подруга!) наутро спросила её о Чичеро. Мол, как прошла встреча…

— Сногсшибательно прошла, — хотелось припечатать разведчицу едким сарказмом, а не просто выплеснуть злость, потому Марципарина начала издалека и холодным тоном словно

бы предостерегла от расспросов.

— Понимаю, — предположила Кэнэкта, — сокровенные переживания, страсти после догой разлуки. Всё это не для ушей старой подруги: прости, не подумала.

Уши старой подруги так и норовили закрыться, но Лулу всё же не позволила, выпалила будто вдогонку слабеющему очагу внимания:

— Чичеро, если хочешь знать, до меня не дошёл.

— Серьёзно? — Кэнэкта, как оказалось, попросту не знала, что утащила у молчуна Чичеро последнего карлика, без которых ему не то что не дойти до возлюбленной, а и шагу сделать нет никакой возможности.

— Но я не в обиде, — вот с этих-то слов и началась ложь. Ибо Лулу в обиде, да ещё в какой!

— Так-таки не в обиде? — насторожилась разведчица.

— Да чему же тут обижаться? — почти натурально рассмеялась Марципарина. — Я была с Хафизом. Огромное спасибо Чичеро, что спас моего самого преданного наложника и привёз его ко мне. Знойная пустиня Уземфа — вот что такое Хафиз. И поэтический дар у парня отменно развит.

Ночь с Хафизом стоит ночи с Дулдокравном, не правда ли, хотелось язвить Бианке. Оба хороши как наложники, но и только. Да, оба всего лишь наложники, одноглазый карлик ничем не лучше.

Ах, если бы так оно и было. Тогда бы Марципарина с Кэнэктой попросту поменялись. А что, Лулу готова. Уступила бы подруге Хафиза, а себе заполучила карлика. И как только заполучила — сразу сложила бы из него свого славного рыцаря. Замотать Дулдокравна в чёрный посланничий плащ — вот вам и Чичеро! Мелочь, а всё меняет.

И правда, меняет. Но в том случае, если бы сама возможность обмена не была фантазией.

Чего добилась своей ложью? Того, что Кэнэкта успокоилась. Раз у Марципарины есть Хафиз, то и ей ни к чему отпускать свого милого карлика. Можно честно глядеть в глаза подруге и сладко грешить — словно бы не вопреки, словно бы вместе с нею.

Чего добилась ещё? Того, что сам Чичеро, буде ему вздумается вернуться, тоже узнает про неё с Хафизом и — успокоится. Раз невеста уже счастлива, что ж ему надрываться? Вновь бросится в свои странствия, влекомый бесчеловечным долгом. И не вёрнётся, ибо потеряна нить отношений, которую Марципарина свивала прежде.

Чего добилась? Да ничего она не добивалась — даже цели перед собой не ставила. Просто гордость Марципарины в

недобрый час смалодушничала.

* * *

Многое, что человеком не сделано вовремя, в итоге не делается им вообще. Именно так вышло с Чичеро. В следующий свой приезд в Ярал он уже не имел свободного выбора, посетить ли ему Марципарину, повременить ли. Вместо выбора — одни последствия. Поделом, сказала бы Бианка, если бы в число неумолимых последствий не попала её собственная судьба.

Не только посланнику Чичеро не видать возлюбленной. Ей его тоже не видать. Ибо в жизни ведь не бывает не обоюдной встречи.

О том, почему их долгожданная встреча откладывается на сей раз, Бианке поведала Кэнэкта, ведь она как главная разведчица Ярала всё узнала из первых рук. Причина, как водится, нашлась пресолиднейшая.

Демоническое одержание посланника усилилось настолько, что его и в город-то не выпустили. Отвели место в Карантинной башне, к которой без разрешения и магических ключей даже не подойдёшь.

Хотя, как допыталась Бианка, «отвели место» — сказано со смягчением.

Привезли запертым в одной из башен летучего замка, и едва извлекли оттуда, как с тревожной поспешностью заточили в тяжеленный сундук с крепчайшими магическими печатями, в каковом сундуке уже и доставили в Карантинную.

— Но там-то из сундука выпустили? — почему-то взбрело уточнить.

— А зачем? — безучастно спросила Кэнэкта, будто вовсе не понимала чувств Марципарины. — Карлик его выпущен. В сундуке лежит единственно чёрный плащ да несколько мёртвых частей тела.

Ну ещё бы Кэнэкте не выпустить карлика! Она ведь ещё не пресытилась ласками одноглазого Дулдокравна.

— Части тела?

— Да. Руки-ноги, голова… Им нет особенной разницы, где лежать, а я думаю, в сундуке всё же надёжнее. Лишняя ступень магической защиты против демона никогда не повредит. А тем более — в нашем родном Ярале.

В вашем родном Ярале, мысленно поправила её Лулу. Но так или иначе, Ярал хоть кому-нибудь, да родной. Не подвергать же человеческий город демонической угрозе. Всё верно, логично,

справедливо.

— А что демон?

— Бушует, — односложно ответила Кэнэкта.

Ну, раз бушует…

— А карлика куда?

— Дулдокравна я пока возьму под своё начало, — сказала разведчица, — если не возражаешь.

Возражать? Лулу Марципарина вправе возражать? И хорошо бы, но Дулдокравн — это не Чичеро. Пусть он и бывает составной частью мёртвого рыцаря, но бывает и самим собой — просто мелким живым одноглазым карликом. Дулдокравну самому решать, сближаться ли ему с Кэнэктой, либо в самоотверженном смирении хранить от имени Чичеро верность Лулу.

Увы. Дулдокравну в отсутствие Чичеро многое решать самому. И кто такая Марципарина, чтобы усматривать в его решениях предательство?

* * *

В Карантинной башне сундук с Чичеро ждал возвращения в Ярал Бларпа Эйуоя. Тот обещал быть где-то через недельку, и без него Кэнэкта не решалась предпринять ничего судьбоносного — даром, что занимала пост главной разведчицы Ярала (да ещё с оставшимся от прошлого полувека особо пафосным названием, в котором говорилось про «объединённую разведку драконов и людей Эузы»).

— Чем поможет Эйуой? — поинтересовалась Бианка вечером, когда подруга по старой памяти посетила её гостевой флигель с новостями.

— Он лекарь и немного маг, — пояснила Кэнэкта.

— А что, Чичеро можно вылечить?

— Вряд ли, — помотала головой разведчица, — исцеление понадобится Калебу и Дуо — двоим живым охотникам, что по недоразумению забрели на территорию, отобранную Порогом Смерти. Обоих там парализовало и так прилепило к омертвелому запорожскому дёрну, что наши насилу отскребли, а уж поднять по верёвочной лестнице сумели просто чудом.

Наверное, это чудо сотворил Чичеро, с печалью подумала Марципарина. В том смысле, что посланник Смерти настолько кругом неправ, что просто не мог не совершить потрясающего воображение чуда — хотя бы для возвращения мирового равновесия.

Кэнэкта будто угадала мысли подруги. Тотчас подтвердила:

— Чичеро участвовал в их спасении как раз перед тем, — она замялась, приискивая слово, — …перед тем, как демон его смутил на кражу.

Марципарина знала уже, что за «смущение» имелось в виду. Стоило карлику погрузиться в сон, как Чичеро под демоническим контролем со странной навязчивостью раз за разом направлялся в замковое путевое святилище, чтобы похитить там синий полуволшебный камень, именуемый «Глазом Ашогеорна», если же Дулдокравн умудрялся не засыпать, то команды демона старались выполнить отдельные части мёртвого тела Чичеро. Холод пробегал по спине Марципарины, когда она представляла картины, исполненные жутчайшей нелепости: мёртвые ноги возлюбленного сами топают к святилищу, руки придерживают оправу камня, пока голова пытается его оттуда выгрызть.

Странное поведение Чичеро, и не менее странное — того демона, который пытался им руководить. Зачем ему, спрашивается, полуволшебный «Глаз Ашогеорна» — камень, подобные которому, как говорила Кэнэкта, можно найти в святилищах при каждом небесном замке? Бианка спрашивала у разведчицы, но та лишь руками развела. Выходило, что демон себя выдал, позарившись на вещь не слишком ценную.

Можно, конечно, решить, что демоны глупы — все, даже те, которым посчастливилось подселиться к элитным рыцарям Владыки Смерти. Можно, но что-то не верится. Не сглупить бы самой, когда слишком уж уповаешь на чужую недалёкость.

— Удалось узнать, зачем демону тот камень? — спросила Бианка, заранее зная ответ.

Кэнэкта привычно развела руками, вздохнула:

— Подождём Бларпа. Основная надежда на него. Только он сможет при снятых печатях безопасно побеседовать с демоном.

— Обязательно ли беседовать с демоном, чтобы узнать его цели?

— Без беседы вряд ли чего добьёшься, — с грустной уверенностью сообщила Кэнэкта, — хотя и беседа, скорее всего, мало чего даст: демоны в подобных случаях врут напропалую.

— Но разве и так непонятно, — фыркнула Марципарина, — что камень «Глаз Ашогеорна» — это лишь повод?

В ответе Кэнэкты послышались нотки иронии:

— Это-то понятно. Труднее догадаться, для чего именно нужен такой повод. Уж не знаешь ли ты, дорогая, лучше самого демона, какие такие козни он замыслил?

Марципарина Бианка знала, но что-то мешало произнести вслух. Опять дурацкая гордость?

— Ну вот видишь, — сделала Кэнэкта свой вывод из её

молчания, — без Эйуоя никак не обойтись. Он демона разговорит и поймает в логическую ловушку, чтобы расспросить о главном. А повезёт, — она натянуто улыбнулась, — так сумеет даже изгнать.

Значит, не изгонит. Значит, «сумеет изгнать», только если повезёт. Лулу от ободряющих слов разведчицы стало ещё грустнее.

Бларп не изгонит. И, вернее всего, не поймёт. А логические ловушки — как бы самого ловца не поймали, когда он ради поиска истины соберётся поверить демону.

А Кэнэкта… Неужели она сама верит собственным словам, будто демон посланника Чичеро «смутил на кражу»?

Марципарина-то давно почувствовала, в чём дело. Да, демон бедного Чичеро, разумеется, «смутил». Но не на кражу, каковая, кстати, так и не состоялась. А что состоялось, именно на то демон и «смутил». То есть, на заточение в сундуке и в Карантинной башне. То есть, на то, чтобы Чичеро больше никогда не встретить Лулу Марципарину Бианку. То есть, на несчастную судьбу их отношений.

Ведь очевидный же ответ, не правда ли? Для Бианки он более всех очевиден, потому что (надо ли скрывать?) это ею спланирована та счастливейшая судьба, которая усилиями демона теперь перечёркнута. Кто, как не она, положив на Чичеро глаз ещё в Цанце, провела его через церемонию обручения, через фривольность романтических свиданий в замке Окс, через путь освобождения из коварных пут великана Плюста. Провела бы и дальше — к героическому поиску и успешной находке в Ярале пленницы белого дракона — но увы: на запланированном перекрёстке судеб Чичеро и Лулу поджидал зловредный демон.

Или нет, демон давно сидел в Чичеро, но на том перекрёстке не смог больше таиться. Демон явился, демон хитро нашептал, демон привёл в движение ту бездушную куклу, в которую превращался Чичеро, стоило ему хоть на миг скрыться от любящего взгляда. Демон сделал своё дело, и даже трое живых карликов незадачливому посланнику Смерти не помогли.

Итак, Марципарине всё ясно. Да любой женщине должно быть ясно, ведь судьбы, отношения, судьба отношений — всё это извечные женские темы. И лишь одно ей не ясно: что здесь вообще можно не уяснить? И настолько, чтобы ожидать каких-то озарений от диалога с демоном.

Почему не понимает Эрнестина Кэнэкта? Должна бы давно и сама сориентироваться, и подчинённых своих направить. Она ведь тоже женщина, и очень по-женски сильна. Ведь женщина же?

Да, женщина, но, как говорят мертвецы города Цанц, она «из другой партии». Марципарина — женщина из партии Чичеро. А

вот Кэнэкта — та женщина из партии Дулдокравна. Вроде, и дружат, и многое пережили вместе, но главные переплетения судеб каждая видит по-своему.

Демон, который ловко расстроил судьбу Чичеро, кто он с точки зрения партии Дулдокравна? Да освободитель, вот кто!

* * *

Кажется, Бларп Эйуой явился к ожидаемому всеми сроку, но Марципарина всё равно успела известись, так как ждала его раньше. Кому, как не ей, стоило переживать за Чичеро намного сильнее всех?

Правда, когда будущий расколдовщик и спаситель её любимого прилетел, Бианка запретила себе близко подходить к запечатанному хранилищу останков Чичеро в Карантинной башне. Ведь и у неё есть гордость! Пусть человек-сундук не надеется встретить её сразу же по исцелении! Пусть сам придёт к ней, собственными ногами! Ну, на худой конец — ногами карлика Дулдокравна.

Лулу находилась у себя в гостевом флигеле, откуда на Карантинную башню даже окна не выходят. И всё же всё внимание её было там, около сундука. Если чего-то не видишь, всегда можно вообразить.

О ком первом вспомнит Чичеро, когда Бларп ухитрится его выручить и поставить на ноги? Хотелось ручаться, что о Лулу. Спросит, быть может, и о всяком другом, но подумает… О ком же ещё, как не о ней, этому горемыке-рыцарю осталось думать?

Вечерком того же дня Бианку в её гостевом флигеле навестил Бларп Эйуой. Он специально пришёл, чтобы рассказать ей о Чичеро. Причём оказалось, что почти всё невидимое — то, что Марципарина столь живо навоображала, так и не обрело зримых форм.

Начать с того, что Бларп её любимого так и не исцелил. И оставил в сундуке. Словно бы только затем, чтобы оправдать кличку «человек-сундук», которую метко придумали яральские зубоскалы.

— Исцелить Чичеро? Это не в моих силах, — покачал головой Бларп, — очень уж на много кусков расколола его судьба. Кого я пытался сегодня исцелять, так это двух охотников, пострадавших в мёртвом Запорожье. И то не преуспел. Их теперь отвезут в Адовадаи на встречу с силами земли и морским воздухом. Там сами попрапвятся. Уже без меня.

— А Чичеро? — напомнила Бианка.

— Я снимал печати, смотрел, что можно сделать, но, — Бларп скривился, — моего искусства и в этом случае не хватило. Мёртвые части тела по-прежнему контролирует демон. Изгнать его нет надежды просто потому, что в доступных частях тела — тех, что собраны в сундуке — там он не гнездится. Демоническое существо заперто, но в особой недоступной для меня части тела — в сердце. Оттуда и посылает свои команды.

— Но что мешает извлечь демона из сердца Чичеро?

— Его сердце похищено.

Ну вот: сердце возлюбленного похищено. Давно бы пора догадаться.

— Непорядок! — внутренне воскликнула Марципарина. — Его сердце похищено не мной. Значит, его сердце похищено у меня.

Сперва прокричала это про себя, но затем отважилась повторить вслух. Оказалось вполне к месту.

Бларпу Лулу Марципарина рассказала о многих своих подозрениях, которые не могла изложить сопернице Кэнэкте. Пусть Эйуой и мужчина, он всё же не «из другой партии», к тому же, как и Лулу — дракорн по происхождению.

Идея о том, что цель демона — расстроить отношения Чичеро с Лулу Марципариной — не показалась Эйуою такой уж невероятной.

— Да, — сказал он, — и я так думаю. Действительно, кражи камня — лишь повод остановить Чичеро на пути к его невесте. Вполне разумно. Только надо сделать ещё один шаг: выяснить, кому и зачем надо останавливать Чичеро. Кто-то надеется таким образом чему-то помешать. Интересно, чему.

* * *

А дальше Бларп Эйуой погрузил Чичеро на воздушный замок (ага, прямо в сундуке), прихватил одноглазого Дулдокравна — и вновь улетел. На встречу Чичеро с Драеладром, как пояснила зашедшая вечерком Кэнэкта.

— Так ведь встречались уже! — заметила Лулу.

Оказалось, нет. В прошлый раз у Бларпа нашлись дела, которые и помешали встрече. Поутру стартовал на другом замке в ином направлении.

— Так значит, Чичеро?..

Да. Чичеро ещё перед вылетом узнал, что встреча откладывается. Мог отказаться лететь, вернуться к Лулу — и всё же не сделал этого. Наоборот, он торопливо покинул Ярал, даже

не увидевшись с невестой.

— Спешил к Драеладру, но так и не попал — вот комедия! — Марципарина немного при нужденно розвеселилась.

— У посланника были и другие дела, — пожала пленчом Кэнэкта.

Другие дела? Ну конечно! Бианка-то знает, что за дела. Путешествовал где-то вдалеке, за Порогом Смерти, искал там своих мёртвых товарищей из банды Дрю — пока не подхватил зловредного демона и не угодил в сундук. Разумеется, по собственной глупости!

— Но теперь-то Бларп его представит Драеладру!

Само собой, представит. Разведчица знает, что говорит. Потому Бларп и карлика её ненаглядного взял с собой. Чтоб, если встреча с белым драконом состоится, вовремя сложить посланника Смерти воедино — из подручного минимума частей, в который входит и Дулдокравн.

— Но где логика? — спросила Марципарина. — Почему его везти по частям, в тяжеленном ларе, а не составить прямо здесь?

— Драеладру демон не опасен, — ответила разведчица, — но город Ярал пострашать может. И тем болем — летучий замок со всеми, кто там будет в момент диверсии. Включая и самого Чичеро, — на всякий случай упомянула.

Ага, демона боишься, мертвец! А зря. Тебе давно пора меня бояться, меня, мстительно подумала Бианка. Демон тебе лицо не исцарапает, а я могу. Я слишком долго тебя ждала, и теперь встречу так, что сам не обрадуешься!

— Я пойду, — чувствуя её не самое дружелюбное настроение, засобиралась Кэнэкта. По обыкновению, оставила на комоде деньги на пропитание — их она платила Марципарине официально — из особого фонда своей разведки. Достаточную сумму, чтобы выжить в высокогорном городке, но и подходящую, чтобы цанцкой аристократке в кои-то веки привикнуть к известной скромности запросов.

Но не слишком ли долго она скромничала? Бианке кажется, что именно слишком. Её добротой и тактичностью здесь воспользовались, даже злоупотребили.

Злоупотребила Кэнэкта — эх, тоже начальница выискалась! И злоупотребил Чичеро: заставил её любить себя горько и безответно, а сам — обманул, не пришёл, не составил женского счастья.

Да, правда, Кэнэкте Марципарина многим обязана. Спасение от убийц, посланных заговорщиками из Цанца за нею в замок Окс — уже оно одно перекрывает многое. Но, что ж от себя-то скрывать, для разведчицы это было не дружеское одолжение, а

работа. Сама дружба между двумя женщинами возникла не для того ли, чтобы Кэнэкте успешней выполнить задание? И, если так, то дружба ли она!

Но то Кэнэкта — противоречивая, но добрая. Зато у Чичеро вовсе нет никаких оправданий. Пусть не надеется — их нет, потому что и быть не может! Никакого снисхождения мужскому вероломству!

Сколько стыда изведала Лулу просто потому, что её избранник не соизволил к ней зайти… Хорошо, хоть с присланной от разведки женщиной, которая прежде убиралась во флигеле, Марципарина разругалась чуть раньше и прогнала ещё задолго до той постыдной на всю Вселенную ночи, когда Хафиз к ней явился, а Чичеро не дошёл.

Да, без прислуги во флигеле вскоре стало не так уютно, но зато не надо терпеть её хитрых улыбочек. Да и Хафиз — хоть на что-то же он годен — с уборкой худо-бедно справляется, а ночью зато спокойно спит.

Хафиз-то спит, а вот Лулу поднимается и бродит, не в силах успокоиться от передуманных за день мыслей. Иной раз в задумчивости выходит из дому и…

Тут уж главное в задумчивости не промахнуться мимо верной тропы. А мудрено ли?

Гостевой флигель — он ведь расположен так, чтобы при взгляде из окон дух захватывало. Ибо красиво, но к тому же и высоко. «Изящный домик над пропастью», как выразился Хафиз. И он прав, что изящный. И прав, что над пропастью. Пропасть всегда здесь, совсем рядом. Правда, Бианка к ней привыкла и почти не замечает. Иной раз оказывается совсем близко. Сказывается драконья родовая привычка к высоте, а человеческая осторожность не всегда успевает вовремя.

Непросто жить драконам в бескрылом человеческом образе. Опасно увлечься будоражащими душу мыслями. Понадеешься на крылья — а их-то и нет… Ищи потом опору в долгом полёте вниз с Белой горы.

Кто-то с нежной деликатностью тронул Марципарину за локоть.

Чичеро?

Ах, это Хафиз. Что ему надо?

— Госпожа, — поклонился уземфский наложник, — простите, что отвлекаю вас от важных мыслей, но пропасть уже в пяти шагах.

— Ты намекаешь?..

— Я ни на что не намекаю, — с естественно разыгранным смущением произнёс Хафиз, — просто встревожился.

Вот-вот, а кое-кто за неё совсем не тревожится. Хоть ты со скалы кидайся, хоть в омут вниз головой.

Не права ли она, что готовит Чичеро неласковый приём?

Ещё бы не права, мстительно высказалась Марципарина.

Лулу воздержалась от суждения: по большому счёту, она не знала.

А Бианка возразила. Пробормотала вслух, даже Хафиза совсем не стесняясь:

— Нет, не права! Во-первых, неласково всё равно не получится… — Ага! Стоит Чичеро вернуться, и она тотчас растает, всё забудет и простит. — Во-вторых, сама же и пострадаешь… — Точно! Обвинить себя же в неласковости — то ещё обвинение. Ты об отмщении только подумала, а неосторожная мысль твоя уже взывает о наказании за несправедливость в адрес любимого. — В-третьих, здесь рядом подходящая пропасть… — ну да, чтобы броситься туда чистого самонаказания ради…

— Простите, госпожа, вы сказали «подходящая пропасть»? — напрягся Хафиз. — А для чего подходящая? — в тёмных глазах плескался едва различимый страх, который и поднял его ни свет ни заря, заставил выглянуть наружу, направил вслед за нею к обрывистой тропе.

— Разве я тебе это сказала?

— Простите, я подумал… — ишь, подумал он.

И чего он перебивает, когда не спрашивали? Распоясался наложник, не хочет знать своего места — на приступке у мягкой уземфской постели. А здесь, в эрале — у швабры. Только у швабры.

— Госпожа, простите, не вернуться ли нам с вами к дому?

Лулу хотела одёрнуть наглеца, но вместо этого позволила ему себя увести от обрыва подальше.

В самом-то деле, чего это она? Ведь она же дождётся Чичеро, обязательно дождётся! И встретит, как подобает будущей жене и родительнице его детей. Без упрёков, с одними понимающими объятьями.

Да, всё так и будет. Бианка дождётся суженого, встретит его правильно, а пропасть… Пропасть останется ни с чем.

— Я думаю так, — произнесла Марципарина, приглашая и Хафиза в свидетели своих мыслей, — если ради приёма у Драеладра Чичеро сложится… — она помедлила, — то, может, его снова не разберут? Может, в сундук не отправят? Может, я ещё увижу его в Ярале?

Хафиз с терпеливой готовностью согласился. Конечно, зачем разбирать хорошо собранного человека? Зачем засовывать в

сундук, если он не разобран? А если Чичеро будет не в сундуке, то почему бы его Лулу не встретить в Ярале?

Голос уземфца звучал успокоительно. Впору поверить в счастливую судьбу. И Марципарина в очередной раз поверила, чтобы затем опять разочароваться.

* * *

Чичеро вернулся в Ярал только после смерти самого Драеладра — в тот суровый период тревоги и неуверенности, когда люди и драконы почувствовали себя намного уязвимее, чем когда-либо. И вернулся — опять-таки, в сундуке, отдельно ог Дулдокравна. То есть, снова не к ней.

Хафиз в последующие дни ещё трижды ловил её у обрыва под гостевым флигелем — до тех пор, как Эрнестина Кэнэкта (видимо, тем же Хафизом и всполошённая) не перевела Лулу Марципарину Бианку в центральное здание дворца Драеладра.

— А за что мне такая честь? — искренне не поняла Лулу.

— За рождение наследника, — пояснила Кэнэкта таким тоном, будто говорила о некоем не то решённом, не то свершившемся событии.

— Я ведь не родила…

— Родишь. Было предсказание.

Снова лучшая подруга изъясняется глупыми загадками!

Наследника — чьего?

Посланника Чичеро? О, Лулу родила бы ему наследника. Но при чём тут дворцы Ярала? У посланника всего и наследства, что крепкий сундук, слабо приспособленный под жильё, да и тот, коли разобраться, казённый.

Наложника Хафиза? О нём лишь для смеха и вспомнила. Живое тренированное тело в наследство не передашь. Смешно, да и несбыточно, хотя сам Хафиз может думать иначе.

Неужели речь о наследнике дракона Драеладра? Похоже на то, что от Лулу ждут именно его. Ничего не скажешь, миссия почётная — но как оправдать их ожидания? Возлечь с белым драконом?

Ну что тут скажешь… Опыт, конечно, интересный, но идея припоздала. Драеладра уже нет.

Или всё-таки есть? Чем далее, тем сильнее Лулу Марципарина Бианка чувствовала себя предсказательницей, зависшей в недоумении меж временами и событиями.

Старого Драеладра либо не будет, либо нет. Новый Драеладр, наверное, вскоре родится. Наверное, у неё.

А Чичеро… Что ж, посланник пусть и вернулся в Ярал, да не вернулся из сундука, и его нескладной фигуры в чёрном плаще ей более не вилать. Ради неё его оттуда не выпустят. Никогда.

Пусть они снова совпали в Ярале, но и в этот третий и последний раз — опять им не судьба встретиться! Что за место здесь заколдованное…

Да и в самом ли месте причина? Не судьба.

Глава 12. Все на борьбу с пиратством

Самые важные объявления Мад Ольгерд произносила с кафедры, причём приберегала к концу речи.

— Да, вынуждена вам сообщить неприятную новость, — Ангелоликая чуть сильнее округлила глаза с оттенком немного утрированной скорби. — Выражение «боевая септима» несовершенно. Мы с ним, хи-хи, просчитались. Ведь что получается? А, не догадаетесь! Получается, что оно принимает принцип семиричного деления Божеств и всего их творения. А значит, учитывает и живых людей, полных всевозможных несовершенств. Потому, как указано Владыкой, и наши боевые септимы в скором времени будут преобразованы в «боевые гексы» — по шесть участниц каждая.

— То есть, — на правах старшей ученицы переспросила Оксоляна, — в каждой из действующих септим выходит одна лишняя участница? Что будет с ними?

— Ты верно подметила, дорогая. С лишней участницей вам придётся расстаться. Это бывает грустно, но необходимо. И заметь, ваша септима пока не действовала. Только училась. Когда начнутся действия, очень возможны и боевые потери, — Мад обворожительно улыбнулась. — Тогда и решать ничего не надо. Если же потерь не будет, — Ангелоликая закончила жёстко, — избавимся от самой слабой!

От слова «избавимся» будто легкий холодок пробежал по мёртвой спине. Приятный или неприятный — сразу и не скажешь, но, определённо, бодрящий. Спасибо Мад Ольгерд за бодрость. Всяко пригодится.

— Нам предстоит естественный отбор? — осторожно спросила Бац. Она не старшая в септиме, но очень уж к тому стремится, вот и задаёт вопросы вторым голосом после Оксоляны. Добро, хоть вперёд не лезет.

Ангелоликая милостиво кивнула, и порывистая переписчица из Глукща радостно захлопала в ладоши:

— Вот здорово, подруги! После удаления слабого звена мы станем ещё сильнее! Я правильно поняла, Мад? — та, уходя, обернулась и снова кивнула, вызвав у глукщицы дополнительный приступ восторга.

Почему она так уверена, что избавятся не от неё?

Ах, да, верит в счастливую звезду естественного отбора.

Об этом виде отбора (жестоком, но справедливом) царевна уже не раз слышала на занятиях. Впервые — от Фарадео, чью безумно причудливую картину мира с дико Большими взрывами,

множественностью миров, шарообразной моделью Земли и полным отказом от ярусности она давно уже приняла. Но Фарадео был первой весенней птичкой, вслед за которой великое множество тружеников храма просвещения, державшихся поскромнее, произнесли то же самое.

«Как известно, гипотеза о Семи Божествах до сих пор научно не подтверждена», — вещали скромные просветители, и разве что возразишь? Всё верно, всё уже «известно»: от Фарадео.

«Несомненно одно: теория Большого взрыва лучше объяснеет небесные расслоения каменной тверди на семь слоёв…» — и тут полное попадание! Фарадео сказал? Сказал. Оксоляна сомневается? Ничуть! Стало быть, несомненно…

«Частным приложением теории Большого взрыва для уровня функционирования живых организмов является единственно справедливый в мировом масштабе принцип естественного отбора…» — и тут ведь золотые слова! Очень правильный принцип этот естественный отбор: вернее не придумаешь. Опять же — и Большому взрыву не обидно.

«Если существование мира начинается со взрыва, — говорил Фарадео, — то и так понятно, что выживут не все. Хорошо ли это? Очень хорошо! Ведь если кто попало выживет, как бы потом не пришлось нам, избранным, толкаться в толпе на общих основаниях».

Конечно, отбор отбору рознь, и не всякий из них справедлив. Но естественный — он особенный. При нём отбирают сильнейших, самых лучших, чтобы они остались существовать, а слабейших отбраковывают.

* * *

Если ты принадлежишь к сильнейшим, тебя не тронут. А царевна Оксоляна — не только старшая ученица в своей септиме, она сильна уже по происхождению. Царевнами-то здесь, в храме Вечнотраурной Смерти, всяко не разбрасываются. Но вот из остальных — каждая хоть в чём-нибудь, да слаба. И каждая надеется, что слаба не она. И рада о том «по дружески» предупредить кого-то из более слабых подруг.

— В естественном отборе, — наставительно произнесла Бацилла тем же вечером, — проигрывает бесполезнейший! В том-то и высшая справедливость. Не так ли, царевна? — на что она намекает, выскочка из глукщского плебса, думает, в септиме от неё пользы больше всех?

И Бац не одинока. Самомнения здесь каждой не занимать, а у

карлицы Тупси — так и на двоих достанет.

— Уйдёт та, которая слаба в главном, — хихикнула карлица, исподтишка подмигивая глуповатой купеческой дочери, — отбор-то будет естественный, а не искусственный, а значит, всё по-честному.

— По-честному, — с вызовом отозвалась та, — Мад рассудит…

— На что надеется эта клуша? На то, что Тупси ростом не вышла, и это против неё сыграет? — заговорщически шепнула Оксоляне торговка Данея.

— Может, и сыграет, — притворно перепугалась чуткая Тупси.

Оксоляна, которая в уме тоже успела прикинуть пару кандидатур на вылет, с сожалением признала:

— Лишнюю из нас определит Мад. Об остальном и спорить нечего.

Принципы естественного отбора верны, но непостижимы. Одной Ангелоликой ведомы. Хотя…

Хотя Оксоляна освободила бы свою боевую септиму от грязной шлюхи из Эузы, либо от ни к чему не пригодной купчихиной дочери.

А вот остальных однокашниц было бы, наверное, жалко.

* * *

Пошла вторая неделя, как Ангелоликая забросила удочку, а септиму в гексу так и не переформировывали, и к самому вопросу больше не возвращались. Уже и в самой септиме закончилась досужая болтовня на ту тему, «кого турнут». Кси, шлюха из Эузы, которая по итогам болтовни чувствовала себя уязвимее всего (ещё бы, во-первых, она шлюха, во-вторых — из Эузы) почти всю неделю держалась напряжённо и настороженно, но постепенно расслабилась. Небось, подумала, что пронесло, а сама идея расформирования септимы так и останется неосуществлённым проектом.

А вот Отксоляна уверена: не пронесёт. Просто насмешница Мад выбирает момент, когда удар покажется всего болезненнее.

Вопрос в том, эузской ли шлюхе предназначен удар?

Нет, коли вдуматься, то и царевна может оказаться лишней. Если Мад Ольгерд вдруг начнёт опасаться её усиления — уберёт из гексы как не в меру зарвавшуюся первую ученицу. Тогда все её старания быть полезной обернутся знаками нескромных честолюбивых претензий.

Вообще-то царевны всегда под подозрением, Оксоляне ли не знать? Скромнее надо быть. Царевне — в особенности.

Когда на второй неделе после тревожащего объявления Оксоляну будто невзначай пригласили в покои Мад, она сразу поняла: вопрос о переформировании септим подступил вплотную. Вот-вот начнётся!

Что ж, соображала она, идя по устланному чёрно-красным ковром коридору вглубь подземного лабиринта, если меня спросят, отвечу: лишняя среди нас, разумеется, Кси, так как она эузка, да ещё шлю… дама лёгкого поведения. Если кого и убирать, так её.

Дурочка же Клементильда из купчих — та слишком уж явно глупа, да и неизвестно, чья она дочка по отцовской линии, как бы не перейти дорогу сильному покровителю, который сумел же при всём умственном убожестве послать её учиться к нам в септу.

Что до остальных… Нет, конечно, же, Оксоляна сдаст и остальных, если понадобится. Но не хотелось бы. Всё-таки они полезные в гексе люди — даже неприятная заноза Бац.

Войдя в покои Ангелоликой, Оксоляна почувствовала: всё складывается намного опаснее, чем ожидалось, причём лично для неё. Ведь…

У Мад Ольгерд она застала поэтессу Лайл.

Ага, ту самую уземфскую поэтессу, чьи строки частенько вспоминала, когда задумывалась о грустной судьбе одиноких мертвецов посреди нетолерантного мира живых человечишек. У Лайл все стихотворения — только об этом.

— Хочу тебе, девочка, представить твою соотечественницу, — в ответ на поклон царевны произнесла Мад, — она только вчера добралась к нам из Уземфа, — прибавила с игривой таиственностью.

— Но мы знакомы. Здравствуйте, госпожа Лайл.

— Будь здорова, царевна Оксоляна, — взгляд чуть свысока. Гостья даёт понять, что уземфская иерархия сейчас не действует, а в здешней — она неизмеримо выше.

Если по-правде, подлинное имя поэтессы — Лейла, но она предпочитает называть себя на сугубо мертвецкий кранглийский манер. Оксоляне тоже так больше нравится, ведь она и сама мёртвая принцесса. И тоже горячо уважает порядки кранглийских земель.

Лайл — дочка бывшего уземфского визиря, который некогда сбежал в Запорожье, поскольку подвергался гонениям за переход в посмертие. Тот визирь в Уземф так и не вернулся, хотя власть сменилась и его, говорят, простили. Ясное дело: в Запорожье он устроился лучше. Но дочка — приехала в родной пустынный и

полупустынный край, причём с важной миссией.

«Желаю наводнить нашу варварскую землю стихами, созданными по последней кранглийской моде» — вот как эту миссию определяла она сама. Но поговаривали, что стихи — лишь прикрытие для подлинной миссии: служить глазами и ушами западной некрократии при уземфском дворе.

Оксоляна думала: привирали, но сейчас…

Зачем поэтесса прибыла из Уземфа к Ангелоликой? Небось, собрала какой-то материал на Оксоляну. Ой, царевна, к жестокому своему стыду, знает, что это за материал.

После такой компрометации она вряд ли останется главой септимы. И, конечно же, это её не возьмут в состав гексы.

Да, так и есть.

— Лайл прошла через опыт наших боевых септим десяток лет назад, вскоре после основания храма, — доверительно сообщила Ангелоликая, — сейчас она наш главный представитель в царстве Уземф. И, разумеется, к ней стекаются все сведения о значимых событиях в этой земле…

Например, о разорении дворца в оазисе Гур-Гулуз, мысленно подсказала Оксоляна.

— …например, о разорении вашего дворца, — закончила Мад.

Ещё бы, мёртвое сердце царевны провалилось ещё глубже, уж наверное, вскрылись любопытные подробности…

— Вскрылись любопытные подробности нападения, — подтвердила Лайл, — установлены его подлинные причины… — а сама так ласково поглядела на царевну, что стало ясно: пора перехватывать инициативу.

— Да, конечно, — кланяясь, перебила Оксоляна, — простите, Ангелоликая, что я вам сразу не сообщила о некоторых известных мне подробностях. По правде говоря, мне казалось, что они не слишком важны…

Ну, вот тут Оксоляне и пришлось выложить начистоту всё, что доселе столь успешно скрывала о своих уземфских шалостях. От чтения мыслей — скрыла, но ведь никак не скроешь от множества шпионов на местах. Не зря её заранее предупреждал банкир Карамуф.

Лимонно-жёлтые бальзамы приливали к щекам, когда Оксоляна повествовала о своих «милых забавах» в Гур-Гулузе.

Увы, она, как и многие из мертечих, одержима пагубными и предосудительными половыми страстями к… извините, живым телам. Она осознаёт весь стыд и срам своего порока, но не может ничего поделать: просто очень хочется. Желание нарастает где-то внизу живота, она, сколько может, сопротивляется, но иной раз,

находясь в особо изнеженном состоянии — она просто не может сопротивляться властной звериной силе, и тогда, не отдавая себе отчёта в последствиях своих деяний…

— Всё это очень интересно, но, пожалуйста, покороче, — попросила Ангелоликая.

— В общем, я там, в Гур-Гулузе спала с живыми наложниками, — выдохнула Оксоляна, покрываясь лимонными пятнами.

— И что? — усмехнулась Ангелоликая Мад. — Многие спят с живыми. Нас подобным не удивишь, не правда ли, красотка Лайл? — та прыснула.

— Но, дело в том, что всех тех наложников, с которыми сплю, я немножко э… убиваю, — идиотским извиняющимся тоном произнесла Оксоляна, а на лбу у неё выступила испарина.

— Убиваешь? Что ж, с кем не бывает… — широко улыбнулась Мад, а старшая сертра по септиме Лайл в точности скопировала её улыбку.

— Я… понимаю, что в эти моменты веду себя недостойно мертвеца, — царевну бросило в озноб, но не останавливаться же на середине признания, — просто, когда начинаю, то не могу остановиться. В начале надеешься утолить страсть малой кровью, и это почти удаётся, но нет, всё-таки нет, и вот тогда, чтобы достичь окончательного удовлетворения (вы понимаете?) поневоле приходится раздирать живые тела заготовленными крюками, выпускать наложникам кишки, после чего, глядя в стекленеющие глаза, наматывать, наматывать, наматывать… Ну, как-то так, — тяжело дыша, остановилась она.

— Очень страстно получилось, вы не находите, Ангелоликая? — потешаясь над оксоляниным сбившимся дыханием, вымолвила Лайл.

— Это всё, что хотелось добавить? — с добротой во взоре спросила Мад.

— Почти, — выдавила из себя Оксоляна. — Осталось только заметить, что при таком способе наслаждений в спальне скапливается много трупов наложников. От них идут запахи, раздражающие живую прислугу. Мухи собираются, облепляют тела. Надо их куда-то выносить, чтобы не дразнить непосвящённых, ведь правда?

— Правда-правда, — теряя интерес, проворчала Мад.

— И вот ради этой надобности мои люди прорыли секретный подземный ход. Всё бы ничего, но по невежеству — наткнулись на святилище картау. Думали, оно заброшенное, а оказалось иначе. В общем, трупы моих наложников под их святилищем привлекли нежелательное внимание. Картау осерчали, напали на мой дворец

в Гур-Гулузе… И потому я здесь.

Наступила пауза. Мад и Лайл переглянулись, потом поэтесса кивнула в знак подтверждения сказанного царевной.

— Что ж, твой поступок и впрямь предосудителен, — нахмурилась Мад, и для участниц наших боевых септим неприемлем. Знаешь, почему?

— Да, — с готовностью воскликнула Оксоляна, — я унизила и опорочила половой связью с живыми недостойными объектами светлый облик введённого в посмертие высшего существа…

— Немедленно брось эти бредни! Сказано же: твои шалости с наложниками никого, кроме тебя самой, не волнуют. А вот следы… — глаза Мад округлились, а зрачки уподобились колючим иглам… — следы надо вовремя заметать!

* * *

И снова на какое-то время о преобразовании септим в гексы Ангелоликая позабыла. Царевна страдала, ведь у неё так и не спросили мнения, кто в септиме лишний. Значит, всё-таки Мад ей не доверяет? Ещё бы: сведения из Уземфа не просто так получены — не без умысла. Её подозревали. И результат проверки неоднозначен. Вроде, шалости с наложниками страшным преступлением Ангелоликой не показались, но что, если она притворяется?

К тому же небрежение Оксоляны сокрытием следов, похоже, всерьёз разочаровало добрую Мад. О чём оно её говорит: о лени и тупости?

Между тем существование в подвальном лабиринте храма Вечнотраурной Смерти вошло в прежнюю колею. Снова учёба, снова периодические публичные службы, на которых участницам множества септим (покуда не гекс) предоставляется счастливая возможность увидеть друг друга — и даже поглядеть на смешных новичков в гостевых ложах.

Правда, друг друга в платьях, составляющих храмовую униформу, не особенно различишь, тем более, что и лица тоже сливаются в одно, будто ещё одна униформа большей глубины залегания.

Своих Осколяна ещё более менее различает: долговязую Бац, развязную Кси, карлицу Тупси, тупомордую Клементину, вечно озабоченную Данею и Рюх, котороая выглядит истинно как рюх, больше ни с чем не спутаешь. Но не оттого ли различает, что заранее знает их места в храмовом партере — все на одной скамье, с вырезанным на спинке знаком родной септимы? А

расположись они вразброс, поди, затруднилась бы отличить даже карлицу от полнорослой женщины.

Может, если бы у царевны были товарки из других септим, они бы тоже в единый образ не сливались. Да только нет у неё товарок из других септим. И взяться им, если честно, неоткуда — поскольку каждая септима обитает, учится и тренируется отдельно. Лишь в коридоре когда пересечёшься — но проходя по коридорам храмового подземелья, вечно куда-то спешишь, нет времени остановиться, чтобы невесть с кем точить лясы.

Гости храма — те на однородном фоне хорошо различимы. И лица различимы, и даже сути. Эта пришла в храм договориться, чтобы извести соперницу. Та — сугубо пожрать. А вторая справа в купеческой ложе вся в перепуге и надеждах — видать, попала в тяжёлую ситуацию с долгами, готова выпутаться любой ценой.

Оксоляне неизменно льстило, что гостевая ложа «для принцесс» от службы к службе пустовала. Хотя мало ли в мире земель? Оттуда могут явиться принцессы, с которыми беглой уземфской царевне вовсе не обязательно соперничать.

Не обязательно, а всё же обнадёживает, что их нет!

* * *

А потом Оксоляна подружилась с Лайл. Это вышло несложно, ведь как поэтессу она соотечественницу давно уважала, и даже могла к месту процитировать пару-тройку любимых двустиший. Последнее не могло не тронуть чувствительного к похвале сердца дочери визиря. К тому же, хотя в иерархии храма Вечнотраурной Смерти Лайл и стояла несколько выше (ибо прошла подготовку несколькими годами ранее), зато сейчас, вызванная из Уземфа, оказалась в храмовой школе совсем одна — без своего круга общения. С кем же ей теперь сблизиться, как не со своей же уземфкой! Да и приятно, наверное, почувствовать себя старшей подругой царевны.

Но что за выгода самой Оксоляне дружить с Лайл? Да прямая: с доносчицами всегда лучше быть в добрых отношениях — и тогда они представят тебя в более выгодном свете. Лишнего на тебя не скажут, а верное — пусть и не спрячут, но облекут в более мягкие выражения.

К тому же мнение высокопоставленной подруги может очень пригодиться в грустный момент отсева, ведь в каждой боевой гексе станет на одну участницу меньше, чем в сегодняшних боевых септимах.

В знак вечной дружбы Оксоляна и Лайл не смешивали

бальзамы из вен в винном кубке, как требовал устаревший сестринский обычай Уземфа. Нет — они обменялись именными «призрачными шкатулками», разумеется, предварительно пересадив свои тени. На шкатклке с душой Оксоляны теперь написано «Лейла», на шкатулке с душой Лайл — «Оксоляна, царевна Уземфа». Оксоляна бы ещё приписала «на добрую вечную память», да разве на призрачной-то шкатулке чего напишешь? Без виртуоза-некроманта, без специального начертательного ритуала — никак не выйдет.

Не откладывать же ради пустой надписи начало самой вечной памяти!

* * *

Суета ускоряет достижение совершенства, ибо приучает к постоянной готовности к действию без расхолаживающей оглядки на его смысл.

Не успели подзабыть о переформировании септим в гексы, а тут новая напасть — пираты. Вернее, не такая уж и новая: проклятия свободным капитанам с южных берегов моря Ксеркса звучали на каждой публичной службе. Особенно капитану Кьяру, который среди них самый злостный и меньше других уважает мертвецов.

Но, хоть проклятия и звучали, одно дело проклинать, а другое — реально вредить капитану Кьяру и всем его зарвавшимся головорезом. Так вот, Ангелоликая на очередной службе дала понять полному набору боевых септим, что время вредить уже пришло.

Царевна затруднилась бы сказать, что это заявление значило для других септим, но для её собственной оно намекало на первое серьёзное испытание.

Произнося ключевые слова «время пришло», грозная Мад смотрела поочерёдно в глаза Оксоляне, Бац, Рюх, Клементине, Данее, Кси, Тупси — и, казалось, дрожала от едва сдерживаемого гнева. От гнева на них, что они до сих пор не сделали дерзким пиратам ничего плохого?

Ангелоликая сперва говорила, потом кричала, заводя весь храмовый зал, а на платье её в такт громким звукам извивалась изумрудная брошь в форме насекомого — на сей раз это был воинственный богомол, изготовившийся к атаке.

— Мы должны всемером справиться с пиратами моря Ксеркса? — шепнула на ухо царевне насмерть перепуганная Бацилла. — Интересно, как она это представляет?

— Боюсь, Ангелоликая ждёт нашего плана, как это сделать, — сквозь застывшие в преданной улыбке зубы процедила в ответ Оксоляна.

— Нашего? — нервно хихикнула Бац. — Или всё-таки твоего?

И к сожалению, она права. Задача разработать план, как правило, предлагается первой ученице септы, а реализуют уже все сообща.

Но это же несправедливо! Я из Уземфа, а Уземф — царство пустынное, там нет моря! Что я, уземфская царевна, видевшая с детства одни лишь корабли пустыни, предложу против настоящих морских парусников?

Кажется, ясно, к чему это задание. К верному обезглавливанию септимы, вот к чему. Хотят, чтобы она не справилась. Хотят её заменить. За что, о Ангелоликая, за что?

* * *

К счастью, подходящий план у Ангелоликой всё-таки был. Ну, как подходящий — за неимением чего получше. И мало кому в септиме Оксоляны он приглянулся, ну разве только непутёвой Кси — уж она-то нечто подобное по крайней мере умеет.

— Вы шутите, Ангелоликая? — спросила Оксоляна, втайне всё-таки надеясь, что нет. Ибо если хитроумная Мад шутит, значит, план по изведению морских пиратов должна показать она, царевна пустынножителей. А нет у неё подобного плана. Ни с собою, ни на уме.

— Как хотите, — с недобрым прищуром произнесла Мад, — как хотите, но помните: час переформирования септимы в гексу не за горами. Кто изъявит желание отказаться от испытания, с той мы распрощаемся без малейшего сожаления!

И распрощается. И не пожалеет. Кто бы усомнился.

— Но… милая Мад… У нас просто не получится! — давясь не выпущенными наружу более жёсткими возражениями, проблеяла Бац.

— Получится, — пообещала госпожа, — как-никак, вы существа женского пола. Должно получиться.

— Но, простите, Ангелоликая, — торговка Данея, к немалому изумлению Оксоляны, усмотрела главную суть проблемы, — как быть, если на нас… просто не будет спроса?

— Не будет спроса? На участниц моей боевой септимы? — Мад откровенно издевалась. — На кого не найдётся спроса, ту мы более не задерживаем. Считаем, что в её возможностях исходно жестоко ошиблись.

— А я ненавижу мужчин, — обиженно протянула Клементина, — в особенности живых. Мама говорила, все они такие грубые волосатые животные…

— Мужчин придётся полюбить. По крайней мере, на время выполнения миссии. Как это сделать? Ну, похоже, в вашей септиме есть та, кто способна всех остальных научить.

Ошарашенные взгляды обратились к смущённой Кси.

— Я что, я попробую, — пробормотала дама лёгкого поведения.

* * *

Если бы не угроза вылететь из септимы в момент её ужимания до гексы, разве кого-то вдохновили уроки примитивной «ночной бабочки»? Но угроза вполне реальна, и вдохновиться пришлось.

Как они это делают, а? Ну как это у них получается, что фланируют по «кварталам гостеприимства» этакими размалёванными фифами, на которых и посмотреть противно, а любители всё-таки находятся? Уроки эузской подстилки царевне Оксоляне явно не шли впрок.

А ну ещё раз. Побольше румян поверх белил — может, поможет?

Увы. Царевна смотрелась в зеркало и видела там кого угодно, но только не похотливую завлекательницу мужских сердец. Осанка — это она выдаёт! Сгорбиться, что ли? Нет, слишком карикатурно. А глаза — в них ни искры животной похоти. Откуда же возгореться пламени?

Я сама их не хочу. В этом-то всё и дело.

Да где ж его взять-то, пламя желания к кому попало?

Может, стоит своих наложников повспоминать в соблазнительных позах — авось поможет? Не помогало. Кишки, намотанные на кулак в порыве страсти — в те высокие минуты возбуждало, теперь же не трогает. И, по правде говоря, жаль бездарно потраченной собственности!

Эх, если б уметь остановиться до момента, когда загнанный тобою наложник падёт, влекомый лютой погибелью — тогда б его можно было использовать снова, и снова, и снова. Вышибить из седла, и снова оседлать, и по-новой заездить, и крючьями, крючьями… Нет, что-то сейчас не возбуждает. Одна скучная злость, злость-раздражение, без грана азарта.

Так, надо посмотреть себе в глаза, и трижды повторить: «Я — дама лёгкого поведения! Я — дама лёгкого поведения! Я — дама

лёг…» — Тьфу, чтоб мне сдохнуть: насчёт дамы верю, а с лёгкостью поведения лютая заминка. Это лёгкое поведение, словно баржу неподъёмную тянешь волоком по руслу пересохшей реки! Озабоченное — да! Но никак не лёгкое.

Только откуда взять нужную лёгкость, если наутро тебя придёт проверять сама Ангелоликая? И в глаза заглянет, и речь послушает, и стан обнажит, и походку оценит. Не должно быть в походке царского достоинства! Вот только как его оттдудова убрать, если даже саму осанку не удалось мало-мальски приблизить к простым людям?

В каждом жесте — дистанция. В каждом слове — преимущество над собеседником. И даже диалектные говоры — и те мерзейшим образом облагораживаются, когда пытаешься ими себя намеренно унизить.

Ух, подлая царевнина кровь — достанется тебе заместо уземфского наследства отбраковочная яма без опознавательной таблички. Соберись!

Снова: «Я — дама лёгкого»… Эх, ну ни чуточки не легко!

Когда царевне казалось, что у неё уже немного получается, она звала потаскуху Кси, требуя экспертного заключения. Благо, кельи участниц септы находились рядом, в одном коридоре, защищённом извне решётками.

Кси приходила по первому зову (это других она заставляла себя долго ждать, а первую ученицу, да ещё царевну — как не уважить?). А вот оценками — ну совсем не радовала.

Оксоляна и сама понимала, что её потуги — ну очень натужны, что поведение не легчает, что даже моральная беззаботность и распущенность становится почему-то предметом предварительного рассуждения.

— А ну-ка, царевна, покажите упражнение перед зеркалом! — не то просила, не то командовала эузская подстилка.

Оксоляна давила в себе проявления гонора и слушалась:

— «Я — дама лёгкого поведения!»…

— Стоп! — изумлённая Кси внимательно смотрит в глаза царевны. — Я разве такие слова предлагала повторять?

— А какие? — Оксоляна чувствует себя корова коровой.

— Ну точно уж не про какую-то «даму»! — издаёт сучка смешок. — Там и всего-то два слова в тексте: «Я — шлюха!».

Ах, да, вспоминает Оксоляна. В самом деле — запуталась в терминологии. Конечно же, просто шлюха. Вот как бы только подобное о себе любимой произнести?

Оксоляна пробует, и у неё неожиданно получается. Один раз, второй.

— Я — шлюха! — с вызовом говорит прямо себе в лицо. И

верит, улыбаясь зеркалу.

— Вот-вот! — подружка Кси тоже ею довольна. Скоро возьмёт в собственную компанию. Цеплять шпану из подворотен Шкмо.

Не важно! Главное — лёд тронулся. Теперь она легко сумеет превратиться в то самое, о чём говорит.

Какое милое слово: «шлюха». Оксоляна попробовала, как оно нежно перекатывается на языке — и осталась очень собой довольно.

Дело за малым — удовлетворить и Ангелоликую во время утренней инспекции.

* * *

Инспекция прошла удовлетворительно. Мад Ольгерд хоть и морщилась, глядя на потуги учениц сойти за всамделишных портовых шлюх, но аттестовала каждую. Предварительно аттестовала.

— Выглядите терпимо, — уделила чуток похвалы, — развязность в манерах появляется — это хорошо. Следующий шаг — испытание в действии. Да… Подготовьтесь: через час выезжаем.

— Что, уже сразу в порт Саламина? — отрывисто спросила Оксоляна, пытаясь выдать нарастающий ужас и замешательство за боевое нетерпение.

На самом деле надеялась, что «не сразу». И, надо же, угадала.

— В Саламин поедет Лайл, — сказала Мад Ольгерд специально для царевны, так как другие с уземфской поэтессой знакомства не водили.

— Одна, вместо нас? — Оксоляна и обрадовалась, и тут же обиделась, но то и другое напрасно. Ангелоликая пояснила:

— У неё есть некоторый опыт содержания борделей, понятно? Ваше появление в Саламине надо ещё подготовить. А вот главная миссия — за вами.

— А куда же теперь едем мы? — уточнила въедливая Бац.

— В мой личный замок для наслаждений, — усмехнулась Ангелоликая, — тренироваться.

Оксоляна даже захлебнулась от нахлынувшей нежности. Как, неизменно скрытная Мад покажет их септиме своё интимное гнёздышко? Таким знаком доверия впору гордиться! Гордиться сильнее, чем даже происхождением из рода покуда живых уземфских царей. Спасибо, Мад!

— Обещаю, мы с честью покажем себя на тренировке! — с чувством воскликнула она. И нарвалась на отповедь:

— Хорошо-хорошо. Только лучше без чести. Излишняя вещь при исполнении той роли, которую вам всем предстоит сыграть.

* * *

Замок Окс-в-Дроне. Добираться к нему пришлось кружным путём — судя по разговорам в дороге, с самим Дроном что-то случилось. Ангелоликая с двумя неотличимыми от неё двойниками-телохранительницами везда септиму в своём наглухо закрытом от мира экипаже, но звуки-то извне долетали. В них было много горечи по погибшему Дрону, много злости на некоего рыцаря Дрю.

Рыцарь Дрю погубил город в одиночку? Что ж, почему тогда им всемером не справиться с пиратством в море Ксеркса?

Что ещё говорили? Пропасти. Там, вокруг Дрона — одни пропасти. Хорошо, хоть замок Окс-в-Дроне находится намного южнее. Иначе практическое занятие, задуманное Мад, пришлось бы проводить в обстановке куда менее уютной.

Экипаж прогрохотал по подъёмному мосту, заскрежетала решётка.

Палец госпожи в изысканном кранглийском перстне поманил царевну из общего отделения экипажа за непроницаемую для взоров и ушей перегородку. Оксоляна подобострастно поспешила на зов.

— Здесь меня знают как Клеопатрикс, — Ангелоликая произнесла это доверительно, точно видела в Оксоляне сообщницу в предстоящей весёлой проделке.

— Я запомню, Клеопатрикс, — пообещала начальница септимы. — И другим передам.

— Другим не надо, — со значением произнесла Мад. — Другие должны просто молчать.

— Молчать — и всё?

— Ну, и, конечно, делать, что мы скажем.

* * *

— Е-еду-у-ут! — прокатился по замковому двору радостный клич. — Госпожа Клеопатрикс, какое счастье!

Дверца экипажа распахнулась, первыми в неё выскочили телохранительницы, за ними степенно спустилась Ангелоликая, поманила за собой Оксоляну — и под руку с нею вступила на разворачиваемую слугами на ходу чёрно-красную ковровую

дорожку. Вслед за ними из экипажа высыпала остальная септима, но на дорожку более никто вступить не решился.

Мудро, мысленно похвалила царевна их нерешительность.

— Госпожа Клеопатрикс, мы вас так ждали, так ждали! — откуда-то сбоку от Оксоляны вынырнул мажордом, в ноги поклонился хозяйке, заливаясь — неужели слезами?

— Как вам мои слуги, дорогая, — Мад заговорщически толкнула царевну локтем, — не правда ли хороши?

— Они ведут себя как живые, — пролепетала Оксоляна, — неужели?..

— Разумеется, нет, — Ангелоликая хихикнула, — замок Окс-в-Дроне находится теперь глубоко в Запорожье. Впрочем, как и Окс-в-Кляме, где вы, возможно, бывали у цанцкой своей подруги Лулу Марципарины, — она внимательно поглядела в оксолянины глаза, но не прочла там ожидаемого и продолжила. — В общем, слуги — мертвее не бывает. Просто они притворяются живыми, поскольку знают, что это доставит мне удовольствие. Не правда ли, мой Личардо?

— Точно так! — поклонился мажордом, — всегда рады доставить удовольствие вам, госпожа Клеопатрикс, и вашей гостье, госпоже… э…

— Оксоляне, — милостиво разрешила его затруднение Мад, — наследной царевне земли Уземф. Обращайтесь с ней соответственно.

— Слушаюсь! — возопил Личардо.

Дальше в суетне и толкотне, похожей на поведение живых слуг, Оксоляну и остальную септиму размещали в комнатах дворца. Отдавая распоряжения множеству горничных и слуг, Личардо не забывал жаловаться госпоже на тяжёлые времена.

— А как переволновались мы, как переволновались! Сколько земли под землю ушло вместе с городом Дроном, страшно себе представить! Изволите ли верить, госпожа Клеопатрикс, это не иначе, воля самого Владыки Смерти спасла наш бедный Окс, ведь жуткие пропасти начинаются от нас ну совсем-совсем близко… — кажется, мажордом основательно переборщил, прикидываясь живым и непосредственным, но Мад его не останавливала. Может, ей нравился искусственный отблеск животного страха в его мёртвых глазах? Или царевна чего-то не поняла…

Ну, зато уразумела главное. Заглянув в отведенную ей комнату, а также в соседние комнаты, где остановились Бац, Рюх, Клементина и так далее, царевна увидела только двуспальные кровати, а кроме кроватей там ничего и не было. Ясно, что предназначение комнат — не сон, а испытание определённого рода.

Хоть отдохнуть бы сперва с дороги, затравленно подумалось Оксоляне, только бы не всё сразу… И тут же она испугалась, не пропустила ли команду что-то начинать. Прислушалась:

— Да уж, Дрю мерзопакостен, Дрю нехорош, — отвечала мажордому добродушная госпожа, — я всегда говорила, что посланники Смерти ненадёжны. Пусть помянут мои давние предостережения…

Но не учпела Оксоляна успокоиться, как Ангелоликая резко оборвала беседу, движением руки куда-то услала подобострастного Личардо. Тот исчез, но лишь затем, чтобы поспешно вернуться с другой стороны, уже без ноющей боли на лице, зато с гордо выпяченным пузом.

— Любовники доставлены, госпожа Клеопатрикс, — поклонился мажордом. — Как вы и говорили, в большем количестве, чем обычно…

— Это разумно, потому что я не одна, — милостиво кивнула Мад. — Что ж, пусть введут.

Мажордом распорядился, и в распахнутые двери зала стражники стали вволакивать за шипастые ошейники живых крестьянских парней. Ну, вернее сказать, едва живых. Они почти не сопротивлялись, и смотрели вокруг такими мутными глазами, что толком и не понять, чувствуют ли они боль от вонзающихся в шею шипов, или вообще уже ничего не чувствуют.

— Лежалый товар, — заметила Мад.

— Перекупщик сказал, только вчера пойманы, — извиняющимся тоном промямлил мажордом. — Правда, ещё с недельку-другую ушло на доставку в замок. Прямой маршрут через Большую тропу мёртвых сейчас не действует — уж простите, госпожа.

— Материал вяловат, — признала Ангелоликая, обернувшись уже к боевой септиме, — да у нас в Запорожье вполне свежего и не добудешь. Но особенности физиологии живых тел вы худо-бедно прочувствуете. Выбирайте, уединяйтесь, пробуйте.

* * *

С одурманенными живыми людьми в латаных крестьянских блузах участницам боевой септимы придётся учиться женственности. Без иронии даже не произнесёшь. Что ж, Оксоляна выбрала себе парня немного почище прочих — придётся ведь прислонять к собственному телу, а до запачканного селюка даже перстом без отвращения не притронешься.

Конечно, когда-нибудь придётся поработать и над

отвращением подобного рода, но ведь не с этого же начинать.

Более-менее чистого паренька царевна за ошейник увела к себе в комнату, стала раздевать и тут обнаружила, что любовничек-то завшивленный. И такое омерзение к нему поднялось, что впору обменять, но как же его заменишь, когда в зале госпожа Клеопатрикс и мажордом — точат лясы о постигших Дрон бедствиях, но на самом-то деле следят, замечают.

Разбаловали уземфскую царевну элитные наложники её земли — щистые, умащённые восточными благовониями, услужливые.

Селюк лежал бревно бревном и Оксоляной не интересовался. Небось, думал о жалкой своей участи после замковых ночей страсти (если умел и мог, конечно, хоть о чём-то думать, тупое одурманенное животное).

Да что о ней, участи, думать? Разве и так не ясно, что обратно через Порог Смерти никто его не повезёт? Надо было не попадаться, а сейчас — поздно. Только и осталось в жалкой крестьянской жизнёнке, что несколько мигов неземного наслаждения в объятиях Оксоляны. Так используй, скотина!

Нет же, крестьянский сын был по-прежнему туп и безучастен к мёртвым уземфским прелестям. Нет, конечно же, Оксоляна довела горе-любовничка до разрядки, да и не раз — помогло её длительное знакомство с физиологическими особенностями мужчин — но ведь это совсем не то, чему стремилась их обучить Ангелоликая!

Участницы септимы должны уметь завлекать, а не давать утоление. Без того, чтобы завлечь пиратское отребье, намеченного плана миссии в Саламине никак не выполнишь!

Намучившись с любовником, Оксоляна от избытка усердия взяла второго, но и тот оказался не лучше. Только и успеха, что не лежал бревном, а прелести её лапал. А в остальном — то же самое.

В общем, знакомство с физиологией живых мужчин в этот раз явно не задалось. Мужское естество, как выяснилось, имеет то отличительное свойство, что оно подтверждает, или не подтверждает силу и притягательность твоих прелестей. Так вот, когда не подтверждает — от стыда впору пойти провалиться в пропасти нижнего мира. Благо, распахнуты они где-то здесь, в Дроне, неподалёку.

* * *

К полуночи своё естествоиспытание завершили все участницы

септимы. Редко кто из них при этом светился от радости, причём эта редкость вышла из числа тех, которые не встречаются вообще.

Лучше других испытание вынесла подружка Кси. Ей, как-никак, не впервой, к селюкам уже попривыкла. Хотя в Шкмо они и мёртвые, но… Собачья работа — по-иному и не скажешь!

Оксоляна чувствовала благодарность к Ангелоликой, что та не подглядывала в испытательные альковы. Такое доверие льстило, хотя и вынуждало брать ответственность на себя.

К прибытию в Саламин всей семёрке придётся стать не просто настоящими жрицами любви, но и способными затмить остальных портовых шлюх. Как обрести такую способность — их дело. Крестьянские парни в замке Окс, конечно, чем могли, помогли, но могли-то — очень немногое.

— Уездились? — с теплотой, отличающей образ «доброй тётушки», спросила Мад.

Умеет же найти подход! Доброе слово пришлось вовремя и, как всегда, открыло ей исстрадавшиеся сердца учениц.

Ой, уездились, ой, умаялись, ой, что за чурбаны неловкие эти сельские парни, уж лучше, наверное, упражняться с конём или уземфским верблюдом, чем с этакими увальнями.

— Конь и верблюд — это дело! — искренне рассмеялась Ангелоликая. — Обязательно попробуйте. Жаль только, в Саламине вам встретятся не кони и не верблюды, а всё те же крестьянские парни, разве что более привычные к качке. Укачаем этих морских сволочей?

— Укачаем, укачаем! — раздались азартные возгласы.

Будто и не переживали только что позора наедине с мужской неподъёмной плотью.

Потом угомонившихся Бац, Рюх, Тупси, Кси, Данею и Клементильду слуги запертли на ночь прямо в испытательных комнатах, а Оксоляну — на правах старшей в боевой септиме — Ангелоликая пригласила посетить свой заветный «подвал вожделения», тайный ход в который открывался из-за ширмы в парадной спальне «госожи Клеопатрикс».

Проследовав узким коридорчиком в подвал, Оксоляна и Клеопатрикс вышли в другую спальню — не парадного, а куда более фривольного вида.

Широченная постель, окружённая столами с блестящими в алом свете магитческих канделябров пыточными приспособлениями завлекающее отражалась в огромном цельном потолочном зеркале — Оксоляна давно хотела такое завести, но в Уземфе такие не делают, а в Гур-Гулуз и подавно не доставишь без того, чтобы возбудить пересуды.

Клещи, кинжалы, смирительные манжеты — знакомые

принадлежности. На стене — крюки, на которых так удобно развешивать художественные композиции из внутренностей любовника.

Оксоляна с нежностью погладила ладонью ближний к ней крюк.

— Узнаёшь? — озорно хохотнула Клеопатрикс.

Как не узнать? Крюки выкованы в Уземфе, с клеймами лучших мастеров, обслуживавших дворец в Гур-Гулузе.

Ангелоликая бережно сохранила каждое средство наслаждения, найденное её людьми на пепелище царевниного оазиса и перенесла сюда.

Но зачем?

— Я хочу видеть! — хрипло молвила Клеопатрикс. — Видеть, как это работает. С крюками я до сих пор не понимаю… — она горестно развела руками. Но зато в остальном — искренне поддерживаю!

— Вы меня поддерживаете? — пролепетала царевна, недопонимая. — Простите, Клеопатрикс, но в чём именно?

— Ну как же… Скачка на живом, но уже издыхающем теле… Или чтобы вспарывать животы зазубренным кинжалом, да так, чтобы пар от кишок!.. — Ангелоликая мечтательно облизнулась. — Поверь, дорогая, не тебя одну всё это заводит!.. А вот с крюками не понимаю. Умоляю, покажи мне наконец, как это работает!

К щекам Оксоляны прилил лимонный бальзам.

— Конечно, Клеопатрикс, я всё вам покажу, всё что умею… — и на какой-то миг царевне показалось, что постыдное приключение с крестьянами в замке Окс-в-Дроне наконец-то обернётся триумфом. Она отыграется!

— Тогда я велю Личардо заготовить материал.

Неужели правда? Сердце царевны забилось чаще.

Уж для собственного-то алькова Мад наверняка доставила лучших наложников, обученных в Уземфе или Карамце, а не жалкий материал, отбракованный природой на замызганных крестьянских дворах. С такими племенными жеребцами — и Оксоляна себя покажет.

А может, царевна даже всхлипнула от желания, Личардо сейчас приведёт Хафиза? А что, Ангелоликая ведь многое про неё знает. Наверное, запомнила и имя наложника, который избежал своей участи в Гур-Гулузе. Знаменательно бы было, если бы интересный фокус с развешиванием кишок на крючьях Оксоляне пришлось показать именно на нём.

Вышло бы достойной точкой сегодняшнего вечера…

Увы, чуда не произошло. В соседней стене с той, куда были

вбиты уземфские крючья, открылся проход, и верный Личардо, пыхтя, втащил за ошейники пару не подающих признаков жизни крестьянских тел. Каким тошнотворным диссонансом они смотрелись в столь богато убранной тайной опочивальне!

Неужели Ангелоликая сама этого не чувствует?

Но Клеопратрис не остановила Личардо, пока тот не перетаскал сюда всех крестьян, свежепопользованных участницами септимы.

А потом Ангелоликая лучащимся страстью взором уставилась на эту едва шевелящуюся груду тел, сваленную в угол секретной спальни, горячо сжала холодную оксолянину ладонь и, сглотнув слюну, скомандовала:

— Здесь все четырнадцать. Начинай!

Глава 13. Знаки гарпии. Осуждающий взгляд

…У подножия горы паслась гарна. Она грациозно ступала на сочный зеленый ковер своими копытами и поднимала к небу круглые коричневые глаза. Длинные спирально закрученные рога ловили блики солнца, скатывающегося за пик горы. На самой вершине — Гармо Пике — сидела гарпия со сложенными за спиной птичьими крыльями и разглядывала в зеркальце свое словно восковое, с удивительно тонкой девичьей кожей, лицо. В другой руке гарпия держала гарпун. Казалось, еще мгновение, и она метнет его в гарну, уже поднимающуюся по склону…

Гарпия с гарпуном на Гармо пике охотилась на гарну.

Стелла Странник. «Гармония из античного родника».

Бабушка и внук. Тихо вместе сидят за столом, пьют яральский высокогорный чай, вспоминают о прошлом. Славная идиллия, если поглядеть со стороны. А вот в душах бушуют тревоги.

— Как это было? — спросил Бларобатар и пояснил. — Я про смерть Живого Императора.

— Вот так и было, — вздохнула провидица Бланш, — я предсказала его гибель и сама в неё не поверила. Глупо?

Внук погладил старческую ладонь:

— Вовсе не глупо. Ты ведь пыталась его гибель предотвратить.

— Не совсем так. Я пыталась придумать, как это сделать. Я так и не придумала, но уверила себя, что мысли мои на правильном пути.

Сказала и усмехнулась иронически. Слишком уж много слов «я» — о себе никак не забудешь, хотя в почтенном возрасте пора бы больше думать о других. А ещё — чересчур явное саообвинение. Не ради того ли, чтобы внук оправдал?

— Не стану тебя оправдывать, — кто, как не Бларобатар, знает бабушку, как облупленную? — но мне важно знать, как ты получила печальную новость.

— Прочитала, — пояснила Бланш, — по глазам Гатаматар.

Внук знает, что произошедшие события, которых не изменить, прочитываются ею по драконьим глазам с предельной убийственной чёткостью. Он не спросит, уверена ли она. Конечно, уверена.

За месяц до смерти Драеладра Бланш глядела в глаза ему

самому. В них стояла смертная тень, но такая зыбкая, невесомая, дунешь — и развеется. Лёгкое недомагание — даже оно могло дать подобную тень, если имелась какая-то вероятность печального исхода.

И причина тени была ясна. «Лунный Пламень», потерянный драконами и найденный мертвецами. Стоило его вернуть…

Смешно, но в момент смерти Живого Императора камень находился уже на пути к возвращению.

— Камень был у Дрю, — к месту напомнил Бларп. Ему не впервой читать мысли родной бабушки.

Помолчали. Оба подумали об одном. Стоило этот камень вовремя передать в Небесный ярус, и смерти Драеладра удалось бы избежать.

Да, так и есть, в присутствии камня, который является Главной Костью Вселенной, всё мало-мальски жизнеспособное продолжает свой путь.

— Камень — не главная причина, ведь правда?

Бланш молча кивнула. Камень — ресурс, камень — жизненная энергия. Но ресурс и энергия — лишь вспомогательная причина для того, чтобы живому жить. Иногда — последняя причина, позволяющая притормозить явление смертной тени. Но чаще — лишнее дополнение к тому, что прекрасно живо и так. Живое выживет и в недостатке ресурса.

— Уповать на камень можно лишь как на последнюю надежду, ведь так? Он необходим, когда что-то более главное…

— …уже пропало, — закончила Бланш.

Но что, что пропало у Драеладра перед тем, как он стал уязвимым к утрате камня? Наверное, что-то такое, что использовало этот камень.

Что-то внутреннее. Небесное. Драконье.

Что-то, что по глазам дракона так просто не прочитаешь.

* * *

Наша вера в камень Драеладра не спасла. Напротив, пока многие здравые силы занимались поиском «Лунного Пламеня», белый дракон взял да и умер. В одиночестве, если не считать кучки случайных охотников.

Верил ли сам Живой Император в то, что всё дело в камне? Вспоминая выражение его глаз (не содержание, а именно выражение), Бланш готова усомниться. Драеладр был истинно мудр, идолам не поклонялся.

И если в мудрости своей не переориентировал хотя бы

Бларпа на более верное направление, значит — попросту сам не видел истинных ориентиров.

Надеялся на Бланш — о, она помнит искру надежды в его глазах, подёрнутых вуалью приближающейся смерти, — верил, что ей подвластно углядеть большее, чем местоположение камня, линии внешних угроз, узлы ключевых событий.

Но не много ли он ждал от провидицы-самоучки?

Оценив угрозы, она поступила по-своему разумно: попросила Драеладра отнести её в то далёкое святилище, где месяц спустя и застала её дурная весть. В святилище старая Бланш не прохлаждалась, а пыталась что-то изменить путём долгих задушевных бесед с драеладровым именем.

Открылось ли ей что-то в этих беседах? Как сказать. Если и да, то она не запомнила. Холодно было в святилище, ужасно холодно. В таком окоченении, до которого она дошла к моменту встречи с Гатаматар, и собственный запрос понимать перестанешь, не говоря уже об ответах.

* * *

— Если не камень, то что ж это может быть? — внук очень похож на Бланш. От однажды затронутой мысли он не отступится, пока не додумает до конца. Будет заходить в тупики, ворзвращаться, странствовать по замкнутым цепям умозаключений всякого порочного круга, но рано или поздно придёт к разгадке. Ну, если не вмешается внешняя сила.

Что ж, на правах дружественной внешней силы Бланш рада освободить внука от ближней цепочки бесплодных умствований. Спросила:

— Что слышно о Гатаматар, о Старейшинах?

— Гатаматар собирает Совет Старейшин, — произнёс Бларп без энтузиазма. Не надо быть провидицей, чтобы понять, от этого Совета внук не ждёт ничего доброго, светлого, путного.

— И чем это грозит?

Бларобатар долго собирался с мыслями. Вот был бы он драконом в полном смысле слова, Бланш не стала бы ждать, пока он соберётся, а только взглянула в глаза — и увидела бы точную расстановку сил. Но глаза у внука человеческие, как, впрочем, и всё тело. Потому пришлось ждать.

— По всему, назревает смена династии, — сказал Эйуой медленно, зато веско. — Рооретрал уже сейчас претендует на место Драеладра, Горпогурф и Ореолор тоже не отстают.

— Отстанут, — возразила Бланш, — эти два клана

Рооретралу не соперники.

Весь вопрос, на каких условиях отстанут. Либо договорятся полюбовно, к общей выгоде, либо вступят в конфликт и будут побеждены.

В обоих случаях место Драеладра займёт Рооретрал…

— …а Рооретрал — это «злобный хохот», — внук без труда закончил пойманную на лету невысказанную мысль.

Да. Именно так переводится имя главы этого клана со стародраконьего на человеческий.

— А наш клан? Что будет делать он? — Бланш и Бларобатар, как и все другие драконы в человечьем обличии, принадлежали к клану Драеладра.

— Мы переживаем не лучшие времена, ты знаешь, — вздохнул Бларп Эйуой, — противостоять поползновениям Рооретрала надо бы, но нет ни сил, ни оснований. Если Драеладр не оставил наследника, чем мы можем возразить? Драконьи древние празаконы святы.

— И всё же одна идея на сей счёт у тебя есть, — заметила чуткая Бланш.

— Ты права. Речь не о решении, но хотя бы об отсрочке, — Бларобатар поглядел на бабушку с беспокойством, по которому легко догадаться: его идея отсрочки морально не безупречна.

— Отсрочка? Скажи яснее, зачем она нам нужна.

Бларп Эйуой набрал полную грудь небесного воздуха и начал:

— Отсрочка нужна, чтобы не допустить Рооретрала к власти раньше времени. Ведь если он займёт место Драеладра — без боя уже не отпустит. Не правда ли, бабушка? — Бланш кивнула. — Ну, а за время отсрочки в чахнущем роду Драеладра может и наследник родиться. По-моему, это здраво.

— Здраво-то здраво, но что же, по-твоему, дорогой внук, сможет обеспечить такую отсрочку? — насторожилась провидица.

— Твоё предсказание, ба! — беззаботно ответил Бларп.

* * *

Да уж, морально небезупречное предложение внук произнёс таким естественным тоном, который делает честь его артистическим способностям.

— То есть, мой клан ожидает от меня ложного предсказания? — спросила провидица.

— Ну зачем же клан? Я ожидаю, — возразил Бларобатар, — ибо клан, по правде говоря, смирился. Он почти полностью деморализован. А что до ложного предсказания — я назвал бы его

поспешным. Наверняка в клане Драеладра кто-то когда-то родится. Но если не поспешить, власть над всем Небесным ярусом достанется Рооретралу, а ему доверять власть — ну никак не следует! Или ты сомневаешься в моей оценке?

Увы, Бланш не сомневалась.

Что ж, верно внучок очень повзрослел, раз обратился к своей бабушке, известной своей правдивостью, с подобным скользким предложением. Знал ведь, что она должна ему на это сказать, и всё-таки обратился.

— Обратился, поскольку другого пути не вижу, — пожал плечом Бларп.

Видит ли другой путь сама Бланш? Нет, не видит она пути. Никакого.

— Я так понимаю, ты ждёшь моего решения? — провидица и так понимала, что всё правильно понимает. Но Бларобатар из вежливости кивнул. Бабушка нуждается во времени на размышление, но не хочет оставлять пауз, стремится их заполнить — отчего бы не подыграть.

— Не самая честная игра… — вздохнула Бланш.

— Я знаю.

— И ложь не спишешь на «преждевременность». Она всё-таки ложь.

— Согласен.

— За ложь, пусть она и во благо, мне придётся ответить. Не знаю, где и когда, но придётся.

— Не сомневаюсь, — вздохнул Бларобатар.

— Поэтому, — закончила Бланш, — нужно получше продумать легенду. Чтобы моя ложь была по крайней мере не напрасна.

* * *

Бларобатар — он вообще большой умница — без труда придумал способ, как сделать обман провидицы действенным и нераскрываемым.

Поскольку предсказание о наследнике Драеладра Бланш не могла получить иначе, чем в миг гадания по глазам дракона, Бларпу оставалось прислать к ней дракона. Не какого-нибудь малозначительного, а такого, тайное содержание глаз которого будет иметь вес.

— Я думал об этом, — признался внук, — Яндротар подойдёт?

— Подойдёт, — согласилась Бланш, — у него достаточно

сильное имя! Но не заподозрит ли он неладного, когда ты пригласишь его посетить моё скромное небо?

— Яндротар мой друг, — ответил Бларобатар. — Он не будет лишнего спрашивать. А когда предсказание состоится, сам кому надо обо всём расскажет. У него есть сестра, известная крайней болтливостью, а у неё подруги — за сутки раззвонят по всем главным небесным островам. Рооретрал даже при большом желании опровергнуть слух — ничего не успеет.

Оставалось порадоваться предусмотрительности внука. В самом деле, о предсказании должна рассказывать миру не сама провидица и не ближняя Драеладрова родня — их первыми заподозрят.

— Теперь о содержании предсказания. Кто родит наследника?

— Лулу Марципарина Бианка, — не моргнув, отвечал Бларп.

— Серьёзно? — Бланш чуть не перевернула пиалу с остывшим чаем. — Да кто же в это поверит?

— Другие драконицы рода Драеладра все на виду, — развёл руками Бларп — уж их-то от посторонних глаз никак не спрячешь. А Бяша… Она и живёт в Ярале, среди людей, и драконы её не очень знают…

— Но ты ожидаешь, что именно она снесёт яйцо! Ой, Бларп, в подобное чудо я первая не поверю.

— Если на то пошло, — вздохнул Бларобатар, — скорее всего никто не снесёт ожидаемое яйцо. Но, думаю, нужно дать Драеладру шанс.

Бланш не сразу смекнула, о котором Драеладре её внук говорит. Но в ходе дальнейшего разговора прояснила — конечно, не о том, который умер. Внук хочет дать шанс новому Драеладру. Шанс родиться.

— И не только ему, — поправил Бларобатар. — Я хотел бы дать шанс и Марципарине. Шанс родить.

Интересный способ предоставления шансов, ничего не скажешь. Но Бланш оставалось лишь сдаться: всё-таки Бларп Эйуой сам живёт в Ярале, он знает людей этого города, чего о провидице никак не скажешь — при её-то отшельническом образе жизни.

— Марципарину переведём жить из гостевого флигеля в центральное здание дворца Драеладра, — развивал мысль Бларобатар. — Это будет разумно и справедливо — в отношении будущей-то матери наследника.

Бланш соглашалась: да, все детали должны быть продуманы и соблюдены. Только тогда в её ложь поверят. Правда, как водится, ненадолго.

Когда её ложь раскроется…

А впрочем, при владычестве Рооретрала будет уже глубого всё равно, солгала она в каком-то своём предсказании, или просто так Рооретралу не нравится. А не нравится уже потому, что глава этого клана вообще не признаёт отношений между людьми и драконами.

Всяких отношений. Наотрез не признаёт.

Стало быть, никогда не признает ни саму Бланш, ни Бларпа Эйуоя, ни Лулу Марципарину Бианку — роженицу дракона.

Ну, а раз так, провидица засмеялась дребезжащим старческим смехом, пусть себе лютует, но потом, а не сейчас! Моя милая безнадёжная ложь — это тебе, Рооретрал, размашистая пощёчина.

* * *

Бланш уже провожала внука к воздушному замку, зависшему над её заснеженным небесным островом, когда он, о чём-то спохватившись, замедлил шаг.

— Что-то не так в нашей истории? — заподозрила Бланш. — Или Яндротар ко мне прилететь не сможет?

— Нет, история-то прекрасна, — не без тщеславия произнёс Бларп, — и я немедленно же прибуду к Яндротару в Бегон, чтобы послать его к тебе за предсказанием… Договор наш в силе, я только подумал… — он схватился за верёвочную лестницу, но не спешил подтягиваться, а вместо того подыскивал слова. Однако слова, будто верёвку, сносило ветром.

— О чём подумал?

— О старом Драеладре. О том, почему без волшебного камня ему не удалось выжить. Другие-то драконы живут, и намного дольше.

Что ж, если вспомнить Гатаматар, то и во много раз.

— И что же ты надумал?

— Странно, — признался Бларп Эйуой, — во всех человеческих легендах о Драеладре роль Рунного камня (или жемчужины «Лунный Пламень») была неизменно центральной. Иной раз можно подумать, что сам первый Драеладр был рождён от «Лунного Пламеня», настолько этот предмет важен. Без этого камня (вот уж точно) не состоялись бы отношения человека с драконом. Да и нас с тобой, ба — драконов человеческого облика — не было бы…

— К чему ты ведёшь?

— Если бы знать-то… Но во всём сюжете о первом Драеладре я не вижу ничего, что служило бы целью при столь совершенном

волшебном средстве. Жемчужина она, или камень, но «Лунный Пламень» самодостаточен…

— Это одна из Костей Вселенной, — напомнила Бланш, и не потому, что думала, будто он не в курсе, просто надеялась чуть ускорить процесс.

— Да-да, Кость Вселенной, — рассеянно повторил Бларобатар, — однако, я о другом. О человеке, о драконе. О том, для чего им они нужны, эти кости. В главном цикле легенд о Драеладре ответа нет. Если же подобный ответ поискать, то единственным источником может служить повествование о детях Ашогеорна — того драконоборца родом из Гуцегу…

— …который победил «нулевого», не просветлённого Драеладра и принял участие в воспитании Драеладра «первого», — терпеливо закончила Бланш. — Скажи, внук, ты прямо здесь и сейчас собираешься меня знакомить со всем сводом легенд об этом великом герое, или подберёшь более подходящее место и время? — верёвочная лестница в ладони Бларпа билась под порывами ветра, тщетно пытаясь о себе напомнить.

Но если Бларпу чего втемяшится…

— Весь свод легенд я поднимать не буду, — серьёзно сказал он, — меня сейчас интересуют предания о детях Ашогеорна. Именно о них. Помнишь ли ты его детей, ба?

— Ещё бы не помнить: Глелдав, Двавр, Кешла, Керокегер и Шувшер, — нараспев произнесла Бланш.

И то верно, кто же не знает ашогеорновых детей?

— Кешла, — сказал Эйуой, будто выбрал из списка. — О ней есть прелюбопытнейший сюжетец, встреченный мною в Адовадаи. Называется «Битва с гарпией». Не слышала, ба?

— Нет, — покачала головой Бланш, — не слышала.

— Ну так слушай, — молвил Бларп и отпустил верёвочную лестницу.

* * *

— Много времени на рассказ у меня нет, — сказал Бларп, — да и легендарный свод о Драеладре и Ашогеорне слишком широко известен. Я расскажу главные моменты — о Кешле, об Авдраме, о гарпиях. И самую малость — о Драеладре.

Совсем без Драеладра не обойтись, и вот почему. Драеладр с гарпиями вроде бы не боролся, но они-то с ним точно боролись. Да и более того — сражаются до сих пор. С каждым из его потомков.

Так уж случилось, что гарпии ему вредят, а он их не видит.

Кто-то подумает, что Драеладр слеп. Нет, дело в ином: если раз отвлечься на битву с гарпиями — тут же в ней и уявязнешь. И вряд ли отыщешь время для прочих, более важных дел.

Потому битва с гарпиями — это уже тем самым победа гарпий. В языке деревьев Буцегу есть выражение «искоренение неискоренимого», которое лучше всего описывает подобную безнадёжную активность.

Не желая «искорененять неискоренимое», Драеладр обрёл средства расколдования Рооретрала, Ореолора и Горпогурфа — основателей современных могучих кланов, но не стал разыскивать силу, которая колдовскими средствами держала их в повиновении.

Вместо того он — во многом как успешный дракон-целитель — обрёл то верховное положение, которое по родовой эстафете передал потомкам. Передал положение, но передал и врагов. Таящихся, трусливых, неназванных, но мнящих себя справедливыми.

Три рода со всем приплодом — отобрал, лишил, увёл от былого предначертания! Есть от чего щёлкать клювами да скрежетать зубами.

Говорят, мудрец Авдрам об этой мстительной непокорённой силе догадался первым. Он-то и придумал слово «гарпия», чтобы её описать. Кто-то говорит, что даже и самих гарпий именно он силой своего злого гения впервые создал, но мне хотелось бы придерживаться более «доброй» концепции его мудрости. Потому не создал, а выразил в отчётливом и запоминающемся образе. В образе сварливой птицедевы.

Авдрам составил самое первое письменное описание гарпии — скверно оперённой, когтистой, лохматой, злобной. В печальные дни для людей и драконов это существо мерзко хихикало. Такие звуки неизменно выражали искреннее удовольствие гарпии от торжества справедливости.

В иные дни гарпия поднимала пронизительный визг, от которого даже у неё самой уши закладывало. Визг свидетельствовал о том, что справедливость попрана, а значит, каким-то людям или драконам на сей раз незаслуженно повезло.

Почему Авдрам усмотрел в гарпии птичью природу? Ну, здесь всё просто: у неё чисто птичий ум, ориентированный на анализ сложных объектов, например, тел. Если эти тела аналитически расчленить, мы получим большое количество мелких кусков плоти, которые будет легко протолкнуть через узкое птичье горло.

А отчего птица-гарпия — непременно дева? Так Авдрам, поди, ещё на рынках Карамца насмотрелся на дев преклонного

возрата с их обострённым чувством справедливости. Там он мог наблюдать богатейшую гильдию свах, в мастерицы которой по уставу принимались только девственницы. Они не имели права устраивать собственную судьбу — только чужие. Сваха не может стать матерью — лишь в переносном смысле. Вот так и гарпии стали «матерями по духу» для наземных шакалов и небесных птиц-падальщиков.

А уж как себе гарпии ведут — ясное дело, сообразно своей природе. Птичье и девичье начала в этих тварях всегда конфликтуют. Ещё бы: они тонко чувствуют свою женственную природу и пытаются за собой следить, да всё не впрок — разве его причешешь, этакое чудо в перьях?

И вот всю меру раздражения на себя саму гарпия вымещает на чем-то провинившихся перед нею путниках. Впрочем, прохожие обычно сами виноваты. Кому не в чем себя винить, тот никогда мимо гарпии не пойдёт, а коли всё же пойдёт, она первая спрячется. И даже пасть свою хихикающую захлопнет. Ну, по крайней мере, в теории.

Написал Авдрам о гарпии иллюстрированный учёный трактат. И такой узнаваемый вывел образ, что сам в него и поверил. И подумал: надо бы других людей предупредить. Ведь не знают!

Пришёл он тогда из Карамца в Цанц, ну и давай на рынке проповедовать. «Грядёт гарпия, — говорил Авдрам, — она — чудовище справедливости».

В первый раз его просто не поняли. Он пару годков переждал и сказал вторично. «Гарпий не бывает», — машинально ответили ему случайные собеседники. И забыли. Для того и ответили, чтобы забыть.

Но во время ответа… Мудрец специально прислушался и был вознаграждён. Да, совершенно верно: кто-то злобно хихикал.

И оттуда же, где хихикал, устремлял на него осуждающий взгляд.

«Ты где, гарпия?» — спросил тогда Авдрам, вслушиваясь в хриплый визгливый хохоток. Гарпия осеклась и в ушах мыслителя зазвенела гулкая тишина. Чтобы отыскать местообитание злобной твари, Авдраму осталось прислушаться к источнику тишины. Тишина раздавалась из лугов Гуцегу.

А что там есть, в Гуцегу? В заповедных лугах произрастает раса громадных бродячих деревьев, да ещё живёт семья знаменитого драконоборца по имени Ашогеорн. И всё.

Сначала мудрец на семью Ашогеорна как-то не подумал. Решил: птицедевам деревья ближе. Ну где им гнездиться, как не в ветвях шагающих исполинов? А того не учёл, что деревья бывают

против. Лишь позднее, наведавшись в Гуцегу, Авдрам убедился: деревья воспротивились. Они не дали пристанища гарпиям. Дали от дупла поворот.

Что же до Ашогеорна — увы, он, даром, что признанный драконоборец, но с гарпиями в собственном семействе не справился. Пошёл у них на поводу, покинул дерево, в ветвях которого жил до сих пор. Выстроил чуть в сторонке замок — думал, что для себя, а оказалось, для них, для гарпий.

А ведь семейство-то его — через жену Эллу породнено с Драеладром. По материнской, стало быть, линии. Да и сам Ашогеорн — Драеладра порой воспитывал, а от гарпий не уберёгся. Людям обидно, а птицедевам смех.

Подошёл Авдрам к замку, а у ворот — очередь растянулась до самой земли Цанц. Спросил у людей в очереди, что за замок такой. Один ответил: «Замок Ашогеорна». Другой же сказал: «Замок гарпии». Кому верить? Авдрам поверил обоим.

Стал он тогда спрашивать, за чем стоит очередь. Помнили не все, поскольку стояли уже долго. Но самые памятливые пояснили, что пришла им пора жениться, а у великого героя Ашогеорна как раз дочка на выданье. Зовут Кешла, собой недурна, да и шутка ли — породниться с самим победителем Драеладра. Вот и собралась целая очередь женихов.

«И давно ли стоите?» — спросил Авдрам. «Да с год». — «А что так?». — «Да очередь туго движется». — «А что, претенденты в замке подолгу задерживаются?». — «Да не сказали бы. Выносят их вскоре. Кого вперёд ногами, кого и вовсе по частям». — «Так что, живыми не возвращались?». — «Слава Создателям, никого». — «Отчего же слава Создателям?». — «Так ведь если кто живым выйдет, значит, мы здесь зазря стоим. Ашогеорн ясно сказал: кто в замке продержится, того и Кешла будет». — «И кто же там сейчас держится?». — «Да, почитай, никого». — «А что же следующий не зайдёт?». — «Так боязно ему». — «А вы вперёд его отчего не зайдёте?». — «Так ведь и нам боязно!».

Подумал Авдрам, подумал, да и говорит: «А мне туда вне очереди можно?». Отвечают: «Вне очереди-то можно, но пускают одних женихов. Согласен ли ты взять в жёны прекрасную девицу Кешлу и заплатить за то молодой жизнью?».

Авдрам к той поре был уже вовсе не молод, расплатиться молодой жизнью не мог бы при всём желании, но ему сказали, что «молодая» — лишь так говорится, а в замке возьмут и вполне подержанную. Тогда хитромудрый Авдрам назвался героем Кёсмом из Алахара и от имени этого человека (с которым его до сих пор путают) подал заявку на зачисление в очередь.

После чего свободно прошёл в гостеприимно распахнутые

ворота замка. Совершенно внеочерёдно. Когда он входил, подпиравший стену привратник оглушительно дунул в рог и поклонился: «Таковы порядки».

Ашогеорна, жену его Эллу, их четверых сыновей и дочь Авдрам застал в парадном зале, якобы за вкушением трапезы — но блюда их не дымились. Всех их туда, конечно же, созвал рог привратника, младшие близнецы даже запыхались, видать, добирались по внезапному сигналу из дальних крыльев.

Как же давно никто из длинной очереди женихов не решался переступать порога, если для Кёсма из Алахара устроили такой спектакль!

«За нового соискателя!» — провозгласил тост Ашогеорн, уже порядком староватый, но всё ещё крепкий на вид мужчина. Семейство осушило кубки, не чокаясь, точно заранее отправляло жениха в последний маршрут.

«Мне сказали, — сообщил Авдрам, — что вашим условием женитьбы на Кешле будет прохождение соискателем некоторого испытания. Мне хотелось бы получить точные инструкции».

«Если точные, — с угрюмостью ответил Ашогеорн, — то условие моё не «будет», а уже началось. Важной стороной этого условия является необратимость решений. Кто к нам вошёл, тому больше нет пути назад».

«Сдаётся мне, — заметил Авдрам, — вам самому тяжело выдерживать это ваше условие». И, как часто бывает с мудрецами, попал в точку.

«Да! — взорвался Ашогеорн. — Мне триста раз тяжело! И сейчас мне всего тяжелее, старый лис Авдрам, потому что я сразу же узнал тебя под личиной Кёсма из Алахара, но исключения не стану делать даже ради тебя! Ты не уйдёшь отсюда, пока не пройдёшь испытания, ибо я поклялся, что будет так!».

Ну, ещё бы драконоборцу его не узнать — столько раз ведь захаживал в гости, проходя через Гуцегу, даже имена детей Ашогеорна толковал. Правда, дети в ту пору ещё не выросли.

«Что ж, — согласился мудрец Авдрам, — клятвам действительно надо следовать — это будет всего разумнее. И хоть я не подумывал о женитьбе, но всё-таки знал ведь, на что иду».

«Но зачем, — изумился Ашогеорн, — проходить испытание тому, кто не хочет руки моей дочери?».

«А затем, — отвечал Авдрам, — что я занят важным исследованием».

«Жаль исследователя, — сказала тут Кешла, девушка с остекленевшими глазами, — может, хоть бы его отпустим?». «Нет! — закричала на неё родня. — Он сам виноват, что не прошёл мимо. К тому же, если он, к твоему несчастью, своё

испытание выдержит, тебе придётся выйти замуж за старика, а ему — на тебе через силу жениться». — «Но зачем?». — «Ибо такова клятва!».

«Что ж, я готов, — сказал Авдрам, — но прошу называть меня Кёсмом, ибо только под этим именем я обещал осчастливить Кешлу. И ещё перед испытанием я хотел бы узнать о его идее всё, что не возбраняется клятвой».

«Да пожалуйста, Кёсм! — ответил Ашогеорн. — Я расскажу всё, что скажешь. Вся трагедия в том, что и сам я немногое понимаю».

Оказалось, идея драконоборца обставить замужество дочери небольшим испытанием для женихов изначально выглядела просто и вполне привлекательно. Вроде логично, что зять у героя должен и сам — ну хоть что-нибудь превозмочь. Ну хоть самую заурядную полосу препятствий.

Испытательный полигон для будущих соискателей руки и сердца дочери Ашогеорн заложил в саму конструкцию замка. Собственно, для того он и замок строил, чтоб не отправлять женихов за тридевять земель биться с драконами, мертвецкими полчищами, либо прочим неприятелем. Известно, что слава, достигнутая в чужих краях, изобилует преувеличениями, а если весь подвиг совершён у тебя на глазах, то не придётся доверять сомнительным источникам. Останется от чистого сердца поздравить молодых.

Всё предприятие выглядело изящно, пока женихи Кешлы не принялись гибнуть — один за другим. Сначала-то думали — несчастные случаи. Но случаи улеглись в закономерность, в которую, правда, с каждым разом всё меньше хотелось верить. И ведь гибли претенденты вполне достойные. Попадались даже великие воины. Некоторые из них даже нравились Кешле.

«Странно, — чесал затылок Ашогеорн, — я никак не думал, что пройти колодец и маятник окажется так уж трудно. Да я и сам их, пока устанавливал, не раз проходил…».

Ашогеорн снова пробовал. У него, даром что годы пришли преклонные, на полосе препятствий всё получалось. А у женихов дочери — опять нет. Может, человеческая порода за поколение измельчала?

Кешла уже говорила, мол, хватит мнея замуж выдавать: всё равно ведь не получится, только женихов загубим. Но клятва есть клятва. Коли герой её принёс, то должен уже всем на зло упрямиться.

«Это всё? — спросил Кёсм Ашогеорна. Тот кивнул. — Тогда я хотел бы поговорить с твоими домашними. С женою, с сыновьями, с моей невестой».

Жена героя с прошлого визита мудреца сильно постарела. Как и прежде, она не расставалась с жемчужиной «Лунный Пламень», но только свет от жемчужины её лицо более не озарял. Почему?

«Я несчастлива с Ашогеорном, — призналась Элла, — выходя за него, я думала, что «стерпится-слюбится», но вот терплю жизнь напролёт, а так и не полюбила. Пробовала детей от него рожать, пятерых родила, да всё без толку: не осеняет любовь супружеская. От жизни в нелюбви моя привязанность к жемчужине только возросла — да только что толку: теперь она не для меня, только я для неё. Я говорю — Лунный Пламень молчит».

«Спасибо», — промолвил Кёсм и заговорил с Глелдавом. То есть, со старшим сыном Ашогеорна и Эллы.

Кстати, имена всех пятерых детей мудрец Авдрам как-то переводил со стародраконьего, и вот такой тогда получился список:

— Глелдав — вызов дракона на поединок.

— Двавр — ответ дракона на вызов.

— Кешла — кормилица драконов.

— Керокегер — победа над драконом.

— Шувшер — поражение от дракона.

Любопытно, что имена новорожденным детям придумывал не кто иной, как сам драконоборец, который и языка-то не знал, но по странной инерции им пользовался.

Вроде и глупость несусветная — давать человечьим детям драконьи имена. Но если вспомнить, что Глелдав, Двавр, Керокегер, Шувшер и Кешла приходятся сводными братьями и сестрой самому Драеладру (основателю династии), то глупость выглядит уже не лишённой смысла.

Правда, такого смысла, что лучше б его вовсе не было.

По списку не трудно догадаться, что отношения между именами получаются сложные и неоднозначные. Некоторые из них будто нарочно толкают к ссорам и перепалкам, другие же — просто-напросто отрицают друг друга. Наблюдая такую картину, Авдрам ещё в давние дни поневоле пришёл к мысли: уж лучше бы великий герой Ашогеорн хоть сам-то понимал, что за наследство он оставляет детям.

И вот теперь — уже как Кёсм из Алахара — мудрец спросил у повзрослевшего Глелдава, не догадывается ли он, в чём дело: что убивает проходящих испытание женихов Кешлы?

А Глелдав и отвечает: «Не догадываюсь, а знаю. Их убивает мой братец Двавр. Погляди на его мрачную физиономию: разве не видно, что он людоед? По-моему, его выражение лица иначе и не истолкуешь. Полагаю, не мне одному ясно, что это он сторожит

женихов с топором под лестницей. Стоит кому пройти полосу испытаний, он его тут же и тюк!».

«А ты что скажешь?» — спросил Авдрам у Двавра.

«А что говорить? Мой братец Глелдав — просто трусливый дурак. Что женихов тюкают топором из-под лестницы — истинная правда, но делают это близнецы. Развлечение у них такое: кто больше женихов нарубит. Пока впереди Керокегер: Шувшер только размахнётся, а тело-то уже и остыло».

Тогда Кёсм из Алахара поговорил с близнецами. Керокегер сказал, что это Шувшер по ночам женихов рубит, а Шувшер сказал, что Керокегер.

Осталось порасспросить Кешлу. Она и отвечает: «Да, многое справедливо. Семейка у нас ещё та. Но дело не в топорах моих братьев. Просто в замке у нас поселилась жирная гарпия».

Вот оно! Кёсм-Авдрам аж обрадовался: хоть кто-то из всего семейства наконец обмолвился о птицедеве. Хоть кто-то её вообще видит!

Спросил: «А где же гнездится гарпия, и как она убивает?». Кешла ему ответила, чем, разумеется, очень помогла.

Впрочем, точного места гнездования гарпии в замке легендарный свод не сохранил: от версии к версии оно меняется. Зато способ убийства всякий раз называется один и тот же: осуждающий взгляд. Гарпия убивает осуждающим взглядом.

Когда этот самый взгляд упирается в спину жертве, соискатель руки Кешлы теряет веру в себя. Он отправляется проходить полосу испытаний, но пасует перед колодцем, кланяется маятнику, а пышущие жаром подвижные стены вызывают в нём окончательное оцепенение.

Что же, рещил Авдрам, тот, который Кёсм, будем считать, что предупреждён — значит, вооружён. Дело осталось за малым: устоять в битве.

Он вошёл в коридор, за которым начиналась полоса препятствий, и не успел пройти нескольких шагов, как в спину ему упёрся осуждающий взгляд, а в ушах раздался довольный смешок. Гарпия была здесь, и смотрела на будущее вполне оптимистично…

* * *

— Бларп, но когда уже битва? — улучив момент, спросила провидица Бланш. — ты обещал на скорую руку рассказать, а вместо этого… — она поёжилась. — Извини, но я уже совсем замёрзла.

— Да, ты права, — развёл руками Бларобатар, — наскоро не получается. Когда говоришь о гарпиях, важны детали. А до самой битвы — ещё добрая половина рассказа.

— В таком случае, доскажешь в другой раз. Счастливого пути, внук! И не забудь прислать ко мне Яндротара!

— Береги себя, ба! — Бларп Эйуой поймал верёвочную лестницу, подтянулся, поглядел вслед удаляющейся фигурке бабушки.

Лгать и беречь себя — вещи несовместные, вздохнула Бланш, оставшись наедине с собой. Но лгать придётся. И я это сделаю хорошо.

Пусть хоть все гарпии мира хрипло закаркают мне в лицо.

* * *

Пару недель Бланш провела в привычном одиночестве.

Потом прилетел Яндротар. Этот дракон жил довольно далеко, в наземном ярусе, в труднодоступных скалах близ города Бегон. Судя по скорости, с которой он примчался, этот Яндротар не только считался, но и был истинным другом Бларпа. редкость по нынешним временам.

— Бларобатар мне всё рассказал, — молвил дракон с ударением на слово «всё». — Поэтому смотреть мне в глаза не обязательно. Я и так пущу нужные слухи. Лулу Марципарина Бианка в Ярале родит…

— Я всё же хотела бы посмотреть в глаза, — возразила Бланш.

Всё должно быть как можно более похоже на правду. Раз Яндротар мчался сюда, как говорится, за тридевять небес, то естественно было бы поглядеть в глаза, а не отпускать. И, глядя в глаза, изложить самым естественным тоном всё, о чём договорено между ней и внуком.

— Извольте, — дракон приблизил к провидице свою морду.

Бланш, откровенно говоря, нехотя бросила взгляд на хитрый рисунох драконьего глаза. Нехотя — ибо с детства не любит врать.

А ведь придётся. Сейчас она скажет безотносительно к увиденной картине… Однако, безотносительно не получилось. Со всё возрастающим замешательством предсказательница воззрилась на представшие её взору знаки. «Нет же, не может быть», — чуть не крикнула она Яндротару. В его глазах Бланш действительно увидела рождение нового Драеладра.

— Лулу Марципарина Бианка снесёт драконье яйцо…

— Да, я помню, — взмахнул крылом Яндротар, — из яйца вылупится новый Драеладр и так далее…

— Ты не понял, Яндротар! Это всё-таки случится! — ликуя, воскликнула провидица.

— Да, конечно, как оговорено, — скучно сказал Яндротар.

И старая Бланш поняла, что только что прочитанная ею правда о рождении маленького Драеладра — хоть и светла сама по себе, но не отменяет её ответственности за заготовленную ложь.

Гарпии бы меня не одобрили, тихо, чтобы не смущать Яндротара слишком громкими мыслями, подумала провидица. И улыбнулась своему показному благодушию.

«Не одобрили» — конечно, слабо сказано. Бланш уже давно поймала затылком чей-то свирепый осуждающий взгляд. Присматриваются…

Чтобы наверняка.

Гарпии отомстят — это, как водится, неизбежно.

Отомстят — ну и пусть. Зато маленький Драеладр окажется им не по зубам. Ибо родится на самом деле.

Глава 14. Пирата любовь исправит

Дорога до Саламина оказалась утомительной даже для мертвечих. Нетрудно догадаться, почему пойманные за Порогом Смерти живые крестьяне по пути к Оксу-в-Дроне потеряли товарный вид. Участницы элитной боевой септимы тоже его потеряли.

Выехать кружным путём из Окса к Большой тропе мёртвых — это ещё полбеды. Пересечь Порог в том единственном месте, где это возможно — разумно и всем понятно. Проехать далее до Глукща — что ж, почему бы и нет? А вот затем случился ещё более сложный крюк до пиратского Саламина, который вымотал последние бальзамы даже у самых бывалых и сдержанных.

Попереться через Карамц, Нефотис, Вытрокеш, Тиавло и Флёр, чтобы застрять под Лопволарое среди кучи повозок беженцев из Бартоломео, спасающихся от резни, так невовремя учинённой карликами Вантаджа.

— Это твои сородичи виноваты! — не преминула высказать Клементина малютке Тупси.

— Не мои! — взвилась отшибинка. — У них там, в горном Вантадже и язык другой, и одежда странная, и, говорят, вместо грибов апельсины растут!

— Подумаешь, разница! — фыркнула Кси. — Всё равно карлики.

Тупси в ответ изрыгнула проклятие, но в сторону и одними губами, чтобы не доводить дела до рукоприкладства. Кси может приложить неслабо.

Сидеть на жаре в наглухо закрытом экипаже — живые бы не выдержали, но и мертвечихам не сладко. А когда находишься среди множества повозок, на которых то и дело вспыхивают громкие ссоры чуть ли не с поножовщиной, поневоле думаешь: ну что я здесь забыла? Бартоломейцы — люди настолько беспокойного нрава, что и мёртвого раскачают. Настроение у беженцев тревожно-раздражённое, притом очень уж заразительное, так и брызжет на тебя, будто гейзер или фонтан.

А главное, сидеть в Лопволарое придётся долго. В бухте не осталось ни одного корабля. Первая волна беженцев увела из Большого порта и окрестных пристаней всё, что могло держаться на морских волнах.

— Кто составлял маршрут?! — ярилась жёлчная Бац. Её бальзамы, кажется пребывали на грани возгорания. Ещё какой-то миг — и живые, чувствительные к запахам восточные людишки ощутят аромат палёного — учуют даже через плотные стенки

закрытого экипажа. — Кто, я желаю знать, этот идиотский маршрут составил?!!

— Поэтесса Лайл, — машинально подсказала Оксоляна. — В этой миссии она всё организовала…

— Уши бы выдернуть этой «поэтессе»! — Бацилла столь ядовито подчеркнула род занятий негодницы, как будто произносила самое грязное ругательство. — Поэты — они вообще читать карты умеют?

Риторический вопрос. Какие умеют, какие нет, а Лайл — разумеется, из тех, кто умеет. Но не Оксоляне её сейчас защищать — вмиг настроишь против себя всю септиму.

— Добраться через Нижнюю Отшибину до Адовадаи, а оттуда берегом или морем прямиком к Саламину — что нам мешало? — бубнила Бац.

Что мешало, что мешало… Разведка Эузы нам мешала. Прямой маршрут вычисляется даже ленивым. Иное дело — кружный маршрут, по которому заранее не скажешь, к какой цели экипаж движется.

— А если бы не Порог Смерти, — неуклюже поддержала глукщскую переписчицу милашка Рюх, мы бы домчались из замка Окс прямо до Саламина, через Располь.

Брякнула — и только тогда сама поняла, что за глупость у неё вырвалась. Рюх — не блестящего ума собеседница. Да и не красавица — полновата, что в мертвечихах всегда выглядит по-дурацки.

После неловкого поминания всуе священного Порога в экипаже воцарилось напряжённое молчание. Каждая зыркала исподлобья, причём чаще всего — на царевну. Мол, ты главная, тебе и тишину нарушить.

Оксоляна покосилась на двух телохранительниц Ангелоликой, отправленных тоже в Саламин — присматривать за боевой септимой в отсутствие оставшейся в Оксе хозяйки. Воительницы сидели безучастно, но наверняка же передадут госпоже все обратившие на себя внимание подробности разговоров. Не замедлят.

Значит, пора-таки взять беседу в свои руки.

Оксоляна нехотя заговорила. Для начала предложила Порог Смерти более не обсуждать — он ведь один из главных столпов, на котором зиждится вся некрократия, так зачем же надо ценный фундамент расшатывать?

Потом упомянула о вездесущей эузской разведке. Мол, если кто-то в Саламине начнёт выяснять, откуда прибыла подозрительная партия новеньких шлюх, он должен проследить их путь хоть до какого-нибудь крупного центра торговли людьми.

В их случае — до Карамца.

Закончила уверенностью, что все трудности преодолимы. Ведь поэтессу Лайл не кто-нибудь, а сама госпожа Мад поставила руководить их саламинской миссией — а может ли великая госпожа ошибиться?

Оставленные Ангелоликой соглядатаи благодушно кивали. Что ж, если они всё верно передадут, шансы Оксоляны на место в будущей гексе скорее возрастут, чем понизятся. Ну, а Рюх… В общем, дурочка сама виновата.

* * *

Даже большие скопления повозок — не навсегда. Пропечённый южным солнцем экипаж двинулся далее. Вот и заветный въезд в Лопволарое. Ну что ж, посмотрела — пора прятаться.

Оксоляне как уземфской царевне и первой ученице в септиме позволялось время от времени подняться из глубины фургона, посидеть с возницей на козлах, подышать более свежим воздухом. Своим правом она старалась не злоупотреблять, не сидеть снаружи дольше, чем это делают соглядатаи Ангелоликой. А то в отместку такого наговорят!

Рядовым же участницам септимы высовывать нос из салона экипажа строжайше воспрещалось. Сидели внутри, как овощи на пару. Мертвечихи в гробу на колёсах.

Городок Лопволарое не слишком велик. Не успеешь призадуматься на въезде, а ты уже в портовом квартале, и миг спустя экипаж вынужденно останавлевается, ведь впереди море.

Возница с мёртвой безучастностью хлещет лошадей, разворачивая фургон, чтобы протиснуться в одну из кривых улочек, ведущих к пирсам. Парень знает, что делает: вскоре экипаж весело тарахтит уже по дощатому настилу причала, кругом слышны грубые команды портовых грузчиков да пронзительные крики чаек.

— Мы что, — кривится Бац, — выехали на пирс? Что за глупость! Разве возница не слышал, что в бухте Лопволарое не осталось ни одного корабля?

— Нет, — оборачивается к ней одна из телохранительниц Мад, — это неверные сведения. Один корабль всё-таки пришёл. Специально за нами.

Тут гроб на колёсах останавливается. Звучит команда выгружаться, в которую боевой септиме на первых порах даже не верится.

— Что, правда приехали? — переспрашивает Данея.

— Правда, — кивает словоохотливая телохранительница, — дальше поплывём.

Мертвечихи покидают свой опостылевший гроб. Почти все впервые после прохождения Порога Смерти имеют случай увидеть его снаружи. С удивлением рассматривают опознавательные знаки на дверцах, что появились уже после заезда в Карамц. Там нарисована пара женских грудей и роза с шипами, под которыми змеится надпись по-уземфски: «Смертельные номера. Передвижной сераль госпожи Лейлы».

Лейлы? Как видно, поэтесса Лайл ради успеха важной миссии в Саламине согласилась отринуть столь модно звучащую кранглийскую версию своего имени, а предпочла назваться на прежний, уземфский лад.

Ещё бы: госоже Лейле из Уземфа в вопросах аренды наложниц поверишь намного легче, чем какой-то там неудобовыговариваемой Лайл. Всё-таки Уземф — один из центров работорговли, а кранглийсая земля, на которой произросло имя «Лайл» — в лучшем случае работорговая периферия.

Пирс, куда заехал экипаж, почти идеально пуст и безлюден, а всё же один небольшой двухмачтовый корабль к нему пришвартован. «Морской дьявол» — написано на борту. Почему-то беженцы из Бартоломео до сих пор о нём не пронюхали. Может, для них этот парусник чем-то опасен.

— Наверное, контрабандисты, — Бац окидывает судно взглядом всезнайки.

— Да нет, пираты! — возражает телохранительница. Уж она-то не пытается блеснуть мнимой учёностью, а знает точно. Как-никак, специально отлучалась в порт, пока экипаж стоял в заторе из бартоломейских повозок с мелочным семейным скарбом.

— Что, правда, пираты? — всерьёз пугается Клементина.

— Какой кошмар, а мы с дороги совсем не одеты! — подхватывает Данея. — Значит, нам работать прямо сейчас?

— Нет, — смеётся возница, — с этими вам не работать! Это наши пираты. Капитан Кидд, может, слышали? Он у Ангелоликой на жаловании.

* * *

В общем, к пиратскому Саламину добрались морем, в трюме пиратского же корабля. С маленьким уточнением: пираты-то были правильные. Не какие-то там некроненавистники вроде

мерзопакостного Кьяра и его команды, а свои, послушные ребята. Способные и любить деньги, и благодарно целовать руку, эти деньги дающую.

Капитан Кидд и его команда задали прелестницам из боевой септимы последнюю тренировку. Судя по уверенности, с которой капитан ссылался на распоряжение Ангелоликой, идею тренировки моряки не сами выдумали. А вот в условия реализации — наверняка много добавили от себя.

Вряд ли Ангелоликая предполагала, что весь морской путь до Саламина, весь напролёт, боевая септима должна ублажать пиратскую команду. К месту назначения надлежало прибыть не вволю потасканными, а в ореоле никем не изведанной таинственной новизны.

Оксоляна пыталась разъяснить капитану Кидду истинную политику Мад Ольгерд. Тот с вежливостью её выслушал, но тут же задрал юбки и завалил на диван. Остановить жеребца на полном скаку? Даже в мёртвых селениях Запорожья такую даму ещё поискать!

Кроме царевны образумить «послушных пиратов» пытались обе телохранительницы Мад, посланные для надзора за септимой. Результата добились — прямо противоположного. Разнузданная команда обратила внимание и на них — и давай без спроса насиловать. Мол, какие ни есть, а ведь тоже женщины, со всеми полагающимися женщине местами. Так отчего же ловким парням их обходить стороной, если парней много и сладких мест на всех нехватает?

Телохранительницы владели кой-какими боевыми искусствами, в первый-то раз посопротивлялись, но насильники их задавили массой, так что остаток пути до Саламина предпочли уже не ломаться. Чай, знали заранее, на чей корабль садятся. Чай, и Ангелоликая не голубям хлеб крошила — пиратов прикармливала. Что ж от истинных-то пиратов потом ожидать рыцарского обхождения?

Ладно. Останется доложить Ангелоликой, что перед началом миссии все получили необходимый опыт. В количестве большем, чем достаточно.

* * *

В порту пиратского Саламина «Морской дьявол» подошёл к одному из центральных пирсов, чтобы всем на загляденье сгрузить свой «живой товар». Так выразился капитан Кидд в отношении великолепной семёрки изрядно помятых в трюме

мёртвых шлюх, сгрудившихся теперь на палубе у трапа.

— Это мы-то — «живой товар»? — пробурчала себе под нос Бацилла. — Мы, мертвецы, прошедшие обряд посмертия… Да что за?.. Да как?..

А вот так. Увеселительная морская прогулка, исполненная трюмного насилия, настолько истрепала мёртвые тела, что даже до хорошо припрятанных душ достало. Помолчи, Бац. Стоит ли говорить о хвалёном достоинстве мертвеца, когда твоя собственная «призрачная шкатулка» кажется доверху налитой мужским семенем?

Тьфу, мерзость! Мертвецы, изнасилованные живыми — уже этим самым актом превращены в «живой товар». Будем надеяться, хоть не зря. Хоть пойдёт впрок выполнению миссии.

— Ты теперь сильно ненавидишь пиратов, Бац? — шепнула царевна.

— Да!!! — рявкнула Бацилла.

— Тссс! Это к лучшему. Пригодится.

— Да пошла ты!.. — начала было Бац и заткнулась.

Охранявший товар пират-инвалид в отместку за неуважительный тон привычно огрел её по уху дубовым своим костылём.

Ну что, получила? Знай своё место, шлюха. Храни легенду, сестра по боевой септиме. И береги жажду мести. Всё, что задолжала капитану Кидду, выместишь сполна на капитане Кьяре. Всё до донышка.

Ах, только бы люди Кьяра на нас, потасканных, покусились…

— Кажись, за вами! — сказал инвалид, указывая костылём на крупный экипаж с решётчатыми окнами-витринами, что с грохотом выкатился на пирс. Четвёрка живых коней старалась вовсю, производя далеко слышный стук подков по дощатому настилу.

Ещё бы не за нами! В таких-то экипажах на юге и перевозят ценных невольников да элитных шлюх. Сгрудившаяся на пирсе боевая септима изобразила вялую радость. На полноценную не доставало сил.

Кони остановились у самого трапа. Из экипажа резво выскочила Лайл (ах, нет, простите, госпожа Лейла), по трапу поднялась на борт и мимо «товара» прошествовала к капитанскому мостику.

Кидд, подбоченясь, стоял в окружении двоих самых злобных (и, кстати, любвеобильных) морских головорезов. И все трое масляно улыбались.

— Хочет за нас получить плату, как за товар! — догадалась Данея, сметливая в товарно-денежных вопросах.

— Нет уж! — ответила Кси. — Возьмёт за проезд и за науку.

— Итого получится, как за товар, — упёрлась Данея.

— Дуры! Какая разница, сколько этот мерзавец капитан Кидд за вас выручит?! О себе бы подумали, куры без мозгов… — снова распалилась Бац и опять получила костылём. Бац!

— Да что…

И снова — бац! И снова Бац заслужила.

Госпожа Лейла, не чинясь, расплатилась с капитаном, тот кивнул охраннику-инвалиду: отгружай, мол.

Инвалид с сожалением оглядел подопечных. Кажется, его посетила шальная мысль оприходовать их напоследок, прямо на палубе. (Эх, ну хоть бы только не костылём!). Но как посетила, так и прошла. Раз уж капитану уплачено, то похотливые инвалиды — опоздали. И пусть сами себе засовывают костыли в любое подходящее отверсие! Да хоть по рукоятку!

По трапу сошли на пирс нетвёрдой походкой людей, долгое время не поднимавшихся на ноги. Ещё бы В трюме-то всё больше лежали с широко раздвинутыми. Тех, кто пытался встать, поколачивали.

Ну что ж, морское приключение нас закалит.

С берега Бацилла дерзко поглядела в полные желания глаза инвалида и громким голосом произнесла, обращаясь якобы к Оксоляне:

— А знаешь, кому надобен деревянный? Тому, у кого свой не стоит!

Инвалид чуть не бросился по трапу вдогонку, но был остановлен окриком капитана.

Ага, ты понял, вонючий матросишка: теперь поздно! За нас уплачено.

* * *

Госожа Лейла — даром, что поэтесса — в ожидании бевой септиы Оксоляны в пиратском Саламине времени не теряла. Всё-таки у дочери визиря практическая сметка отменная. Выбрала лучшие трактиры в здешнем портовом квартале, некоторые выкупила, другие арендовала. Основала не один, а целую сеть публичных домов.

Оно и разумно. Чем же ловить людей Кьяра, как не сетью, раскинутой по всему городу?

Проезжая по Саламину в решётчатом открытом экипаже, царевна раза четыре обращала на вывески вроде «Сад восточных наслаждений госпожи Лейлы» или «Салон запретных плодов из

Уземфа». Каждый раз думала; всё, приехали! Но экипаж двигался дальше, открывая взору всё новые вывески.

Да уж, не заметить этих салонов, не запомнить имени госпожи Лейлы из Уземфа редко кому удастся. Из команды Кьяра — лишь тем, кого не отпустят на берег.

А вот за умы и чувства тех, кого отпустят — мы поборемся! Ребята думают, что не любят мертвечих. Ну так они к нам ещё не притрагивались!

Когда экипаж остановился, Оксоляна украдкой спросила у Лайл:

— Скажите-ка, госпожа Лейла, верно ли я поняла, что девушки из моей септимы будут работать по-одиночке — одна под одной вывеской, другая под второй?..

— Нет-нет, септиму мы разлучать не будем, — поспешила Лайл её успокоить, — будете работать все в одном заведении, в соседних номерах. «Чувство локтя» особенно хорошо работает, когда на соседней кровати стонет твоя подруга…

— Но тогда я не понимаю, зачем столько заведений под разными вывесками. Значит, там кьяровых людей так никто и не встретит?

— Почему же не встретит? — широко улыбнулась Лайл. — Там будут работать другие септимы. Некоторые из них уже давно прибыли, гораздо раньше вас…

— Вот как? — Оксоляна не нашлась, как отреагировать на услышанное.

Надо же, оказывается, их септима далеко не единственная, а одна из многих. То есть, борьба с пиратами перестаёт быть делом личного самопожертвования одной боевой семёрки, а обретает массовый характер. Ничего не скажешь, это разумно, а всё же и в прошлой «элитарной» версии что-то было. Всемером против полутора десятков кораблей — это звучала.

— Конечно, — заметив её разочарование, поспешно произнесла Лейла, — у вашей септимы самая главная задача, и на неё возложена особая миссия. Остальные септимы, знаете ли, только встретят гостей, постараются заинтересовать, а потом перенаправят к вам.

«Особая миссия», «главная задача»… Наверное, Оксаоляна взглянула на бывшую поэтессу глазами не слишком доверчивыми, поскольку та предпочла пояснить:

— Не в каждой ведь септиме состоит наследная царевна Уземфа. Ну а залезть на царевну — всякому захочется, будь спокойна. В особенности — тем тщеславным баранам, которых возвысил Кьяр.

Ишь ты, призадумалась Оксоляна, оказывается, наивных

сторонников Кьяра будут ловить в основном на меня… Что греха таить, очень лестно. И даже почти не противно чувствовать на своём теле их потные горячие руки.

Вывеска, под которую Лейла завела оксолянину боевую септиму, красноречиво намекала на статус заведения в основанной госпожой сети. «Столица царства уземфских наслаждений» — вот что значилось на вывеске.

А слева — портрет обнажённой Оксоляны в натуральную величину. Кто-то её срисовал, добившись потясающего потретного сходства. Ныне сама Оксоляна была меньше на себя похожа, чем этот соблазнительный портрет.

Когда всё закончится, подумала царевна, надо будет узнать имя художника. По возможности озолотить, подарить ему ночь наслаждений, а под утро перекусить горло.

А что? Всё намеченное вполне справедливо.

Стоило септиме зайти внутрь заведения, подняться на широкий балкон и худо-бедно расположиться на мягких подушках вокруг курящегося там кальяна, как внизу залопотал зазывала:

— У нас — лучшие мёртвые прелестницы, обученные в самом Уземфе. Не проходите мимо! В нашем цветнике — красивейшие мёртвые суки, которых заводит жестокое обхождение! Вы хотите чего-нибудь необычного? За отдельную плату — даже наследная царевна Уземфа, несравненная Оксоляна! Подходите, пробуйте — не пожалеете!

Восхвалений никогда много не бывает, но здешние звучали чересчур специфически. Оксоляна с полчасика послушала, да и спросила у госпожи Лейлы:

— Но почему он всё время специально говорит, что мы мертвецы? Может, стоило бы это скрыть? Говорят, люди Кьяра мёртвых не жалуют.

Госпожа Лейла скривилась так, что в её гримасе явственно проступили черты свободолюбивой поэтессы Лайл:

— Скрыть не удастся, — сказала она, — надо сразу это признать. Если к нам в заведение зайдут за живыми, а живых у нас не окажется — чем завершится дело?

— Попробуют, что есть. Возьмут мёртвую, — предположила царевна.

— Если бы! — присвистнула Лайл. — Однако же, нас, мертвечих, с одного укуса не распробуешь. Кто нас не любил раньше, тот с первой попытки и не полюбит — надо это признать. Значит, от нас уйдут в раздражении, да ещё друзьям перескажут, в какое негодование из-за нас пришли. А всё почему? Да не надо было обманывать!

Как верно сказано, подумала Оксоляна. В самом деле,

мертвечиха не должна лгать. Обман выставляет её в ложном свете. Правда — её оружие.

* * *

Когда великолепная семёрка боевых шлюх вдоволь показала себя праздному люду на главной площади Саламина — именно туда открывался балкон — госпожа Лейла повела девочек смотреть номера.

Смотреть, правда, было по сути, нечего. Опять всё те же двуспальные кровати. Почти такие, как в замке Окс, только сильнее продавленные. Здесь потрудилось не одно поколение клиентов верхом на нескольких поколениях шлюх. Ладно, решила царевна, и на наш век хватит!

— А теперь о главном, — понизила голос госпожа Лейла, — когда боевая септима собралась в закрытой от взоров нижней кальянной первого этажа. — О том, что вам надо делать, как только вы убедитесь, что на вас западает парень из команды Кьяра или близких ему капитанов.

— Мы-то помним, — с вызовом ответила Бац. — Да только пороха нам до сих пор не показали!

— Не будет пороха, — покачала головой Лейла.

— Как так не будет? Зачем же нам тогда?..

— Ангелоликая познакомила вас с какой версией плана? — с превосходством усмехнулась госпожа. — Думаю, не с окончательной.

— Ну, план-то был такой, — напомнила Оксоляна. — Мы завлекаем людей Переса и Кьяра. Когда они к нам приходят, обвораживаем прелестями и высаживаем из денег. Когда они оказываются на мели, открываем им кредит. После чего, чтобы дать им шанс рассчитаться, просим об одной маленькой услуге. Занести в нужное место бочонок пороха. Достаточно по бочонку на корабль. Что не так?

— Всё так, — отозвалась Лейла, — только план меняется.

— Почему?

— Фокусы с порохом однажды уже не сработали. У одного умного человека, в Адовадаи. Поэтому вместо пороха будет — любовное зелье. Небольшие пузырьки, не внушающие подозрений. И не денег будем их всех лишать, а мужской силы. Это быстрее, проще, надёжнее — и куда больней уязвляет! — хихикнула госпожа Лейла, доставая из ларца флакончик.

— Что за зелье такое? — заинтересовалась Данея.

— В малых дозах действительно повышает мужскую силу. Ну

а в больших, — Лейла оглянулась на дверь, у которой с почтительными минами стояли здешние слуги, — этого я вам пока не скажу. Знайте одно: действует так — закачаешься! Пираты оценят, мало им не покажется!

— Уж надеюсь, — хихикнула Оксоляна, — что мерзким пиратам этого не покажется мало.

* * *

Дальше начался упорный совместный труд. Это ведь только на поверхности ты занимаешься самым несложным из женских занятий. Но если с тобой постоянное осознание участницы боевой септы, то и самые простые действия запутываются до неузнаваемости.

Оказывается важно, с кем ты, насколько долго, к чему ты его уже склонила, и надо ли его склонять вообще, а главное — как бы неявно выспросить, с какого он корабля?

Названия кораблей Кьяра царевна выучила назубок. Стоило бы хоть одному из них всплыть в разговоре — и незадачливого морячка ждал бы самый радушный приём в его не самой разнообразной жизни. Как пела под южный клавесин содержательница салона Лейла, когда в ней на новом месте и в новой должности пробуждался дар поэтессы.

«Я сама расставлю ноги,
Попади лишь между них».

К сожалению, названия кораблей из флотилии Кьяра упорно не всплывали. По правде говоря, в салон чаще всего заглядывали старые знакомцы из команды капитана Кидда. Вроде бы, ну зачем? Зачем им тратиться на недешёвую элитную шлюху, когда всё, что она могла дать, уже и так получено совершенно бесплатно в той недоброй памяти оргии — в трюме «Морского дьявола»?

Но кое-кто из грубых насильников по-серьёзному запал на хладные тела мертвечих. Случайность? Нет же: закон природы. Если кому-нибудь раз позволишь полюбить себя на халяву, тот потом, вспоминая о бесплатном угощении, принесёт тебе намного больше.

Захаживал и давешний инвалид. В Саламине его хорошо знали, даже трактирные слуги из сохранившейся части старого заведения в нижнем этаже кланялись ему и называли не иначе как «господин Зильбер». Вот только хотел одноногий козёл

странного: непременно подавай ему Бац, и чтобы хорошенько пройтись костылём по её нежной шкуре.

— Нет! Не буду я! — кипятилась Бацилла. — Я образованная женщина и варварского обращения не терплю! И вообще… Зачем нам этот одноногий извращенец? Он даже не с того корабля, который нам было приказано выводить из строя! Он просто вонючая мужская особь!

— Остынь, Бац! — вполголоса советовала Оксоляна. Да, ты права, этот урод не с тех кораблей, которые нас интересуют. Но мы обязались удовлетворять разных посетителей. Если мы не будем этого делать, к нам никогда не придут нужные!

Бацилла склонялась в глубоком саркастическом поклоне и, рыдая в голос, шла подставлять свою спину и бока под корстыль неутомимого инвалида. Возвращаясь, говорила не без мстительного веселья:

— Говорят, ему ступню отгрызла акула! Жаль, не отгрызла чего посущественнее — она бы разом решила все мои трудности.

Оксоляна тоже слыхала, что говорят об этом Зильбере. И даже с большими подробностями. И жаден старикашка, как не в себя, и игрок азартный, и женщин помучить любит — не без того. Но ногу-то потерял героически. Этой самой ногой он отталкивал акулью голову, когда рыбища совсем уж собралась позавтракать капитаном Киддом.

— То-то и капитан позволяет стервецу больше, чем кому-либо! — мрачно цедила Бац, потирая оставленные костылём бальзамоподтёки.

Побитая Бацилла выглядела жалко. Позарятся ли на такую? А вот кракена с два!

Одноногий Зильбер приходил лупцевать бедную Бац несколько дней подряд, пока госпожа Лейла не догадалась взвинтить оплату в пять раз. Инвалид на повышение цены обиделся, но госпожа (с подачи торговки Данеи) популярно ему объяснила, что в стоимость теперь будет заложена и порча товарного вида истязаемой.

Алчный Зильбер после того около получаса что-то в уме взвешивал да высчитывал — но сребролюбие победило истязательную похоть, и он убрался подобру поздорову.

Убрался один — зачастили другие. Но все, как назло, не из той пиратской партии, с которой септиме предстояло сражаться.

Оксоляна, как барышня исполнительная, давно заучила не только названия кораблей Кьяра, но и имена доброй полусотни его сподвижников, начиная от Переса и заканчивая всякими там рядовыми Бабозо, Джу да Ламбуто. Всех их запомнить было не больно-то легко, зато в нужный момент куда проще

ориентироваться. Достаточно всплыть знакомому имени — ну а дпальше царевна прекрасно знает, что ей останется сделать. Пузырёк, который она пустит в ход, уже ждёт своего череда под кроватью.

Флакон ждёт, а царевна работает в поте своего лица, да и не только лица — и тоже ждёт. Что ж главные-то клиенты не идут? Чьи имена честно заучены и запечатаны в сердце.

Может их корабли не дошли ещё до Саламина? Нет, соглядатаи Лейлы, да и телохранительницы Ангелоликой подтверждают: корабли на месте, у пирсов покачиваются. И матросы вроде бы тоже на берег сходят. Куда ж они дальше-то идут — вот загадка! Почему-то — не к нашим междуножиям…

Обслуживать посторонних клиентов Оксоляна неплохо наловчилась. Они чуть не пищали от восторга после сеанса общения с ней, а ночь в её объятиях делала их и вовсе потерянными.

Попадались даже довольно приятные мужчины. Но — не те. Не из списка. Неужели люди из списка так и не появятся? Неужели они настолько ненавидят мертвечих, что даже не зайдут в заведение, где на вывеске честно о нас написано? Так ведь усилиями Лейлы в Саламине и не осталось других подобных заведений. А последнюю живую шлюху вон ещё когда спровадили в Разбойничий Клык…

Так в напряжённой скуке и ожидании проходили дни, когда вдруг из другого салона пришла радостная весть: там видели Джу! Самого Джу! Это ведь словно тронулся весенний лёд, целую долгую зиму защищающий от посягательств полную надежды мертвецкую девственность.

— Джу? Кто такой Джу? — допытывалась дурочка Клементильда, которая вволю раздвигала ноги перед всяким пиратским сбродом, а зачем раздвигает — так и забыла. — Что, он из списка? А он какой, этот Джу?

Да какая же разница, какой он из себя!

Милый, милый Джу — он наконец-то пришёл! Целая сеть мёртвых женщин, раскинутая по Саламину паучихой Лейлой так по тебе истомилась!

Если в «Сад райских наслаждений» заглянул Джу, значит, будут и другие! Надо подготовиться! Надо быть во всеоружии! Надо проверить, на местах ли флакончики и, между прочим, почаще подмываться!

И навести красоту на всех, на кого ещё можно! Позаплетать неряхе Рюх всклокоченные лохмы — а то слоняется по салону, точно гарпия, клиентов только отпугивает. Всем собраться! Всем собраться, я говорю! Ой, куда же это я сунула кружевные

карамцкие трусики?

А потом…

Нет, это и вовсе беспрецедентно! В головное заведение госпожи Лейлы заглянул Бабозо.

— Он! Бабозо! Это он! Вон тот, загорелый! Точно ли из списка? Да конечно из списка, о чём я тебе толкую! Ой, девочки, я дрожу! Ой, может не я? Ой, боюсь, я, кажется, не сумею… Кси? Где Кси? Где эта опытная сука Кси? Что, с клиентом? Да какой в задницу клиент, когда тут — Бабозо пришёл! Да что она там тараторит… Пусть гонит своего клиента в шею и подцепит нам Бабозо! У любой же другой сорвётся, а Кси самая опытная! Как? Что? Фингал во всю скулу? Когда это она успела заработать? Эй, выходите хоть кто-нибудь! Вон, Бабозо допивает ром — сейчас поднимется и уйдёт, пока вы, сучки, здесь препираетесь… Что вы на меня надеетесь — я не одета! Голой выходить? А как же тогда мне исполнить танец с раздеванием?

Оксоляна после доброго десятка минут вышла к Бабозо — загорелому весёлому моряку, с виду совсем не страшному. Тот поглядел на неё оценивающе и сказал дружкам:

— Годная мертвечиха! Трупные пятна можно было и закрасить, но с голодухи вполне сойдёт.

* * *

Что и как она делала с Бабозо? Ничего особенного. Всё, как всегда. Не светить же флакончик с первого-то визита. Вот, правда, будет ли второй? Это зависит от того, хорошо ли Оксоляна заучила нужные движения и правильной ли стороной лица поворачивалась к свету.

Будущее показало: всё хорошо, всё правильно. Бабозо заинтересовался. Вернувшись к дружкам, посоветовал:

— Эй, Ламбуто! Тоже эту попробуй!

Как, Ламбуто? Так здесь и Ламбуто? Что же не предупредилди, что здесь и Ламбуто? Он ведь тоже из того списка… Эй, жалкие шалавы, охмуряйте скорей Ламбуто, что ж это мне одной за всех отдуваться?

Потом оказалось, что в одной компании с Бабозо и Ламбуто находится также Швы, и Дариус, и Бонго-младший. Бабозо, конечно, у них заводила, но и остальные не лыком шиты.

Надо же, как их прорвало, кьяровских некроненавистников!

Отработали все девочки. И Бац, и Рюх, и Клементильда, и малышка Тупси, даже Кси с уродским фингалом во всю щеку, Данею вызывали на бис два раза, а саму Оксоляну — в общем, её

каждый по разу перепробовал.

Одного раза бывает достаточно, чтобы составить впечатление о женщине в постели, так что царевна самоотверженно работала на это первое впечатление. Флакончик пока придержала, ни с кем его не светила. Надеялась, для интимных подарков «любимому клиенту» от «заботливой шлюхи» придёт ещё лучший случай.

А вот придёт ли — это надо спросить у некоторых безответственных шлюх!

Увы, как и стоило ожидать, некоторые подруги по септиме оказались более нетерпеливы и наивны, чем она. Клементильда и Рюх сбросили флакончики при первом же визите к ним Швы и Ламбуто, даже не дождавшись ввержения клиентов в полное мужское бессилие. Ну надо же так продешевить!

В итоге прямо тут же, в борделе, бутылочки пошли по рукам.

— И что, помогает? — с иронией спросил Бабозо.

— Мне пока не понадобилось, — ответил Швы, — да и не думаю, что когда пригодится.

Нет, так не говорят об интимных подарках! Ни в коем случае не говорят.

Тут и Ламбуто вылез:

— О! У меня такая же! — и показал собственную бутылочку. — Мне она досталась от вон той, свиноподобненькой!

— Надо же! — заржал Бабозо. — Да у них тут целая аптека!

— Само собой, — по-своему пояснил Швы, — они ж мертвечихи, на них ведь не у каждого встанет!

И тут же, прямо в борделе, приятели Бабозо затеяли игру в кости, в которой Швы и Ламбуто поставили на кон свои заветные бутылочки. Выиграл сам Бабозо. С преувеличенной важностью засунув трофеи в карманы штанов, он обернулся к Оксоляне.

— В следующий раз, как соберусь к тебе красавица, непременно напьюсь этих эликсиров. А то желания у меня много, но больно уж ты страшна.

* * *

Ох и устроила царевна разнос негодницам! Наступило как раз позднее утро, последние похмельные пираты выперлись из заведения, чтобы вернуться передневать на свои суда. Тут уж от Рюх с Клементиной полетели клочья! Оксоляна начала, госпожа Лейла добавила, не стесняясь в сильных уземфских выражениях.

Отдать особо ценные пузырьки с элексирами — и даже не подчеркнуть особую значимость момента!

— Я подчёркивала… — пыталась оправдаться Рюх. — У него

на меня вообще не вставало, я и говорю…

— А не вставало — передай подруге! — рявкнула Лейла.

— Так я же разве против? Мне сказали — иди к нему. Я и пошла. Думала, больше некому. А когда он ничего не смог, я и решила…

— Решила она… — передразнила госпожа. — И тут же, с ходу, зарифмовала поэтические строки в кранглийском стиле:

«Я сама так решила,
Я собою довольна,
Попой села на шило.
Отчего же так больно?»

И дурочка Рюх с этого момента стала доказывать, что на шило она не садилась. На шило, наверное, сел кто-то другой, потому что Рюх это шило даже в глаза не видела, а если бы всё же села на него, то непременно почувствовала бы седалищем.

Но Рюх — ещё ладно. Она хоть признала, что опростоволосилась. Что же до Клементильды, так эта дурища ещё начала огрызаться. И, как водится, отбрехивалась намного громче, чем Оксоляна с Лейлой на неё нападали, так что в конце перепалки можно было заподозрить, что виноватыми остались они. Крик при этом стоял такой, что случись рядом эузский шпион — всё бы выведал без остатка, даже не заглядывая в окна заведения.

Остальным бы участницам септы поддержать Оксоляну с Лейлой, да видно ещё не отошли от общения с потными пиратскими телами. Сидели себе на подушках, ресницами хлопали.

Казалось, разговор заходит в тупик.

И в этот самый миг случилось чудесное преображение одной из телохранительниц, сопровождавших «живой товар» к пиратскому Саламину от замка Окс. Да полно, телохрагнительница ли это? Лицо её стало неуловимо меняться, нос несколько сгорбился, глаза округлились и чуть выкатились из орбит, на бойцовской тунике вдруг стала заметна характерная брошь — какое-то насекомое.

Ангелоликая! Среди нас Ангелдоликая, Ангелдоликая — какое счастье!

— Значит… — вы всё время были с нами? — не могла сдержать Оксоляна тёплых признательных чувств.

— Да, конечно, — довольная произведённым эффектом, ответила Мад. — Не могла же я оставить без присмотра моих неоперившихся птенцов! Первое испытание требует

внимательнейшего кураторства…

Но если… Если под видом одной из своих телохранительниц в Саламин с ними ехала Мад Ольгерд, значит… Значит, в трюмк «Морского дьявола»… О, какой ужас! Выходит, и Ангелоликую наравне со всеми пялили в трюме грязные потные сволочи из команды капитана Кидда!

Мад внимательно посмотрела в глаза Оксоляне и печально кивнула. Мол, ради дела не пожалела даже собственного мёртвого тела…

— Кидд мерзавец! — немедленно взвизнула сметливая Бац. — Как он мог? Это унижение смоет одна лишь кровь. Не правда ли, Ангелоликая, его корабль надлежит пустить на корм рыбам вместе с флотилией Кьяра?

Ангелоликая покачала мудрой головой:

— Нет. Кидд пока нужен. Нужен мне, нужен некрократии. Да, он мерзавец, но это наш мерзавец. От своих прикормленных мерзавцев приходится и потерпеть.

— Так что, всех, кто может пригодиться, оставлять жить?

— Не всех, — мягко возразила Мад. — Но Кидд — капитан нашего направления, уважаемый в пиратском кругу. Его мы тронуть никак не можем.

— А не капитана? — невинно спросила Бац, и Оксоляна мигом поняла, кого она имеет в виду.

Ангелоликая тоже догадалась, поэтому сказала прямо:

— Одноногий инвалид Зильбер? Я могла бы попросить его головы, но мне кажется, капитан Кидд на это не пойдёт. Всё, что я смогла бы его заставить — это уволить инвалида на берег. А уж на берегу, не правда ли, Бацилла, с одноногим всякое может случиться…

— О спасибо, спасибо, — расчувствовалась глукщская переписчица.

— Теперь о главном! — Ангелоликая заговорила строже. — Эликсиры в пузырьках пока следует отложить, никому не показывать. Пусть преждевременно полученные зелья хоть немного изгладятся из пиратской памяти. Но команды с судов Кьяра всячески привечать, входить к ним в доверие. Лишь тогда, когда они будут ходить в салоны «госпожи Лейлы», точно к себе домой — а случится такое не за месяц — лишь тогда я разрешу вам снова использовать бутылочки.

— Слушаемся, Ангелоликая! — хором грянула септима.

* * *

Под присмотром Ангелоликой всё стало намного проще. Совсем другое дело, когда не тебе самой решать. Если кто-то сказал: «Пузырьки отложить», можешь преспокойно отложить, а не думать, что преступно затягиваешь выполнение миссии.

И общение с Бабозо. Если ты расслабилась, то нравишься ему гораздо больше. Пусть ты мёртвая, но живых-то он себе найти не может. Потому и вернётся к мертвечихе, но не к любой. К той, которая свободнее держится.

К надутой Клементильде — вряд ли. Ну, и к карлице Тупси — больно уж она мала.

Прошло меньше месяца, а у Оксоляны, Бац, Данеи, Рюх и Кси перебывало столько пиратов из-под начала Кьяра, сколько и в списках-то не было. И, главное, с каждого корабля кто-нибудь побывал.

Боевой септиме только того и надо. Достаточно по одному на корабль. Оснастил его чудо-бутылочкой — и привет-прощай! Можно, конечно, и двоих одарить, ну — для верности. Но третьему — точно не следует дарить пузырёк. Третий — лишний. А бутылочки, поди, больших денег стоят.

В нужный момент, когда Мад Ольгерд всё же дала отмашку, пузырьки пошли в ход. Каждая из часто посещаемых «обученных в Уземфе мёртвых прелестниц» раздала их нескольким «самым любимым клиентам» с условием не продавать и не передаривать, а иначе «волшебство пропадёт».

У Оксоляны таких «единственных клиентов» сыскалось человек восемь. Среди них — Бабозо и Гуго, первый помощник Переса. А ещё — тот таинственный Джу, с появления которого в «Саду райских наслаждений» мертвечихам впервые стала улыбаться саламинская удача.

Восемь человек! Пять кораблей! Я одна потоплю пять кораблей! Хвалите меня, ведь я этого достойна, потирала царевна ладони. Правда, как именно действуют бутылочки на корабль, она так и не поняла. Разобралась только с воздействием на мужскую плоть, которое срабатывало безотказно.

Но раз в малом-то действуют, авось и в большом-то не подведут! Как именно — не её забота.

Ангелоликая тоже ходила довольная-предовольная. Даже в образе телохранительницы она вела себя с незаметной прежде весёлостью. Всё спорилось, всё получалось, даже в сущих мелочах.

Как-то в салон забрёл мрачный инвалид Зильбер. Списали-таки на берег! За что — старик и представить не мог. Пил с другими клиентами в общем зале трактира на первом этаже, ругал неблагодарного капитана. Полез в драку, в которой сам же

получил от прияителя собственным костылём.

Бациллу бить более не напрашивался. Униженно просил позволения хоть кого-нибудь полюбить естественным способом. Что ж, госпожа Лейла сжалилась и пустила его к не самой востребованной Клементильде, но предварительно (на всякий случай) отобрала костыль.

И что же старик инвалид? Превозмог себя? Нет, оказалось, он без того костыля вообще ни на что не способен. Клементильда даже собралась было воспользоваться секретным средством, но на неё из-за ширмы красноречиво поглядела всевидящая Мад. В общем, ушёл старик без малейшей любовной победы. И поделом!

* * *

А потом наступил долгожданный миг. Весь Саламин был в курсе, что объединённая пиратская флотилия, куда в числе прочих вошли все корабли Кьяра, отправляется покорять Южный Утёс и Новый Саламин — частенько переходящие из рук в руки пиратские порты.

В этот день к мёртвым прелестницам притащился один лишь инвалид Зильбер, остальные же отплывали, либо готовились к отплытию. Причём особо значимые для септимы клиенты — те, что пришли с кораблей Кьяра — были уже в пути. Они вышли из порта Саламина двумя днями ранее, составив авангард нынешнего южного похода.

Зильберу госпожа Лейла довольно бесцеремонно указала на дверь, не озаботившись даже подыскать повод. Истинная причина состояла в том, что боевой септиме ииз города Цига — очень уж не до него.

В предвкушении главного события миссии каждая из мёртвых «девочек» слонялась по салону сама не своя. Не в силах сдержать волнение, госпожа Лейла слишком много говорила и рифмовала напропалую гашиш с анчоусом, а камбалу с ромом.

Ангелоликая — и та находилась не в своей тарелке, очень уж нервно теребила свою новую, непонятных очертаний, опаловую брошь на платье.

Оксоляна улучила подходящее, как ей казалось, мгновение, чтобы поинтересоваться, что за редкое насекомое прицепила Мад к лифу ради сегодняшнего случая.

— Это не насекомое, — произнесла Ангелоликая не без благоговения, — это гарпия! — и дала понять Оксоляне, что ею совершена бестактность.

Очень жаль! Никогда ведь не угадаешь, а подольститься-то

надо…

Между тем в треволнениях приблизилась ночь. Уже скоро…

— Все корабли Кьяра покинули порт и находятся в открытом море, — доложила телохранительница. Та, которая и была телохранительницей.

— Замечательно! Это я и ждала, — оживилась Мад, потирая мёртвые ладони. — Что ж, дело сделано. Четырнадцать кораблей из его пятнадцати отмечены нашими элексирами, — она весело хихикнула, — которые, чтобы сработали, мужчина должен всегда носить при себе.

— Но что теперь, Ангелоликая? — тревожно спросила Бац.

— Теперь мы немножечко поколдуем… — Ангелоликая достала медное блюдечко с каплей воды, сыпанула туда морской соли, а сверху горсть крупного морского песка. — Это старая стихийная магия с лёгкой некромантской примесью, вызов из донных впадин моря Ксеркса заточённых там духов воды! Знаете, что было в каждой бутылочке? Частица водной стихийной силы. Теперь, после нашего обряда, частицы сольются с целым. Всё, готово. Водные духи останутся довольны.

— А корабли Кьяра? — так и не поняла карлица.

— Какие корабли? Кораблей больше нет.

Медное блюдечко на столе подпрыгнуло и дважды перевернулось. Оксоляну щедро обдало разлетевшимся песком. Послышался отдалённый гул неведомой стихии. Стены кальянной ощутимо тряхнуло.

Глава 15. Звуки гарпии. Злобный хохот

Яндротар не подвёл. Новость об увиденном в его глазах продолжателе династии Драеладра распространилась быстро. Мало кому известный сиреневый дракон из Бегона действительно оказался близок к окружению самых общительных драконицВерхнего мира.

Бланш и свыкнуться с увиденным не успела, как нагрянули посланцы от Гатаматар. Срочно держать ответ за сказанное! Что ж, внутренне улыбнулась провидица, будем надеяться, что я готова.

Была ведь готова к ответу и в куда более слабом положении.

Что ты увидела? Когда увидела? За какой надобностью прилетал Яндротар? Почти на каждый вопрос можно ответить честно. Те, кто их ставил, в опросах и допросах не слишком изощрены. Больше свои чаяния раскрывают, чем узнают от провидицы недостающих сведений.

Как водится, у Гатаматар все советницы на вылете, вот и послала она к Бланш просто двоих воспитанников. Не из блистательных. Середнячков. Громобомбар и Финдарокрег — так их звали. Оба имени не предрасполагают к проницательности.

Правда, если воспользоваться их неопытностью чересчур откровенно, Гатаматар заподозрит неладное — потому-то Бланш и решила отвечать не слишком уклончиво.

Зачем прилетал Яндротар — у него спросите. А всё что увидела — извольте, расскажу. Видела яйцо, снесённое Лулу Марципариной Бианкой. В яйце же — серебристо-белый дракон. Видела ясно, а не сквозь пелену, и тем более не складывала образ путём перетолковывания смутных знаков. Что значит: новый Драеладр точно родится. Точно, а не «с определённой вероятностью».

— А откуда ты знаешь, что всё, что ты говоришь, случится именно так? — посланный воспитанник Гатаматар при всём желании не мог бы задать вопроса наивнее.

Гадание по глазам — это древняя практика, доступная особым призванным к тому людям и драконам. Насколько слышала Бланш, дар этот очень редок, и обнаруживался лишь в роду Драеладра и только у драконов в людском обличии. В том, что гадания верны, Бланш убедил многолетний опыт. Кто желает проверить — тот пусть обратится к собственному дару, либо дождётся предсказанных событий.

— А если, хе-хе, у нас нет времени ждать? — это сказал второй воспитанник. Судя по содержанию вопроса, этот посланец Гатаматар принадлежал к сильнейшему, на многое претендующему клану Рооретрала — другим-то спешить некуда.

Судя не только по содержанию вопроса, но и по характерному короткому смешку. «Злобный хохот». Да-да: Рооретрал — «злобный хохот». Именно так он и переводится.

— Почему же у тебя нет времени ждать, любезный Финдарокрег? — резко спросила Бланш и внезапно с вызовом посмотрела в его глаза.

Тот не ожидал атаки, не успел вовремя закрыться — ишь, горе-дознаватель! В замешательстве мотнул головой на несколько жёстковатой шее и опустил шторки век — но с опозданием.

Бланш успела увидеть всё, что хотела. Но только нет, не хотела бы она такое видеть!

* * *

Гатаматар вообще-то не жаловала драконов в человечьем обличии. Всё ей казалось, что быть драконом, а выглядеть, как человек — это не очень-то честно. Понятно, что люди-драконы зачастую не сами выбирали, в каком виде им родиться. И всё же осадок от их неправильности оставался, портил Великой Матери впечатление даже от вроде бы мудрых и благородных поступков этих горе-драконов, промежуточных существ.

Вырождение. Вырождение драконьего племени — вот что они такое. Пятно на светлом имени клана Драеладра.

Жаль, очень жаль, что не бывает драконьих имён вовсе без пятен. Ведь в остальном имя Драеладра — самое лучшее. Имя Рооретрала — куда более уязвимое и для враждебной магии, и для собственных уклонений с верного маршрута полёта. Но что за парадокс: клан Рооретрала — гораздо сильней. Потому и сильней, что в нём нет этих жалких полукровок, возвращающихся из поколения к поколению.

И вот теперь одна из таких полукровок должна родить нового Драеладра, другая полукровка сделала о том предсказание, а третий полукровка стоит перед Гатаматар и рассказывает, что яйцо уже снесено.

Атака. Атака полукровок на цельный мир крылатых драконов — вот как это выглядит. Но по форме не придерёшься.

Знает Бларобатар, что сам имеет право считаться драконом. Знает, что крылатому дракону нельзя вменить факт рождения его яйца человечьей женщиной. Знает, что имя Драеладра может быть

наречено любым родителем — крылатым, бескрылым — без разницы. Знает, что другие драконы обязаны подчиниться сильнейшему имени. Слишком он много знает.

И о том, что Гатаматар послала двоих воспитанников проверять слух о предсказании провидицы Бланш — об этом её собеседник наслышан тоже.

— Я разведчик, — открыто улыбнулся Бларобатар, — нам, разведчикам, положено уметь разузнавать важные новости. К провидице посланы Громобомбар и Финдарокрег — не так ли? И на мой взгляд, Финдарокрег послан напрасно, так как принадлежит к роду Рооретрала и не сможет беспристрастно воспринять послания её провидческого дара. Рождение Драеладра рушит кое-какие надежды его клана…

Бларобатар стоял перед Матерью-Драконицей прямо, без откровенного вызова, но с некоторым на него намёком, говорил уверенно. На чём держится эта уверенность, крылатому дракону трудно представить. С двуногого дракона должно бы сбить всякую спесь уже простое осознание того, что если его «забудут» забрать отсюда, он так и останется в небесном дворце Гатаматар, будет слоняться по подавляюще огромным его пещерам без малейшей надежды на возвращение. Не страшно?

Вот простым-то людишкам без претензии на драконство — им было бы страшно. Хотя возможности у них примерно одни и те же.

А разница-то лишь в одном. В надежде, что Драеладров клан обязательно поддержит свою родню.

— Так говоришь, яйцо уже снесено? — переспросила Гатаматар, возвращаясь к одной из прежних реплик собеседника.

— Совершенно верно, — не моргнув глазом, сказал Бларобатар.

Может, и правда. От испытующего взгляда драконицы полукровка не отводил взгляда, словно приглашая читать в его глазах на манер провидицы Бланш. Да только что в них прочтёшь, в человеческих-то глазах: по ним даже сама провидица, и та не читает.

А всё почему? Человечьи глаза лживы.

* * *

— Гарпия, — произнесла Бланш. — Я увидела в глазах гарпию.

Обращалась она к Громобомбару, но ответил Финдарокрег:

— Что за чушь? Нет у меня в глазах никаких гарпий.

Можно подумать, какие-то драконы способны заглянуть в свои глаза с той стороны. Финдарокрег вёл себя глуповато, и даже спутник внимательно на него посмотрел. Посоветовал:

— Успокойся.

— Нет, правда: гарпий в моих глазах нет! Она лжёт!

Бланш, по-прежнемк обращаясь к Громобомбару, заметила:

— Мне кажется, твой приятель из клана Рооретрала имеет личный интерес в том, чтобы обвинить меня во лжи. Ведь если я не видела гарпию, то, получается — и рождения Драеладра тоже могла не видеть. А значит, можно смело требовать смены правящей династии. Не о том ли сейчас печётся Рооретралов клан?

— Ну а ты-то зачем смотрела в его глаза? — спросил Громобомбар. — Он ведь тебя о том не просил.

— Мы, провидицы, работаем не только по запросу, — жёстким тоном ответила Бланш, — иногда нашими действиями руководит сама истина. Чтобы мы вовремя получили от неё послание.

— Посмотреть в глаза Финдарокрега и увидеть там гарпию — послание истины? — усомнился Громобомбар.

А его товарищ добавил:

— Очень странное послание, учитывая, что гарпий не бывает.

Особый комизм его словам придавали опущенные на глаза непрозрачные шторки век.

Теперь он в присутствии Бланш будет всегда так жмуриться?

— Если гарпий не бывает, — играючи поймала дракона провидица, — отчего было так сильно пугаться увиденного мной?

Воспитанник Гатаматар протестующе фыркнул — разумеется, в знак того, что уж он-то не из пугливых. Но и фыркнул как-то неубедительно.

— Если гарпий не бывает, — продолжила Бланш, — зачем прятать глаза?

— Чтобы ты не видела в них то, чего нет!

— Но если я вижу то, чего нет, поможет ли сокрытие глаз? То, чего нет, я преспокойно могу и без глаз увидеть, разве не так?

— Без глаз, наверное, не можешь, — запутался Финдарокрег.

И тут же, во мгновение ока просиял, обратился к товарищу:

— Ты слышал? Она сама призналась, что видит то, чего нет!

К этим бы словам, да чуток артистизма — и Бланш бы, пожалуй, раскаялась, что взялась за доказательство от противного. Но артистической лёгкости манипулирования словами у Финдарокрега не было и в помине. Тяжнловесные измышления не могли убедить его спутника, который, на счастье Бланш, принадлежал к одной из чистых ветвей клана Горпогурфа.

— Нет, — возразил Громобомбар, — она не призналась.

Рооретралов зажмурившийся родич собрался было спорить, но передумал. Понял: если товарищ решил соблюдать нейтральность, непросто его убедить в очевидной заведомой чепухе.

Как-никак, Громобомбар собственными ушами слышит, в чём провидица признаётся, а в чём нет. И не спешит полагаться на чужие выводы.

— Не призналась? — лицемерно вздохнул Финдарокрег. — Что ж, наверное, я перепутал. Не обращай внимания, мой друг. Просто когда на род Рооретрала возводят напраслину, меня переполняет вполне понятное справедливое негодование.

— Напраслину? — прицепилась к неосторожному слову Бланш. — В чём напраслина?

— Действительно, в чём? — невольно поддержал её Громобомбар.

— Да в том, что наш род никакого влияния гарпии не испытывает, а она говорит, будто это так! — выпалил зажмуренный дракон.

И сам-то не заметил, как проговорился.

Обвинила ли Бланш хоть бы в чём-то подобном его род? Может, и собиралась, но пока не сделала этого. То, что она успела увидеть в быстро спрятанных глазах — огромную гарпию, раскинувшую оперённые крылья над сбившимся в покорную стаю крупнейшим драконьим кланом — этого она высказать попросту не успела. Только и вымолвила: «Гарпия. Я увидела в глазах гарпию». И всё. Больше ничего не успела.

И ни в чём не обвинила ничей род.

Громобомбар — крылатый дракон с характерной для них абсолютной памятью — он-то уж точно не мог усомниться в том, что слышал от Бланш, а чего не слышал. Потому снова возразил:

— Нет, послушай: она такого не говорила.

— Нет, говорила! — как-то пронзительно-жалко, вовсе не по-драконьи взвизгнул Финдарокрег.

Не таким ли голосом говорят гарпии? Да и движения у них, должно быть, очень похожи. Да и поза — точно у вороны над падалью…

Бланш окинула внимательным взором на зажмурившегося дракона-посетителя. Ну точно ведь: жмурится зря! Всё, что скрывает в тайниках глаз, отменно выражено в тоне, движениях и позе.

— Нет, говорила, говорила, говорила! — продолжал кипятиться визжащий дракон, количеством одинаковых слов тщась восполнить их легковесность. — Ах ты мерзкая клеветница!

Ты достойна жестокой смерти! Ты умрёшь!!!

Он что, серьёзно? Тут Бланш, кажется, впервые за весь разговор по-настоящему забеспокоилась. От посланцев Гатаматар ожидаешь многого — но как правило, не угрозы немедленной расправы.

— Финдарокрег, да что на тебя нашло! — встревожился и Громобомбар. — Какая такая клеветница, ты о чём?

Визг дракона с опущенными веками стал громче и пронзительнее:

— Замолчи! Ты с ней заодно!!! — а когти заскребли заиндевевшую каменистую почву отшельничьего небесного островка.

Однако, рехнувшийся дракон — это бывает очень страшно. В особенности, как подумаешь, что могла не успеть испугаться, а тебя уже нет. Долго ли полоснуть острым когтем по незащищённой шее?

А ведь что стоило Гатаматар, которая провидицу недолюбливает, не уравновешивать Финдарокрега более лояльным спутником, а прислать двоих таких финдарокрегов. Тогда бы они спорили не о правомерности обвинения Бланш в клевете, а лишь о том, кому первому её порешить.

Финдарокрег совершил попытку. Он распахнул глаза, но сделал это лишь для того, чтобы верней дотянуться до провидицы когтистой лапой. В миг, когда он атаковал, в его безумных глазах надсадно хохотала гарпия.

Провидица чудом увернулась от удара. Отпрыгнула в самый последний момент, упала, больно проехалась плечом по камням. Вскочив на ноги, едва не пропустила повторную атаку.

Всё потому, что прикипела взглядом к картине, представшей в глазах одержимой твари. Там гарпия жирнела, набирала силы, а подвластный ей клан хирел, истончался.

Фигурки драконов худели, превращались в чешуйчатые мешки с костями — но ни один не выбрался из под осенившего их шатра оперённых крыльев. Жались к своей правительнице, дрожа от холода и благоговения, заискивающе улыбались больными редкозубыми пастями.

Да ведь Рооретрала надо спасать!

Между тем дважды промахнувшийся Финдарокрег расправил крылья, тяжело подпрыгнул. Известно зачем — чтобы спикировать на провидицу с высоты, наверняка достать её с лёту. Эту попытку безумца пресёк опомнившийся его товарищ. Метким ударом крыла подсёк его прямо на старте, навалился сверху, прижал к заиндевевшим камням отшельницьего островка, зашипел разъярённо:

— Прежде, чем будешь взлетать — охолодись!

— Ты пожалеешь! — с визгливыми нотками рычал обездвиженный.

— Громобомбар, — сказала Бланш, — ты сам видишь, что с ним происходит. Уведи его отсюда, будь добр. И проследи за тем, чтобы он сюда не вернулся, пока вы не доложитесь Гатаматар. Если же не получится… Что ж, ты и сам знаешь, что ей стоит поведать о нашей встрече.

* * *

— Великая Мать, он нагло лжёт, чтобы выгородить свою лживую бабушку, — прошелестел в ушах Гатаматар едва слышный шёпот.

Известно кто — новый Рооретралов посол старается. Зовут его Пендрамор, но выступает он не от своего имени, а от всего клана. И, кстати, старается зря, ибо перестарался. Чего добивался: настроить Гатаматар против полукровок? Так она и была против них настроена. Но имела серьёзные основания, а не те досужие измышления, которыми её потчует клан Рооретрала.

Бланш соврала? С чего бы это вдруг? Слух пущен раньше, чем она смотрела в глаза Яндротару? Кто и каким путём сумел бы подобное утверждение проверить?

— У Рооретрала появились новейшие секретные способы, — ухмыляется шёпот посла, — мы теперь точно знаем, кто врёт, кто не врёт, а кто врать собирается. Так вот, мы доподлинно знаем: Бланш собиралась врать.

Гатаматар отмахнулась крылом от посла, как наземная корова хвостом от назойливой мухи. Послушай заинтересованную сторону и подели на восемьдесят четыре — и то на треть ошибёшься.

Однако, хоть отмахивайся, хоть не отмахивайся — муха не отстанет.

— Запомни мои слова, Великая Мать, — не унимался посол обеспокоенного клана, — провидица Бланш собиралась сказать о близком рождении Драеладра ещё тогда, когда не надеялась что-либо увидеть! Когда же увидела в глазах Яндротара свою лживую весть — сама удивилась!

Фу ты, какие глупости!

— Слышишь ли ты, Бларoботар, что мне сейчас шепчут? — спросила драконица громко, даже вызывающе громко.

— Слышу, — безмятежно ответил полукровка.

— И тебе есть, что ответить?

— Не в моём обыкновении, Великая Мать, отвечать на глупости.

Что ж, достойный ответ. Очень неплохо для полукровки.

— Наглая ложь! — снова зашипело в ушах. — Трусливая ложь!

«Наглая трусливая ложь»? Наглостью Бларобатара Божества-создатели не обделили, это да, но страха — нет, незаметно. В чём-то едва уловимом — в тоне, жесте, позе — тревога бы проступила. Раз её нет, нет и смыла подозревать ложь. Ибо откуда, в конечном счёте, берётся лживость, как не от избытка страха?

Уже то, что Бларобатар перед Матерью-Драконицей мог держаться прямо, в общем-то хорошо о нём говорило. Будь он подлым лжецом, то боялся бы, наверное, прогневить драконицу такого ранга.

— Лжёт, лжёт, лжёт, мы свидетельствуем! — зашептало хором сразу несколько Рооретраловых прихвостней. Ну что ты с ними будешь делать?

— Замолчать! — рявкнула Гатаматар.

Всякий шёпот испуганно смолк, а она сказала:

— Кто-нибудь один, кто имеет имя, пусть произнесёт сказанное в голос! И тогда я обяжу Бларобатара ответить.

Вызвался, к её удивлению, не посол клана, а не самый именитый Рооретралов родич — давний воспитанник Трембизолор.

— Все мы имеем славные имена, — сказал он, — да не всякому имени стоит снисходить до общения с полукровкой. Да, мы настаиваем, что весть о скором рождении нового Драеладра получена обманным путём.

Гатаматар кивнула Бларобатару. Тот произнёс.

— Предсказание получено. Оно правдиво. О чём толковать?

Гатаматар заметила:

— Прочитанное по глазам дракона, наверное, можно проверить. Но для того нужна другая провидица. Не менее надёжная в предсказаниях, чем Бланш. Есть у вас такая, драконы Рооретрала?

— Нет, — вывернулся Трембизолор. — Мы не ставим под сомнение увиденное. Мы сомневаемся в беспристрастности и доброй воле провидицы. Мы считаем, что она собиралась совершить предсказание раньше, чем получила подтверждение в глазах Яндротара. То есть — выигрывала время.

— Она выигрывала время, или всё же клан Рооретрала его проиграл? — обманчиво невинным тоном уточнил Бларобатар.

Что ж, хорошо отбивается. Впрочем, позиция соперников

логически заведомо уязвима. Если бы со сменой династии поторопились, если бы она была закреплена решением Совета Старейшин — рождение нового дракона в отставленном от верховенства роду Драеладра ничего бы не изменила. Но по причине ли строгого следования драконьей традиции?

Нет, по причине ошибки Совета Старейшин, которую себе дороже было бы исправлять. Пока старейшая династия имеет шанс, она имеет и приоритет. О том Рооретралов клан хоть и не может забыть, но предпочитает не упоминать. Притворщики.

— Мы настаиваем, что Бланш хотела ввести совет в заблуждение, и если бы не нашла подтверждения в глазах Яндротара, всё равно бы… — скучно забубнил Трембизолор, заранее понимая, что никак своего тезиса не докажет.

— Я не знаю вашего источника сведений, драконы Рооретрала, — молвил Бларобатар, — но если таковой и есть, утаивание его от Великой Матери — само по себе преступление. И если даже предположить, что Рооретрал, воспользовавшись преступно сокрытым источником, сумел проникнуть в глубину мыслей провидицы Бланш — что это нам докажет? Только то, что у провидицы есть больше знаков для истолкования, чем только драконьи глаза. Я допускаю, что предварительные сведения о грядущем рождении Драеладра провидица получила ранее — менее надёжными методами. Потому-то, желая себя проверить, она заглянула в глаза Яндротара как более надёжный источник. Что в этих действиях должно смущать Мать-Драконицу?

Браво, полукровка!

Когда опытный переговорщик Трембизолор замолчал, не в силах подобрать новый довод, в спор неожиданно вмешался юный Мадротор. Как всегда, ни у кого не спросил позволения: ни у Гатаматар, ни у светил дипломатии своего клана.

Взвившись над местом, где он возлежал, на полтора своих корпуса — ради дешёвого эффекта, чтобы не окрылённому Бларобатару приходилось смотреть на него снизу вверх — красный дракон принялся ожесточённо спорить. По сути же, он повторил слово в слово все аргументы Трембизолора, только что опровергнутые находчивым полукровкой.

Ах, Мадротор, Мадротор… Этот дракон берёт натиском и нахрапом — имя у него такое. Но натиск и нахрап не во всех случаях срабатывают. Против сильных же спорщиков — не срабатывают никогда.

Расчёт Мадротора на эффект высоты также не оправдался — Бларобатар на него так и не посмотрел. Вместо того сказал прежнему своему собеседнику:

— Трембизолор, ты отбрасываешь цветастую тень. Она

слишком самостоятельна, и не раз ещё тебя подведёт.

— Ты заплатишь за эти слова, двуногое ничтожество! — заверещала в воздухе тень и, приземляясь, попыталась двинуть Бларобатара крылом. Не удалось — всё-таки в зале было слишком много драконов, и тех, что расположились рядом с человечишкой, Мадротор задеть опасался.

— Остынь, Мадротор, — бросил тогда официальный посол Рооретрала, — скажу я.

Прозвучало солидно. Гатаматар с интересом подумала, что ж он теперь скажет. Но интерес быстро угас. Рооретралов посол упрямо повторял то, что ранее пытался нашёптывать на ухо, а также кое-что из того, что было им сказано наедине, в конфиденциальном полёте.

Совсем никакой фантазии — у целого клана! Правда, голос у посла поставлен неплохо, да и талант декламатора в наличии. Но то, к чему они приложены, начинает утомлять.

— Ты говоришь, яйцо снесено — это ложь! Ты говоришь, тебе не зачем лгать — есть, зачем! Ты для того говоришь, будто яйцо снесено, чтобы пророчество Бланш о снесённом яйце легче миновало проверку. Ещё бы: «зачем проверять пророчество, если мы можем проверить факт?». Но гнусная ложь всё равно остаётся ложью!..

— Скажите, посол, — перебил его Бларобатар, — если есть факт, почему бы Великой Матери в нём не убедиться?

— Так в том-то и дкло! — посол возвысил голос. — Проверить невозможно! У вас с провидицей Бланш и пророчества, и факты приводятся с опережением, — посол обернулся к Гатаматар. — Это так, Великая Мать, клянусь Рооретраловым тайнознанием! А значит, если мы даже все вместе прилетим в Ярал на инспекцию, и нам предъявят яйцо, снесённое женщиной Марципариной — что это докажет? Ровно ничего! Ибо яйцо Марципарина могла снести прямо сейчас, а рассказать о нём Бларобатар был волен три недели назад! То есть в период, когда Советом Старейшин решался вопрос, важный для всей нашей расы!..

Когда Гатаматар слушала эту версию событий в самый первый раз, в конфиденциальном полёте с послом, то невольно всему верила: звучит ведь правдоподобно!

Под влиянием той минуты она направила к старой Бланш Финдарокрега с Громобомбаром, а Бларобатара вызвала к себе на серьёзный разговор. Если низкие полукровки благородными драконами пойманы на лжи, надо сразу же строго разобраться, ведь так?

Непосредственно перед разговором с Бларобатаром посол

опять изложил ей всё ту же версию событий. Она по-прежнему казалась убедительной, хотя однообразное повторение доводов показалось унылым.

Разговор с Бларобатара Великая Мать начала с подозрений, которые человечишка долгое время не мог развеять. Ведь он отрицал очевидное, как казалось тогда.

Что же случилось дальше? Пожалуй, вот что: посол начал шептать, и тем всё испортил. Зачем он шептал Гатаматар всё те же дважды слышанные ею слова? Подсказывал верные решения? Если подсказывал, значит, не верил, что Мать-Драконица способна их принять самостоятельно. Значит, пытался что-то решить за неё саму.

Он думал, Гатаматар это понравится?

Нет же, Гатаматар в тот момент понравилось истинно драконье достоинство и ум, с которыми держался обвиняемый полукровка.

— Прошу прощения, Великая Мать, обязательно ли мне что-то отвечать на чушь, которая сейчас прозвучала?

— Нет, достаточно. Не стоит умножать чушь.

* * *

Сравнительно благополучно спровадив посланцев Гатаматар, провидица Бланш отправилась в свой отшельничий домик и первым делом отогрела ладони о кирпичные стенки недавно погасшей печки.

Долгий вышел разговор. Долгий и неприятный. То-то и промёрзла до старческих костей. С крылатыми-то драконами в домишке не побеседуешь. Приходится торчать снаружи, на голом, как блин, небесном островек, открытом холодным ветрам. Этак никакая телогрейка не спасёт.

Ну да к морозу провидица привычна. Если бы не другой мороз, внутренний, который прячется под одеждой, тревожно щекочет спину, ознобом ползёт по коже, а то и сжимает желудок окаменевшим кулаком.

Страх! Давненько ты не посещал старуху.

Ведь подумать только: живёшь на отшельничьем островке среди безбрежного неба. Кто здесь бывает, кроме любимого внука? Кого внук пришлёт, тот и бывает. А кого не пришлёт, тот едва ли найдёт дорогу.

Остров «Новый Флёр» — маленький, никому не нужный. Идеально пустой, если не считать домика Бланш да мостков, заменяющих пристань небесным замкам. Идеально незаметный

почти отовсюду.

Хорошо здесь прятаться, когда тебя ищут. Намного хуже — когда найдут. Место уединённое — ведь убьют, и никто не заметит!

Да, убить могли, и совсем недавно. Хорошо, что из тех двоих драконов чересчур справедливая гарпия стояла в глазах лишь у одного.

Бланш успела развести огонь в печи и поставить кашу, когда крышу домика сотряс резкий удар. Какое-то мощное тело стучало в неё со всей дури. Судя по мощи и дури, это вернулся Финдарокрег.

А что же Громобомбар? Ведь просмила его, так просила!

Провидица тайком выглянула в окно и увидела, как её недобрый знакомец делает второй заход. На сей раз удар по крыше был гораздо сильнее. Когтистая лапа, скрежетнув по кирпичной кладке, снесла печную трубу. Мелкие обломки кирпича накрыли печной очаг, загасили огонь, присыпали котелок с кашей.

С третьего захода свирепый Финдарокрег сорвал с дома крышу.

— Человечишка хочет спрятаться? — злобно захохотал он с небес прямо в лицо Бланш, неловко вжавшейся в стену в тесном закутке между столом и печкой. В безумных его глазах издевательски кривлялась гарпия.

Раз — и метким ударом крыла дракон развалил стол:

— Так будет с каждым! С каждым поганым выродком-полукровкой! С каждым Драеладровым выкормышем! Передавим по одному!

* * *

Из двоих драконов, посланных Гатаматар для учинения опроса провидице, обратно вернулся только один. И в каком виде: израненный, с порванными крыльями и навсегда потерянной ногой.

Несчастный возник в просвете главной пещеры Небесного дворца Гатаматар как раз под конец убедительного разгрома Бларобатаром последних доводов опоздавшего возвыситься клана.

— Не стоит умножать чушь, — сказала тогда Великая Мать, надеясь подвести итог. Но вместо итога влетел Громобомбар.

Влетел и упал, закатив глаза. Лишь из последних сил обернул обрывками крыльев кровоточащий обрубок ноги.

— Что случилось? Где Финдарокрег? — пыталась допрашивать воспитанника Гатаматар.

Тот был не в состоянии ответить.

— Нужен целитель! Немедленно! — послышались голоса.

— Я целитель, — склонился над рухнувшим телом Бларобатар, — вернее, что-то в их ремесле понимаю.

— Целитель? Да он убьёт его! — истошно завопил Мадротор.

Алазарт ему с наслаждением врезал лапой. И хороший вышел удар: тугой, размашистый. Гатаматар такие удары уважает.

Что делал полукровка Бларобатар? Почти то же, что и сам раненый. За неимением других средств он резал кинжалом обрывки кожистых крыльев, чтобы верней обернуть ногу.

Перевязал, затянул — и кровь течь перестала. Надо надеяться, не потому, что вся уже вытекла.

— Что с Финдарокрегом? Что с Бланш? — в который раз спросила Великая Мать.

И дождалась. Глаза Громобомбара раскрылись, он явственно произнёс:

— Финдарокрег на неё напал.

* * *

Старая Бланш если в молодости и была одарена ловкостью, то за последующие годы с этим даром успела распрощаться. Не старушечье, вроде, дело сигать от преследователей в разбитые окна.

Оказалось, и старушечье тоже.

Финдарокрег совершил посадку прямо внутрь дома и старательно раздавил мускулистыми лапами всю деревянную мебель Бланш. Раздавил бы заодно с мебелью и её слабые кости — но уж тут она не далась, выпрыгнула в окно. Истязатель не стал её сразу преследовать. Зачем? Да куда она денется с небесного острова?

Небесный — он не наземный. Оттуда, по крайней мере, можно убраться вплавь. А отсюда — необходима дружественная спина дракона, либо целый воздушный замок. Без внешней помощи не уйти, не то умрёшь от страха и безнадёжной скуки в долгом свободном падении.

Финдарокрегу нравилось крушить пожитки Бланш прямо у неё на глазах. С одной стороны, хорошо, что у отшельницы не было ничего ценного. С другой стороны, уж она то догадывалась: чем больше нашлось бы предметов, тем дольше отсрочка.

Отсрочка перед тем, как одержимый дракон вплотную

займётся тобой.

Хорошее ли дело отсрочка перед верной погибелью? Это ещё как посмотреть. С одной стороны — удлинение безнадёги. С другой — ведь может ещё произойти что-нибудь сомнительно-чудесное, которое не даст тебя в обиду. То, чего почти не бывает, но тоже имеет свой шанс.

Увлёкшийся погромом Финдарокрег не сразу заметил, что Бланш пропала. На самом деле не пропала, конечно, просто неплохо спряталась: забралась под ту самую крышу, которую безумный дракон снёс с дома сразу по возвращении.

— Провидица, ты где? Выходи! — закричал он страшным готосом.

Верно, надеялся, что Бланш испугается голоса и выйдет к нему на расправу. Она-то изведала испуг, но на голос его плевать хотела. Не пошла.

Пришлось Финдарокрегу разыскивать её самостоятельно.

Пока он её искал, произошло чудо: откуда ни возьмись налетел весь израненный дракон Громобомбар и точныи движением мощных челюстей откусил неразумную голову с его глупо задранной шеи.

* * *

— Почему Бланш тебя не перевязала? — недоумевал Бларобатар, когда Громобомбар сумел уже изложить происшедшее более-менее связно.

— Не решился приземлиться, — признался тот. — Крылья едва держали, толчковая нога потеряна, думал, стоит расслабиться — уже не взлечу.

Что ж, Громобомбар поступил единственно разумно. После неудачного для него воздушного поединка с товарищем всё же вернулся на островок Новый Флёр и спас от смертоубийства провидицу. Стоило ли ему там совершить посадку? Зависит от верности оценки собственных сил. Но то, что воспитанник выбрал скорее лететь предупредить Великую Мать, говорит о его достойном воспитании.

— Но чем объяснить то неистовство, в которое впал Финдарокрег? — этого Мать-Драконица всё же не уяснила.

— Его раздраконило упоминание о гарпии. Он почему-то сам соотнёс его со своим кланом, и сам же обиделся… — припомнил раненый.

Бларобатар же сказал с мрачной серьёзностью:

— Великая Мать, я прошу поскорее забрать провидицу с

разорённого острова и на какое-то время дать ей крылатую охрвану. И чтобы в составе посланных к ней не было никого из клана Рооретрала.

— Я протестую! — возмутился посол клана. — Рооретрал не должен отвечать за поступки всякого полоумного отморозка.

— Протест понятен, но мы лучше перестрахуемся, — сказала Гатаматар.

Посол Рооретрала снова завёл свою заунывную песнь, и Мать-Драконица собралась уже под неё заснуть, когда Бларобатар обратился к ней со свежей просьбой.

— Мать-Драконица, — молвил он, — я, как все видят, являюсь драконом лишь по происхождению, а потому лишён одной из важных привелегий своих крылатых собратьев. Я говорю о возможности конфиденциальных прогулочных полётов…

— Да, — пошутила Гатаматар, — с тобой конфиденциальный полёт возможен лишь один, и в одном направлении — строго вниз.

Битком набитый драконами зал рассмеялся, но Бларобатара насмешка не смутила. Он продолжал, обращаясь уже не только к Гатаматар, а ко всем присутствующим:

— Однако же, я имею для Драконицы-Матери конфиденциальные сведения, прямо касающиеся последнего происшествия с провидицей. Поэтому я прошу присутствующих на время вылететь из этого зала, либо закрыть уши, либо же просто сделать вид, что ничего не слышали. Думаю, и последнего будет достаточно.

Гатаматар зорко оглядела зал. Никто не покинул дворец, никто не стал затыкать уши, но все отвернулись от неё и Бларобатара. Что ж, условная конфиденциальность соблюдена.

— Мои сведения касаются ленендарной фигуры гаприи, а также давнего и сегодняшнего состояния клана Рооретрала…

Посол страдальчески скривился, а Мадротор негодующе зарычал, но оба вовремя вспомнили, что ничего не слышат — и притихли.

— … а начну с банального утверждения, что раз провидица узрела гарпию, то ей стоит поверить. Каковы извечные, известные нам из легенд, атрибуты гарпии? Самые явные — осуждающий взгляд и характерный издевательский смешок. Гаденькое подхихикиванье, способное усиливаться до злобного хохота. Улавливаете ли вы нить рассуждения, Великая Мать?

— Улавливаю, — сказала Гатаматар, — ты хочешь сказать, что в самом имени Рооретрала отпечатано влияние гарпии? Что ж, интересная мысль.

— Это не всё. В людском легендарном своде (а другого мы не

имеем) успешная битва с гарпией признаётся заслугой Кёсма из Алахара — человека, в своё время породнившегося с Драеладром посредством женитьбы на его сводной сестре Кешле, дочери Ашогеорна…

— Хорошо. Пропустим подробности.

— …что же касается самого Драеладра, то с гарпией он как будто бы не сражался. Но так ли это? Я утверждаю — нет!

— Легендарный Драеладр вышел на поединок с гарпией? Это что-то новенькое! — захихикал несдержанный Мадротор, забыв, что его здесь нет.

— По легенде, Драеладру принадлежит заслуга расколдования основателей трёх родов: Рооретрала, Ореолора, Горпогурфа, — вёл свою линию настойчивый Бларобатар. Сделал он это, опираясь на познанный в личном испытании драконий праязык, а также на волшебный ресурс Великой Кости Вселенной, также именуемой Лунным Пламенем…

— Долговато он говорит, а, Великая Мать? — язвительно произнёс Рооретралов посол. — Можно уже открывать уши?

— Рано, — парировала Гатаматар, — заткни их снова.

— Если считать, что заклятие «злобного хохота» наведено гарпией (или, возможно, кем-то более могущественным, но при её посредстве), то расколдования Рооретрала само по себе может расцениваться как удар Драеладра по силе гарпии, — продолжал Бларобатар, ничуть не заботясь о сокращении своей речи, — причём о действенности удара можно судить по тому факту, что до последнего времени — на протяжении долгих столетий властвования династии Драеладра — гарпия не поднимала голову.

— Сейчас, стало быть, подняла? В чём это видно и почему? — Гатаматар уже заранее понимала, что выслушает всё, сказанное Бларобатаром, но не хотела выглядеть пассивным слушателем.

— Начну с причин, — ответил разумный полукровка, — это, во-первых, потеря Лунного Пламени, за которую ответственен э… ныне безымянный серый дракон…

Ах да, припомнила Гатаматар, потому-то и стал безымянным, что был за такое ответственен.

— …во-вторых, смерть последнего властвовавшего Драеладра и реальная опасность, что династия прервётся. Вы помните, Великая Мать, что его смерти предшествовало? Помните ту тучу падальщиков, которая собралась над его островом и тем самым потребовала от людей из Ярала организовать сменное дежурство наёмных охотников?

Да, Гатаматар помнит:

— Продолжай!

— Ну так вот: падальщики, как и шакалы — это животные, находящиеся в подчинении гарпии. Есть даже идея, что они — пряиые её порождения.

— Смешно, — сказал посол Рооретрала и захихикал. — Извините, Великая Мать, я о своём.

— И я о своём! — сказал Мадротор и захихикал тоже.

— Что же касается современных проявлений гарпии в нашей жизни, то назову два, в которых полностью уверен. Первое — необычное поведение Финдарокрега…

— Ну, это частность! — вымолвил Рооретралов посол и даже не осёкся.

— …второе — необычный симптом, развившийся ныне в клане Рооретрала. Большинство драконов в нём… подхихикивает.

Бларобатар дал понять, что закончил, а клан Рооретрала кинулся отвечать. Первым подал возмущённый голос краснокрылый Мадротор:

— Так называемое «подхихикивание» Рооретрала — это полный бред! Я сам проверял и результат проверки доложил Матери-Драконице! Никто у нас не хихикает! Никто и никогда, — и он захихикал, невольно опровергая собственные слова.

— Согласен с юношей, — пробасил и посол клана, — это ваше «подхихикивает» — полная чушь. О ней нельзя говорить без смеха! — и он, не скрываясь, захохотал тоже.

Миг — и весь клан Рооретрала, включая и драконов смешанных кровей, разразился злобным заразительным хохотом.

Отсмеявшись, посол с издевкой сказал о Бларобатаре:

— Юноша далеко пойдёт! Как он ловко ввернул это требование «разговора наедине»! Ляпни он что-то при всех против нашего клана — мы б его живо привели в чувство. А так получилось — при всех, но «никто не обязан слушать». И знай клевещи напропалую…

А Мадротор подскочил к Бларобатару и сказал от себя — хотя, может, и тайные планы клана выболтал:

— Думаешь, нас обыграл, да? Не выйдет! А тебе теперь несдобровать. Знай: скоро родится настоящий дракон, и назовут его Бларобатаром. Смекаешь, червь? Он родится, а ты и знать не будешь. А когда он вырастет и окрепнет, тебе придётся с ним сразиться. И не захочется, ха-ха-ха, но придётся! Ведь не могут одновременно жить два дракорна одного имени!

Глава 16. Империя наносит ответный удар

Эрнестина Кэнэкта за годы службы в разведке наработала коё-какие способы облегчать бремя начальнической ответственности. Так, в моменты особо тревожных неопределённых предчувствий она привыкла советоваться с Бларпом Эйуоем. Тот мог порой и сам сориентировать, а нет — так всегда был готов слетать на ближнее небо, к одинокой провидице Бланш.

Былая привычка себя оправдывала, но пора отвыкать. Слишком уж много времени она потеряла в этот раз, поджидая Бларпа. Который, вместо того, чтобы вовремя вернуться в Ярал, зачем-то отправился в Бегон, а оттуда — прямиком на званый приём к самой Гатаматар.

Когда же Кэнэкта его, наконец дождалась, Бларп оказался ну очень сильно занят своими трудностями — и не подступишься. Скорее впору собственное плечо подставить.

Что-то случилось — именно с провидицей Бланш. Если и не с ней самой, то с её домом. Ураганом, что ли снесло?

— Я просил бы тебя помочь, — сказал Эйуой, — мне нужно срочно подобрать бригаду, способную быстро возвести строение на готовом фундаменте. Мне нужны мастера-каменщики, столяр, плотник-мебельщик, печник, обязательно — кровельщик… Да, хотелось бы, чтобы кровельщик имел опыт установки заговорённых крыш.

— Заговорённых от чего? От молнии, от ураганного ветра?

— От хулиганского драконьего нападения, — отшутился Бларп.

Ну что ж, не хочет говорить — и не надо.

Требуемые мастера у Кэнэкты были. Как-никак, разведка в Ярале — это прежде всего большое хозяйство.

— К завтрашнему утру пришлю, — пообещала она.

А по своему вопросу? Что ж, хоть как того не хотелось, но надо лично лететь в Саламин.

* * *

— Корабли Кьяра потоплены? — недоверчиво переспросила Бац.

Ангелоликая рассмеялась, оскалив остренькие зубки:

— Поглядите-ка все сюда! — она подняла искорёженное медное блюдце и продемонстрировала дыру с развороченными краями в её днище. — Чем не морская посудина?

— Дырявые суда обычно тонут. Это и в пустынях Уземфа неплохо уяснили, — хихикнула госпожа Лейла. — Как по мне, очень убедительно! — и, вдохновлённая, продекламировала пару строк из ранних своих поэм — о том, как корабли лежат разбитые, а сундуки стоят раскрытые, а изумруды и рубины очень дорого ценятся на рынках некрократии.

Оксоляна же смотрела на столешницу. Дыра в ней была покрупнее, чем в блюдце. Настолько крупнее, что дрожь пробирает; притом интересно взглянуть, что же зияет в полу…

— Это крепкий дом. Один из старейших в Саламине! — похвасталась госпожа Лейла. — Когда я выбирала место для нашей резиденции, то учитывала и сегодняшнюю церемонию, — она обернулась за похвалой к Ангелоликой и за восхищением к девочкам из септимы Оксоляны.

Но Мад Ольгерд ответила ей лишь сухим кивком. Ей самой требовалась похвала. И много. Вся, которую только могли дать присутствующие. Всё ей, без остатка — восстановить силы. На церемонию ведь она больше всех потратилась. Ну?

— Что-то маленькая дырочка, — сказала тугодумка Клементильда, которая, конечно же, заметила отверстие в блюдце, но не обратила внимания на стол, — нешто от такой течи целый корабль потонет?

— Учтите, — быстро смекнула Лейла, за чьи ворота надо играть, — медь — это очень пластичный, женственный материал. В корпусах деревянных судов разрушения выйдут куда значительнее. Вот как в этой столешнице. К тому же в нашей церемонии участвовала всего одна капля, а в той сотне пузырьков, которые мы раздали пиратам-любовничкам все без остатка — ну капель по семьдесят на пузырёк. И в каждой капле заточён самостоятельный малый стихийный дух. Каждый начнёт прорываться к морю отдельно от остальных, а им навстречу восстанут большие духи, издревле заточённые некромантеми в донных впадинах — представляете, как бабахнет!..

— Уже бабахнуло, — поправила Ангелоликая, — одновременно: и у нас, и там, на кораблях Кьяра в открытом море.

— А что, было сто пузырьков? — спросила царевна. — Надо же, я раздала только восемь, другие, по-моему — и того меньше… — вроде бы спешила поздравить Ангелоликую, а слова вышли о другом.

— В миссии нам помогали другие септимы, — напомнила

речистая госпожа Лейла, — в каждом заведении по семёрке, итого семьдесят семь. Их главная функция была посылать клиентов нам, но многие и на местах отличились. Точное число розданных флаконов есть в протоколе (позволите, Ангелоликая?). - хозяйка заведения зашуршала бумагами. — Ага. Роздано — сто четыре. Осталось — шестнадцать. Вылито в море перед обрядом — шестнадцать.

— Я только надеюсь, что правильным людям роздано! — добавила Оксоляна. И снова упустила возможность в числе первых похвалить Мад. Как-то не верилось в лёгкость, с которой они справились с целой морской армадой. Не случилось ли где подвоха?

— На что ты намекаешь, милочка? — на сей раз Лейла восприняла её реплику, что называется, «в штыки».

Штыки — это такие съёмные части кранглийских алебард, которые можно применять и как простые кинжалы. Судя по дистанции, которая сразу возникла, Лейла сейчас «примкнула» свои штыки, чтобы не подпустить Оксоляну на полную длину своих алебард. Но докопаться-то надо?

— Я говорю лишь о том, что за каждую свою бутылочку я отвечаю, — как можно спокойнее вымолвила царевна, — каждая из них — любовный подарок единственному мужчине, который они обязались хранить у самого сердца и с другими дамами не расходовать. К тому же каждому из моих единственных любовников (всем восьми) было доведено следующее: бутылочку надо хранить при себе, в близком контакте с телом, иначе она сразу потеряет свои целебные свойства. Ни в коем случае не передавать её другому, не оставлять без присмотра на берегу, не расходовать на частые втирания…

— К чему повторять обязательство, которые дали все присутствующие участницы боевой септимы? — ледяным тоном спросила Лейла.

— Ну, за себя-то и за своих девочек я спокойна, — и всё-таки Оксоляна выразительно поглядела на Клементильду и на Рюх.

— А за остальные септимы спокойна я! — припечатала Лейла.

Ангелоликая, так и не дождавшаяся бурных поздравлений (что нам, жалко, что ли?), запоздало вмешалась, чтобы положить конец перепалке:

— Не ссорьтесь, дорогие мои. Мы сделали сегодня великое дело, и все мы запомним этот прекрасный день. Я верю, что все наши силы сработали как нельзя лучше. Я верю, что каждая из боевых септим следовала инструкции в самой скрупулёзной точности. Верю, пусть и не могу этого гарантировать, —

Ангелоликая тоже посмотрела на Клементину и Рюх, и те покрылись пятнами от неравномерного прилива к коже бальзамов. — А ещё я верю себе. И я знаю, что все сто четыре флакона в нашей церемонии сработали! И я знаю, что там, где они сработали, не осталось ничего живого.

— Спасибо за всё, Ангелоликая… — с чувством прошептала царевна. Ух, наконец-то получилось.

— Благодарю вас за драгоценное ваше доверие! — добавила от себя и Лейла, но именно что добавила. Оксоляна-то успела раньше.

— Вместе с тем, — в этот миг тон Ангелоликой поменялся, стал крепче, но утратил оттенок благостности, — я помню и о требованиях необходимой осторожности. Сейчас, когда мы в Саламине сделали решительно всё, что могли, самое время уносить ноги. Да поскорее, пока пираты не опомнились. Мы только что потопили корабли Кьяра, но все ли пятнадцать потопили, или один всё же избежал общей участи — пока неизвестно…

Скорее, один избежал, с тоской подумала Оксоляна. И если какой избежал — то именно флагманский, тот, на котором остались в подлой своей недосягаемости капитан Кьяр и первый помощник Перес. Именно до этого корабля в её септиме никто так и не дотянулся. Ибо там — вот уж корабль уродов! — ни одна собака не заинтересовалась мёртвыми женщинами.

Что ж, тем скорее надо следовать указанию Мад. То есть, согласно малоизвестной в пустынях Уземфа поговорке, родившейся где-то здесь, на берегах моря Ксеркса, в рыбацкой и контрабандной среде…

Короче, «сматывать удочки».

* * *

Полёт от Ярала к Саламину на воздушном замке много времени не отнимает. Прилетела — и вволю проверяй свои неясные предчувствия. Нет, сначала, конечно, с верными людьми доберись до города из той глуши, где замок тебя высадил, запутай на всякий случай следы. Угнездись в том портовом притоне, который тебе верен, свяжись по приезде туда с Пересом и Кьяром, разошли распоряжения с мелкой портовой шпаной.

Вот на этих-то действиях время и набирается. Ускоряться — себе дороже. Саламин — город морских разбойников. К чужакам там относятся настороженно, либо, что намного хуже — с нездоровым интересом. То есть, с особым интересом, никак не

совместимым с крепким здоровьем того, кем интересуются.

Если ты, или кто-то из твоих людей опознан как чужак — плати. Да-да, плати и живи дальше. Но есть одна тонкость: кто слишком щедро платит, тот тоже нарывается. Город откровенно разбойничий, здесь вам не Адовадаи.

Потому никаких прогулок на виду. Терпение, осторожность, оглядка.

Благо, на время твоего отсутствия в Ярале, с делами сносно справляется Дулдокравн.

Первыми госпожу Эрнестину, спрятавшуюся от лишних глаз в номере-люкс портового заведения «Битые склянки» посетили её главные представители в Саламине — Кьяр и Перес.

Кьяр — вежливо-предупредительный, общими повадками похожий на имперского морского офицера, каковым он, в сущности-то, и был. Но притом — опасный бретёр, способный хоть кого одолеть в честном, да и не очень, поединке. Пару-тройку лет назад, когда Кьяр набирал свои первые очки в Саламине, образ «добропорядочного» моряка многих ввёл в заблуждение. Потому-то теперь его считают особо хитрым и ловким притворщиком.

Перес — простой моряк из Адовадаи, выбившийся из портовых низов. Опирался на собственный характер и природный ум — их оказалось более, чем достаточно, чтобы выйти — по крайней мере, на вторые роли. Проявил себя уже здесь, в Саламине, а на родине имел мало жансов выдвинуться — «заедала среда». Там, в портовых низах Адовадаи, остался родной брат Переса, Гуго — так тот мало куда годился. По просьбе Переса и из сострадания Эрнестина Кэнэкта взяла его братца вышибалой в «Ржавый якорь» — в главный свой трактир в Адовадаи, по сути, в разведываиельный штаб. Кстати, Перес когда-то тоже побывал в «Ржавом якоре» вышибалой, но прослужил там не более недели. А Гуго — тому понравилось, он там надолго.

Когда тревоги и подозрения невнятны для тебя самой, особенно трудно перейти к из сути. Ждёшь от собеседника: вдруг натолкнёт тебя на какую-то светлую мысль в нужном направлении. Потому-то Кэнэкта начала с самого общего вопроса. Поинтересовалась у Кьяра, что происходит в Саламине.

— Я всё описал в посланиях птичьей почтой, — отозвался пиратский атаман, — а больше ничего не происходит.

Госпожа Эрнестина всё же попросила его повторить.

— Извольте. Мертвецов, по сравнению с прошлыми годами, в Саламине стало намного больше, что заметно и по обращению золотых некроталеров. Их источник — не только наши набеги на

запорожские суда. Есть постоянный источник, не имеющий выраженной сезонности.

— То есть, мертвецкие деньги поступают в основном по берегу?

— Верно. У нас нет сомнения, что некроталеры тратятся на разведку.

— Что ж, разведчики мертвецов… Кто у вас на подозрении?

— По-прежнему, капитан Кидд. Его «Морской дьявол» частенько совершает рейсы без очевидной цели, в места, откуда не поднимешь наживы. Зачем — даже команда не понимает. Есть и некоторые другие капитаны, замеченные примерно в том же, но не с такой частотой.

— То есть, мертвецкие деньги идут твоим капитанам-соперникам?

— Мне они не соперники, но да, — заявил Кьяр.

— А на что другое, или на кого ещё, мертвецы могут тратить свои некроталеры здесь, в Саламине? — Кэнэкта исподволь выгребала к нужной теме. Ведь тревоги по полной глупости у неё не бывает. А «Морской дьявол» недоумка Кидда и Кьяру совсем не страшен, а главной разведчице Ярала — так и подавно.

— На что другое? Да хоть на трактиры портовые, — пожал Кьяр плечами, — да только это вовсе напрасная трата некроталеров мёртвой разведки.

Полно, напрасная ли?

— Почему ты так уверен, что разведка мертвецов не преуспеет?

— Я знаю своих людей, — сказал Кьяр. — Из них никто не пойдёт откровенничать с мертвецами в их проклятые трактиры.

— Сами не пойдут, или ты их не пустишь?

Кьяр задумался:

— Пожалуй, всё-таки не пущу. Хотя многие не пустят себя и сами. Я их научил осторожности, — кулак капитана непроизвольно сжался.

— А вот мои люди туда нет-нет, да заходят, — заявил Перес. — И, кстати, они там видели Джу, а ведь он — из твоей команды?

— Джу? — лицо Кьяра сделалось таким холодно-непроницаемым, что намного доходчивей яростной мины указало: бедному Джу ныне не поздоровится! Ишь завёл моду — с мертвецами в трактирах лясы точить…

— Не спеши разбираться с Джу, — посоветовал Перес, — их там было много! А за всеми командами с наших кораблей не уследишь даже при горячем желании. Здесь ведь Саламин…

— Это ты им разрешил? — и взгляд Кьяра недобро упёрся в

Переса.

Кэнэкта припомнила, что самого Переса Кьяр по привычке относит к своей команде. Хоть у того давно уже есть свой корабль, но начальник всегда может ему предложить сходить в то или иное плаванье первым помощником.

Перес не отказывался, но чувствовать мог разное. Капитан ты, или не совсем — вопрос на тему свободы воли.

— Я не просто разрешил, — вкрадчиво сказал Кьяру помощник, — я посылал проверить.

— Проверить трактиры? Публичные дома?

— А что? Мы ведь сами сидим в трактире. А когда-то здесь был и публичный дом. Не при даме буть сказано, но ты-то понимаешь, что подразумевается под «битыми склянками»? Правда, последнюю девочку отсюда уж полгода как сманили в другой Саламин, тот, что на Южных островах. Там она дороже берёт и меньше работает.

— Ладно, — смягчился Кьяр, — пожалуй, проверить стоило. А кто проверял-то?

— Бабозо с дружками.

— А! Ну, больше вопросов не имею.

Кажется, по-настоящему Кьяр рассердился только сейчас.

* * *

«Уносить ноги» да «сматывать удочки» — особенно полезные, важнейшие искусства для участниц боевых септим. В этих искусствах, как сказала Мад уже по пути, септима уподобляется стае гарпий.

— Гарпии часто выбирают жертву, которую не свалить с первого укуса, но можно куснуть — и отскочить. И снова куснуть — и отскочить. И снова, и снова, и снова. Бей, кусай, рви когтями — импровизируй, как хочешь, но главное что: отскочить надо вовремя! Зачем? А чтобы ответный удар пришёлся мимо!

— А разве он будет, ответный удар? — удивилась «особо умная» Рюх.

— Обязательно будет! Но нас не заденет. Полезайте все в экипаж!

Тем, с какой тонкостью Мад и Лейла разработали пути отхода, нельзя было не восхититься. Продумали до мелочей. Стоило победительницам флотилии Кьяра выйти из кальянной комнаты во двор заведения — а там их уже ожидал закрытый экипаж без окон. Такие в районе Саламина и далее по побережью моря Ксеркса обеспечивают чисто грузовые перевозки. Проще

говоря, вывозят награбленное.

Нужно ли кому-нибудь такие экипажи останавливать по дороге из Саламина? Да зачем? Вывозится ведь то, что в самом Саламине не сбудешь. Иное дело — когда такой экипаж возвращается назад пустым. В этом случае путевым разбойникам всегда найдётся, чем поживиться у чересчур удачливого торговца.

Но уж возвращаться-то в Саламин боевая септима не собирается. Всё, пиратский порт, мы своё отработали. Дальше удовлетворяй себя сам!

Местные прислужники по сигналу госпожи Лейлы побежали распахивать ворота. Отворили и встали у створок, угодливо кланяясь госпоже. Кого-то они царевне Оксоляне напомнили.

Эти глупцы, хоть и слышали последние слова Мад, но так ничего и не поняли. А ведь если случится ответный удар, он, уж наверное, придётся по ним. Когда разъярённая толпа придёт штурмовать обиталище мертвечих — дурачки-слуги падут первыми. Как те — в оазисе Гур-Гулуз.

Только избранные мертвецы с верными задатками гарпий способны вовремя унести ноги при разрушительном ответном ударе. Из всего дворца в Гур-Гулузе — лишь двое: будущая царица Оксоляна и слуга её Ынышар.

— Девочка моя, все ждут тебя одну! — с участливой издевкой произнесла Мад Ольгерд, и Оксоляна заметила, что пока она любовалась подобострастными ужимками слуг, в узкую дверцу грузового экипажа успели протиснуться и Ангелоликая с телохранительницей, и Лейла, и вся остальная септима.

Вот разиня, обругала себя она. Очень глупо ведь размечталась.

Настоящие гарпии так себя не ведут.

* * *

— Проверял, — подтвердил Бабозо. — Каждую проверил. Некоторых — по нескольку раз подряд.

Раздосадованный Кьяр ушёл к себе на корабль — продумывать тактику предстоящего морского сражения, а к Пересу кроме Бабозо добавились Джу, Швы и Ламбуто. Всё знакомые ребята, госпожа Кэнэкта каждого помнила по Адовадаи.

— И каков результат проверки?

— Умеренно-положительный, — со значением произнёс Бабозо.

— А по существу?

— Ну, по существу я скажу следующее. Мёртвые женщины —

существа не больно-то горячие, поэтому нравятся они очень немногим. Нет, конечно, и в них что-то есть, но живые — те и ведут себя гораздо живее, и на ощупь обычно тёплые, а мне вот особенно важно, чтобы на ощупь были тёплые, а не, к примеру, наоборот. Когда мне предлагали: «Попробуй!», что я отвечал? А вот что: «На что мне сдались ваши холодные блюда?!».

— Достойный ответ! — похвалила Кэнэкта. Россказни этого моряка она и в Адовадаи любила послушать. Иной раз в ущерб делу.

— Да, я всем отвечал очень достойно. Но! — Бабозо воздел к потолку указательный палец. — Время шло, а в Саламин завозили всё больше этих самых «холодных блюд». Зачем? Кому они здесь нужны — это была загадка для нас всех. Смешно же: какое-то дурачьё завозит сюда мертвечих, которые не пользуются никаким спросом! Вот тогда-то Перес и говорит: «Что-то здесь нечисто! Проверь, Бабозо, чем эти мертвечихи в своих борделях заняты на самом-то деле!». А я ему: «Не время ещё! Может, отгадка придёт сама».

— И отгадка действительно явилась, — перебил его Перес, — когда обнаружилось, что все бордели Саламина скуплены мертвецами, а живых девочек они уже отправили куда подальше. Кьяр, когда узнал, даже обрадовался. Сказал: «Вот и нечего ходить по борделям!» — но только не все ведь думают так, как Кьяр…

— Ага! — расплылся в улыбке Швы. — Наш брат, морской разбойник — клиент не самый требовательный.

А Джу добавил:

— Если мёртвая женщина не лежит, как труп, а способна двигаться — уже хорошо. А что холодная на ощупь — так ведь и на дворе не зима, чай, не замёрзнем. В жару — так даже приятно холодит. Ну, наподобие пива.

А Ламбуто возразил:

— Нет, лучше пива. Это как по пиву плывёшь.

Бабозо всех терпеливо выслушал и затем продолжил:

— Ну и вот, когда наши братья матросики стали мертвечих посещать, Перес мне и говорит: «Бабозо, дело нечисто! Мертвечихи заняты чем-то непотребным, может, зря наши ребята к ним в бордели-то ходят?». Я и думаю: точно, зря! Как бы им там что-то незаметно не откусили! Ну, чтобы извести подчистую человеческий род. Вот и говорю Пересу: «Нет, не пойду — и не уговаривай!». Мол, это последнее моё слово. Говорю ему так, а тут — не поверите: чувство долга. Проснулось и спрашивает: «Если не ты, то кто же?». А я и отвечаю: «Ламбуто!».

Перес, Джу и Швы расхохотались, а Ламбуто надулся.

— А чувство долга не отстаёт: «Ламбуто не справится! Он как залезает на мертвечиху, так будто по пиву плывёт, а больше ничего не помнит».

Тут уж пираты прыснули все вчетвером. Эрнестина пока держалась:

— Ладно тебе, Бабозо! Серьёзное же дело — давай без шуточек!

— Вот-вот, — подхватил весельчак, — и чувство долга мне так сказало: серьёзное, мол, дело. Враги что-то замыслили — надо ж кому-то разобраться, но парни у нас наивные, мертвечихи их всех легко надурят. Одного Переса не надурят, но Перес боится Кьяра, он к мертвечихам не пойдёт!

Снова все рассмеялись, а громче других сам Перес.

— И понял я, — довольно-таки натурально всхлипнул Бабозо, — идти надо мне! Превозмог нежелание, победил страх — и раз попробовал с мертвечихой — вроде, терпимо, но не понятно, в чём основной вред. Да, холодная — но не сказать, будто что-то себе отморозил. Да, приучает хороших парней к мертвечине — но ведь это временно, до первой живой партии. К тому же и наш брат, честный пират, с мёртвыми женщинами — растёт над собой. Верно говорю! Он становится настолько бесстрашным, что потом может и с крокодилом!

Пока Перес и компания смеялись над крокодилом, Кэнэкта задумалась: не в том ли вся соль? Её парней приучают к неразборчивости, к такому «бесстрашию», которое потом выйдет боком. Вроде бы, так и есть, но это ведь не всё — мёртвая интрига глубже и беспощаднее. Не делают ли мертвечихи парням предложения, от которых те не могут отказаться?

— В общем, — вёл дальше Бабозо, точнее, стал уже и повторяться, — я понял, что с первой попытки всей глубины их замысла не просечёшь. Необходимы новые пробы. Попробовал вторую — так ведь примерно то же самое! Тогда пообещал себе: хоть оно и противно, а всех перепробую. Только тогда и смогу ответить, в чём их главная вреднота.

— И как, ответил? — тщетно попыталась поторопить его Кэнэкта.

— Ну, для начала, я их пересчитал, — хитро пищурился Бабозо, — а знаете, сколько их, мертвечих в Саламине? Семьдесят семь! Такую ораву, сами понимаете, быстро не пересчитаешь! К тому же, бывало, я сбивался со счёта, и приходилось начинать по-новой.

— Одиннадцать заведений, в каждом по семь мертвечих, — ввернул Перес важное уточнение.

Да-да, подумалось Кэнэкте, несомненно, в том виден единый

замысел, реализованный по-мертвецки однообразно. Вот только просёк ли Бабозо саму его суть, или только зря паясничает — этого заранее не скажешь.

Нет, кажется, с этим трепачом она просто теряет драгоценное время. Почему Перес так уверен, что Бабозо проник во вражеский замысел, что удача теперь у него в кармане? Пока что признаков этого не заметно…

А несносный балабол снова заливался соловьём о том, как считал мертвечих и для верности пересчитывал по второму и третьему разу. Как пробовал, понимал, что с первого раза не распробовал, а там уж вошёл во вкус и перепробовал всех по многу-многу раз. Но всё не мог пробиться к истинной тайне, пока…

— Пока впечатлённые моими успехами мертвечихи не принялись мне дарить ценные подарки! — закончил Бабозо очередную важную мысль.

— Подарки? — оживилась Кэнэкта.

Ну что ж, к чему-то по-настоящему стоящему, наконец, подошли.

— Флаконы для поддержания мужской силы, — пояснил Перес, заранее посвящённый в основную суть находки Бабозо, — мертвечихи были так польщены его вниманием и старанием, что больше всего боялись, как бы любовничек не надорвался. Всех пересчитать — тот ещё труд. Вот и поддерживали его усилия, как могли…

— А много ли флаконов? — спросила Кэнэкта.

Тут Бабозо небрежно подволок к столу принесенный с собой мешок — довольно-таки объёмистый и увесистый, в котором на протяжении беседы что-то нет-нет, да и позвякивало, аккуратно развязал его и принялся уставлять стол бутылочками. Первый десяток, второй, третий…

— Здесь все семьдесят семь? — поинтересовалась Кэнэкта.

— Больше! — удовлетворённо рассмеялся Бабозо. — За сто перевалило.

— И всеми тебя одарили мёртвые девушки?

— Ну, если начистоту, не каждый флакон предназначался мне. Кому их только не всучивали! В основном — таким безнадёжным парням, у кого и на живую-то не встанет в праздничный день. Но разве настолько важно, кому подарили, если Бабозо решил собирать коллекцию?

— Так тебе их добровольно отдали товарищи?

— Добровольно? Ну нет! Я их честно выиграл. В кости, в новом заведении Кривого Джабы. И моя коллекция была бы полной, если бы вот он, — палец Бабозо упёрся в живот Джу, —

не зажал свой пузырёк на память о своей мёртвой душечке!

— А что я? — насупился тот. — А мне что, не надо? У тебя вон сколько, а у мне только одна бутылочка и досталась… И вообще, она мне сказала, что если постоянно не носить эликсир с собой, он от этого теряет силу.

— Кстати, что там, внутри? — кивнула на бутылочки Кэнэкта.

— По-моему, — сказал Бабозо, — морская вода. Но что правда, то правда: если её кой-куда втереть, этот орган долго не опадает. Наверное, в этом всё дело, только не пойму, почему.

Эрнестина Кэнэкта задумалась. В том, что весь бородатый фокус с появлением в Саламине мёртвых шлюх именно ради этих бутылочек и задумывался — сомнений не возникало. Но вряд ли мёртвые хозяева шлюх так уж заботились об укреплении у пиратов мужской силы. А что они могут ещё, эти бутылочки? Эх, если бы знать!

* * *

Экипаж изрядно шатало, трясло и подбрасывало.

— Это не я, — оправдывался с козел возница, — это землетрясение!

Ишь чего придумал, стервец, чтобы себя выгородить!

А потом он и вовсе остановился:

— Дамы, вы меня, конечно, простите, но дальше дороги нет…

Как это нет? Да что он такое врёт?

В руке телохранительницы Мад на всякий случай блеснул кинжал. Глядишь — с кинжалом-то и дорога появится.

— Да нет, говорю же — землетрясение! Да высуньтесь, посмотрите сами!

Первой выглянула телохранительница, за ней Ангелоликая, а там и Оксоляна протиснулась.

Возница не врал. Улицу перед экипажем пересекала широченная канава, по которой бурным потоком текла мутная вода. Там, откуда вода вытекала, оскалился доверху проломленной кирпичной кладкой ещё недавно вполне солидный дом какого-то крупного торговца. А впадал ручей — в другой дом, поскромнее, но тоже дотла разваленный.

— Что это? — с испугом проговорила Кси.

А разве не ясно, что это? Ответный удар наших врагов! Как же они так быстро сориентировались? А выглядели такими дурачинами…

— Назад тоже дороги нет, — извиняющимся голосом промолвил возница. Там всё точно так же перегородила такая же

канава — ну, ещё по дороге, я просто не хотел вас зазря тревожить.

— Император побери… — только и проронила госпожа Мад.

Бац ожесточённо вскричала:

— Права Ангелоликая: за каждым недалёким пиратом стоит империя. И Живой Император. Кому, как не ему, под силу такие злобные козни?!

Оксоляна сквозь зубы ответила:

— Ох, не знаю, как там себя чувствует Живой Император, чтоб ему — не знаю даже, чего пожелать… Но вот чему ничуть не удивлюсь, это если сейчас на нас налетят головорезы Кьяра!

А Тупси мрачно добавила:

— И на сей раз у них не возникнет вопросов, с какой стороны к нам приблизиться.

Помолчали. Мад Ольгерд о чём-то сосредоточенно думала. Остальные молчали просто так.

Возница суетился у разлома, делал вид, будто занят всеобщим спасением. Вернувшись, сказал:

—. Наш тяжёлый экипаж так просто не переправишь. Надо навести мост, но быстро не получится. А вам же, как я понимаю, надо прямо сейчас сматываться…

Тут Ангелоликая приняла решение. Для наёмного возницы оно оказалось неутешительным. Один знак телохранительнице — и этот человек замолчал. Оксоляна даже не заметила, куда ударил кинжал. Добрая работа.

— Великолепно, — сказала Мад, — а теперь за мной!

И, как была, прямо в дорожном платье, подошла к канаве и ринулась в мутный водный поток.

Даже у Бац не возникло желания это решение госпожи обсудить. Боевая септима стремглав бросилась следом, пропустив перед собой лишь легконогую Лейлу да телохранительницу с крепкими локтями.

Неужели нас не снесёт потоком? Неужели отсюда сможем вылезти, с замиранием сердца молча вопрошала царевна.

Но все преодолели поток и вылезли на той стороне канавы. Причём Оксоляне чуть не втройне повезло — ей случилось не только выстоять в потоке, но и подать руку Ангелоликой, на миг оттерев телохранительницу.

Такое не забывается. Может, и Мад этот момент запомнит. Когда она с Оксоляной вдвоём стоит в полный рост, а чуть ли не всех остальных сбило с ног грязевым потоком и, кажется, вот-вот унесёт, утянет, закувыркает.

Выглядело, конечно, впечатляюще, но на поверку вышло не так уж опасно. Утонуть — не утонешь, когда воды чуть выше

колена. А течением если кого и снесло, то не так уж и сильно. За кирпичную стену развалины нижнего дома удалось ухватиться почти каждой.

Одну лишь мелкую Тупси снесло ниже, но она счастливо выбралась из канавы посреди следующей улицы. И там не потерялась, а добежала до своих — маленькое глиняное привидение.

Нет, всё-таки во что превратился Саламин! Будто граблями его пропахало поперёк большинства улиц, мало-мальски параллельных портовой набережной. А сколько домов проушило в одночасье.

И какими грязными пугалами шлёпали по нему завлекательные мертвечихи из боевой септимы!

Добрели до новой канавы, малость пошире прежней — но зато вода по ней текла с меньшей скоростью. И эту водную преграду форсировали без всяких приспособлений. Хорошее дело привычка!

После третьей канавы Бац робко спросила:

— Скажите, Ангелоликая, а куда мы идём?

— К другому нашему экипажу, — ответила та.

А ведь очень хорошо, что приготовлены и другие экипажи!

— Но другие экипажи предназначены для вывоза других септим?

— Да, — рассеянно бросила Мад, — но только наша септима в здешней миссии самая главная! Остальными же при случае можно и пожертвовать.

Ну ещё бы не пожертвовать: ведь с ними-то нет Ангелоликой, а с нами есть! Конечно, и уземфскую царевну легко со счётов не сбросишь, но уж собственную-то ценность легко переоценить, а вот госпожа одна стоит всех септим вместе взятых. Это факт.

Один из экипажей, призванных вывозить подруг, нашёлся разбитым на дне пятой канавы. Видно, её неудачно пытались пересечь, не посчитавшись с возможностями транспорта. А какава-то выглядела здорово глубже прочих.

— Одна погибла, остальные шестеро где-то бродят, — заглянула в экипаж телохранительница, — или, может, их отнесло течением. Лошадей — тех наверное отнесло, больно берег крут. Или всё же перепрыгнули, да оторвались…

Ангелоликая дала понять, что судьбы людей и лошадей её в данный момент не интересуют. Телохранительница замолкла.

Чтобы не повторить в пятой канаве чей-то печальный опыт, двинулись в обход. Пришлось перелезать через заборы чьих-то владений прямо в облепленных грязью платьях. Выглядели притом очень заметно — но ведь какое случилось стихийное

бедствие! Оно и всех извиняло, и оттягивало внимание на себя.

А всё же Оксоляна зорко поглядывала, не появятся ли где, в самом-то деле, мстительные головорезы капитана Кьяра.

* * *

Открытие Бабозо как это часто бывает, страдало половинчатостью. Что дело в бутылочках — это весельчак, спасибо ему, запросто определил. А вот что за дело в этих бутылочках — вопрос, который с его темпераментом не только не прояснишь, но даже не поставишь.

Бабозо отвернётся от всего мира и начнёт думать? Нет, это уже будет не он, а кто-то другой. Его задача — материал собрать, и точка.

Кьяр и Перес — вот это по-настоящему умные головы. Но ум Кьяра не развёрнут к подлым шпионским выходкам. Ему бы планировать тактику морских баталий, в них он силён — а в наземной жизни команд от него исходят одни лишь смешные запреты.

Что же до Переса — так его ум и глубок, и широк, и хорош, но несколько медлителен. До всего дойдёт сам, но иной раз с некоторым опозданием.

В общем, Эрнестина Кэнэкта, и на этот раз ты вновь не отвертишься, думать придётся самой. Благо, ты среди них начальница, всё надуманное тобой беспрекословно выполнят.

Итак, что в бутылочках? По составу — говорят, морская вода, но почему-то после втирания неплохо вздымает мужскую силу. Есть ли у морской воды подобное свойство? Конечно же нет, иначе бы весь мужской пол из каждого морского купания выходил вздыбленным. Что — ну, тут впору горестно вздохнуть — не подтверждается практикой.

Стало быть, влияние содержимого бутылочек на мужскую плоть — магического свойства. Аптекарю такого не обеспечить. Работал маг, колдун или некромант. Вернее всего, некромант, но без крепкого знания оснований стихийной магии, а значит — не рядовой некромант.

Рядовой бы струсил. Их ведь за подобную стихийщину вызывают в Запорожье и там примерно наказывают. За умаление силы Владыки Смерти.

Вот некромейстеры крупных городов мертвецкого Запорожья — те могут нижайше обратиться к Владыке Смерти за позволением немножечко умалить его силу — ради серьёзного успеха в борьбе с его злейшими врагами. Только таким их

Владыка и позволяет работать с живыми стихиями.

Итак, к чему же я пришла? На веществе во флаконах — магический приворот; наложить его в принципе мог и мощный некромант. Но зачем некроманту столь благотворно влиять на любовный пыл пиратов? Лишь за одним: обеспечить пиратское почтение к снадобью, и как следствие — нужное для его замысла расположение бутылочек.

Дурачок же не знал, что Бабозо их у всех повыигрывает. Думал, они, как послушные мальчики, выполнят все указания мертвечих.

— Скажи, Бабозо, как ты думал распорядиться коллекцией? — указала Кэнэкта на заставленный бутылочками стол.

— Ну, пока не придумал… — честно признался тот. — У нас ведь на завтра намечен крупный поход на берега за Южными островами, после него и подумаю.

Верно, о предстоящем походе Кэнэкта слышала от Кьяра. Но, кстати, почему поход намечен на завтра? Обычно Кьяр подобные вылазки намного дольше планирует, заранее советуется с Яралом.

— Кьяра торопят другие капитаны, — пояснил Перес. — Не наши. Те, что примкнули после прошлых крупных успехов и дуэли за Южные острова.

И чужие капитаны, наверное, торопят не без задней мысли, подумалось Эрнестине. Ещё бы! Мертвецы тратят кучу денег на открытие и содержание притонов по всему Саламину, что им стоит подкупить полдюжины златолюбивых пиратских капитанов?

— А когда отправишься в поход, где будут находиться все эти запасы приворотного зелья? Спросила Кэнэкта.

— Как где? С собой возьму! — с вызовом ответил Бабозо.

— А не лучше ли оставить их в Саламине? Может, целее будут?

— В Саламине? — хохотнул Бабозо. — Вот уж не думаю… Нет, конечно, у меня есть парочка мест, где я могу оставлять вещи. Но флаконы не доверю — растащат! Слишком уж многие на меня взъелись, когда я их обыграл. Говорили: кости заговорённые, нечестная игра…

— А что, они не правы? — подначил Перес.

— Конечно, нет! Кости у меня, конечно, заговорены, но играю я честно!

Вдаваться в детали честной игры на заговорённых костях Кэнэкте не захотелось. Упрямцу Бабозо она сказала строго:

— Бутылочки не должны вместе с вами покинуть Саламин!

Тот возражал:

— Говорю же, растащат — и вся честная игра насмарку! Знаю даже, кто это сделает: инвалид Зильбер, шашеля ему в деревяшку! Его как раз капитан Кидд выгнал на берег, вот и будет от нечего делать почём зря рыскать…

— А ему-то зачем? — удивился Перес. — Говорят, ему и мертвечихи с волшебными снадобьями ничем не смогли помочь.

— Зачем, не знаю, но ему больше всех обидно. Он ведь тоже собирал эти бутылочки, добрая половина здесь — от него. Мы-то вчера, как сели играть, так он и говорит: а давай, дескать, все на все! Он выставил свою коллекцию, я свою — аж Кривой Джаба поднял задницу из-за стойки, чтобы поглядеть, как я его уделаю! А дурачок Зильбер ещё говорит: чур, чтобы без подставы, кости — мои. Я ему в ответ: ладно, твои, твои, бросай их скорее. А невдомёк одноногому, что у Джабы в заведении — заговорённый стол!..

Хвастливую речь Бабозо перебил громкий требовательный стук во входную дверь «Битых склянок».

— Ну чего стучать, если заперто? — недовольно проныл хозяин, выходя из соседней залы на оплетённый виноградом балкон. — Эй, там внизу, что надо?

— Чтоб тебе три ржавых якоря, — выругался Бабозо, не уточняя назначение якорей, — это ж он, узнаю его деревяшку! Выследил-таки.

И точно: снизу послышалась ругань, перемежающаяся громким стуком крепкого костыля по скрипучим доскам.

— Ворвётся, поди, — с тоскою сказал Бабозо и сделал движение к мешку — спрятать назад коллекцию.

— Не спеши, Бабозо! — остановила его Кэнэкта. — Может, и к лучшему…

— Да какое там к лучшему? Этот баран меня всюду ищет, требует отыграться… — Бабозо скривился, точно от зубной боли. — А Кривой Джаба как раз переставил столы, я не знаю, какой счастливый.

— Вот и славно, — заметила Кэнэкта, — зачем же идти к Джабе? Здесь ведь тоже есть стол! А счастливого тебе сегодня не надо. Слушай, Перес! Пошли кого-то вниз, пусть скажет хозяину, чтобы впустил инвалида.

Перес мигнул Джу, тот поднялся, но Бабозо уже шмыгнул к двери и стал в проходе, растопырив руки:

— Не пущу! Эй, госпожа, ты что: хорошо подумала?

Да уж, подумала.

— Бабозо, пойми: от флаконов надо избавиться. Сейчас инвалид Зильбер поднимется сюда за реваншем, а ты ему проиграешь…

— Проиграю? Я? Не бывать этому! — всерьёз-таки заупрямился.

— Если не сделаешь, мы всей командой тебя вздуем, — сказал Ламбуто.

— Да за что?

За ослушание начальницы, вот за что.

Ну ладно, Бабозо не понимает, значит, придётся всё самой объяснять. Это непросто, когда сама имеешь одни смутные догадки.

На чём я остановилась? Ах да, заклятие на бутылочках мог произнести некромант. А если так, то там наверняка есть и второе заклятие, в дополнение к простому привороту. Ради этого, дополнительного, и затеян-то весь сыр-бор с мёртвечихами.

— Так откуда же видно, что там есть второе заклятие? — не сдавался строптивец, когда Кэнэкта более-менее связно всё ему изложила.

— Его не видно, — вздохнула она, — на то и рассчитывают авторы хитрого замысла с мёртвыми девочками.

Так себе логика. «Заклятья не видно, значит оно есть». Но ничего разумнее и точнее Кэнэкта сейчас не скажет. Разве она понимает хоть что-нибудь этих эфемерных заклятиях — да хоть в любовных, хоть в боевых?

Показать бы бутылочку Бларпу — тот сразу бы определил, что за угрозу она содержит, развития каких событий важно не допустить, а главное, как использовать замысел неприятеля ему же во вред.

Но Бларп Эйуой далеко. Пока доищешься сути магической угрозы во всех тонкостях, самое худшее как раз и свершится. Потому останется действовать наверняка. Грубо устранять угрозу своим людям через передачу её носителя в чужие руки. А для того — уговаривать Бабозо.

Ну не упрямься, придурочный коллекционер!

* * *

К унылому пустырю на окраине Саламина, куда полагалось съехаться всем одиннадцати септимам для получения важных указаний от Ангелолшикой, вовремя добрался лишь один экипаж. Сюда же своим ходом к позднему утру добрели представительницы некоторых септим — числом около тридцати, если не считать оксолянину, ведомую самой Мад и добравшуюся в полном составе.

У семёрки счастливиц из экипажа лица нет-нет, да и

вытягивались — по мере прибытия пешеходов, перемазанных мерзкой жижей. Барышни, верно, предчувствовали, что вся эта грязнючая толпа скоро полезет к ним.

— Может, им где-то помыться? — предложила одна из чистеньких белоручек.

Ангелоликая лишь зыркнула на неё из-под облепленных глиной бровей. Оксоляна же пояснила дурочке:

— Где помыться, в море? Это в другой стороне! И что творится на самом берегу, я слабо себе представляю.

А Лейла добавила:

— К морю ведут все те канавы, которые мы с горем пополам перешли. Кому надо туда, — она издала хриплый, каркающий смешок, — так ныряйте в любую и следуйте строго по течению!

Поэтесса хотела присовокупить и кой-какую стихотворную строфу, но рифма её на сей раз подвела. Не о стихах она думала, о чём-то поважнее. Боковым зрением следила за Ангелоликой, ловила какие-то знаки.

Ах, вот, в чём дело, поняла Оксоляна. Мад ведь сейчас прикидывает, сколько человек поместится в экипаж. А больше двух дюжин в него не войдёт даже при всём горячем желании.

Или, если вповалку и доверху, может быть, влезет и три десятка с небольшим? Нижние, конечно, изрядно помнутся, а всё же не пешком добираться. Пеших люди Кьяра легко переловят…

— Нас теперь сорок семь, не читая возницу, — жёстко сказала Мад. — А значит, среди нас имеются лишние люди.

— Лишние люди, Ангелоликая? — удивилась Бац, и сама же припечатала ладонью свой не в меру болтливый рот.

Кто трепливее, тот и лишний, не так ли, глукщская переписчица?

— Думаю, все помнят о нашем проекте реорганизовать септимы в гексы, — прояснила свою мысль Ангелоликая, — ну так вот: время пришло!

Пришло? Да так быстро… Вернее, не быстро, но так неожиданно…

— Представители скольких септим здесь собрались? — вела дальше непостижимая госпожа.

Оказалось, хоть кто-то сохранился от всех одиннадцати.

— Отлично! — просияла Мад. — По одной участнице мы можем отсеять от каждой септимы. Начнём с септимы моей давней любимицы, царевны Оксоляны. Что скажешь, дорогая, кто у вас лишний?

— У нас… — Оксоляна так опешила от скорости, с которой Ангелоликая ей предоставила слово, что с явным трудом собрала разбегающиеся мысли. — В нашей септиме самой лишней

является… разумеется, Кси! Ну кто же ещё, как не она, грязная шлюха?

— Замечательно, — поощрила Мад, — одну вычёркиваем. Переходим к следующей семёрке. Ею руководит заслуженная…

Пока Мад переходила к заслуженной руководительнице второй — самой чистенькой — септимы, ловкая телохранительница госпожи пристроилась сзади к порядком ошарашенной Кси, чтобы её по-настоящему вычеркнуть. В лучах утреннего солнца тускло сверкнул кинжал.

И одной грязной шлюхой в септиме стало меньше.

Или нет, в гексе… Ну да, мы же теперь гекса.

* * *

Чего стоило уговорить Бабозо проиграть свою коллекцию одноногому пирату Зильберу! Можно подумать, он потерял не сотню бутылочек с морской водой, а сто настоящих фаллосов. Уж и так он кряхтел, и этак, и играть-то сперва согласился лишь по одной бутылочке.

Лишь одно хорошо — у азартного инвалида и мысли не могло возникнуть, что ему намеренно поддаются. Нет уж, за каждый выигрыш одноногого Бабозо досыта его накормил своей самой крепкой, отборнейшей ненавистью! И был искренен, да, очень искренен.

Не владей инвалидом собственная злая страсть, он давно бы уже прекратил игру и пытался соперника зарезать — просто за всё, что пришлось от него выслушать. Но ведь как ты его зарежешь, когда он прямо сейчас тебе крупно проигрывает — и теряет ставку намного больше, чем жизнь.

Правильно сделала Кэнэкта, что велела впустить старого Зильбера сюда — не поддалась на встречные уговоры Бабозо, который клятвенно заверял: «Проиграюсь дотла, но лучше уж там, у Кривого Джабы!».

Нет уж, у Джабы, да будь тот хоть трижды крив, за ловким игроком вроде Бабозо — в жизни никто бы не уследил. Прямо здесь, в «Битых склянках», на глазах у Кэнэкты и Переса, он ухитрялся такое откалывать, что крокодила ему лысого вместо Джабы! Чуть задумаешься или задремлешь, глшядишь — а хитрец уже запустил звговорённые кости и отыгрывается быстрей, чем теряет.

В такие моменты безнадёжного плута приводила в чувство лишь душевная история от Переса — сама короткая, но с долгим продолжением — всё о том, как в Лопволарое линчевали шулера,

а он срывался с верёвки, а его ловили и вешали по новой. А чтобы Бабозо не подумал, что Лопволарое совсем далеко, Ламбуто отвешивал в придачу такого пинка под зад, что даже на заговорённых костях выпадала сущая дрянь.

— Тоже мне, друзья! — набычивался тогда Бабозо, а Джу ему отвечал:

— Так это мы тебе крупно завидуем!

В общем, хоть с переменным успехом, но фортуна таки качнулась в сторону ехидного старикашки на костыле. Зильбер сгрёб пузырьки в мешок, завязал тесёмку и, довольный, отправился восвояси.

Знал бы только он сам, что выиграл! И знала бы хоть сама Кэнэкта, что выиграл инвалид! Нет же, заранее не поймёшь.

Пока гадостное заклинание не сработает.

— Счас на радостях напьётся рома, — предрёк Бабозо, — тут у него бутылочки и растащат. Ищи их тогда…

— Не напьётся, — ответил Перес, — но будет надоедать своим мёртвым прелестницам. Если они догадаются, что флаконы ушли налево — как бы не выдумали чего поновее!

Поновее — и ладно. Догадаться бы, что было старое.

Ведь подчинённых-то ты убедила, а сама, положа руку на сердце, уверена ли, что проигрыш бутылочек поможет? Может быть, там такая гадость, что начнёт разить наших с любого расстояния? Или такая, которая везде догонит? А может, она превратит их самих в чудовищ — и лишь потому, что они к бутылочкам однажды успели прикоснуться?

— Оставить кого-то на берегу — последить за Зильбером? — предложил Перес. — Ну, чтобы с его коллекцией было благополучно.

— Не стоит, — отказалась Кэнэкта, — только вызовет подозрения. А за своим мешком Зильбер и сам проследит…

Ах, посетила запоздавшая мысль, может, стоило пузырьки не проигрывать, а по-тихому где-то вылить?

Хотя… Поди угадай, что случится в момент, когда эту мертвецкую отраву выпустишь наружу. Не стряслось бы, как с эликсиром Пандоры — бегонской царицы, пытавшейся заклинать ветер с помощью плохо помытой ночной посудины. Сколько людей отравилось зловонным воздухом — не сосчитать. А даме всего-то хотелось быстро проветрить комнату.

* * *

Оксоляна прежде считала, что изведала множество

приключений в «гробу на колёсах», как ей понравилось называть тот просторнейший уютный экипаж, в котором её великолепная септима тряслась от мертвецкого Запорожья в направлении Саламина и застряла под Лопволарое.

В общем, царевна себе льстила. Подлинный опыт лежания в «гробу на колёсиках» случился с нею только сейчас.

В грузовом экипаже — фургоне — лучше помещаешься, когда не пытаешься в нём стоять, а ложишься навзничь поверх аккуратного штабеля хорошо утрамбованных тел подруг. Ты укладываешься, протягиваешь ноги, а тебя дополнительно трамбуют всё новыми и новыми подругами — ноги к головам, чьи-то тяжёлые от глины юбки — прямо тебе в рот, а мощная сила чьей-то тяжести наваливается сверху, давит, расплющивает. Ты заходишься в безмолвном крике, и кляп из омерзительной глины приходится очень кстати, ведь быть кем-то услышанной тебе сейчас вовсе никак-никак не надобно. И всё-таки ты счастлива: ты прошла испытание, ты вошла в новый тур, тебя Ангелоликая милостиво пропустила из ветхой септимы в новую гексу.

Ты смогла поместиться в фургон, а одиннадцать бывших подруг — те не сумели. Их обезглавленные тела (ну да, после ритуальных ударов кинжала телохранительница Мад поработала и топориком, как-никак, наши сёстры мертвечихи живучи, если голову не отделить — очухаются себе и нам на беду!), в общем, их тела и головы побросали в ближайшую из этих вдруг новообразовавшихся городских канав, и, подхваченные течением, подруги поплыли в более населённую портовую часть Саламина.

Там их найдётся, кому опознать. Ещё бы! У мертвечих же тела набальзамированные, сразу заметные между простых утопленников. Тот, кому надо, увидит большое количество погибших мёртвых работниц из салонов Лейлы, вот и сделает вывод, что не надо их далее искать.

Будто бы, хе-хе-хе, все концы опущены в воду.

А единственный фургон-катафалк, доверху набитый телами выживших мертвечих, под такой дымовой завесой тем вернее выберется из Саламина — как можно, как можно дальше. Мад — это голова!

Ах нет, даже и Мад не могла всё учесть — ох, эти внезапные канавы учинили такую путаницу и панику! Ведь не стоит же забывать: есть ещё не добравшиеся до заветного пустыря подруги. В основном — просто по незнанию точного места сбора. Этих бы было важнее всего найти и прирезать, да только где же их найдёшь, когда они сами себя потеряли?

Надежда Ангелоликой, наверное, только лишь на одно: заблудившиеся подруги тоже заметят в канавах обезглавленные

тела себе подобных мертвечих — и примут за страшную месть капитана Кьяра. Вот и станут они тогда гораздо лучше прятаться!

Их конечно, найдут — но, во-первых, лучше поздно, чем рано, а фургон-то уедет дальше, а, во-вторых, многого они не расскажут. Если сами не знали о месте сбора, то как им на него сориентировать сыщиков?

Но всё это — тревоги Ангелоликой. Оксоляне о них думать не след. Пока её дело — просто лежать в счастливом шестиколёсном гробу, не заплетаясь досужими мыслями ни за что лишнее.

Трудно лежать, тяжело лежать, больно и страшно? А что ты хотела — это ведь часть посвятительного обряда.

* * *

Дело сделано. Ребята ушли в плавание, вернее, в массовый и опасный морской набег на ощетинившуюся мятежную местность.

За Бабозо следили тщательно, проигранной опасной коллекции он себе и так не вернул. Когда отчаливали, порывался даже прыгнуть за борт, но то — специально, чтобы за ним побегали. С Бабозо всё образуется.

Одноногий Зильбер? Управляющий «Битыми склянками» отставной пират посылал местную шпану приглядеть и за ним. Так тот полдня повсюду носился с заветным мешком, а потом его куда-то спрятал. Наведывался и в главный салон мертвечих, но оттуда его выперли. Да уж, сколько эликсиры не втирай, счастье любви всё-таки не в этом.

Если всё сделано, можно с чистой совестью улетать в Ярал. Право же, драконий небесный замок над дальней околицей саламина её уже заждался.

Эрнестина Кэнэкта уже и движется-то к замку — в цветастом прогулочном экипаже для впечатления полной несерьёзности, но под серьёзной охраной. Паренёк, который сидит на козлах, отпугнёт каждого, кто его знает, а кто не знает — у того покушение на разбой и подавно не выгорит.

И всё, вроде складывается легко и счастливо, но с каждым моментом всё ближе подползает липкая тревога. Чего-то Кэнэкта всё-таки не учла.

В том ли дело, что в правоте своей убедишься, только дождавшись ребят из плавания? Нет, ерунда, надо не ждать результата, а срочно действовать. Что-то упущено, что-то не учтено и не сделано.

Вся коллекция ли Бабозо перекочевала к Зильберу? Да, в точности вся. Инвалид — существо жадное, прежде чем сгрести

выигрыш в мешок, пересчитал его весь до бутылочки. Так отчего же неспокойно сердце?

Ах, да — бутылочка Джу. Вот о ней-то все и забыли. Бабозо-то в самом начале ныл, что приятель наотрез отказался на неё играть, а дальше внимание переключилось на коллекцию самого Бабозо.

А про маленькое счастьечко скромного матроса никто не вспомнил.

И ведь сам Джу — что за хитрый жук — о себе и своём флаконе ни словцом никому не обмолвился. А теперь он ушёл в набег — и на чём — на флагманском корабле самого Кьяра!

— Гони! — закричала Кэнэкта опасному парню.

Тот с недоумением обернулся.

— Пожалуйста, гони! Может, ещё успеем?!

Парень кивнул. Прогулочная коляска, подпрыгивая на колдобинах, понеслась к месту зависания воздушного замка.

А Кэнэкта тряслась на подушках ни жива ни мертва, в неразумных надеждах своих едва ли не порываясь вскочить и мчаться ещё быстрей коляски, впереди лошадей.

Чтоб только ей не сидеть без дела.

Ах, ну конечно же, лошади справятся лучше. Бежать впереди ей не стоит. Лучше она силой мысли попробует удержать колёса на осях экипажа — больно тонки, в этой бешенной скачке их недолго и потерять…

Держать колёса, но не думать о том, что в нелепо подставленной гадом Джу команде Кьяра на сей раз оказался и Перес. Ну конечно, Кьяр осерчал на него за историю с мертвечихами, вот и сказал: «Свой корабль отдавай Ламбуто. Подёшь первым помощником у меня на флагмане»…

А без Кьяра и Переса… Без них у нас в Саламине вообще никаких шансов! К полному удовольствию победивших мертвецов.

Стоп! Негоже их раньше времени хоронить.

Пора хоть немного успокоиться и лучше подумать, что она будет делать дальше, когда доберётся до воздушного замка. Что она сделает, что она скажет, как будет руководить рулевыми драконами? Узнает ли с воздуха флагманский корабль Кьяра?

Да узнать-то не мудрено, коли не помешает избыток тревоги.

Вот и замок. Парень коляску раньше времени не убил, спасибо ему за всё. Двадцать ему монет и страстное рукопожатие. Теперь туда, вертикально вверх, трясущимися руками и ногами по шаткой верёвочной лестнице.

Зато, пока лезла, более-менее успокоилась.

Когда вскарабкалась, могла уже руководить. С толком давала

ценные указания рулевым драконам. Пролетая над Саламином, легко находила ориентиры, узнавала даже отданные мертвечихам трактиры — на отшибе, в центре и с десяток — в портовом квартале.

Над портом велела драконам поднять замок повыше, чтобы заметить на горизонте несколько кораблей. Что, не пятнадцать? Гораздо меньше?

Да нет же, всё верно, ведь здесь арьегард пиратской армады. Корабли Кьяра ушли в авангарде.

Следуя указаниям Кэнэкты, небесный замок обогнал арьегардные корабли, углубился в чистое небо над ярко-синей морской ширью. Скоро встретилось основное тело армады, но и это ещё не Кьяр. Если план похода выполняется, авангард оторвался от главных сил примерно на день.

Замок устремляется дальше, и вот внизу — долгожданные пятнадцать кораблей. Все пятнадцать, с флагманом во главе.

Если в последний момент не случится непоправимого, то Кэнэкте ещё посчастливится всё исправить. Всего и осталось: опуститься пониже, зависнуть над флагманским кораблём, сбросить лестницу, спуститься по ней хоть на уровень грот-мачты и оттуда всё нужное прокричать.

Кьяр перед сражением весь в себе, но зато Перес понятливый, он всё нужное услышит. Призовёт к себе особо отличившегося матроса, вытрясет из него бутылочку — и дальше дело за малым — швырнуть её за борт.

А потом уж на радостях всей командой лупить негодника Джу!

* * *

Если фургон даже проверят, не подумают, что он перевозит людей. Решат — удобрения. Даже на невольничьих рынках люди — штучный товар, их никто не продаёт на вес и не перевозит в брикетах.

Но те люди — обычные, не избранные, да ещё живые впридачу. Люди Ангелоликой способны на большее. Особенно — редкие счастливицы, включённые только позавчера в состав новообразованных гекс. Редкие, ибо есть у них особая сверхспособность.

Эти люди готовы стать гумусом. Им удобрить любое начинание Ангелоликой — пара пустяков. Вот и сейчас они находятся в слитном единстве, не разделённом на отдельных существ. Собраны в одну плотную глиночеловеческую массу.

Есть только трое существ, которым позволена отдельность. Ангелоликая, старшая подруга Лейла, да ещё случайный возница, который тоже зачем-то взгромоздился на козлы.

Возница в том пантеоне лишний. Но он просто правит лошадьми, а вот Мад и Лейла ведут неторопливую беседу, из которой каждое слово Ангелоликой намертво врезается в сердца, а слова её собеседницы надолго вклеиваются в уши.

— Эуза мстительна, — говорила Ангелоликая, — подчас её ответ бывает быстр и силён, но, к счастью, он бьёт мимо цели. Это ж надо было так сильно развоpотить город! А всё лишь для того, чтобы отплатить нам.

— А я думаю, — отвечала Лейла, — нас неумело пытались остановить. К счастью, мы всё же успели провести обряд с блюдечком.

— Остановить? Нет, не похоже. Никто и не понял, что же мы сделали, чтобы пустить их корабли ко дну. Как они в Эузе могли догадаться, что мы освободим водных духов, если даже не знали, что эти духи заточены? Некроманты работали над заточением сто лет назад и в строжайшей тайне.

— Но за нашими септимами, — жаловалась Лейла, — вернее всего, следили. Очень многие живые по своей извечной нетолерантности нас просто не любят, вот и решили, что мы в Саламине не просто так!

— Вот-вот! Не пожалели города, чтобы только навредить нам.

— Ой… А я ведь сама видела, как в день нашего обряда с блюдечком, только ещё засветло, точно над Саламином пролетел небесный замок. Я тогда не придала значения — часто они здесь летают, примелькались — но как увидела, что после того стало с городом, так сразу и вспомнила. И подумала: замок-то летал неспроста…

— Эуза мстительна, — повторила Ангелоликая, — к тому же от неё всегда стоит ждать упреждающих ударов. Но за Саламин мы ей ещё отомстим. И наш упреждающий удар выйдет намного раньше, чем они соберутся его упредить. Мы сотворим такое, что Эуза вздрогнет!

Когда ты с любимыми сёстрами собрана в едную глиночеловеческую массу, не возбуждающую подозрений и удобную в перевозке, то многих своих свобод, дарованных природой и некрократией, ненадолго лишаешься.

Ты не можешь пошевелиться, затрудняешься что-то сказать, не находишь повода разлепить веки, даже с дыханием приходится повременить по причине сильного давления на грудную клетку. Что тебе остаётся от простых радостей, получаемых душами через посредство тел? Только слух!

Потому Оксоляна не раз возблагодарила Божеств-создателей, Владыку Смерти и Ангелоликую вместе с ними, что не просто сохранили ей дивную возможность воспринимать членораздельные звуки, но и усладили слух мудрой поучительной беседой.

Глава 17. Марципарина, вперёд!

Кто кому первый сказал, что Лулу Марципарина Бианка непременно родит нового Драеладра? Этот момент не то, чтобы отсутствует в её памяти, но присутствует в нескольких противоречивых вариантах.

Сказала Кэнэкта Марципарине, или Марципарина Кэнэкте? Вроде, было и так, и этак. Но не знала ведь Марципарина прежде того, как её уведомили?

Сказал Хафиз? А ему-то откуда знать? От самой же Марципарины?

Сказал Бларп Эйуой? Может быть. Но и тут возникает путаница. Источником Бларпу могла бы служить его провидица-бабушка по имени Бланш — разумеется, кто же ещё? Тем более, что все говорят, Бланш действительно сделала предсказание — по глазам дракона по имени Яндротар.

На этом бы успокоиться. Но цепкая память Бианки отмечает странную нелогичность и рассогласованность по времени. К провидице Бланш Яндротара послал провериться её собственный внук Бларп. А зачем посылал? Чтобы сделала предсказание. О чём предсказание? Ну, о рождении Драеладра Марципариной. Что-что?

Получается, Бларп о предсказании знал заранее, до того, как оно было совершено.

И уж точно заранее, до предсказания Бланш, Марципарину — как будущую родительницу Драеладра — перевели в новые апартаменты. Из гостевого флигеля над пропастью — в центральное здание Драеладрова дворца. Ведь кого попало туда не селят.

Правда, Лулу Марципарина — тоже не «кто попало». Умершему Драеладру она приходилась дочерью. Всё так, но загадка сохраняет остроту, ведь в том самом дочернем статусе и с ведома Драеладра-отца Лулу поселили всего лишь в гостевой флигель.

Хафиз говорил, что добился её переселения именно он, Хафиз. И Кэнэкта ему вторила, мол, да, твой бывший наложник побеспокоился… Но когда попросишь Хафиза мотивировать эти его внезапные хлопоты, что отвечает он? Что будущей родительнице Драеладра не пристало жить в гостевом флигеле.

И опять же — возврат к беспочвенному знанию Хафиза об ещё не предсказанном событии.

Может ли один человек другому человеку несколько раз впервые сказать об одном и том же? Да, может. Лулу

Марципарина имеет такой опыт.

* * *

Лулу Марципарина Бианка — конечно, фантазёрка. Потому, пребывая в своих самых радужных фантазиях, она и беременность свою заметила поздно. Незадолго перед тем, как родить.

Или опять не так? Заметила рано, но никому ничего не сказала из глупой драконьей гордости, а там и саму себя заставила позабыть?

Говорят, беременность яйцом дракона протекает совсем иначе по сравнению с обычной человеческой беременностью. Иные сроки, иные ощущения, иное — более глубокое — погружение в процесс. Правда, Лулу Марципарине и тут не с чем сравнивать, ведь прежде она не рожала ни людей, ни драконов — вообще никого.

Хотя тридцать лет — изрядный возраст для человеческих рожениц.

Изрядный? Ну, по меркам живых местностей, вроде высокогорного Ярала и других эузских земель, наверное, так оно и есть. Но Лулу с раннего детства воспитывалась в городе Цанц — среди мертвецов, чьи неживые женщины не рожают вообще никогда. Немудрено, что она и не была знакома с этими нормативами.

В Цанце она воспитывалась мёртвыми мужчинами-некромантами, которые не то чтобы вовсе обходили вопросы родов, материнства и способности живых женщин беременеть, но затрагивали их в сугубо книжном формате, который Марципарина никак не могла соотнести с собой. Ну какое ей может быть дело до каких-то живых женщин?

Позже, когда у юной Лулу появились живые «воспитатели» — наложники, многие тайны женского тела для неё самой впервые открылись. Многие, но не все. Наложники сами прошли специальное воспитание в лучших невольничьих традициях Уземфа, Карамца и пиратского Саламина — и там крепче всего усвоили главное правило: наложник ничем не должен обременить госпожу, ведь обременяющий, как правило, долго не проживёт. А значит, предохранение от её нежелательных беременностей — его задача. И решать её полагается делом, а не просветительскими беседами.

Удивляться ли, что тему беременности, родов и материнства в жизни Марципарины впервые затронула её старшая подруга Кэнэкта? Эрнестина уже рожала, и не раз, её дети, правда,

вырастали без неё, где-то далеко — как потом оказалось, в нижней, равнинной Эузе.

Вот о детях Кэнэкты как-то раз и зашла у них беседа. Старшая подруга жалела, что её не удаётся их часто видеть, но всё же испытывала счастье от того, что они есть. Лулу тогда послушала её и неуверенно сказала: «Кажется, я бы тоже хотела кого-нибудь родить». Кэнэкта заверила: «У тебя получится. Ты ведь живая».

Однако тот разговор состоялся задолго до встречи с Чичеро и тесного общения с тремя его карликами. Вышколенные наложники всё так же ревностно старались ни в коем случае не дать ей счастья материнства. А ей уже хотелось…

Может, и от Чичеро ей желалось получить в основном детей?

Выбор мертвеца как источника детопроизводства — конечно, неразумен. Да только в составе мёртвого рыцаря оказалось столько живых любовных составляющих, что хватило бы и на отдельный маленький сераль. И карликов Чичеро в их плодовитой Отшибине не учили вспомогательному любовному искусству «заметать следы», то есть не оставлять потомства.

* * *

Легко ли Марципарина Бианка освоилась на новом месте? Нет, не сказать, что очень легко. Живя в гостевом флигеле, где ты мало кому интересна, ты вольна распоряжаться собой и своим временем, выбирать тропы для прогулок и удобную одежду на всякий день. И если ты, к примеру, не любительница постоянно прихорашиваться, то можешь это делать лишь для себя самой — в те моменты, в которые тебя застигает фантазия: а не войдёт ли сейсас твой возлюбленный Чичеро?

Во дворце Драеладра уклад пришлось поменять. Дворец образует центр аристократической части Ярала, здесь все на виду, куда попало погулять не выйдешь — кто-нибудь непременно станет шушукаться, к тому же здесь женщины-аристократки постоянно друг на друга смотрят и замечают, кто во что облачается. А уж когда встречают кого-то в одном и том же — находят тысячу способов едва заметно обдать презрением.

А ведь Марципарина, покидая замок Окс на спине белого дракона, вовсе не озаботилась прихватить подходящие вещи из аристократического гардероба. Зелёное кранглийское платье, синий цанцкий парадный костюм с бисерной вышивкой, или же бархатный, цвета пьяной вишни, кадуанский наряд — очень бы её сейчас выручили. Заставили бы яральских провинциальных модниц смотреть на неё совсем по-другому.

В дополнение к тому платью, в котором Лулу сюда прилетела (изящная штучка из самого Приза, но как же она истрепалась и примелькалась решительно всем!), Эрнестина Кэнэкта снабдила её парочкой собственных одёжек, но те — уж наверное, мало годились для появления в аристократическом квартале.

Вроде, и глупые донельзя заботы, а как на тебя влияют!

Лулу совсем уж собралась поговорить с Эйуоем или с Кэнэктой о возвращении в прежний уютный флигелёк над пропастью, но тут, как назло, обоих отвлекли срочные дела: одного в небесном мировом ярусе, другую же — в пиратском Саламине.

С кем осталось Марципарине обсуждать идею возвращения из неуютного дворца? Только с Хафизом, который, кстати, повёл себя странно. Во-первых, вдруг заволновался, во-вторых, принялся госпожу разубеждать (хотя что ему в том, если сам он в вопросе её поселения ничего не рашает?), в-третьих, оставил у Бианки впечатление, что чего-то недоговаривает.

Лишь начнёт свою мысль доказывать — и останавливается на скаку с тревожным блеском во взоре. И рот поспешно захлопывает — ясно, чтобы не проболтаться. Но притом — снова готов голословно перечить госпоже. И чем ему так немил одинокий гостевой флигель?

— Бларп и Кэнэкта вас непременно убедят, добрая госпожа, — привычно кланялся ей наложник, извиняясь за вынужденное несогласие, — ибо они меня тысячекратно умней и могущественней.

Ох уж эта нижневосточная церемонная предупредительность!

Когда в Ярал с первым воздушным замком возвратилась Кэнэкта, то была взбудоражена до предела, переполнена яркими эмоциями. Настолько яркими, что мелких неудобств Марципарины Бианки попросту не поняла.

Наскоро выслушав жалобы Лулу, Кэнэкта ответила на них лишь обещанием снова открыть для подруги свой не самый изысканный гардероб и повторила голословное заявление Хафиза: возвращаться нельзя!

Ну отчего же нельзя-то?

— Подробнее Бларп ответит, — пообещала Кэнэкта.

И скорей заговорила о своём.

Оказывается, там, в Саламине, разведчице удалось сорвать очередной изощрённый план мертвецов. Понять этот план до конца ей так и не пришлось, но некоторые звенья очень уж нагло выпирали наружу — вот и повлекли разоблачение.

Мертвецкое подполье открыло в Саламине десяток публичных домов с мертвечихами (уже событие заметное), путём

устранения конкурентов добилось их посещения моряками Кьяра (в этом откровенный вызов!), да ещё тайно снабжало парней приворотным зельем!

— А к кому приворот? — против воли заинтересовалась Лулу.

— Несфокусированный, — пояснила Кэнэкта, — тот, при котором у них встаёт на каждую юбку. Да с пиратами другое и не сработало бы…

— Ага, — сказала Лулу, теряя интерес к привороту.

Зато дальнейшая история оказалась любопытной. Оказывается, в дополнение привороту на зелье, которое мертвечихи раздали людям Кьяра, были наложены и какие-то разрушительные магические чары. Способные, между прочим, топить корабли. Кэнэкта первая догадалась об их существовании, вот и убедила парней не брать опасные зелья с собой на дело, а лучше всего проиграть кому-то, кому не судьба участвовать в морском походе. Вернее, всех убедила, но одного матроса — нет. А поскольку вспомнила о том в самый последний миг, была вынуждена догонять пиратскую армаду на воздушном замке. Чего иначе делать бы не стала.

— …И вот спускаюсь я по верёвочной лестнице на палубу флагманского корабля. Вижу Кьяра и Переса, кричу им на капитанский мостик: «Джу до сих пор не отдал бутылочки!». Перес тут же послал за матросом, привели Джу, а тот клянётся, что бутылочку свою давно выбросил. Перес не поверил и давай его допрашивать, а попутно велел и обыск учинить. Бутылочка не нашлась. Получалось, или Джу от флакона таки избавился, или просто хорошо его спрятал. Если бы спрятал — плохо бы нам всем пришлось!

— Значит, всё-таки выбросил?

— Да, но не «давно», как он клялся. Но как только заметил в небе мой замок, так его бутылочка за борт и полетела.

— Значит, не зря догоняла корабль! — сделала вывод Лулу.

— Ещё бы! Вот только стоило бы пораньше… Потому что как только спустилась ночь, примерно на том месте, где Джу выбросил бутылочку, забушевал сильный шторм. Вернее, и штормом такое не назовёшь: волнами заливало палубы кораблей, но штормового ветра не прилетело. Верный признак того, что на бутылочке висело какое-то заклятие на водную стихию, а воздушную никто не включил даже ради правдоподобия!

— Но со штормом-то моряки справились?

— Да, конечно, — сказала Кэнэкта, — но их здорово потрепало и рассредоточило. Вдобавок уже на подходе к Южным островам им встретился неприятельский флот, чётко построенный в боевой порядок. Ещё вдобавок его предали

союзники, которые шли в основной группе нашей армады: завидя противника, первые ударили по своему же авангарду — здесь тоже не обошлось без мертвецкого подкупа. Кьяр оказался в невыгодном положении меж двух неприятельских флотов — и вывернулся не без труда.

— Но он одержал победу?

— Нет, — покачала головой Кэнэкта, — всего лишь сравнял счёт потопленных судов. Противник в какой-то миг одумался и отошёл, прикрывая свои берега. Бывшие союзнички — тоже быстро убрались. Видно, расчёт их был на козни мертвечих и на то, что корабли авангарда Кьяра сохранятся в меньшем количестве. Но ведь и Кьяр был вынужден вернуться в Саламин (у него в результате боя осталось лишь семь кораблей в очень-очень плохом состоянии). Возвращается — а Саламин-то весь разворочен! От портового квартала вообще мало что осталось — на город наступило море.

— Да ты что? — вежливо изумилась Лулу.

— Просто те водные силы, которые по мертвецкому замыслу должны были топить корабли Кьяра, сработали прямо в Саламине, где нам удалось оставить почти все опасные флаконы. В море из-за одной лишь бутылочки случился неслабый шторм, а в городе-то бабахнуло — больше сотни! Можешь себе представить! Если точнее, то выигравший бутылочки одноногий Зильбер хранил их в заведении Кривого Джабы — ну да это уже подробности. Причём о том, что дело в бутылочках, в городе слишком уж многие оказались осведомлены…

Кэнэкта остановилась, отдышалась и, справившись с волнением, продолжила:

— Когда Кьяр вернулся, по всему Саламину толпы обозлённых головорезов искали Джабу, искали мертвечих, раздававших те флаконы, искали Зильбера, который спрятал их в городе, ну и Бабозо нашего тоже искали — это ведь он проиграл Зильберу полную коллекцию всякой гадости, значит, мог подменить хорошие бутылочки на плохие, — Кэнэкта невесело усмехнулась, — так из тех мертвечих они кой-кого понаходили да зарезали, от Зильбера и Джабы, поди, не осталось-то ничего, а насчёт Бабозо — пришли к самому Кьяру: выдавай, мол, на расправу. Кьяр своего человека в обиду, понятное дело, не даст, но до Бабозо ли ему было? В общем, пришлось мне взять руль в свои руки. Бабозо я вывезла из Саламина воздушным замком и доставила к нашим в Адовадаи. Вот такой у нас там приключился случай… Да, Лулу, дорогая, я забыла: ты что-то хотела?

— Нет, спасибо, — Марципарина поспешила отказаться от собственных просьб, — ничего не надо, я лучше обращусь к

Бларпу.

— Ну, вот и здорово, — заключила Кэнэкта, — а то я, извини, очень-очень-очень устала!

* * *

«Обращусь к Бларпу», а «Бларп ответит».

Что ж, Бларп ответил. И лучше бы не отвечал, потому что Лулу Марципарине сделалось стыдно. Надо же, до чего эгоистично она смотрит на мир! Оказывается, от того, где она живёт в Ярале, зависит не только её доброе расположение духа, но и судьбы многих драконов и людей.

Полно, да Бларп, наверное, шутит? Бларп не шутил.

— Положение драконов, да и людей в Ярале довольно-таки шатко, — веско сказал он. — От того, родится ли новый Драеладр, зависит в их жизни буквально всё. А родить его суждено тебе, Марципарина Бианка…

В первый ли раз о том Бларп ей сказал? В том-то и дело, что Марципарина не помнит! Вроде, и в первый, но до чего же знакомый текст…

— А если я рожу не дракона? — спросила Лулу. — Вдруг это окажется человеческий мальчик или девочка? Очень даже возможно, что родится и тройня карликов… — говорила, а сама остро чувствовала, что сказанное не ново, будто повторяла слова из театральной роли.

— Не дракон у тебя родиться не может, — жёстко пресёк Эйуой её пустые и замшелые разглагольствования, — Бланш уже видела рождение дракона, значит, предстоит именно оно. Но когда он родится — вот вопрос. Хорошо бы пораньше, потому что мощные силы нам противодействуют. Одержимый гарпией клан Рооретрала…

Что там с кланом Рооретрала, Марципарина прослушала. Можно подумать, ей важен посторонний драконий клан, если речь идёт о её собственном материнстве. Значит, решено: будет дракон? Кем решено?

— …К сожалению, ускорить события мы не можем. Новый Драеладр вылупится тогда, когда он решит вылупиться. Но для начала должно быть снесено яйцо. И снести его надлежит здесь, в интерьерах центрального Драеладрова дворца, ибо Бланш именно так видела…

— Это значит, если я вернусь в гостевой флигель, то тем самым задержу рождение дракона? — усомнилась Бианка.

— Не обязательно, — ушёл от ответа Бларп, — но в чём я

уверен: всякая отсрочка на руку противодействующим силам. Если будущая роженица повелителя дракона вернулась из того места, где должна рожать, не значит ли это, что рождение Драеладра откладывается? Как там на самом деле — не берусь судить. Но для многих интерпретаторов это будет удобным козырем, чтобы заявлять: новый Драеладр вообще не родится.

— Я поняла, — закивала пристыженная Лулу, — я просто не представляла себе всех обстоятельств. И я не думала, что я настолько важная птица в мироздании, чтобы столько всего предопределять одним своим местом жительства. Конечно, я останусь во дворце. Здесь, если разобраться, очень даже мило. В конце-то концов, Хафиз наведёт уют, он умеет. И с гардеробом — Кэнэкта поможет. А что платья её мне широки — так ведь в Ярале есть и портные… Да, я всё поняла, я всё выполню.

Только той же ночью она спросонья сорвалась на крик, гулким эхом разнёсшийся по длинной дворцовой анфиладе и до смерти перепугавший Хафиза. Тот подбежал к её постели, глалил ладони, с нежной силой удерживая от порывов резко вскочить и нестись очертя голову прочь, прочь из крепостнического Ярала, хоть бы и в пропасть, но только прочь!..

— Не хочу! — билась она в истерике. — Не хочу дракона, не хочу для всех! Хочу простое человеческое дитя для себя одной!!!

Покричала, выкричалась, да и обмякла. Нет, глупо протестовать, когда Бларп Эйуой кругом прав. Кроме неё Драеладра никто не родит, ведь если не она, то кто же?

А человеческое дитя — будет у неё и такое. Вон, у царевны Эллы, родительницы первого Драеладра, того, что драконью династию основал — так у неё ведь потом и обычных детей вышло пятеро. От героя Ашогеорна.

Правда, царевне Элле было намного проще. Ашогеорн ей приходился законным мужем и, пусть не очень её любил, всё же не упускал удобного случая с нею возлечь. Иное дело — Чичеро.

Ах, Чичеро — почти во всех отношениях совершенно иное дело!

* * *

Наверное, внезапным ночным криком Лулу перепугала Хафиза настолько, что тот уже наутро нашёл способ поскорее позвать Бларпа. Во всяком случае, Бларп тем же утром явился — и снова начал ей объяснять, что рождение Драеладра слишком важно для всех, всех, всех.

На сей раз он не ограничился простой констатацией

сложного положения Драеладрова клана, а начал копать вширь и вглубь. Мол, во-первых, не одна Лулу испытывает сейчас неудобства и чувство несвободы ради общего блага, во-вторых, существуют ещё легендарные прообразы мудрых способов преодоления таких неудобств и переживания несвобод.

С видимым нежеланием Эйуой поведал о погроме, учинённом одним полоумным драконом в отшельническом доме Бланш. А ведь всё, что сделала провидица — предсказала рождение Драеладра и вовремя довела свою новость до сведения Матери-Драконицы Гатаматар.

— Бланш и сама могла пострадать? — догадалась Бианка.

— Да, чудом не пострадала. Стоило Финдарокрегу подойти к своей чёрной задаче с умом, он убил бы её сразу. Но на наше счастье, недоумку захотелось сперва поглумиться. Тут его и остановили…

Кажется, Бларпу оттого было так трудно рассказывать о случае с домом Бланш, что полоумного дракона сумел остановить вовсе не он. Сам-то он был занят, и занят, между прочим, тем же самым важнейшим делом: доказательством, что новый Драеладр скоро родится.

— А где сейчас твоя бабушка? — спросила Лулу.

— Гостит у Гатаматар. Да только ей там, в небесном драконьем дворце, тоже ведь не сладко, — Бларп Эйуой подмигнул, широким жестом указывая на внутреннее пространство дворца Драеладра, в котором столь неуютно почувствовала себя Лулу Марципарина. Хороший нашёл момент для сравнения.

— Я думала, ей всё равно, где находиться.

— Дело ведь не в интерьре. Там множество крылатых драконов, которые к драконам двуногим относятся свысока, а некоторые — и с откровенной враждебностью. Обойдённый судьбой клан Рооретрала никуда ведь не делся! В общем, вокруг бедной Бланш слишком много ненависти. Надеюсь, ей там гостить придётся недолго: новый дом уже строится — возведут на том же фундаменте, отделают, накроют заговорённой крышей от драконов-погромщиков — а обживать будет уже сама.

С видимым облегчением закончив пример из жизни собственного семейства, Бларп Эйуой заговорил о семействе легендарного Ашогеорна, и уж тут-то показал себя куда более вдохновенным рассказчиком, истинным мастером плетения древних историй на новый лад.

— Рождение крылатых драконов человеческими женщинами, — сказал он, — составляет важный предмет рассмотрения во многих фольклорных традициях. И неспроста…

* * *

Первой родила дракона, как известно, царевна Элла — дочь правителя земли Цанц. Родила первого истинного Драеладра, основателя династии, существующей по сей день. Родила его от другого, «ветхого» Драеладра, впоследствии убитого в честном сражении героем Ашогеорном. Которому, в свою очередь, Элла досталась в качестве одного из боевых трофеев — как законно добытая невеста.

О подробностях отношения Эллы к своей судьбе героические саги умалчивают. Известно, что более всего в жизни царевну волновала жемчужина Лунный Пламень, за которой она и отправилась — к «ветхому» ещё Драеладру; отправилась, по-видимому, вполне добровольно, хотя и не имея внутренней возможности выбора. Да и что другое очарованная царевна могла выбрать? Жемчужина звала — Элла двигалась к ней.

Неизвестно и то, добровольно ли Элла возлегла с драконом, а также неясно, какие чувства к «ветхому» Драеладру она испытывала. Вернее всего, просто приняла как неизбежность все брачные ухаживания чудовища, какими бы они ни были, ибо не могла не признать его власть над пленившей её жемчужиной. «Ветхий» Драеладр обладал жемчужиной, жемчужина же владела ею.

Грустная, но правда: отношения земной женщины с чудовищным перводраконом и не могли быть вполне человеческими. Зато от Эллы, начиная от её крылатого первенца, пошла ветвь совершенно иных драконов, дружественных своим родственникам-людям и, наряду с другими яркими достоинствами, впитанными от людей, очень нежных и страстных любовников. Но те замечательные любовники достались уже другим женщинам и драконицам — из новых легендарных поколений.

Об Элле же мы наверняка знаем, что и в замужестве за человеком Ашогеорном её любовные чувства по-прежнему спали, а единственная подлинная страсть — к Лунному Пламени — распространилась только на первенца. Ему-то она и передала в наследство эту жемчужину, принадлежащую, говорят, к величайшим Костям Вселенной — при том, что у нашей вселенной не так уж и много костей.

Второй женщиной, чьи отношения с драконом стали предметом воспевания, оказалась дочь Эллы от Ашогеорна — легендарная Кешла. К её чувствам и мыслям традиция отнеслась уже гораздо внимательнее. Возможно, потому что были они у неё — эти чувства и мысли.

Кешла — средний ребёнок из родившихся у Ашогеорна и Эллы, причём единственная девочка в их браке. Не удивительно, что сказители разных народов, обращаясь к поколению детей Ашогеорна, почти всё внимание уделяют Кешле. Что ж, расскажем о ней и мы. Ибо она того достойна.

Чем удостоилась? А вот чем.

Ведь это она первая из детей Ашогеорна стала вопрошать отца, что же значат их имена. И поставила его в тупик. О значении-то имён называтель и не подумал. Как человек прямодушный, честно сказал дочери: «Отстань, сам не знаю». И лишь после выспросил всё, что надо, у проходящего через Гуцегу мудреца. Но то случилось намного-намного позже, хотя и раньше, чем Кешла выросла. Так что и нам забегать не след.

Да уж. Когда драконоборец давал имена собственным детям от спасённой царевны, то даже сам диву давался, что за странные выходили имена: Глелдав, Двавр, Кешла, Керокегер, Шувшер. Думал Ашогеорн, что чудные эти созвучия ровным счётом ничего не значат, но тут он, конечно, просчитался.

Семья Ашогеорна жила в лугах Гуцегу, в местности, в которой в ту пору люди не селились, так что странности детских имён в округе и удивляться-то было некому. Но то — до поры. До той самой, до которой мы покуда не забегали, а тут она и сама подошла.

Как-то мудрец Авдрам, шедший по дороге из Адовадаи в Менг, забрёл в гости к драконоборцу, услышал эти имена и узнал драконий язык. Герой Ашогеорн никогда не изучал этого языка, но, как оказалось, успешно им воспользовался. Имена мальчиков, как их истолковал Авдрам, все относились к разным этапам драконоборчества, имя же девочки означало «кормилица драконов».

Мудрец истолковал, да и пошёл себе дальше, а Элла и Ашогеорн, пока сами не забыли, поспешили обрадовать детей. «А что значит «кормилица драконов», а?» — нахмурилась тогда Кешла.

Ей не ответили, но над вопросом задумались. Ашогеорн так ни к чему и не пришёл, зато Элла потихоньку спросила у Лунного Пламени: «Значит, Кешле суждено повторить мою судьбу?». «И не только ей», — был ответ; видать, в особо торжественных случаях жемчужина ей отвечала.

Из всех пятерых детей секретом собственного имени заинтересовалась только девочка, потому не удивительно, что с трудом добытое значение остальных имён и сами они позабыли, и целые поколения сказителей.

А Кешла — та не забыла. Она продолжала вопрошать.

«А если я не хочу быть кормилицей драконов?» — спрашивала она.

* * *

— Вот-вот! — воскликнула Марципарина. — Кешле не хотелось, да и мне, положа руку на сердце, не очень-то хочется. Неужели нет выхода? Никакого выхода — ни у неё, ни у меня?

— Выход-то есть, — отвечал Эйуой, — но, чтобы его отыскать, надо сперва войти. Кто не вошёл, ведь тот, наверное, и не выйдет?

— Да, наверное. Но куда войти? — спохватилась Лулу.

— В легенду.

Ну да, в легенду. Куда же ещё?

* * *

Кешла своё место в легенде заслужила не только происхождением, но и тонким умом. Её старшие и младшие братья не стали доискиваться глубинных причин своих наименований — и потому были вынуждены свои предназначения просто выполнить, без какого-либо свободного выбора. Она же ради самой возможности выбора стала бунтовать.

«Нет, в кормилицы драконов я точно не пойду!» — так и сказала родителям. «Ну ладно!» — принял к сведению Ашогеорн. Ему-то что, в самом деле? Но Эллу слова дочери зацепили: «Ты что, не любишь драконов? — спросила она. — Или ты ненавидишь своего сводного брата Драеладра?».

Кешла ответила, что к Драеладру недобрых чувств она не испытывает, да и среди других драконов наблюдала парочку вполне симпатичных. Но сама постановка вопроса её не устраивает. Кто за неё решил, что ей быть «кормилицей драконов»? Почему не спросили у неё самой?

«Не хочешь — не надо! — сказал тогда любитель простых решений Ашогеорн. — Так и быть, выйдешь замуж за человека». Стоило ему это произнести, как в ушах Кешлы раздалось осторожное злое хихикание на пределе слышимости — верный признак неверного выбора.

«Кто смеётся?» — резко спросила она. Нет, никто не смеялся. Домашние к ней обратили самые серьёзные лица.

«Нам не должно смеяться, — сказала мать Элла, — нам должно с одобрением прислушиваться к мудрым решениям

Ашогеорна». Считала ли она своего прямолинейного муженька образцом мудрости — вилами по воде писано, но вела себя в точности, как должно. И, наверное, зря, ибо герой-драконоборец в такие моменты немилосердно зазнавался. Или не зря, ибо у зазнавшегося героя получала многое важное для себя.

Но как было поступить Кешле, слушая мерзкий хохоток в ушах? Она подумала и решила: смех безответственный, смех анонимный, к тому же он тщится обесценить именно то решение, в котором отец в кои-то веки прислушался к единственной дочери.

«Ты прав, отец, — объявила она, — я согласна выйти замуж за человека». И как только Кешла такое сказала, хохот в ушах усилился, стал болезненно-оглушительным и с откровенной издевкой — впору пожелать себе сразу оглохнуть, чтобы подобного больше не слыхивать.

«Вот и славно, — просиял Ашогеорн, — я подготовлюсь. В том, как следует обставить человеческую женитьбу, я худо-бедно разбираюсь. Будет не зазорно и людей пригласить». И, наверное, в тот момент он и задумал строительство замка — особого, испытательного. Того, в котором центральное место займёт не парадная анфилада, а полоса препятствий.

Пройти те препятствия сможет только сильный, смелый, ловкий, умный, находчивый — такой, какому не стыдно вручить в жёны дочь героя.

Полоса задумывалась не для дракона — только для человека. А что: если ты человек, изволь соответствовать! А если дракон, извини: моя дочь отказалась следовать ограничивающему предопределению своего имени!

Впрочем, строительство замка — дело не быстрое, к тому же, к реализации главного замысла Ашогеорн приступил далеко не тотчас же — сперва тщательно продумал каждую ловушку. Ну, чтобы недостаточно сильные, смелые и так далее — неминуемо срезались.

В общем, Ашогеорн с головой ушёл в строительные планы, Кешла же о том разговоре почти забыла, только и помнила странный смешок на пределе слышимости, усиливающийся затем до боли в ушах. Ещё бы не запомнить, когда он потом не раз повторялся.

А кто смеялся-то? Ясное дело, гарпии. Кешла с ними вскоре свела знакомство — не слишком приятное, но необходимое. Когда от гарпии не можешь избавиться, о ней надо, по крайней-то мере, знать.

Как свела знакомство? Первоначально — на ярмарке.

Ведь в первом семейном доме Ашогеорна, расположенном в

ветвях дерева Буцегу, эти твари не появлялись, только и могли, что издали хохотать. Зато на ярмарке они способны и в зримом облике предстать, и в полный рост явиться, а то и ловким движением опытных падальщиц закогтить кого.

Известно, что гарпии — существа, до кончиков когтей наполненные едкой критикой, а критике нужна подходящая пища, а пищей подчас идеально служат былые предания. Не в меру идеализированные предания, какие исполняют на ярмарках — те служат особо лёгкой пищей.

Легенды об Ашогеорне — победителе ветхого Драеладра у скалы Глюм, освободителе царевны Эллы, хранителе Лунного Пламеня, воспитателе нового Драеладра (истинного основателя драконьей династии), а также родителе пятерых прекрасных детушек — все эти легенды множились ещё при жизни героя, его жены и детей. Пока дети были малы, беда в том ещё небольшая, но как стали подрастать, да выходить в мир — тотчас наслушались и ярмарочных баек о собственном житии, полных розового сиропа.

Случилось как-то повзрослевшим детям героя посетить ярмарку в Располе, а там как раз собралось сказителей со всего Лугового королевства. Ну, и давай они славить Ашогеорна и семейство его на все голоса. Тут-то из-за сутулой спины самого медоточивого сказителя и подняла голову гарпия.

Подняла — и сразу же спрятала. Но внимание привлекла.

Кешла и не поняла, зачем, а подошла к сказителю, слушала-слушала, да и призадумалась. «Дружно зажили» — это разве про них? «В любви и согласии» — а это по каким признакам заметно?

Ашогеорн и Элла целыми неделями словом не перемолвятся. Глелдав отправляется на охоту засветло, а возвращается заполночь, дабы младших братьев лишний раз не увидеть. Мрачный увалень Двавр по природной лени сидит дома, но этот жуёт особую дурман-траву, только бы поспать подольше и не встретиться со старшим. Близнецы — ух и мутузят друг друга, как только Ашогеорн с Эллой отвернутся. Этим, по крайней мере, друг до друга есть дело, да только не самое благородное: чисто по мелочам напакостить брату.

И главное, каждый из нас делает вид, что доволен своей жизнью. Не для того ли, чтобы половчее войти в это лживое предание? И кажый из нас, не задумываясь, так и отбудет свою судьбу, до самого последнего завитка предначертаний. «Кроме меня», — хотелось бы ей добавить. Но не добавила, ибо мудрела не по годам. Опасно себе показаться счастливым исключением.

Вокруг безостановочно вертелись ярмарочные карусели, а Кешла всё думала, думала. Что-то из того, о чём думала,

возможно, ей кое-кто и нашептал. Или, возможно, сама дошла в миг помрачения мысли? Эх, да что искать виноватого — ибо вместе, всё вместе…

Если о нас всё так бессовестно переврали, так может и Драеладра мой отец не побеждал?

Так подумала Кешла и тут же услышала где-то в сторонке от шумных ярмарочных аттракционов едва слышный ехидный смешок. Девушка поглядела туда украдкой, но никого не приметила, только лёгкое движение воздуха. Видать, её нарочно дразнили. Ждали момента, чтобы хихикнуть и быстро спрятаться.

«Вы часом не слыхали здесь противного такого смеха?» — спросила Кешла у самого пафосного из сказителей, но тот решил, что это она над ним смеётся, а потому озлился и обозвал гарпией.

«Вы думаете, я гарпия? — удивилась Кешла. — Мне кажется, это не так, но, пожалуйста, поясните, кто она такая». Сказитель же наотрез отказался с насмешливой гарпией чесать языком, а вот кулаки его, наверное, как раз чесались — почему Кешле и пришла разумная идея унести ноги, а насчёт гарпии поговорить с кем-нибудь другим.

Желающих поговорить о гарпии на той ярмарке Кешла нашла с десяток. Правда, всё вновь добытое знание свелось к утверждению, что гарпий не существует. Причём одновременно с каждым из отрицаний дочь Ашогеорна неизменно сдышала откуда-то сбоку знакомый уже смешок.

Подобным приёмам гарпии кого хочешь доведут до умопомешательства, но Кешла всё же не такова. Жизнь в гибких кронах шагающих деревьев на лугах Гуцегу приучила её к внезапным хлёстким поворотам. Одна гарпия этой её способности не учла — и не успела спрятаться.

И смотрит Кешла, и что же она видит? Зачуханное такое «чудо в перьях». Женский торс, орлиные крылья, а всё вместе — ни дать, не взять, курица. Одним словом, форменнейшая гарпия. Всё бы им хихикать, кихикать, а как кто-то в ответку прижмёт хвост — поднимают истошный визг.

Кешлу от поднявшегося визга тоже вмиг затошнило. Но достойная дочь Ашогеорна себя переборола и говорит существу: «Эй, ты чего распищалась?». А гарпия ей в ответ: «Что ты, я не просто пищу, я борюсь с режимом. Айда с нами?». — «Тоже вот этак пищать — да я что, дурная?».

Вот и поговорили.

А как вернулась Кешла с ярмарки, видит: Ашогеорн уже с дерева спустился и выстроил дом на краю лугов Гуцегу. Ну, а к дому тому — замок пристраивает. Тот самый, испытательный — для женихов Кешлы.

Быстро Ашогеорн работал, как-никак, он герой из не самых слабых. Правда, за скоростью забывал многое довоплотить. В доме — совсем не потрудился отделать чердак. Удивляться ли, что именно там-то и поселилась парочка гарпий? Развела свой пакостный птичник.

Не успела Кешла войти в новый дом, а знакомые смешки — тут как тут. И две рожи распатланные торчат из окна чердачного. Чтож, ну, будьте здоровы, гарпии — давно не виделись!

Гарпии-то, стоит им раз человеку показаться, дальше уже не стесняются. Чай, не девственницы в купальне. И, какие не есть, а женщины: любят себя показать при случае. Вот только случаев на чердаке у Ашогеорна имели немного никто, кроме Кешлы, их так и не видел. Недоставало восприимчивости.

Видеть не видели, но, небось, иногда слушались.

Междк тем, не прошло и десятка лет, как замок для испытания женихов Кешлы был закончен. Ашогеорн, лучась от радостных предвкушений, спросил у дочери: «Ну как?». И показал на очередь у парадного входа: всё женихи, женихи, женихи… Ты ведь этого хотела?

«Ты ведь этого хотела?» — спросили с издевкой гарпии, повторяя, а может, и предваряя её собственную мысль. «Не уверена, — возразила себе и гарпиям Кешла, — что я хотела именно такого». «Ты как хочешь, — хихикнули гарпии, — а мы переселяемся. Отсюда, с чердака, многого не увидишь, а в замке теперь нам предстоит нескончаемое веселье!».

Да, замок Ашогеорна удался на славу. Для укротителя деревьев и драконоборца — очень-очень недурно! Правда, ловушки на полосе препятствий вышли сплошь небезопасными для жизни, но, с другой стороны, отец прав: зачем дальше жить жениху-неудачнику с вечным клеймом позора несоответствия?

«Даю отмашку, и запускаем первого жениха! — вскричал Ашогеорн. Или это гарпии дали отмашку? Как бы то ни было, кешлины женихи покорно потопали к полосе испытаний.

Первый же день дал дюжину смертей, да ещё в самом начале пути: кто не сверзился в колодец, того доконал маятник. Ашогеорн задумался, но ошибки в расчётах не нашёл. Если бы женихи, да не были слабаками — прошли бы испытания, играючи, да ещё ноги об тестя вытерли.

На второй и третий день — то же самое. И вся неделя — одни слабаки?

Спустя месяц Кешла попросила отца остановить эту бессмысленную машину убийств. «Я не могу, — развёл руками тот, — выйдет не по закону, да и что о нас люди подумают? Ашогеорн промахнулся? Семейка его не держит слова? Обещали

руку дочери героя — и на попятную?.. К тому же, остановить бойню сейчас будет нечестно к памяти уже погибших».

«Но ведь можно избежать хотя бы новых смертей!» — кипятилась Кешла. На что Ашогеорн ответствовал: «Так на смерть они идут по собственному решению — никто не неволит. Отказать им? Несправедливо. К тому же и ты, доченька, что-то засиделась в девках — перед сверстницами, поди, неудобно?».

Кешле осталось лишь умолчать о том, что её сверстницы повыскакивали замуж ещё полутора десятками лет ранее, как раз когда светлая идея испытательного замка заботливого отца едва-едва осенила.

И новые смерти. И новые, и новые…

К счастью, однажды наступил миг, когда очередь встала. Женихи не решались уйти восвояси (позор-то какой!), но и проходить испытания больше не рвались. А смысл? В этом-то состоянии очередь застал подоспевший из Адовадаи мудрец Авдрам.

Дальше-то всё пошло быстро. Под именем Кёсма из Алахара мудрец вошёл в злополучный замок — и единственный сумел не провалить испытание. В замке он нашёл всего двух гарпий. Старшая, особо жирная, принадлежала Элле, младшая, почти не оперившаяся — самой Кешле.

Непостижимым образом Авдрам обеих победил. Чем и освободил женихов и Ашогеорна от данных ими себе же клятв. И на Кешле жениться не стал, чем освободил и её от неясных ей самой обязательств. Пояснил: «Я ведь не Кёсм из Алахара! Значит, прав на невесту не имею». Ашогеорн вскричал: «Но ведь настоящий Кёсм не прошёл испытания!». «Прекрасно, — ответил Авдрам, — значит, прав на Кешлу не имеет и он!».

Так удалось Кешле, дочери Ашогеорна увильнуть от мрачного предопределения, к которому она пришла на основе собственного раннего выбора. Что же до предопределения имени — так оно осуществилось.

Спустя некоторое время Кешла встретила молодого дракона, с которым ей захотелось вместе быть. Этому дракону — которого разные традиции называют разными именами — она и отдалась, вовсе не заботясь о том, чтобы далее противиться немилосердной судьбе. И в положенный небесами срок снесла драконье яйцо…

— В том яйце сидел тоже Драеладр? — спросила Марципарина.

— Нет, — улыбнулся Бларп, — сводный брат Кешлы к тому моменту ещё здравствовал. Потому своего крылатого сына она назвала иначе. Бларобатаром — ведь это тоже сильное драконье имя.

* * *

Когда Бларп ушёл, Марципарина себе сказала: итак, он меня подготовил. Сказала почти без горечи, даже с благодарностью. Осознала свою благодарность — и встрепенулась. Подготовил, но к чему? К роли несчастной Кешлы?

Нет, Кешла со всеми предопределениями её имени под конец истории несчастной уже не выглядела. Несчастна не Кешла. Несчастен кто-то другой. И не из-за того, из-за чего счастлива Кешла.

Но Кешла снесла яйцо любимому дракону. Марципарине предлагают снести его просто так — в мир. Это, конечно, разница. Если бы Чичеро…

Но Чичеро в игре судьбы ближайшего хода не сделает. Ход за нею.

Меня используют, обожгла другая, тоже давно знакомая мысль.

Конечно, меня используют для рождения Драеладра, Бларп этого даже не скрывает. Он давно заврался в своих поспешных рапортах Гатаматар о снесённом яйце и вылупившемся дракончике. Весь расчёт его лишь на то, что драконы нескоро проверят, а ещё на то, что Лулу побыстрее родит.

Шаткая у Бларпа позиция.

Но, с другой стороны, Марципарине он не соврал. А легенда о Кешле, которую привёл в подкрепление своих чаяний, легенда-то — подлинная. Бианка, как истинная драконица, легко бы почувствовала фальшь.

А ещё с последнего визита Бларпа Лулу Марципарина неожиданно для себя ощутила особый уют дворца Драеладра. Вроде, и ничего вокруг не поменялось, но — поменялось, наверное, в ней самой. Куда-то ушёл внутренний протест (не спросили, переселили!), пропало раздражение взглядами посторонних во время прогулок перед дворцом, исчезло стеснение по поводу наскоро перешитого кэнэктиного платья.

А ведь я скоро рожу, сказала себе Бианка, с новым пониманием, будто впервые. Вернее, снесу яйцо, но это же мало чем отличается от человеческих родов. Хотя, чтобы проверить, стоило бы испытать то и другое.

Но всему своё время. Яйцо Драеладра родится первым.

Родится-родится — а тут вдруг и родилось. Не простое, а золотое.

Встречайте!

Глава 18. Звуки гарпии. Цепенящий визг

> *…этот писклявый голосишка опять начинает свою ноту, и уже пуще прежнего на высочайшей ноте слышно это умильно заискивающее, подкатывающее свои масляные глазки к небу, и в то же время насмешливо-лукавое и почти что презрительное: «И-и-и-и-и-и…».*
>
> *А.Ф. Лосев. Диалектика мифа*

Едет-едет берегом широкого моря Ксеркса глиночеловеческий брикет.

Внутреннее состояние брикета — молчаливое многоголосие-голосие-голосие, ни разу не высказанное, не выраженное, не произнесённое вслух-вслух-вслух.

Едет и слушает, ибо не может пошевелиться, уравновешенно-скованный во всех внутренних движениях. Слушают люди, слушают их бальзамы, слушает чёрная морская глина. Всё и вся обратилось во слух.

А и есть, что послушать, о, глиночеловечине есть что послушать, выслушать, прослушать, вдоволь наслушаться, воспринять на слух — и дивиться, дивиться, дивиться услышанному.

Долго дивиться, ибо быстро для глиночеловеческого единства ничего никогда не бывает. Не бывает ныне, не бывает и вовсе. Не бывает такого быть, чтобы когда-то оно бывало, а даже если когда и бывало, то не бывать тому впредь. Не бывать! Не бывать! Остаётся слушать…

Слушать тех, кто сидит на козлах, кто достаточно отделен, чтобы от своего имени говорить, слушать тех, кто говорить может…

* * *

— А скажите, Ангелоликая, — доносится с козел тихий, мяукающий голосок госпожи Лейлы, или, что есть то же самое,

поэтессы Лайл, — скажите-ка, почему на нынешнее испытание в Саламине вы прикололи к платью именно эту брошь? Потому ли, что гарпия — это сейчас модно?

— Модно? Ну уж не в том дело! — издаёт Ангелоликая лукавый смешок. — Дело не в моде профанов, дело во мне. Потому и модно, что я её надела!

Оксоляна в глиночеловеческом брикете припоминает последнюю брошку Мад, припоминается тяжело, с почти мышечным усилием, и тогда чужие воспоминания приходят на помощь, ибо как же не помочь бывшей первой ученице одной из септим, когда она — больше никакая не она, а мы, мы, мы… Брошка на платье Мад, эта брошка встаёт как живая, кланяется сверкающей самоцветами головкой, растопыривает орлиные крылья — хороша!

Все хотят брошку Мад? Все хотят быть похожими на неё? Ну так знайте: мы и так на неё похожи.

— По правде говоря, хоть я этого и не афиширую, — Мад снова хихикнула, — весь наш культ Вечнотраурной Смерти является некрократическим переосмыслением культа гарпии. Ты не догадывалась?

— Нет, — призналась Лейла — старшая подруга слитых воедино участниц новообразованных гекс.

Она-то не догадывалась, а мы первые, первые, первые-первые — своим сплочённым умом дошли. Своим умом, умом, умным умом…

— Наши септимы… Ну, после Саламина — гексы, — вела дальше Мад, — не что иное, как иначе поименованные рои гарпий. Важно это иметь в виду.

— Рои гарпий? Простите, Ангелоликая, но я о них ничего не слышала, — голос Лейлы, которая Лайл, зазвучал огорчённо.

Сейчас услышишь, сейчас, дурочка, услышишь, ты услышишь, услышишь. Ты сидишь на одной досточке с Мад, но ты не похожа на гарпию, не похожа совсем на гарпию, на неё похожи мы, мы, мы…

— Простите, Ангелоликая, вдруг забеспокоилась Лейла, — мне вдруг показалось, изнутри фургона доносятся какие-то голоса. Может проверить?

— Не стоит, моя милая наследница, — серебристо смеётся Мад, — мы ведь везём рой. Пока он не расправит крылья, будет многое болтать, но ни слова — вслух. Рой молчалив, но в нём постоянно все говорят. Если отсюда вслушиваться — утратишь себя.

Кто говорит? У-у, хорошо говорит, верно говорит, нам нравится, как он говорит, и мы похожи на гарпию, и мы тоже

гарпия, и мы, мы, мы…

Не важно, кто говорит, мы ведь все едины, мы ведь всё едино, мы едем все, все, все прочь от Саламина в гробу на колёсах, поскольку в воде не тонем, не тонем, не тонем, тонем не мы. Не важно, совсем не важно, кто из нас говорит, и что говорит, а важно, что говорит Ангелоликая, и то, что именно она говорит. Она даст легенду-легенду-легенду: кушайте!

— О гарпиях, — наконец сдаётся Мад на молчаливые мольбы роя, — есть замечательная легенда, которую профаны понимают превратно. Сейчас настало подходящее время, чтобы её поведать. И тебе, Лейла, и твоим младшим товаркам, замурованным за нашими спинами.

И нам, и нам, и нам, и нам, и нам!

* * *

Начну с того, о чём все другие легенды врут.

Если вкратце пересказать враньё, то в главном сюжете «Драеладр и Ашогеорн» царевна Элла, дочь правителя земли Цанц, очарована сиянием таинственного артефакта «Лунный Пламень», являющегося в разных версиях сказания то камнем, то жемчужиной — вруны не договорились — но неизменно принадлежащего к главным Костям Вселенной и манящего её к себе из некоей дальней земли.

Оцени пафос! Но мы-то с тобой понимаем, что никакой жемчужины на самом деле нет, а какая на самом деле есть, та и без поисков всегда с нами, не правда ли, Лейла? Стоит немного раздвинуть ноги — вот она и жемчужина, вся в твоей власти, можешь и так играться ею хоть до изнеможения, а у живых девушек, помнится по себе, эта штука ещё чувствительнее. Искать её за тридевять земель? Смешно.

Однако, очарованная царевна будто бы ищет свой камень и находит его в глубокой пропасти под горой Глюм, где его сторожит свирепый «ветхий» Драеладр — последний из драконовидных чудовищ, в отношении которых людьми предпринимался так называемый «акт драконоборчества».

А ну-ка задумаемся. К чудовищу за «жемчужиной»? Нет, уж верно, героиня искала там вовсе другую штуку — продолговатый скипетр всевластия, так сказать. Но о нём-то легенды профанов стыдливо умалчивают. Почему, как думаешь? Они боятся! Боятся, что их излюбленным скипетром кто-нибудь завладеет!

Правда, Лейла — очень смешно! Ну, отсмейся, и я продолжу.

Дальше история сильно скучнеет. Как и надлежит дракону-

чудовищу, хозяин жемчужины пленяет царевну Эллу, что и требует вмешательства героя-драконоборца, специально ради спасения прекрасной пленницы найденного её отцом в земле Гуцегу.

Впрочем, оказывается, Ашогеорн из Гуцегу до сражения с Драеладром опыта драконоборчества не имел, а, как полный придурок, занимался в основном укрощением шагающих деревьев. Видно, плохо укрощал: те деревья по лугам Гуцегу ещё до недавнего времени вышагивали, пока не покончил с ними навеки Порог Смерти.

Почему же Ашогеорн? Обращение царя именно к нему выглядит логичным лишь в свете того обстоятельства, что все другие возможные драконоборцы отказались, либо не справились. Облажались, иначе говоря.

Ашогеорн прост, прямодушен, я бы сказала — недалёк, но лишён того мелочного азарта, который и губит обычно охотников за драконами, когда дело доходит до решающей схватки.

Дурачина решил, что к нему обратились всерьёз — понимаешь, Лейла? Поэтому он и не согласился договориться с драконом полюбовно, а настоял на поединке. К тому же этому «великому герою» весьма пригодился опыт обращения с волшебными веревками, которые помогли сперва обездвижить Драеладра, спутав ему крылья, а затем и спуститься в логово чудовища.

Честно ли так сражаться с драконами — этот вопрос пропустим. Как бы ни сражаться, лишь бы драконов стало меньше. Наша-то сестра гарпия тоже воюет с ними без оглядки на неписанные кодексы. Верёвки ей, правда, без надобности, но как мастерски она к ним заходит с незащищённого тыла!

Но продолжу. В чём единственном остальные легенды не врут, Ашогеорн того Драеладра таки победил. Вот и является он в драконье логово будто бы гордым спасителем — а оказалось-то…

Ой, хи-хи-хи, как неудобно всё оказалась!

Даже в тех версиях, которые трусливо врут, неудобство — самое полнейшее. Ибо в логове простодушный герой узнаёт, что положение Эллы в бездне под скалой Глюм э… очень мало напоминало плен.

Напротив, царевна жила с чудовищным Драеладром как с мужем — и даже выносила драконье яйцо, из которого к тому времени вылупился маленький Драеладрик — тот дракон, которого традиция признаёт основателем правящей драконьей династии.

Впрочем, лгущие традиции пытаются утверждать, что с прошлым Драеладром Элла жила «не по любви», а любила она

только жемчужину, да ещё летучего своего сынишку. Но мы-то с тобой о жемчужине всё понимаем, и о скипетре того Драеладра кое-что понимаем тоже. Ясно, что сбежала она с тем чудовищем ради единственной радости — чтобы оно её пялило, да покрепче, изо всех не маленьких сил во могучих драконьих чреслах!

А жемчужина — что ж, сойдёт и «жемчужина», если «герой» Ашогеорн тебя так и не сможет удовлетворить.

Что до любви Эллы к дракончику — тоже не верю! Кому они потом нужны, эти жалкие выблядки? В особенности — из чешуйчатой расы.

— А что, Ашогеорн был так уж плох в постели? — с лёгким недоверием произнесла Лейла. Ишь, размечталась.

— Ну, может, не так уж и плох, — Ангелоликая оценила его возможности менее пристрастно, — пятерых-то детей он ей сделал. Но после фееричного опыта с неудержимым драконом — нет, не в человеческих силах удивить нашу сестру!

Что характерно, даже лживые легенды не утверждают, бкдто Элла любила своего «спасителя». Любить Ашогеорна царевна с самого начала не обещала, да тот и не настаивал. Однако, был вынужден на ней жениться, раз так положено в неписаном кодексе драконоборцев — спасителей пленных царевен. Ибо если не женился — лох он, а не драконоборец.

Кстати, Элла также не возражала против следования древнему закону, но, как врут версии для профанов, поставила два условия: во-первых, её не разлучат с жемчужиной, во-вторых, её муж должен признать и не обижать юного Драеладра. На том и порешили.

Дальнейшая жизнь Ашогеорна описывается как идиллия в лугах Гуцегу, где «личная сноровка укротителя» и «присутствие важнейшей Кости Вселенной» помогли смирить строптивый нрав огромных деревьев и зажить с ними в мире, дружбе и взаимопонимании. Фокус же внимания многих повествователей смещается на развитие Драеладра. Акцентируется поиск драконом смысла собственного имени, прохождение драконьей инициации посредством спуска в туманную бездну под скалой Глюм, обретение знания драконьего праязыка, исцеление троих заколдованных драконов — будущих основателей кланов (Рооретрала, Ореолора, Горпогрурфа), закономерным следствием каковых деяний становится его «справедливое воцарение».

Поверила, Лейла? Да полная туфта всё это!

* * *

Ай туфта-нетуфта, нетуфта-туфта! Ай, поверила Лейла — не поверила Лейла — что за беза! То ведь легенда, то легенда, то просто легенда!

Фу ты, ведь то пока была не легенда, не легенда, опять не легенда, и снова опять не легенда, а перед ней — ещё, и ещё одна, нет, всего одна, лишь одна только лживая присказка…

Какая разница-проказница: надо слушать, слууууушшшшшшать!

Слушать, что сказывается Ангелоликой, Ангелоглазой, Ангелоносой, Ангелошеей, Ангелогрудой, Ангелобрюхой, Ангелорукой, Ангелоногой, Ангелобокой, Ангелозадой, Ангелоперёдой, Ангеложемчужной в раковине, Ангелосердечной, Ангелобальзамной, Ангелокишечной, Ангеложелудочной, Ангелогортанной, Ангелозубой, Ангелоязыкой, Ангело-, Ангело-, Ангело-.

Ибо ею сказывается легенда!

Легенда-легенда-легенда-легенда: слушайте!

* * *

Легендарный свод, в подробности которого я вдаваться не стала, описывает происхождение и развитие современных отношений людей и драконов от периода драконоборчества к периоду доверия, добрососедства и даже межрасовых брачных связей. Тот, кто сей свод придумывал, пытался всех уверить, что подобный счастливый период имел место.

То есть, вводил в заблуждение легковерных живых людишек.

Ибо власть Драеладра и основанной им династии покоилась на выкраденном у матери артефакте. Да, на той самой «жемчужине», которой, строго говоря, нет. Как такое возможно? Трудно поверить, но возможно.

Ибо нет такой низости, на которую не пойдёт живой человек и породнившийся с ним дракон ради… Да просто ради хотя бы и того, чтобы смачно пойти на низость!

А худшей низостью, за которую так любят мстить гарпии, является матереубийство. Так вот, умные мёртвые люди рассказывали, что злодей-Драеладр убил свою мать Эллу, как только узнал, что она приняла посмертие и присягнула на верность Владыке Смерти. Убил — и вырезал жемчужину из её мёртвого тела. Когда резал, драгоценные бальзамы так и брызгали во все стороны. И от тех мелких капелек — треснули небеса.

Ну, треснули и треснули: так им и надо. Это ещё малое

наказание негодяю Драеладру за матереубийство.

А вот ради того, чтобы наказать Драеладра всерьёз — и его, и весь его клан, и снюхавшуюся с ними расу живых людей — для этого-то и родилась гарпия. У кого родилась? Так у Эллы и родилась. Первую гарпию — основательницу нашего с тобою рода, культа и образа действий — Элла родила от Ашогеорна. И назвала её Кешлой.

Почему назвала Кешлой? Ясное дело, для отвода глаз.

— Простите, Ангелоликая, — растерянно пролепетала Лейла, — но как Элла могла родить Кешлу в отместку Драеладру за собственную смерть, если в момент смерти она погибла? Или не погибла? — с надеждой добавила она.

— Погибла-погибла, — возразила Мад, — нам в назидание; здесь трудное место, и хорошо, что ты на него внимание обратила. Многие же просто отказываются верить — слабаки. Дело в том, что Элла родила Кешлу заранее — на погибель будущему матереубийце. Ну, и Ашогеорну — на погибель тоже. Очень уж ей надоели его деревянные ласки. А ещё на погибель «мудрецу» Авдраму — я до него в повествовании ещё не дошла.

— А как она могла заранее знать?..

— Предвосхитила события.

— То есть, Элла заранее знала о намечающемся матереубийстве?..

— Более того. Она сама его наметила и подготовила.

— Но зачем?

— Как зачем? Чтобы воспитать гарпию.

* * *

Чтобы воспитать из женщины гарпию, традиционных методов недостаточно. Нужны особые напряжения и встряски. Нужен опыт успешной агрессии, наконец.

Потому-то Элла и оттягивала момент своего перехода в посмертие. Ведь если поспешишь, тщательно подготовленное матереубийство пойдёт насмарку: оно так и останется не отомщённым.

Первым же шагом её хитромудрого плана было преждевременное обнародование имени Кешлы, данного той при рождении для отвода глаз. «Кормилица драконов» означает это имя по-стародраконьи, с чем и сами драконы наверняка согласятся.

И вот, как-то в глубоком отрочестве Кешлы, то есть в возрасте, когда девчонка только и делала, что искала повода для

бунта, Элла остановила проходящего по единственной безопасной тропе через луга Гуцегу «мудреца» Авдрама.

Был ли тот «мудрец» хоть самую малость мудр, сказать непросто. Факт лишь в том, что выражение «На всякого мудреца довольно простоты» — в его отношении справедливо. И ещё этот «мудрец» владел стародраконьим языком, в чём только и искал случая похвастаться. Ну вот и похвастался: Кешла задумалась, кого это и почему она обязана кормить?

Да и говорит: «За дракона я замуж не пойду, потому как не согласна с предопределением. Если за кого и пойду, то только за человека».

Услыхал те речи Ашогеорн — и своё подумал: человека-то надо испытать! Без испытания — и на порог не пустим.

А хитроумной Элле, матери первой гарпии, только того и надо! Кому важнее испытание женихов Кешлы, а она-то собирается дочь воспитывать — и ей для правильного воспитания тоже нужны жёсткие испытания!

Тот Ашогеорн, особо надо заметить, уже пару дюжин лет маялся от безделья. Чудовищного-то дракона победил когда — в юности ещё. Шагающие деревья укротил в молодости. Подошла уже глубокая зрелость, а у него — никаких новых свершений. Что для истинных героев эпоса да легенд не характерно. Того и гляди, подрастёт новое поколение героев, натворит новых подвигов, а он останется не при чём.

Вот и давай Ашогеорн изобретать замок Смерти, чтобы из него наверняка не вернулось большинство новых-то героев, подающих надежды. В качестве ловушек придумал глубокий колодец, полный прожорливых крыс, а ещё остро заточенный маятник на длинном топорище, а ещё пышущие жаром стены, сходящиеся друг к другу наподобие тисков — на начальном этапе они оплавляют кожу, на финальном дробят кости.

Ничего себе выдумки у старика: смелые, хитрые, оригинальные. Только идеи самых смертоносных ловушек ему, будто невзначай, подсказала Элла. Иной раз Ашогеорн замечал подсказки, он дулся и говорил: «Чужого мне на надо». На что супруга неизменно отвечала: «Что ты, ведь одно дело делаем!». Ну, типа доченьку замуж выдаём.

А потом Ашогеорн принялся строить. Пока строил, вся семья ему помогала. И камни носила, и для маятника время засекала, и колодец копала, и жаровни под стенами устанавливала — никто не остался равнодушен.

Вместе работа веселей спорится. Не прошло и дюжины лет, а замок Смерти был воздвигнут всем на загляденье. Другого такого в лугах Гуцегу не допустили бы деревья — враги цивилизации. Да

они и этот потом разрушили.

Ашогеорн проверил свои ловушки — все работают. Так тут же и приглашения женихам разослал голубиной почтой. И ярмарочных глашатаев нанял в Буце, Располе, Монкте, Дроне, Базимеже и Цанце. Говорят, они стоили тогда не так дорого.

Просыпается как-то семейство — а под окнами уже шумит очередь. Многие женихи ссорятся: кто-то занимал, отошёл по нужде, а место пропало. Или стоит в общей очереди женихов какая-то баба-воительница, которой Кешлу в жёны, в общем-то, и не надо, но больно хочется со всеми посостязаться. Ей говорят: «Как тебе не стыдно, срамница позорная!». А она им: «Подумаешь! Я в этих всех испытаниях скоро погибну вместе с вами, кто тогда станет доискиваться, какого я была пола?». «А коли не погибнешь?» — сомневаются женихи. А она: «Вот тогда-то от стыда и умру».

Веселятся женишки от души — что тут скажешь!

Но пора их уже запускать. Ашогеорн и спросил домашних: «Все готовы?». «Все!» — отозвались младшие близнецы, поставленные раскачивать маятник. «Все!» — подтвердила старая Элла, разводя огонь под всеми нужными жаровнями. «И мы готовы!» — отрапортовали Глелдав и Двавр, убирая стопор с огромного ворота, приводящего в движение жаркие стены.

«И я готова!» — пропела с хлипенькой жёрдочки Кешла, призванная заманивать женихов в колодец. Пока что не в свой, отдельный — а в общий для всех. В братский.

Ащогеорн дал отмашку, и тут же пошла потеха. Ни один жених не унёс ноги. То же и в последующие дни. Но очередь не иссякала. Людей в ту пору наплодилось очень много, а к посмертию относились с предубеждением, вот и не могло оно выровнять численность людской популяции.

Первое время машина по уничтожению женихов работала, как часы. Кто-то заходит, пару-тройку часов блуждает по полосе препятствий, а потом его — хрясь — добивает что-то непредвиденное. Мёртвое тело выносят, иногда по частям, и Ашогеорн кричит: «Следующий!». Идеально прозрачный, всем понятный алгоритм. Как помру — похороните.

Дальше что-то пошло не так. Сначала, как бы случайно, стали пропадать отдельные части жениховских тел. Куда девались? Ашогеорн никак не мог приложить своего скромного ума. После каждого жениха полосу препятствий подметали и мыли — должны были найти всё, что выпало или закатилось.

Скверная началась история. Конечно, самому жениху части его тела без надобности, но перед родственниками неудобно. И добро бы разные части тела — но пропадало одно и то же. Та

самая штуковина, ради которой они и жениться-то шли. Поползли слухи, что в замке Ашогеорна проводят унижающие женихов обряды.

Дальше — больше. Некоторые тела пропадали целиком. Ашогеорн отвернётся — а тела-то и нет! Только что лежало в позе, несовместимой с жизнью — убежать никак не могло. Куда девалось?

А не покажешь женихам тела предшественника — они готовы думать, что с ним всё благополучно, что то ли успешно прошёл полосу препятствий и с Кешлой идёт под венец, то ли где-то невредимый по замку бродит.

Вот тогда-то и был пущен слух, что в замке Смерти поселилась гарпия, которая, якобы, и клюёт не прошедшую испытания падаль. Ашогеорн негодовал. Он закрывал свой замок на переучёт и проводил самые дотошные расследования — не помогало. Следственные эксперименты без наличия тел страдали известной умозрительностью, а тела-то первым делом и пропадали.

После Ашогеорн принялся внимательнее следить за самым процессом испытания. Только лучше бы за домочадцами своими проследил. По чистой случайности уже на третьем месяце похищения тел удалось застукать Двавра за их пожиранием. Хитрец их не сразу ел, а сперва в кладовку уволакивал. Выжидал пару деньков, а как труп самую малость завоняется — и приступал.

В общем-то, на Двавра с самого начала подумали. Внешность у него была такая — запоминающаяся, и потом приходящая во сне. Уж не скажу, с кем его Элла на самом деле прижила, но ему как-то особенно не повезло родиться с бычьей головой и двумя рогами, за которые его и назвали-то Двавром. Потому-то и к приличным гостям его не выпускали — вот молодой людоед этим и воспользовался.

Осерчал Ашогеорн на Двавра — и за людоедство осерчал, но пуще того за то, что тот сам не признался. В гневе чуть не снёс бычью голову, но одумался: люди-то что скажут? Ну, и потихоньку приковал к стене за крепкой решёткой в одном из не парадных уголков замка.

Думал, что-то исправится. Да не тут-то было. Оказывается, какие-то из жениховских костей втихомолку обгладывал и Глелдав. А близнецы — те аккурат под маятником приделали воронку, чтобы пить ещё тёплую кровь агонизирующих жертв. Вот так за ниточку потяни — и окажутся все повязаны.

Что там делала Кешла, взбешённый Ашогеорн просечь не успел, но кажется, половые органы женихов — её заслуга. Или

матери. Обе на тот момент были здорово озабочены. Эллу муженёк отродясь не умел удовлетворить, а дочка, по понятиям-то живых людей, давно перезрела.

В общем, в семействе Ашогеорна и без того назревал скандал, а тут и очередь из женихов неожиданно встала. Хоть как их приглашай-заманивай, а они топчутся, не уходят, но никто и шагу вперёд не сделает — жалкие, презренные трусы!

Тут-то и явился к ним в замок Смерти попытать жениховского счастья так называемый мудрец Авдрам. Гадкий старый мудрец, чтобы не сказать грубее. Помирать уж пора, а он всё никак свою стрелу в штанах на покой не уложит. И всё на барышень помоложе облизывается, бесстыдник.

Тот Авдрам был очень хитёр, как и весь его авдрамический род, потому пришёл не под своим настоящим именем, а назвался Кёсмом из Алахара. Думал, маскировка ему поможет — мечтатель! Элла его ещё из окна почуяла да Кешле незаметно сказала: этого — берегись!

Ой, хитёр был последний женишок! Хоть и назвался Кёсмом, а действовал, как Авдрам. Прежде, чем сунуться на полосу препятствий, всех опросил: что случилось, что делать, кто виноват? Сыновья Ашогеорна с непривычки сперва друг на друга показывали. Только потом догадались: не пойман — не людоед. Но только пройдоха Кёсм уж запомнил, в каком уголке кого ждать. И кто его в колодец толкнёт, и кто подведёт под маятник.

Им бы теперь всем скопом на старика навалиться, но действовали разрозненно. На том и погорели. Первым делом хитрец Кёсм отчекрыжил бычью голову Двавра. Тот, пользуясь близостью своей камеры к колодцу в самом начале полосы испытаний, тихонечко так поднял решётку и ошивался под лестницей с огромадным сверкающим лабрисом из отцовской коллекции.

Ясно же, Кёсм из Алахара не пройдёт мимо такого чучела. Как подошёл — хвать быка за рога, да и давай толочь носом об стены. Лабрис отобрал, идёт дальше, дваврovым телом прикрывается, а там уже близнецы маятник раскачали, а он тяжёлый, сразу не остановишь — вот маятником-то бычью голову и снесло.

Кёсм дальше прошёл, близнецов пугнул, а тут к нему и Глелдав сзади подкрадывается. Но не учёл, бедняжка, что маятник никто не останавливал — тут-то его пополам и разрубило. Да так ровненько! Передняя часть к Авдраму шагнула, а задняя осталась тылы прикрывать.

Уж как там Кёсм из Алахара расправлялся с близнецами — долгая история, неописуемая во всех подробностях. Факт, что

одного из них размозжили стены, а другого женишку пришлось добивать дваврovым лабрисом. А больше и нечем: острый маятник-то давно успокоился.

Вот подходит Авдрам к выходу из полосы препятствий, глядит, а радостная Кешла уже встречает его на ковровой-то дорожке, руки к нему простирает, только вот шага вперёд почему-то не совершает. Ясное дело, неспроста: там ведь зиял финальный колодец. Об этой ловушке женишка не предупреждали: сам догадался.

Вот Кесм и говорит: «Много я встретил в замке Смерти забавных тварей, но гарпии покуда не было. Пожалуй, вернусь к началу пути, где-то я её проглядел».

А тут уже Кешла расправляет крылья: «Нет, негодяй, не проглядел! Вот она я, убей и меня, если сможешь!» — и прыгает к нему через колодец, растопыривая острые когти.

Когтями, понятное дело, в таких случаях бить надо прямо в глаза. Ослепляешь противника — а дальше уже по выбору. Хочешь, убиваешь сразу, а хочешь — постепенно живьём обгладываешь, дабы не питаться совсем уже падалью. Способность к ответственному выбору — сильная черта гарпии.

Жаль только, Кёсм из Алахара — даром, что стары авдрамовы кости — всё же успел увернуться. Мало того: кувыркнулся в воздухе, да и лабрисом по крылу — хрусь! А знаешь, Лейла, какая это лютая боль, когда молодую любящую женщину лишают крыльев? Когда металлом по нежным перьям!

А подлецу того мало: он и по второму крылу — хрусь! И глумится, негодник, что довёл женщину до униженного состояния! Думал, уже победил? Да как бы не так! Кешла собрала всю волю в птичий кулак и мощно заголосила!

Что она пела? «И-и-и-и-и-и…» — вот эта нота шла лейтмотивом. А вплетались в ту ноту многие важные темы. И-и-и-и-и-и про неслыханную подлость мужского засилья в истинно женском по праву мире. И-и-и-и-и-и про попранные свободы окрылённых существ. И-и-и-и-и-и про недопустимость тоталитаризма и нетолерантности во всех её проявлениях. И-и-и-и-и-и, наконец, про несомненное торжество грядущей некрократии — вопреки-и-и-и, вопреки-и-и-и, вопреки-и-и-и…

Вот тут-то Кёсм из Алахара допустил оплошность. Он заслушался, оглох и оцепенел. Что и позволило хитромудрой Кешле подскочить к нему и пустить в дело когти. Удар — и глаза уже выбиты. А дальше — всё по порядку, в точности, как я говорила.

Доедали Авдрама всем семейством — все, кто остались. Все — это Кешла, Элла и слабовольный Ашогеорн. Старый «герой» всё

отнекивался, говорил, что с детства не любит человечину. Но его накормили, он распробовал, и был вынужден признать, что на самом деле очень даже недурно!

К чему я сейчас рассказала эту легенду, как думаешь, Лейла? Ну, думай, думай, а я скажу: никогда не следует недооценивать силу дамского визга. Не злоупотреблять, но и не забывать о нём — никогда, никогда. В богатейшем арсенале гарпии визг — это самый лучший последний довод…

* * *

Ай легенда, ай да легенда, что за дивная легенда, порадовала, чудно порадовала, всех нас порадовала красотой и изяществом, изяществом, особенно изяществом, ибо мы, гарпии, мы любим красивое, мы, гарпии, очень-очень любим красивое, мы и сами исполнены всех тех совершенств, которые любим, мы любим, мы изящны, мы тоже имеем тонкие певучие голоса! Голоса-голоса-голоса — наши!

Голоса наши, уши ваши — кто кого, кто кого, кто кого?!

Не нападай со слабыми ушами на наши истинно высокие голоса!

Не нападай! Не нападай! Не нападай! Чур, мы нападём первые!

* * *

— Погляди, Лейла, — внезапно забеспокоилась Ангелоликая, — никак, за нами погоня?

Погоня-погоня-погоня-погоня-распогоня!..

— Скачут, — упавшим голоском только и произнесла ученица.

— Возница, гони! — и гроб на колёсиках явно пошёл быстрее, чаще и выше подпрыгивая на ухабах. Затарахтели мелкие камешки по колёсам.

Сматываемся-сматываемся-сматываемся!

— Не уйти! — затравленный голос Лейлы совсем не идёт истинному образу гордой гарпии, воспетому в правдивых легендах о прародительнице Кешле. — Нас почти догнали…

— Не паникуй! — резко бросила Мад. — Или ты забыла, чему я тебя учила? Голос! Дадим им голос! Они ещё захлебнутся от нашей колоратуры!

— Но нас двое, а их десяток — разве мы сможем?..

— Нас не двое, — хрипло захохотала Мад, — нас целый фургон! И нашего слитного голоса хватило бы и на весь город.

— Да? — простодушно изумилась Лейла. — Надо же, я думала, с нашими уже всё. Думала, мы просто везём их к могильникам…

Мад ей не ответила. Зато голос Ангелоликой зазвучал вдруг внутри фургона, в слитном хоре молчаливого единомногогласия. Это окрыляло!

Да, это окрыляло, подруги, это оперяло, это вытачивало из ногтей когти, это возбуждало весь птичий базар на новые, новые, новые деяния. Как это, нас к могильникам? Рано к могильникам, к могильникам нас рано! Мы ведь сами сущие могилы, мы мешки для падали, мы мертвечихи и гарпии, гарпии и мертвечихи, мы мертвы и живучи, мы молчали, но мы ещё провизжим своё веское слово! Слава гарпии! Смерть врагам!

А потом родился визг, сперва молчаливый визг в самых глубинах глиночеловеческого брикета, визг на одной, первоначально довольно унылой ноте: и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и — без слышимого звука, ибо на слышимый звук нужно беречь последние силы, да и без слов, ибо хотя слова голосовому смертоубийству не помеха, они отвлекают, отвлекают, отвлекают говорящего, заставляют соскальзывать с нужного настроения на понимание пустых понятий. Которые, которыи, которы-ы-и-и-и-и-и!

Очень скоро монотонный визг перестал навевать скуку. Он объединил всех в брикете: все кости, все бальзамы, все гортани — что за чудное единогласие различных частей тела! И в тот миг, когда всякое свободное движение глиночеловеческой мысли единогласно пришло к звучанию на одной ноте, звук вылетел из брикета и прорвался наружу в сопровождении подходящих к случаю слов:

— И-и-и я не сдамся без визга!

И-и-и я! Не сдамся без визга!..

И я не сдамся без виииииииииииииииииииии!.. — и звук звучал так долго, додго, долго-долго, очень высоко и долго звучал. И в период его звучания остановился фургон, и свалилось с козел какое-то тело, и, сделав лишь робкую попытку заржать, тут же умолкли лошади.

А когда звучание прекратилось, Ангелоликая устало промолвила.

— Погляди назад. Никого ли не требуется добить?

— Все мертвы, — обрадованно произнесла Лейла.

— Нет, ты выйди, пошевели тела, — велела Мад, — а заодно посмотри, нет ли среди них наших знакомых — тех, с кораблей

Кьяра.

Повисла пауза. Потом вернувшаяся Лейла доложила:

— Скосило всех. Эти, кто гнался за нами, все в матросских робах — наверняка головорезы из Саламина, но вот из людей Кьяра я, к сожалению, не узнала никого…

— Не к сожалению, а к лучшему! — менторским тоном возразила Мад. — Значит, мерзавца Кьяра мы всё-таки потопили, хе-хе-хе!

— Но что нам делать теперь? Наш-то возничий не выдержал тоже, да и лошади… Ни у нас, ни у преследователей не выжили лошади — все пали.

— Не надо паники, милая. Мы уже почти дотянули до Старых Могильников. Там нам обязательно помогут. Лучше давай посмотрим, что с нашими девочками. Хор у них получился отменный, вот только боюсь, многие выложились без остатка…

Со скрипом открылась внутренняя дверца фургона, потом гиночеловеческий брикет начали шевелить.

— Ну что, Ангелоликая? — с неясной надеждой произнесла Лейла. С очень неясной: не она ли только что думала, что везёт нас захоронить?

— Почти никого не спасти, — вздохнула Мад, — увы, бальзамы пошли горлом. Видишь, какие разноцветные лужи тут натекли?

— Но мы отомстим? — с гораздо более ясной надеждой брякнула Лейла.

— Ну конечно! Конечно же, мы отомстим.

Глава 19. Круги гарпии. Новая надежда

Как только Лулу Марципарина Бианка снесла драконье яйцо, в мир вошла-таки новая надежда. До тех пор имелись лишь легенды, предсказания да обещания уже поспевающих новых предсказаний, а ещё поспешные обещания того, что предсказания вот-вот исполнятся, уже исполняются, даже якобы и полностью выполнены — но только якобы. Всё оказывалось в будущем времени, ничего в настоящем.

Ведь кого ты назовёшь Драеладром, если яйцо дракона даже не снесено? А если назвать некого, то на кого надеяться?

Хорошо ещё, что Бларп Эйуой — известный сказочник. Будь на его месте кто-то другой, разве удалось бы водить за нос целые стаи драконов, опираясь лишь на собственную шаткую уверенность в будущем?

Да ещё драконов, зачастую — очень недружественных.

«У меня не шаткая», — сказпл бы Бларп о своей уверенности. Наверняка бы сказал именно так, но лгал бы при этом во спасение, или говорил чистую правду? Кажется, Марципарина даже готова безоговорочно доверять Бларпу, но не отдельным его словам. Слова, посвящённые низменным фактам, он слишком охотно приносит в жертву высшей правде. Той, что важнее слов.

* * *

Надежда, какой тебе быть? Конечно, кто вылупится, тот и вылупится, но Марципарине казалось, что её сын будет снежно-белого окраса. В точности как ушедший Драеладр. А иначе её, наверное, будут упрекать? Что у вас за сын неположенного цвета?

Ах нет, Марципарина кокетничает. Никто её не упрекнёт ни за что, ведь она и так выполнила невозможное для других.

И только выполнила — и в тот же день, а на следующий, так точно — о ней заговорил весь город. Лестно ли это было? Откровенно говоря, очень! Отшельнический быт — всё же не для Марципарины. Она молода, она жаждет общения с людьми, и если до сих пор яральцев сторонилась — то по единственной причине. Стыдно быть брошенной.

Чувствуешь жгучий позор в ожидании, когда Чичеро… Но о нём не надо, не сейчас, потом! Сейчас у тебя родился кто-то, кому ты на самом деле нужна. И этого кого-то все готовы заранее

любить и уважать. С ним и тебя саму примут в Ярале, как родную, не спрашивая, куда ушёл твой мужчина.

О снесённом Бианкой яйце весь Ярал так быстро прослышал по причине, понятной молодой матери. Повитуха, присланная Кэнэктой — это она кругом растрезвонила. И трезвонила-то неспроста, не по одной лишь природной болтливости. Уж наверное, заодно выполняла просьбу Бларпа. Для того и пускала слух, искусно «состаренный» — будто бы приняла роды яйца целым месяцем раньше всамделишных.

Всё затем, чтобы драконы не придрались. Есть яйцо? Да — есть! А когда снесено? Вот тогда, когда Бларп Эйуой говорил о нём старой Гатаматар — тогда уже и снесено. Сомневаетесь? Ваши личные трудности!

Но Марципарине-то что за дело до этих подробностей? Хоть за месяц, а хоть и сейчас — да какая разница? Важно, что кончилась, наконец, полоса прозябания в неизвестности. Она… Ой, опять она пошла по второму кругу!

Важно, что в старый флигель отныне возвращаться совсем не хочется. Здесь-то, именно здесь, перед дворцом, стали собираться неравнодушные к Драеладру люди. Бларп ли их позвал? Может, кого и Бларп. А вернее всего, людям нужна надежда. Просто надежда. Вот они и ждут, когда вылупится Драеладр, хотят первыми увидеть будущего правителя драконов — это приносит удачу, а что, Марципарине жалко?

Правда, собираются они рановато, Драеладр так скоро не вылупится — но то потому, что введены в заблуждение повитухой. Но зато Лулу Марципарине все эти люди симпатичны. Ей приятно, что они там, на площади под окнами, простаивают дни напролёт в радостном возбуждении, ведь их настроение и её заряжает бодростью. Ей бы хотелось и самой почаще к ним выходить, показывать яйцо и что-нибудь соответствующее моменту рассказывать — но, кажется, это было бы нескромным поведением?

Да и дракону в яйце всеобщее внимание — очень, очень не нравится. Он, как кажется Марципарине, недвусмысленно давал понять. Каким путём? Да через материнские фантазии! Через выдуманніе ею диалоги.

Вообще Лулу ловила себя на том, что с яйцом обращалась, как с ребёнком: и на руках носила, и баюкала, и пела яральские колыбельные песни, которые для того специально повыучивала — некроманты в Цанце ей такого, поди, никогда и не пели.

Часто она с яйцом просто разговаривала, и в эти-то моменты понимала: для того, кто в нём сидит, желательна обстановка менее парадная и более интимная, чем ныне сложилась во дворце

и вокруг него. Казалось, дракон не спешит вылупляться, поскольку чувствует свою уязвимость даже внутри тонких и гибких стенок яйца — и речи нет о том, чтобы их покинуть.

Помочь Драеладру? Но как?

Убрать людей с площади? Нет, Марципарине было бы жаль, да и для Бларпа те люди — подтверждение перед драконами серьёзности намерений Драеладра поскорее вылупиться.

А вот во дворце — Бианка хозяйка. Здесь-то она и совьёт для дракончика тёплое уютное гнёздышко. И постарается, чтобы милые её сердцу приветственные звуки пореже его тревожили. Ну, чтобы она их слышала, а он — нет. Простое ведь решение?

Лулу ещё загодя, до рождения яйца, навела уют в трёх комнатах южного крыла дворца Драеладра. Конечно, не без помощи Хафиза. Получилось недурно. Уже одна починка рассохшихся стульев внесла куда больше жизни в голые дворцовые пространства. Стены Хафиз увешал картинами да гобеленами вроде бы и на свой собственный вкус, но не без нижайших просьб о господском совете, так что Бианка почувствовала себя вполне причастной к его безупречному эстетическому вкусу. Не мудрено: элитных наложников там, в Уземфе много ведь чему обучают, в том числе ненавязчиво следить за изяществом обстановки.

Но к снесённому яйцу Бианка руку Хафиза не подпустила. Чувствовала: уют вокруг будущего Драеладра должна обеспечить только она сама. Посему создала на постели для яйца подобие гнёздышка — из тёплых и нежных на ощупь стёганых пуховых одеял.

Некрасиво? Убого? Но отставной наложник благоразумно не возражал.

А ещё во дворце появилась охрана. Кэнэкта прислала своих людей. Три десятка. Не каких-то там элитных разведчиков, а простую стражу — было в её ведении и такое подразделение, не больно-то востребованное в условиях мирного высокогорного Ярала.

Марципарина, завидя людей в мундирах, сперва надула губу, но ей вежливо представились, объяснили, что задача подразделения — просто постоять во дворце, пока толпа не схлынет. Так сказать, во избежание.

Лулу и позволила охране быть. А потом оказалось, эти скромные парни на лестницах и в дверных проёмах тоже, дополнительно оживили дворец. Ведь стражники — они тоже люди. Да ещё стараются тебя от чего-нибудь защитить — это приятно.

* * *

Ожидание радостно, но оно и выматывает. В ожидании хочется что-то делать, а не сидеть, сложа руки. Но что тебе делать, когда делать тебе нечего? Вот и порываешься пойти прогуляться. Если к толпе выходить не след — то просто так, по дворцу.

Порываешься, но что-то тебя останавливает. Драеладр! Как-то ему будет в яйце во время твоей отлучки? Тут и садишься поскорей на постель у его счастливого гнёздышка, усилием воли расслабляешь позу — пока снова зачем-то не подхватываешься. Чтобы вновь остановиться, сесть.

Даже смешно!

Марципарина нашла решение. Вернее, хороший предлог. Драеладру нужна ведь хоть какая-то смена обстановки, хоть какие-то впечатления? В яйце-то ему сидеть, наверное, невообразимо скучно. И вот она, исключительно дракончика ради, запелёнывала яйцо — и с ним на руках отправлялась на прогулку по всему большому дворцу.

И так ей становилось мирно, так спокойно! А когда матери спокойно, то ведь и ребёнку жить веселей.

Жизнь — не ожидание, жизнь — движение. Вперёд, и вперёд, и вперёд. И направо, и вниз по лестнице, а теперь снова вперёд… Нет, а теперь снова направо, и вперёд, а тут — гляди ты — балкон! Здравствуйте, дорогие мои неравнодушные люди Ярала!

Марципарина и сама-то не замечала, как оказывалась на том балконе, но рано или поздно оказывалась — в каждой своей прогулке.

А ведь бродила по замку без всякой осознанной цели: прямо, направо, налево, наверх — и вот он, опять балкон!

Заинтригованная Лулу специально отшагивала по длинной дворцовой анфиладе как можно дальше, в противоположные крылья, чтобы только вернее сбиться с прежнего маршрута. Не помогало. Рано или поздно — и здравствуй, балкон. Здравствуйте, жители Ярала.

Как-то раз во время одной из затянувшихся прогулок в замок зашёл Бларп Эйуой. Внимательным, каким-то чересчур внимательным взглядом он проследил за движениями Марципарины, а затем невесть чему нахмурился.

— Гуляем, — пояснила ему Лулу, — ребёнку нужны новые впечатления.

Оказывается, Бларп так не думал.

— Ребёнку сейчас нужен покой, — смягчая голосом категоричность возражения, сказал одинокий разведчик, —

потому яйцо следует пока положить и лишний раз не трогать, пока Драеладр не вылупится.

— Но почему? — воспротивилась Марципарина.

— Потому что я знаю точно.

Ничего себе аргументация!

* * *

Нет, Марципарина себя сдержала. Трудно было, но она постаралась. Перестала брать на руки яйцо в пелёнках и слоняться по замку. Не потому, что поверила Бларпу, будто для дракончика вредно.

Дело ведь и вовсе не в том. Дело в той странной силе, которая Марципарину влечёт. Эта сила ведь не вчера появилась, не с рождением яйца. Это ведь она приводила Лулу сначала к обрыву, что у гостевого флигеля, а теперь вот на балкон. Сила что-то пытается сделать.

Да, того, что пытается сделать сила, она сделать не может. Но ведь в том, чего сила может, ей так трудно, почти невозможно противостоять! Не подхватываться с Драеладром на руках — жуткая пытка.

Есть, конечно, половинчатый выход — вскакивать самой, без Драеладра. Но тогда слоняешься по комнатам дворца и вовсе потерянная: как там яйцо? Не укатилось ли? Удобно ли ему лежать?

Возвращаешься. Поправляешь подушки. Поправляешь одеяла. Проверяешь, мягко ли на них яйцу. Кожистая оболочка нежная-нежная — это вам не птичья скорлупа. Неожиданно для себя снова подхватываешься на ноги, глядь — а яйцо-то здесь, на руках. По ошибке взяла с собой.

По ошибке ли? Да, по ошибке.

Но почему тогда над твоими ошибками всякий раз кто-то мерзко хихикает?

* * *

А того, кто мерзко хихикает над твоими промахами, уж наверное, зовут гарпией. Почему? Да по определению.

Ещё тогда, когда Бларп ей рассказывал легенду о Кешле, Бианка нет-нет, да и замирала. «Хихикает»? Он сказал, «хихикает»? Как он догадался?

Но уж верно, догадался, коли поведал историю о Кешле и её

общении с гарпиями именно Марципарине. Видать, и со стороны уже немного заметно.

И у Лулу тоже есть своя персональная гарпия. Причём с каждым днём уплотняется и жирнеет. Где бы ей взять на неё мудреца Авдрама?

Имя Авдрама порой, отправляясь в Карамц или другую нижневосточную местность, на себя примеряет Бларп. Говорит, ему помогает. Добавляет уверенности в своей мудрости, сообщает новую силу принятым решениям.

Но не стоит обманываться. Авдрам есть Авдрам, а Бларп — это Бларп. Один из них победил гарпию, а второй — ещё нет. В этом главная разница.

* * *

Наедине с непостижимым яйцом и проделками таинственной гарпии всякому человеку, даже дракону по рождению, впору сойти с ума. Лулу же чувствовала себя с ними именно что наедине. Постоянное присутствие отставного наложника не в счёт, охрана на проходах не в счёт, редкие посещения Кэнэкты или Бларпа — всё-таки очень редкие. Толпа, которую приветствуешь с балкона изысканно-милостивым взмахом руки — приносит известное отдохновение, но увы, это та самая толпа, которая мешает Драеладру вылупиться.

К счастью, в ближнем кругу Марципарины появились новые люди. Родственники, в особенности — родственницы. Те, кто, живя в Ярале, также происходили от драконов клана Драеладра, или же были причастны к их рождению.

Ута, первая яральская модница — оказывается, тоже родила дракона! Снесла яйцо — очень, очень похожее. Надо же, а поглядишь на неё — никак не подумаешь. Дракончик вылупился зоровый, крепкий, на радость матери. Назвала малыша Куркнартом, понянчилась с ним немного — и отправила к собратьям в небесный ярус. На земле крылатым драконам как-то не место. Где он сейчас? Проходит воспитание у самой Гатаматар! Мать-Драконица — конечно же, лучший воспитатель, какого можно представить. Уж она-то его сделает драконом самым настоящим. И научит всем тем премудростям, о которых Ута, откровенно говоря, имеет слабое представление.

— То есть, — удивилась Лулу, — ты сама отдала ей сына?

— Конечно! — слова Уты дышали уверенностью. — Это же Гатаматар, ей все люди сдают драконов не позже полугодовалого возраста. Зачем? Ну, тогда развитие у них идёт правильно…

А как оно, правильно? Бианка задумалась и решила посоветоваться с Бларпом. Вот как только вернётся от этой самой Гатаматар, которой давно рассказывает, будто её Драеладрик уже вылупился.

* * *

А потом Драеладр вылупился. Несмотря на закравшиеся было сомнения, из-за которых ни близких, ни людей с балкона, ни даже себя в зеркале уже не хотелось видеть.

Бларп Эйуой по известным ему астрологическим знакам первым догадался, что чудо свершилось. Момент пришёлся на самую середину лета, на ночную пору, когда в небе над Яралом собралось четырнадцать звёзд — по числу глаз Семерых Безымянных Божеств — разумеется, в антропоморфной версии. Оценив масштаб небесных совпадений, он уже наутро первым явился приветствовать Драеладра, а за ним подтянулась Кэнэкта и с нею — отшибинский карлик Дулдокравн. Тот самый, осколок бедного Чичеро.

В этом составе все и собрались у треснувшего яйца, откуда дракончик настороженно высунул только голову да часть крыла с неокрепшим пока шипом. Впрочем, в ответ на тёплые приветственные слова Бларпа, Драеладр выбрался из яйца и полностью.

Счастью Лулу Марципарины Бианки не было предела!

— Ну теперь-то можно поделиться радостью с людьми?

— Можно, — позволил Эйуой, — один раз можно.

Наверное, он понимал, что дата, в которую Драеладр покинул яйцо и вышел в большой мир, наверняка сохранится, что с прошлой датой, которую он называл Гатаматар, выйдет серьёзное несовпадение, но дело-то сделано. Раз новый Драеладр из яйца поднялся, династия не прервалась. А что будет Бларпу, зависит от того, судят ли победителей и насколько больно.

К тому же новая дата и астрологически намного правильнее старой.

Да только что там какие-то даты, когда есть люди с их чаяниями и радостями, люди, настолько неравнодушные к собственной судьбе, что и дракон Драеладр им как родной! Жители Ярала, подразошедшиеся было с площади, в считанные минуты на ней снова собрались, чтобы встретить бурным ликованием появление на свет Драеладра! Она видела их глаза, они просто молились на дракончика, когда, стоя на завкетном балконе, она им его показывала.

— Ты счастлива? — спросил в этот миг Эйуой.

— Конечно. Моему счастью нет предела, я же говорила.

Жаль только, Драеладрик выбрался из яйца какой-то немного хиленький. И посмотрел на мир будто и не так радостно, как она ждала.

Нет, он, конечно же, был потрясающе красив. Умные глазки, внимательный носик, нежные крылышки — всё было такое чудное! Серебристые чешуйки, конечно, очень ему шли, они очень мило топорщились на пузике и вызывали умиление не только у впечатлительной Утты, не только у других родственниц, но и у мужчин-родственников, даже у выставленной Кэнэктой охраны…

Что же до отношения матери, то главным её с ним отношением было кормление. Вроде, и страшно было впервые совать чувствительный нежный сосок — легко возбудимый, над пробуждением которого успели поработать лучшие наложники Уземфа — да в острозубый драконий клювик. Страшно, но не опасно. Драеладр постарался не причинить боли кормящей его груди, зубами не щёлкал, присасывался с деликатностью — как и подобает разумному существу. С ним Лулу Марципарина сделалась настоящей Кешлой, если только верить, что «кешла» на стародраконьем — это действительно «кормилица драконов». И кстати, выяснила, что последнее — не такая уж злая судьба. Зря Кешла дула на собственное молоко.

Всем вышел Драеладр: и красотой, и обхождением. А всё же…

А всё же Марципарине казалось, веса он мало набирает. И мало ест.

И действительно, ел он всего ничего, оттого и не прибавлял в весе. Нет, груди-то бианкины он опустошал, не без этого, но ведь дракон — он не как человеческий младенец, ему, наверное, надо гораздо больше…

Да и подруги почему-то сразу замечали: отстаёт!

То-то и стало матери так тревожно-тревожно. Людей на площади — тех теперь и вовсе не хотелось видеть. И они, наверное, чувствуя материнское настроение, понемногу стали расходиться. Ведь она вынесла им вылупившегося дракона? Вынесла. Показала? Показала. Зачем же дальше стоять? Но некоторые всё же стояли. Чего-то ждали, небось, и сами не знали, чего. По инерции, словно Лулу с яйцом к балкону тогда гуляла.

Ну, кому-то из них, понятно, просто работать не хотелось…

С вылуплением Драеладра круг общения Лулу расширился ещё сильнее. Ута привела своих многочисленных подруг, добавились и Капитолина с Валерианой. Первая приходилась женой градоначальнику Ярала, вторая — его первому советнику. Полезное, наверное, знакомство. Да только Лулу Марципарине

было не до извлечения пользы. Она слишком тревожилась за Драеладра, а новые подруги помогали ей просто развеяться. Спасибо им и за это. Простое человеческое спасибо.

* * *

Всем спасибо, но гарпии — не спасибо! Хихикающая злобная сила пыталась помешать рождению Драеладра, у неё не вышло, но разве она отступилась? Нет! Она пряталась где-то в замке. Она по-прежнему пыталась командовать. Лулу Марципарина по-прежнему её иногда слушалась.

Как-то раз Бианка незаметно для себя оказалась одна на злополучном балконе, поглядела вниз и…

…с облегчением увидела не голые камни, а толпу зевак. Правда, зачем они здесь, если вылупившегося Драеладра она им давно показала? Вопрос.

Да и что у них на уме, тоже вопрос, потому что на Марципарину глядят исподлобья. В чём-то она их разочаровала? Не такого могучего дракона родила, как они хотели? Если так, тогда все свободны.

— Вы свободны! — выкрикнула Лулу.

Зеваки стояли. Ждали, смотрели, молча зевали. Особой свободы, по-видимому, не чувствовали.

Люди, без дела топчущиеся перед дворцом — совсем недавно о чём-то подобном она уже слышала. Ах да: очередь женихов под стенами замка Кешлы. Кешлу вот тоже смущала гарпия, а люди тупо стояли, подыгрывали козням злобной твари, но упрямо не расходились.

Так что же они значат, и те женихи в легенде, и люди у нас на площади? Самой не разберёшься, нужно побеспокоить Бларпа.

— Почему они не расходятся? Что их гонит опять и опять ко дворцу? — вопрошала она в следующий раз, колгда Бларп появился в Ярале.

— Люди предчувствуют грядущие потрясения, — сказал Эйуой.

— Но ведь я родила Драеладра! Я оправдала их надежды. Потрясений теперь быть не должно!

— Будут, — вздохнул Бларп. — Твой малыш послужил хорошей отсрочкой, а мы, как могли, ему помогли. Но потрясений не избежать. И не только радостных.

Кто бы прибил эту невпопад хохочущую тварь в левом ухе?

* * *

Отношение Лулу к собирающейся толпе и ранее было, так сказать, нестабильным, но теперь в нестабильности пребывало настроение самой толпы — только тут и открылась вся глубина мудрой предусмотрительности Кэнэкты. Тридцать человек стражи во дворце — какая-никакая, а сила.

И всё же порой Марципарине хотелось самой, без стражи, выйти к толпе и вывести её на разговор по душам. О чём разговор? Ну конечно, о Драеладре! Люди, вы забыли, как он хорош?! Вы забыли, как на него молились? С каким обожанием смотрели, какие надежды связывали? Люди… Эх, что же вы, люди, что же за люди вы такие!

— А что за потрясения грядут? — в очередной раз успокоившись, спросила у Бларпа.

— Я бы и мог ответить, но, кажется, после длительного обмана Гатаматар мои предсказательные способности не слишком надёжны. Точнее будет моя бабушка Бланш. Поглядит в глаза маленькому дракону — тут же всё и расскажет. В её толкованиях мало ума, зато много самого видения.

Бианка согласилась, что неплохо бы пригласить Бланш.

Та прилетела, правда, совсем не скоро. Зашла во дворец с чёрного хода, провожаемая внуком, появилась перед маленьким Драеладром без всяких церемоний — у отшельниц, видимо, так заведено. Велела Марципарине показать ей своё дитя.

— Я долго думала и согласилась, чтобы вы посмотрели в его глаза… — начала Лулу, и осеклась, потому что Бланш в глаза Драеладра уже смотрела.

Как-то всё это выглядело не очень вежливо.

— Ну, что там? — капризно спросила Марципарина, требуя больше внимания к своей персоне.

Вместо ответа Бланш отвернулась и хлопнулась в молчаливый обморок. Нет, не так: шепча обереги, медленно сползла по стене.

Как хохотали гарпии! Ну как они хохотали! В тот день их слетелось к Марципарине минимум три.

А долгожданная Бланш, так ничего и не рассказав из увиденного, убралась восвояси — к себе на нижнее небо, на небесный остров Новый Флёр, где любящий внук ей недавно зачем-то выстроил новый дом.

* * *

Да что там какая-то Бланш, вот встреча с Гатаматар — это было и вправду испытание! Марципарина Бианка и сама-то себе

не поверила, что смогла, отстояла, не отдала Драеладрика небесному чудищу.

А ведь по прилёте Матери-Драконицы — даже гарпии, и те не хихикали!

Как она мощно зашла на посадку, как гневно повела взглядом!

А размах её крыльев был таков, что и старый Драеладр — белоснежный дракон, бывший некогда Живым Императором — так широко не размахивался. Наверное, все драконицы крупнее драконов. Но эта драконица наверняка перещеголяла всех в своей расе.

К встрече в открытом сверху парадном зале дворца Бианка, как могла, подготовилась. К Матери-Драконице вышла с полным осознанием своего статуса матери Драеладра. Да, этот статус — не на все века, но на её-то драконочеловеческий век хватит.

Гатаматар велела принести Драеладра, Лулу отказалась. Наотрез. На всякий случай шепнула Бларпу и Хафизу:

— Держитесь поближе ко мне! — и оба выполнили просьбу.

Пусть малая, но защита. Хотя, если Гатаматар рассвирепеет…

Нет. Бларп утверждал, что настолько не рассвирепеет.

Оказался прав. Марципарине всё сошло с рук.

— Дракон должен расти среди драконов, — сказала Гатаматар без явного гнева. — пойми, доченька, у людей ему делать нечего.

— Вы хотите у меня его отнять и держать у себя в пещерах? — голос Лулу немного дрожал, но матери-то извинительно.

— Не обязательно отнимать, мы и тебя не против принять вместе с сыном. Правда, не каждый человек выдержит драконий быт, да и не уметь летать у нас бывает опасно. Но я попрошу кого-то из молодых драконов, — и дальше пошли тому подобные уговоры.

— Род Драеладра всегда жил среди людей, Великая Мать, — возразила тогда Лулу, — в нашем роду судьбы и сущности людей и драконов переплетены. Все мы драконы, но мы же и люди, и не столь важно, кто как выглядит, — очень кстати пришлась эта идея родового драконьего братства.

— Люди предадут драконов, вот увидите. И убьют Драеладра, пока он мал и уязвим, — Мать-Драконица только теперь позволила себе резкость.

— Ваши суждения о людях, Великая Мать, несправедливы и неверны. Вы весь век провели с драконами, и людей совсем не знаете!

— Не знаю? — Гатаматар рассмеялась, и Лулу невольно

напряглась, но смех драконицы был естественным, без излишней злобы. — А я ведь старше тебя, девочка. И весь мой век люди пресмыкаются перед Шестой расой, добиваясь права превратиться в мертвецов.

— Но люди Эузы совсем другие! — хотела бы Лулу сама в это верить.

— Все люди одинаковы.

С этим бы Марципарина поспорила, но как докажешь? Хорошо, Бларп ей шёпотом начал подсказывать ответы. С его помощью Бианка вспомнила главное: с Драеладром всё-таки не только люди. Есть драконы, пусть и в человеческом обличии. Да, Хафиз и Кэнэкта не в счёт, но Марципарина, Бларп Эйуой, его бабушка Бланш, наконец, родительница Куркнарта Ута..

Имя Куркнарта настроило Гатаматар на более-менее примирительный лад. Наверное, этого проказливого воспитанника она особенно нежно любила, пусть и по-своему, по-драконьи. Для вида крылатая старушка ещё поворчала бы, да и улетела — когда бы не последнее слово Мапрципарины.

И в слове-то ничего обидного не содерджалось, но тон получился непростительно резким. Великая Мать посоветовала Бианке раскаяться — и тут же стартовала, да ещё сделала несколько круг над дворцом, оглашая Ярал заунывным ритуальным плачем.

— Я поссорилась с Гатаматар? — испугалась Лулу.

— Ещё нет, — успокоил Бларп, — настоящая ссора впереди.

— Она потратила все горькие слова, — добавил Хафиз, — но сундук с обидными словами у неё полон. Оставила про завас.

— Обидные слова нам скажут её чада и сподвижники, — предположила Кэнэкта, — раз убедить нас не удалось, прибегнут к устрашению.

— О, кажется, теперь улетает. Так мы больше не увидим Гатаматар? Пришлёт кого-то из свиты поругаться? А как хорошо летит…

— Полёт Гатаматар — само совершенство, — прокомментировал Эйуой.

Провожая её взглядом, Бианка вдруг вспомнила:

— Бларп, извини меня, я ведь не показала ей сына…

— И что?

— Значит, не дала удостовериться, что он действительно вылупился.

— А, — с облегчением вздохнул Эйуой, — теперь это не так важно. Теперь, когда он есть, можно его и не показывать. И даже лучше пока не показывать.

— Почему?

— По нему видно, что вылупился он не так уж давно.

Нет… Что-то не так, подумала Марцепарина, утеряв прежнюю нить рассуждения. Бларпа, как будто бы не заботило то, что дата настоящего вылупления Драеладра может быть вычислена по появлению на небе четырнадцати светил. Драконы не станут считать? Как бы не так: многие из них очень дотошны. Видимо, победитель Бларп надеялся легко отшутиться.

Отчего же тогда Драеладра не показывать? Марципарина не показала, поскольку боялась: Гатаматар сразу, без разговоров, его отберёт. Но Бларп Эйуой такой вариант исключал. Если исключал, но дракончика всё же не показывал, значит, есть в его младенческом облике что-то, что не надо заметить Гатаматар. Но что же это?

А будто Бианка сама не видит? Конечно же, размеры. Рост, вес, размах крыльев — ой, не прибавились ещё с момента парада четырнадцати звёзд!

* * *

Не показать Драеладра древней Гатаматар было проще простого, и вот почему. Драконица, да ещё такая здоровенная, конечно же, не протиснется во дворцовые помещения, предназначенные для людей. А Бианка ещё после визита Бланш унесла новорожденного в маленькую комнатку без окон — в том уголке дворца, который, по заверениям Бларпа, был магически защищён от наблюдения не только драконов, но даже самих Божеств.

Там-то мать Драеладра и превращалась в Кешлу, то есть, выкармливала, а вернее — кормила, но выкормить всё же никак не могла. Она старалась, Драеладр благодарил за старания, но благодарил лишь взглядом, а никак не размерами. Не получалось, к вящему удовольствию гарпий, всё же не получалось. Что ж, даже у легендарной Кешлы выходило не всё сразу.

От своего желания забрать Драеладра в воспитанники Гатаматар, как и предполагал Эйуой, так просто не отступилась, но прилетать за ним вторично сочла ниже достоинства Великой Матери. Потому делегировала полномочия драконам из своей свиты, которые с добрых полгода не оставляли Ярал своим вниманием.

Чаще других появлялась вежливая советница Хинофатар, а вот первым явился воспитанник Мадротор — дракон, мягко говоря, хамоватый и несдержанный. Насчёт его-то поведения

Кэнэкта и Хафиз оказались правы в своих предсказаниях — о «сундуке гнева», о делегировании обидных слов.

— Дракон должен расти среди драконов! — завопил Мадротор с тем особым взбешённым видом, который обычные слова превращает в обиднейшие ругательства.

И так далее, и тому подобное. Все аргументы Гатаматар, только чуток пересыпанные грубостями в адрес некоей дракорновой матери — кажется, прекрасно Марципарине знакомой.

К тому же у Мадротора имелся зуб и на Бларпа. А то зачем бы дракону, явившемуся на переговоры к Марципарине, упорно называть Эйуоя лжецом? Конечно же, речь о том, как хитрец Эйуой преждевременно объявил Гатаматар о рождении нового Драеладра и тем не позволил сменить правящую династию.

— Кто бы говорил! — криво усмехнулся Бларп. — Не этот ли дракон, посланный наблюдать за кланом Рооретрала, клятвенно утверждал, что там никто не хихикает? Он тоже лгал Гатаматар, выгораживая интересы своего клана. И до сих пор продолжает лгать — ибо приставлен следить за хохочущими собратьями, но по-прежнему их не замечает.

Видимо, Бларпу стоило повременить со справедливыми обвинениями, так как Мадротор после этого на него напал. Эйуой чудом отбился, применив огненную плеть, а крылатый дракон выместил здость на дворце — посбивал кой-какие архитектурные детали. Ну и зачем разбрасывать камни?

* * *

В развитие Драеладра закрался какой-то порок. Наверное, гарпии посодействовали. К четырёхмесячному возрасту средний дракон размерами превосходит телёнка, к тому же — давно умеет летать. Этот же не умел. Вместо того он наловчился ползать.

Стоило Драеладру далеко уползти — у Лулу случался приступ паники. Может, гарпии её так накручивали, а может, она сама. С нашей сестры станется всё сделать своими руками — иронизировала она позже, когда Драеладр находился. Но находился-то — ненадолго. Поводов для испуга становилось столько, что гарпии уставали хохотать.

Не мешаю ли я сама ему развиваться? Свежая мысль. Ведь если на скорость, с которой он от меня уползает, я так болезненно реагирую, что будет, когда он полетит? Этак его вообще не вернёшь к материнской груди из-под потолка — ну а если воспарит высоко в небо, что я подумаю? «Упадёт,

разобьётся»! Может ради того и не умеет летать, чтобы я не переживала?

Чаще всего Драеладр уползал… Нет, не к балкону. К одной из высоких, подобных колодцу дворцовых комнат, в которой висела серебряная люстра. А на той люстре сидела парочка серебристо-серых, крылатых — нет, не гарпий — грифонов. Только лишь грифонов, но Лулу Марципарине в первый раз, как его там нашла, с перепугу невесть что показалось.

Впрочем, не с перепугу ей теперь казалось ещё больше.

Пугаться? Да кого ей теперь пугаться, если гарпии захватили дворец? Если гарпий теперь стало так много, что приходится часами протискиваться мимо них, чтобы найти себе во дворце свободное местечко?

Порой вот так часами протискиваешься — забываешь и Драеладрика покормить. Хотя что ему — он и сам уполз, ищет место без гарпий, ищет место без их несправедливо осуждающих взглядов, без их злорадного хихиканья, без истошного визга, какой они все поднимают, когда хоть одной из гарпий отдавишь её когтистую лапу!

— Ты забыла Драеладра покормить! — говорит Хафиз.

Говорит с чем? С осуждением. Осуждение — чей атрибут? Атрибут гарпии. Значит, и Хафиза захватили гарпии. Весь дворец захватили, и Хафиза с дворцом захватили впридачу. Эй, Хафиз, не стой истуканом, вытряхивай гарпий, вытряхивай! Ну, как хочешь.

Ты как хочешь, а я пойду. Надо ведь, в самом деле, покормить Драеладрика, покормить мою кровинушку, а то мальчик плохо набирает, вот надо мальчиука и покормить, чтобы набирал больше. Больше набирал чего — веса! Вот в чём главная загвоздка. Веса должно быть гораздо больше. Если веса много, то тебе проще разбежаться и взлететь. Или наоборот — вес препятствует полёту? Да, с весом всё хитро, неоднозначно! Излишний вес пригибает к земному ярусу, это определённо так. Некоторые думают, что я Драеладрика перекармливаю. Но это неправда. Это неправда. Правда не это, а что-нибудь другое. Знаете, в чём правда?

Правда в том, чтобы найти себе место, свободное от гарпий. Подвиньтесь, эй вы, подвиньтесь — ноги отдавлю!

— Марципарина, ты помнишь о Драеладре? — снова Хафиз возникает.

Ну конечно же, я помню о Драеладре. Спасибо, дорогой, что ты о нём спросил. Как же мне не помнить о Драеладре, если это я, я, я — его мать? Всем матерям обязательно надо помнить о своих детях, вот и я помню о Драеладре! Ибо драеладр — кто? Мой ребёнок. Ребёночек маленький. Он потому и маленький, что ещё

ребёнок.

Вот в чём вся загвоздка-то, понимаешь, Хафиз? Драеладр маленький не потому, что я его не кормила, наоборот, я кормила его, а маленький он по совсем другой причине. Он ребёнок — вот он и маленький. Ещё ребёнок.

Ты понял, Хафиз? Да, всё понял? Эй, Хафиз, ты что-то неаккуратно ходишь по дворцу — не наступи на гарпию! Не смей наступать на гарпию — ей же больно. Подумаешь, мерзкая, но тоже ведь существо.

Да, гарпия — существо. При этом — существо крылатое. Постигнуть же крылатых существ очень помогает — что? Разумеется, логика. А как выглядит логика? Изволь, Хафиз, я тебя обучу логически мыслить. В особенности о крылатых существах, требующих в своём осмыслении известных логических скачков, ибо не подпрыгнешь — не полетишь. Итак, слушай меня, Хафиз!

Что такое лебедь? Это птица!
Птичье молоко в руках не тает.
Птица разбежится, полетит и приземлится,
Потому коровы не летают.

Видишь Хавиз, как сильна железная логика? Всех сильнее железная логика. На неё, на логику наша новая надежда!

* * *

С некоторых пор общаться с Марципариной стало совсем тяжело. Эрнестина Кэнэкта в период после рождения маленького Драеладра была занята вовсе не понарошку — но всё же в замок подруги захаживала реже, чем могла бы. Толком поговорить, как бывало, ведь всё равно не удастся. А просто приглядывать за ситуацией — так для выполнения этой задачи во дворце есть Хафиз, да и тридцать человек охраны там топчется.

— Драеладр заколдован, — сказала Лулу в последний раз, — он не растёт, значит, заколдован. Кормить его, конечно, надо, но бесполезно. Надо бы сначала расколдовать. Пойду расколдую.

Нет, очень может быть, что в главном она и права, вот только из них двоих Лулу Марципарина выглядела намного сильней заколдованной, чем Драеладр. Если дракон просто ростом не вышел, то у неё целый букет симптомов наведённого колдовства. Как она видит мир, как общается, как говорит, какие чувства переживает, какие мысли её посещают, как выполняет (вернее, не выполняет) принятые решения — всё странно. Видать, колдун,

который над ней трудился — очень усидчивый колдун.

Но что Кэнэкта понимает в колдовстве? Честнее сказать, ничего. Устранять угрозу путём удаления заколдованных предметов — как тогда, в Саламине — это ведь не выход. Когда заколдованы люди…

В общем, опять-таки надо ждать Эйуоя. Дело только ему и подвластно.

А ведь Бларп Эйуой, как проучил Мадротора — после того и в Ярал-то почти не заглядывал. Наслушался страшных предсказаний Бланш по глазам Драеладра, вот и рыщет с удвоенной энергией в поисках Лунного Пламени. Видать, новый Драеладр совсем слабосилен, а его рождение без возвращения драконам потерянного ресурса ничего не решает.

Эх, тут и без колдовства тошно.

— Тошно тебе или нет, — проницательно заметила Лулу, — а Драеладр-то ими заколдован. Потому — извини. Некогда мне с тобой болтать. Сначала пойду его покормлю. Заодно и расколдую.

Снова она о том же самом!

И пошла расколдовывать. Дошла по длинной анфиладе до второй комнаты, там, должно быть, вспомнила, что забыла какой-то важный инструмент расколдования, вернулась за ним, но тут вспомнила, что Драеладр-то не расколдован, надо сначала расколдовать, а все прочие дела отставить, снова пошла расколдовывать, снова вернулась. Порочный круг.

Вот по таким-то кругам Лулу Марципарина и ходит.

Есть ли у колдунов заклятие «порочного круга»? Наверняка, есть. Скорей бы в Ярал прилетел Бларп, он ведь знает точно.

* * *

Железная логика очень-очень сильна!

Вооружившись логикой, можно искать утерянные предметы. Что-то такое Лулу потеряла, вспомнить бы, что именно. Да разве тут вспомнишь: гарпии галдят, сбивают с разумных мыслей, а ещё и Хафиз вмешивается.

Ах да, Драеладр. Надо бы, надо бы дракончика, наконец, покормить!

С явным намерением наконец-то дать ему материнскую грудь (стать Кешлой, ага, стать Кешлой!) Лулу идёт в соседнюю комнату и встречает там Марципарину. Ну, здравствуй, Марципарина! А Бианка-то где? Бианка пропала. А давай её вместке искать? Давай!

Надо найти Бианку и привести её к Драеладру, тогда Бианка

Драеладра покормит. Хорошо, когда в логическом-то мышлении помнишь исходную посылку: этак и истину отыщешь, и Драеладра покормишь. Всё просто!

Конечно, важно ещё не кормить гарпий. А то их во дворце множество, все крылаты, все норовят прикинуться Драеладром, чтобы изведать твоего молока. Если кормить каждую пожелавшую гарпию, Драеладру твоего молока может и не хватить. Так что требуется особое искусство различения.

— Кому требуется?

Спасибо, Хафиз, что спросил. Кормилицам драконов требуется. То есть, кешлам. Ты удивлён, думал, я тебе не отвечу? А, ты просто не услышал моего ответа? Это, наверное, потому, что ответила я не вслух.

Знаешь, Хафиз, а всё-таки хорошо, что гарпии крылаты. Как бы их столько здесь поместилось? Мы бы только и делали, что наступали — а так они взмыли под потолок, обсели все люстры и плафоны, выпучили оттуда глаза и лишь только смотрят. Устали хихикать, просто смотрят. Думают, победили.

Но, знаешь, Хафиз, они не победили. Нет, они тактически проиграли — когда уверовали в свою победу в битве. А победа будет за ними. Для решающей битвы мы ждём героя. В нём — новая надежда.

Битва с гарпиями обязательно требует героя. В замок заневестившейся Кешлы в один прекрасный день пришёл Авдрам. Кто же придёт сюда, во дворец к Марципарине — неужели, Чичеро? Нет, Чичеро занят. У него дела, у него важный сундук. Чичеро не сможет.

Кто тогда? Бларп Эйуой? Ой, что-то я давно не видела Бларпа. Наверное, он занят, у него дела, у него поиски жемчужины.

Кто же, ну кто же?! Ну конечно же, Драеладр!!! Он подрастёт и со всеми справится! Только, кажется, он самую малость заколдован. Гарпии наколдовали, чтобы он не подрос.

Наколдовали — вот и расселись, довольные. Думают, битвы уже не будет. А будет битва! Битва уже идёт! Пока гарпии отвернулись, Марципарина ещё сопротивляется. Глуповато улыбается, но сопротивляется. И в этом ей очень помогает Лулу. А Бианка?

Тссс, а Бианка в этот самый миг заходит к негодницам с тыла!

Глава 20. Золото ягнят

Очнулась Оксоляна в Старых Могильниках. Или в Старых Некрополисах, если по-научному. В их отношении стоит использовать язык науки, поскольку в них ведутся очень важные археологические изыскания. А археология, в свою очередь, «главнейшая из некрократических наук, ибо позволяет извлекать новое знание непосредственно из старых могил»… Кажется, так Оксоляне объяснили.

— Поднимись, Лейла! — сказали ей, и Оксоляна послушно поднялась. Только с неудовольствием сказала возродившему её некроманту:

— Я не Лейла, я Оксоляна!

— Какая разница?

На взгляд Оксоляны, разница была.

У некромантов древности, современников угасших традиций стихийных магов, здесь, в Старых Могильниках, находилась крупнейшая из Академий. Так и называлась — Могилянская. Сейчас лучшие умы западной некрософии начинают её возрождать, но не договорились о названии. Одни считают, что лучше её назвать Новомогилянской, другие же — что Новой некрополитической. На взгляд Оксоляны, разницы никакой, но некромант Квиц, который её поднял, считает, что вторая версия звучит красивее.

Ну и пусть называет, как хочет, ему же в ней быть ректором.

— Нет, назовём лучше Новомогилянской, — изменил мнение Квиц.

Спорит он пока сам с собой, потому что другие некроманты в Академию ещё не съехались. Как-никак, Академия стоит на отшибе самой Отшибины. Это далеко от Приза, далеко от Цига, далеко от Абалона. Вернее, от места, где стоял Абалон, потому что Абалон провалился.

— Знаешь даже о том, что Абалон провалился? Это хорошо. Ты вообще неплохо себя помнишь, а, Лейла?

— Я не Лейла, я Оксоляна!

— Какая разница?

* * *

К Старым Некрополисам Ангелоликая и Лейла добрались пешком. Нашли там троих сподвижников дела Смерти — некроманта Квица, карлика Дранга и ещё Запра — рыцаря Ордена

посланников…

— Ордена посланников Смерти больше нет, — не устаёт отвечать этот скромный рыцарь. Я теперь просто кукольник.

Ну, кукольник, и кукольник. Да только и царевна Оксоляна, да и Ангелоликая тоже хорошо знали этого Запра ещё по Цигу. Там он представлялся рыцарем Ордена посланников Смерти, и не стеснялся этого.

Видно с тех пор нелёгкая рыцарская лямка стала совсем уж невыгодной.

Ну, так вот, Ангелоликая и Лейла сюда добрались первыми, а глиночеловеческий брикет бросили в экипаже на пустой дороге, поскольку от изданного гарпиями пронзительного визга пали все лошади — и преследовательские, и свои.

Как добрались — попросили некроманта Квица, чтобы тот послал людей отогнать с дороги фургон. Людей у Квица всего-то и было, что кукольник да однорукий карлик, вот они вскочили на лошадей, да и доскакали до экипажа.

— Прибыли вскорости — недели не прошло. Нашли фургон на описанном месте — никому он не пригодился, ничего не унесли, только колёса сняли, — припоминает кукольник.

А что было ещё уносить встречным: наши тела?

— Это потому что дорога не наша, не отшибинская, — хихикнул о том однорукий Дранг, — у нас-то народ хозяйственный, мигом разберут всё до досточки и к себе утащат. А дохлых мертвечих — тех в огород поставят, ворон пугать! Авось хоть так пригодятся…

— Ну, это если разлепят! — зло бросила Оксоляна.

И есть от чего злиться. У мертвечих в брикете бальзамы пошли горлом, смешались с глиной, дополнительно зацементировали брикет. А спасители не торопились. Пока выслушали Ангелоликую, пока за лошадьми сходили, пока приехали, посмотрели, пока за новым фургоном съездили…

— Мы-то думали впрячь новых лошадей, да поехать. Но, раз колёс нет, впрягать лошадей без толку. Пришлось Драngу вернуться за новым экипажем. Но тут оказалось — груз-то не перегрузить. Тела не разлепляются, хоть киркой долби!

Гарпии едины. Нас кайлом не расколешь. Все одиннадцать гекс — одно, подумала царевна. А вслух произнесла другое, исполненное не пафоса, но гордого упрёка:

— Мы блевали собственными бальзамами, пока вы там прохлаждались!

— Подумаешь, — ой, Драngу весело, — вам всё равно повезло, что вы нас дождались, ведь Отшибина-то наша всё-таки рядом. А Великий народ — он не промах! Раздолбал бы брикет,

как попало, да и пустил бы на удобрения! — карлик по-прежнему думает, это смешно.

— …вот и пришлось нам с нового экипажа на старый колёса переставить. Тогда-то уж и лошадей впрягли, да и доставили вас без приключений к нашим Старым Некрополисам.

— Ну да, без приключений! А наш-то — новый совсем экипаж увели тем временем черти саламинские! — Дранг наконец выдал причину своего злобствования. — А он, экипаж, был не чета той развалюхе, в которой мы вас доставили. Не говоря уже о том, что пришлось ещё топорами борта крушить, просто для того, чтобы вас оттуда вытащить. Одни убытки хозяйству Академии! Одни напрасные траты, — а хозяйством-то будущей Академии однорукий карлик и заведует.

А потом, когда борта фургона уже не мешали, Дранг и Запр поднатужились, раскачали брикет и свалили на серокаменное мощение двора. Тот ляпнулся с характерным хрустом от крушения костей, порядком уже высохших на жаре.

Вместе с другими кувыркнулась из фургона и Оксоляна. Никакой ведь отдельной траектории, один путь на всех — бабах… И кто оказался ниже, пострадал сильнее. Правда, никто из них ничего не почувствовал, кувырок-то происходил во сне, неотличимом от сна вечного.

Дальше, как Оксоляна поняла из рассказов, к выгруженному во дворе Академии брикету впервые поднялся из главного академического склепа и некромант Квиц. Походил вокруг, потрогал усохшие части тела, кое-где неловко торчавшие наружу.

Хотя большинство из таких обломилось при жёсткой выгрузке — и этот мусор однорукий Дранг благоразумно смёл в одну из ближних разрытых могил. Покойтесь с миром, кисти, ступни, да нижние челюсти. Авось хозяева вас уже не хватятся.

Квиц, кстати, тоже не любопытства ради конечности гарпий щупал. Выяснил, между прочим, что тела в плохом состоянии. Значит, их придётся заново поднимать. Некоторые же, особо пострадавшие — те и заново не поднимешь.

— А точно ли надо их поднимать? Может, просто закопаем? — спросил тогда некромант Квиц. — Ну, или не просто так, а, к примеру, с почестями?

Но уж тут-то Запр, даром что стал кукольником, повёл себя по-рыцарски. Это он напомнил Квицу, что Ангелоликая бдит, что она всё видит, даром, что они с Лейлой давно уже уехали. А значит, не поддержит назначение на пост ректора некроманта, который даже не попытался спасти её бедных девочек.

— Ну, попытаться-то недолго, — согласился ленивый некромант. — только тела в этой куче разлеплять по одному всё

равно придётся. Значит, это задача для тебя, кукольник. Бери ведро, тряпку — ну и оттирай, как можешь. На каждой из них когда-то было индивидуальное платье. Потом уже тканевые основы насквозь пропитались глиной и бальзамами. И если теперь удастся хоть чьи-то тела отодрать от налипших платьев — на этом этапе и я смогу подключиться с соответствующим случаю ритуалом.

Делать нечего: взял рыцарь-кукольник ведро и тряпку, подсел к одному из углов брикета и начал его постепенно размывать — чтобы достать из глинобальзамночеловеческого концентрата первое тело.

Долго старался, но вот сумел отлепить тело первой женщины-гарпии. Вроде, и всем была хороша, только где-то потеряла нижнюю челюсть. Наверное, когда издавала визг, слишком сильно разевала рот.

Как увидел такую некромант Квиц, сказал затравленно:

— Может, эту не поднимать? А то поднимешь — начнут скулить: «Где моя нижняя челюсть?».

— Так без челюсти-то — небось, громко уже не покричит, — принялся уговаривать кукольник.

Зря, что ли, мокрой тряпкой орудовал?

* * *

Сперва дело продвигалось медленно. За день рыцарь-кукольник оттирал водой от глинисто-бальзамной основы не больше одного тела, которое некромант Квиц тут же поднимал — а чего ждать? К тому же, если не сразу поднять, того и гляди — перепутаешь «призрачные шкатулки» с душами от разных гарпий.

— Не «призрачные шкатулки», а киоромерхенные суэниты, — нудил Квиц, — и не души, а тени! — но суть-то от названий не сильно меняется.

Вот эти-то шкатулки, спрятанные в карманах бывших одежд учениц Ангелоликой, вопреки всему, сохранились идеально. Ну ещё бы: магические, как-никак, предметы, да ещё с мудрёным научным названием. Такие ни натёкшей жидкостью, ни механическим ударом — ничем не испортишь.

Размывать водой окаменелость — истинно археологическая задача. В ней археолог уподобляется земной стихии и приближается к ней по срокам работы. Земные воды, размывающие горные породы — вот с чем равняется тряпка рыцаря-кукольника.

Потом карлик Дранг сжалился над тяжело работающим

Запром и дал ему пузырёк с растворителем для бальзамов — из тех, которые археологи применяли для размачивания тел древних мумий.

Последние археологи, которые тут работали, по его же словам, так хорошо размягчили тело одной древней мумии, что она встала на ноги и, прежде чем снова окоченеть, всех археологов и поела. Кстати, потому-то здесь, в особом известном Драngу склепе, и сохранился целый бидон археологического растворителя — его просто некому было забрать.

— Целый бидон? — переспросил Запр.

— Да там оставалось на донышке! — стал выкручиваться карлик. — К тому же парни, с которыми я его нашёл, пытались его пить.

— И что?

— Растворились! Но каждый по глотку сделал.

— А ты?

— Перелил остатки в бутылочку. Не пропадать же.

Так вот. Если такого растворителя, да добавить в воду, она начнёт худо-бедно растворять не только глину, но и выблеванные мертвецкие бальзамы. То есть, зацементированное расцементируется, а глиночеловеческий параллелепипед наконец-то расползётся, потеряет строгую форму. Тогда-то дело пойдёт веселее.

И дело пошло веселее, и скоро первый десяток возрождённых Квицем мертвечих уже сидел во дворе, придурковато хлопая глазами.

— Ума я им пока не возвращаю, — говорил Квиц, — вот пришлют за ними от Ангелоликой — тогда. Сейчас же пусть побудут в усечённом посмертии. И им в ожидании не скучно, и нам спокойнее…

Оксоляны в том первом десятке возрождённых ещё не было. Её боевая гекса (полная септима минус Кси) находилась в глубине брикета, пока её раскопаешь — семь потов сойдёт. Внутренним слоям сильнее повезло в том плане, что конечности не так сильно пострадали при выгрузке. Зато они были сильнее прочих в брикет вцементированы — не только собственными бальзамами, но и всеми, натёкшими сверху. Такую концентрацию даже растворитель не брал. Пока извлечёшь такое тело — извинялся потом Запр — нет-нет, да и дёрнешь посильнее, чем надо. Глядишь — а в руках у тебя осталась одна голова. А то и принятая за неё ягодица.

А тут и от Ангелоликой прислали весть. Возрождённый народец ей, наконец, понадобился. Только не в Циге (да и сама Мад уехала вовсе не в Циг), а в нижнем мировом ярусе. Там она

(ну надо же!) участвовала в честных некрократических выборах Владыки Смерти.

— Честные, — сказал Дранг, — это когда заранее не знаешь, кого выберут.

— А почему не знаешь? — простодушно спросила Оксоляна.

— Ну, потому что вовремя не договорились. Каждый хочет выбрать своего, вот тогда и решают, чтобы было честно.

— И кого же могут выбрать?

— Может, Владыку, а может, и Владычицу. Так-то. Раньше так не было, Владычицу выбирает впервые. Ангелоликая против Тпола. Тпол против Ангелоликой. Ну, кстати, её наверняка и выберут. Потому что Тполом многие недовольны. Многие важные-важные мертвецы. Чем недовольны? Ну, он их не спросил, сам залез на Мёртвый Престол, а надо было, оказывается, сначала спрашивать. С другой стороны, не он бы залез — так залез бы кто-то другой. Престол — он ведь всех приманивает. Но всё равно Тполом недовольны. Так что выберут Ангелоликую.

А Оксоляна-то и забыла, что пост Вдадыки Смерти — выборный. А то и думала, что Владыка вечен, словно Живой Император, укуси его пчела. А оказалось-то — у Владыки есть имя, и даже имена-то меняются.

— А есть какая-то разница, Тпол или Ангелоликая?

— Ну, разница-то большая. Если победит Ангелоликая, она сразу завоюет Эузу. Если выиграет Тпол, он тоже победит Эузу, но не сразу.

— Конечно же лучше сразу! — воскликнула Оксоляна.

— Вот и мы так считаем, Лейла, — сказал ректор Квиц, — потому-то мы все за Ангелоликую. И заранее рады ей помочь.

— Меня зовут Оксоляна, — сказала Оксоляна.

— Какая разница?

Накануне отправки первой партии питомиц Ангелоликой некромант по-быстрому повозвращал им ум. Осмысленнее их лица не стали, но прибавилась способность произносить членораздельные звуки.

— Трещали без умолку, — вспоминал Дранг, — что те сороки!

А кукольник Запр недовольно морщился и вздыхал с печалью:

— Скверная вышла работа. Засмеют Ангелоликую с такой свитой. Совсем они битые. Лучше бы свеженьких выписала из храма Вечнотраурной Смерти. Как-никак — представительские задачи требуют…

— Ну, за одну битую двух небитых дают, — возражал Дранг, — гарпии, знаешь, они такие: им шрамы к лицу. А уж коли лица нет, то к лицу и подавно. Кто ж будет бояться смазливых

дурочек? А у гарпий…

В общем, за одну битую всучили бы и трёх небитых, но только полному ротозею в базарный день.

Свита будущей Владычицы Смерти в составе двенадцати особей, сохранившихся лучше других, поехала из Старых Некрополисов вовсе не на запад (к Порогу Смерти), а либо на север, к Глукщу, либо забрала восточнее, к Карамцу. Именно через эти пещерные города открываются ближние от Могильников проходы в нижний мировой ярус.

Новых гарпий Запр извлекал всё тяжелее; они рассыпались, а Дранг воровал отпавшие части и потихоньку прикапывал. Может, собирался их потом выгодно продать? Ну и себе попутно искал недостающую руку.

Говорят, в Отшибине, где ныне полно скверно набальзамированного люда, с некоторых пор процветает торговля органами. А что: разложилась твоя конечность — можешь купить новую. Правда, с размерами возникнут сложности, ну да карлики и так не слишком пропорциональны. Подумаешь, одна рука длиннее — зато такою намного веселей драться. Вот длинною ногою карличью не заменишь — это придётся весь век хромать. Зато приделать ногу вместо руки — этак драться будет ещё веселее. Оплеуха с ноги — это ж совсем ухихикаешься!

Из Оксоляниной гексы самой первой удалось отщепить от брикета и заново поднять карлицу Тупси. Вот этой повезло кроме шуток. Она же маленькая! То-то от неё не отвалилось ни одной части тела. В брикете она как-то хитро сгруппировалась, вот и не слиплась ни с чем другим, кроме себя самой. Ещё бы ей расцепить сплетённые в замок пальцы рук — и была бы вообще, как новенькая!

А вот Бацилле самую малость отломили голову. Собственно, оно и не страшно, ведь голову-то вернули на место, карлик Дранг не успел её прикопать в своих погребах-могилах. Но, когда вернули, немного, как водится, скособочили. Смотрелась такая голова, как с чужого плеча. Хорошо, нигде не было зеркала, а то Бац бы себе очень не понравилась.

Зато торговке Данее повредили самое ценное — ягодицы. Будто какая-то тварь приблудная их выела. Там, где раньше были гордые выпуклости, остались впуклости — сколько их не заливай новым бальзамом. А ведь у Данеи они составляли самую заметную часть тела. Бедняга ими так гордилась, так выпячивала при ходьбе, видать, и на рынках когда-то успешно ими толкалась. А, всё тлен! Да только, как задницу-то свою рассмотрит, крику не оберёшся.

Затем поднимали Рюх. Ну, да Рюх была, Рюх и осталась —

уродец уродцем. Даже в Саламине на такую нашлось мало охотников. Но, наверное, Рюх даже где-то в чём-то повезло. Раньше про неё иначе ни не скажешь — корова безрукая. А теперь — однорукая. Однорукая Рюх! Это же как будто не потеряла, а новой рукой приросла…

А вот затем вычленяли и поднимали саму Оксоляну. Кажется, с ней рыцарь-кукольник и вовсе умаялся. Семь потов с него сошло — чай, не какую-то торговку выделяет из глинобальзамного субстрата — царевну! О самих трудностях и подробностях процесса старина Запр тактично умолчал. Но результат Оксоляна смогла ощупать собственными руками. Руки на месте, ноги на месте, ягодицы — на месте и тверды, как никогда. Может, что с головой? Нет, и голова на месте! И челюсть. Слава тебе, добрый рыцарь!

— Поднимись, Лейла! — провозгласил противный голос некроманта:

— Я не Лейла, я Оксоляна!

— Какая разница?

Вот кому не повезло, так не повезло — это Клементильде. Ни одного цельного органа от неё не осталось, от инфантильной дурочки. Руки отдельно, пальцы отдельно, из черепа выдернута не только нижняя челюсть, но даже верхняя, от живота — одна вмятина, да такая глубокая, что позвоночника там тоже нет. Вот что значит не иметь своего стержня!

— С этой-то что будем делать, а, магистр Квиц? — осторожно спросил рыцарь-кукольник, стеснительно кивая на извлечённую им кучку мусора.

— Части тела — пусть Дранг прикопает! — распорядился тот. — А тень её будем переселять. Стало быть, мастер Запр, тащи сюда свою куколку.

— О, у Запра такие куклы — закачаешься! — подмигнул Оксолене Дранг.

* * *

Пока рыцарь ходил за куклой для Клементильды, царевна имела случай как следует осмотреться. Двор Новой некрополитической академии, посреди которого Запр доразмывал остатки (а по сути, уже останки) глиночеловеческого брикета, располагался в очень красивом месте. И не где-нибудь, а в самом центре уютного городка-кладбища Старые Могильники, аккурат между двумя крупнейшими ступенчатыми гробницами.

Вперёд — гробница, назад — гробница. Слева — пяток

разрытых могил, куда Дранг сметает невостребованные части тела, а между могилами — дорога, по которой, собственно, и проехал сюда экипаж, чтобы доставить ценный брикет. Ну а справа — ряд аккуратно вскрытых склепов, где вскоре разместятся аудиториумы будущей Академии. Центральный из этих склепов уже сейчас занял будущий ректор Квиц. В предбаннике склепа, соседнего с ректорским, ютятся рыцарь Запр и однорукий карлик. Там же у обоих кладовые и кукольная мастерская.

Кстати, зачем такая мастерская здесь, в Старых Могильниках? И зачем в ней работать Запру? Интересная судьба, подумала царевна. Рыцарь стал кукольником: что бы это значило? Надо будет поподробнее разузнать.

— Что-то долго не несёт! — занервничал Квиц.

— Просто у Запра нет подходящей куклы, — пояснил Дранг. — Прошлую-то он из Дракулоры переделал. Перекрасил в подходящий цвет — и готово. А кукла под эту самую Клементильду — тонкости требует. Так что он пока под неё только заготовку шлифует. И прилаживает всякие пружинки-проволочки.

— Что же сам он этого мне не сказал? — обиделся Квиц. — Ну, я пойду тогда расшифровывать могильные надписи. Когда вернётся, дашь мне знать!

И будущий ректор отправился к своему склепу, оставив у расчленённого брикета Дранга, Оксоляну (которую он упорно именовал Лейлой), да ещё восьмерых поднятых учениц Ангелоликой, среди которых четверо — Тупси, Бац, Рюх и Данея — принадлежали к одной, самой лучшей боевой гексе. К сожалению, из всех поднятых ум вернулся лишь к одной Оксоляне, подругам её повезло меньше: все восемь сидели на пятой точке и тупо упирались взглядами в одну точку прямо перед собой.

В общем, хоть они никакие не куклы, но вели себя очень похоже.

— А почему они — такие? — забеспокоилась Оксоляна, впервые заметив, что с верными подругами что-то не то.

— Квиц им частично отключил воплощение душевных способностей, — пояснил Дранг. — Чтобы они с ним не спорили: он этого не любит.

— Ой, а мне-то не отключил! А ничего, что я спорила? — перепугалась Оксоляна и стала оправдываться. — Я ведь не хотела. Он меня просто по ошибке назвал Лейлой…

— Наверное, не сумел отключить! — глубокомысленно выдал Дранг.

Ну, если не сумел — другое дело. Значит, наверное, и не сможет. Тут Оксоляна даже чуток приосанилась. Ей стало ясно, в чём причина неспособности Квица отключить её ум. Ведь она царевна, не какая-то там торговка. Она и в храме Вечнотраурной Смерти сидела в гостевой ложе «для принцесс». Эх, да нам, принцессам, и позволено намного больше…

Вернулся Запр. Как и предполагал карлик, в руках у него была не целая кукла, а набор деталей из дерева, металлических пружин, крепёжных болтов, шайб и гаек. Также кукольник из мастерской прихватил резец, коим и стал обстругивать некую болванку, внимательно поглядывая на обезображенный оригинал головы Клементильды. Болванке, по-видимому, предстояло заменять будущей кукле верхнюю часть лица.

— Очень похоже! — восхитилась Оксоляна.

Впрочем, было пока непохоже. Просто надо же ей завести беседу с работающим человеком.

— О, вашей подруге должно понравиться! Как её зовут?

— Клементильда.

— Отлично! Замечательное имя для куклы.

* * *

Пока Запр готовил для куклы лицевую деталь, Оксоляна о многом успела его расспросить.

Оказывается, в Старых Могильниках Запр появился далеко не вчера. Он сперва побывал здесь, а потом уже в Циге. И прежде, чем прибиться к Ангелоликой, этот самый Запр ходил в учениках у очень известного в Отшибине некроманта Гру. Так вот, этот самый Гру как раз титуловался Верховным магистром некрополей земли Нижняя Отшибина. То есть — магистром этих самых Старых Могильников. И это был очень гордый титул всем некромантам на зависть и на кусание локтей. Ибо Старые Могильники — важнейшее место для западной наземной некрократии.

Что тут, в Старых Могильниках? Ну, понятное дело, трупы. Далее, ясное дело, погребальные сооружения. Но между делом ещё попадаются ценные артефакты. Только не все из них можно отсюда унести. Многие трупы являются ценными артефактами — ну, этих-то можно лишить недвижимости. Но артефактами являются и сооружения, а их-то не перенесёшь. Стало быть, изучать их придётся прямо на месте. А место-то контролировал знаменитый некромант Гру.

Он такого форменного лузера, как бедняга Квиц, к этим

древним комням бы даже не подпустил.

— О, магистр Гру выбирать учеников умел! — воодушевившись, воскликнул Запр. — И среди прошедших у него обучение — не только лишь некроманты да некрософы! Между прочим, среди них — аж трое посланников Смерти: Чичеро, Стузо и я. И все трое занимали не последние места в Ордене. Стузо — тот и до гроссмейстера дослужился. Чичеро — дрался на поединке с самим Живым Императором. Я — …ну, о себе не буду, как-то, знаете ли, неловко.

Но царевна постаралась его спровоцировать на разговор о себе. Пусть и не про ратные подвиги, но хоть бы про жизненный да посмертный путь. И на то, почему столь славный рыцарь — и вдруг выбрал ремесленную стезю…

Оказалось, и тут Оксоляна не всё правильно поняла. И из Ордена Запр не ушёл, он, быть может, последним остался в безвременно угасшем Ордене. И в кукольники Запр не переквалифицировался из рыцарей. Он с самого начала был в Отшибине кукольником, а рыцарем стал уже потом.

— Я был очень хорошим кукольником, вот и заработал себе сначала на посмертие, а потом и на рыцарство, — сообщил Запр.

И если по правде, то и имя Запр — не совсем его имя. Когда он родился, эвали его Газаприно, а сокращение «Запр» возникло не без влияния многомудрого магистра Гру.

— Запр — это ведь так по-отшибински, — застенчиво пояснил рыцарь, — а отшибинцы — самый Великий народ. Ибо с Отшибины-то всё и пошло…

Оказывается, предназначенные для карликов лекции магистра и не только карликам ловко внушали, что карличье место в мире — самое центральное, а карличья культура — всем культурам культура, что карличьи имена — сгустки глубокого смысла и не чета драконьим.

— Чичеро предал идеалы отшибинства, — сокрушённо вздыхал Запр, — Стузо, коли разобраться, был всегда себе на уме. Но я так не могу. Для меня лишь одна Отшибина — любовь навеки.

Для рыцаря он слишком сентиментален, заметила про себя царевна. Зато кукольник из него и впрямь неплохой. Как он ловко перенёс на цельнодеревянную болванку всю пустую бессмысленность клементильдиной мордочки!

А уже потом, когда куклу поднимал Квиц, он не смог отключить Клементильде ум, а вернее, в её случае — сознающую себя умом глупаость. Не смог, поскольку где же его отключишь, раз у куклы нет обычного человеческого тела, а вместо головы — цельная болванка, лишённая мозга с нужными некроманту

естественными переключателями?

Клементильда как глянула на себя, как крутнула головой на шарнире вокруг своей оси — так и заверещала:

— Не хочу, не хочу быть куклой! — вот дурочка.

— Будешь много кричать — отвинчу голову! — остудил её карлик Дранг. И предостерегающе показал отвёртку.

* * *

Видимо, свита из вторично поднятых ректором Квицем инвалидных гарпий нагнала Ангелоликую в дороге, потому что от неё в Старые Некрополисы пришло сообщение. Мол, большое спасибо за посланных вниз учениц, но больше, пожалуйста, не надо.

Поскольку с действующим Владыкой Смерти Тполом намечается не то, чтобы прямо битва, а мирные некрократические выборы, то ни боевые навыки гарпий, ни особая выносливость, проявленная ими в ходе бегства из Саламина, востребованы не будут, а понадобится скорей очарование наивности да внешняя смазливость — то есть качества, которые упомянутые гарпии как раз безвременно утратили.

Сообщение принял некромант Квиц. Он, как и всякий некромант, был способен получать медитативные послания и лично от Владыки Смерти, но, как оказалось, и от будущей Владычицы Смерти — тоже.

— Зря мы их поднимали! — мрачно кивнул Квиц на ряд из полутора десятков мертвечих и десятка кукол тонкой работы рыцаря Запра. В этом ряду сидела и Оксоляна, одна из всех не бездумно хлопая глазами, а напряжённо обдумывая своё положение. Правда, без толку.

— Да? И зря разбирали брикет? — огорчился кукольник.

— Нет, ну вообще-то, не зря, — поправился некромант, — всё-таки за своими ученицами Ангелоликая кого-то пришлёт, ну, или передаст им новые указания. Но когда это будет?

* * *

А потом в Старые Некрополисы прибыл верный Личардо, мажордом замка Окс-в-Дроне, принадлежащего Ангелоликой.

— Оксоляна! — воскликнул он, первым долгом заметив царевну, — надо же, вы так изменились! Скажите, ради Смерти, как там дела у Клеопатрикс?

Что ж, несколькомесячная испытательная миссия не могла не оставить следов на внешности. Уже работа в пиратском борделе на многих бы поставила несмываемое клеймо, а участие в глиночеловеческом брикете в период бегства из Саламина, а гибель и возрождение в Старых Могильниках? Естественно, Оксоляна не могла остаться прежней.

— Клеопатрикс поехала в нижний мировой ярус, — ответила царевна, — там, в Чёрном чертоге, ей предстоит состязаться с действующим Владыкой Смерти по имени Тпол за место на Мёртвом престоле!

— О-о! — воскликнул верный Личардо, — Если уж Клеопатрикс усадит на Мёртвый престол свой необъятный зад, никакому Тполу там больше не поместиться! — Личардо веселился, очень веселился и чувствовал себя для всех приятным и желанным гостем.

А ведь кроме царевны его здесь никто и не знал.

Так ли он прост, этот Личардо, подумалось Оксоляне, не играет ли он чужой прибедняющейся роли? Вот и начала у него выспрашивать, откуда он взял, что искать Ангелоликую нужно именно здесь.

— Наитие, — ответил хитрец, — как есть, наитие! — и, переведя разговор на другое, затеял рассказывать долгую историю.

Оксоляна бы мигом его прервала, да только история была — об Ангелоликой. Вернее, о прошлых днях госпожи Клеопатрикс. Царевна и повременила возвращать Личардо к своему вопросу. Что ж она, дурочка такое не дослушать?

Клеопатрикс — а Личардо, конечно же, уверен, что Ангелоликую звали так — выросла в замке Окс-в-Дроне, где с детства обнаруживала кроткий и робкий нрав. В ту пору её родители — добропорядочные помещики Дронской земли — по примеру многих поколений своих предков занимались сельским хозяйством. У них была полная деревня живых крестьян, которые разводили коз и овец и готовили лучший в той местности овечий сыр.

А в соседней деревне жили крестьяне мёртвые, как водится, гораздо более работящие, менее вороватые, основательней цивилизованные. Занимались они в основном огородничеством, вот и не удивительно, что живые животные живых крестьян повадились к ним в огороды. Но хозяева тех мёртвых крестьян издавна исповедовали культ гарпии, поэтому, узнав об очередном овечьем набеге на ботву корнеплодов, запросили помощи у самой королевы гарпий. Та обещала наказать обидчиков.

И вот как-то в ночи Клеопатрикс очнулась от странных

звуков. Кто-то, хихикая, звучно чавкал, а несколько живых голосов, громко блея, казалось, умоляли её о помоши. Клеопатрикс подумала: какой-то хищник забрался в овчарню — надо скорей разбудить родителей! А о том не подумала, что овчарня от господского дома расположена довольно-таки далеко. Каков бы ни был овечий испуг — в её спальне при всём желании не услышишь!

Когда Клеопатрикс вошла в спальню родителей, те были уже мертвы. Лежали в мягкой постели посреди алой кровавой лужи, которая с них же и натекла. А ведь у неё были живые родители — ну, по крайней мере за день перед тем. Известное дело, живые уязвимы к зубам и когтям. Оба хотели, но никак не решались войти в посмертие, так как были друг другом увлечены, а ведь знали, что Смерть ощущения притупляет.

Но кто же блеял? Клеопатрикс зашла в спальню к своим маленьким сестрёнкам и застала у них королеву гарпий. Сестрёнки все вшестером кучно стояли в проходе между своими кроватями, не делая попытки к бегству и только тревожно блеяли. Королева же, чавкая, не спеша, пила кровь поочерёдно из каждой.

Клеопатрикс так и застыла на пороге, и гарпия ей сказала: «Не бойся, дитя моё! Я знаю, ты тверда в приверженности идеалам некрократии. Поэтому я тебя не трону. А теперь ложись спать, дорогая. Утро вечера мудренее, будет новый день, новые хлопоты». Клеопатрикс послушно легла спать, а наутро её ожидали приятные хлопоты: она ведь одна получила родительское наследство! И много золота, и замок Окс, и деревню.

Всё бы ничего, да с тех пор её сон по ночам стал беспокойным. Неведомо зачем и почему ей снились блеющие ягнята. Как избавиться от мрачного наваждения? И тогда Клеопатрик приняла посмертие и поехала на запад, за Порог Смерти, в город Циг.

В городе том она назвалась Мад Ольгерд. И под этим именем (кстати, оно мужское) отправилась учиться в университет Цига. Там она хотела побольше узнать о гарпиях. Необычные они существа, как-никак. Между прочим, интригуют своей избранностью.

Но во всей университетской библиотеке не нашла она о гарпиях ничего, кроме сборника фольклорных историй с устаревшими легендами о Кешле и прямым враньём комментаторов. А профессура — та от своих библиотек тоже недалеко ушла. В общем, не полюби Клеопатрикс утренними часами гулять по Цигу и не встреться ей улица, ведущая к храму — так и осталась бы девушка наедине с опасным для здоровья

симптомом — блеянием глупых овец из раннего детства.

В храме же Вечнотраурной Смерти Клеопатрикс не приняли без суровых испытаний. Наказали разузнать, откуда в уже тогда запорожском городе Циге нет-нет, да и встречаются на улицах ошмётки живых тел. Через Порог Смерти никого из живых пропускать бы не должны Стражи.

Стала тогда Клеопатрикс искать, кто же подаст ей спасительную идею? И вспомнила: конечно же, лектор Харпер. В среде университетских преподавателей этот прославился тем, что иногда ел собственных студентов поедом в буквальном смысле слова.

И ведь ел! Даже жрал. Но только под предлогом наличия у них неотброшенных хвостов. За что-то ведь студента нужно ещё суметь ухватить — и если хвоста не будет, улов сорвётся!

Пришла Клементильда к лектору-каннибалу, а тот ей и говорит: замани ко мне парочку студиозусов из своей группы — тогда будет разговор. Ну, делать нечего — она и заманила.

Харпер же ей только и сказал, что два непонятных слова: «Гуго Франкенштыбз». Вместе похоже на какое-то дурацкое имя.

Кто-то другой на том бы и остановился, но Клеопатрикс не такова! Мигом разыскала этого самого Гуго да выслушала его историю. Впрочем, что скрывалось под именем Гуго — одной Ангелоликой ведомо.

Личардо же слышал примерно вот что.

Истинный Гуго Франкенштыбз — естествоиспытатель из города Цига, прославленный тем, что впервые оживил искусственное существо (гомункулуса) в обход привычных некромантских ритуалов. В дальнейшем его успешный опыт лёг в основу новой науки — биомантии, каковая процветает в Эузе.

Впрочем, об успешности опыта Гуго можно говорить лишь условно, поскольку оживлённое учёным существо его же и убило. Возможно, из мести да из обострённого чувства справедливости, но хочется надеяться, что из исследовательского интереса. Тому, кто впервые Личардо о том рассказывал, почему-то очень хотелось на это надеяться.

«А зачем нужны были живые тела?» — спросила Клеопатрикс у того, кто назвался именем Гуго. Тот ответил: «А затем, чтобы выстроить моё тело!». — «Но как же тогда живые тела оказались в Циге?». — «А способы нужно знать!» — ухмыльнулся собеседник.

Так вот, Клеопатрикс тогда сумела узнать у него способы. И пользуется ими по сей день — как тогда, помните, в замке Окс.

Но главное: дурацкое блеяние госпожу по ночам не тревожит. А всё почему? Потому что засыпает — удовлетворённая.

* * *

Личардо прибыл на козлах большого экипажа, запряжённого четвёркой крепких мёртвых коней. По его словам, он должен был отвезти в Циг всех мертвечих и кукол, оставшихся от разрушенных в Саламине септим.

— Наверное, всех, за вычетом тех двенадцати, кто отправлен в нижний мир на подмогу к Мад? — предположил Запр.

— Ну да, наверное, — Личардо был явно не в курсе.

Поскольку слова мажордома звучали странно, ректор Квиц медитативно связался с самой Ангелоликой. Та подтвердила, что передавала Личардо такие указания, однако, заметила: ситуация изменилась.

Грядёт серьёзное наступление на Эузу, поэтому в Циг никого возвращать не надо. Все гарпии — и мертвечихи, и куклы — понадобятся здесь, в Старых Могильниках. Как-никак, отсюда до границ Эузы гораздо ближе, чем из любого Запорожского города.

— Оно и разумно, — добавил Квиц от себя, — раз уж устраивать вторжение в Эузу, силы надо копить по эту сторону Порога Смерти, а не по ту. Как-никак, у Порога пропускная способность ограничена.

— А что ещё передала Ангелоликая? — с надеждой спросила царевна.

— Тебе, Лейла, Ангелоликая с Оксоляной шлют персональный привет, — ректор Квиц, надо же, опять ошибся. Можно подумать, Оксоляна и Лейла — чем то похожие имена.

— Вы перепутали, господин некромант, — поклонился Квицу Личардо, — перед нами находится царевна Оксоляна, а Лейла, по-видимому, уехала с госпожой…

— Ничего я не напутал! — обиделся Квиц, — как Ангелоликая сказала, так и передаю. Там, внизу, уже в текущем месяце должно всё решиться, и, они говорят, очень хорошо, что как раз успевают на свою инаугурацию. Ангелоликая воссядет на Мёртвый Престол как Владычица Смерти, Оксоляна же будет дежурить в Пентагональном чертоге — как Подруга Владычицы. А Тпол? Ну, над ним они будут просто весело смеяться.

Квиц, как всегда, отвечал только самому себе. Например, о Тполе его никто и не спрашивал. Что до упрямых слов, будто Лейла и есть Оксоляна — то, наверное, некроманту, который тебя поднял, можно простить это маленькое недоразумение…

Да и Лейла с Оксоляной, как-никак — не посторонние люди. Две гарпии из одного гнездав Циге, да ещё соотечественрицы по Уземфу.

В конце-то концов, ну какая разница?

Глава 21. По глазам вижу

То, что узрела Бланш в глазах Драеладра… Может, этого и недостаточно, чтобы опытную провидицу свалить в обморок, но вполне довольно, чтобы ей трижды подумать, что из увиденного и кому стоит сказать. И можно-то очень немногое: повлияет на исполнение. И даже ничего не сказать — опять-таки повлияет. Ведь несказанное тоже говорит.

Бланш выбежала из дворца и быстрым шагом шла по Яралу, куда глаза глядят, когда её нагнал внук. Что ж, раз нагнал, провидица готова проговорить главное:

— Драеладр ни в коем случае не должен услышать слова «гарпия» до тех пор, пока не вырастет большим. Обязательно передай это Хафизу, Дулдокравну и Кэнэкте. Пусть не задают никаких вопросов, просто поверят в важность того, что я говорю.

— Хорошо, ба! Но я-то могу тебе задать этот вопрос? Для чего нам от Драеладра прятать какое-то слово?

— Не какое-то. Ключевое слово. Сказанное в период, когда Драеладр готов его понимать, но не готов противостоять гарпиям, оно вовлечёт его в преждевременное противостояние.

— Понял. Но ты забыла упомянуть Лулу Марципарину — мать Драеладра. Её-то надо предупредить насчёт гарпии в первую очередь.

— Нет, Лулу предупреждать не надо! — замотала головой Бланш.

— Почему же? Признаться, её-то надо предупредить в первую очередь. Дело в том, что был у нас с ней один разговор, в который я вплёл кое-что из истории Кешлы — и тема гарпий очень её впечатлила…

— Вот и не надо трогать впечатлительную Марципарину, — сделала вывод Бланш, — вот и не надо. Скорее всего, только хуже будет.

— Она поступит наоборот? — догадался Бларп. — Что ж, и это на неё похоже.

На многих похоже.

— Что ж, выполним в точности, — пообещал Бларп. — Надеюсь, поможет.

Да, он ещё надеется — вот и славно. Надежда — обязательное условие. А стоило Бланш рассказать, сколько простора осталось надежде в глазах Драеладра — пропала бы и она.

Ибо в одном глазу — полная и законченная безнадёга, во втором не захвачен гарпией лишь один маленький сектор. Бларп, и Кэнэкта, и Дулдокравн — все приютились там.

А глаза-то не рядового дракона. Глаза правителя, продолжателя династии, в эти глаза сведена не одна судьба, а судьбы драконьей расы.

Но вот парадокс: по глазам получается, что династия почти не имеет шанса продолжиться. А если так, то и взгляд Драеладра теряет значимость. Может, он всё же не представляет всеобщую судьбу? А если так, то и успех у гарпий выйдет не таким полноценным. Но если гарпии не преуспеют, у династии Драеладра всё-таки появляется новый шанс.

Круги. В истолкованиях провидицы подобным кругам не место. Эти круги несут порочный отпечаток характерной логики гарпий. Логики колебаний от надежды к отчаянию. Логики движения маятника, ошибочно принимаемого за цельнокруговое.

В том-то и таится главный порок порочного круга.

* * *

Пытаясь освоиться с посланием глаз Драеладра, Бланш в молчаливых размышлениях прошла через центр Ярала, миновала последний ряд кучно расположенных домов и углубилась в ночную тьму, сгустившуюся над Белой горой. Сопровождавшиё её Бларп без крайней нужды не нарушал тишины. Лишь раз тронул её за рукав:

— Дальше идти не стоит. Оползневый склон — опасное место.

— Важное место, — возразила Бланш, но, разумеется, туда не пошла.

Всю свою важность Оползневый склон обнаружит позднее — в не таком уж и далёком, но всё-таки будущем. Там, на Оползневом, в годину самых отъявленных гонений среброкрылого малыша приютит хижина — та самая, положенная в основание свободного от гарпий сектора. И Хафиз будет там…

— Особенно важно, чтобы о гарпиях молчал Хафиз!

— Распоряжусь, ба! Хафиз — человек послушный, без крайней нужды обещания не нарушит, да и то поостережётся.

Да что там повторять, сказано ведь уже…

На обочине дороги, с которой к рассвету откроется вид на Оползневый склон, Бланш присела на крупный камень и в тиши продолжила свои рассуждения. Бларп так же молча примостился рядом.

А может, обязать внука неотвязно присутствовать при Драеладре? Чтобы лучше он, а не вертляво-слащавый Хафиз?..

Но нет, в раннем возрасте дракончику больше понадобится

нежнорукая нянька, чем искатель потаённых смыслов. Да и в хижине на Оползневом Бларобатару не усидеть. Сорвётся в разведку, когда не надо… Итак, Хафиз.

А Бларп Драеладру ещё встретится.

* * *

Рассвет застал провидицу в раздумьях более спокойного свойства. Головоломка сложилась. Теперь Бланш просто себя проверяла. Ну да, всё сходится: Драеладра судьба всё же выведет из-под раннего удара. Правда, расы драконов и живых людей всё равно ждут великие потрясения. И смена династий. Династии драконьей, династии человечьей.

Разглядев поутру Оползневый склон, Бланш немного поёжилась. Склон-то был оползневым не только по названию. По нему всё время что-то едва слышно сползало. Но то отсюда едва слышно. А там, на самом склоне, впору огохнуть от громыхания катящихся глыб.

Провидица подавила желание подойти к склону поближе да присмотреться к хижине. Что с дороги хижина плохо видна — это, несомненно, к добру. Что надо сделать обязательно — это вовремя доставить и надёжно спрятать запас провизии примерно на год. Причём доставлять лучше по воздуху и в ночи: зависнуть над хижиной на летучем замке, да и снести в неё всё необходимое. Ну, о том Бларп и Кэнэкта позаботятся.

— Если Драеладра придётся прятать в Ярале, то и самому Яралу, видать, не поздоровится, — проницательно заметил Бларп.

Истинно, у паренька цепкий ум разведчика — так по крупицам среди молчания он уже выведал у Бланш самое главное из увиденного в драеладровых глазах. А насчёт второстепенного ещё не упустит случая расспросить, провожая к небесному замку.

— Ярал переселят, — сказала Бланш, — но сделают это аккуратно. Ни одна живая душа не пострадает, — отдала она должное насильственным переселителям.

— В общем, гарпии останутся недовольны. Будут визжать от бессилия, наблюдая недостаток насилия, — подытожил Бларп.

— Да что нам-то до их удовольствия, коли нынешнего Ярала не станет? — вырвалось у Бланш.

— И то верно. Начинаю понимать колебания в настроении людей, собирающихся под дворцом Драеладра. Переход от надежды к отчаянию — неспроста. И пусть некоторые там куплены за деньги мертвецов и намеренно провоцируют панику, но ведь другие бесплатнео делают то же самое. В основе же —

ширящееся в разуме толпы предчувствие катастрофы.

— Не только предчувствие, но и соучастие, — поправила Бланш, — вольно, или невольно, но они её приближают. Но мне пора. Пойдём к пирсам.

На самом-то деле, не ей пора. Бларпу пора действовать.

Провожая Бланш к воздушному пирсу, над которым, покачиваясь под порывами сильного ночного ветра висел летучий замок, Бларп молчал, и лишь под широким замковым днищем вдруг опомнился:

— Нет, о Лулу Марципарине Бианке я всё-таки не понял. Как нам с ней обращаться? И что делать, если она самопроизвольно заговорит с Драеладром о гарпии, когда он начнёт понимать человеческую речь?

— Не заговорит, — уж в этом-то уверенность Бланш велика, как никогда раньше. — В общении малыша с матерью намечается перерыв…

— Вот как? — изумился внук. — неужели мы отдадим его Гатаматар?

— Нет-нет! — возразила провидица излишне резко. — Гатаматар его не отдавайте! Ни за что!

Хотя, казалось бы, сейчас у Бланш нет и малейших оснований так говорить. Сейчас оснований нет, но потом появятся. Рассчитывать же надо не только на сейчас, но и на потом!

— Тогда я теряюсь в догадках, что же случится с Марципариной!

— Канкобра! — одними губами произнесла Бланш.

— Что, так серьёзно?

— К сожалению.

* * *

И о Марципарине поговорили, казалось бы, что ещё?

Как часто бывает, что у самой верёвочной лестницы внука посещают… Обычно не новые мысли, но подзабытые воспоминания о непроговоренном. Будто за саму лестницу они у него и завязаны — хитроумным морским узелком на память.

Вот и сейчас — можно биться об заклад, он вспомнил, как там, высоко в небесном Новом Флёре начал рассказывать легенду о Кешле. Начал, но не закончил.

Что ж, потому и не закончил, что на небесных островах издревле круглый год царит лёгкий морозец, а уж когда поднимается ветерок — пронизывает до старых костей. Бланш тогда продрогла и остановила внука, ну а в следующую встречу

им уже было не до легенд — поскорей бы восстановить отшельничий дом и быт, да вернуться от Гатаматар, а через раз — срочно погадать по глазам Драеладра.

— Хочешь досказать? Изволь.

В Ярале, как-никак, гораздо теплее, чем в Новом Флёре. Можно хоть до полудня простоять у верёвочной лестницы и не окоченеть.

— Я остановился на миге, когда извещённый Кешлой о гарпии Кёсм из Алахара вошёл в коридор, за которым начиналась полоса препятствий, и тут в спину ему грозно уткнулся осуждающий взгляд, а в ушах зазвенел хохот.

Кёсм обернулся и увидел… А вот в том, что и как он увидел, имеются разночтения.

В главной, самой достоверной версии Кёсм обернулся и увидел парочку гарпий — одну пожирнее, другую же совсем хлипкую. Стоило ему на них посмотреть, как они свои осуждающие взгляды немедля спрятали и, потупившись, прыснули прочь. Однако, спрятаться не сумели.

— Почему не сумели? — заинтересовалась Бланш.

— Видать, не ожидали, что придётся прятаться, — пояснил Бларп. — Гарпии не знали заранее, что Кешла о них расскажет, вот и подставились под удар. Понадеялись на то, что если взмоют под высоченный стрельчатый свод, Авдраму их мечом ни за что не достать — даже полутораручным. Но только мудрец, не будь дураком, прихватил с собой самострел. Как вытащил он его — птицедевы заметались в поисках выхода, да поздно. Кёсм из Алахара хладнокровно их расстрелял с дальнего расстояния, а после отправился проходить Ашогеорнову полосу препятствий. В чём и преуспел.

— Без новых приключений?

— Ну, есть вариант, где на Кёсма в дополнение к гарпиям напал ещё и Двавр, один из старших братьев Кешлы. Парень страдал: злодейка-судьба наградила его бычьей головой и кучей внутренних конфликтов. Потому-то и добивал всякого жениха Кешлы, которого гарпии почему-либо выпустили из своих орлиных когтей. Зачем добивал? Может, из ревности — ну, если верно, что он сам на сестру глаз положил. Или же просто не любил смазливых удачников, ревновал их даже не к сестре, а к судьбе — это, говорят, серьёзнее.

Авдрама же о скверной привычке Двавра предупреждал ещё Глелдав — первенец Ашогеорна, да только прочие братья его слова заболтали, дополнили своими, очень похожими, но полностью лживыми. Потому-то, разделавшись с гарпиями, Кёсм нового нападения не ждал. Как результат — Двавр его больно

ранил рогом. Ну, словно в назидание: не возносись!

Да только всё равно Кёсм из Алахара рогатого ревнивца смог победить. Полутораручный меч, взятый для вида (лишь бы надурить наивных гарпий, заставить напасть первыми) вполне пригодился и по основному назначению. С одного маха срубил Двавру голову: ну подумаешь — бычья!

И вот выходит Кёсм из последнего колодца, раненный, но счастливый, в правой руке держит меч, а в левой — рогатую голову. Дескать, вот она, официальная разгадка. Ибо, коли есть официальная, о гарпиях-то можно и умолчать. Зачем? Да их ведь только тронь — таких теней на всё светлое набросают, что и сам победе не обрадуешься.

Как одолел счастливец Кёсм птицедев, да Двавра, да полосу препятствий — тут же воспрявший духом Ашогеорн подвёл к нему обещанную дочку, как оно и по закону положено. И сказал велеречиво: «Отныне, дорогой Кёсм из Алахара, признаю тебя законным зятем, а дочь Кешлу вручаю в жёны, дабы любил ты её, холил и лелеял, дабы покупал ей кольца и браслеты, дабы утешал её в горе и в радости, а она рожала тебе наследников числом не менее пяти, как оно и в законе записано».

А мудрец Авдрам ему и ответил: «Очень рад за счастливого жениха Кёсма и за невесту его Кешлу. Мир да любовь молодым, как говорится! Сладкоглазую Кешлу поздравлю сразу — и прошу принять вместо подарка на свадьбу сию диковинную бычью голову. Надеюсь когда-нибудь увидеть и любезного моему сердцу Кёсма из Алахара, который…».

Ашогеорн ему: «Не мели чепухи, ведь Кёсм — это ты!». Но тут Авдрам вдруг отвечает, что он Авдрам. И приводит доказательства, что он Авдрам. И говорит: «Да кого хошь спроси, всяк ответит одно. Кто не знает старого Авдрама? Даже ты, счастливый отец Кешлы, меня, несомненно, знаешь. Ибо кто, как не я, Авдрам, толковал тебе имена детей твоих, и между прочими — имя несравненной Кешлы?».

Ашогеорн примерно обиделся, да делать нечего. Выдать дочь за человека по имени Авдрам действительно закон не велит. Отпустил мудреца с богатыми дарами, причитавшимися для жениха Кёсма.

— А что же Кешла, которой не досталось мужа? — Бланш не могла не спросить о главном.

— А Кешла была не в обиде. В этих версиях истории о битве с гарпией Кешла вообще не обидчива. К отцу своему она отнеслась критично — в связи с его нелепой затеей обставить замужество смертельными испытаниями. К брату Двавру — довольно-таки нейтрально.

— То есть, — подытожила Бланш, — для Кешлы характерно стремление пойти против воли отца, согласие способствовать уничтожению гарпий и чудовищного брата, а также стремление помочь герою спасительным советом безотносительно к женитьбе. Получается какая-то невеста-советчик. Скажи, Бларобатар, видел ли ты когда таких женщин?

— Эрнестина Кэнэкта, — немного подумав, ответил Бларп, — по-моему, похоже на неё.

— Но значит ли это, что сама история о битве с гарпией повествует нам о событиях из жизни женщин довольно редкого типа? — усомнилась Бланш.

— Нет, ну есть и другие версии, — пожал плечами внук, — там Кешла себя ведёт немного иначе…

— Рассказывай! — повелела Бланш. Нет, правда, теперь она заинтересовалась всерьёз.

* * *

— Есть и такая версия, — продолжил Бларобатар, — ещё экзотичнее и ничуть не вероятнее предыдущей, на мой вкус. Но расскажу для полноты картины. В ней Кешла — просто-таки дева-воительница.

— Что ж, иным девам лишь воительство и остаётся, — вздохнула Бланш. — И что в том невероятного?

— Так вот, Кешла-воительница не больно-то собирается замуж. Потому сама отцовская идея жестоких испытаний для женихов ей чем-то даже симпатична. Почему бы не отсрочить церемонию, которой сама не желаешь? Конечно, ещё вопрос, какой ценой достигается отсрочка. Смертей, конечно же, чересчур много даже для закалённого сердца Кешлы.

Но, с другой стороны, происходящую в замке бойню можно понять и в педагогическом ключе: как процесс совершенствования ратных навыков претендентов — девы-воительницы такое уважают, и не одних навыков ради. Трагедия-то всех здорово облагораживает, а воительницам дарует и величайшее вдохновение. Им по сердцу честные битвы с особо печальным для кого-то финалом.

И вот, когда в замке появился Авдрам под личиной Кёсма, да начал свои разговоры разговаривать, крепко задумалась Кешла: то ли я делаю? Выходило, что не совсем.

И решила она справиться с неведомой угрозой самостоятельно.

— Уточни мотивацию Кешлы, — попросила Бланш.

— Изволь. Жалеть неудачников у воительниц не положено. Но не много славы и в том, чтобы стоять в стороне, пока кто-то погибает. А ведь погибает! И вот всемирно известный мудрец явился в замок не с целью женитьбы, а — бескорыстно победить хитрую тварь. Понятно, что Кешле сделалось стыдно. Настолько, что она прошла всю полосу препятствий где-то в получасе перед Авдрамом.

И что же? Под одной из лестниц на неё напал Двавр. Напал сзади, но узнал её и чуток замешкался. Но Кешла увидела его лабрис, весь в потёках крови минувших жертв — и без малейшего колебания сразила брата мечом. Нечестность в схватке должна ведь быть наказуема!

На предсмертный крик Двавра к Кешле слетелись птицедевы. Раскричались, заголосили: «Брата убила! Кровь родную не пожалела!» — и в отместку за гибель товарища в их жестоких забавах попытались выцарапать Кешле глаза. Экую глупость надумали — воительница мигом поотрубала им когти — по самое по колено!

Гарпии заныли, завизжали, заскулили, а Кешла уже ушла вперёд — штурмовать ашогеорновы препятствия, какие остались. А к истекающим кровью гарпиям подоспел Авдрам. Он-то их и добил. Ясное дело, из милосердия — отчего бы ещё?

Кешла же, чтобы не вызвать недоразумений, кто из них с Авдрамом чего достиг, первой вышла из лабиринта с препятствиями и так сказала отцу: «Я первая одолела все испытания, стало быть, мне самой на себе и жениться надо». А вышедший следом Авдрам тоже не возражал, ибо мудрости ему было не занимать. Сказал: «Сия дева-помощница истинно составит собственное счастье! И добудет себе жениха в бою — молодого да красивого, какого только сама пожелает».

«Так не подобает!» — насупился Ашогеорн. Да дело-то было сделано.

— Интересно! — воскликнула Бланш. — Здесь Кешла демонстрирует согласие пойти против воли отца, стремление уничтожить чудовищного брата, стремление помочь герою. Авдрам назвал её девой помощницей — но лишь по причине невовлечённости в интригу с женитьбой. Истинно, она — дева-соперница, способная сама о себе позаботиться. Но знаешь ли ты ей аналоги в нашей жизни?

— Нет, — замотал головой Бларп, — я же говорил: эта версия слишком экзотична!

— А мне кажется, — заметила Бланш, — Эрнестина Кэнэкта соответствует скорее этому типу, чем предыдущему. Посуди сам, какая из неё советчица? С головой вовлекается во всё, что знает,

норовит справляться сама. Толку с её советов, если она всё уже по-своему переделала? А вот как помощница она очень недурна. И соперница очень неслабая: вон, добыла себе в любовники Дулдокравна — карлика с аристократической родословной. Это ведь не он её любви добивался. Сдался на милость победительницы. Даже обязательства перед Чичеро не послужили препятствием — вот она какова, сила дев-воительниц, занятых устройством своей судьбы.

— Вот как? Мне кажется, ты права, ба! — согласился Бларп. — Только тогда неясно, кого же отнести к первому типу.

— До сих пор непонятно? — прищурилась Бланш. — А кто у нас советчица? Кто провидица? Да ведь это же я!

* * *

— Есть ещё вариант, где Кешлу не назовёшь ни невестой-советчиком, ни невестой-помощником или соперником. Она бывает и просто невестой. В этом случае она рассказывает Авдраму всё то, что знает о гарпии, но без малейшего желания его сориентировать. Жених спросил — она ответила. Раз кандидат в мужья спрашивает, надо отвечать честно, так ведь велит закон.

Да и знает-то немного — и говорит в основном не о гарпии, а о своих подозрениях в отношении негодника-брата: «О, Двавр — он такой мерзавец, что быть того не может, чтобы чего-то не натворил! Запомни эти слова, когда будешь рубить его непокорную голову!».

От ответственности за битву с гарпией подобная Кешла полностью устраняется. Она ведь — заневестившаяся папина дочка! И, хотя ей бы хотелось, очень хотелось устранить всё, что противостоит отцовской воле, а пуще всего — две жуткие причины, постоянно досаждающие злонамеренным убийством её женихов, но против закона она не пойдёт. А значит, не отдаст ни одному из соискателей решительного предпочтения.

«Ты должен честно заслужить моей руки», — говорит она Кёсму из Алахара, когда понимает, что её ответы на его вопросы дают ему перед остальными женихами очевидную фору.

— Закон непререкаем, даже если ведёт к новым убийствам?

— Именно. Кешла представляется верной дочерью, во всём послушной Ашогеорну, даже в его заведомых ошибках. Ашогеорн же в поздних частях легендарного свода — уже не герой, но защитник людского закона.

Ради закона драконоборец женился на Элле, ради закона

усыновил Драеладра, ради закона пять раз возлёг с женою, зачиная собственных детей, по закону их потом воспитывал, и, конечно же, свадьбу дочери тоже обставил сообразно закону. Жаль, давние правила не учли ни злонамеренного вмешательства чудовищ, ни вырождения нового поколения женихов — отсюда и бессмысленные жертвы среди соискателей руки Кешлы.

— И я так понимаю, конфликта закона и чувств в этой версии легенды просто-напросто нет?

— Верно понимаешь, ба! Всем известно, что Элла родила мужу пятерых детей. Традиция настаивает на том, что воспитывались они в любви и согласии, что, впрочем, несколько противоречит сведениям об исходных мотивах вступления в брак Эллы и Ашогеорна. Пытаясь согласовать противоречивые сведения, многие сказители пользуются традиционной формулой «стерпится — слюбится» и полагают, что в отношениях Эллы и Ашогеорна покорность неписанному закону переросла в настоящую любовь.

Другие же истолкователи — напротив, говорят о тождестве любви и покорности неписанному закону, каковое суждение — неверное по сути, можно заподозрить в исторической истинности. То есть, легендарные Элла и Ашогеорн, вероятно, и сами путали любовь с покорностью закону — и, как следствие, по жизни называли любовью то отношение, которое объективно ею не является.

— Итак, если Кешла растёт послушной дочкой в семействе таких «законников»…

— …то Кёсму из Алахара приходится всё делать самому, когда же он, порядком израненный, бросает к ногам Кешлы когти гарпий, а к ногам Ашогеорна голову Дваврa, то ещё оказывается кругом виноват. Его завут Авдрам? Что за неслыханная дерзость: сватался под чужим именем! Не хочет брать Кешлу замуж? Оскорбил девушку в её лучших чувствах, уравненных и приравненных к закону.

Ашогеорн был настолько раздосадован, что едва не вызвал Авдрама на решающий поединок, дабы убить обидчика на месте. Остановило лишь то, что поединок с тяжело раненым рыцарскими правилами его земли никак уж не предусмотрен. Зато Кешла о пережитом ею унижении помнила даже в замужестве — и рассказывала всем встречным-поперечным до самой своей смерти, откуда можно сделать вывод, что по крайней мере одну из замковых гарпий Авдрам так и не истребил.

Да и то — речь идёт о самом оптимистичном варианте развития данной версии. Той, где Авдрам всё-таки побеждает. Есть и другие, где ему совсем не везёт. Причём от убеждений

отдельного толкователя зависит, прав ли Кёсм из Алахара, который своими действиями данный закон обесценил и нарушил, или же правы блюстители закона — Кешла с Ашогеорном?

Кто-то думает, правда всегда на стороне закона, даже несмотря на горы трупов. Эти сказители Кёсма без сожаления убивают. Ибо кому он нужен — жених-обманка, явившийся отцу невесты на посрамление? Зато из толпы женихов под замком длительная селекция выделяет нового героя — идеально послушного древнему закону, а потому способному на немыслимое — выполнить все предписания.

Так легенда склоняется к оптимистическому финалу, да только кулаки чешутся от подобного оптимизма. И меч прямо в узорчатых ножнах тоже начинает чесаться. Чтобы поучить кой-каких мечтателей уму разуму.

— Что ж, подбираем женщин под новое обличье Кешлы, — предложила Бланш. — Для третьего типа характерно стремление верно следовать воле отца, стремление уничтожить чудовищного брата, равнодушие к герою. С точки зрения закона — идеальная невеста.

— Да подобрать-то не вопрос, — со скукой в голосе ответил Бларп, — ведь подобный «идеал» широко распространён. Это и Ута, мать дракона Куркнарта, и Валериана с Капитолиной — новые товарки Лулу Марципарины Бианки. Наверное, полгорода таковы. Вот у легендарной версии с таким образом действий героини распространённость гораздо ниже. А всё почему? Да легенде претит банальность!

* * *

— Есть ещё похожий вариант, где такая Кешла-законница беднягу Кёсма ещё и обманула. Она пообещала встречу с гарпией гораздо позже, на выходе из колодца с маятником, чтобы герой расслабился и пропустил ранний удар. Зачем это было Кешле — вот вопрос?

Некоторые считают — чтобы «не выносить сор из избы». Хотя, если подумать, отчекрыженные лабрисом головы женихов, их тела со следами орлиных когтей, да ещё полуобглоданные людоедом кости — как-то не слишком подходят под категорию сора.

В этом новом случае Кешла, с одной стороны, просто боготворит закон, но с другой — не верит в его силу. Потому-то и становится на его защиту. И не от каких-то там кровожадных тварей, которые в закон худо-бедно вписались, а от опасных

реформаторов, к числу которых, с несомненностью, относится и Кёсм-Авдрам.

Кешла ненавидит жалких трусов из числа своих женихов, из-за которых очередь на смерть остановилась. «А как же мой законный брак?!» — вопиет она, и её можно понять. Если ты по природе своей невеста-испытатель, а испытания вопреки твоим планам прекращены, что тебе остаётся делать в сообразной закону жизни?

— Прозябать, — подсказала Бланш.

— Именно. Прозябать. Но женихи — просто трусы, что с них возьмёшь? А вот герой-реформатор представляет собой самую страшную для неё силу. Заметь: она с самого начала не верит, будто старец Авдрам и правда собрался на ней жениться. Но знает, что череде женихов он собрался положить край.

Кешла врёт, что на входе в полосу испытаний Кёсму из Алахара опасаться нечего. И вот результат: он быстро теряет доверие к её словам. Первая встреча с гарпиями едва не стоит ему жизни, но учит его осторожной внимательности — ведь быстрокрылые твари в этой версии успели улететь прежде, чем герой наладил свой самострел.

Зато ранняя встряска да вовремя взведённая тетива выручают Кёсма при встрече с Двавром, о предстоящем нападении которого лгунья Кешла и вовсе намерено умолчала. Когда Двавр повержен, а гарпии деморализованы, на что остаётся уповать невесте? Разумеется, на закон.

«Победа одержана нечестно! — кричит она. — В правилах не было, чтобы выступать под чужим именем! В правилах не было, чтгобы убивать моих братьев! В правилах не было, чтобы позорить светлое имя Ашогеорна!». И не заботит её, что и самой-то жизни в правилах не было.

— Очень верно ты её назвал, — заметила Бланш, — невеста-испытатель. Этакая Кешла сочетает стремление верно следовать воле отца, равнодушие к судьбе чудовищного брата и стремление уничтожить героя. Что скажешь относительно жизненных аналогов такого типа?

— Скажу, что госпожи Валериана с Капитолиной всё же ошибочно отнесены к предыдущему типу. Уж они-то не просто невесты, они испытательницы для своих женихов — что и вывело их в супруги первых чиновников Ярала.

— Боюсь, что и мне есть кого сюда отнести, — с печалью промолвила Бланш, — причём даже не из человеческих женщин. Например, нашу общую знакомую Гатаматар.

— Непохожа, — возразил внук, — хотя мало ли…

* * *

— Невеста-советчик, невеста-помощник, просто невеста, невеста-испытатель… — наверное, этими четырьмя типами проявлений Кешлы исчерпаны все возможности?

— Нет, к сожалению, — вздохнул Бларобатар, есть ещё невеста-вредитель. Эта действует вопреки закону. Наверное, из противоестественной любви к брату. Предполагается, что с Двавром она находится в кровосмесительной связи.

— Даже так? — покачала головой Бланш. — Но с чего бы это?

— По причине внутренней порочности закона, надо полагать. И выхолощенности отношений в семействе Эллы и Ашогеорна. Таким образом ориентированная Кешла прекрасно понимает, что закон ей не даст ничего, кроме постоянной неудовлетворённости. В качестве яркого примера перед ней — грустная судьба Эллы в замужестве за драконоборцем.

Есть версии нашей истории, в которых Авдрам разоблачает Кешлу, как сообщницу Двавра и основную рассадницу замковых гарпий.

— Как ему это удаётся?

— Он не сразу убивает Двавра. Он берёт его в плен, связывая запястья чудовища «нитью Ашогеорна» — то есть, одной из тех верёвок, с помощью которых сам Ашогеорн некогда одолел ветхого Драеладра.

— И учиняет следствие?

— Учиняет. Двавру ни к чему отпираться, ведь он застигнут на месте преступления. В надежде смягчить свою участь он выдаёт сообщницу. Кешла тоже сознаётся под давлением улик. Авдрам препоручает обоих сознавшихся в руки ашогеорнова правосудия и с гордо вскинутой головой уезжает, так и не раскрыв инкогнито.

— Впечатляет, — невесело засмеялась Бланш. — И, что примечательно, Кёсм так и не перевоплощается в Авдрама, что сказывается и на мудрости подведенного им итога. Что же до Кешлы, она показывает согласие пойти против воли отца, стремление помочь чудовищному брату-любовнику, стремление уничтожить героя… Истинно, невеста-вредительница.

— Что же касается примеров из жизни, — Бларп мучительно задумался, — на знакомых не хочется возводить напраслины, поэтому поищу вдалеке. Полагаю, данный тип распространён среди мертвечих. Почему? Дело в том, что их некрократические законы особенно несправедливы, выхолощены и порочны. Если их не нарушать, пусть немного, не всерьёз — даже мертвец, и тот не выживет. А начнёшь нарушать — иди знай, остановишься ли.

— Пока что звучит абстрактно. И примера я не услышала.

— Есть и пример, очень яркий и, кстати, весьма впечатливший Чичеро, ну а Хафиза — так того в особенности. Некая Оксоляна, наследная царевна из Уземфа. Наша Марципарина тоже знала эту царевну — ещё до превращения последней в соучастницу жутких преступлений.

* * *

— Итак, — удовлетворённо подытожила Бланш, — ещё не прошло утро, а мы открыли пять типов проявления гарпии в жизни женщины. Что? Есть ещё шестой?

— Есть, — подтвердил Бларп, — правда, не в легендарном фольклоре живых людей, а в отречённых книгах некоторых мертвецких сект.

— Что же там пишут? — поёжилась Бланш.

— Как обычно бывает в чёрном ангелопоклонничестве, переворачивают основные идеи с ног на голову. Живописуют в кровавых подробностях расправу гарпий с недоумком-Авдрамом. Предполагается, что главной птицедевой, которой он так и не смог противостоять, оказалась Кешла. Вот она-то незадачливому Кёсму из Алахара пустую голову и отгрызла.

— Понимаю, — с отвращением бросила Бланш, — это невеста-чудовище, утерявшая человеческий облик. Что до характеристик, то, думаю, здесь Кешла — это и есть чудовищная гарпия, вредящая Ашогеорну с его законом и равнодушная к недоумку-герою. Что до примеров…

— Приверженцы чёрных ангелопоклоннических культов самых высших степеней посвящения. Имён не назову, — Бларп развёл руками, — ведь на этих ступенях у них и имена-то стираются. Да и с лицами то же самое.

— И правда, зачем имена чудовищам? — задумалась Бланш, — верно, чтобы в мире людей их узнавали, сторонились да поклонялись.

Бларп отметил, что и он думает так же.

* * *

Уже поднимаясь по верёвочной лестнице, Бланш пыталась точней осознать свои чувства и ощущения. Взгляд в глаза Драеладра будто отошёл в далёкое прошлое перед недавним анализом параллельных форм человеческой истории о битве с

гарпией.

Да, в Ярусном мире покуда не миновало утро, а впечатление такое, будто спустился вечер — так много проведено напряжённых мыслительных действий, и так много узнано о сущностных основаниях самых различных из женских судеб.

Любая судьба по-своему всеобъемлюща. Поэтому удивляться ли, что сегодняшнее утро вобрало в себя также день, вечер и ночь?

Умница Бларп. Но и Бланш-то не подкачала: задала внуку правильные вопросы. Как, впрочем, и положено «невесте-советчице» — ведь так провидица определила свой тип?

Но стойте! Чего-то главного они с Бларпом не обсудили. Чего-то существенного об одной из женских судеб.

Лулу Марципарина Бианка! Ну конечно же, вопрос о ней!

Чтобы задать последний вопрос внуку, провидица стала спускаться, благо, его фигурка так и стояла на пирсе в ожидании отлёта замка.

Бларп увидел смену направления движения бабушки и сам стал подниматься ей навстречу: что за чуткий к её желаниям внук. Примерно на середине верёвочной лестницы они встретились. Бларп спросил, широко улыбаясь снизу:

— Ты хотела спросить о Марципарине?

— Да. Ты как догадался?

— По глазам увидел, — уклончиво сообщил внук.

— Ну так как же наша родительница Драеладра? К какому бы типу ты её отнёс? — провидица затаила дыхание, чему даже сама удивилась.

Ибо кто здесь, в самом-то деле, провидица: она или внук?

— Ни к какому, — рассудительно покачал головой Бларп.

— То есть?

— Думаю, перед ней распахнуты все шесть путей, она же пока не определилась, какой выбрать. Каждый из них чем-то её притягивает…

И в самом деле, подумала Бланш, в том-то и главная неопределённость её прогноза по глазам Драеладра. Ну да: Марципарина просто пока не выбрала. Она будто зависла в пустоте между судьбами — и в предстоящей жестокой борьбе миров и рас может оказаться по любую сторону.

Как это по-человечески понятно!

Глава 22. Планы гарпии. Атака клопов

Личардо как приехал, так и уехал — негоже ведь замку Окс-в-Дроне так надолго оставаться без мажордома. Дождался решения Ангелоликой Клеопатрикс, а тогда, не мещкая, сел в свой пустой экипаж и стеганул поводьями лошадиные крупы. Никого из гарпий с собой не забрал — а ведь обещал подвезти до Цига. Оказывается, больше не надо.

Всё потому что учителя из Цига, да и многие гарпии-ученицы в скором времени соберутся здесь — в Старых Могильниках! Ангелоликая задумала передислокацию прямо на ходу, спешно передавая свои указания через Квица. Тот аж сиял, когда рассказывал об инициативах госпожи. Должно, решил, что Новомогилянская академия пополнится новыми педагогами и сможет, наконец-то, открыться. Мечтатель! Быть ли ему ректором в учебном заведении для гарпий госпожи Мад — вопрос ещё далеко не решённый. А в Старых Некрополисах будет основано именно оно. Царевна бы поручилась, что так и будет, уж она-то знает Ангелоликую всяко получше наивного некроманта, опрометчиво зовущего Лейлой царевну с другим именем.

Нашепчу на него Ангелоликой, мстительно думает Оксоляна, но потом вспоминает: Ангелоликая-то воссядет на Мёртвом Престоле, в самом низу нижнего мирового яруса — затруднительно ей будет что-либо нашептать! Особенно, если мерзавец Квиц — единственный канал связи с будущей Владычицей. Или… Нет, будет-таки надежда нашептать! Ведь у Владычицы Смерти откроется канал медитативной связи с любым из своих подданных! Когда-нибудь Ангелоликая, утомившись от рутинных обязанностей на Мёртвом Престоле, вспомнит о скромной царевне Уземфа, подумает: как там моя Оксоляна? И вот тогда — тогда ей про Квица всё-всё-всё будет рассказано. Ведь царевнам не должно же прощать обид.

— Лейла, посторонись-ка, — звучит противный голос некроманта.

Ну конечно же — Оксоляна встала у него на пути, точно в проёме ректорского склепа. Придётся-таки посторониться, она ведь теперь легка как пушинка, особой преграды для тяжеловесного упитанного мертвеца не составит. Но лживых слов царевна без возражения не оставит:

— Я не Лейла, я Оксоляна!

— Какая разница?

— Большая разница! — в ярости визжит Оксоляна, и звук её голоса оказывается едва ли не омерзительней квицевского. — Я царевна Уземфа, а Лейла — не царевна! Она дочка жалкого визиря!

— Слушай, девочка, — цедит Квиц сквозь передние зубы, — мне надоело с тобой пререкаться, но это я тебя поднял! И я видел твою киоромерхенную суэниту — «призрачную шкатулку», по-вашему. Причём она у тебя именная, и на ней ясно написано имя «Лейла». Так что не надо выдумывать!

И вот тогда-то до царевны доходит причина недоразумения. Ну конечно: когда они с Лейлой ещё в Циге собрались подружиться, то в знак вечности дружеских отношений обменялись именными шкатулками.

То-то теперь недалёкий некромант и ориентируется на глупую надпись на футляре, считая её документом. Души-то, хранящиеся в шкатулках, сами по себе не подписаны, а тени их все на одно лицо.

* * *

А потом в Старых Могильниках стали собираться учителя из Цига. Постепенно, ведь путь всё-таки неблизкий, пусть большей частью и пролегает по Большой тропе мёртвых, сильно ускоряющей движение. Первым добрался банкир Карамуф, правда, выснив, что никого из остальных ещё нет, снова уехал по делам. Да столь быстро, что Оксоляна просто не успела к нему выйти из удалённого склепа, занимаемого ею вместе с прочими — покуда бессловесными — остатками боевых гекс.

Уехал, но, по словам Запра, обещал вернуться.

Зато на следующий день прибыли сразу двое: во-первых, умница и красавчик Фарадео Фарадей — ему Оксоляна попросту постеснялась показаться в своём нынешнем виде, хотя так хотелось перекинуться хоть словечком с таким образованным человеком; во-вторых, будущий эузский министр Гзырь. К нему Оксоляна не вышла по другой причине — больно уж противно смотреть на его слюнявую морду. Правда, обе причины сошлись в одну, когда Фарадео и Гзырь принялись прогуливаться под ручку мимо дальних могилок.

Эх, будь Оксоляна во всеоружии красоты, она бы мигом отшила слюнявого Гзыря и одна всецело завладела умным красавчиком — благо, и в Саламине поднабралась кой-какого полезного опыта любовного завладения. Однако, смешно и думать о соперничестве, пока она не во всеоружии.

Но ведь будет? Будет! Приезд учителей из Цига — утешительный знак.

Ведь объявится и бальзамировщик Фальк. А он — не просто красавчик, а ещё и тот человек, который способен вернуть красоту и привлекательность любой мёртвой женщине. Милый Фальк! Очень хорошо, что он ожидается, очень вовремя. Ведь наверное же, Фальк явится со своими бальзамами. Сможет всех, кому это нужно, перебальзамировать.

А нужно почти всем, кого в Старых Могильниках отщепили от глиночеловеческого брикета. Точнее, всем, кроме кукол. Куклы-то — дуры деревянные, в них бальзам и налить-то некуда. Но худо-бедно существуют, на добрую славу кукольному искусству Запра. Он молодец!

Его куклы — марионетки. Но приводятся в движение изнутри. Все верёвочки тянутся к полому животу — за какую дёрнешь, в ту сторону сама и пойдёшь, а не дёрнешь, так остановишься. А куда потянешь, туда и тело наклонится. Полная свобода воли в плане движений: хочешь, ходи, хочешь, кланяйся. И никаких мало-мальских забот, разве что понарошку.

Оксоляне же существовать намного сложней, чем куклам. Бальзама не хватает — и это чувствуется по всему. Личардо тогда сказал, она очень изменилась, но странно, как он вообще сумел её узнать.

Странно? Ах да, лимонный цвет кожи, это ведь он составил основу её посмертной индивидуальности. Так что не больно-то и странно.

Необычно другое. Цвет кожи напрямую зависит от цвета бальзама. Лимонный цвет бальзама — Оксоляне ли не знать — очень редок. Другим участницам боевых гекс доливали бальзамы всякие, какие придётся, в основном — крупнозернистую отшибинскую гадость оранжевого цвета (и не мудрено — переливанием-то занимался бережливый да хозяйственный карлик Дранг). И особенно не повезло Бац — переписцица стала пятнистой, того неподражаемого цвета, которое приобретает болто, по поверхности которого плывут жидкие экскременты. Так вот, цвет кожи Оксоляны не изменился. Почему бы это?

Ответ у царевны, конечно, есть: ей не долили дополнительного бальзама. Подняли, как была. Карлик ли Дранг особенно пожлобился, или, скорее, некромант Квиц её сразу невзлюбил, о чём легко догадаться по демонстративной неспособности запомнить её настоящее имя, но именно на царевну отшибинской дряни и не хватило.

С одной стороны, жаль. Как поглядишь на шершавую кожу рук и ног — очень жаль. Как послушаешь скрип суставов при

ходьбе — и жалко, и стыдно. А налетит ветер — Оксоляну тотчас валит с ног, так она отощала. Кожа да кости, только от неё и осталось, да и кожа присохла к костям — и не ущипнёшь. Положим, здесь не Саламин, и щипать себя она больше никому не даст, но сам принцип — жаль, жаль, пережаль-разжаль!

А с другой стороны — и к лучшему! Не закачали в её жилы оранжевого дерьма — ну и не надо! У царевны Уземфа — особая дорога. Нужно только уметь ждать — и всё будет. Привезут правильные бальзамы, дающие правильный вид и правильный цвет.

Потому-то бальзамировщика Фалька Оксоляне предстоит встретить с особо трепетным чувством. Эх, скорее бы… Даже вести о восшествии Ангелоликой на Мёртвый Престол она ждёт не с таким радостным предвкушением.

Красота — вот ужасная сила.

* * *

В ожидании других преподавателей Фарадео и Гзырь постоянно прогуливались под ручку и часто уединялись в том или ином склепе. Оксоляне-то на их шалости было, разумеется, наплевать, но всё же не заметить такое трудно, вот и подмывало любопытство посмотреть, что они там делают.

Ну хоть одним глазком! В конце концов, это не праздный интерес. Оксоляне, после успешно выполненной миссии в Саламине, любовное ремесло не чуждо, а чтобы в нём совершенствоваться, надо знать самые разные изыски, перенимать опыт и всё такое.

В общем, не было случая, чтобы Оксоляна за этими двоими не подглядывала. Чем хороши уединённые склепы, там и тебя саму на наблюдательном посту вряд ли кто-то заметит.

Жаль только, занять наблюдательный пост Оксоляна всякий раз опаздывала. Только найдёт подходящее местечко у щели, через которую что-нибудь видно, а господа преподаватели уже брюки оправляют и — буднично так — заводят разговор о политике. Всегда один и тот же.

Слюнявый Гзырь хвастается тем, как его поставят во главе всех-всех дипломатов царства Эуза. Сильные люди поставят, надёжные люди. Которые сами пусть не на высоких постах, зато нам ключевых — с которых всё контролируешь, а тебя не видно. Сильные люди ещё и очень скромны, потому что помнят добро и обучены дисциплине. Их-то расставила по надёжным местам разведка Владыки Смерти. А уж она-то кого попало в Эузе на

местечко не назначит! Нет-нет, она ещё с раннего детства их воспитала точно такими, какими надо.

Поколения проходят, а разведка работает — каково? Всё потому, что она — мёртвая разведка, а поколения-то живые. Кто из них долговечнее? Ну конечно, мёртвое всегда долговечнее. Всего крепче то, что приделано намертво.

А заканчивался политический разговор тем, что господа преподаватели предавались безудержному вампиризму. То по очереди, а то и разом алчно присасывались друг к другу в местах, где жилы подходят близко к поверхности кожи, и пили ту смесь крови с бальзамом, которая и составляет основу их временного частичного посмертия.

Отрываясь, более умный Фарадео грустно восклицал:

— Кого мы обманываем! Здесь и от бальзама-то остался один привкус, а пьётся лишь одна дурацкая человечья кровь! — но тут же присасывался опять, ибо не разумом единым определял свой выбор.

А более жадный Гзырь отвечал, чавкая кроваво-бальзаменой слюной:

— Да всё понятно, коллега! Просто очень… э… хочется!!! — и вновь атаковал клыками приятельскую шею, запястье или что подвернётся.

Движениями любовников в такие мгновения руководила искренняя экстатическая страсть к веществу, дарующему посмертие. Умом Оксоляна их действия понимала и принимала, и всё же ей, как мертвечихе полноценного разлива следить за их действиями без иронии было трудно.

Фи. Что за жалкие потуги полуживых людишек уподобиться мертвецам! Иначе ведь нало…

Оксоляна не выдерживала и первой покидала свой наблюдательный пункт, а следом выходили из склепа удовлетворённые друг другом Гзырь и Фарадео. Практически тотчас. Не ей ли они намерено показывали свои вампирские забавы, порой подумывалось Оксоляне.

Но если так, значит, она для них не так уж и незаметна? Что в немалой степени обнадёживает, но и вызывает жгучий стыд.

Оксоляна и пыталась быть незаметной, и старалась, чтобы её заметили — всё одновременно. Счастливый подход к делу: при нём хоть что-нибудь, да получится. А всё же это и способ остаться вечно неудовлетворённой.

Скоро ли уже приедет этот козёл-бальзамировщик? Сколько можно ждать? Дамам это противопоказано, ведь не зря говорится: долго будешь ожидать — скоро состаришься.

* * *

А потом в Старых Некрополисах обрались все-все-все учителя гарпий. Банкир Карамуф — здесь. Поездил по делам своего Карамцкого филиала, да и вернулся. Красавчик Фарадео Фарадей — здесь. Будущий эузский министр Гзырь — тоже здесь. Ходит, слюною везде капает. Древний-древний мертвец Бдзынь из Дахо — и тот добрался. Явилось и ещё несколько малозначащих личностей, чьи имена хоть и помнятся, но ничего не дают. Оксоляне осталось лишь удивляться, кто же в Циге остался? Ах, да, бальзамировщик Фальк.

А говорили, будет и он.

— Фальк обязательно будет! — пообещал Карамуф, который среди всех собравшихся уверенно занял главенствующее место.

Квиц пытался было возражать, но резко прекратил. Видать, Ангелоликая ему медитативно сообщила, что Карамуф имеет особое право — как оставленный ею за старшего. Ну и как тот, кто лично участвует в финансировании предстоящей атаки на Эузу.

Кстати, с Оксоляной Карамуф поздоровался — она нашла в себе силы встретить его во второй приезд. Поздоровался довольно сердечно, даже выделил время наедине поговорить, правда смотрел при этом поверх головы.

Почему? Царевна-то поняла — не дурочка. Ясное дело, банкир относится к ней по-прежнему дружески, а вот видеть её пока не слишком приятно, вот он и старается запомнить её красавицей. Ведь была же, была!

И ещё будет. Только бы приехал Фальк!

А за разговор банкиру спасибо. Кажется, на Оксоляне хитрец просто тренировался перед менее доверчивой аудиторией, но ведь рассказал очень многое из того, о чём никогда не узнают рядовые участницы боевых гекс, причём — совершенно бесплатно.

О чём Оксоляне поведал Карамуф? О многом! Кроме того, что Фальк обязательно приедет, ещё о скорой смерти царя Эузы. А как же: его смерть — дело решённое. Так решила некрократическая разведка, а разведку специально попросила Ангелоликая. Понятное дело, чтобы победить на выборах Тпола, ей нужна эта скорая победа некрократии. Впрочем, разведке нужна и смерть царя Эузы, и скорая победа некрократии, и выигрыш Мад у Тпола на выборах. А когда разведке что-нибудь очень нужно, сотрудничать с ней особенно выгодно. Примерно в дюжину разт против обычного — банкиру в такого рода подсчётах есть смысл доверять.

Далее. Между Тполом и Ангелоликой Мад уже состоялся предвыборный обмен мнениями на ту тему, надо ли царю Эузы жить дальше. Тпол высказался в том смысле, что пусть пока живёт, а Мад возразила, что ему надо умереть, и немедленно. Для всех, и даже для самого царя Эузы так будет лучше. И в самом деле: зачем ему жить? И, хотя Тпол формально всё ещё занимает место на Мёртвом Престоле, всех убедила точка зрения Мад.

— Ещё бы не убедила! — воскликнула в ответ Оксоляна. — По-моему, каждому ясно, что царя Эузы лучше убить сразу, если предоставляется такая возможность. И если Тполу этого не ясно, даже сидя на Мёртвом престоле, то не шпион ли он?

— Э, нет, всё не так просто! — хихикнул Карамуф. — Эузского царя надо убить на пользу некрократии, а не во вред. Иначе место одного царя займёт другой, ещё худший, а второго случая для убийства может уже не представиться, если царство нанесёт по нашим людям ответный удар.

Ответный удар от Эузы? Да, царевна с таким явлением знакома.

Осталось только согласиться с Карамуфом, что эузского царя надо убивать правильно, а неправильно — лучше не надо. Банкир тут же сказал, что впечатлён её незаурядным умом, и, хочется верить, не из чистой вежливости.

— К счастью, — добавил он, — подходящие условия для благополучного убийства почти сложились.

— Почти? — ухватилась Оксоляна за правильное слово.

— Полностью подходящих мы никогда не дождёмся, — вздохнул Карамуф, — и всегда останется некоторый риск. Вопрос в том, готовы ли мы рисковать с Ангелоликой сейчас, или с Тполом когда-нибудь позже?

— Разумеется, с Ангелоликой сейчас, — уверенно заявила царевна, но задумалась. Всё больше о том, какие условия — подходящие.

Карамуф уловил её затруднения и главные из них назвал.

Оказывается, подготовлен правильный человек на место старого царя. Ну как человек — марионетка, тайно воспитанная придворными мертвецами. Зовут его князь Дан, а в случае восшествия на престол Эузы его, по старому эузскому обычаю, переименуют до неузнаваемости — чтобы сбить с толку вражеских колдунов. В результате мало кто и поймёт, что Эузой будет править князь Дан. Подумают на его соперников.

— А у князя Дана есть соперники? — удивилась Оксоляна.

— К сожалению, есть. Но, к счастью, его соперники тоже воспитаны нашими мертвецами, единственное что — хуже воспитаны. Поскольку же нам всё-таки лучше, чтобы новый царь

был восптьан лучше, то на его соперников мы не согласны: только князь Дан! К счастью, в Династический совет, который будет выбирать нового царя, входят тоже в основном наши люди, но, к сожалению, не только наши. К счастью, у тех, которые не наши, среди приближённых обязательно есть наши…

Ох и сложное это дело — победа над Эузой. Как много всего надо предугадать, скольких людей заранее расставить. Сколько щелей заготовить, сколько клопов заблаговоеменно запихнуть в щели! Но банкиру Карамуфу сложные комбинации по плечу.

— Но даже если на престол Эузы воссядет нынешний князь Дан, сможем ли мы сказать, что уже выиграли? К сожалению, нет.

— Нет?

— Ибо Эузой управляет не один царь, и даже не царь, по большому счёту. Есть множество секретных организаций, которые занимаются внешней и внутренней разведкой и обороной. К сожалению, или к счастью, но уровень секретности так велик, что эти организации друг о друге мало что знают. К счастью, потому что во многие подразделения нами уже внедрены свои люди, а остальные ни сном, ни духом. И более того — на основе старых подразделений уже сформированы новые — чисто наши. К сожалению, потому что нашей разведке до сих пор не известно, все ли тайные подразделения разведки противника она учла — это при том, что почти все их верховные координаторы вот уже несколько лет как завербованы и работают на нас. Хорошо работают, честно.

И от внимательной Оксоляны снова не укрылось слово «почти». Вот он, бич всяческих разведок — эузских и наших.

— Да, есть одна серьёзная организация, куда наши люди всё ещё не внедрились, — вздохнул Карамуф, — это одна из внешних разведок Эузы. Та, что базируется в высокогорном Ярале и управляется некоей Эрнестиной Кэнэктой. Наше проникновение туда затрудняло то обстоятельство, что Ярал — фактический анклав. С основной территории Эузы туда можно попасть только посредством воздушных замков, и этот вид сообщения слишком завязан на драконов, а эти летучие заразы бывают чувствительны ко лжи…

В общем-то, наши могли попытаться, но решили не рисковать. Успокоились на том, что координатор, которому Кэнэкта регулярно высылает отчёты — давно уже наш человек. И, наверное, зря успокоились, ведь такие руководители, как она — много на себя берут и отчитываются довольно уклончиво. Что её люди творят в Саламине — уму непостижимо. А на бумаге выходит гладко и безобидно. Без всякого там пиратства.

— Значит, с воцарением князя Дана яральские разведчики

могут воспротивиться тем его инициативам, которых так ждёт некрократия? — царевна превзошла себя, настолько умно завернула эту фразу.

— Могли бы воспротивиться, — покивал Карамуф, — но мы им не позволим. Силами организаций, безусловно верных делу некрократии.

— А что сделают эти организации?

— Поссорят Ярал с Эузой. Да так, что Эуза пойдёт на мятежный Ярал войной и раздавит его в два счёта. Вот и не станет неудобной нам организации. Что скажешь, Оксоляна, хороша идея?

— Замечательна!

— Но и она была бы не хороша, — самодовольно усмехнулся банкир, — если бы не один нюанс. Обычно за Эузу выступали драконы, а за Ярал — так и того пуще, ведь этот город — залог драконочеловеческого союзничества.

— Ой, действительно! — вспомнила Оксоляна.

— Так вот, драконы им не помогут! — хохотнул Карамуф. — Потому что заблаговременно с ними перегрызутся. Наши люди уже поработали. И, кстати, с драконами они поработали тоже!

Ох и молодец этот карамцкий банкир. Умеет же вдохновить! С таким настроением гораздо легче даётся ожидание Фалька.

* * *

Проговорив Оксоляне основные важные вещи, Карамуф тут же повторил их по большому секрету остальным коллегам по школе гарпий. Для этого позвал Фарадео, Гзыря, Бдзыня и других на тайное совещание в одну из тех здоровенных ступенчатых гробниц, к которым незамеченной не приблизишься, и там на добрых пару суток с ними заперся. Ведь собеседников много, и они не такие понятливые, как Оксоляна.

Царевна, здорово загруженная Карамуфом ещё перед тем, вовсе и не пыталась подслушивать — очень надо! А вот карлик Дранг проявлял любопытство, да только без толку: ни слова не разобрал. Или врёт.

Пока в гробнице шло учительское совещание, Оксоляна заметила, как вернулась к самой ранней из своих постыдных привычек в Старых Могильниках, когда она просто-напросто хвостом ходила за кукольником. Позже, когда стали прибывать учителя, она стала от них прятаться, ещё позже — подглядывать за играми Фарадео и Гзыря.

Надо сказать, всё существование царевны с тех пор, как её

подняли, определялось привычками, почти только ими. Причиной тому скука. И невозможность быть собой в ожидании Фалька.

Откуда берётся скука — это-то ясно. Среди здешних разрытых и законсервированных могил и склепов — ей изначально как-то больше нечем было себя занять. Товаркам-то некромант возвращать ум не спешил. А кому всё же вернул — те выглядели куклы куклами: ну как с такими общаться? Чай, Оксоляна — не маленькая девочка, чтобы с игрушками разговаривать, а достойна взрослого разговора с мёртвым мужчиной. Если же постоянно таскаться за Запром по пятам, такой разговор нет-нет, да и состоится — будто невзначай. Того и гляди, что-то новое узнаешь, что-то ценное.

Да и противный некромант Квиц, если получит от Ангелоликой медитативное послание, непременно поделится новостью с Запром, а с Дрангом и остальными — только если их касается. Царевна в этих закономерностях разобралась достаточно тонко. Не зря ведь она похвалена Карамуфом за редкий ум.

Так вот, в тот самый день, когда Карамуф объяснял коллегам политику некрократии в погребальной камере на вершине ступенчатой гробницы, Квиц получил очередное послание от Ангелоликой. Оно напрямую касалось поднятых в Некрополисах остатков боевых гекс, но сообщено было лишь Дрангу и Запру. Услышала и Оксоляна, но лишь потому что вертелась рядом.

Квиц настолько не уважал «эту Лейлу», что попросту поленился её прогнать.

— Предстоит срочное дело в Отшибине, — сказал он.

— Но мы и так в Отшибине! — насупился однорукий карлик. Хотя относятся ли к ней древние Могильники на границе с другими землями — вообще-то вопрос открытый.

— Я говорю о столице Отшибины — Дыбре, — поправился некромант.

А само дело-то касалось ни много ни мало — смены отшибинского вождя. Тот, который правил сейчас — эго звали Янгитравн — многим был мил и полезен мировой некрократии, кроме одного: не хотел воевать с Эузой. Ясно, что Ангелоликая не могла этого так оставить.

Правда, нового кандидата на кресло вождя она и не присмотрела, но что за горе? В Отшибине любой на месте свергнутого Янгитравна сделается покладистым, если телохранителей ему набрать из своих людей под командованием — да того же однорукого Дранга.

Так вот, Дрангу властная Мад велела немедленно отправляться в сторону Дыбра, и добро бы только Дрангу! Всех

поднятых некромантом участниц боевых гекс, всех, какие остались в Старых Могильниках, за исключением кукол — всех их определила однорукому в помощь. Славный, однако, выйдет парад инвалидов!

Оксоляна слушала и расстраивалась. Всех не-кукол? Значит, и меня тоже? Значит, пойду поднимать мятеж в Дыбре, а обо мне по приезде Фалька здесь и не вспомнят? Но я же не могу! Пока не могу — то есть, до перебальзамирования…

Хорошо, хоть в числе первых узнала. Может, ещё удастся что-то придумать, чтобы остаться?

Не придумалось ничего лучше, как сослаться на Карамуфа. Будто бы он Оксоляне уже сделал ответственное предложение от имени Ангелоликой. Будто бы у неё — отдельная миссия в Эузе, вот потому-то в Отшибину её и не надо. Ещё чего доброго, не успеет вернуться, если вождь Отшибины досидит до смерти царя Эузы… Что-то такое плела, но, главное, держалась уверенно. И голос почти не дрожал.

К её удивлению, с ней с ходу согласились. Даже Квиц не стал специально переспрашивать у Ангелоликой, «чего там эта Лейла себе удумала». Дранг надулся и промолчал, а Запр сказал примирительно:

— Да, мы знаем, у кукол будет особая миссия. И конечно же, им потребуется руководство.

Он имел в виду, что Оксоляне придётся командовать куклами? Час от часу не легче, но она попробует. Если дождётся бальзамировщика, то согласится вести в бой не то что кукол, а даже постельных клопов.

Одно тревожило — возможный гнев Ангелоликой. Ведь рано или поздно вскроется, что ни о какой особой миссии Карамуф не говорил, что командиром над куклами царевну никто не ставил, что она сама…

Но ведь мне очень нужно дождаться Фалька, успокаивала себя Оксоляна. Красивой быть не запретишь!

* * *

Если не считать особого случая с Оксоляной, повеление будущей Владычицы Смерти было выполнено так быстро, как только смогли исполнители — то есть Квиц и Дранг. Некроманту предстояло вернуть мертвечихам ум (а также память, внимание и всю полноту сознания), а Драгу — поскорей отвезти их к Дыбру.

Обычно пробуждение в мертвеце ума, сознания и так далее требует индивидуального обряда, но, поскольку Квиц торопился,

он провёл обряд один на всех, благо, все оттёртые от брикета тела находились в одном помещении одного и того же склепа.

Не исключено, что в связи с общностью обряда некромант вернул гарпиям Ангелоликой куда меньше разума, чем у них было в начале, причём не каждой собственный, а один на всех. Раз — и готово. Тупси, Бац, Данея и остальные распахивают глаза и, вроде, осмысленно глядят на мир — но только выражение глаз почему-то одинаковое. Да и голос, которым каждая из них назвалась, вышел таким, будто всех озвучивала карлица Тупси.

А некромант и говорит:

— Готово! — будто бы так и надо.

Оксоляна думала было вмешаться, попробовать пристыдить лентяя, но отказалась от такой затеи. Известно, что Квиц скажет в ответ: «Какая разница?» — зато неизвестно, что скажет Ангелоликая, когда узнает, что Оксоляна к прочим своим прегрешениям ещё и обряд некроманту затягивала.

Однорукий карлик тоже рассчитывал на более долгий обряд. Он запряг экипаж — тот самый фургон, в котором сюда довезли брикет, с наскоро починенными бортами, после чего принялся было выкапывать «лишние» части тел, которые во вскрытых могилках припрятывал, но глядь — а Квиц уже выводит из склепа всех, кому вернул разум. И строго спрашивает:

— Ты чего копаешься?

Что тут осталось сказать не в меру хозяйственному карлику, застигнутому в самом начале несанкционированных раскопок?

— Ничего! — в жестоком раздражении ответил Дранг, вскидывая на плечо мешок — очень вместительный, но совсем лёгкий. И наскоро заровнял землёю всё то, что оставил в могилке.

Между тем «осознанные» мертвечихи строем грузились в экипаж. Как только последняя поместилась, карлик с небрежной резкостью плюхнулся на козлы. И лишь тогда сказал вполголоса Запру:

— Думал в Дыбре поторговать, да видать, не судьба.

* * *

А потом в Старые Могильники приехала делегация из Эузы. Пятеро в тёмно-зелёных мантиях, чем-то напоминающих фиолетовые некромантские. Оксоляна сразу догадалась, что эти люди, даром что живые, истово служат делу Смерти. Оказалось — наоборот. Эти люди — биоманты.

— А кто такие биоманты, — полюбопытствовала Оксоляна у Карамуфа немного погодя.

— Они вроде наших некромантов, только не за Смерть, а за жизнь, — насеоро пояснил тот.

— «Жизнь» с маленькой буквы, или с большой? — попросил уточнить подвернувшийся тут же Квиц. В некоторых тонкостях своего ремесла будущий ректор разбирался лучше, чем уземфская царевна.

— С маленькой, — и Карамуф в этих тонкостях понимал тоже.

— А, ну против такой жизни и мы, некроманты, ничего не имеем, — заверил его Квиц.

— Что и позваляет нам с ними продуктивно сотрудничать, — с особой аффектацией подмигнул банкир.

Но тот учёный разговор состоялся позже, а для начала гости просто отрекомендовались как биоманты — а кто не понял, они не виноваты. Зато назвали имена и организации, откуда прибыли, чем впечатлили большинство собравшихся.

Организаций оказалось две. Во-первых, Обсерваториум, откуда прибыло трое биомантов: Гросс-Патриарх Конан, Кляйн-Патриарх Викт и Кляйн-Патриарх Няв. Во-вторых, Академия наук Эузы, откуда явились двое: настоятель Академии Гуго Франкенштыбз и какой-то Яц, просто Яц. Причём Няв м Яц в этой сборной компании — ничтожества на побегушках, а вот остальные трое имеют значение.

Оксоляна безошибочно определила, кто из прибывших главный. Лысый Гросс-Патриарх Конан явно претендовал на главенство, но всё же не вытягивал против Гуго Франкенштыбза, человека в низко надвинутом капюшоне. О, капюшоны надвигают не единственно застенчивости ради. Это делают ещё, чтобы напугать, но не очень сильно.

Гуго молчал, но и молчаливый, почему-то выглядел настоящим чудовищем. И, кстати, царевна сразу вспомнила его фамилию, мелькнувшую в рассказе Личардо о юности Клеопатрикс. Франкенштыбз… Не тот ли это Гуго, который вовсе и не Гуго, а искусственно выращенный гомункул, пожравший своего создателя? А что, похож. Выходит, чудовище нашло приют в Академии наук Эузы. Неисповедимы рути тамошней биомантии, но существо с альтернативным посмертием там пригрели.

Пока Гуго молчал, Конан и Викт хвастались. Просто не могли сложить цены своему Обсерваториуму, о котором, как Оксоляна понимала по лицам Карамуфа, Квица, Фарадео и других, все, кто не биомант, слышали впервые.

Амбиции Обсерваториума состоят, утверждали Конан и Викт, ни много, ни мало, как в том, чтобы управлять царством Эуза после смерти нынешнего царя. Они это серьёзно?

Отвечали, что да, серьёзно, для того Обсерваториум и создавался, чтобы царя заменить. Сам эузский царь Ксандр (если кто не в курсе, так его звали) подписал указ об образовании Обсерваториума себе на погибель.

— Что, ради погибели и подписал? — прищурился Карамуф.

— Разумеется, нет. Обсерваториум создан как орган управления с чрезвычайными полномочиями в отношении искоренения проявлений некрократии во всех сферах жизни Эузы, — терпеливо пояснил Конан.

— Может вы и к нам приехали… искоренять? — испытующе поглядел на биомантов Квиц. По всей его напряжённой фигуре читалось, что ректор будущей Новомогилянской академии ожидает скорейшего отъезда гостей.

Как-никак, люди учёные. Не приведи Смерть, останутся — и кто потом вспомнит, кого собирались делать ректором изначально?

— Мы приехали координировать свои действия, ну разве непонятно? — выпалил Кляйн-Патриарх Викт и тут же попросил прощения у Гросс-Патриарха. Тот махнул рукой: продолжай, мол.

— Нам необходимо связаться с Ангелоликой, дабы согласовать время предстоящего свержения царя! — столь же запальчиво ляпнул Викт.

— Да связаться-то не проблема, — сказал Квиц, — но кто подтвердит ваши полномочия?

— Я! — впервые раскрыл рот Франкенштыбз. И тут же нырнул рукой к себе под капюшон, поскольку, как царевна поняла, у него отпадала челюсть.

И Гросс-Патриарх немедленно вспомнил главное:

— Конечно же, наш Обсерваториум — интеллектуальное детище Академии наук Эузы, втайне верной идеалам некрократии.

— Да, — признал Карамуф, — у вас достойная рекомендация.

И Квиц — тот тоже, как по сигналу, успокоился.

Уже позднее Оксоляне стало известно, что Академия наук в Эузе — не простая, а засекреченная, поскольку имеет оборонное значение. И, как дал ей понять Карамуф, это одна из тех секретных организаций Эузы, на которые некрократия возлагает особо трепетные надежды. Может, надежды с тем-то и связаны, что некромантия и биомантия близки как ремёсла и как духовные практики. А что другое название, да цвет у мантий иной — это ведь ширма. И многое другое — ширма. Даже оборонные разработки.

Некрократическая-то разведка всё надеялась, что Академия наук помимо разных усыпляющих бдительность фокусов на

погибель мертвецам однажды изобретёт что-нибудь на погибель самой Эузе. Вот и дождалась Обсерваториума. Славно, что Франкенштыбз это подтвердил, его слово дорого ценится.

Что же до Обсерваториума, то, судя ещё по первому рассказу Викта, он — организация пусть новая, но амбициозная. Сформирован только из числа биомантов, прошедших обучение в Академия наук. То есть, из людей с мировосприятием, близким к некромантскому. Обсерваториум рад управлять Эузой, но нуждается в чутком внешнем руководстве. Вот его верхушка и прибыла в Старые Могильники в надежде связаться с Анегелоликой.

— Сейчас обеспечу связь, — пообещал некромант Квиц и закатил глаза, погружаясь в медитативный транс. Когда же Мад ему ответила, выкатил их обратно и заговорил вслух, вкратце передавая суть запроса Патриархов. — Что? — переспросил он. — Биоманты спрашивают, нужно ли убивать царя немедленно, или немного ещё подождать?.. Да, Академия наук в курсе… Сказать, чтобы поторопились? Хорошо, передам. Итак, — обратился ректор уже к присутствующим, — господа биоманты, смело убивайте царя. Она разрешила. И просит сделать это поскорее, не откладывать.

* * *

Оксоляна, да и Квиц, думали уже, что получив одобрение Ангелоликой, эузские Патриархи бросятся его выполнять. Но этого, конечно же, не случилось. Ясно, что убийство царя — шаг ответственный. Важно оговорить малейшие детали. Потому переговоры, к ужасу Квица, затянулись на целые сутки.

Некромант слушал, что хотят сказать биоманты, потом вслух повторял то, что он передаёт Ангелоликой, потом слушал и воспроизводил её ответ. А глаза то закатывал, то выкатывал — так что царевне казалось, что они вот-вот навсегда выкатятся. Но ведь на качество связи это не повлияет?

Ангелоликую даже там, в нескольких шагах от Мёртвого престола, живо интересовали такие подробности плана Патриархов, как, например, способ устранения царя, способ устранения Кэнэкты, способ устранения с лица земли города Ярал.

Патриархи отвечали чётко, как по-военному. Царя устранят самым традиционным, хорошо зарекомендовавшим себя способом — ядом в пищу. Кэнэкту физически устранять пока поостерегутся, так как до конца неясно, кто же за ней стоит, но её обязательно

дискредитируют. Сделают так, что её люди (а люди у неё с одиозной репутацией) попадутся на воровстве. Она, по обыкновению, за них вступится, а они её же и оговорят.

— Отлично, — отвечал Квиц от имени Ангелоликой Мад, — и запомните имя «Бабозо». Этот тип — с самой одиозной репутацией. Он в Саламине… Ну, в общем, сорвал очень хорошо подготовленную операцию нашей разведки. Вывел из под удара все корабли Кьяра, которые мы чуть было не похоронили. Такое, конечно же, не прощается.

— Принято, — согласился лысый Конан, — где нам искать Бабозо?

— Ангелоликая полагает, что он сейчас покинул Саламин и перебрался в Адовадаи, — передал Квиц.

— Хорошо, — кивнул Конан, — дискредитировать Кэнэкту будем в Адовадаи, во время выездной инспекции.

Что же до гибели Ярала, её должны обеспечить подконтрольные Обсерваториуму войска. Впрочем, после смерти царя Ксандра, все войска будут ему подконтрольны. Войска будут руководиться мудрым Патриархами, которые смогут проследить, чтобы на первом этапе в Ярале не осталось ни одного дракона, а на втором — никого живого вообще.

— Как они этого добьются? — от имени Мад поинтересовался Квиц.

— У нас есть специальные индикаторы, — пояснил Конан, — отдельно на драконов, отдельно на живых существ крупнее крысы. Индикатор на драконов нам особенно важен, чтобы обезвредить нового Драеладра, недавно вылупившегося из яйца, снесённого Лулу Марципариной. Индикатор на живое позволит оценить качество зачистки.

— Отлично, — кивнул Квиц от имени Мад, — ясно, что яральцы воспротивятся переселению, начнётся заваруха — но нам-то того и надо! И в заварухе проще будет убить дракона.

— Может быть, — уклончиво сказал Конан, — мы надеемся на беспрекословное подчинение населения, но, конечно, всяко бывает. А Драеладра пусть лучше убьют свои. С ними есть предварительная договорённость.

— С родом Рооретрала? Понимаю, — снова кивнул Квиц от имени Мад.

И много-много других важных политических вопросов.

Настоятель Академии наук Гуго Франкенштыбз в беседе с Ангелоликой участия не принимал. Если верно то, о чём рассказывал мажордом Личардо, они ведь в своё время были противниками — и вряд ли с тех пор вполне успокоились.

Зато Франкенштыбз поспрашивал банкира Карамуфа о

бальзамировщике Фальке.

— Вы хотели застать Фалька? — изумился тот. — Собственно, он уже несколько дней, как должен быть, но, видно, в пути задержался. Зачем он вам, если не секрет?

— Не секрет, — настоятель Академии снова заговорил — надтреснутым голосом, двигая вручную нижнюю челюсть, — для взаимовыгодных научных дискуссий. Биомантами нашей академии совершено много секретных изобретений, пришло время ими поделиться с некрократической наукой. В этой связи нам и требуется Фальк. Я слышал, только ему под силу оценить качество биомантских разработок.

Надо же, с грустной надеждой вздохнула Оксоляна, не я одна жду бальзамировщика. Кому-то ещё он очень-очень нужен.

* * *

Франкенштыбз непунктуального Фалька так и не дождался. Собираясь прочь, крепко ругался, хотя в порядке утешения Запр ему неплохо вправил челюсть. Ну, вернее, не вправил, а прикрутил винтами, но ведь важен сам результат, а применённого метода под капюшоном всё равно не видно.

Наверное, настоятель Академии мог бы ещё подождать. Но в Старые Некрополисы он приехал вместе с обсерваториумными Патриархами, и с ними же хотел и уехать. А Патриархи, как Оксоляна уже знала, спешили уехать, чтобы вовремя убить царя — не правда ли, уважительная причина, чтобы никого не ждать?

Впрочем, подождать-то себя старый дряхлый Гуго таки заставил. В последний момент уединился с Яцем в одном из дальних склепов, ранее облюбованных Фарадео и Гзырем — и давай с глазу на глаз обсуждать политическую ситуацию. Правда, обсудили весьма по-быстрому, так что прибежавший поторапливать Няв застал их вполне удовлетворёнными беседой.

— Одеваются уже, — сказала Оксоляна, как ни в чём не бывало выходя Няву настречу.

— Тьфу, чёртова кукла! — с перепугу выругался биомант.

Ну да, не красавица. Прямо скажем, немножко страшненькая. Но это мастер Запр господам Патриархам ещё настоящих кукол не показывал! Тех, деревянных марионеток с верёвочками внутрь.

* * *

А как уехали эузские биоманты, очень быстро после этого к

Старым Могильникам добрался и Фальк. Оксоляну аж передёрнуло от тревожного умиления, когда она прибежала к нему со всех ног и застыла, как вкопанная у его лёгкой кареты.

Фальк не прихватил бальзамов? Он что, серьёзно?

— Я больше не чувствую себя бальзамировщиком, — тряхнул Фальк тёмно красной изысканной головой, — я разведчик, милая. Разведчие, и точка. Потому и бальзамы мне в долроге совсем без надобности.

Оксоляна пыталась настаивать. Мол, мастерство не пропьёшь, как говорят уземфские ремесленники-пьяницы, возвращаясь под утро из жестоких загулов в чайханах кранглийского типа.

— Нет, — отвечал Фальк. С каждым разом всё односложнее.

Когда же царевна и тут не угомонилась, он вдруг утратил остатки скромности и заорал на целую площадь:

— Ты издеваешься надо мной, кукла? Куда в тебя лить бальзамы, а, полированная деревяшка?

Как он меня назвал? Оксоляна ужаснулась.

Потом повнимательнее пригляделась к своему телу. Кажется, кругом виноватый Фальк в одном всё-таки прав. Она кукла. Ростом чуть выше колена всякого, кто не карлик. Деревянные руки, деревянные ноги, неладно полированный живот, с которого местами облущивается лимонная краска, а под нею-то — болотно-серая. Была у Запра старпая кукла, он её наскоро перекрасил, получил Оксоляну.

Как она могла до сих пор этого не замечать? Видать, сама себя обманула. Но другие-то?

Подошла к Запру, спросила:

— Я кукла?

— А, вы заметили, — натянуто улыбнулся в ответ рыцарь-кукольник. И в утншение добавил, — ваше высочество.

Кукольное высочество!

— Но почему вы ничего не сказали? Вы все?..

— Не хотели вас преждевременно расстраивать, — нашёлся кукольник.

Нет. Всё это бред. Этого просто-напросто не может быть. Как она может быть куклой, когда на протяжении месяца, или около того, испытывала острую нужду в бальзамах?

Но как она поняла, что нужны бальзамы? Да просто на ощупь. Показалось: конечности одеревенели.

Нет, кто-то сошёл с ума. Или Оксоляна сейчас, или Оксоляна недавно.

Кажется… Кажется, есть лишь один надёжный способ проверить. Вжимая враз одеревеневшую голову в плечи, царевна подошла к памятной могилке, куда однорукий Дранг всё

прикапывал части тела гарпий, а когда его с ними послали в Дыбр, так и не успел выкопать.

Что-то она там обнаружит?

Очень быстро в ворохе разноцветных мертвецких ног ей попалась изящная ножка лимонного окраса. Такая была лишь у неё. Или нога не считается? Ну вот, рядом рука. И какая-то кожная тряпочка того же цвета — ах да, грудь. Далеко уже не упругая, поскольку бальзамы были на исходе, но несомненно её собственная. С династической родинкой у соска.

Искать ли голову? Да, очень важно найти голову. Если головы нет в этом раскопе, она может оказаться и на плечах. Что? Чуть ниже нашлась и голова? Но почему ниже: может, всё-таки чужая? Нет, лимонного цвета — то есть моя. А что глубже — так ведь голова тяжелее других органов, потому и глубже. Значит, всё тело царевны — у карлика в подсобной могиле.

О чём это свидетельствует? Ах да, вот о чём.

Итак, Оксоляна теперь кукла. Чёртова кукла — это Оксоляна.

Но только останки себя она перепрячет.

Глава 23. Смех сквозь хохот

Марципарина заколдована. Наверное, это сказали гарпии: кому другому выгодна мысль, что Марципарина заколдована? И Лулу заколдована? А Лулу-то за что? За то же самое? Но держитесь, гарпии: Бианка не заколдована, уж Бианка-то не заколдована, она вам покажет!

Полно хихикать, гарпии: всех не заколдуете! Вы забыли, что я триедина? Это значит, меня — три. Три — это много. Целый триумвират — это сила! Сила такова, что на всех колдовства не хватит!

Вот только, когда тебя много, для тебя от этого тоже неудобство. Попробуй-ка себя пересчитай! Попробуй пересчитай, я сказала! Ну хорошо: раз, два, три. Расчёт окончен. Будут ещё указания? Разумеется, будут! Нечего тут острить: заколдована я, а не ты! Нет, я хотела сказать: заколдована ты, а не я! Ты заколдована, тебе и считать. Кто не уберёгся, тот и старается. Кто не спрятался, я не виновата. Не виноватая я, он ведь сам пришёл. Пришёл, и ослабел, и лёг. А я его напоила, накормила и спать уложила. Не хочешь спать с заколдованной женщиной, а зря. Её ведь целых три, а три женщины — это как маленький сераль, только что не мужской. А всякий сераль наверняка владеет тридцатью тремя искусствами. Искусства — вот что спасёт мир!

Мысли путались, но главную линию Марципарина держала упрямо, а Лулу и Бианка ей помогали. Не собьёте, гарпии, с верного курса! К счастью, я прекрасно помню, к чему пришла в своих рассуждениях. Я думала об искусстве. Ну, за искусство! Например, песенное. Скажи, Хафиз, ведь правда, оно нам жить и любить помогает?

В этот момент появлялся Хафиз. Он пробивался сквозь толпу гарпий лишь для того, чтобы односложно согласиться с Лулу и вновь исчезнуть.

И уже за спиной госпожи уземфский наложник принялся злословить:

— Лулу заколдована? Она как не здесь.

— Она в Сумрачных мирах, — предположил Эйуой.

А он здесь, интересно, что забыл? Его только что не было.

— Лулу Марципарина Бианка, ты меня слышишь? — донеслось из-за спины ближней твари, но тихо, как из другого конца зала. Глупый вопрос. Лулу-то хорошо слышит, а Бианка с Марципариной отлучились погулять по дворцу. Разве Эйуой не видит, что их рядом нет?

Конечно не видит, ведь рядом нет его самого.

— Мне с таким не справиться. Драконы-целители. Только они.

— То есть… — Эй, Хафиз, ты с кем разговариваешь? С Эйуоем? Но его ведь здесь нет!

— То есть придётся обратиться к Гатаматар, и сделать это поскорее. Драконица-Мать и сейчас не в духе, но когда её прогневят Патриархи из Обсерваториума…

Эй, что за Патриархи такие? Из какого ещё Консерваториума?

Кажется, она спросила это не вслух, потому что ей не ответили. Вместо того паникёр Хафиз объявил:

— Гатаматар потребует Драеладра…

А Бларп Эйуой, которого здесь нет, усугубил его невежество:

— Конечно, потребует, и в торге с нею мне будет нелегко проявить твёрдость. Но Драеладр рождён человеком и его должно воспитать среди людей. Даже если без матери.

Нет, подождите! Как это без матери? Почему без матери? Чего ради?

Но гарпии молчали. А больше никто и не ответит, ведь она снова забыла задать свой вопрос вслух.

* * *

И вновь на неделю тишина. И только гарпии с косами. Кто их, интересно, заплёл — неужели я? Простоволосые были и то симпатичнее.

— Лулу! — позвала одна из гарпий. Или нет, это сказала Эрнестина Кэнэкта, но почему-то снова голосом Бларпа Эйуоя. Или на сей раз голосом Дулдокравна? Тьфу! Что за глупость? Пусть между собой договорятся уже, кому каким голосом говорить!

— Бесполезно, — сказала другая гарпия.

И снова глупости! Забудьте само слово «бесполезно»! Что вы знаете о пользе, гарпии? Вы, отродясь бесполезные твари…

— Но скоро прибудет дракон-целитель.

Ой, Хафиз, о каком целителе ты говоришь? В замке столько гарпий, что дракон здесь просто не сможет сесть.

Нет ответа, лишь новые дурные вести от Хафиза:

— Патриархам понадобился Чичеро? Зачем?

И правда, зачем? Не знаю, кто такие Патриархи, но Чичеро мой! Пусть зарубят на своих патриарших носах!

— Уж не знаю, зачем он им, но нам-то Чичеро всяко не чужой! — очень верно сказал карлик Дулдокравн. Конечно, не чужой! Чичеро свой! Помни об этом, карлик. Пожалуйста, помни!

* * *

Когда прилетел дракон-целитель, Бианка была занята, Лулу тоже, так что приняла его Марципарина. Дракон сел в открытом зале дворца, приём посадка прошла в туче гарпий, которым просто некуда было оттуда деться. Многих гарпий мощный дракон попросту раздавил, но другие подняли ужасающий визг. Этот визг очень затруднил с ним общение.

Дракон что-то спрашивал, но Марципарина из-за визга не слышала, отвечала невпопад. Тогда дракон спрашивал снова, но гарпии не унимались, и их можно понять, ведь раздавить такое их количество — несколько несправедливо. Дракон пытался перекричать гарпий, но выходило ум него слабо. Лишь одно слово долетело до Марципарины. «Канкобра».

Что за Канкобра такая? Была бы на месте Бианка, она бы Марципарине растолковала, но Бианки не было, а без неё Марципарина мало что в этих тонкостях понимала. Не у гарпий же, в самом деле, спрашивать.

От визга гарпий дракон-целитель отгородился собственным телом. Свернулся калачиком в парадной зале и заснул. Он спал, а они летали вокруг и тренировались в визге. Пытались его беспокоить, но беспокоили лишь Марципарину. Ещё бы, с её-то музыкуальным слухом!

Впрочем, если гарпии визжат, это, говорят, к лучшему. Если бы птицедевам нравилось происходящее — не визжали бы. А когда им нравится, тут уж точно жди беды.

Однако, когда визжат так громко, беда иногда наступает сразу. Как Марципарина на оставшуюся жизнь не оглохла — вот загадка.

Но видать, не оглохла лишь затем, чтобы снова услышать о Канкобре.

Над открытой парадной залой дворца завис летучий замок, и по сброшенной с него верёвочной лестнице прямо в залу спустился Бларп Эйуой. На сей раз Эйуой даже не пытался заговаривать с Марципариной (и зря, ей приятно, когда с нею заговаривают), а обратился к дракону-целителю. Вот тут-то и прозвучало опять «Канкобра».

Бларп, как и дракон-целитель, знал, что есть Канкобра, но Хафиз не знал и стал у Бларпа выпвтывать. Марципарина послушала и тоже что-то поняла. Канкобра — это такое место. Находится оно на одном из небес. Не на ближнем, а, скорее, наоборот. И место — довольно-таки мрачноватое, даром что в небесах. Грустное какое-то место.

Когда о Канкобре услышали гарпии, они с ходу прекратили

визжать и дружно захохотали. Знаменуя смехом, наверное, приход беды.

— Пойдём, — сказал Бларп.

— Куда?

— К лестнице.

Лестница вела в небо. Там, на небе — Канкобра.

— Бларп, но зачем? — с упрёком произнесла она. — Надо ли…

— Надо, — заверил Эйуой.

— Хорошо, сейчас соберусь.

— Не надо собираться. Хафиз позаботится.

— Ну как же не надо? Как же он позаботится? Что он понимает? — Лулу попыталась вывернуться из захвата Бларпа. Не получилось.

Вдобавок и Хафиз повис на второй её руке.

— Ну что вы, в самом деле! — воскликнула она с обидой.

Гарпии одобрительно захлопали крыльями.

— Прошу, не надо сопротивляться, — выдал Хафиз.

Гарпиям на смех такие просьбы!

Но Лулу дала себя уговорить.

Среди бурного веселья и хохота летучих тварей Лулу при поддержке Бларпа стала карабкаться по верёвочной лестнице. Правда, на середине вспомнила, что забыла покормить Драеладра. Собралась было спускаться назад, но Бларп её задержал.

— Дракончика Хафиз покормит.

Гарпиям на смех такие отговорки!

— Да как же? Да что он?.. — но что верно, то верно: забыла покормить Драеладра она не только что, не сегодня, а уже давно.

Так и взобралась по верёвочной лестнице в небесный замок.

* * *

Бларп Эйуой поскорей выбрал лестницу и закрыл тяжёлую крышку люка в замковом днище. Что ж, разумно. Гарпии тяжеловаты, крылья у них не так уж сильны. На высоту замка им, уж наверное, не вздететь. Или…

— Гарпий здесь нет, — подтвердил Эйуой.

Да хорошо бы. Правда, вначале Лулу показалось, что вместе с гарпиями пропала и Марципарина. Но та вскоре нашлась, а гарпии не нашлись. Неужели нас не догонят?

— Гарпий нет, — сказала Бианка, — я проветрилась. Думаю, можно часок полетать и вернуться. Не надо в Канкобру.

— Если не надо, там, на месте и выясним, — ответил Эйуой.

Трудный он спорщик. Но Лулу, Марципарина и Бианка постарались его переубедить — все втроём. Поскольку Бларп, как обычно, чего-то важного недоговаривал, ему в этом споре тоже пришлось нелегко.

Пришлось, между прочим, сослаться на внешнюю силу.

— Мы летим под эскортом, — сказал Эйуой, — с нами дракон-целитель и ещё трое драконов из свиты Гатаматар.

— Зачем?

— На тот случай, если вздумаем вернуться.

Надо же, как обложили!

— А Драеладр?

— Драеладра мы ей не отдали.

Надо же, его не отдали, а меня отдали. А, между прочим, дракончик болезненный, он очень плохо набирает вес. Может, именно его бы стоило показать целителям в Канкобре. Но до Бларпа не докричишься: он только себе верит. Себе верит, а гарпий-то не видит. Ни одной. Если не видит, то как он надеется с ними бороться?

* * *

Конечно, Бларп отказывался повернуть замок назад, к Яралу, не из-за оного только эскорта. Ведь последний состоял из умных и вежливых драконов, с которыми наверняка можно было договориться. Взять хоть бы Хинофатар, советницу Великой Матери: ну разве она откажет? С нею даже вопрос о передаче Драеладра на воспитание крылатых сородичей превращался в ни к чему не обязывающий учёный диспут. А к мнению советницы прислушались бы и Куркнарт с Алазартом. Не в них дело.

Бларп сам первый не желал возвращения Марципарины в Ярал, вот это скорее всего. Может, хотел оказывать на Драеладра особое влияние? Большее, чем мать. Иное, чем она.

И вот ведь ещё что: Бларп не видел ни одной гарпии, но при этом видел каких-то сомнительных Патриархов, которых Марципарина, Лулу и Бианка как раз и не наблюдали. Не говорит ли это о том, что Бларп заколдован?

Может, враждебная сила руководит Бларпом, заставляя его творить неблаговидные вещи; разлучать родственников, похищать мать будущего правителя, ограничивать её свободу общения с теми гарпиями, с которыми она захочет. А если нет этой внешней силы, то, наверное, Бларп нехорош сам по себе. Увы, Бларп, насилие — не лучший метод.

* * *

Бларп нехорош, зато небеса хороши. Летучий замок — просто прелесть: надо же, нигде не примостилось ни одной гарпии! Бианка проверяла, обошла весь замок, в каждую башню заглянула, в открытый донжон с рулевыми дракронами. Убедилась: гарпий нет. И тем замок и хорош.

Отсюда вывод — плох был дворец Драеладра, куда Лулу переселили накануне родов. Дрянное место, и жаль, очень жаль, что крылатого мальчика так и оставили там. Гарпий очень много, справится ли Хафиз, если они все соберутся и начнут беспокоить маленького Драеладра? Нет, Хафиз не справится — куда ему…

Гарпии даже Марципарину плохо слушались. Или это она их плохо слушалась — кто поймёт? Поняла бы Бианка, но она притомилась и легла спать. Да нет, я не сплю, и я всё понимаю. Не во дворце Драеладра там было дело — не в самом дворце. А вот в чём: толпу яральцев на площади перед дворцом помнишь? Ну, помню. Так вот: гарпии от них, от людей в толпе! Что, каждый приходил ко дворцу со своей гарпией? Да, каждый со своей! Но зачем? Да, видать, нечем им было кормить своих гарпий, вот и носили на главную площадь, во дворце-то всегда щедро покормят! И что, у нас во дворце кто-то подкармливал гарпий? Чем же? Да кто их там знает, чем они питаются! Может, счастьем семейного очага. Нашего с Чичеро? Ага. Так ведь и было того счастья всего ничего. То-то и гарпии остались голодными. Видать, не к тому источнику счастья этих тварей принесли хозяева.

Ну конечно же, кто сомневался — люди виноваты! Поздно Лулу догадалась: надо было людей гонять под дворцовыми стенами, а гарпии убрались бы сами.

Или гонять людей кем-то запрещено? Так вроде, нет. Вот бы Марципарине туда вернуться! Она бы всех разогнала. Марципарина — людей, Бианка — гарпий, а Лулу в уголке Драеладрика бы кормила. Ведь пора маленького покормить!

— Хафиз покормит, — привычно отозвался Бларп.

Вот вечно всё испортит!

— Так мы не вернёмся? — надула губки Марципарина.

— Нет, конечно. Мы летим в Канкобру.

— Прямо туда?

— Нет, — поправился Бларп, — сперва заглянем к Гатаматар.

Разумеется, к Гатаматар. И Канкобра, и драконий эскорт — всё организовано ею. Не самим же Бларпом Эйуоем.

— А если я попрошу…

— Развернуться назад, к Яралу? — не дослушав, переспросил Эйуой. — Нет, исключено.

— Почему же к Яралу? — Бианка заговорила твёрже. — Я хотела бы посетить провидицу Бланш. Это возможно?

Бларп кивнул.

— Да, это по пути. Но с какой целью?

— Она смотрела в глаза моего Драеладра, — сказала Лулу, — а дать отчёт матери забыла.

* * *

— Слава гарпии! Смерть врагам! — звучали возбуждённые вопли драконов, котрым при таком-то тексте не долго сделаться погромщиками.

Чуть ли не каждый день какие-то одержимые злобным хохотом небесные крикуны совершали облёты над Новым Флёром с этими однообразными возгласами.

Пролетали по двое, по трое. Делали круг над хозяйством провидицы — вдруг она чего не дослышит? Вдруг не успеет испугаться?

Правда, дальше слов дело не шло. Наново громить отшельничий домик Бланш, отныне снабжённый заговорённой крышей, никто не отваживаося. Над ней ведь помимо заговора кровельщика теперь летает и парочка шаровых молний — их Бларп наколдовал от себя, для пущего эффекта.

Умён внучок. По старым магическим книгам выискал такую штуку, которая не просто мешает проникновению, а заранее отпугивает. Кто не дружит с электричеством — не суйся. А кто из драконьего племени с ним по-настоящему дружит? Ну разве только дракон — грозовой маг, а такие вылупляются раз в тысячелетие. Уж ему-то незачем служить глупой гарпии. Он и без неё велик. К этакому зараза не пристанет, не заставит кружить над крышей скромной провидицы и кричать глупости.

— Слава гарпии! Смерть… ай!!! — и запахло палёным. Кто-то из незадачливых крикунов подлетел слишком близко. Авось второй раз не захочется. Слишком заметно в месте удара обугливается чешуя.

Не любили драконы ударов молнии. Не то, чтобы боялись, но как-то брезговали. Считалось, что если от грозового разряда улететь не сумел — оскандалился. Да и вопрос, из небесной ли ты расы — такой неповоротливый. Предрассудок, конечно, да зато полезный в охранительном смысле.

— Эй, старая карга! Тебе это так не пройдёт! Мы тебя…

Изрыгая ругательства, сегодняшняя тройка драконов убралась восвояси. Бланш в окно не смотрела — много чести. Но

голоса — так уж получилось — выучила наизусть. Их ведь не так уж и много, хотя пара дюжин самых упёртых, пожалуй наберётся. И если соберутся все вместе, да не шутя решат одной из дюжин пожертвовать ради штурма заговорённой крыши…

Что ж, тогда они довершат начатое Финдарокрегом.

Но только пусть сперва выберут жертвенную дюжину!

— …ава…арпии!..ерть…ам! — разъярённые крики затихли вдали.

Многих незванных посетителей Бланш узнавала по прошлой жизни. Нынешние — наверняка из клана Рооретрала. Молнией, если она не ошиблась, попало Пандролиару — младшему отпрыску Пендрамора. Надо это запомнить и рассказать Бларпу — ему пригодится как новый аргумент в очередном споре с Великой Матерью.

И надо же, какое совпадение — воздушный замок Бларпа явился под вечер, сопровождаемый четырьмя драконами: троими, присланными от Гатаматар, и четвёртым — канкобрским целителем..

Выйдя из дому к Бларпу, провидица приветливо кивнуов троим драконам из четверых: целителю, советнице Хинофатар и воспитаннику Алазарту. Четвёртый дракон — воспитанник Куркнарт — её кивка не удостоился. Сам знает, почему.

От Бларпа не укрылась избирательность приветствия бабушки.

— Куркнарт чем-то себя проявил? В облётах Нового Флёра с дурацкими кричалками? — с первого раза догадался.

Провидица кивнула, но тут же отмахнулась с пренебрежением. Кто таков Куркнарт, чтобы его замечаить?

Но Бларп от темы не отошёл. Заметил:

— Но ведь Куркнарт из нашего собственного клана. Значит, не только Рооретрал…

Бланш отсталось лишь подтвердить:

— Среди крикунов давно уже не один Рооретрал. Все кланы представлены.

— Но это же…

— Да. Картина много хуже, чем мы ожидали.

— Надо бы известить Мать-Драконицу…

— Чем теперь поможет Гатаматар?

Куркнарт, с упоминания о котором начался разговор, парил над небесным островом, как ни в чём не бывало, напуская на себя добродушно-любезный вид. Издевается? Или питает иллюзии, что старуха могла не узнать его голоса в летучей толпе крикунов-погромщиков?

— Мы всё рано летим к Гатаматар, — сказал Бларп.

— По пути в Канкобру? — догадалась Бланш. — Значит, Лулу Марципарина Бианка…

— Да, опасно заколдована и более не может сама противиться колдовству. Впрочем, сейчас ей полегчало, и она хочет с тобой поговорить, ба. О прошлом твоём предсказании. Поднимешься в замок?

Бланш согласилась. Да, конечно, она поговорит с Бианкой. Правда, не о давешнем предсказании. Заколдованной матери Драеладра ведь нужно утешение, а в том предсказании утешения мало. Но у Бланш есть другая тема для разговора. Собственная история. История, в курс которой Марципарину стоит ввести — до того, как тяжёлые врата Канкобры сомкнутся за нею.

* * *

— О чём же нам с вами говорить, как не о предсказании по глазам моего сына? — спросила Марципарина.

Разговор происхожил с глазу на глаз в одной из стенных башен воздушного замка, мчащегося к небесному дворцу Гатаматар.

— Вас так интересует будущее? — спросила Бланш, прекрасно зная ответ. Ещё бы не заинтересоваться будущим человеку, который стремится избежать настоящего. А Лулу — непременно стремится. Ведь её настоящее заколдовано. И населено противными гарпиями.

— Да, ведь это грядущее моего сына. Значит, и моё.

Бианка сосредоточена, не отвлекается ни на какие потусторонние голоса. Бларп не ошибся, говоря, что гарпий Лулу оставила в Ярале. Но гарпии не ушли. Временно отстали.

— О чём же ещё говорят с провидицей, как не о будущем? — а вот здесь шаг назад. Марципарина позабыла о себе и выясняет, о чём в похожих случаях говорят другие. Думает, провидицу должно спрашивать о грядущем.

Бедная Лулу. Знает ли она, что в будущем у неё Канкобра, откуда мало кто возвращается? Нет, вряд ли. Но если озарить её этаким грустным знанием, шансы вернуться понизятся ещё сильнее.

— Ещё у провидицы бывает прошлое, — сказала Бланш. — Знать его иногда полезнее, чем то, что она предсказывает. Особенно, если в этом прошлом — твой возлюбленный.

— Чичеро? — вскинулась Лулу. — Да. Я вспомнила, — она быстро успокоилась, — мне говорили.

Ещё бы не успокоиться. Старушка ей не соперница. Ныне. А

былое… Не ревновать же мертвеца к женщинам, на которых он глядел задолго до твоего рождения.

Что ж, посмотрим, как запоёт Лулу, когда Бланш выскажет главное.

— Родить от Чичеро нового Драеладра должна была я.

* * *

А как же, всё именно к тому и шло. Как истинная дочь легендарной Кешлы, Бланш унаследовала чудесную способность нести драконьи яйца. «Кормилица драконов» — это судьба многих. Многих женщин в драконочеловеческом роду Драеладра.

Среди многих есть женщины самых разных типов. Есть, например, пустоголовая Ута, которая родила того самого Куркнарта, которому теперь не стыдно драть горло в примитивных кричалках во славу гарпии над отшельничьим домом Бланш. Что нужно, чтобы такая женщина снесла драконье яйцо? Не так уж и много — просто забеременеть. А кто родится — да как повезёт. Либо младенец-дракон в человечьем обличии, либо яйцо крылатой рептилии. Разница есть, но не столь уж и велика.

Шанс на рождение крылатого ребёнка резко повышался, если женщина сходилась с таким же крылатым любовником (опыт, разумеется, приемлемый не для каждой), либо с таким же двуногим родственником драконов, как и она сама. Впрочем, кому бы взбрело на ум повышать этот шанс?

Только той роженице, которой предстоит произвести на свет особого дракона. Иначе говоря, Драеладра. Вот уж задача не для многих!

Но Бланш среди многих попала в избранные. Не мудрено: где провидчество, там и избранничество, одно и другое издавно ходят под руку, либо летают крыло к крылу.

Дар провидения, а с ним и особую судьбу юной Бланш открыла совсем древняя провидица Сибила, которая её учила и инициировала в Адовадаи — в том уютном портовом городке на берегу моря Ксеркса, где развивались и отношения…

Да, с Чичеро. Тогда ещё живым, ещё не рыцарем Ордена посланников Смерти, ещё цельным, а не химерой из трёх карликов… Что и говорить, с Чичеро как возлюбленным Бланш в своё время повезло намного сильнее, чем Лулу Марципарине.

Старая Сибила жила на маяке, возвышавшемся над обрывистым склоном мыса Утюг, что отделял бухту Адовадаи от череды других, некрупных и менее посещаемых бухточек. В тех

бухточках, да и на самом мысе Утюг было много маленьких базальтовых гротов, где Бланш и Чичеро так любили уединяться.

Как-то раз, поднимаясь на гребень мыса от одного из этих гротов, они и зашли на маяк, где Бланш встретила Сибилу — всю сморщенную, как дожившее до зимы летнее яблоко.

Так вот ты какая, подумала тогда Бланш. О Сибиле-то в Адовадаи рассказывали многое. Например, что она вдова Цилиндиана — самого знаменитого мертвецкого некрософа. Или — что умеет гадать по драконьему полёту. Кстати, слух о гадании оказался правдой.

Да-да, дар самой Сибилы отличался от того, что позднее развился у Самой Бланш. Сибиле не требовалось заглядывать дракону в глаза, она самое главное о грядущем узнавала ещё издали.

И заранее узнанным Сибилой событием стала её встреча с Бланш, а также многое, о чём старая хранительница маяка с ходу поведала девушке.

Родить наследниека Драеладру? Эта идея уж как ошарашила, так ошарашила! На её фоне открытая Сибилой способность Бланш к провидению ничуть не удивила. Подумаешь, что-то увижу в глазах дракона! Эти глаза надо где-нибудь ещё встретить.

Хотя… Родится дракон, да и глаза встретятся. Одно другое подразумевает. Разве не так?

«Нет, — со смехом сказал юный Чичеро, — никакого дракона у тебя не родится. Ещё чего! Я просто не отпущу тебя погулять!».

Чичеро не знал, что Бланш и сама драконица, стало быть, может родить дракона от любого мужчины, хоть бы и от него самого. Да много чего он не знал — или не желал знать.

Кстати, в родне у Чичеро тоже драконы были. Ни сам Чичеро, ни его родня из отшибинского Кройдона ни за что бы в том не призналась, однако Бланш такие вещи чувствовала напрямую. Кожей, которая безошибочно определяла: свой. Дальний родич по Драеладрову клану.

В общем, новый Драеладр имел все шансы родиться у Бланш. Все, кроме одного: согласия самой будущей роженицы.

Избранничество — оно ведь льстит одним лишь юным глупцвм. Кто постарше, либо поумнее, тот понимает, как сильно оно ограничивает его право на свободный выбор.

Ещё легендарная Кешла приняла своё назначение «кормилицы драконов» далеко не сразу, а в некоторых версиях легенды — и не приняла вовсе. Бланш, как истинная дочь Кешлы, тоже решила сделать свободный выбор. Выбор не впользу следования заданной колее.

Предсказание звучало примерно так. Нового Драеладра родит

женщина, чьё имя означает «Белая», от мужчины по имени Чичеро. Причём незадолго до рождения нового старому Драеладру придётся умереть. Воцарение же нового Драеладра не пройдёт гладко, на него и на его мать обрушатся жестокие гонения и преследования, им придётся либо самим погибнуть, либо победить в затяжной войне, которая ляжет в основу нового свода героических легенд о людях, драконах и мертвецах.

Надо признать, звучало всё это не слишком вдохновляющее, хотя старая Сибила — та вдохновить старалась. И Бланш приняла чёткое решение: мол, извините, высшие силы, но я в вашей постанове не участвую.

Менять старого Драеладра на нового — да зачем? Со старым Бланш была по-родственному знакома, причём он был очень-очень хорош — да и молод ещё по драконьим меркам. Пусть лучше он сам справляется с неисчислимыми кознями мертвецов, а не спешит умереть и передать дальше свою верховную власть. Кто ж его знает, как оно там дальше будет?

Заставлять страдать своего нерождённого ещё крылатого сына ради сомнительного шанса и сомнительной для него чести заменить собою истинно героического предка и вернуть мир к равновесию — после долгих лет бедствия и бессилия? И такого не хочется.

Да и сама Бланш. Положа руку на сердце, так ли уж ей хотелось становиться матерью? Ведь нет! Материнство — это судьба не по ней. Добровольное отшельничество провидицы — вот её судьба. Учтите это, пожалуйста, высшие силы. Учти, мироздание.

* * *

— А дальше? — спросила Марципарина.

— Дальше всё просто. Навыки применения провидческого дара я у Сибилы получила, но слушаться — не послушалась. Не стала беременеть от Чичеро в последние дни, когда это было возможно. Ведь там, в Адовадаи, нашему с тобой возлюбленному совсем недолго оставалось до перехода в посмертие — а мертвецы бесплодны.

— А нельзя ли было не пустить Чичеро на некромантский обряд?

— Нет, Лулу. О том и старая Сибила предупреждала. Не было силы помешать ему реализвать своё глупое решение. Хоть в подвале его запирай — сделает подкоп и выскочит. Ведь и решение — из судьбоносных, из влияющих на весь мировой

сюжет. И если женщина по имени «Белая» возможна не одна, то Чичеро — всё-таки один. Другим его не заменишь.

— Вторая женщина по имени «Белая» — это я?

— Да. Третье твоё имя — Бианка. Похоже на «Бланш», не правда ли? И по значению полностью совпадает. Правда, женщина с таким именем возникла лишь во втором поколении — я всё-таки повлияла на пути нашего мира отказом от своего избранничества.

— Кто дал мне это третье имя? — спросила Лулу с подозрением на лице.

— Наверное, цанцкие некроманты. Давать три имени — это их почерк. Хоть одно, да окажется в точку. Правда, те люди сами не знали, в какую они точку метят. Их обычная задача — извратить судьбы, исподтишка подсмотренные в подземной Дымной башне. Но как извратишь, когда закрываешь глаза на правильное?

— Они пытались извратить мою судьбу? Как?

— Для начала, они тебя выкрали. Девочка из наземного гнезда белого дракона — это показалось им неплохим козырем. Они тебя воспитывали в духе собственной высокообразованной мертвечины. Они пробовали на тебе свои мертвецкие заклятья, хотя вряд ли могли преуспеть… — здесь Бланш приостановилась, чтобы обойти вниманием гарпий. Негоже, совсем негоже было бы их сейчас вызывать! — И они согласились на твой брак с Чичеро лишь потому, что, во-первых, надеялись через тебя на него дополнительно влиять, во-вторых, собирались этот брак расстроить.

— Как-то сложно получается…

— Ещё бы не сложно. Мертвецов много, каждый, кто допущен к знанию о судьбах, норовит перекраивать эти судьбы к собственной выгоде, мертвецы суетятся, толкаются, мешают друг другу локтями — правда, за видимым хаосом всегда стоит единая воля Владыки Смерти.

— Они ведь пытались убить Чичеро?

— Да, была у них наряду с прочими и такая интрига. Как видишь, не преуспели — хотя для верности даже расчленили тело, похитили важную часть. Думали, наверняка. И что же? Чичеро неубиваем, он подобен легендарному Фениксу. Другие некроманты, ориентируясь на собственные выгоды, вернули ему посмертие. За недостатком мёртвых частей запихнули в него живые. Чичеро встал, отряхнулся и пошёл дальше. Похромал на своём трёхногом коне. И добрался до Цанца, и встретил тебя — и смог, в конце-то концов, с тобою возлечь, исполняя предначертание. А живые карлики в его составе обеспечили

плодородие.

— Значит, это не я возжелала Чичеро? Значит, предначертание?

— Одно другого не отменяет.

* * *

Ну вот. Бланш хоть что-то и рассказала, но совсем не то. Или то самое? Марципарине было сложно понять, чего именно она сама хотела от Бланш. Лулу не понимала тоже, но возмущалась несоответствием запросу. А Бианка…

Бианка, кажется, была польщена особым значением её имени. Да и от самой откровенности старой женщины — просто-таки растаяла.

А чего таять-то? Бланш ловко увернулась от судьбоносной лавины, которая Марципарину накрыла. Ведь так? Бланш выбрала свою судьбу, а Бианка выбрать не сумела. И, наконец, Бланш пренебрегла естественным любопытством Лулу: что там было, в глазах Драеладра?

Таять — не таять, уверена Бианка, но прислушаться-то надо! Сейчас, когда замок везёт всех троих туда, куда ни одной не хочется, всякая попытка сориентировать тройственную мать Драеладра очень к месту. Нам надо для начала собраться воедино. Да, именно воедино, как бы кому не хотелось иного. Чтобы собраться, нам надо опереться на главные события, которые повлекли катастрофу.

А в чём катастрофа? Этого Лулу не поняла. Лулу так поняла, что Бларп, Бланш и ещё несколько человек и драконов во главе с высокомерной Гатаматар позаботились о том, чтобы разлучить её с сыном, увезти в небесном замке, запереть в таинственной Канкобре — вот там-то и состоится катастрофа. Пока же никакой катастрофы нет.

Как нет? А гарпии? Это вспомнила Марципарина.

Ну подумаешь, гарпии. Да, в яральском замке Драеладро их наплодилось многовато, но ведь через их толпу всегда можно было пройти. К тому же, если толпа была плотной, некоторые гарпии специально подвигались. Пропускали молодую мать с запелёнатым яйцом на руках. Подумаешь, немножко при том галдели да хихикали. Зато проявляли заботу.

А чего хихикали-то?

Ну, смешно им отчего-то. Что с них взять. Гарпии вообще смешливы. Смеются всегда, когда зубами не скрипят. Неприятно смеются, кто же спорит. Но смех — не самое худшее из их

репертуара. Визг, например, гораздо страшнее. Так что лучше пускай смеются. Этак можно и самой расслабиться.

Нельзя расслабляться при смехе гарпий, настаивает Бланш. Ей-то откуда ихвестно?

Что-то пауза затягивается, замечает Марципарина. И по лицу Бланш уже блуждает подозрение. Видно, подумала старая: кому я всё это время свою историю рассказывала? Одной женщине, или трём?

Не паникуй, бросила Лулу, она ни о чём не догадывается. Надо бы снова у неё спросить что-нибудь умное. Бианка, пожалуйста, у тебя получится убедительнее всех.

Зачем вам её доверие?

Бианка иронизирует, будто не понимает, что как раз недоверие Бланш опасно. Чем меньше тебе доверяют, тем ближе ты к ужасной Канкобре, ну разве не понятно?

Мы и так летим к Канкобре. Что, из-за недоверия Бланш полетим быстрее?

Не быстрее. Неотвратимее.

Хорошо, соглашается Бианка, я снова заговорю с Бланш. Но только прошу мне не мешать, о чём бы я ни говорила. Да, я буду спрашивать о гарпиях. Нам ведь надо когда-нибудь с ними справиться!

Нет, только не о них! Гарпию помянешь — она и появится…

— Скажи, провидица, — молвила Бианка, — а правда ли, что на небесах нет гарпий? Правда, что эти твари летают, но так низко-низко, что сюда им не добраться?

— Надеюсь, что правда, — соврала Бланш.

Во спасение, но соврала. Ни на что подобное она не надеется.

О том, как сильно соврала Бланш, Лулу Марципарина Бианка узнала уже на приёме у Гатаматар. На нём она оказалась в одиночестве, поскольку Бларпа и Бланш в небесный дворец Великой Матери попросту не пропустили. Хоть Эйуой и возражал в довольно резкой форме — но крылатых стражей не переубедил. И не только стражей.

* * *

Эскорт из четырёх драконов не случайно сопровождал замок. Эскорт, подчинённый вовсе не Бларпу, а самой Гатаматар. И не такой уж и дружественный к эскортируемым, как легко было догадаться уже из присутствия кникуна Куркнарта.

Советница Хинофатар, главная среди сопровождающих сказала недвусмысленно:

— Мать-Драконица хочет видеть Лулу Марципарину Бианку. Больше никого.

С самого начала ведь знала, что такое скажет.

— А если мы не её одну не отпустим? Заберёте силой?

— Зачем силой? — вздохнула Хинофатар. — Но воздушный замок мы блокируем здесь. Рулевые драконы приказа Гатаматар не ослушаются, а вы с уважаемой провидицей, уж извините, сами летать не умеете.

Да, замок завис в открытом небе довольно близко к испещерённой широкими входами глыбище небесного дворца — но не допрыгнешь.

— Неужели Гатаматар меня боится? — спросила Бланш. — Боится того, что я разгляжу у неё в глазах?

— Нет, Великая Мать ничего не боится! — быстро возразила советница. — Но и доказывать вам этого не станет.

— Не в её правилах разговаривать с одиозными лжецами! — прихихикнул Куркнарт, вылетая из-за широкой спины Хинофатар.

Бланш и Бларп его реплику проигнорировали. Хоть и было к чему прицепиться (недоказанное обвинение), но не признавать же из-за этого крикуна собеседником.

— Мы подумаем, — с напускной важностью сказал Бларп.

А что думать? Гатаматар у себя и никуда не спешит. Принять у себя Марципарину — её воля, но не предельная необходимость. Бларп не толькл не собирался препятствовать их встрече, но даже договорился о ней. И каждый знает, что Лулу Марципарина заколдована настолько, что Канкобры ей не избежать. Так к чему же…

Внук тоже решил, что ни к чему.

— Мы подумали, — сказал он, — по-моему, вариантов нет. А ты что скажешь, ба?

Бланш подтвердила.

* * *

Ко входу в центральную пещеру небесного дворца Гатаматар мать нового Драеладра доставили с известной торжественностью. Ясно, чтобы ещё сильнее отдалить её от Бларпа и Бланш, не удостоившихся приёма.

Лулу Марципарина Бианка вступила в богато украшенную шлюпку, опущенную во двор замка двумя запряжными драконами — ими по особому случаю оказались уже знакомые ей Куркнарт и Алазарт из эскорта небесного замка. Затем драконы бережно подняли шлюпку и в два взмаха крыльев перенесли через

пропасть.

Туда, куда руки Бларпа и Бланш уже не дотянутся.

— Просим! — в полёте поклонилась Хинофатар, указывая на широченный парадный вход. Приятно, когда тебя просят. До сих пор — не просили.

Лулу Марципарина Бианка стряхнула с себя оцепенение и, переступив через невысоуий борт небесной шлюпки, двинулась в пещерный дворец к ожидающей её Гатаматар.

По пути задумалась, какую линию поведения выбрать? Притвориться ли, что никаких гарпий она не видит — будто бы Бларп и Бланш её оговорили? Нет, против такой линии возражала Бианка.

Согласиться, что она глубоко заколдована, и ей давно пора в Канкобру? Нет, против такого решения восставала Лулу.

А, будь что будет, решила Марципарина. Сообразу по обстановке.

Или за меня сообразят.

Она шла по дворцовой пещере, любуясь её роскошным убранством. Изящные светильники блистали на стенах между разветвлёнными друзами каких-то небесных кристаллов. Да уж, интерьер дворца Драеладра в человееском Ярале выглядел куда как скромнее.

Не говоря уже о гарпиях, которые туда однажды проникли и с тех пор обсели всё и вся вместо украшений.

Хорошо и утешительно, что на небесах гарпий нет. Об этом не так давно рассказала Бланш, а ей, даром что провидица постоянно лжёт, всё-таки хочется верить.

Если на небесах нет гарпий, сообразила Лулу, то и её собственных гарпий никто не заметит. Ведь она же на небесах, где их нет!

Коридор вывел Марципарину в широченный парадный зал. В одном таком зале могло бы поместиться несколько дворцов, поэтому глаза гостьи то зажмуривались от яркого света, то разбегались по углам — исключительно удалённым и почти недоступным взгляду.

А кругом — драконы, драконы. Множество крылатых драконов, от которого рябит в глазах. Что ж их столько-то?

Усилием воли Бианка сфокусировала зрение на фигуре Гатаматар, воздежавшей на невысокой горке обсидианового щебня в самом центре пещерного зала. Великая Мать ей кивнула.

Итак, сейчас предстоит разговор.

— Здравствуй, мать Драеладра! — имена, звучавшие не по-драконьи Гатаматар произносить избегала, и лишь потому назвала Лулу Марципарину Бианку столь косвенным способом.

Да оно и к лучшему.

— Здравствуйте, Великая Мать, — поклонилась Марципарина.

Дальше пошёл более сложный разговор по-драконьи, потребовавший перевода, и роль переводчика взяла на себя советница Хинофатар.

Ах да, поняла Лулу, раз Хинофатар находится рядом, при ней бесполезно прикидываться, будто никакие гарпии в Ярале не посещали мать Драеладра. Это была бы явная ложь, а Гатаматар, как мы все уже знаем, лжецов не приветствует. Значит…

Лулу не успела додумать, что это значит, и что отсюда следует. Речь о гарпиях зашла, и довольно-таки быстро.

— Гарпии? Да, в Ярале их… немножко было, — пришлось признать ради хорошего впечатления.

Что ж, если отправят в Канкобру, там меня, может быть, расколдуют. Но если не отправят — тоже не беда. Что, если меня в Канкобре всё равно бы не расколдовали?

— Но сейчас-то вокруг себя ты гарпий не видишь? — произнесла Гатаматар с извесным напряжением, которая и переводчица не смогла полностью смягчить.

— Нет, — замотала головой Лулу, — я ведь знаю, что на небесах гарпий нет. Вот и мои сюда не смогли добраться, — тонкий намёк на то, что Лулу вместе с Бианкой и Марципариной можно оставить прямо здесь, в роскошной драконьей пещере.

— Всё верно, — улыбнулась Гатаматар, — гарпии — создания срединного мира. Здесь, в мире драконов, сколько ни верти головой, ты не встретишь ни одной подобной твари.

Марципарина счастливо засмеялась. А вот Бианка, пользуясь случаем, завертела головой. И по мере того, как вертела, приходила в такой ужас, что если бы могла как-то повлиять на смех Марципарины, неуклюже бы его оборвала. Но нет, Марципарина смеялась совершенно автономно и вовсе не обращала внимания ни на то, как Бианка вертит головой, ни на то, что она при этом видит.

А Бианка видела гарпий. И это были не её гарпии. Местные. Примерно столько же, сколько и драконов, у каждого дракона — своя. Жирненькие, упитанные. И немногим меньше размерами, чем сами драконы.

А занимались гарпии тем, что над драконами издевались. То одна, то другая начинала своего дракона щекотать острым когтем. От чего хозяин гарпии лишь ёжился и непроизвольно похохатывал, почему-то избегая поглядывать на источник щекотки.

Ага. Они своих гарпий ещё и не видят.

Жутковатая картина, но и уморительная. Бианка сама не заметила, как присоединила свою горькую ноту к чистосердечно-радостному смеху Марципарины и Лулу. А тот лавиноподобный хохот драконов, который раздался будто бы в ответ, наверное, был способен расколоть всё огромное дворцовое помещение. Бианке показалось, или дальние стены парадного зала действительно пошли трещинами?

Глава 24. Подвиг разведчицы

Слово «подвиг» звучит громко. Но из иной героической песни его не выбросишь. А песни про разведчиков — героические все. Любовных да лирических среди них нет. И шуточных нет, хотя добрую шутку разведчики любят. От чего бы не посмеяться, да хоть бы и на тему подвига.

Таковы вот подвиги у Кэнэкты — обхохочешься. А всё же по-другому их не назовёшь. Вся жизнь, отданная разведке — это подвиг.

Между прочим во славу родительскую, ведь Эрнестина занимает в разведке наследственный пост. И к известному драконьему признанию, ведь не зря возглавляемая ею служба в древних официальных документах названа чуть ли не драконочеловеческой. Пусть даже ныне от драконьей стороны в неё введён один дишь Бларп Эйуой.

Ну а в чём основная суть подвига разведчика? В сохранении. Что-то, чему должно спастись, не отдать врагу. Ну, и своих людей вовремя вызволить. Да и просто своё дело.

Разные бывают периоды. Иной раз понимаешь, что вся твоя разведка, все разветвлённые сети информаторов, все добытые ими сведения — лишь балласт, никому не нужный, а то и вредоносный.

Поневоле поймешь, когда садишься писать донесение человеку, о котором почти наверняка знаешь: он завербован. Да, нет доказательств, но всё его поведение так и кричит о противоестественной любви к мертвецам, о недовольстве по поводу лучших твоих успехов и бесстыдном злорапдстве в связи с неудачами.

Разоблачить его? Но и тут засада: кому ты напишешь рапорт? Его начальству, которое точно такое же самое? И что после такого демарша останется от тебя, от твоих людей, да и от налаженного тобой дела?

И остаётся единственное пользоваться навыками своего ремесла. Невозмутимо актёрствовать в надежде на более благоприятную ситуацию, а то и новые времена.

Сохраняться и людей сохранять вопреки всему. Это ли не подвиг?

* * *

Для своего жизненного подвига Кэнэкта нашла приемлемую

форму, позволяющую делать своё дело сравнительно честно, но без особенного надрыва. Многое было в её компетенции. По сути, главное из того, что представлялось ей важным.

Важно противостоять мертвецам? Она это делала. Мешала, как могла, хитрым мертвецким козням, по собственной инициативе держала за горло самих душителей. Вывела и спасла из цанцкой ловушки Лулу Марципарину Бианку. Легко пресекала в дружественном Эузе порте Адовадаи попытки вербовать матросов для военно-морских диверсий. Отобрала у мертвецов контроль над пиратами в море Ксеркса. Уже немало.

А совсем недавно предотвратила серьёзную диверсию мертвецов против пиратского флота, правда, ценой крупных разрушений и человеческих жертв в городе Саламине. Морские разбойники практически не пострадали, а вот скупщики барахла, торговцы разбойным товаром, увеселители «добрых людей» — все они в лучшем случае понесли разорительные убытки, а в худшем — навеки сгинули. Разумеется, их по-своему жаль, тоже ведь люди. Но и не сказать, что Кэнэкта раскаивается — отводила-то чужой удар от своих. Да и не знала сути удара.

Но диверсии диверсиями, в подвиге разведчицы их места будто заранее зарезервированы, как и места всех прочих поражений и побед. Есть враг, есть ты, есть обмен ударами в общей игре. В равной игре невозможно побеждать постоянно. Что-то смогла, что-то не сумела — дела житейские. Истинными катастрофами для разведчицы могут стать совсем иные события.

Например, смена царя в твоём собственном царстве.

.

* * *

Был Ксандр III, стал Ван с-Йела VI. Это ведь не просто имена, это политические линии. Для главной же разведчицы Ярала это и режимы её деятельности, и — что намого серьёзнее — основные цели, за выполнение которых ей предстоит отчитываться.

При старом Ксандре Кэнэкту не очень-то устраивал жёсткий режим: с секретностью случился явный перебор. А вот Ван с-Йела — тот царь, который пришёл задать вовсе неприемлемые цели.

Царь Ксандр не столько любил драконов, сколько ненавидел мертвецов, поскольку же и драконы к мёртвым относились аналогично, ничего не имел против союза. Иное дело царь Ван. Этот мертвецов уважает превыше живых людей, зато драконов ненавидит.

Судя по присланному в Ярал манифесту, дело обстоит

именно так. Расторгнуть все договоры с драконами… Прекратить отношения… Выслать из Ярала всех, кто является драконом в том или ином смысле…

А ведь в том или ином смысле этот манифест направлен против Кэнэкты и всего её жизненного дела. И не важно, что родственников-драконов у неё нет. Есть разведка, которая… Ой, да что там говорить!

— Новый царь не боится, что в Эузу вломятся мертвецы? — спросил Дулдокравн.

— Не только не боится. Он их и пригласит… — начала Кэнэкта, да прикусила язык. Нечего!

Прежде чем вести политические беседы, пусть даже и с возлюбленным карликом, надо бы определиться с собственной политикой. Протестовать? Затаиться? Вести себя, как ни в чём не бывало?

Обсуждать политику нового царя можно только в режиме «протестовать», который вряд ли окажется самым действенным. До сих пор в своём жизненном подвиге Кэнэкта не отводила места протестным деяниям.

Правда, протестовать она умеет. Как-то раз дошло даже до дуэли — но то было в неразумной юности. Сейчас, уж наверное, поумнела. Достаточно ли поумнела — вот вопрос.

Дулдокравн между тем заметил, что без драконов Ярал в принципе невозможен, и он, разумеется, прав. Ярал — город разведчиков. Сам себя он не прокормит. А добраться сюда, на вершину Белой горы, можно только на небесных замках. Но вот ведь незадача: эти замки летают не сами собой. В каждом — четверо рулевых драконов.

Отсюда можно сделать двоякий вывод. Оптимистичный его вариант предложил Дулдокравн. Так и сказал, успокоительно улыбаясь:

— …раз без драконов Ярал невозможен, драконы здесь будут!

Но есть и пессимистический вариант, который Кэнэкта проговорила про себя: раз без драконов Ярал невозможен, не останется никакого Ярала.

Кто прав? Кто угодно, но только не оптимист.

Поскольку же милый карлик принялся развивать свою далеко отстоящую от жизни логику, Кэнэкта решила главное прояснить:

— Царь Эузы не допустит, чтобы в его царстве остались города с особым мнением. Именно поэтому Ярал из всех городов Эузы пострадает первым! — так и сказала. Не слишком ли явно следует из её слов, что нынешний царь — предатель?

* * *

А потом — без долгого времени на раскачку в Ярал понаехала куча людей в зелёных мантиях — Патриархи из Обсерваториума. Раньше этакого чуда никто не видел — да вот появилось.

Кажется, тот Обсерваториум основал одним из последних свлих указов ещё прошлый царь. Но, как у него водилось, основал для каких-то секретных целей, открытым текстом в указе не прописанных. А вот новый царь в своём манифесте по восшествии на престол передал Обсерваториуму столько власти, что сделалось ясно: ничего доброго не жди. Этакие полномочия даже изначально честного человека доведут до жутких злоупотреблений. А если к полномочиям добавляются и враждебные тебе цели…

Хорошо, Кэнэкта ещё до рейда Патриархов успела надёжно припрятать или уничтожить самые важные документы — те, из-за которых кто-нибудь мог серьёзно пострадать.

Жаль, все опасные документы бесследно не уничтожишь. Средства на разведдеятельность Кэнэкта получала из царской казны — и подробно отчитывалась, на что и с каким эффектом они были потрачены. Отчёты её хранятся не только здесь, но и где-то в столичном Кроме. Начнёшь беззастенчиво править — уличат. Патриархи не слишком умны, но весьма дотошны. Да и просто тошны, откровенно говоря.

Тошны — именно то слово. Как-то заходит Эрнестина к себе в башню — а Патриархи уже там. Расположились и распоряжаются.

— Кто это вас сюда пригласил? — спросила Кэнэкта как можно приветливей.

И приветливое слово возымело впечатление. Из носителей зелёных мантий вышел вперёд один, представился Кляйн-Патриархом Виктом.

— И что вы делаете с моими бумагами, Кляйн-Патриарх?

— Инспектирую. По личному указанию Гросс-Патриарха Конана.

— Вот оно как? — очаровательно улыбнулась Кэнэкта (ну, ей самой эта улыбка показалась именно такой, а за Викта она бы не поручилась). — А есть ли у вас моё разрешение?

Кляйн-Патриарх забормотал, что Гросс-Патриарх — достаточно высокая птица, чтобы разрешения не спрашивать.

— Гросс-Патриарх — достаточно высокая, — не стала перечить Эрнестина, — а вы?

Полезно бывает помнить свои права и обязанности. К добру ли, неизвестно, но этого Викта Кэнэкта красиво поставила на место. Даже если и не к добру, то к собственному удовольствию.

Кляйн-Патриарх Викт всё-таки побежал за Гросс-Патриархом

Конаном. И Конан, блестящий лысиной, пришёл к Кэнэкте, вместо того, чтобы где-то усесться и вызвать её к себе. Мелочь, а тоже приятно.

Правда, и Патриархи, и Кэнэкта понимали, что она делает себе приятное напоследок.

Ясное дело, Конан, доставляя удовольствие Кэнэкте, чувствовал себя настолько принуждённо, что чуть не выходил из себя. Как пришёл, принялся свысока кричать. Кэнэкта покорно слушала. Кому-кому, а Гросс-Патриарху она не имела ни малейшего права перечить. Что ж, мужчина из себя видный, породистый — пусть покричит.

Сперва разведчицу больше всего занимал приятный тембр голоса Конана (у Викта был вовсе неприятный), и она совсем не вникала в смысл сказанного, благо крики Гросс-Патриарха были совсем беспредметны и складывались в самодостаточный монолог. Однако потом сердитому главе Обсерваториума понадобились её ответы. Что ж, она вникла и в смысл.

— А знаете ли вы, госпожа руководитель местной разведки, — язвил Конан, — что Высочайшим Манифестом нашего царя Ванна с-Йела VI вам предписано немедленно расторгнуть все договорённости с драконами, а также обеспечить изгнание из Ярала всех драконов и членов их семей?

— Знаю, — кивала она.

— Плохо знаете! — рявкнул Конан. — Как показала наша экспресс-инспекция, среди населения города по-прежнему сохранились драконы!

— Трудно не согласиться с выводами столь уважаемой инспекции, — с озабоченным видом ответила Кэнэкта, — но, к сожалению, выполнение положений манифеста его величества встречается с трудностями самого неодолимого свойства. Во-первых, с точностью отделить людей от драконов часто невозможно по причине давности родственных связей…

— Уж с этой-то задачей мы справимся, — бросил Конан с выражением самым победоносным, — Обсерваториум располагает специальным камнем-индикатором драконьего присутствия. Дальше!

— Во-вторых, возникает трудность иного свойства, касающаяся не различения изгоняемых, а осуществления самого процесса изгнания.

— Драконы нам окажут сопротивление? — оживился Конан.

— Нет, я о другом. Дело в том, что сообщение Ярала с различными земными и небесными пунктами назначения происходит не иначе, как в присутствии драконов. В этой связи не могу не спросить у уважаемого Гросс-Патриарха, планируете ли

вы когда-либо покинуть Ярал?

— Планирую, — буркнул Конан, — однако, оставлю вместо себя Кляйн-Патриарха Викта со всеми полномочиями, а также с индикаторным камнем для контроля за ходом изгнания драконов.

Конан по-прежнему пугал Кэнэкту своим камнем, а о сути её вопроса не догадался. Дело-то не в том, кто за чем проследит, а в том, сумеют ли многомудрые Патриархи отсюда выбраться.

— В таком случае прошу простить мне дерзость следующего вопроса: правда ли, что Обсерваториум способен поднять в небеса воздушный замок без участия четырёх драконов, которыми он обычно управляется? Спрашиваю об этом потому, что если все договоры с драконами будут немедленно расторгнуты, а сами они изгнаны, средство своевременного возврата уважаемых Патриархов в столицу может оказаться утерянным.

Вот тут-то лысый Гросс-Патриарх понял свой промах. И сразу нашёл виноватого: конечно же, именно Кляйн-Патриарх в недостаточной степени подготовил вопрос. Кто же, если не он?

Викт под его красноречивым взглядом стал извиваться ужом на сковородке, бормоча оправдания:

— Хочу заметить, что воздушнымизамками управляют подневольные драконы, с которыми особые договорённосмти не устанавливаются… Как существа, лишённые волеизъявления, они, конечно же, не могут рассматриваться в качестве врагов Эузы… — но уже по лицу Конана было заметно, что лепечет он ерунду.

Индикаторные камни, небось, не делают различия между свободными драконами и подневольными. Камни, выявляющие даже людей, принадлежащих к драконьему роду.

Кэнэкте осталось противного Кляйн-Патриарха походя добить.

— Подневольных драконов не бывает. Просто некоторые драконы провинились и отбывают наказание на всяких полезных работах!

— Подневольные, провинившиеся — какая разница? — взбеленился Викт.

— А та, — хлёстко возразила Кэнэкта, — что драконы-водители замков провинились не перед людьми, а перед свободными драконами. Стоит людям со свободными драконами поссориться — и они отзовут тех, которые провинились. Поэтому время для ссоры лучше выбирать такое, чтобы самому не оказаться в труднодоступном месте.

Пока она говорила, Викт зеденел от внутреннего яда, а Конан становился всё более похожим на грозовую тучу.

— Благодарю хозяйку яральской разведки за преподанный урок, — сказал он наконец, и в словах его не то, чтобы не было

угрозы, просто кроме угрозы имелась и благодарность — насторожившая Кэнэкту ещё больше. — Урок был полезен. Обсерваториум его учтёт, чтобы не наделать подобных ошибок в следующий раз… Кстати, госпожа Эрнестина Кэнэкта, не напомните ли вы, в каких городах и землях имеются ваши подпольные дружины? — в момент вопроса ощущение угрозы усилилось, выдавая какой-то скрытый замысел Гросс-Патриарха.

— В Бегоне, Уземфе, Карамце, Глукще и Адовадаи, — быстро ответила Кэнэкта. О Саламине на всякий случай умолчала. Мало ли какую бурю можно раздуть из происходящего сейчас в Саламине?

— Замечательно! — всерьёз обрадовался Конан. — Вы не откажете в любезности сопровождать комиссию нашего Обсерваториума в инспекционной поездке по этим чудным городам?

Знает ведь, что правом отказать Гросс-Патриарху в подобной просьбе Кэнэкта не наделена.

И уже под самый занавес визита, властно выпроваживая Викта и других Патриархов из бащни разведчицы, Конан сделал попытку пошутить:

— Надеюсь, что до завершения нашего облёта ваших дружин вы не успеете выполнить требования царского манифеста в полном объёме. Хотелось бы полетать на воздушном замке. Напоследок.

* * *

Кэнэкта сразу догадалась, что её совместный с Патриархами полёт задуман ради какой-нибудь хитрой провокации. Догадаться догадалась, а что сделаешь? Любой демарш Гросс-Патриарха приятно удивит.

Поможет уничтожить её прямо в Ярале, а не где-то на выезде.

Последние указания, которые разведчица оставляла своим людям, предполагали, что, скорее всего, она не вернётся. За старшего оставила Дулдокравна. Его было удобнее всего инструктировать — давний любовник понимал с полуслова. Конечно, среди её людей были кандидатуры и посолиднее. Да какая разница, если разведке осталось существовать в лучшем случае считанные месяцы. Не дольше, чем самому Яралу.

Но есть задачи, которые бросить нельзя. Во-первых, маленький Драеладр. Его надлежит хорошо спрятать. Если вывезти из Ярала не удастся, есть лишь одно подходящее место, куда Патриархи не сунутся с индикаторными камнями —

Оползневый склон.

Во-вторых, Лулу Марципарина. Мать Драеладра столь тяжело заколдована, что направить её в Канкобру — единственно правильное решение. Но важно, чтобы манифест его драконофобского величества не помешал драконам от Гатаматар за ней прилететь.

В-третьих, сундук с Чичеро. Надо бы его перепрятать от греха подальше. Слишком уж многие интриги мертвецов до сих пор оказывались завязаны на этого многострадального посланника Смерти.

В-четвёртых, картотека…

И многое-многое другое.

Стараясь охватить всё, Кэнэкта обнаруживала себя в нехарактерном для неё растревоженном состоянии. Пыталась встряхнуться, уговаривала себя. Ну вот ещё! А ну соберись! Помогало, но не надолго.

— Отдохни! — советовал Дулдокравн. Его единственный глаз глядел на неё с ласковой болью.

Чтобы отдохнуть, Эрнестина заключала карлика в объятия, прижималась к нему — и только тогда тревога отступала.

Кстати, оставленного в Ярале карлика-возлюбленного Кэнэкта теперь тоже вряд ли увидит, ведь чтобы им встретиться, нужно, чтобы устоял Ярал, чтобы остался на посту Дулдокравн, чтобы сохранилась и сама Кэнэкта.

Как ни парадоксально, местом, где разведчица давала карлику последние инструкции, был дворец Драеладра. По непонятной причине Патриархи его пока обходили стороной. Тогда как в других местах шныряли, что твои тараканы.

* * *

Первым, и, кстати, единственным городом, куда Кэнэкта отвезла на воздушном замке членов Обсерваториума, оказалось Адовадаи.

Начать с Адовадаи придумал сам Гросс-Патриарх Конан. Спросил:

— А служит ли в ваших подпольных дружинах такой Бабозо?

— Да, — ответила Кэнэкта, — он в Адовадаи.

— Вот туда-то нам и надо.

Чем им не угодил Бабозо? Впрочем, Бабозо — такой человек, что может не угодить многим и во многих отношениях.

Во время полёта разведчицу тихо изводили младшие Патриархи. Рассказывали ей, какие хорошие люди мертвецы, как

много теряют живые и что за прелесть это посмертие.

Приходилось кивать. За ней ведь следили, вот и приходилось кивать. Но кивала она с задумчивым видом, будто бы своим собственным мыслям. Рассказчиков такая двусмысленность раздражала.

Уже на подлёте к городу назначения Гросс-Патриарх подошёл к Эрнестине и вдруг спросил:

— А нельзя ли нам замок здесь… приземлить?

— Нет, — категорически возразила Кэнэкта, — замок на такую посадку не рассчитан. Он может приземлиться, но лишь однажды, поскольку треснет. И больше ему не взлететь.

С опозданием ей подумалось, а так ли ценна для Патриархов возможность взлететь повторно? Многое убеждает в обратном.

Но Конан удовлетворился пояснением. Когда в замковый люк был выброшен верёвочный трап, он первый полез вниз.

* * *

Со сложным чувством Эрнестина вела Патриархов к портовому трактиру «Ржавый якорь». С одной стороны, она обязана, с другой стороны, она ведь показывает путь к своим людям не начальству — явным предателям. Значит, и сама их предаёт? Что ж, может и так. Зависит от того, как всё дальше сложится.

Как только она вошла в общий зал трактира, из нескольких глоток вылетел приветственный клич:

— Госпожа Эрнестина!

Но затем её люди поглядели на лица тех, кто пришёл сюда с ней — и ощутили: не время для искренних проявлений чувств. Радостные крики примолкли, а кто её не успел заметить, предпочёл не заметить. Официант кивнул с холодком.

Лысый Гросс-Патриарх с деланным оживлением огляделся, потом ткнул пальцем в спину одного из хмельных моряков у стойки:

— Это Бабозо?

— Да, это Бабозо, — подтвердила Кэнэкта.

Счастье великое — нашёлся Бабозо.

— О, этот матрос — непревзойдённый рассказчик! — и Конан тут же кивнул на него подчинённым.

Парочка типов в зелёных мантиях немедленно подсела к Бабозо и завела разговор — почему-то о Саламине.

— Да что вам тот Саламин! — отмахивался Бабозо. — Лучше я вам расскажу о своей борьбе с кракеном.

— Нет, не надо про кракена! — возражали слушатели. — Лучше про Саламин.

— Ну хорошо, про Саламин! — согласился Бабозо. И тут же начал длинную-длинную историю про кракена.

Патриархи слушали, не перебивали.

Даже Конан так заинтересовался кракеном, что после затопления оным пятого незпадачливого парусника тоже придвинулся к рассказчику.

Тот моментально приостановил рассказ и обернулся. Новый слушатель предложил ему продолжать:

— Так что там стало с шестой шхуной?

— Эй, приятель, полегче! — дохнул Бабозо перегаром в гросс-патриаршее лицо. — Если думаешь что-то стянуть, то напрасно: в моих карманах поселился ветер.

— Какой ветер? — не понял Конан.

— Такой ветер, — пояснил Бабозо, и сново дохнул перегаром.

Качество ветра Гросс-Патриарха удовлетворило, и он, отодвинувшись от моряка, засобирался прочь. Спросил у Кэнэкты ключ от свободного номера, велел не тревожить.

— А шестая шхуна села на задницу! — провозгласил Бабозо ему вслед.

— На задницу? — не понял один из двух первых слушателей, в раздумиях прислоняясь подолом зелёной мантии к залитой вином стойке.

— Что непонятного? — фигурно развёл плечами Бабозо. — Шхуна села вроде бы на мель, но оказалось, что это не мель, а задница кракена. А из задницы-то у него ростут щупальца! Ты в курсе? Точно, растут! И капитан думал, что судно сидит на мели, а на деле-то его щупальца держат. И не просто держат, а к заднице подгребают. Так этот кракен и заглотил шхуну — точно говорю! Задницей и заглотил. Всё у них, кракенов, не как у людей. Всё у них через задницу!

Бабозо травил байки до самого утра, перебравшись уже от стойки за дальний столик. Зелёные мантии терпеливо слушали — к утру из общего зала народ разошёлся, и вокруг Бабозо остались только двое заказчиков истории о Саламине, да пятеро других Патриархов, да Кэнэкта поодаль, да заснувший в уголке матрос Бонг.

— Да, кстати, за Саламин, — сказал Бабозо напоследок, — однажды кракена обнаружили и там. Прямо в фонтане посреди города. Мерзкая тварь просочилась туда прямо из моря, да и завтракала спасшимися от неё на море матросами. А Саламин — городок людный. Кракен от жадности так объелся, что обратно ему никак.

Тут-то и выходит вперёд главный герой всего Саламина — одноногий пират по имени Зильбер. Размахивается своим костылём — да кракену прямо промеж глаз! А чудовище от этого удара чпок — и лопнуло! Все тут кинулись скорее его затаптывать. Затоптали щупальца, затоптали голову, затоптали задницу, затоптали рот. Один лишь глаз убежал.

Не верите? Точно убежал. Нет, сперва, понятное дело, укатился по уклону, но как докатился до порта, там как раз уклон кончился, вот он тогда встал на ножки и побежал. Добрался до пирса, а уже оттуда в воду бултых — только его и видели. А из того глаза — представь, парень — всё остальное в кракене отросло. И голова, и зад, и щупальца. Говорю же, моллюск он головозадый!

Вот и плавает он по сей день по морю Ксеркса. Какие моряки его с корабля видят — тут уж пиши пропало. Вот и спускаются с мачт, а кто и из трюма выходит, с юта, с бака — всей командой на палубу, становятся рядком и уныло затягивают песню, сочинённую специально для такого случая. В песне поётся: «А ждёт меня вдова, вдова у дома! Весёлая, весёлая вдова!».

— Замечательная песня! Очень пожходящая к случаю, — похвалил Гросс-Патриарх, который как раз спустился из своего номера. — Кстати, госпожа Кэнэкта, не будете ли вы любезны составить поимённый список всех моряков, которые были здесь вчера вечером и немедленно мне этот список предоставить?

Кэнэкта пообещала, что будет так любезна. Уточнила:

— Записать наличный состав подпольной дружины? — так хоть кого-то можно было исключить.

— Нет, всех. Всех, кто здесь вчера был. Ваших людей, не ваших — всех. Общее количество было пятьдесят четыре.

Что ж, Кэнэкта знала на память всех пятьдесят четверых. Она кликнула чернил, бумагу, перо — и размашистым почерком быстро всё написала.

— Замечательно. А теперь, не откажите в любезности, пригласите лиц, поименованных в списке, ко мне в комнату для индивидуальной беседы. Сегодня же с пяти вечера чтобы первый вошёл. И ни минутой позже.

Первым номером в списке стоял Бабозо.

* * *

Индивидуальная беседа со всеми, кто попался? Любопытный способ инспекционного смотра городской подпольной дружины, с иронией подумала Кэнэкта. Но что делать, если туговатый на

выдумку Обсерваториум затрудняется вплетсти свою провокацию против руководимой ею разведки Ярала более естественным путём.

Что делать, когда и вовсе-то делать нечего?

Кэнэкта в точности выполнила требуемое. Пятьдесят четыре, так пятьдесят четыре. Обеспечить явку не так-то и сложно. Всё-таки к ней в «Ржавый якорь» случайные люди не заходят. И сами не хотят, и вышибала на входе старается.

В пять часов, как и было обещано, Бабозо первым вошёл в номер к Гросс-Патриарху. Там к тому времени собралась делегация зелёных мантий в полном составе — и как только разместились?

Выходя от Патриархов, Бабозо уступил место Бонгу — второму в списке. Вид имел необычно для себя недоумённый.

— Что там было? — спросила Кэнэкта. — О Саламине расспрашивали?

— Нет, — помотал головой Бабозо, — побрякушки какие-то ищут. Их главный вчера обронил.

— Это не ты? — строго спросила Кэнэкта.

— Да что я, закона не знаю?

Кэнэкта ему поверила.

А потом из номера Гросс-Патриарха вышел один из подручных Конана и передал Кэнэкте указание никого из прошедших беседу из трактира не выпускать.

— Что ж, — кивнула Бабозо разведчица, — проследуй-ка в общий зал. Выпивка за счёт заведения.

По мере индивидуальных бесед к Бабозо в общем зале присоединился Бонг, а там и все пятьдесят четыре подтянулись. Как и стоило ожидать, не ранее, чем к глубокой ночи.

— Ну как, нашли свои ценности? — спросила Кэнэкта у Гросс-Патриарха. Тот выглядел удовлетворённым.

— Конечно же, нет, — ответствовал Конан. — Будьте любезны, госпожа разведчица, допишите к вашему списку точные адреса подозреваемых.

Адресов Кэнэкта не знала, но свои люди ей помогли.

— А теперь прогуляемся по адресам, — сказал Гросс-Патриарх. — Госпожа Кэнэкта, ступайте-ка с нами. Всё-таки, это в основном ваши люди, а нам придётся прибегать к обыску.

Стоит ли удивляться, что кошель с каменьями нашли именно у Бабозо?

* * *

— Подбросил, мантийщик поганый! Сволочуга… Тьфу на тебя! — вскричал Бабозо и действительно плюнул в лицо Гросс-Патриарха.

Вернее, на лысину. Такое действие — за маловероятностью — и в кодексах-то вряд ли было прописано.

Что ж, подумалось Кэнэкте, останется Обсерваториуму извлечь второй полезный урок, и включить в кодексы пункт об оскорблении действием Гросс-Патриарха лично. Этак мы с Бабозо из пугал в зелёных мантиях ещё сообразительных людей воспитаем!

Не желая привлекать внимание к плевку, Кэнэкта высказалась по сути:

— В чём подозреваемый несомненно прав, краденую вещь ему кто-то подбросил. Об этом свидетельствует небрежность, с которой кошель был спрятан. Засунуть под матрас на лежанке в проходной комнате — не лучший способ что-либо сохранить. Опытные разведчики вроде Бабозо подобных проколов не допускают.

— Посмотрим! — весело улыбнулся Гросс-Патриарх Конан.

У него в рукаве явно имелся ещё один козырь. Какой? А вот он:

— Побрякушки-то у меня волшебные, — тихо произнёс он, — индикаторные, если сказать поточнее. Проведём-ка эксперимент. Подозреваемый Бабозо, вытяните-ка вперёд руки кверху ладонями!

Бабозо не пошевелился. Впрочем, трое в зелёных мантиях обеспечили выполнение.

Кэнэкта, да и сам Бабозо в недоумении поглядели на ладони. Ничего в них особенного. Типичные моряцкие руки. В меру грубы и мозолисты.

— А теперь задуйте-ка свечи! — ликуя, воскликнул Конан. — Только держите его крепче, чтобы не воспользовался темнотой!

В темноте ладони Бабозо засияли. Не то, чтобы озарили весь погружённый во мрак общий зал трактира, но светились поярче обычного трёхсвечного канделябра.

— Что и требовалось доказать, — потёр Гросс-Патриарх собственные ладони. Да, что ему требовалось, то и доказал.

* * *

— Так ты всё-таки трогал эти дурацкие камни? Вынимал из кошеля? — допытывалась Кэнэкта много позже, когда и Бабозо, и она сама сидели в чужом трактире под домашним арестом. Она

— поскольку за него поручилась.

— Было, — скрипнул зубами Бабозо. — Кто ж их знал, эти камни, что на них это вонючее волшебство…

— Значит, украл?

— Хуже! Подставился.

Он рассказал, как было. В тот первый вечер, когда он развлекал и себя, и вынужденных слушателей в мантиях невыдуманной историей о кракене, к нему тайком приблизился Гросс-Патриарх и нагло залез в карман.

Уже звучало сомнительно. Но Кэнэкте ли не поверить, что так и было?

— Я-то помнил, что карман у меня пуст. Потому и сказал тогда про свистящий ветер. А карман тогда не сразу проверил. Редко ко мне в карман залезали, чтобы что-нибудь ценное положить.

— А вес камней карман не оттягивал?

— Они невесомы.

Ещё бы. Это же волшебная вещь. Говоря по-научному, артефакт.

По словам Бабозо, нашёл он кошель только тогда, когда в утренний час покинул «Ржавый якорь». Собрался было отлить с ближнего пирса, глядь — а карман-то не пуст. Вытянул кошелёк, повертел. Сразу понял — подстава.

— Так что ж ты?..

— Так я же его выкинул!

— Как выкинул?

— Прямо с пирса в море.

— А руки?

— Вот тут — да… Не удержался, преждеи чем выкинуть, открыл кошель, посмотрел, сколько же мне подсунули. По весу-то не определишь.

— А как увидел камни, выбрасывать расхотелось?

— Да чего там расхотелось? Говорю же, бросил. Подумаешь, стекляшки блестящие. Вовсе и не жалко было. Всё равно ведь пропью.

Что было дальше, Кэнэкте не трудно и самой додумать. Верно, подобные камушки не так-то легко потерять. Кто-то из Патриархов или верных им людей — мало ли кто по порту Адовадаи шныряет — взял багор и выловил кошель. После просушил над огнём, да и отнёс по адресу Бабозо, известному Патриархам заранее.

Каверза проста. Жаль, что недоказуема.

А ведь Бабозо грозит очень многое.

Плевок в глаза Гросс-Патриарха пройдёт бесплатно. Кража у

Гросс-Патриарха даёт пожизненный тюремный срок, но кража особо ценного артефакта — уже повешение. Клевета на Гросс-Патриарха тоже гарантирует виселицу. Выбирай — не хочу, а то и применяй в любых сочетаниях.

Делу давно уже могли дать ход. Патриархи сами тянули. Якобы продолжали изучать обстоятельства и инспектировать работу подпольной дружины в Адовадаи.

На самом деле ждали отмашки Гросс-Патриарха. Конан же отбыл из Адовадаи куда-то в сторону Эузы. Уехал в наземном экипаже, справедливо полагая, что небесный замок может стать для него не только противным царскому манифесту, но и небезопасным средством передвижения. Ещё бы! Как бы его с небес ненароком не уронили — а ведь желающих это сделать с каждым днём прибавляется…

— Хорошо, что их Гросс-Патриарх по земле едет. А лучше бы вовсе пешком ходил, — говорил Бабозо, намекая на то, что чем дольше Конана не будет, тем дольше ему жить осталось. Юмор висельника, кажется, это так называется?

Кэнэкта понимала другое. Обсерваториум не торопится, так как главная мишень — не Бабозо, а она сама. Её изолировали в Адовадаи — чего ещё желать? Пока её нет в Ярале, можно всласть разрушать Ярал.

Что до Бабозо — не смерть его Патриархов прельщает, а угроза смерти, которая позволяет давить на Кэнэкту, добиваясь уступок, бездействия, потворства чужой воле. Потому за Бабозо не придут ещё долго.

Впрочем, придут — не пожалеют.

* * *

Трактир, где держали Кэнэкту с Бабозо, назывался «Пузатый боцман». Тоже знаковое место. Именно здесь пытались закрепиться в Адовадаи шпионы мертвецов. Стерегли не то чтобы очень усердно. Так, намечали намерение ограничить свободу.

Смешно надеяться насильно устеречь Кэнэкту вражескитм силам в Адовадаи, ведь у неё в этом городе сил больше.

Вся надежда Патриархов на неё саму. Будет сидеть под арестом, поскольку обязывают правила. Начальница разведки Ярала иначе поступить и не может. Кэнэкта — может, но от своего личного имени, без обратного пути в преданную разведку.

В Адовадаи у неё связи. Множество людей, которые прежде работали на неё. Но если она уйдёт из разведки, то не сможет давать им задания. Останется в порту трактирщицей. Станет для

Патриархов лишним поводом позубоскалить.

— Один трактир? Да, это мелко, — согласился Бабозо. — при наших-то способностях. Неужели новым властям Эузы подполье в Адовадаи больше совсем не нужно?

— И не только здесь. Никакое не нужно.

Печальная правда.

— Но от нас же большая польза. И не только Эузе. Может, поговорить с властями Адовадаи?

— В Адовадаи слабая власть. Было бы иначе — мы бы здесь не закрепились. И у здешней слабой власти нет охоты становиться сильной. Им не нужна собственная разведка. Не увидят смысла на неё тратиться.

Патриархи тоже не дураки, что-то да понимают. Они ждут от Кэнэкты новых ошибок, потому что положение её безвыходно и трудновыносимо. Стоит выйти из-под слабой охраны — и ты сбежала. Стоит не выйти — и охрана всё равно может инсценировать твой побег.

Правда, если ты не сбежала, то можешь ввести противника в искушение не морочить себе голову инсценировками. К чему, если ты и так под рукой? Поддаться ли на искушения — в этом, конечно, его, противничья свободная воля — разумеется, если она хоть минимально свободна…

Сложные логические завороты возникают в уме, когда пытаешься придать структуру медленно текущему времени.

Оказывается, бывают ситуации, в которых бессмысленно любое действие, и бездействие бессмысленно тоже. Кэнэкта попала именно в такую. Кэнэкта, но не Бабозо.

— Уходи, Бабозо, — сказала Кэнэкта.

Он и ушёл.

Глава 25. Кукла наследника

Оказывается, не всё выходит так, как хотелось бы Ангелоликой. Мерзавец Тпол таки выиграл выборы: кто бы мог подумать. Всё немалое сообщество учителей гарпий, собравшееся в Старых Некрополисах, наверное, с неделю ходило, как в воду опущенное.

— Что теперь будет?! — восклицал Фарадео, некогда почти любимый Оксоляной молодой натурфилософ. — Ой, Тпол не забудет, что мы в его адрес говорили. А ведь Владыка Смерти умеренно вездесущ и практически всеведущ: он прямо на Мёртвом Престоле способен узнать, кто и что о нём говорит или думает…

— Делать нечего Тполу — заниматься этой ерундой, — успокаивал его кукольник Запр.

— Наши мысли — не ерунда! — обижался в ответ Фарадео.

Пострадать, да ещё за ерунду, ему желалось ещё меньше, чем точно так же пострадать за что-то великое.

Гзырю повезло: он поехал превращаться в министра иностранных дел царства Эуза тотчас, как отбыли Патриархи — причём с явным намерением в дороге их перегнать. В пути он важной мертвецкой новости, небось, не услышит. Будет потирать руки по приезде в столицу Эузы, и лишь задним числом догадается, отчего сорвётся долгожданное назначение. А может, ещё и не сорвётся, как знать: говорят, на мелочи Тпол не разменивается.

Вот сама Мад Ольгерд — она не мелочь. Правда, и Ангелоликую Тпол вряд ли свалит. До неё у него руки коротки.

А что Оксоляна? Да ничего. Поражению Мад огорчилась, но не так, чтобы очень. Волновало совсем другое. Останки свои перепрятала в тайную нишу, открытую ею в одном из дальних склепов. Увы, сохранились скверно, но ещё можго кзнать. Жаль только, недостаёт ключевой части. Сердце мертвецу требуется для нормальной работы организма. Как ещё мёртвое тело сможет перекачивать по жилам бальзамы? То-то, никак.

Оксоляна слышала, что был такой посланник Смерти Чичеро, которого при подобной телесной разобранности некромант поднял. Правда, и некромант был виртуозом своего дела (не чета Квицу), и в тело Чичеро пришлось засунуть живые компоненты, так что полноценным посмертием его новое бытие не назовёшь. Лучше ли такое перерождение, чем просто остаться куклой — конечно, ещё вопрос.

* * *

Потом пришли вести из Эузы. Вернее, не напрямую из Эузы. Их через некроманта Квица главе штаба вторжения Карамуфу передала сама госпожа. По переданным словам, захват власти в Эузе происходил по плану. Старый царь Ксандр безвременно скончался, власть перешла к Обсерваториуму, а чисто номинально — к князю Дану, какового, дабы всех запутать, с некоторого момента стали называть царём по имени Ван Съела (ну, или как-то так). Вроде бы, Ангелоликая должна цвести и радоваться, что хоть в Эузе всё пошло к лучшему, раз уж на Мёртвом Престоле всё не так.

Однако, Мад Ольгерд событиями в Эузе не восторгалась, даже не радовалась им, а возмущалась. Они, по её понятиям, вышли какими-то бескровными. Гарпии подобной стилистики не приемлют.

Начать с того, что царя Ксандра вовсе не отравили. Он умер своей смертью, и, поговаривают, что сделал это задолго до приезда членов Обсерваториума к Старым Некрополисам на переговоры. Итог, вроде, один и тот же: царь мёртв, Однако, мёртв не с таким антуражем, который был бы мил уважающей себя гарпии. К тому же Обсерваториум пытался присвоить славу, которая ему не принадлежит. Цареубийцы они? Императора с два!

Далее. Мад надеялась, что в Эузе заполыхает смута — но ни в чём не бывало. Никто не стал никого резать единственно из-за того, что умер очередной царь. Обсерваториум действовал аккуратно, слишком аккуратно, что заставляло Ангелоликую предположить… Нет, ну в самом деле, во всём — почерк чрезмерно миролюбивого Тпола.

Царя не убили, террора толком не организовали, с геноцидом живого населения Эузы тоже как-то не сложилось. Так, закрыли несколько человек в тюрьмах. Ну, несколько сот тысяч человек — разве это число для огромных расстояний Эузы?

Даже в Ярале — в том самом человеческо-драконьем анклаве, который Патриархами обещано было стереть с лица земли — даже там Обсерваториум действовал с истинно биомантским уважением к жизни. Город организованно собрался, взял всё необходимое, прихватил всех домашних тварей, сел на подогнанные воздушные замки, да и переселился на равнину. Шутка ли — ни одно животное не пострадало. Не говоря уже о людях.

Переселение Ярала вышло точно таким же лишённым вдохновения, как и смерть царя. Снова влияние Тпола? Что ж,

может быть. Если не хуже. Если в ряды Обсерваториума не затесалось предательство идеалов ангельских да некрократических.

Ээх! А гарпии, хоть они и любят предателей, но ведь не всяких. Те, кто предаёт предателей с целью реставрации старого порядка — ох, как они до дрожи несимпатичны!

— Что ж, видно, пришёл мой черед разобраться, — сказал бывший бальзамировщик Фальк, а ныне — великий разведчик, — ректор Квиц, будьте добры, попросите у Ангелоликой благословения.

— А на что?

— На поездку в эузскую Аеадемию наук. Там меня ждёт Гуго Франкенштыбз, надеется продать какие-то секретные разработки. Я проведу экспертизу его изобретений, а заодно займусь и другими делами разведывательными. На предателей у меня нюх. Обоазно говоря.

Ну конечно же, образно. Какой, спрашивается, нюх у мертвеца, лишённого способности к обонянию?

* * *

А вот вести из близлежащей Отшибины приходили обнадёживающие. Маленькому отряду гарпий под руководством Дранга и Тупси удалось-таки подбить карликов на гражданскую войну. Как это делается? Очень просто.

Для начала задались свержением правителя Отшибины. Поскольку того временного вождя, который полследним заседал в Глиняном дворце, звали Янгитравном, то этого самого Янгитравна и принялись свергать. Распустили слух, что вождь продался Живому Императору, а с друзьями не поделился. В эту новость быстро поверили, ведь вождь был как раз такой, который делиться не любил. Ой, да кто и когда в этой самой Отшибине любил делиться? Делить — всегда пожалуйста, но делиться — нема дурных.

Саму идею, что вождь не поделился, наверняка придумала Бац. Её въедливый ум способен сделать из любого вымыщленного преступления преступление просто чудовищное. Настолько чудовищное, чтобы вывести карликов на площадь перед Глиняным дворцом в Дыбре. «Не поделился!» — и все сразу возмутились. Собрались на площади, заголосили. И давай на стенах дворца писать ругательства. Стража их сначала стирала, потом плюнула. Так вот, и надписи на стене тоже выдумывала Бацилла.

На моё место метит, выскочка, с обидой думала Оксоляна, силясь наморщить деревянное кукольное личико.

А потом собравшиеся на площади принялись задирать стражу. Стража в ответ выбежала из дворца и отметелила их так, чтобы было неповадно. Но это стража думала, что станет неповадно. У гарпий всё как раз навыворот, и хорошая взбучка — верный повод, чтобы повадиться. Чем больнее, тем им больше азарта.

Вождь Янгитравн был слабаком. Нет, чтобы кого-то для устрашения прилюдно казнить или зарезать. Он пытался Великий народ умиротворить по-тихому. Но никто с ним не хотел говорить. «Он с нами не поделился!» — скрипели зубами насупленные отшибинцы и в негодовании отворачивались.

В общем-то, гарпиям и казни не помеха, им это только давай. Но без казней — ещё легче. Народ смелеет, надурняк геройствует почём зря, ищет всё новых приключений вплоть до прямого людоедства. Не страшно.

Всем оказался мил отряду гарпий вождь Янгитравн. Единственное, чем не на шутку насолил — успел убежать. А ведь такой всенародный обед испортил! В знак того, что с друзьями не поделился, вождя собирались всенародно убить и съесть. Предварительно поделив на такое количество кусочков, чтобы хватило на всю площадь.

К счастью, на случай, если варёного тела вождя на всех не хватит, Дранг и Тупси запаслись печеньем. Обложили данью местные пекарни. Подогнали к площади несмколько фургонов. Вот этим-то печеньем и пришлось ограничиться. Зато каждый ел его со значением. Ну, типа вкушает плоть великого вождя.

А как великого вождя якобы съели, между местными вождями отшибинских селений разгорелись усобицы. Гарпии и в них поучаствовали, даже не преминули обогатиться по примеру однорукого Дранга. Когда ты властен одним обещать поддержку западной некрократии, а другим в ней отказывать — ненароком и прибарахлишься.

Усобицы между карликами гарпиям и Ангелоликой приятны прежде всего тем, что их легко контролировать. И кто бы не победил, побеждают всегда наши. Победитель стелется перед западной некрократией на манер ковровой дорожки, чтобы только она его признала. Иначе ведь вся победа — псу под хвост.

А вот что гарпиям неприятно, так это решение некоторых городов и земель выйти из состава Отшибины. Оно-то, вроде, и понятно, что выйти им хочется. В тех городах — не карличье население. Полнорослое человеческое, зачастую даже живое. Понятно и то, что карлики это самое чуждое себе население

давно уже громили и резали. Но вот что гарпиям никак не понять, так это по какой причине всех некарликов до сих пор так и не вырезали. Такую проблему оставил себе под боком беспечный Великий народ.

Взять хоть Кройдон. Этот город закрыл свои ворота и объявил нового карличьего вождя самозванцем. И первого из новых вождей, и второго, и третьего — их ведь на площади выбирали, и там же на площади зарезывали — как только эти свиньи разжиревали, а разжиревали в короткие сроки, поскольку не любили делиться.

И добро бы один Кройдон. Так ещё и земля Ы. И ещё несколько земель поменьше. И что ты с ними сделаешь, если признанную мировой некрократией отшибинскую власть они признавать отказываются? Естественно, штурмовать, а кого штурмовать накладно, того брать в осаду.

Вот только воюют осаждённые города и земли слишком хорошо. Приходится их успехи приписывать подкреплению из Эузы, а стоит карликам услышать, что из Эузы приходит подкрепление, как они пугаются, начинают воевать вполсилы и норовят поскорей дезертировать.

А всего хуже, как говорила Бац из Глукща, что необходимость осаждать города на собственной территории связывает карликам руки. Не в прямом смысле, а в том, что завоёвывать другие земли они пока не двинутся. И на Эузу их не натравишь, а ведь надо бы, давно надо.

И вот тогда роль гарпии в отшибинской истории снова возрастает. За недостатком успешного дела нужны ведь хоть бы слова. И не какие попало, а в том эмоциональном тоне, который способна задать гарпия.

Переписчица Бацилла, которая заезжала в Старые Могильники отчитаться перед Ангелоликой, гордо зачитала Квицу и образец своего творчества — прелестный листок, собствееноручно переписанный ею же много сотен раз:

— «Народ Отшибины! Братья наши меньшие!

Вы практически голыми руками заставили отступить стражу Глиняного дворца. Вы практически в одиночку обратили в бегство Янгитравна.

Вы с достойным великих народов хладнокровием нанесли историческое поражение его ужасающей тирании.

И поэтому вы не просто мёртвый народ, а лучший из мёртвых народов.

Теперь вы мертвецы не только по истории, но и по пролитому бальзаму.

Вы мертвецы не только потому, что сыновья Цилиндиана,

Алкана и Гру, но и потому что здесь, в Отшибине, карликовая молодежь впервые гибла со Звездой Смерти на транспарантах.

Вас пытались оклеветать.

Говорили, что вы — продолжатели тёмных традиций Смерти. Но нет! Все совсем наоборот! Вы в эти кроваво-бальзамные дни стали настоящим воплощением сопротивления Жизни, которое является неотъемлемой частью духа Смерти и было вознесено на вершину Мёртвого Престола великим Владыкой Тполом. А ваши людоедство, некрофагия и мародёрство, главный позор отшибинского контингента, — все это на совести ваших врагов.

Я преклоняюсь перед сложившими головы. Я преклоняюсь перед скрутившими себе шеи. Я преклоняюсь перед вашей отвагой и как никогда искренне говорю вам: «Добро пожаловать в наш общий дом за Порогом Смерти. В запорожскую наземную некрократию.

Тем не менее, я понимаю, что для решительной победы вам, народу Отшибины, нужна помощь ваших мёртвых запорожских братьев.

Наземная некрократия должна защитить Отшибину. Наземная некрократия должна стать гарантом неприкосновенности границ вашего Великого народа и свободы ее городов. Запорожье должно без промедления, если возможно, уже завтра подписать соглашение об ассоциации, за которое все вы, стар и млад, сражались и проливали бальзамы. Наземная некрократия должна торжественно подписать это соглашение прямо здесь, в Дыбре. Это стало бы для вас гарантией безопасности, а для неё — новым испытанием.

Наземная некрократия должна поступить с Живым Императором, чтоб его (необходимое вставить) так же, как поступила с Янгитравном, сделать с хозяином то же, что уже сделала с лакеем. У неё есть средства для санкций, и она должна их использовать.

Наземная некрократия должна сказать Живому Императору, чтоб его (необходимое вставить): «Руки прочь от некрократической Отшибины! Уходи из Кройдона и трепещи, а не то мы пожалуемся самому Владыке Смерти».

Ангелоликой и верной её Оксоляне нужно дать понять покусившемуся на Кройдон хищнику, что его отныне будут ежедневно поминать в молитвах собора Вечнотраурной Смерти.

Живой Император силен лишь нашей слабостью.

Живой Император идёт вперёд только из-за нашего страха.

Так, может, ему самому пора испугаться?

Лидерам наземной некрократии нужно найти в себе хоть частицу той отваги, что показал народ Отшибины».

По словам Бациллы, в Дыбре благодарные читатели зачитывали её прелестные листки до лыр, а если были неграмотны, просили произнести вслух — и ревели от восторга в такт внутренней мужыке текста, столь требовательной и суровой.

Что ж, может быть. Оксоляну же примирило с творчеством Бац главным образом то, что переписчица нашла возможность упомянуть её имя. «Ангелоликой и верной её Оксоляне» — ах, как это было бы славно совсем недавно.

* * *

Оксоляна уже думала, что Мад Ольгерд о ней никогда не вспомнит. Кому она теперь нужна, жалкая кукла с заключённой внутрь искрой царевниного посмертия. Оказалось, не так. У Ангелоликой появились планы и в отношении кукол.

— Она сейчас поднимается из подземелья в средний мировой ярус, — пояснил Квиц, — говорит, что как выберется, всё расскажет подробнее. Но куклы — очень нужны, очень важны. Едва ли не важнее, чем все остальные гарпии. Поняла, Лейла?

Оксоляну его упрямые ошибки более не задевали. Новость — умеренно заинтересовала. А Запр обрадовался, как живой ребёнок:

— Что, так и сказала? Куклы нужны и важны? Ах, как я её понимаю!

Да, может быть, слова Мад справедливы, не случайно же их понимает кукольник. Оксоляна со своей стороны тоже не усомнится в важности кукольного племени. Но вот незадача: посадит ли кто выкрашенную в лимонный цвет куклу на уземфский престол. Ой, вряд ли!

* * *

Нельзя превратиться в куклу и не измениться при этом внутренне. В основном эти перемены носят характер потерь. Что-то изглаживается из памяти. Например, то, что у царевны Оксоляны когда-то были слуги. Да, были. Но почти всех из них вырезали мстителдьные картау, а последнего — Ынышара — пришлось оставить в Циге, в доме банкира Карамуфа.

Кстати, Карамуф ведь здесь, в Могильниках. И не мешало бы его спросить о старом верном слуге. Не сбежал ли он? У самой-то теперь вряд ли руки дойдут проверить. У кукол короткие руки.

И будто бы старый уземфский слуга за тридевять земель

расслышал упоминание о себе, расценил как вызов и поскорее приехал. Сделал это инкогнито.

Кукла Оксоляна за недоступностью многих высших развлечений полюбила просто гулять по кладбищу между могилок. С утра, точно часовой, обходила участки с захоронениями по периметру.

И вот — надо же!

У одного из дальних склепов Оксоляне встретился Ынышар.

— Что ты здесь делаешь? — с ходу напустилась она на него.

Тот приложил палец к губам:

— Тише! — и шёпотом. — Ангелоликая вас обманывает, госпожа!

— Обманывает? — попыталась Оксоляна пожать деревянными плечами. — С чего ты взял? И как меня здесь разыскал, если на то пошло?

Верный Ынышар первым делом ответил на последний вопрос.

— Я встретил одного мертвеца. Мажордом замка Окс по имени Личардо — слышали? Он сказал, что был здесь и говорил с вами, госпожа, в кукольном образе.

— Мерзавец Личардо, — вырвалось у царевны, — мне-то он ничего не сказал. Я долго ещё не могла догадаться, что стала куклой. Кстати, напрасно ты с ним обо мне беседовал. У этого типа язык без костей…

— Не беда, — позволил себе ухмылку слуга, — он уже никому ничего не поведает. Я убил его. Так, на всякий случай.

Что ж, ладно. Убил, значит, убил. Будем надеяться, Ангелоликой сейчас не до расследования гибели своего мажордома.

— А что Ангелоликая обманывает, — продолжал Ынышар, — так извольте знать, что в Уземфе готовится переворот против царицы Будулы…

— Уже готовится? Ну наконец-то! — возрадовалась Оксоляна. — Я-то всё думала: ну когда же?

— Погодите радоваться, госпожа, — убитым голосом произнёс Ынышар, — весть-то для вас недобрая. Ведь в Уземфе уже появилась новая царевна Оксоляна. И это, по-моему, не вы.

— Как появилась? Я ведь здесь!

— Вот и я о том же подумал. В Уземф Ангелоликая направила самозванку, которую бальзамировщики для верности накачали лимонным бальзамом именно вашего оттенка. При этом всём она, как мне передавали, на вас похожа, но не очень сильно…

— А при чём тут Ангелоликая? Может, самозванка действует от себя.

— А при том, что эту самую «Оксоляну» она перед тем водила

с собой в подземелье на некрократические выборы! — возбуждённо зашептал Ынышар. — Она должна была стать её вице-Владычицей. И стала бы, если бы в играх за Мёртвый Престол победа не досталась Тполу.

— Вице-Владычица Оксоляна? — царевна снова почувствовала то горькое понимающее разочарование, к которому пришла ещё в беседе с Фальком, когда выяснилось, что она кукла. Тогда она думала, это дно. Теперь же прежнее дно её как будто готовилось пропустить дальше и глубже. — Оксоляна, которую Ангелоликая возила к Чёрному чертогу на выборы? Так ведь это Лейла! Так называемая поэтесса Лайл, вероломная дшерь визиря!

— Не берусь утверждать, — осторожно промолвил Ынышар, — но многие в Уземфе так и подумали. Мне передавали, что самозванка явно местная, и действительно немного похожа на дочь визиря. К сожалению, в подземном мире узнать её было некому, и теперь всё мертвецкое подземелье под именем Оксоляны знает её, а не вас, госпожа.

Неслыханное вероломство! Так значит, Ангелоликая перекрасила Лейлу под неё и водила по всему нижнему миру, представляя её нужным людям! Значит, Лейлу готовила и на уземфское воцарение, и для укрепления подножия Мёртвого Престола при своём Владычестве…

А если подумать, так это ещё не всё, что укладывается в новую картину. Занюханный ректор Квиц, который получает медитативные послания от Ангелоликой — не потому ли он столь упрямо зовёт Оксоляну Лейлой, что настоящую Лейлу признал Оксоляной!

И добро бы только Квиц…

Так вот, откуда даже в жалкой писульке Бациллы по случаю отшибинских побед появилось сочетание «Ангелоликой и верной её Оксоляны»! Значит, знала даже Бац? Знала, а верной подруге ничегно не сказала!

Впрочем, гарпии не бывают верными подругами.

* * *

Что же делать?

— Бежать! — у верного Ынышара один рецепт. — Бежать, объявиться в Уземфе, раскрыть козни самозванки…

— Как бежать? В таком виде? Кто же в Узхемфе поверит кукле? — с болью воскликнула Оксоляна.

— Вам необходимо настоящее тело, госпожа. Не сохранилось ли где-то ваше прежнее?

Оксоляна признала, что сохранилось. Плохо, но сохранилось. Куда она спрятала свои останки, на всякий случай умолчала. Но призналась:

— Среди моих останков совсем не осталось сердца.

— Сердце — не беда! — возразил Ынышар. — Царевну в Уземфе узнают не по сердцу, а по лицу. Лицо-то более менее сохранилось?

— Лицо есть, — закивала царевна.

Как всё-таки важно бывает сохранить собственное лицо!

* * *

Чтобы не возбуждать подозрений и не выдавать места, где скрывается её слуга, царевна несколько раз оставляла его и нарочито медленным шагом (чтобы не побежать звонкими кукольными ножками) шла к площади меж двух ступенчатых гробниц, какое-то время крутилась там, добиваясь, чтобы её непременно заметили, а потом — скорее назад, к Ынышару.

Многое осталось уточнить, а потом… А потом, решение-то ею ещё не принято. Хотя… Что стоит его принять? Ничего не стоит!

Убежать! Всё верно, убежать, объявиться в Уземфе… Вернее, так: убежать, найти некроманта и бальзамировщика, которые согласятся молчать. А заодно — новое тело, к которому можно приставить своё лицо.

Ну, с телами заминки не будет. Подойдёт и живое тело, на худой конец. А вот чем заплатить некроманту с бальзамировщиком? За особую операцию они запросят втридорога!

— Со мною все ваши деньги, — сказал Ынышар, — я забрал их из домашнего хранилища Карамуфа.

— Как это получилось?

— Ну, пришлось чуток припугнуть слугу. Вот он перед смертью замок сокровищницы и открыл.

— Так ты ограбил дом банкира? С убийством?

— Было немножко, — скромно потупился Ынышар, — в общем, в Циг нам теперь возвращаться не стоит. В Циге меня ищут. А может статься, что и за Порог Смерти больше не пустят.

Оксоляна словно остановилдась на полном скаку. Выходит, её слуга навлёк на себя и такое. Спросила с подозрением:

— Ынышар, зачем ты мне сейчас помогаешь? Разве не видишь, что игра моя почти проиграна?

— Вижу, — вздохнул слуга, — просто не могу иначе.

— Почему не можешь?

— Я заговорён на вечную верность хозяйке, — покорно пояснил он под требовательным взглядом куклы-царевны.

Заговорён? Что ж, это надёжно. Это вам не свободный выбор, который сегодня такой, а завтра этакий. Это верность единственно подлинная. Не такая, как у болвана Личардо, который за спиной Ангелоликой позволял себе невесть что плескать ныне укороченным языком.

Итак, решено: бежать. Использовать верного слугу, как тот единственный ресурс, который у неё ещё остался.

Только бежать с умом. Ведь побежишь сразу — тебя быстро хватятся, быстро догонят, быстро приведут обратно. Надо выбежать не скоро, но так, чтобы тебя как можно дольше не хватились. Отлучиться куда-то будто бы по чьему-то заданию… Хотя кто ей здесь даёт задания? Ей, царевне Уземфа?

— Чтобы не догнали, я могу поубивать лошадей в загоне, — предложил Ынышар, — всех убьём, вскочим на последнюю…

— Нет, — вздохнула Оксоляна, — в Старые Могильники прибыло слишком много конных гостей, — лошади в основном живые, перед смертью молчать не будут, перебудят весь лагерь. А в лагере есть человек с навыками рыцаря Смерти. Против него тебе и один на один не выстоять.

— Понял, — кивнул Ынышар, — буду думать ещё.

Оксоляна тоже подумает. Это в её интересах. А пока будет думать, сократит походы к Ынышару. А то всё не может удержаться, слишком часто к нему бегает, да ещё почти по прямой: не возбудить бы ещё заранее ненужных подозрений.

Но главное — не затягивать. Как-никак, в качестве тайного убежища Ынышара избран склеп — ну пусть и уединённый, но этой своей уединённостью и привлекающий интерес. Это ведь в нём давеча Фарадео миловался с Гзырем, да и Франкенштыбз с Яцем будто ненароком тоже туда заворачивали. Всё-таки не вполне надёжное место.

Итак, будет Оксоляна приходить к Ынышару примерно раз в день или два — не чаще. И говорить только по делу. Благо, с навыками гарпии она быстро сочинит план побега. Да такого, что не прикопаешься.

А пока Оксоляна сочиняла да планировала, в Старые Некрополисы вернулась Ангелоликая. Фу ты, как не вовремя-то.

* * *

Может, и к добру, думала Оксоляна. Ангелоликая прибыла, все возбуждены, маленькой куклы нескоро хватятся. Хотя — вряд

ли к добру. Ангелоликая тебя из-под земли достанет. Умеет доставать.

Как и предполагал Ынышар, Лейлы с Ангелоликой не было. Скорее всего, так и есть: это она, вероломная названная сестра, под именем Оксоляны действует в родном Уземфе. Скорее всего.

А вот каличных гарпий из своей подземной свиты Мад прихватила. Стоило бы их расспросить, разузнать наверное. Но как это сделать, не возбуждая подозрений? Непросто даже завести разговор, учитывая, что ты кукла. А уж задать нужный вопрос…

Трудно, но достижимо.

Оксоляна превозмогла себя и всё главное выяснила.

— Что же нету моей подруги Лейлы? — спросила она у самой простодушной на вид калеки из малознакомой гексы.

— А она в Уземф поехала, к родичам, — ответила та.

К родичам? Очень интересно. Не к родичам ли самой Оксоляны?

— А как она выглядит сейчас, эта Лейла?

— Как дурочка, — каличная гарпия была сама откровенность.

— Почему как дурочка?

— Да вид у неё дурацкий. Поменяла цвет бальзама, взяла в точности такой, как у тебя. Лимонно-жёлтый он, что ли? Сам оттенок, признай, не ахти, но тебе он хотя бы идёт, а вот ей… — и калека засмеялась, придерживая единственной левой рукой нижнюю челюсть.

Точно. Как и говорили. Лейла и впрямь прикинулась Оксоляной. Вот уж кобра подколодная!

Оксоляна чуть было не решилась тут же бежать к склепу, где скрывался Ынышар, а потом дальше, дальше, дальше — но к ней подошёл благородный кукольник Запр и пригласил её к Ангелоликой. В тот благоустроенный ректорский склеп, из которого Мад намедни выселила беднягу Квица.

Раз приглашает, надо идти. А свобода казалась такой близкой.

* * *

— Что не заходишь? — радушно спросила Мад Ольгерд.

— Не могу привыкнуть к своему кукольному облику, — произнесла царевна подходящую полуправду.

Будь она не в кукольном теле, так бы зыркнула на Мад исподлобья, что та бы немедленно о многом догадалась. Но кукольная мимика не настолько совершенна, вот Ангелоликая и не догадалась ни о чём.

— Ты к себе несправедлива, — покачала головой Мад, — между прочим, в кукольном облике таится великая сила. Тебе ничего не стоит прикинуться просто куклой. Улавливаешь?

— Да.

И Ангелоликая поделилась последней своей идеей, в которой Оксоляне отводилась — ну наконец-то — заглавная роль.

Для начала Мад сообщила, что царство Эуза (историческая основа Восточно-Человеческой империи, давняя кость в горле западной некрократии, и прочая, и прочая) вроде бы и захвачено близкими к идеям некрократии лицами, а всё-таки захвачена как-то не так. Как-то криво. Эти личности — Обсерваториум и те, кто за ним стоит — вроде и некрократии служат, но в то же время не забывают и себя. Не подчиняются так, как должно. Отсюда — великая опасность того, что успех в Эузе преходящ, недолговечен.

Да и слишком велика Эуза. За одно-два поколения даже идеально покорных некрократии правителей этакую махину не проглотишь. А значит…

А то и значит, что умеренно верных некрократии правителей Эузы надо контролировать. Как же без этого. И контроль требуется скрытый.

За действующими правителями контроль — особая песня. Но власть в Эузе наследуемая. Поэтому и наследникам надо бы уделять внимание. С ранних лет держать их под колпаком.

И в этом деле, как никто другой, очень помогут куклы.

— Что, серьёзно? — ликуя, воскликнула Оксоляна.

Кажется, ей и полагалось ликовать, чтобы не зародить подозрений в уме Ангелоликой, но где здесь положенное, а где непроизвольное чувство… Мимика куклы — потёмки. Иногда даже для самой себя.

— Совершенно серьёзно, — улыбаясь, кивнула Мад. — И главное, в силу обстоятельств, у нас образовалось достаточно кукол, чтобы обеспечить ими всех вероятных претендентов на престол Эузы в будущем.

— Так их много, претендентов?

— Порядочно. Но есть главный, наиболее вероятный. Это Дигги-царевич, маленький сын ныне действующего царя Эузы — Вана с-Йела VI.

— Простите, госпожа, я не поняла, кого съела? Какого шестого?

— Верно, дурное имя, — поморщилась Ангелоликая, — подлецы из Обсерваториума и в этом нас не спросили. Проще говоря, речь о потомке того самого ставленника некрократии, которого ранее звали князем Даном, а теперь провели в эузские цари.

— Значит, я буду куклой этого наследника?

А прежде-то была и сама наследницей, а не какой-то куклой. Впрочем, и Уземф — не Эуза.

— Да. Задача предстоит вовсе несложная. Маленький Дигги очень любит кукол. Вот его-то я и поручу тебе. Как истинной царевне и самому лучшему из творений Запра.

* * *

И снова Оксоляна в нерешительности. Немедленно бежать с Ынышаром? Или сперва сделать вид, что согласна поехать в Эузу к царевичу Дигги? Или действительно туда поехать, а сбежать уже позднее, при случае?

Ынышар долго ждать не сможет, его убежище в Старых Могильниках не сегодня-завтра раскроют. А с другой стороны, он ведь заговорён на верность и покорность. Значит, если Оксоляна прикажет, Ынышар приедет и в Эузу.

Ну а почему нет? Подумаешь, мертвецов там не очень любят! Всё ведь будет меняться. Новые хозяева Эузы пусть не вполне, но всё же верны некрократии. И уж добрый отец маленького Дигги, будущего хозяина куклы Оксоляны, наверняка мёртвого старика не обидит.

Глава 26. Полёт над гнездом дракона

Разговор Гатаматар и Марципарины удался на славу. Вот что значит правильная подготовка и отсев лишних участников. Хорошо, что Гатаматар заранее распорядилась не пропускать Бларобатара и провидицу Бланш. Эти двое, конечно, всё бы испортили и извратили.

Уж они-то мигом бы смекнули, что Мать-Драконица не случайно собрала вокруг себя всех Старейшин. Включая даже нынешних верховных предстоятелей родов Рооретрала, Ореолора и Горпогурфа. И даже тех древних отшельников, которых обычно так трудно дозваться.

Бларобатар немедленно заговорил бы о нелегетимности внеочередного Совета — и, без сомнения, смог бы её доказать. А Бланш — та бы всем в глаза бесцеремонно заглядывала, напропалую смущая почтенных драконов своими настырными домыслами.

О том, что нежелательные лица остановлены, а гостья вот-вот появится, Великую Мать и Старейшин известила советница Хинофатар. И сделала это очень вовремя. Как раз оставалось ещё несколько минут, чтобы все Старейшины успели вникнуть в суть дела, задать нужные вопросы.

— Это та самая Лулу Марципарина Бианка, что родила неправильного Драеладра?

— Да, именно та.

— И она заколдована?

— Да, заколдована.

— Что ж, очень интересно, поглядим на бедняжку.

Пока Совет Старейшин так переговаривался, устраивался поудобнее и принимал подходящие случаю величавые позы, родительница Драеладра шла по парадному коридору с высоченным естественным сводом — и довольно-таки длинному, ведь это лететь по нему удобно и быстро, а человеческими ногами мерять — выходит куда дольше.

Выйдя на широкий простор парадной дворцовой пещеры, гостья стала озираться по сторонам. Гатаматар первая привлекла к себе внимание:

— Здравствуй, мать Драеладра!

— Здравствуйте, Великая Мать, — Лулу Марципарина поклонилась.

— Рада тебя приветствовать в своём небесном обиталище, —

продолжила Гатаматар, — неправда ли, оно намного роскошней и совершенней, чем то, которое люди Ярала соорудили во славу Драеладра?

Гостья замялась, и Гатаматар, памятуя о сложности воспиятия многими полугровками протяжённых хитросплетений драконьего языка, кивнула советнице Хинофатар. Та принялась переводить.

По мере перевода Мать-Драконица пристально наблюдала за женщиной. Поняла ли она, зачем сюда приглашена? Догалалась ли, что за драконы собрались на неё поглядеть да послушать речи?

Хинофатар завершила перевод. Ответила Лулу Марципарина в точности по традиционной форме, никак не обозначив своей заколдованности. Пытается скрыть? Что ж, Гатаматар спросит её непрямо. Чтобы у цели вопроса подобраться издалека.

— Скажи-ка, дитя моё, понимаешь ли ты, где и зачем ты находишься?

— Где? В небесном дворце, — без труда догадалась заколдованная. — А вот зачем? Наверное, вам, Великая Мать, очень хотелось меня видеть?

Такой ответ дал возможность Гатаматар со значением обернуться к Старейшинам. Не понимает. Всё-таки не понимает, убедились они. Ну и к лучшему, что не понимает.

— Скажите, Великая Мать, а вы как думаете, зачем я здесь?

Прямой вопрос гостьи застал Мать-Драконицу врасплох. Осталось признать, что Гатаматар и правда рада гостям, и что видеть у себя мать маленького Драеладра для неё истинное удовольствие. Впрочем, члены Совета прекрасно понимают: испытательный разговор с заколдованными женщинами требует известных ухищрений.

— В таком случае не подскажешь ли мне, дитя, куда и зачем ты летишь на воздушном замке?

— Полагаю, что в Канкобру, — вздохнула Лулу.

— А что-такое Канкобра?

— Не знаю.

Угу. Последний ответ дал возможность снова переглянуться со старейшинами. Мать Драеладра летит, сама не знает, куда. Несомненно, перед ними знак того, что она не в себе.

— Я лечу туда не по своей воле, — пояснила Марципарина.

— Вот как? Может, и ко мне ты по своей воле не заглянула бы? — с притворной обидой произнесла Гатаматар и, поскольку повисла пауза, снова повернулась к Старейшинам.

Все слышат, как странно себя ведёт посетительница? Не спешит разуверить Гатаматар в её заведомо неверном

предположении.

— Ах нет, Великая Мать, я рада посетить ваш небесный дворец, я же говорила! — не без изветтного запоздания произнесла Лулу.

— А по чьей воле ты летишь в Канкобру, дитя?

— По вашей?.. Нет, по воле дракона-целителя?.. Или Бларпа Эйуоя?!

— Бларп Эйуой — это человеческое имя Бларобатара, — пояснила Гатаматар старейшинам. Те приняли к сведению, что Бларобатар, скажем так, несколько бесцеремонно навязывает свою волю той самой женщине, о которой говорит, что она снесла яйцо Драеладра.

— А зачем Бларобатар везёт тебя в Канкобру, дитя?

— Он считает, что я заколдована…

— Считает, или заколдована?

— Считает…

— А почему он так считает?

— Наверное, он печалится, когда видит вокруг меня гарпий…

— А он видит вокруг тебя гарпий, дитя?

— Нет, он не видит. Но когда при нём заходит речь о гарпиях…

— А кто заводит эту речь?

— Он и заводит…

— Лишь он один?

Обмен репликами сделался настолько скор, что Хинофатар едва успевала переводить. Впрочем, советнице не впервой работать толмачём — справилась. А вот Лулу Марципарина Бианка с непривычки запуталась.

Сперва гостья объявляла, что разговор о гарпиях при ней заводят Бларп, да Кэнэкта, да Хафиз — хотя, строго говоря, и говорить-то незачем. А вслед за тем вдруг без видимого перехода признала, что в яральском дворце Драеладра она помянутых гарпий наблюдала самолично. И не мудрено, мол, что наблюдала, ведь эти твари в том дворце попадаются на каждом шагу, попробуй их только не заметить, вон, даже Хинофатар подтвердит.

Хинофатар, чтобы подтвердить, не вышла из роли толмача, но дала понять Великой Матери, что знает, о чём говорит её простодушная гостья.

Видя же, что советница не спешит подтверждать её слова про обилие гарпий в драеладровом дворце, Лулу Марципарина снова сменила позицию и вдруг заявила, что уж она-то прекрасно понимает, что на самом деле никаких гарпий вовсе и нет.

— Как нет? А там, в Ярале? Ты же сама, дитя моё, говорила,

что не заметить трудно…

— Кого не заметить? Ах, гарпий… Ну да. Наверное. Как вам угодно, Великая Мать. Гарпии? Да, в Ярале их… немножко было.

— Но сейчас-то вокруг себя ты гарпий не видишь?

— Нет, — гостья замотала головой, — я ведь знаю, что на небесах гарпий нет. Вот и мои сюда не смогли добраться.

— Всё верно, — Гатаматар улыбнулась не только Лулу, но и понятливым членам Совета Старейшин, — гарпии — создания срединного мира. Здесь, в мире драконов, сколько ни верти головой, ты не встретишь ни одной подобной твари.

И будто в пику сказанному Лулу Марципарина Бианка завертела головой, словно кого-то выискивая между драконами. Каких-то существ, заметных для неё одной.

Она и здесь видит гарпий, хотя каждому дракону ясно, что эти твари невидимы решительно для всех, кроме разве провидиц. Влияние гарпий можно уловить в поведении дракона — и только. На то и есть подробная систематика симптомов, среди которых осуждающий взгляд, злобный хохот, цепенящий визг.

Та же, кто наивно видит гарпию в облике птицкдевы — либо обманщица, либо заколдованное несчастное дитя. Последний вариант для сердобольной Гатаматар многим милее и предпочтительнее.

* * *

Лулу, Марципарина и Бианка так и не договорились между собой, как им относиться к гарпиям, и настолько ли, положа руку на все три сердца, нужна им поездка в загадочную Канкобру. А всё же у Великой Матери, как она ни пыталась, не вышло запутать их ловкими вопросами о пакостливых птицедевах.

Зачем Гатаматар спрашивала о тварях, которые по её мнению то существуют, то не существуют, а то мерцают где-то на грани существования и несуществования? Ясное дело, из высших соображений: придирчиво испытать её, проверить, так ли уж сильно Лулу заколдована. И что же — проверила. И выверила до мельчайших подробностей.

И, кажется, пришла к мысли, что некоторая заколдованность присутствует, но не очень опасная. В общем-то, Лулу того и добивалась. Очень уж ей не хотелось посещать Канкобру.

Гдлавное-то в беседе было что? Нет, не выяснение того, есть ли те гарпии на самом деле. Нет, не признание Лулу, что она их видела. Самое-самое главное — в том, чтобы испытуемой женщине удалось ответить именно так, как Гатаматар от неё

втайне хотела.

Как Лулу такого достигла? Интуиция, да логика, да банальное умение читать чувства по лицу дракона, да ещё немного здравого смысла.

Гатаматар вначале была сильно напряжена, она даже по сторонам то и дело оглядывалась, ища поддержки у самых старых драконов из своего окружения. Но Лулу с ней поговорила, пояснила, что гарпии хоть и есть, но только в Ярале да и то в пренеборежительно малом количестве, и Великая Марь расслабилась, подуспокоилась на её счёт, заметно потеплела. Видно, того самого и ожидала, чтобы Канкобру с ходу отменить.

У Лулу в ответ на такое благодушие Матери тоже от сердца отлегло.

— Опасность миновала? — весело спросила она. И зря.

Гатаматар снова напряглась и заговорила на сей раз о маленьком Драеладре. Причём в грубоватом, чуть ли не обвинительном тоне.

— Если так сложно выяснить, есть ли гарпии на самом деле, то можешь ли ты, дитя моё, сказать хоть что нибудь определённое о собственном сыне? Вспомнишь ли, как его зовут?

— Конечно же… — Марципарина вдруг умолкла и насладилась нарочито долгой паузой, на протяжении которой в зале затаили дыхание все: и гарпии, и драконы, — конечно же, Драеладр.

— А почему ты не сразу вспомнила, дитя моё?

Марципарина решила не отвечать с глупым простодушием: «Засмотрелась на гарпий», — ведь Матери-Драконице, как она наверняка выяснила, упоминание о гарпиях присутствующих ни малейшего удовольствия не доставит. А посему произнесла загадочно:

— Так…

— Но ты уверена в том, что у тебя есть сын-дракон по имени Драелпдр?

— Конечно, — улыбаясь, кивнула Лулу.

— Конечно, уверена, или конечно, есть?

— И то, и другое! — улыбка Дулу сделалась шире.

— А знаешь ли ты, дитя моё, насколько Драеладр важн для всякого-всякого дракона?

— Знаю, — Марципарину распирала такая умильная гордость — ничего не могла поделать, — конечно же, знаю!

. — Так не хочешь ли ты сделать твоим собратьям-драконам дивный подарок? — при этих словах все драконы в зале, как по команде, насторожились, а их гарпии приготовлились было захихикать, но зажали лапками зубастые рты.

— Подарок? — Лулу потеряла ориентацию.

— Да, желанный подарок для всякого дракона, — будничным тоном объяснила Гатаматар, — увидеть Драеладра своими глазами.

— Нет, я не покажу! — быстро ответила Бианка. Ещё чего нехватало?

— Почему?

— Драеладр ведь не здесь… — Лулу постаралась смягчить впечатление от резко прозвучавшего отказа.

— Но мы рады сами долететь в то место, где он находится! Укажи нам, дитя моё!

— Нет, — замотала головой Марципарина, — я, коли правду говорить, и не знаю, где он сейчас…

— Не знаешь? — голос Гатаматар потёк сладостно-липкой патокой. — Или брезгуешь своими сородичами, не желая раскрыть места…

— Еки-нет, не брезгую! — воскликнула Марципарина. — Только не это, поверьте, Великая Мать!..

— Если не брезгуешь, то, стало быть, просто желаешь нам зла? — Гатаматар уже нащупала выигрышную линию в импровизированном споре, а всё же наблюдательная Бианка не преминула заметить, что две, а то и три жирных драконьмх гарпии покинули своих первоначальных хозяев и только тем и заняты, что хором подсказывают ей верные реплики.

— Нет, я не желаю здп…

— Докажи! — пискнули гарпии.

— Докажи! — произнесла Гатаматар вслух. Словно сама додумалась.

Смотреть, как она повторяет за подсказчиками, было так уморительно, что Лулу неожиданно для собрания рассмеялась.

— Уж не наша ли она? — опешил какой-то дракон, а ведь только что возлежал важный, будто сам Рооретрал.

— Не может быть! — быстро возразили ему драконы-соседи. — Наша бы не сопротивлялась, а предъявила своего сына по первому требованию. Нет, она не наша, она и смеётся-то не в тех местах, которые нам смешны.

— А, ну ладно, — «Рооретрал» не стал спорить.

Гатаматар же позволила Лулу просмеяться, но тут же напомнила о своём требовании доказать…

— Что доказать? — переспаросила Бианка.

— Доброе отношение к сородичам.

— Как доказать?

— Приведи нас к Драеладру, дитя моё.

— Не могу! — вскричала Марципарина в панике. — Никак не

могу!

— Может, и нет никакого Драеладра? — подсказала тогда Мать-Драконица наиболее простой ответ.

— Может, и нет, — легко согласилась Лулу. И почувствовала благодарность к Гатаматар. За заботу.

* * *

Это «может, и нет» даже саму Гатаматар огорошило. Правда, от «может, и нет» до просто «нет» оказался путь далеко не близкий. Бианка уворачивалась, изворачивалась, невпопад хохотала, переводила разговор на другое. Но тут уж и присутствующие члены Совета Старейшин поделились хитромудрыми способами выигрышной полемики.

Места, где скрывается Драеладр, Лулу Марципарина Бианка так и не выдала. Да и большой надежды на то не имелось. Зато, чтобы успокоить «расстроенную» Гатаматар, гостья была вынуждена признать, что никакого яйца она не рожала. Значит, Драеладра попросту нет!

Пусть у Гатаматар и не возникло реальных подозрений, будто продолжатель драеладровой династии никогда не вылуплялся, но возникло надёжное основание именно так и говорить. Показания матери, причём данные не где-нибуль там — на Совете Старейшин! От них и сам Драеладр теперь так просто не отмахнётся!

В восторге от достигнутого Мать-Драконица объявила в заседании Совета перерыв — но короткий, чтобы никому из Старейшин не взбрело на ум вылететь из дворца размяться.

— Прервёмся, чтобы проводить в Канкобру нашу милую гостью, — так и сказала Гатаматар.

— А что, я всё-таки лечу в Канкобру? — родительница Драеладра не только изумилась, даже была раздосадована. — Значит, я с вами не остаюсь?

Мать Драконица и сама удивилась, узнав, что за надежды питала эта Лулу Марципарина Бианка. Ни малейшего реализма!

— Нет уж, дитя моё. Вспомни, ты ведь сама признала, что немножко заколдована. Ну так вот, расколдования, достойного тебя, смогут добиться лишь те драконы-целители, что живут и работают в Канкобре.

— Но ведь из Канкобры никто не возвращается!

— Надо же! А ты, дитя моё, говорила, что о Канкобре совсем ничего не знаешь, — проговорила Гатаматар с укоризной.

Гостья устыдилась, на чём их диалог и закончился.

Поняла ли Марципарина, что её для того и вызвали, чтобы повлиять на вновь собираемый Совет Старейшин? Кажется, нет. Однако, к великому сожалению, ей есть кому рассказать о происходившем в гостях у Гатаматар.

Бларобатар и Бланш по пути к Канкобре о многом её расспросят. Догадаются ли о главном?

— Хинофатар, слетай-ка за драконом-целителем, — обратилась Великая Мать к советнице, — надо убедить его, чтобы он запретил провожающим разговаривать с матерью Драеладра до самой Канкобры. Или пусть просто наведёт на неё заклятие временного безмолвия.

— Заколдовать её ещё сильнее? — усомнилась Хинофатар, но опомнилась и поскорей взвилась в воздух.

Гатамамар проводила её задумчивым взглядом.

— А что? — после отлёта советницы убеждала она уже саму себя. — Молчание ведь и правда бывает истинно целительным.

* * *

Отдавая указания дракону-целителю из Канкобры, Гатаматар чувствовала некоторую неловкость, и это несмотря на понимание с полуслова. Целитель-то всё принял и понял, но не вернувшаяся с ним Хинофатар. В душе последней назревала буря — и очень не ко времени, ведь Совет Старейшин уже ждёт продолжения заседания после перерыва.

Отпустив целителя, Драконица-Мать поняла, что Хинофатар находится в не самом устойчивом состоянии; если её не выслушать, она и посреди заседания Совета напомнит о себе пренеприятнейшим образом. И пусть с выдержанной советницей подобного никогда не случалась, но ведь она от того недалеко! Гатаматар чует, до чего сильно её сверлит потребность в прояснении.

И странно бы, если бы не сверлила.

— До следующего перерыва дотерпишь? — спросила Мать-Драконица.

Советница в отчаянии помотала головой.

— Ты понимаешь, что Старейшины сейчас под нужным впечатлением? — начала было Гатаматар стыдить её, но сдалась. — Ладно. Продлю перерыв. Сейчас улетим на конфиденциальную прогулку.

Хинофатар просияла. Уж она-то видела, что Старейшины под впечатлением, но считала ли этакое впечатление нужным — вот вопрос.

Гатаматар наскоро объявила Старейшинам о продлении отдыха — те и не возражали, после чего кивнула советнице на боковой выход из зала и вместе с нею вылетела через витой коридор, загибающийся кверху. По пути подумала, что маршрут избрала не случайно. Есть в небесном дворце ходы, которыми люди да двуногие драконы никогда не пользуются. Просто потому, что коридоры плавно переходят в колодцы. А в низ без крыльев никак.

Вылетев из дворца в открытое небо, Драконица-Мать и советница успели заметить, как летучий замок Лулу Марципарины Бманки разворачивается, чтобы везти её в далёкую Канкобру. Над замком по-прежнему парил эскорт — Куркнарт, Алазарт и целитель из Канкобры.

— Успеешь к ним присоединиться? — спросила Гатаматар.

— Я догоню, — пообещала Хинофатар, — я знаю, куда лететь, а замки для людей такие неповоротливые.

Великая Мать согласно развернулась прочь и летела в первую попавшуюся сторону до тех пор, пока единственным драконом, оставшимся в пределах видимости, не сделалась выбивающаяся из сил советница.

Там Гатаматар зависла в воздухе и, подождав отстающую, строго промолила:

— Говори!

С немалым удовольствием она наблюдала, как трудно отдышаться советнице, непривычной к высоким скоростям.

Но не нарочно ли я оттягиваю объяснение, подумалось ей вдруг.

— Великая Мать, — склонила шею Хинофатар, — прошу вас ещё раз подумать. Не делаем ли мы ошибки, когда идём на поводу у драконов, которые смеются? Ведь они всё-таки не в себе, право же, не в себе! — дыхания советнице всё-таки не хватило.

— А много ли ты видишь драконов, которые сейчас в себе? — резко бросила Гатаматар.

Советница не нашлась.

— Они все такие, Хинофатар, — с болезненной горечью произнесла Великая Мать, — они все такие! И уже навсегда.

— Драеладр с такими справлялся… — запела советница заведомо пропащую партию.

— Драеладр без своей жемчужины ничего не может! — оборвала Гатаматар, — что старый, что новый — дракон-недоросток. Я приняла, наконец, верное решение: правящую династию надо поменять!

— Но они же заколдованы!

— Неправда! Такая масса драконов заколдована быть не

может! Добро бы один клан Рооретрала — с этим бы можно было смириться. Но все кланы? Это что же получается, вся раса драконов не права? Вся, кроме отдельных индивидуумов? Нет, Хинофатар, многовато ты на себя берёшь!

Советница примолкла и обречённо склонилась в знак вынужденного согласия с волей и мудростью старшей, более разумной, более опытной.

— Я понимаю тебя, — вдруг сказала Гатаматар. — Да, понимаю! Если бы всё шло, как прежде, да разве бы я… — она не договорила. — Но пошло ведь иначе! Моя раса хихикает. Хихикает вся! Исключения лишь подтверждают правила. Что мне прикажешь делать? Я Драконица-Мать. Я должна быть со своими детьми. Я должна быть с ними, а не против.

— Счастье, что я узнаю вас, Великая Мать, — проговорила Хинофатар напоследок. И, не залетая во дворец, отправилась искать эскортируемый ею со товарищи воздушный замок.

* * *

Путь до Канкобры прошёл в вынужденном молчании. Дракон целитель наложил заклятие безмолвия. Причём наложил его не на одну лишь Лулу Марципарину Бианку (уж на неё-то понятно зачем: чтобы не проболталась о тайной беседе у Гатаматар), но также на Бланш, на Бларпа, на Куркнарта с Алазартом и, наконец, на себя, чтобы уж наверняка.

Одна лишь советница Хинофатар, возвратившаяся к эскорту замка чуть позже, избегла заклятия. Её дракон-целитель и рад был бы присоединить к общей молчаливой картине, да увы, чтобы изменить заклятие, надо сперва самому преодолеть искусственную немоту.

Поторопился, будто ученик поторопился! Бланш читала досаду на продолговатой морде целителя и покатывалась от беззвучного смеха.

Когда Бланш смеялась, внук поглядывал на неё с настороженностью, от которой хотелось смеяться ещё сильнее, но она поспешно брала себя в руки. Не объяснишь ведь, что смех твой осмыслен, а не вынужден чудовищной птицедевой.

Впрочем, они с Бларпом вскоре приспособились объясняться знаками.

Жаль, заколдованная Лулу Марципарина к их пантомимической азбуке так и не присоединилась. Заклятие целителя, наложившееся на заклятие гарпии, вызвало у матери Драеладра ещё и крайнюю сонливость.

Возможно, её погружала в сон сама затруднённость общения. Когда ты редко используешь речь ради обдумывания, а в основном и думаешь-то ради говорения, условие вынужденного молчания переносится тобою намного-намного тяжелее.

Большую часть пути до Канкобры Марципарина Бианка попросту проспала, когда же не спала, то дремала, а в перерывах между сном и дремотой совершала прогулки по двору замка в жестокой полудрёме.

Нечего и думать в этаком состоянии расспросить её об аудиенции у Гатаматар! Повествовать о прошлом жестами, которые остаются в настоящем — здесь изрядные усилия требуются, во сне ну никак не справишься. Более того, пока Бианка пребывает в полусне, попробуй пойми, наблюдает ли она каких-нибудь гарпий, и если да, то приходят ли они к ней со стороны сна, или со стороны яви.

* * *

А вот и она, Канкобра. Чёрный небесный остров, плоский, как блин на сковороде. Блин, основательно пригоревший.

На острове не видно никаких строений — совсем никаких. Что и не удивительно. Ведь люди, попадающие сюда, чересчур заколдованы, чтобы строить, а тем более — творить высокую архитектуру.

Люди, попавшие сюда, обычно не возвращаются. Их привозят, чтобы расколдовать, но расколдования редки. А не расколдуешься — не сможешь и жить по-людски. Или наоборот: не заживёшь по-людски — не расколдуешься.

При подлёте к Канкобре заклятье дракона-целителя развеялось. Бланш и Бларп это не скоро заметили: объяснялись одними знаками, пока неверно понятый внук однажды вполголоса не выругался. Ишь, привык втихомолку распускать язык, зная, что бабушка всё равно не услышит.

Марципарина к тому времени растеряла остатки сна, поднялась на замковую стену и через бойницы внимательно наблюдала мрачный горелый блин. Сказала, немколько ошарашено:

— Да здесь ведь одна пустыня!

— О нет, — откликнулся дракон-целитель, — наш остров, конечно же, обитаемый.

Прозвучало почти саркастически.

— Но где же тогда обитатели? — полюбопытствовала Бланш.

— Вон в той чёрной дыре прямо по курсу! — тут всем стало

ясно, что целитель не шутит.

Прямо по курсу внутрь чёрного небесного острова загибалась огромная воронка. Пройти внутрь такой человеческими ногами — далеко не прошагаешь. А вот на крыльях драконьих — другое дело.

— Спускаемся, — сказал внук, стоило замку остановиться.

— Пора, — подтвердил местный дракон.

Бларп откинул люк и сбросил в отверстие верёвочный трап. Первым вниз полез внук, за ним — Лулу Марципарина, замыкающей — Бланш.

Провидица немного беспокоилась, не станет ли Марципарина прямо посреди лестницы засыпать, но обошлось. Видать, за всю неблизкую дорогу Бианка успела выспаться на долгие месяцы вперёд, и теперь была возбуждена и оживлена.

— Интересно, как всё устроено там, в воронке, — произнесла Бланш, но вместо Бларпа ей ответил дракон-целитель.

— Внутрь посторонних не пускают.

— А мы посторонние? — пожелал прояснить Бларп.

— Канкобра — земля заколдованных. Кто не заколдован, тот лишний.

Бларп высказался в том смысле, что скоро в Канкобре отбоя не будет от драконов, имеющих все основания проникнуть в воронку.

— Я знаю, — ответствовал целитель, — всё я знаю.

Бларп и Бланш приняли его знание к сведению и не стали выспрашивать, как он сам относится к ожидаемому наплыву.

Там же, на краю гигантской воронки, бабушка и внук простились с матерью Драеладра. Не сказать, что с особенной теплотой, но хоть как-то проститься надо было.

Поскольку склоны воронки уходили вниз очень круто, нечего было и пытаться Лулу Марципарине Бианке спускаться туда на своих двоих. Дракон-целитель ей подставил спину, она на неё вспрыгеула, ухватилась за костяной гребень, после чего оба канули в тёмную яму.

— Пора назад, — вздохнкд Бларп.

В этот момент Бланш обернулась к замку и увидела, что Хинофатар, Алазарт и Куркнарт уже улетели.

— А на обратном-то пути эскорта не будет, — улыбаясь, молвила Бланш.

Почему-то даже не верилось.

* * *

Когда воздушный замок подлетал к Новому Флёру, внук первым заметил, что с крышей дома Бланш что-то не то. Стал напряжённо всматриваться, глядя из оконца стенной башни, чем привлёк и её внимание.

Ну конечно же! Над крышей должна была крутиться хоть одна шаровая молния (вторая-то, вроде, разрядилась в незадачливого сынка Пендрамора).

— Наверное, в наше отсутствие кто-то ещё громить прилетал, — успокоительно молвила провидица.

— Они должны были самовоспроизводиться! — не принял утешения Бларп. — Значит, я их как-то не так поставил…

— Так переставишь.

— То заклинание у меня не с собой.

А потом бабушуа и внук одновременно увидели дыру, спрятавшуюся на затенённом скате крыши.

— Значит, и основная защита не действует! — забеспокоился Бларп. — Вот так доверяй теперь лучшим яральским кровельщикам…

Да уж, пробитая крыша неминуемо теряет защитные свойства. И магические — в том числе.

— Кажется, я сама её ослабила, — произнесла Бланш виноватым тоном, — прихватила с собою вот-этот камень. — она достала из кармана меховой накидки Палец Керокегера — продолговатый окатыш цвета зелёной яшмы с таинственным мерцанием внутри.

Палец Керокегера принадлежал к Малым костям вселенной. Заключённый в нём источник энергии, подпитывая магическую защиту крыши, делал её почти непробиваемой.

— Если бы я его оставила…

— Если бы ты его там оставила, его бы непременно украли!

И то правда. Но лишь если бы пробились… Этак ценою камня потеряла дом. Впрочем, камень дороже.

— Нападало несколько, — сказал Бларп, когда замок ещё немного снизился. — Вон те кучуи внизу — это облущенная драконья чешуя. Даже отсюда видно, до чего многоцветна!

Чтобы проломить отшельнице крышу, нападавшие основательно пострадали.

Среди кучек доминировали типичные тёмные окрасы клана Рооретрала, но также встречались все оттенки красного — это отличительная черта скорее Ореолора. Но были также серебристо-серые варианты, особо распространённые в клане Драеладра. Свои же! Ну как можно?

— Спускаемся вместе, — предложил Бларп, — надо получше осмотреть место происшествия. Ну, и посмотреть, что там с

хозяйством.

— Вроде, ничего не тронули, — спустившись к дому по верёвочной лестнице, заявила Бланш. — Как будто и в вещах не шарили.

— Так и крышу ломали не с целью ограбления. Да только Палец Керокегера забрали бы точно.

Дырища в кровле с близкого расстояния впечатляла куда больше, чем с высоты. Бланш осмотрела её и пожаловалась. С этакой прорехой жить — как вовсе без крыши. А кровельщика из Ярала теперь, наверное, нескоро дождёшься.

— Ну, досками-то её забить нетрудно, — прикинул Бларп, — от дождя и ветра прикроем. Но, конечно, не от погрома… — он испытующе поглядел на провидицу.

Что он имеет в виду? Улетать с небесного острова? Но куда? В Ярал, по словам самого Бларпа, больше не сунешься, в небесный дворец Гатаматар не пропустят тоже. Искать пристанище где-нибудь, обживать новое место? Нет, Бланш уже не в том возрасте, чтобы так легко переселяться.

— Прикрой, от чего умеешь, — вздохнула Бланш. — инструменты я сейчас вынесу.

Внук у провидицы, конечно, во многих делах талантлив, но не в плотницком ремесле. Провозился у пролома более двух суток, а прикрыл кое-как. Несколько раз переделывал: его латка то на крыше не сидела, то разваливалась из-за внутренних противоречий. Об эстетической стороне и говорить нечего.

— Ладно, сойдёт, — махнула рукой Бланш. — Как-то привыкну.

Бларп уже прощался у верёвочного трапа, собираясь лететь по каким-то своим делам, когда с неба принесло какого-то дракона.

Бабушка и внук всмотрелись. То был Мадротор. Обычно гневливый, сейчас он весь раздувался от самодовольства. Из глаз его так и брызгало недоброе ликование.

— Нет, останусь пока, — Бларп сделал шаг от трапа. — Может, придётся отбиваться.

Мадротор прилетел не с кричалкой про славу гарпии. Он прибыл ни много ни мало как вестник решения Совета Старейшин. Решение было длинным, потому и начал он загодя, почти проглотив преамбулу и первые пункты. Но главные пункты решения красный дракон выделил, так и лучась от безудержного злорадства:

— Правящей династией отныне объявляется род Рооретрала!!!

— Ага, вот из-за чего нас тогда не пустили. У Гатаматар собирался Совет… — запоздало догадался Бларп.

— Все договоры между людьми и драконами считаются прекратившими своё действие!!!

— А этот пункт они будто свистнули из манифеста последнего царя Эузы, — прокомментировал внук.

— Упоминание всуе слова «гарпия» карается согласно новому карательному установлению!!! — надрывался Мадротор.

— Вот здорово, — саркастично улыбнулась провидица, — значит, погромщикам теперь придётся действовать молча.

— Вряд ли славословие у них приравняно к «упоминанию всуе», — возразил Бларп. — Скорее, славословить и громить во славу гарпии можно, а вот упоминать о славословящих погромщиках не рекомендуется. Словно бы никакой гарпии на небесах нет.

— Удобная позиция, — не могла не слогласиться Бланш.

— Стоило этого ожидать, — отозвался Бларп с хмурой безучастностью.

А вот последнего пункта решения Совета бабушка и внук совсем уж не ожидали. Мадротор, чтобы его прокричать, не случайно воспарил повыше — как раз над небесным замком. Да и рявкнул чуть ли не прямо в открытый донжон, чтобы рулевые драконы обязательно его услышали:

— В связи с отменой всех договоров между драконами и людьми, Советом Старейшин объявлена амнистия!!! Она касается всех драконов, которые до сих пор выполняли повинности по приведению в движение человеческих воздушных замков!!! Слышите, драконы!!! Вы свободны!!!

Но если рулевые драконы свободны…

— Он хочет нас запереть в Новом Флёре! — сплюнул Бларп и, подскочив к верёвочной лестнице, принялся быстро карабкаться.

Это было опасно. Если бы висящий над островом замок сейчас покинул последний рулевой дракон — вся конструкция могла бы рухнуть. Погребая, кстати, не только Бларпа, но и Бланш, стоявшую неподалёку.

А рулевые драконы и правда начали вылетать через широкое отверстие в своде донжона. Первый, второй, третий.

Очень хорошо, что четвёртый дождался Бларпа. Не разбил походя замок, который столь долго и бережно водил через все небесные слои.

Пока человек карабкался, а рулевые драконы улетали, Мадротор парил в сторонке и неудержимо хохотал. Чьего злорадства в том смехе было больше — заёмного у гарпий, или своего собственного, различить непросто. Но Бланш могла поклясться, что присутствовали оба компонента.

* * *

Бларобатар с рулевым всё-таки договорился — как два разумных дракона. Нет, разумеется, тот не согласился возить по небу замок вопреки оглашённой Мадротором амнистии. И даже стабилизирующий высоту камень под названием «Глаз Ашогеорна» отказался оставить. Камень ведь Бларпу не принадлежал изначально.

На чём они с Бларпом сошлись, так это на том, что дракон не бросит свой замок как попало, а аккуратно его опустит на ровную поверхность Нового Флёра чуть в стороне от домика Бланш. Толстый слой снега смягчит неровности почвы — авось белокаменная громада и не расколется.

Что ж, и на том спасибо.

— Положим, подходящий камень у нас всё-таки есть. Палец Керокегера немногим хуже Глаза Ашогеорна, — вслух рассуждал внук, глядя уже с земли, как замок медленно опускается в указанную им точку.

— Ты что, надеешься когда-нибудь стартовать? — удивилась Бланш.

— А на что другое осталось надеяться?

— Камня мало. Без рулевого дракона эта штука всё равно не взлетит.

Как будто Бларп и сам этого не знал, намного подробней и точней.

— Зато и с драконом бы не взлетела — если бы без камня.

— Так всё равно ведь не прилетят сюда драконы…

— Раньше прилетали, вот и дальше прилетать будут, — уверенно возразил Бларп.

— Так кто прилетал? Одни погромщики. Да и тех заговорённая крыша в кои то веки отпугнула… — провидица невольно поглядела на кучки разноцветной чешуи. Всё, что от кого-то осталось после азартного штурма.

— Налеюсь, не всех отпугнула. Раз кто-то из них пострадал, — внук тоже пригляделся к оставленной неприятелем чешуе, — то вернутся сюда мстить.

— Ещё не хватало!

— Да, не хватало! — подтвердил сказанное Бларп. — Нам очень пригодятся драконы, которые попробуют всерьёз провиниться. Только таких я с лёгким сердцем усажу за рули.

Легко сказать — «усажу». А ведь мстителей надо сперва поймать!

Глава 27. Время не ждёт

Эрнестина Кэнэкта затаилась. Это не значит — спряталась. Нет, она осталась полностью на виду. Всё там же, в Адовадаи, под негласным арестом в «Пузатом боцмане» — любимом трактире мертвецов да Патриархов.

Бабозо ушёл элегантно. Скользнул за спину охранявшему его Патриарху, а пока тот раздумывал, что происходит, задвинул засов с той стороны. Не увальням в мантиях тягаться в ловкости с самым вороватым из её матросов!

Когда в трактир набились новые Патриархи — учинять следствие, их удивило не то, что Бабозо сбежал, а то, что Кэнэкта осталась. Кто-то в этом усмотрел недоступную среднему уму интригу — и, надеясь Эрнестину смутить, спросил напрямую.

Но была ли интрига в том, что Кэнэкта не сбежала? Пожалуй, единственная: удивить Патриархов своей покорностью. Больше ничем их по-настоящему поразить Кэнэкта не могла.

— Отчего сбежал ваш человек?

— Это было легко, вот и сбежал.

— Отчего вы не сбежали?

— Не хотела.

И что с ней теперь делать? Об этом лишь теперь подумывали Патриархи, поскольку рассчитывали на иное.

Ожидали от неё напрасной суеты. Метания по городам, сбора оставшихся верными подпольных дружин. Вплоть до мятежа в Ярале, который господа Патриархи с удовольствием бы подавили. Не зря же подбросили ей для ознакомления вот такой листок.

«Данным указом повелеваю упразднить город Ярал, что на Белой горе. Всем жителям велю покинуть сей город, назначенный к упразднению, до первого дня лета. Кто же не подчинится, да будет уведён под стражею, бит плетьми и платит штраф в размере сотни золотых за каждый просроченный день. Переселенцев принимать беспрепятственно во всех городах царства и отстраивать жильё взамен оставленного за счёт местной казны. Государь всея Эузы Ван с-Йела VI».

Настоящий ли это указ? Никаких сомнений. Указ настоящий, просто царь — подделка.

Но готова ли Кэнэкта выступить против Обсерваториума и против нового, поддельного царя? Нет, не готова. Не в силах она покуда оценить глубину этих явлений. Кто стоит за царём? Кто за Обсерваториумом? Ясно, что мертвецы и Владыка Смерти. Но в Эузе-то кто?

Всё это выяснится не раньше, чем теневые владыки

почувствуют себя в полной безопасности. Чтобы сей момент поскорей наступил, придётся пожертвовать Яралом. Придётся и ей под арестом посидеть.

* * *

А в отшельниций Новый Флёр повадился Мадротор. В отличие от прежних погромщиков, которые, пока их не прихлопнуло крышей, пели славу гарпии назло Бланш, этот дракон прилетал скорее к Бларпу, чем к провидице. Имел он какие-то личные счёты.

Да Бларп и сам-то рассказал, какие. Мадротора Гатаматар некогда посылала в Ярал — договариваться о передаче Драеладра крылатым сородичам. Гневливая несдержанность красного дракона сыграла тогда злую шутку с ним самим. Вместо того, чтобы договариваться, Мадротор пытался людей запугать. Демонстрации силы ради — сбил крылом дворцовую трубу. Та была не в меру изящна и не слишком крепко прилажена, вот он и разошёлся. Бушевал, пока Бларп не укоротил огненной плетью.

— Удивляться теперь особенно нечему, — сказал Бларп. — Мадротор поклялся отомстить, вот и мстит. Мог ведь распустить рулевых драконов в любом другом месте — но так ему не интересно. Специально меня здесь подкараулил — у тебя на небесном острове. Чтобы на землю я не спустился. Чтобы навек запереть. Одного не учёл мститель.

— Чего же?

— Я лишён рулевых, но не лишён самого летучего замка.

— Ну, этого-то, вроде, недостаточно.

— Ах да. Второе, чего не учёл Мадротор — это размеров собственной уязвлённой гордости. Вон он, кстати, опять летит! Выйду к нему навстречу. Хоть какое-то, да развлечение.

Однообразное развлечение, надо сказать. Сейчас ехидный дракон сядет на стену всеми брошенного воздушного замка и, кривляясь, предложит всех «подвезти». Бларп, по своему обыкновению, отреагирует. Бросится к Мадротору, осыпая его площадной бранью. Во многом от чистого сердца, но не совсем. Он ещё и намеренно подогревает драконий азарт, привязывает Мадротора к игре в издевательскую перебранку.

Чтобы тот прилетал ещё. И снова, и снова, и снова.

* * *

Патриархи в Адовадаи ждали больше месяца, когда же всё-таки сбежит арестованная. Не сбежала. Пришлось им её перевозить в Эузу. От Адовадаи путь не ближний, но она не сбежала и тут.

Что с ней делать? Пришлось определить в какую-то тюрьму. Определили, ну и ладно. Кэнэкте-то что. Кэнэкта затаилась.

Между тем Ярал отселили, причём без серьёзных стычек. Люди её были рассеяны, да и разбрелись чуть ли не по всей Эузе. Сила в том, или слабость? Это уж как посмотреть.

Кэнэкта же находила силу в умении тихо ждать.

Правда, когда бездеятельно ждёшь, и ждёшь долго, закрадываются сомнения. Та ли ты, что прежде, или неуловимо изменилась в угоду обстоятельствам?

В основном — та самая, успокаивала себя Кэнэкта. А что на поверхности изменилась, так то не в угоду обстоятельствам, а в трезвом расчёте на них. Эх, только бы расчёт оказался верен.

В том заключении, в которое сам собой перешёл её арест, утешением для разведчицы стал внезапно доносящийся голос Драеладра. Как она услыхала его впервые, затруднительно и вспомнить. Вроде, впала в задумчивость, да и услышала глас ниоткуда, звучавший, будто во сне. Голос дал понять, что принадлежит Драеладру, но не в обыкновении Кэнэкты таким заявлениям безоглядно верить. Могли подсуетиться и Патриархи. Посему разведчица говорила осторожно и на всякий случай крепко ругала Бабозо.

Некоторое время Кэнэкта ожидала суда, но суда не было. За что её, собственно, судить? За соучастие в краже волшебных камней? Как-то мелко. Для Бабозо бы было в самый раз, но начальницу разведки ловить на такой ерунде? Нет, с Патриархов сталось бы, но лишь при условии, что кто-то из них ненавидел бы её достаточно сильно.

И что характерно: арест арестом, но из разведки-то Кэнэкта не уволилась. В отставку официально не вышла. Потому, кстати, и не вышла, что сидела под арестом.

Правда, Кэнэкта думала, что с упразднением всего города Ярала тем самым упраздняется и её принадлежность к его разведке. Оказалось, не совсем так. Ясно, что за неимением Ярала она в нём больше не начальница. Но совсем без разведки-то Эуза остаться не может.

Прошло больше полугода то ли ареста, то ли уже заключения, когда в камеру её заглянуло высокопоставленное лицо.

— Всё-таки суд? Нашли для меня состав преступления?

— Нет, — ответило лицо, — судить отныне будете вы.

Это юмор? Но к ней в камеру заглянул не шутник. Этого

сановника в Эузе знали многие задолго до каких-то там выскочек-Патриархов, и шутить в угоду нынешней власти он бы не стал.

— Царство нуждается в опытных дознавателях.

— Вот как? Обсерваториум предлагает мне сделаться палачом?

— В дознавателях, — терпеливо уточнил сановник, — палачей-то как раз достаточно.

— Я могу подумать? — сказала Кэнэкта.

— Смысла нет, — возразил посетитель. — Отправляйтесь-ка к месту службы, там и подумаете.

— А где предстоит служить?

— На корабле дураков.

Как и советовал высокопоставленный гость, Эрнестина Кэнэкта принялась осмысливать своё новое положение уже по приезде. Что-то оно сулило? Бездействию предстояло смениться деятельностью. Это славно. Правда, деятельностью дознавательского рода под началом всё тех же Патриархов. Это скверно. Зато на посту дознавателя — главного на целом тюремном корабле — она может хоть на что-то да влиять. В меру возможности спасать хороших людей. Это хорошо. Вот только следить за ней будут неусыпно, в этом-то сомневаться не приходится, и обо всех её случайных и намеренных промахах всякий, кто может, доложит, кому надо. Это плохо. С другой стороны, ей ли, разведчице со стажем в пару десятилетий, не суметь свои махинации достаточно тонко скрыть…

Постепенно волнение улеглось, ведь на каждый жестокий минус отыскивался обнадёживающий плюс.

А на Оползневом склоне в черте ныне безлюдного Ярала в качестве главного плюса пришедшего времени мужал новый Драеладр. Да, не то, чтобы рос большим, но взрослел, умнел, набирался опыта.

* * *

И каких только гадостей Мадротор не кричал Бларпу! Да и среди тех не было ни одной такой, которую бы прокричал однажды. Повторял раз, другой, третий — верно, думая, что Бларп Эйуой запамятовал. Причина понятна: туговато было у красного дракона с воображением. Проще припомнить старую пакость, чем придумать новенькую.

Правда, репертуар у Мадротора нет-нет, да и обновлялся. Крылатый дракон много где летал, часто бывал и у Гатаматар; именно так Бланш и её внук узнавали новости.

Конечно, новости не любые. Лишь те, что способны хоть чем-нибудь их уколоть. Например, о глубоком падении нескольких драконов из клана Драеладра, которые ныне служат Рооретралу и очень им и собой довольны.

Оказывается, и Куркнарт сделал такую карьеру. Ныне он — младший помощник Пендрамора, который, без шуток — второй дракон в клане после самого Рооретрала.

А ещё новость: Рооретрал властью верховного дракона полностью реабилитировал безымянного серого. Теперь серый больше не безымянный, он приискал себе какое-то имя. Единственно что, наверняка не прежнее — под ним ведь уже лет семь как летает совершенно другой дракон.

— Неправда, Рооретрал не имеет подобных полномочий, — ответил красному зубоскалу Бларп, — серый дракон ранее принадлежал к клану Драеладра, и только этому клану решать…

— А вот и нет! — покатился со смеху Мадротор. — Чтоб ты знал, серый дракон теперь торжественно принят в клан Рооретрала, как и его дружок Куркнарт, между прочим…

— Не верю, — качал головой Эйуой.

Бланш прекрасно понимала, зачем он пререкался. Не затем, чтобы победить в споре Мадротора, но просто узнать подробности. Дурак, чтобы больней уязвить, всё-всё-всё выболтает!

— А нового имени серого дракона я тебе всё равно не скажу! — захихикал Мадротор.

Что ж, если специально о том обмолвился, значит, скорее всего не скажет. Ну и не надо! Какое бы имя не присваивали серому негодяю, для клана Драеладра он всё равно останется безымянным.

Это ведь он, жалкое серое несчастье, украл тода Лунный Пламень. Украл бездумно, бессмысленно. Украл так неуклюже, что тут же и потерял. Чудная жемчужина пронизала несколько слоёв небес, упала на землю, где и попала в лапы к мертвецам.

Что и привело расу драконов к неисчислимым бедствиям. Среди которых, кстати, смерть старого Драеладра. Впрочем, с нынешней-то позиции Рооретрала, не всё то бедствие, где гибнут драконы. Лишь бы гибли для вящей рооретраловой пользы.

— Серый — преступник, его имя нам не интересно, — Бларп так и сказал.

— А вот и не преступник! Он искупил…

Бабушка и внук прекрасно помнят, как серый «искупал»: не иначе, для отвода глаз, летал над легендарной пропастью Глюм, откуда, согласно той же легенде, и был впервые извлечён Лунный Пламень. И летал-то недолго: был в скорости пленён великаном

Плюстом, чудовищным владельцем выросшего в тех краях замка. Так случилось, что этого Плюста победил Бларп. А серого дракона чуть раньше ненароком освободили люди Эрнестины Кэнэкты, причём в том бою потеряли один из небесных замков.

— Ах как интересно: другие рисковали, а серый дракон «искупал»! — поддразнил Мадротора Бларп.

— Подумаешь! — Мадротор исчерпал известные ему более-менее серьёзные основания для реабилитации серого, да и взялся за совсем смехотворные. — Между прочим, он на хорошем счету у Гатаматар! Он из лучших её воспитанников!

А вот с именем Гатаматар Эйуой всё же предпочитал не шутить. Вдруг ещё придётся как-нибудь свидеться?

* * *

Корабль дураков — это плавучая тюрьма, курсирующая по великим рекам Эузы. И что там забыла Кэнэкта? Нет, кажется, это её там забыли.

В новом своём статусе Кэнэкта многое узнала о прежних своих сотрудниках, да и о себе самой. Оказывается, суд над нею случился, и довольно-таки давно. Заочные суды при новых порядках в Эузе — вовсе не редкость. Кэнэкта и сама многих обвиняемых судила заочно. Просто не было интересно, что они там скажут в свою защиту.

Да, разведчицу присудили к заключению. Более того, без указания точного срока. Не то чтобы к пожизненному, но и не к ограниченному заранее известной датой. Когда-нибудь эту дату Кэнэкте назовут. Пока не назвали. Пока срок не назван, либо обвинение не снято, она не имеет права покидать пределов тюремного корабля.

Я заключённая, и я же дознаватель — чего только не выдумают! Да и не пришлось много думать, чтобы такое выдумать. Видать, само получилось. Большое царство в периоды перемен не сильно подробно себя осознаёт.

А потом выяснилось, что и два других дознавателя, составляющих с нею корабельную «тройку» — не чисты перед новым законом.

Кстати сказать, и сам состав этой «тройки» в немалой степени её изумил. Один из этих коллег был незнакомым ей гвардейским сотником Званом, зато второй — оказался Кляйн-Патриархом Виктом, известным ей ещё по Яралу.

Никак не ожидая встретить в тюремном корабле Викта, Кэнэкта исподтишка навела справки, чтобы выяснить, за что он

тут оказался. Прегрешение нашлось, причём общее на Викта и на Звана. Оба были в Ярале, где — вот незадача — при штурме дворца упустили Драеладра.

Да и не то, чтобы упустили. Вернее, поймали, но не того. Сотник Зван по наивности принял за Драеладра карлика Дулдокравна (обманулся похожим звучанием имени), а Кляйн-Патриарх за неимением собственного ума сотнику с ходу поверил. Под видом дракона они доставили карлика пред более светлые очи Гросс-Патриарха Конана, и лишь тот их запоздало вразумил. Когда же бросились в Ярал заново искать Драеладра, того уж и след простыл. Умной Кэнэкте не вздумалось выяснять, искали ли они на Оползневом.

Зато без труда прояснилось, где находится её карлик-возлюбленный. В Эузе-столице, в одной из тюрем. С пожизненным сроком, полученным за самозванство. Будто бы он прикидывался Драеладром, а не придурковатые преследователи опростоволосились.

В первое время, как только узнала о судьбе Дулдокравна, Кэнэкта планировала его высвободить. Даже нашла редкую возможность направить в охрану к одноглазому милому своих людей — двоих стражников, знакомых ещё по Яралу.

Но потом она призадумалась. Ну, спасёт она Дулдокравна. Что дальше? Дальше за карликом будут гоняться, пока не поймают, чтобы казнить. Да и сама Кэнэкта по сущей глупости лишится столь могущественного поста.

Может, она спасёт кого-то другого, кому угрожает жестокая смерть, а не только унылая жизнь в заключении? А может — кто знает, её помощь на посту дознавателя понадобится и молодому Драеладру?

Разумно решила? Ну да, разумно. Да только… В тот самый момент, как она отступилась от идеи вытащить возлюбленного, почувствовала себя настоящей предательницей. Переживёт ли подобное её любовь?

Время покажет, но в общих чертах ясно и так: очень вряд ли.

* * *

В пустых перебранках с недалёким Мадротором проходили уже не дни, но месяцы, когда произошло неожиданное: с Бларпом связался малыш Драеладр. Как у него это получилось, понять непросто. Но получилось.

— Он развивается! Он ещё и не то сможет! — воодушевился Бларп.

Оказывается Драеладр вместе с Хафизом преспокойно пересидели на Оползневом склоне поголовное выселение Ярала гвардейцами и Патриархами Обсерваториума.

— А что дальше? — заинтересовалась Бланш.

— Дальше Драеладр один выжить не сможет, — вздохнул Бларп. — Ему нужны мы.

— Но, к сожалению, мы заперты на моём острове.

— Я предложил Драеладру нас освободить, — глубокомысленно промолвил Эйуой.

Бланш не сразу поверила, что он это сказал на полном серьёзе. Однако, внук не шутил. Он предложил…

— Именно так, — повторил Эйуой ранее им сказанное, — предложил Драеладру с Хафизом спускаться с Белой горы. Нет спора, редко кому из людей подобное удавалось, но Драеладр — всё-таки дракон, хоть и почти не вырос, да и летает пока слабовато.

Бланш ужаснулась:

— Ну, спустятся они, а что дальше?

— Дальше — проще. Им придётся пройти от Белой горы к Бегону, найти там целителя Кама, чтобы тот известил о нашем бедствии гнездящегося поблизости Яндротара. Который нас, собственно, и вызволит.

— Да какая гарпия тебе подобное нашептала! — взорвалась Бланш.

А Бларп — тот, кажется, и не подумал, в какое опасное и безнадёжное предприятие походя втравил дракончика.

— Не кипятись, ба, — лишь это и сказал.

Так трудно, что ли, догадаться, что добираться до Бегона маленькому Драеладру придётся через половину Эузы — царства, находящегося под контролем Патриархов-дракононенавистников из Обсерваториума?

* * *

Лишь много месяцев спустя Кэнэкта узнала о Драеладре из других источников кроме её собственных снов, голосов и видений. Сводки тайной полиции Обсерваториума — источник намного более авторитетный. Вот только лучше бы Драеладру в них не попадать. Кэнэкта свои дни сомнений и тягостных раздумий уж как-нибудь бы перетерпела.

Сводки гласили: маленький дракон по имени Драеладр обнаружил своё присутствие не где-нибудь там, а в глубочайше засекреченной Академии наук. В храме знаний высочайшего

оборонного значения.

Кэнэкта не сразу и глазам-то своим не поверила. Строки, повествующие о Драеладре, даже в полицейских отчётах звучали для неё как-то чересчур сказочно.

Дело, в связи с которым всплыло имя Драеладра, именовалось «О неожиданном и злокозненном нападении рыбы кнубии (выведенной искусственно, в оборонных задачах) на мёртвого бальзамировщика Фалька, плывшего на лодке через реку Тьмаку, с принесением оному плачевных увечий, повлекших преждевременную смерть, ибо несовместимых с дальнейшим посмертием такового». Главным обвиняемым по делу проходил некто биомант Сай, дракон же был указан в списке не то свидетелей, не то отягчающих обстоятельств.

Кэнэкта никакого Сая не знала, зато с Фальком была знакома — и не так уж давно. Встречались в городе Цанц. Кстати, Фальк — ещё тот пройдоха, подумала разведчица, странно, что его съела кнубия: таких не съедают.

И хорошо, что на ум пришла не связанная с Драеладром странность. Теперь она смогла бы, не ссылаясь на главного виновника собственного интереса, пояснить любому начальству, из-за чего, собственно, ею произведено изменение в согласованном ранее маршруте корабля дураков. А ведь она лично, не дрогнувшим голосом, велела капитану идти к островному городу Скала-на-Тьмаке.

Сказочность присутствия Драеладра, даже одного его имени. В чём она для Кэнэкты? В том, что у времени, даже отданного убивающей силы рутине, появляется высший смысл. Прозябание на корабле дураков — тоже не напрасно? Разумеется, нет, если Драеладр где-то рядом.

Между вестью о Драеладре в полицейских делах и состоявшейся личной встречей с этим маленьким, но великим драконом Кэнэкте в своей утомлённой памяти, кажется, и проложить-то нечего.

А ведь много сил было приложено ради встречи.

Разумеется, нужное дело Кэнэкте пришлось изучить во всех нуднейших подробностях, чтобы понять, что грозит Драеладру, и чем она может ему помочь. И поняла, хотя потом быстро забыла. То было глупое заказное дело, призванное лишь к тому, чтобы уничтожить биоманта Сая, поименованного в качестве обвиняемого. Печальные подробности этаких дел изглаживаются из памяти сразу после судебных заседаний, особенно когда заседания происходят за пределами тюремного корабля, которых ты по уставу никак не должна покидать.

Что из памяти не изгладилось, так это разговор с

Драеладром, состоявшийся в её каюте вечером после суда. Дракончик совсем не вырос, но заметно поумнел. У него была цель, пусть и не способная вместить весь мир, но для начала вполне пригодная. Вызволить Бларпа, запертого на небесном острове Новый Флёр. Чтобы его оттуда достать, нужно дать знать дракону Яндротару, чтобы известили Яндротара, нужно, чтобы Драеладр добрался до целителя Кама, что живёт в селении Су под Бегоном.

Какая простая и ясная логикеа действий — логика спасения. В ней тоже по-своему раскрывается Драеладр.

А главное, он, как и во сне Кэнэкты, прекрасно говорит по-человечески. Каждая фраза его звучит, как дивная музыка, ибо обещает целому миру конец безвременья и выход в настоящее время.

Я становлюсь восторженной? Кэнэкта себе удивлялась. Потом поняла, что в её жизнь вливается та энергия, которую с воцарением в Эузе Ванна с-Йела и его Обсерваториума она слишком долго держала про запас.

* * *

Иной раз приходится поднапрячься, чтобы догнать ушедшее далеко вперёд время.

— Ты права, — однажды сказал Бларп. — Напрасно я сорвал Драеладра с места. Было бы глупо с его стороны спускаться с Белой горы, чтобы вызволить людей, которые сами его должны вызволять…

И в тот же вечер он напал на Мадротора. Напал с жестокостью, вроде бы ему не свойственной. Истязал Мадротора так, словно хотел, чтобы пытку прочувствовала и стоящая за драконом гарпия.

Красный дракон подобного не ожидал. Верно, считал себя самым свирепым из присутствующих? Верно, думал, его никогда не подкараулят?

А подкараулить оказалось сущий пустяк. Да, Мадротор старался, чтобы с земли его было не достать — в том состояло одно из правил его издевательской игры. Но вдобавок он оставался драконом с недостатком воображения. И повторялся, в чём только мог.

Когда полагал, что провидица с внуком находятся в домике, кричал им гадости прямо в трубу. Когда видел, что Бларп Эйуой гуляет по островку вблизи приземлённого замка, усаживался сверху на недосягаемо высокую внешнюю стену и предлагал

подвезти. Как только Бларп с подожжённой огненной плетью врывался в замок и начинал карабкаться изнутри по ступеням — легко вспархивал со стены, картинно изображая ужас. Более сотни раз одинаково вспархивал. И примерно с одного места.

Но вот в нужный день в нужном месте оказался силок, заранее сплетённый Бларпом из особенно тщательно заговорённой верёвки. Петля захлестнулась вокруг драконьей ноги сразу, как Мадротор туда сел.

Единственная петля могучему дракону не помеха. Даже если верёвка заговорена на прочность, а узел на крепость, всегда можно выломать тот незаговорённый предмет, к которому верёвка крепится. Но это если имеешь достаточно времени.

Времени у Мадротора нашлось бы достаточно, если бы Бларп, как он делал всегда, через боковую калитку вбежал внутрь замка, откуда бы и стал подниматься на стену. Но в этот день Эйуой не стал терять времени.

В снегу под стеной оказалась припрятана приставная лестница, наскоро сбитая Бларпом из остатков последнего ремонта в домике Бланш. Незачем забегать изнутри, когда достаточно привалить лестницу к стене и подняться снаружи — пусть не до самого верха стены, но до того места, откуда сподручно бросить верёвку с заговорённым крюком.

Ещё поднимаясь по деревянной лестнице, Бларп сбросил меховую куртку, и Бланш увидела множество крючьев и мотков верёвки, прилаженных к его поясу. Подобравшись к дракону поближе, он нащупал нужный крюк, отцепил, раскрутил, попал.

И вовремя. Мадротор как раз успел освободить лапу, захлёстнутую заговорённой петлёй, когда заострённый крюк пробил его красное крыло и намертво завяз в перепонке.

Дракон дёрнулся, взвыл, и ударив огромными крыльями, скачком поднялся ввысь, увлекая за собой Бларпа и вырванный из белокаменной стены тяжеленный ворот.

Ворот висел на верёвке, захлёстнутой за ногу, Бларп — на верёвке, вживлённой в мадроторово крыло, причём не просто наотрез не желал отцепиться, но пытался ещё подтягиваться. И запасными крюками спешно находил всё новые уязвимые перепонки.

— Ты умрёшь! — взвизгнул Мадротор, снова прыгая вверх.

Бларп не стал отвлекаться на разговоры.

Там, на высоте, дракон защёлкал зубастой пастью, беспорядочно замахал крыльями, лапами — попытался освободиться.

Внук ему этой возможности не дал. От поползновений укусить и ударов лап отмахивался огненной плетью — и как

можно скорее вязал самые непостижимые узлы из того десятка верёвок, которыми оплёл мадроторовы лапы да крюками вживил в крылья.

И Бланш, которая смотрела снизу, будто тоже отмахивалась, тоже уворачивалась, тоже вязала верёвки да крюки вживляла.

Когда-то легендарный драконоборец Ашогеорн победил ветхохо Драеладра при помощи верёвок, ибо туго его запеленал. Не мудрено, что любитель архаики Бларп ухитрился перенять именно тот древний метод.

— Отпусти! Прошу, отпусти! — взмолился Мадротор.

Но Бларп Эйуой не сбавлял темпа. Детям хохочущей гарпии ни в чём веры нет, это правильно.

Мадротор хаотично заметался по небосводу, надеясь сбить ориентиры.

Бланш испугалась: красный дракон вот-вот унесёт внука — далеко-далеко, куда бородатый колдун из-за моря Ксеркса эузских богатырей не носил. Но на самом-то деле жестокая битва уже подходила к концу.

Бларп не зря постоянно вязал всё новые узлы на верёвках. Он укорачивал Мадротору предельный размах крыльев. Стреноживал красного дракона, будто коня. Когда же гарпииному выкормышу вздумалось нестись прочь, ухватился за вживленные верёвки, будто за вожжи. Без труда развернул, повёл в нужном направлении, улавливая крылами небесный ветер.

— Перестань! Я не кукла! — злобно цедил Мадротор.

Но Бларп всё ещё молчал. Видно, не чувствовал желания и готовности на равных общаться с куклами.

С молчаливой сосредоточенностью внук вынуждал Мадротора приближаться к летучему замку. Когда они зависли над открытым замковым донжоном, красный дракон почувствовал, к чему идёт.

— Нет! — завопил он. — Только не рулевым драконом!

А имелся ли у него и у Бларпа выбор?

Здесь, над разверстым куполом донжона, внук совершил первую ощибку: перетянул верёвки. Конечно, поторопился.

Мадротор в диком ужасе так рванулся, что на крыльях его лопнули почти все уязвлённые крючьями перепонки. Тем самым дракон чуть ли не вернул крылья под свой контроль, да только не стало крыльев — одни лохмотья остались.

Теряя высоту, Мадротор постарался упасть мимо донжона. Бларп тщетно пытался им управлять за верёвки, оставшиеся натянутыми. Увы, где у обескрылевшего дракона центр тяжести, туда он и грохнется.

Завидя, что с управлением летучим телом у внука вышли трудности, провидица через калитку вбежала внутрь замка. Так и

есть! Поверженный Мадротор лежал во дворе, накрытый ошмётками собственных крыльев.

Бларпу повезло, что в падении он, как более лёгкий, оказался сверху. Если бы ляпнуло о каменное мощение двора, а потом ещё привалило разогнавшейся мадроторовой тушей…

Провидица озадачилась. Мадротора нужно доставить в центральное, рулевое отделение донжона. Неужели ей с Бларпом придётся всю его тушу перетаскивать туда на себе? Перспективочка не из радужных.

И тогда в первый раз заговорил Бларп, возжигая огненную плеть:

— Не хотел туда лететь? Так ползи, животное!

Проза, ничуть не похожая на монологи легендарных драконоборцев. Зато действенная. А монолог всегда можно приписать задним числом.

— Да я с место не сдвинусь! — в озлоблении прокряхтел Мадротор.

— Чем-то помочь? — спросила Бланш.

— Да. Отойди, ба!

Делать нечего, Бланш отошла помогать. И отвернулась, ибо внук приступил к истязаниям. Он прижигал Мадротору те части крыльев, которые покуда не пошли лохмотьями. Запахло оттуда скверно.

— Достаточно. Я буду ползти, — вдруг пообещал Мадротор.

Бларп перестал его мучить, и дракон тяжело пополз, упираясь в белый камень двора когтями.

С погашенной, но не выпущенной из руки плетью Бларп Эйуой проводил его к донжону. Протискиваться по горизонтальным человеческим коридорам огромной рептилии было довольно-таки сложно. Но победитель держался рядом, и в присутствии его жалящей плети для красного дракона не было ничего невозможного.

Там, в донжоне (провидица при том не присутствовала) Бларп привязал Мадротора за конечности ко всем четырём рулям и долго учил его управлять воздушным замком.

Было ясно, что сия нехитрая наука для красного дракона внове, Не единожды пускалась в ход и мучительная плеть — Бланш издали слышала характерный треск огня и чуяла жар, с которыми та действовала.

И в какой-то момент Бларп остался доволен успехами ученика. Даже милостиво пошутил:

— Ты говорил «подвезу», но подвезти-то и не хотел. А придётся.

* * *

В присутствии Драеладра как быстро помчалось время! Казалось бы, только что Кэнэкта много чем занималась: досудебными мероприятиями, праведными и неправедными судами над истинными и мнимыми душегубами, постсудебными распоряжениями и отчётами, а оказалось, что всё это время она просто внимательно спала.

С Драеладром время иное, исполненное надежды. Даже дурацкое документирование всех шагов превратилось будто в изысканную летопись. Кэнэкта оформила Драеладра в команду тюремного корабля марсовым матросом. И развернула речное судно на юг — в ту сторону, чтобы верней подвезти дракона к Большой тропе мёртвых. Оттуда ему будет и до Бегона крылом подать.

А уйдёт Драеладр, а с ним и Георн — прибившийся к маленькому дракону паренёк из Ярала, тоже в согласии с корабельными документами. Во власти дознавателей организовывать самые разнообразные околосудебные следственные действия. Вот на одно из них Драеладр и уйдёт.

Или улетит. Он уже немножко летает.

* * *

Победа есть победа. И старой ли Бланш не гордиться своим удачливым внуком? Мадротор повержен, и поделом.

Правда, положа руку на сердце, не такой уж и серьёзный вышел противник из гневливого дурачка, но бабушке умалять достижение внука точно не след.

Да и не ради самой победы Бларп Эйуой ввязался в драку — ради свободы передвижения. Она-то им и достигнута, между прочим, впервые за долгие месяцы. И осталось закрыть глаза на то, какою ценой.

Цена свободы Бларпа и Бланш — не одна победа. Её истинная цена — несвобода и страх Мадротора.

Если бы дракон не боялся, стал бы он их подвозить? Разумеется, нет. А отчего боялся? Оттого, что Бларп сделался страшен.

Вот за этого страшного Бларпа провидица всерьёз опасалась: не переиграет ли? Не слишком ли заиграется? Ведь вылезет внутренний враг похлеще всякого Мадротора!

К счастью, в перерывах между истязаниями дракона Бларп оставался самим собой. Да и в самих истязаниях, наверное, знал

меру. Никому не нужен убитый Мадротор. Нужен живой, но послушный. Вернее, послушный, но живой.

Лишь однажды Бланш заглянула в центральное помещения донжона, где внук распял Мадротора верёвками между четырьмя рулями. Не от избытка злости, скорее из практической необходимости. Рулевые драконы требуются к каждому рулю, а пленить удалось одного.

Бларп говорил, так летать сложно, но можно. А пленный хотел выжить. Кстати, с явно читаемой во взгляде целью за всё поквитаться.

Надо заметить, уже долгое время провидица опасалась глядеть в драконьи глаза, а тут вот решилась — и пожалела. Ничего в тех глазах счастливого не стояла. И смена династии, о которой Мадротор уж и так рассказал. И растущая власть гарпии. И предательство в клане Драеладра.

Эти печальные темы понятны и без провидчества. Бланш искала другое: ту единственную деталь, которую балабол Мадротор во всех своих издевательских сообщениях утаил. Новое имя реабилитированного серого дракона — что в нём такого, что потребовало тишины?

И она нашла. И поняла интригу. Новое имя серого звучало «Бларобатар». В точности как у Бларпа.

Да и как не понять? Это вызов. Драконы с одинаковыми именами сосуществовать не могут. Должен остаться только один.

Серый, наверное, хорошо подумал. И он уже тренируется.

Пока Бланш раздумывала, сказать ли о своём открытии Бларпу, замок под управлением прикрученного к рулям Мадротора взвился в воздух. Немного качался по обеим горизонтальным осям, но летел. Когда же Бларп с видимой неохотой применил плеть, замок и вовсе выровнялся.

Чтобы не видеть жестоких подробностей управления, провидица уединилась в одной из мелких комнат поблизости.

Там к ней снова пришли тревожные мысли. Серый дракон старше. У него есть опыт дуэлей. С ним дешёвые фокусы не пройдут. Оградить Бларпа от поединка вряд ли удастся, значит, нужно к нему готовить.

А когда готовить, если он, чтобы замок летел, должен постоянно грозить плетью беззащитному Мадротору? Так вырабатываются не боевые навыки, а опасные привычки недооценки противника.

И в тот самый миг, когда она так подумала, Мадротор показал свой упрямый характер, а может, и послушался наущений гарпии. Что он творил с рулями, к которым был привязан — уму непостижимо.

Да и чем было постигать? Бланш потеряла сознание, лишь только рухнула темечком в потолок, почему-то оказавшийся снизу.

Глава 28. Кукольная угроза

Пока Оксоляна раздумывала, как бы ей половчей убежать из Старых Могильников, пока прикидывала, чем сбить погоню со следа, пока решала, сейчас ей уехать в Уземф, или чуть погодя, из Эузы, время-то шло. И тут Ынышар, дурак такой, взял и попался!

А вместе с ним, между прочим, оксолянины драгоценности, краденные слугой из шкафов Карамуфа.

— Шпион, там шпион! — заголосила самая громкая из кукол Запра.

А хотя бы и шпион: разве нельзя было сказать потише?

На крик дурёхи отозвались другие куклы, зашлись в крике, забегали, засуетились. До того глупо себя повели, что и Запр-кукольник поверил в шпиона и с полутораручным мечом наперевес грозно кинулся на подмогу той истеричке, что первая закричала.

— Бей шпиона! — радостно завизжали другие куклы, понеслись рядом с Запром, деланно ужасаясь и млея от вида его обнажённого клинка.

Вот так дурочки деревянные!

Вслед за другими куклами побежала и Оксоляна, но лишь оттого, что подумала: вдруг спросят, почему все побежали, а ты одна нет? Уж кто-кто, а Оксоляна не дурочка, она сможет правильно ответить на вопрос, потому что и сам вопрос только что ловко предугадала.

Ынышар стоял у своего укромного склепа. Даже не пытался заново спрятаться, и он прав, ибо ведь уже получилось чересчур много шума; шум рождает азарт; пока не поймают, не успокоятся.

Завидя вооружённого Запра, верный слуга Оксоляны обнажил свою скромную кривую сабельку. Защищался почти нехотя. Наверное, понимал, что спасение ему не светит. С настоящим рыцарем долго не поспоришь, разве что на словах.

В три-четыре удара Запр выбил из его рук оружие. Куклы подбежали, принесли моток верёвки, принялись вязать заведенные за спину руки шпиона. Пойманный пригорюнился и даже для порядка не сопротивлялся.

Ничего, подумала Оксоляна, верёвка на заговорённую не похожа. К тому же обнадёживает главное: царевна Уземфа до сих пор осталась на воле. Значит, если она когда-нибудь снова поверит в своего Ынышара, то поможет ему бежать. Но пусть хорошо подумает, как вернуть её расположение после сегодняшнего провала.

Связанного провели в центральную часть Старых

Некрополисов — к площадке между двумя гробницами. Здесь его узрел Карамуф.

— О, — сказал он, — я его знаю. Это же слуга нашей Оксоляны… Но постойте! Это же тот самый слуга, который учинил в моём доме смертоубийство мёртвого дворецкого! И, как мне писали, госпожа Ангелоликая, вашего мажордома Личардо прикончил тоже он.

Вышедшая на шум Ангелоликая грозно нахмурилась. Да и царевна Оксоляна, не будь её новое лицо деревянным, нахмурилась бы ничуть не меньше! Так её подставить! Так её разгневать! И это в тот самый час, когда она думает, возвращать ли Ынышару своё расположение.

— Он достоин смерти! — заверещала царевна. И, чтобы не возникло двусмысленности, специально уточнила. — Я говорю о смерти с маленькой буквы. Которая не у Владыки, а наповал.

— А хороши мои куклы! — с чувством сказала Мад. — Настоящие гарпии.

* * *

Слова Ангелоликой вызвали долгую дискуссию, которая не утихла и на следующий день. Оксоляна же застала самый её финал.

— Кстати, о куклах! — оживлённо воскликнул мертвец Карамуф, отвечая слегка живому пессимисту Фарадео, — Спешу заметить, вы их сильно недооцениваете!

— Да как же недооцениваю? Напротив, я их очень ценю. Просто я утверждаю, что куклы — это не гарпии. Только и всего.

— Да почему же куклы не гарпии?

— А потому, что иначе у вас выходит пустое жонглирование понятиями! — возмутился Фарадео. — Гарпия, она какова собой? Известное дело: крупная птицедева! То есть, крылья оперённые наподлобие орлиных, нижние конечности с орлинысми же когтями, торс человечий, голова человечья. Где всё это у куклы? У куклы такого нет!

— Вы согласны побиться об заклад, что у кукол ничего нет от гарпии? — со злорадством спросил банкир.

— Да, согласен, — Фарадео всё горячился. А пора бы подумать.

— На пятьсот некроталеров?

— На пятьсот!

— В таком случае, — тоном ярмарочного фокусника продолжал Карамуф, — пойду попрошу соизволения госпожи

Ангелоликой обратиться с деликатной просьбой к рыцарю Запру и ректору Квицу.

— С какой такой деликатной просьбой? — спросили в один голос Квиц и Запр, случившиеся здесь же, на ступенях меньшей из гробниц.

— Деликатность просьбы определяется близостью её к тайне посмертия, — загадочно сказал Карамуф, исчезая за колоннадой бывшего ректорского склепа, теперь облюбованного Мад.

— Чего? — недопонял Запр.

— Он хочет сказать, что мы с вами — будто некромант и бальзамировщик при обряде введения живого человека в посмертие.

— Да, вы некромант. Но я-то не бальзамировщик!

— Вы кукольник. Для кукол это ведь то же самое.

Фарадео меж тем пригорюнился, заранее прощаясь с пятьюстами своих некроталеров. А чего он хотел: победить банкира в игровом поединке на деньгах? Смешно, право слово.

Карамуф же нагнал такой таинственности, что понаблюдать за разрешением их с Фарадео спора вышла и сама Ангелоликая.

— Я заручился поддержкой госпожи! — гордо сказал спорщик.

И, как обещал, обратился с деликатной просьбой к Запру. В чём она состояла, царевна почему-то не поняла. Тем более — не уловила смысла ответа кукольника. Тот объявил:

— Да это же проще простого! — после чего достал отвёртку и бесцеремонно задрал Оксоляне сарафан.

Что он там делает, ужаснулась она, что он мне откручивает?

Оказалось — винты на маленькой дверце, расположенной чуть повыше кукольного живота. Надо же, как интересно! Оксоляна-то эту дверцу раньше ни разу не нащупывала. И это при том, что положила себе досконально исследовать новое нелюбимое тело.

За дверцей располагался ящичек, а в ящичке лежала «призрачная шкатулка» Оксоляны — та самая, с надписью «Лейла», по сей день сбивающей с толку некроманта Квица.

— Теперь просьба к вам, ректор, — поклонился Квицу банкир, — будьте добры, извлеките тень.

Некромант ему холодно кивнул, обратился к Запру:

— Позвольте киоромерхенную суэниту.

Кукольник передал «призрачную шкатулку» Квицу, тот повертел её в руках и неуловимым движением открыл.

То, что оттуда вышло, было душой Оксоляны. Ну, вернее, не совсем душой. Как ей когда-то объясняли, душа мертвеца и вовсе непредставима, тень же — не душа, а лишь образная её проекция.

Но не суть. Зато тень души Оксоляны удивила её саму сильнее некуда.

Тень была крылата.

— Моя душа крылата!!! — радостно воскликнула царевна.

А ещё тень скакала по двору на хищных трёхпалых лапах.

А ещё она была чернильно черна с алыми разводами, да к тому же невпопад человеческому разговору оглушительно хрипло каркала.

* * *

Так, между радостными открытиями, и старого Ынышара казнили.

Случилось это уже после того, как Ангелоликая, впечатлившись очертаниями тени Оксоляны, страстно пожелала увидеть образные проекции душ остальных кукол. Разумеется, некромант Квиц и кукольник Запр не могли не доставить ей это маленькое удовольствие.

На груди каждой куклы оказалась однотипная дверка, за дверкой — киоромерхенная суэнита, а в суэните — чёрно-алая тень птицедевы. Правда, тени из разных кукол оказались между собою внешне неразличимы. Оксоляна даже забеспокоилась: не перепутают ли их, когда будут сажать обратно. И даже если тень верно соотнесут со шкатулочкой, то где гарантия, что всё это потом засунут вм верную куклу?

Оксоляна по старой памяти стало было излагать Ангелоликой свои сомнения, но Мад её и вовсе не пожелала слушать. Чёрные тени гарпий скакали перед нею, переваливаясь с лапки на лапку, они её забавляли.

— Какие чудные падальщицы! — веселилась госпожа. — Надо бы их покормить пищей мёртвых. Эй, Какамуф! Нет ли с тобою лакомства из червяков?

— Конечно, есть! Это моё любимое лакомство. Совсем недавно я закупил в Карамце целых четыре кастрюли. Червяки выше всяких похвал, да и соус ртменный. Где, как не в Карамце, приготовят карамцкий соус?..

— Несите-ка сюда! — улыбнулась Ангелоликая Мад.

Карамуф принёс ей тарелку, и Мад, хохоча, принялась кормить своих возлюбленных падальщиц. Как уморительно они прыгали!

Точнее, мы прыгали, поправила себя царевна. Ведь они и есть мы.

Каждой из чёрных крылатых теней досталось по червяку. Но

ведь в тарелке ещё осталось! Мад призадумалась:

— А что они ещё умеют? Червей из руки выхватывают, как голодные грифы, но не стоит ли их немного подрессировать?

— Стоит! Стоит! — захлопала в кукольные ладоши Оксоляна.

Ангелоликая к ней прислушалась, а весь выводок гарпиеобразных теней принялся наперебой показывать трюки. Чего только тени не творили: кувыркались, запрыгивали друг на дружку, некоторые даже изображали спаривание. Последние были озорной госпоже особенно милы.

Скормив спаривающимся гарпиям последнего червя, Мад нахмурилась.

— Принести ещё тарелку, госпожа? — предложил Карамуф.

— Нет, я хочу чего-нибудь новенького. Кстати, а смогут ли тени есть людей? Между пищей мёртвых и самими мёртвыми разница ведь небольшая…

— Надо попробовать, — задумался Квиц. — Нужен эксперимент.

— Отлично! — потёрла ладони Мад. — Эй, приведите-ка этого хмурого Ынышара! Пусть наконец-таки послужит науке!

Выеденный Запром из сарая, вчерашний «шпион» был действительно очень хмур, даже свою госпожу не удостоил взглядом. Наверное, помрачнел после целой ночи допросов, на которых то ли выгораживал Оксоляну, то ли, наоборот, на неё же ябедничал. Поди разбери, что есть истина.

Потом по сигналу Ангелоликой полдюжины крылатых теней накинулись на Ынышара — и ну его рвать! Да так задорно…

Правда, царевна чуть опасалась, а вдруг её тень атаковать верного слугу не захочет? Даже готовилась со всей строгостью приказать, чтобы не отлынивала, но этого и не понадобилось. Хорошо, что всё обошлось, ведь как опознать собственную тень и как на неё повлиять, Оксоляне пока невдомёк.

Ни одна из посланных Ангелоликой теней не отставала от остальных. Каждая норовила вцепиться в горло. Каждая царапалась и кусалась.

Ынышар закрывался от них, да куда там! Жаль только, реально он не страдал. Видел себя угрызаемым тенями, и всё. Отделывался испугом.

— Фу ты, призраки его съесть не могут, — разочарованно протянула Мад. — Или смогут в каком-то другом режиме? — она поглядела на Квица.

— А, так это просто… — пробормотал тот. — Надо добавить императивности…

И пока царевна вникала в суть добавления оперативности, её кукла, а равно и куклы других товарок, сама собой повлеклась к

облепившим Ынышара призрачным птицедевам.

А дальше всё просто: куклы напали, вгрызлись и растерзали.

* * *

Ради чего погиб Ынышар? Если верить Карамуфу — ради хорошей мести. Банкир из Карамца — мстительный мертвец, вот и говорит, что нет ничего слаще хорошей мести, особенно коли она выгодна.

Если верить безмозглым товаркам-куклам, Ынышар погиб ради каприза и удовольствия Ангелоликой. Что ж, потому и говорят, что куклы. Ибо куклы капризны и всегда других по себе меряют. А ещё куклам трудно получить удовольствие, вот и вставляют своё удовольствие в объяснение чего бы то ни было.

Оксоляна же предпочитает верить самой Ангелоликой. «Ынышар погиб для науки», — так сказала она. Да, для науки, потому его смерть славна, хоть и пишется с маленькой буквы.

Причём тут наука? А вот причём. Как без научного эксперимента понять, смогут ли куклы убивать людей? Никак не понять. А понять важно. Ведь нет ничего глупее, чем предложить наследнику Эузы вовсе безобидную куклу, неспособную его в случае чего устранить!

А если не «в случае чего»? Если это главная цель?

— Царевич Дигги очень для нас подозрителен! — инструктируя Оксоляну, вполголоса говорила Мад. — Он из тех, кого стоит устранить пораньше, не дожидаясь вступления в наследные права. Мальчика трудно сделать приверженцем некрократии. Дымный оракул показал по методу Экза и Тпола, что в случае правления Дигги неминуемо произойдёт откат и реакция. Поэтому с риторикой постарайся не переусердствовать — пользы она принесёт немного, а вопросы вызовет: отчего кукла заговорила?

— Буду молчать! — обещала царевна.

— Молчать и слушать! — поправила её Мад. — Не забудь, что счастливая доля куклы в том и состоит, что при ней легко разбалтываются секреты.

— А когда убивать?

— Разумеется, не сразу. Наследник Дигги должен привыкнуть к тебе, перестать дичиться. Да и охране ты должна примелькаться. Чем долше удастся выждать, тем неожиданнее будет удар. А значит, и эффективнее.

Оксоляна представила, как проходит полжизни царевича Дигги, в висках прежнего мальчугана начинают серебриться

пряди, и в тот момент, когда о кукле, наконец, забывают…

— Не забывай, что взрослые не играют в кукол. Таким образом, важно не только отсрочить удар, но и успеть его нанести. Чтобы вернее успеть, постарайся для начала стать царевичу его единственным другом. Это не так трудно: у наследников такого ранга редко бывают друзья…

— Другом? А может, возлюбленной?! — в возбуждении воскликнула Оксоляна. — Я ведь тоже царевна! Я ему ровня. Он, как царевич, может даже просить моей руки. Подумаешь, Уземф не Эуза…

— Нет, — отмела её идею Ангелоликая, — где же ты видела, чтобы юные царевичи всерьёз женились на куклах?

* * *

Путь до столицы Эузы выдался долгим. Основное неудобство пути — то, что пришлось его проделать, упакованной в подарочную коробку с бантами. И коробка-то из хлипкого материала, да не вылезешь: Ангелоликая велела, чтобы упакока осталась в незамутнённой целостности. И Карамуф подтвердил: за неё немалые деньги плачены.

В общем-то, снова вокруг оказался гроб, на сей раз индивидуальный. И держится на честном слове. На твоём честном слове.

Лежи в коробке, практически не шевелись — Оксоляна бы взвыла, если бы не заботливые сопровождающие. До границ Эузы — Карамуф и Фарадео. Дальше один Фарадео, ведь Карамуф мертвец, а в Эузе мёртвые подозрительны.

Главное, что делали сопровождающие, это повторяли инструкцию, причём слово в слово, наверное, по написанному. Для них-то она написана, но вот Оксоляне придётся выучить. Несправедливо…

Впрочем, инструкция вовсе несложна в понимании, разве что трудна в исполнении. Например, Оксоляне придётся сутки напролёт стоять в одной позе — каково? Чтобы такое выполнить, ей придётся овладевать навыками намеренного ступора. Причём там, на полке в дворцовой детской и овладевать, ведь опыт лежания в коробке — совсем другое.

Далее, царевне придётся выучить несколько фраз по-эузски, и в дальнейшем лишь ими и разговаривать. Ещё бы: в кукле, говорящей на малопонятном в Эузе наречии мертвецов, слишком легко заподозрить шпионку.

Новозаученные фразы были таковы: «Честь имею кланяться»,

«Ой, какая прелесть!», «Соблаговолите откушать», «Как поживает ваша дражайшая маменька?», а ещё «Примите, милостивый государь, уверения в чувствах моей истинной добродетели и пламенной любви, с которыми честь имею быть». Каждая из этих фраз должна звучать всякий раз одинаково.

Также придётся научиться падать так, как падают неодушевлённые куклы. То есть, если носом вниз, так уж носом вниз. Ни в коем случае не выставлять руки!

Ещё придётся сносить издевательства царского детёныша, то есть живого царевича. Правда, не без надежды однажды за всё отыграться. И всё же это «однажды» наступит лишь по специальной команде Ангелоликой, причём «отыгрываться» придётся, не отступая ни на шаг от отдельного свода правил, который поступит позже.

— А почему не сейчас? — спросила раз Оксоляна.

— Эти правила ещё разрабатываются, — Карамуф милостиво отступил от регламента инструкции, — но одно могу сказать точно. Единственный ныне известный способ, как кукле убить царевича — это загрызть его зубами. Примерно так же, как вы тогда рвали Ынышара.

— А почему не визгом? — Оксоляне не хотелось мараться.

— Визгом не получится, — вздохнул Карамуф, — вы ведь кукла.

— Но ведь я же и гарпия! Вы сами об заклад у Фарадео пятьсот некроталеров выиграли!

— Всё так, — тон банкира выразил сожаление, — да только для правильного цепенящего визга нужны людские голосовые связки. Куклы же пищат благодаря искусственному резонатору. Звук получается препротивнейший, но и только. При всём желании не убьёт.

— Ладно, — вздохнула царевна, — буду точить зубы.

И точила, лёжа в коробке. Верхнюю челюсть о нижнюю — вжик-вжик!

* * *

Карамуф мог откланяться ещё в Бегоне — молча кивнуть одному Фарадео и быть свободным, как ветер. Он этого не сделал, а покинул экипаж перед самой границей, простившись с царевной пусть и шёпотом, но вслух. Как нехватало ей потом его неусыпной заботы!

Начиная от границы Эузы единственным сопровождающим дорогую куклу, выписанную для царевича Дигги остался Фарадео

Фарадей. И повёл себя совсем иначе. Занимался с нею зубрёжкой инструкции, причём только ею. Не произнёс ни одного слова ивне регламента. Порою царевна с изумлением вопрошала себя, кто же из них двоих кукла.

А ведь этого Фарадео она когда-то почти полюбила — в счастливую пору ученичества, когда всё у гарпии впереди. Оно и не мудрено. Земля в форме шара, множественность миров, Большой взрыв — каких только бисеринок своей фантазии не рассыпал молодой натурфилософ перед гордой царевной Уземфа, только бы ей хоть немного понравиться.

Теперь — не то. Сопровождающий напряжённо долбит: «Кукла должна…», «Кукла обязана…», «Кукле вменяется…», — Оксоляне же вменяется единственное — за ним повторять. Ибо должна и обязана.

Неужели нельзя по-человечески?! Фарадео даёт понять: с куклой — нельзя. Если к кукле зачем-то идёшь — захвати плётку.

Впрочем, про плётку-то лицемер как раз и молчит, однако куклу не проведёшь: она чувствует её жгучий след всей своей деревянной кожей.

В Старых Могильниках ей говорили, что будет она не одна! Кругом окажутся свои люди, даром, что стоять ей придётся во вражеском Кроме, который суть сердце самой вражеской из столиц.

Ей говорили, что в этом вражеском месте столько уже схоронилось непримиримых борцов с вражеской властью, что куклу в обиду никто не даст. Сама посуди, говорили ей: там будет Гзырь, он уже сделался министром иностранных дел, потому он там будет, и очень часто; там будет Фальк, обязательно заедет после триумфального посещения Академии наук, что в Скале-на-Тьмаке; там, наконец, будет Фарадео!

Так вот, от того, что там будет и Фарадео, у Оксоляны скоро начнётся понос деревянными опилками!

* * *

Потом Оксоляну куда-то привезли и куда-то поставили. Кром это или не Кром, откуда она знает? Перед куклою не отчитываются.

Но царевич Дигги там был. Маленький такой царевич, шустрый. Четыре года, не старше. То и дело забегал за спину Оксоляне, чтобы она его не видела.

И шейка у царевича тоненькая. На один укус.

Ангелоликая говорила, с этим Дигги желательно сперва

подружиться? Интересно, как это сделать, если всегда говоришь одни и те же заученные фразы?

Оксоляна хитрила. Говорила: «Честь имею, какая прелесть!», «Ой, честь имею быть ваша дражайшая маменька», «Соблаговолите кланяться», «Примите откушать истинной добродетели и пламенной любви». Но добилась немного: царевич даже не улыбнулся. Он решил, что что-то в ней заедает, но и только.

Чтобы её починить, он схватил её за ноги и стал трясти. Хорошо, царевна вовремя опомнилась и «починилась». А ведь будь Оксоляна куклой чуть подешевле, её бы тотчас и выбросили.

С тех пор она не импровизировала. Стояла в любой неудобной позе. Падала носом, куда толкнут. Немного ходила, но лишь по-прямой. Влачила типичную жизнь неодушевлённой куклы.

* * *

А ещё Оксоляна пообещала слушать. Слушала ли она? Пыталась. Язык Эузы освоила, пусть и с горем пополам, лишь бы что-то когда-то услышать.

Слушать четырёхлетнего царевича, разумеется, было бесполезно. Его родители — князь Дан с-Которосли и княгиня Капитолина, те — да, что-то могли и сказать. Но и в том, что сказали они, секретных сведений оказалось кот наплакал.

Так, внимательная кукла узнала, что царевича все зовут не Дигги, а просто Диги, что княгиня Капитолина вовсе не мать царевичу Диги, а мачеха, причём очень недавняя, и сама из переселенцев с Ярала.

В то же время так и не удалось неопровержимо доказать, что князь Дан с-Которосли и царь всея Эузы Ван с-Йела — одно лицо. Ничто в князе однозначно не выдавало царский статус, но ничто и не препятствовало думать, что князь — это царь инкогнито.

Ладно, Мад поверила, и я поверю, решила Оксоляна. Пока не придут опровергающие сведения.

Но откуда взяться хоть каким-нибудь сведениям, если князь и княгиня, заходя в детскую, говорили… Нет, не о царевиче Диги.

О дорогой и престижной кукле Окси, вот о ком!

* * *

Всего за неделю царевич своей новой куклой вполне

наигрался. Видимо, навсегда. Однако, с престижными куклами из-за такой мелочи не расстаются. Есть ведь и родительский интерес.

Теперь Оксоляну часто показывали гостям. Специально для этой цели выделили комнатку-чулан, примыкающую к детской. Там она и сидела на стульчике, ожидая, когда к ней придут с политическими разговорами. Ну, или царевич Диги забежит чуток ею повоспитываться.

Сидя проводить свои дни было куда удобнее. Правда, из всех развлечений у Оксоляны осталось одно: точить зубы. Да и то лишь в те часы, когда рядом никого не было — ведь услышат. А звук наточки ножей всегда настораживает.

Эх, если бы не предательский звук, она предавалась бы этому занятию дни напролёт, благо, снаружи её подвижная острозубая челюсть не была видна непосвящённым. Ещё в Старых Могильниках накануне отъезда кукольник Запр укрепил ей поверх настоящего деревянного лица выписанную из Карамца съёмную фарфоровую маску того же лимонно-жёлтого цвета. Из особого заговорённого фарфора, позволяющего сколько угодно падать носом.

С недельку после выделения ей особого «кабинета» Оксоляна гордилась, потом её одолела скука. Но нет худа без добра. Царевич Диги решил, что в полутёмную комнатку рядом с детской можно водить оловянных солдатиков — на выполнение особо опасных заданий.

И особо секретных. Солдатикам предлагалось двигаться тихо-тихо, чтобы не разбудить чудовище, дремлющее на стуле.

* * *

Постепенно царевна более-менее разобралась и в дворцовой политике. Да, князь Дан — он таки царь. Но правит страной не он, а Обсерваториум, потому лично появляться в Кроме ни ему, ни семье его не приходится. В Кроме, конечно, на царском престоле кто-то сидит, но то не настоящий царь, а его двойник. И, на всякий случай, внешне на князя Дана непохожий. Чтобы позволить истинному царю Ванну с-Йела вдоволь прикидываться, будто он всего лишь князь Дан.

Сложновато? Что делать: секретность, пронизавшая порядки прошлого эузского царя, прочно въелась и в привычки окружения царя нового.

Кстати, и кукла наследника, конечно же, находится не в Кроме, а в том столичном дворце князя Дана, в котором

истинный царь инкогнито и живёт. А раз это так, то всякий скажет: подслушать более содержательные политические разговоры царевне-кукле было попросту неоткуда.

Да, некоторых своих обещаний Оксоляна не сможет выполнить. Убить-то царевича убьёт, но повлиять — не повиляет. И ценных политических сведений регулярно передавать не сумеет. Но войдите в её положение!

Хотя кто и когда входил в положение куклы?

Но только, уж если на то пошло, то и у царевны имеется, что ответить Ангелоликой! Ей ведь тоже что-то было обещано! Царство Уземф после мягкой дворцовой революции — где оно: наверное, Лейле досталось? Головы карликов Лимна и Зунга — где они? Всё ещё на шеях сидят? Даже наложника-отступника Хафиза, и того ведь не покарали — эх, тоже мне: боевые гексы гарпий, вечнотраурные воительницы, дружная семейка… Птичий базар, как есть галдящий базар птичий — и больше ничего не скажешь!

И как будто в мыслях накаркала — появился пред нею и Хафиз.

* * *

Хафиз — подколодный гад, урод самзливый, занюханный мерзавец, наложник потасканный…

Известно, почему появился. Его то ли продали, то ли подарили княгине Капитолине. Той самой, которая на самом деле царица, и вдобавок приходится царевичу Диги родной мачехой.

Кто-то сделал на том хорошие деньги, либо приобрёл нужные связи. А для выродка Хафиза какая головокружительная карьера!

Но подлое безмозглое дрянцо рано радовалось, о, как рано! Нет уж, Хафиз, ещё не вечер! Ты зашёл на ту территорию, на какую лучше бы не заходил. Здесь Оксоляна: помнишь её черты? Небось, узнаешь и вздрогнешь, найдя их на глупой мордочке куклы Окси?

Что ж, благодарствую, Ангелоликая, буду считать, это ты мне его ниспослала! Разумеется, ты, а если не ты, то кто же?

И как бы там что ни было, да гори оно огнём, но хоть Хафиза, хоть этого недопроглоченного пряника, царевна не отпустит. Он легко вошёл, да легко не уйдёт!

Как только Оксоляна увидела Хафиза… Ах нет, если начистоту, она сперва услышала про Хафиза. Да-да, услышала, но Ангелоликой о том знать не стоит. Разумеется не стоит, ведь в детскую Хафиз и и вошёл-то не сам по себе. Это Оксоляна его

позвала.

Как она это сделала? Очень просто.

— Ха-физ, — сказала она.

— Что? — не расслышал Диги, возившийся рядом с оловянными солдатиками.

— Новый наложник маменьки, — как ни в чём не бывало произнесла Окси. Снова нарушила правило постоянства фраз, да плевать!..

Царевич озадаченно поглядел на куклу:

— Ты хочешь его позвать?

— Ха-физ, — повторила Окси. Воспроизводить, так уж в точности.

— Ну ладно, сейчас позову, — безмятежно пообещал царевич. Правда, в солдатики свои доиграл.

Пока он их строил, Оксоляна молча ждала. Ни к чему частить с напоминаниями. Как бы и вовсе не сорвалось.

Когда же царевич закончил игру и препроводил всех солдат в коробку на заслуженный отдых, царевна-кукла снова сказала:

— Ха-физ.

И царевич пошёл звать Хафиза.

* * *

Диги отсутствовал довольно долго. Царевна успела вдоволь подумать о своей затее, и даже дважды от неё отказаться. Ангелоликая Мад не одобрит — это ещё мягко сказано. Понятно ведь: если сейчас убьёшь Хафиза, то убить царевича чуть погодя уже не получится.

Может, сразу обоих? Так ведь приказа не было.

Ясное дело, убийством принца Мад собиралась руководить в так называемом «ручном режиме». Для того и крылатую душу Оксоляны, заключённую в «призрачную шкатулку» с именем «Лейла» госпожа так и оставила при себе.

В нужный могмент Ангелоликая надеялась достать шкатулку, извлечь из неё тень и, воздействуя на тень, отдать прямую команду телу зубастой куклы. Теперь, из-за Оксоляны, лучшие надежды Мад пойдут прахом?

А что делать? Что делать, если Оксоляна в нужное Ангелоликой тело постоянно воплощена? И ей может не представиться нового случая поквитаться с Хафизом. Никогда-никогда.

Или… Может, не так уж ей важен этот Хафиз. Оксоляну другие цели грели гораздо больше. То же самое царство Уземф.

От одной лишь Ангелоликой зависит, поставить туда царицей выскочку Лейлу, или её саму. Если Оксоляна хорошо себя зарекомендует…

Ну да, Мад умеет быть благодарной! Если даже не царицей свободного Уземфа, то, уж по крайней мере, губернатором Адовадаи при новом вожде недавно освобождённой Отшибины… Или не будет того?

Что же делать? Оксоляна совсем запуталась. Так погибают замыслы с размахом, вначале обещавшие успех, от долгих отлагательств. Но давольно: слышатся шаги. Это царевич. И с ним Хафиз.

* * *

Царевич действительно привёл Хафиза. Но не одного. Рядом с наложником летел дракон — совсем ещё маленький, похожий скорее на крылатую ящерицу. Вот какова новая мода в Эузе на домашних животных — а то они раньше ручных медведей держали…

Но дракончик удостоился лишь взгляда искоса и мельком. Главное — Хафиз. Ещё привлекателен, чертяка! И до сих пор жив. Непорядок!

— Вот моя Окси! — с гордостью объявил царевич.

— Ой, что ж она такая страшная! — вдруг воскликнул дракон, похожий на ящерицу. — По-моему, это кукла-мертвец. Странная пошла мода на детские игрушки для великих князей.

А сам он не странный? И слишком много разговаривает!

Тут и до Хафиза что-то дошло — забормотал:

— Кого-то она мне напоминает, — и аж задёргался, — о многом говорит цвет лица… Её полное имя Оксоляна, не правда ли?

Правда, подлец! Но для тебя — покуда не вся правда!

— И она тебя не забыла, — сказал Диги Хафизу.

Что за молодец этот мальчик, до чего верно говорит!

— Не забыла? — прикинулся недоумком наложник.

— Я же говорил, — напомнил царевич, — я пошёл к мачехе, потому что Окси о тебе спрашивала.

Хафиз побледнел. Оксоляна поняла, что он вот-вот сорвётся с места и убежит. Но не бывать этому!

Оксоляна резко подскочила на стуле, прицеливаясь зубами в горло Хафиза. Решающее мгновение!

Увы, крылатая ящерица оказалась проворнее. Камнем упала сверху, сбила с верного курса. А там и Хафиз отскочить

догадался.

Оксоляна шлёпнулась лицом вниз, носом в пол, как привыкла, да только ложное фарфоровое личико разлетелось на множество осколков. Ничего не попишешь, оно было заговорённым, но одноразовым.

Это провал? Кажется, да.

Царевна-кукла не просто так лежала на полу лицом вниз. Она не могла подняться для новой попытки. Будто гвоздями прибитая!

Дело в том, что укус, предназначенный Хафизу, тоже пришёлся в пол. И теперь её длинные остро наточенные зубы намертво застряли в паркете.

На шум в чуланчик набежали няньки царевича.

— Ой! — запричитала одна из них. — Ящерица разбила дорогую куклу.

— Окси первая напала! — возразил Диги.

Умереть, уснуть, приказала себе Оксоляна. Присутствовать при том, как ненавистный Хафиз уходит невредимым, было выше её кукольных сил.

* * *

Сквозь напавшее на неё оцепенение кукла вполглаза следила за ситуацией. Хафиз ушёл, дракон улетел. Царевича препроводили на мачехину половину, под защиту дюжины стражников. Попробуй, выковыряй его оттуда, если поступит приказ атаковать. Только и не поступит: Оксоляна наверняка вышла из доверия Ангелоликой, та уже не позволит ей реабилитироваться.

Оксоляну пытались осторожно поднять за волосы. Не получилось. Попробовали с усилием отодрать. То же самое.

Кликнули столяра с инструментами. Тот повыдёргивал зубы из Оксоляны, а потом уже из паркета. Сказал:

— Что за дрянь сидела под фарфоровым-то личиком.

Оксоляна бы показала ему дрянь! Жаль только, зубов не осталось.

Глава 29. Каждому своё

Династии меняются, а занятия у Гатаматар идут своим чередом.

Да, воспитанники стали несколько смешливы. Да, смеются в основном невпопад. Но это ведь не значит, что их не стоит воспитывать. И поучать.

Поучать для Матери-Драконицы привычное занятие, оно давно уже не требует от неё погружения и присутствия. Все поучения когда-то уже были произнесены, абсолютно надёжная драконья память их прекрасно сохранила, так зачем же сочинять что-то заведомо лишнее, когда слова вековой давности блестят, как новенькие.

К тому же, пока кого-то чему-то привычно поучаешь, имеешь достаточно времени, чтобы подумать о главном.

А главное — не Рооретрал. (Да простит меня верховный дракон).

Куда важнее поучительная смерть старика Драеладра, скрытная немощь Драеладра молодого, да и сама неизбежность вырождения их клана.

Ибо кто такие есть Драеладры? То ли дураки, то ли обманщики, в извращённой форме породнившиеся с людьми. С тем самым племенем, которое только и ждало момента, чтобы предать драконов. С живыми лицемерами, которые намного хуже честных мертвецов.

С неспособными летать мерзавцами, которых оступившимся высшим существам более полувека приходилось униженно катать по своим собственным небесам в этих идиотских воздушных замках!

Но кончено. Теперь той уродливой драконолюдской династии, позору среди крылатых кланов, больше никогда не вернуться к власти. Пришла, наконец, свобода. Но свобода должна уметь себя защищать.

Вот о чём важно помнить!

— Великая мать, а скажите, хи-хи-хи, почему тому серому дракону дали имя Бларобатара? Ведь Бларобатар, хи-хи-хи, говорят, уже есть, а двое драконов на одно имя — как бы не по правилам…

— Что за чудный вопрос! — Гатаматар очень рада на него отвечать, ведь ответ возымеет воспитательное значение. — Хочу заметить, что «Бларобатар» — исконно драконье имя. Кто-нибудь будет спорить? — вопрос риторический, да и никто никогда с Гатаматар уже не решится спорить. — Так вот, к моему

искреннему сожалению, это славное имя было некогда дано… двуногому человечишке. Так что же нам теперь, ждать, когда человечишка сам ноги протянет?! — голос Гатаматар воинственно загрохотал. — Нет! Не бывать тому! Скорейшее возвращение исконно драконьих имён истинным драконам — наша первостепеннейшая задача.

* * *

Сказать — не сказать? Вечная дилемма провидиц.

Если не говорить Бларобатару, что у него появился соперник, претендующий на его собственное имя, то их встреча получится вовсе неожиданной — и Эйуой проиграет. Если же сказать, эта встреча получится слишком скорой. Эйуой чтит традиции, потому не оставит в покое серого самозванца, но бросится в бой с излишней поспешностью, не успеет подготовиться — и опять-таки проиграет.

Необходим третий вариант. Бланш его сочиняет, но выходит одна смехотворная фантастика. Что, если Бларобатара втайне от него самого защитит более сильный крылатый дракон? Что, если серый и сам нарвётся на какую-нибудь беду? А что, если он просто умрёт от насморка?

Думай, старая, думай!

Правда, раздумывать она может долго. Бларпа пока нет, и хоть говорят, «скоро вернётся», но так говорят, что ясно: вернётся не так уж и скоро.

Бланш пришла в себя в доме целителя Кама из Бегона — того самого, которого Драеладр обещал найти, чтобы направить на помощь Бларпу и ей самой живущего здесь поблизости летучего дракона Яндротара.

Простые люди, заботливые руки, разумные речи целителя Кама — в тихой мирной атмосфере всякий расслабится, успокоится и пойдёт на выздоровление. Но Бланш — особенный случай. Она до смерти не расслабится. Так Бларп скоро будет?

Пришёл не Бларп, а двое юношей: человек Георн и дракон Драеладр. Да-да, Драеладр: добрался-таки, как и обещал! И с Белой горы спустился, и через пол-Эузы пробрался, причём с товарищем.

Единственное что, с Бларпом путники уже встретились и пришли теперь от него, вот и сообщение для Кама изменилось. Сделалось по-новому тревожным. Гвардейцы из Обсерваториума рыскают по округе, непременно нагрянут к бедняге Каму. Потому пора уходить. И Каму, и Бланш, и всем домочадцам. Так будет

для всех лучше.

Правда, как выяснилось, Кам живёт не в своём доме. Домочадцы — чужие, не его. Что ж, уйти одному всегда проще. Даже вдвоём с пациенткой, не до конца оправившейся. Куда уходить? В небеса, к Бларпу.

Пока шли к летучему замку, Бланш то чувствовала себя обузой на носилках, то негодовала на Кама. Целитель мешал приглядываться к глазам быстрокрылого Драеладра, он принимался её отговаривать, так как знал, что талант провидицы отнимает силы.

И только под самым небесным замком, когда Кам утратил бдительность, провидица приподнялась на локте и поймала драконий взгляд. Обморочный миг гадания принёс ей новую тревогу и покой.

Тревогу — ибо на Ярал напали несусветные полчища падальщиков, а в городе оставлен Хафиз. Покой — ибо Драеладр уже одолел основные ловушки, а значит, час его приходит. Ещё чуть-чуть — и…

Не слишком ли поздно? Правящая-то династия поменялась бесповоротно… Или поворот всё же возможен? Будь невозможен, разве ширился бы в глазах дракона сектор вероятности благого исхода?

Ах да, спохватилась Бланш, тревожную сторону предсказания надо успеть произнести, пока не накатит обморок.

— О главном скажу позже, при внуке. А сейчас — срочное. Скорее в Ярал! Там вашему товарищу приходится худо, — сумела вымолвить она перед погружением во мрак. Но и погружаясь, успела порадоваться: всё необходимое высказано.

А уже там, во мраке — тёмным, едва мерцающим сознанием Бланш уловила, что в гадании ничего не нашла о сером сопернике Бларобатара.

Не нашла, но сильно тем не встревожилась. Всё-таки дела Драеладра важнее, их размах с прочими несопоставим; а влияние на тяготение миров таково, что по сравнению с ними любая людская и драконья судьба обращается в легковесную былинку.

* * *

Гатаматар и теперь рассказывала о старом Драеладре. Но по-новому.

Меньше внимания уделяла малоинтересной битве при Пибике. Подумаешь, помог живым людишкам отбиться от людишек мёртвых. Большая ли в том заслуга? Для дракона — и

вовсе небольшая.

Напоминала о злобном коварстве, с которым четверо дружков Драеладра уничтожили в овраге мертвецкий засадный полк.

Напоминала, что Пибик и штурмовали-то лишь затем, чтобы разрушить. Ибо живые в ту пору боялись мёртвых.

Старалась не акцентировать роль Драеладра как Живого Императора людей, но из песни-то слов не выкинешь, вот и расписывала в деталях, как летал он над полем боя, катая на себе какого-то дурачка. При этом дурачок выдавал себя за Живого Императора, а Драеладр просто им был. Очень смешно.

Драедадр — синоним несчастья. А всякое несчастье достойно самых внимательных размышлений, чтобы впредь такому не повториться.

Чтобы больше никогда.

— Великая Мать, — попросил Динофатар, один из младших предводителей клана Горпогурфа, — расскажите же нам, хи-хи-хи-хи, каков из себя был Драеладр при битве в Отшибине?

— Надеешься не повторить ошибок? — пошутила Гатаматар.

— И преступлений, — со значением уточнил Динофатар, — хи-хи-хи-хи.

— Ах, да, — спохватилась Гатаматар, — жутких преступлений.

А что? Ей скрывать нечего. Есть, что порассказать.

Гатаматар-то в преступлениях не участвовала. Как раз накануне она с Драеладром поругалась. И часто прилетала к нему, чтобы заново высказать своё негодование, причём время выбирала с умыслом — как раз посреди жестоких человеческих битв.

Да, так и было: Гатаматар прилетала и с наслаждением ругала «верховного дракона», который был просто не в состоянии ей остроумно ответить, ведь всё своё внимание приковывал к полю боя.

Именно так она и развлекалась. Чем, между прочим, отвлекала гадкого Драеладра от его неисчислимых преступлений в Отшибине.

И один раз — Гатаматар больно об этом говорить, но тирания Драеладра пала, и наконец-таки можно — Живой Император даже поднял на неё лапу.

— Представляете, мои дорогие? Поднял лапу на драконицу, вместо того, чтобы, как велит долг учтивости представителя драконьего племени, продолжать тихо и мирно на словах огрызаться…

— И что же, хи-хи-хи-хи, — Динофатар забеспокоился всерьёз о здоровье Матери-Драконицы, — он вас, наверное, пребольно

стукнул?

— Если бы так! — с надрывом воскликнула Великая Мать, заново вспоминая тот полёт. — Он просто сбил меня из-под облаков наземь! А всё только из-за того, что я расстроила ему одно из тяжких преступлений.

— Но позже, хи-хи-хи-хи, после той войны… Вы ведь со старым Драеладром сосуществовали в мире. Наверное, он чем-то загладил свою вину, принёс, хи-хи-хи-хи, изысканные извинения?

— Нет, это я принесла извинения, — вздохнула Гатаматар, — покаялась в недостойной драконицы взбалмошности и капризности.

— Вы? — опешили все присутствующие.

— А что было делать? — всхлипнула Великая Мать. — Вы не поймёте: время было такое. Жестокая тирания.

* * *

Очнувшись в импровизированном лазарете воздушного замка, провидица быстро убедилась, что последнее предсказание не запоздало.

Голос Хафиза, о чём-то спорящего с Драеладром, подтверждал: наложник в Ярале успешно подобран. А свежераненный Георн, скрючившийся на соседней койке, давал понять: и не просто так подобран, а счастливо отбит у падальщиков.

Кстати, о чём говорил Хафиз?

— Люди не поверили, что новый Драеладр в силах их защитить, — вещал он. Это, кажется, о Ярале? О людях, согласившихся с отселением?

— Да. Моя вина! — стал в позу и Драеладр. — Если бы я выполнил ожидания людей, у них достало бы смелости отстоять город.

— Да о чём ты, малыш? Разве рост и вес от нас зависит? — опомнился Хафиз. — Мы не несём ответственности за стихийные силы природы.

Но дракона ссылками на внешние закономерности не успокоишь. Они мыслят категориями ответственности и отказа от неё. Драеладр до своей миссии не дорос — значит, от неё отказался. То есть предал и людей, и Ярал, и себя. А раз так, раз семена предательства посажены им самим, стоит ли лицемерно сердиться на предателей-драконов, на царя Эузы, наконец?

Далее Бланш не вытерпела.

— Не возводи на себя напраслины, дорогой, — сказала она.

И в ответ на вопрос, отчего Драеладр столь мал, объявила:

— Ты вовсе не мал! Ты — необычный дракон. И дело не в росте. Видишь ли, дорогой, драконы бывают разными — сообразно своему главному призванию, зашифрованному в именах.

Поскольку же о шифре драконьих имён Драеладр имел туманное представление, пришлось ему напомнить, что имя его — универсальное, позволяющее открыться множеству талантов.

— Но каков же мой талант? — пожелал выяснить он, и тут Бланш осенило:

— Ты — дракон-маг!

Ну конечно же! Это редкое призвание многое объясняет: магу приходится расти и набирать вес сразу в нескольких мирах. Драеладр ещё вырастет, но в собственном неспешном ритме.

Бланш объяснила свою идею, и глаза дракончика загорелись. Много ли надо, чтобы поверил в себя тот, кому на роду написано вести остальных?

* * *

Давно уже Великую Мать никто не просил о конфиденциальной прогулке по небу. Да и зачем? Все политические вопросы — это к Рооретралу. Всё теперь только через него.

Советница Хинофатар удивила. Сказала, к Рооретралу никаких вопросов у неё нет, а к Матери-Драконице — появились.

Ну ладно… Гатаматар обеспокоенно покосилась на воспитанников: никто ли не заподозрил, что они с советницей будут обсуждать нечто противное правящему клану? Вроде, никто, да ведь в душу не залезешь, чтобы вызнать наверняка.

Улетев от небесного дволрца далеко, но не слишком, Великая Мать обернулась и сухо сказала:

— Слушаю.

— Мой вопрос о Рооретрале…

Гатаматар так и думала. Но зачем?

— Затем, что верховный дракон ведёт тёмные дела с мертвецами…

— Что нам за дело до дел Рооретрала?

— Великая мать, но это же всех касается! С его позволения мертвецы скоро будут летать по небу. Они строят летучие замки, примерно такие, как были раньше, но чернокаменные…

— Отдичаются только цветом?

— Нет, ещё назначением. Это замки-зверинцы. Там стоят

клетки, закрытые вольеры, стойла, кормушки, птичники — что-то в этом роде.

— Зачем нужны замки-зверинцы?

— Они перевозят… — Хинофатар замялась, — говоря высоким слогом, нечистых тварей.

— Каких тварей?

— Говорят, молодых шакалов. А ещё — яйца небесных падальщиков…

Гатаматар рассмеялась:

— Как будто небесных падальщиков и без этих яиц на небесах не довольно! — правда, смех вышел чуточку беспокойным.

Не очень-то далеко улетели. Специально недалеко, чтобы всем показать, что особых секретов у Матери нет и быть не может. Но разговор-то вон куда повернулся. Шакалы да падальщики — вовсе скользкая тема.

— Ну и куда они всё это возят? — всё же поинтересовалась Гатаматар, единственно чтобы советница не изумлялась отсутствию интереса к новости о замках-зверинцах.

— Выгружают на Белой горе, у покинутого Ярала… — в тоне Хинофатар зазвенело струной едва заметное сожаление. — Может, ещё где — я не знаю…

— Ну вот что, девочка моя! — сказала Гатаматар уже построже. — Прошу тебя в небесные земли Рооретрала более не летать. Зря это всё, и попахивает реставрацией. Что же до сношений Рооретрала с мертвецами, могу тебя успокоить: нынешний повелитель драконов не имеет ничего общего с Владыкой Смерти. Если с кем из мертвецов и имеет какие-то дела, то только с Ангелоликой. Но это — случай особый, вполне извинительный для дракона, ведь Ангелоликая-то к Владыке теперь в оппозиции.

* * *

— Ярал надлежит восстановить! — сказала Бланш, распространяя вокруг провидческую силу.

Драеладр, Бларп, Хафиз, Кам и раненный Георн ей внимали: кто с восторгом, кто без, кто качая головой.

Ещё бы не покачать! Как восстановить оставленный людьми город, если его запрудили невесть откуда взявшиеся шакалы и небесные падальщики? Особенно если вспомнить, что те и другие по сути своей — охвостье гарпии.

И о последнем особенно важно помнить. Вот только как это выскажешь, не заикнувшись о гарпии? Слово «гарпия» в общении

с Драеладром по-прежнему под табу.

Бланш вздохнула и заговорила иносказательно:

— Шакалы и небесные падальщики — не просто звери. Они как бы на службе у Владыки Смерти, они появляются в отсутствие людей и готовят город для совсем других обитателей. Для ужасных демонических тварей. А уж те ни людей, ни драконов сюда больше не пустят.

А что? Убедительно рассказала. И имена тварей произнести не пришлось. Будто бы так и надо.

Бларп, Драеладр и Кам разом заговорили. Вспоминали о том, что место, оставленное всяким тварям, и правда рискует быть проклятым навсегда. И о том, что люди из Ярала ушли по неведению, а сейчас многие бы вернулись. И о беженцах, потянувшихся из Эузы, несмотря на мирное время — вот бы их в Ярал перенаправить!

А кто же для них перебьёт столько падальщиков? А вот сами они и перебьют! И тем выше будут ценить отвоёванную верхнюю землю.

Обрадованная, что так просто решается сложный вопрос, кем и для кого будет восстановлен Ярал, Бланш горячо поддержала оптимистично выглядящую идею и ненароком проскочила скользкое место в логике. К счастью, внук быстро вернул её на землю.

Ведь беженцы из Эузы не за тем едут, чтобы жизнями рисковать в обложенном падальщиками Ярале. За посмертием они выезжают, вот за чем! Этих паникёров к опасному делу точно не приспособишь. С ходу тебя предадут, и ведь будут правы.

Послушав Бларпа, Бланш почти приуныла, но внук отыскал выход. Ибо не на беженцах из Эузы судьбы миров готовятся сойтись клином.

Совсем другое дело — люди Эрнестины Кэнэкты. Разведчики, брошенные на произвол судьбы вдали от Эузы. В Саламине, Глукще, Бегоне, Карамце, Адовадаи — они ведь теперь в кабаках спиваются. Или вдруг обнаруживают, что после всех замечательно тонких операций остались всего лишь пиратами. Некому служить, некого защищать, некого останавливать — есть только они сами наедине с искушениями разбойного промысла.

— Но и тех людей, — Бларп замялся, — придётся обманывать, завлекая в это гиблое место. Стоит ли?

— Разумеется, стоит!

Искусство провидицы — не только в том, чтобы видеть, и даже не в интерпретации увиденного, а в том, чтобы верно его подать. Верно — это когда слабое усиливается, безнадёжное обретает надежду, ленивое берёт на себя ответственность.

Поговоришь с совестливыми людбми — и целый город пристроен. Пристроила — думай дальше.

— Стало быть, все силы бросаем на возрождение Ярала…

— Нет! — оборвала внука Бланш. — Отнюдь не все. Главные события состоятся в столице Эузы.

Не ожидали, что старушка войдёт в раж? А ведь без Эузы — Ярал не Ярал. Так, домики за тучкой. Если вести людей на Ярал, то надо вести и дальше, разве не ясно? И дело не в том, чтобы вместо царя Ванна с-Йела посадить какого-нибудь другого, чем-нибудь более симпатичного. Да и мало ли добрых царей Эузу творили глупости, сбитые с толку собственными секретами? Собственно, не только об Эузе речь:

— Пришло время восстановить Восточно-Человеческую империю.

Вот так! Ярал, пусть в проекте, но уже подняла. В Эузе тоже наведём порядок, а заодно в ближнем живом мире.

Держись, Гатаматар! Скоро и до твоих небес доберёмся.

* * *

С некотрых пор к Великой Матери стал часто наведываться новый Бларобатар. Серый дракон, заново получив имя, чудно расцвёл. Как-никак, имя прекрасного вомна. Имя, никак неспособное развернуться в теле дракона двуногого и бескрылого. Возващённое имя.

Этого Бларобатара, чтобы отличить в разговоре от Бларобатара того, как правило, за глаза называли «новым». А вот в глаза — никто не решался. Знали, как сильно не нравится любому дракону напоминание о присутствии тёзки. И помнили о прежней злопамятности серого.

Да пора бы уже им сразиться! Тогда бы отпала всякая надобность в условном делении на «старого» и на «нового» — серый Бларобатар остался бы просто один.

Жаль, первого из Бларобатаров нигде не найдёшь. Мадротор когда-то хвастался, как ловко запер его в Новолм Флёре, на пару с брехливой предсказательницей Бланш. Но теперь остров пуст, лишь стоит одиноко отшельничий дом, да в снегу неподалёку ещё не изгладился отпечаток фундамента замка.

Впрочем, то было тогда, а сейчас уж и он изгладился.

Серый Бларобатар (лучше говорить «серый», чем «новый») уж наверняка прочесал и весь остров, и даже окрестности, но на след, судя по всему, не напал. Вот что значит припоздниться.

Ни Бларпа, ни Бланш, ни остроумно остановленного замка.

Да к тому же и Мадротор будто в воду канул. Жаль, ведь красный парнишка пусть и недалёк, а всё же мог иметь какие-нибудь полезные идеи.

Ясное дело, драконочеловечишек вызвалили какие-то крылатые друзья. Знать бы, кто именно, а то не-серый Бларобатар и провидица прежде со многими общались ровно.

И видно, как день, что не-серый попросту испугался серого.

Да что попишешь? Долгое отсутствие поединка бросает густую тень на обоих. Знал бы серый Бларобатар, что всё так получится, выбрал бы, наверное, какое-нибудь другое имя.

И вот теперь прилетает к Гатаматар, стараясь не привлекать много внимания, скромно укладывается в сторонке, много слушает, ничего не говорит. Он намекает.

Намекает на то, что Великой Матери либо многое может быть известно, либо её советницам стоило бы дать новую поисковую задачу.

Серый Бларобатар думает, это всё так просто.

Но до него ли Гатаматар и выбивающимся из сил советницам? Нет, не до него. Подкатились уж дела поважнее.

Говорят, поднял голову новый Драеладр — а он-то куда опаснее будет, чем какой-то там старый Бларобатар. Из-за него и в Эузе неспокойно, да и мёртвые заволновались. И есть отчего.

Он зачистил Ярал. Он вторгся в Обсерваториум.

Новый Драеладр — жаль, его Гатаматар так и не видела. Говорят, он росточком мал, да что-то не верится. Имя говорит за себя. Сильное, с богатой историей. С историей, как принято сейчас говорить, полной жутких и варварских преступлений. К тому же этот новый, судя по направлению его полёта — прямой продолжатель старого.

Того и гляди — начнёт самое страшное: восстанавливать Восточно-Человеческую империю.

* * *

Стоило провидице завести речь о Восточно-Человеческой империи, как Драеладр уловил в её речи намёк на свою персону. Смутился:

— Обещаю, я не повторю ошибок первого Живого Императора…

— И не мудрено, потому что вторым Живым Императором станешь не ты, — Бланш не утерпела, чтобы не съязвить.

— Не я?

— Второй Живой Император, в отличие от первого, не будет

драконом, это я могу сказать совершенно точно.

Так ли точна Бланш, как она сказала? Нет, но Драеладр почти каждое предсказание может с лёгкостью сделать точным. Или наоборот.

Зная такую особенность, провидица нарисовала перед драконом привлекательную для себя картину. Согласно ей, править будут двое: Император и Императрица. Об Императоре заранее известна его редкая способность: исполнять три дела одновременно.

Да, это сказано в защиту Чичеро. Несправедливо, что человек столько времени томился в сундуке, а затем вместе с сундуком был похищен. Надо его найти, надо освободть. А станет ли бедняга императором — там посмотрим. Если будет достоин — почему бы и нет?

Да и не об одном Чичеро Бланш хотела бы вспомнить. Марципарина! Ещё одна горестная судьба, которой неоткуда ждать помощи, кроме как от Драеладра. И Бланш импровизирует:

— Как Император, так и Императрица будут едины в трёх лицах, что бы это ни значило. И каждое из лиц наделено собственным именем.

Итого шестеро лиц и имён: Лимн, Зунг, Дулдокравн, Лулу, Марципарина, Бианка… Что это за бред у меня выходит?

Сейчас, когда Бланш пророчествует, не в Чичеро дело. И не в Марципарине. Важно так сориентировать Драеладра, чтобы боролся он не за себя. Иначе будет стесняться и колебаться там, где колебания вредны. И слишком легко сломается. И отречётся.

* * *

Страдания серого Бларобатара забыты. Драконий мир снова на взводе.

Был воздушный бой чёрного замка с белым замком. Обоюдно невыигрышный бой. Но Рооретрал в холодном бешенстве.

— Многое прояснилось. Среди врагов преобладают живые люди. Или драконолюди — по внешности ведь не скажешь. Но есть и драконы. Преступник Драеладр. Отступник Мадротор…

— Что, и Мадротор с ними?

— Да он ведёт их замок!

Глядя в умные глаза Рооретрала, поневоле понимаешь, какое бремя приходится взвалить на себя тому, кто первым отважился сменить преступную династию. Мадротор — из его клана. Какой стыд! Но с этим стыдом приходится жить и действовать дальше.

В прошлые дни Гатаматар непременно бы спросила, не

видали ли подданные Рооретрала там за компанию и двуногого Бларобатара, но сейчас — не до серого. Слишком важные конфликты зреют. Слишком масштабные. И когда дракон из твоего же клана…

— Да не в Мадроторе дело! — Рооретрал отмахнулся чёрным крылом.

— А в чём же?

— Ангелоликая в ярости. Всю нашу прошлую встречу она только и делала, что лаяла по-собачьи.

— Вот как? Что ж её так взбеленило?

— Хочет, чтобы я приструнил Драеладра. А уж чем он ей досадил — я и сам не понял. Будто бы сломал какую-то куклу наследника.

— Наследника Мёртвого Престола? Да, это серьёзно.

Гатаматар отвечала, не очень вникая в суть.

— Серьёзно, или нет, а мне теперь надо Драеладра поскорее поймать, и живьём, а на что его ловить прикажешь? Что для него вообще важно: жемчужина Лунный Пламень?

Гатаматар не знала. Кто-кто, а новый Драеладр у неё никогда не воспитывался. Поди пойми, что вообще ценит дракон после сомнительного воспитания двуногими. Сказала одно:

— Мать у него в Канкобре. Больше ничего не известно.

Рооретрал скривился:

— В Канкобре? Вот уж куда не хотел бы посылать драконов. Скользкое место. Оттуда не возвращаются, а коли возвращаются — никогда не самими собой. Но — Канкобра, так Канкобра. Благодарю и за то. Если понадобится, мы возьмём её штурмом.

* * *

С Эрнестиной Кэнэктой Драеладр связывался и подолгу беседовал при помощи найденного им ещё в Ярале «тусклого ключа». Сам по себе этот ключ никакого волшебства не нёс, но помогал дракону сосредоточиться.

В среде высокообразованных провидцев, где Бланш когда-то непродолжительное время вертелась, подобные штуки принято называть «кататимными предметами». Но важно-то не название, а факт, что у Драеладра есть такая способность. А она — из арсенала дракона-мага.

Бланш смотрела, как Драеладр руководит действиями Кэнэкты, и сердце её переполняла гордость. Всё предельно чётко, каждое слово по делу.

Так, через ключ, все прорицания о Живом Императоре и

Императрице сделались достоянием разведчицы. Иначе и не передашь, ведь она всё ещё плыла в корабле дураков по различным эузским рекам. А с другой стороны, хорошо, что дракон с Кэнэктой встречался уже и наяву. Теперь она знала, что голосу его можно верить, а не подозревать провокацию Патриархов.

Говоря об ожидаемом грядущем, Драеладр ссылался на источник, что тоже немпловажно. Кэнэкта доверяла пророчествам Бланш, и тем скорее соглашалась выполнять поручения маленького дракона.

Связаться с людьми из западных подпольных дружин, сориентировать их на повторное заселение Ярала. Выяснить, где находится краденный Патриархами сундук с телом Чичеро. Задачи, сложновыполнимые с борта тюремного корабля, но для яральской разведчицы нет невозможного.

Бланш сориентировала Драеладра, он привлёк Кэнэкту, она задействовала свои старые связи — и всё закрутилось, залвигалось, понеслось. Очень быстро в Ярал стали прибывать надёжные люди из Бегона, за Бегоном пришёл черёд Глукща и Адовадаи.

Их количество создавало новую сложность. Столько людей и из стольких мест! Можно ли было справиться с их транспортировкой в Ярал, если бы летучий замок был — один?

Все перевозки легли бы не на самые надёжные плечи бедного Мадротора, а дни утонули бы в транспортной суете, если бы Бланш вовремя не повлияла на внука. Тот всё опасался привлечь своего бегонского дружка Яндротара — но ведь зря! Опыт показал правоту провидицы.

К Драеладру присоединился и сиреневый крылатый бегонец, и с ним — ещё пятеро. Ни один не был столь высокомерен, чтоб наотрез оказаться принять замковые рули. Для них на кладбище небесных замков под Белой горой разыскали более-менее сохранный воздушный транспорт — и вот результат: почти вся реколонизация отселённого Ярала обеспеченна командой второго замка. И молодцы!

Первый же замок освободился для множества секретных операций.

Бланш провидица, а не мастер разведки. В мельчайшие подробности операций ей и вникать бесполезно, но её держат в курсе решения главных задач. И то немногое, что известно ей, уже наполняет её уважением к талантливой молодёжи.

Конечно, не всё идёт гладко. Но ведь идёт!

Чуть не вовлеклись в откровенно глупую идею заговора с целью передачи власти от царя Ванна с-Йела князю Дану с-

Которосли. Но ведь не вовлеклись. Умница Бларп — он превый просёк, что царь Ван и князь Дан — это одно лицо. Но не просто так отступились: попутно обезвредили одну очень опасную куклу. И в том заслуга уже Драеладра.

Или вспомнить затею с возвращением на родину останков рыцаря Чичеро. Ради них бесцеремонно вломились в Храм Истории, основанный Патриархами. Оказались в тонко расставленной ловушке. Но ведь справились с последствиями! По большому счёту, никто, кроме самих частей тела Чичеро в этой вылазке серьёзно не пострадал.

А набег на тюрьму Обсерваториума: сколько людей вытащили! Конечно, при том и наделали много шуму. Но кто сказал, будто шум всегда нежелателен? Если ты улетел на воздушном замке, с земли тебя не вернёшь — хоть шуми, хоть не шуми. Да пусть сами Патриархи скрипят зубами и тщетно размышляют, как минимизировать шум.

Эх… Пусть в деталях операций Бланш разбирается слабо, но она слышит голоса — и голоса звучат правильно. Она видит глаза — и глаза верно смотрят. И она наблюдает действия, и действия выглядят уверенными.

И тогда, успокоив свои страхи за суетное, Бланш обращается к знакам вечного, проявленным в Глазах Драеладра. В толковании этих знаков она, как никто, компетентна.

И она видит, что знаки-то — обнадёживают. И с каждым разом всё больше. И логика растущих надежд понятна: Драеладр возрастает и сам, набирается ценного опыта.

Да, надежды — ещё не свершения. Но в гадании по глазам они покоятся на более прочных основаниях, и в динамике надежд укрепление оснований явно просвечивает.

Если вспомнить тот крохотный лучик, что теплился в самом первом яральском гадании, да сравнить его с нынешними обнадёженными секторами — поневоле видишь: реставрация династии неизбежна. Это значит, Рооретралу и всем сторонникам гарпии не позавидуешь. Это значит, жизненный полёт Драеладра сориентирован верно.

С каждым разом вернее и вернее.

Вот только…

Что-то не то в Канкобре с Лулу Марципариной…

Глава 30. Визжащие в терновнике

Чёрная дыра в синем небе. Это Канкобра.

Внутреннее подземелье небес. Это Канкобра.

Воронка навыворот. Выворотная воронка. Это Канкобра в Канкобру сама собой выморочно извергается.

— Скажите, целитель, — спросила Бианка у дракона, который её нёс, — ваша Канкобра, что это за место такое?

— Я целитель, но я не знаток Канкобры, — отвечал тот.

Опухоль. Канкобра есть опухоль. Или нет?

Или это кобра как бы навыворот. Впрочем, Канкобра — вовсе не кобра.

Одно точно — навыворот. Навыворот — это точно.

— А скажите, целитель, — спросила Лулу, — ваша Канкобра, она какая?

Целитель терпеливо ответил. Терпение — залог исцеления.

А что он ответил? А то и ответил. Не знаток.

— А скажите… — начала Марципарина.

Не надо, Марципарина, брось, он уже дважды ответил.

Да я не о том…

А то мы не знаем?

* * *

Диалоги здесь повторяются. Поэтому лучше молчать. Не запускать глупые диалоги. Потом устанешь произносить, а придётся. За Лулу, за Марципарину, за Бианку.

— В Канкобре вы в безопасности, — сказал второй целитель, которого Лулу встретила.

Спасибо ему за безопасность. Только где я? И я? И я?

Где? Да в Канкобре. А вот кто такая вы, это ещё вопрос.

Диалоги здесь везде. Отражаются от стен, прыгают по полу, свисают с потолка. Это при том, что ни стен, ни пола, ни потолка Канкобра не имеет.

Потолок где-то есть. Но он спрятан. И стены, и пол.

Зачем же их прятать? А, поняла: чтобы никто не знал, как отсюда выйти! Станешь выходить — наткнёшься на потолок…

Ах какая умница! Только не забывай: Канкобра — приют драконов. Пола, стен и потолка в человеческом понимании здесь не было отродясь.

Ой, подумаешь, человеческое понимание!

Мысли Лулу, Марципарины и Бианки сначала держались

вместе, потом разбрелись по всему заполненному словами помещению. Уже и не поймёшь, где говорит своя, а где кто-то чужой. Разве что по смыслу сказанного.

Ты смеёшься? Здесь чужих нет! Здесь все, как дома, да и дома-то ещё далеко не все. Так повелось исстари.

Говорят, целители — давно не целители. Канкобру в незапамятные времена захватила банда неизлечимо заколдованных пациентов. Пациенты пытаются прикинуться целителями, но ведут себя странно. Так Канкобра и получила свой неповторимый колорит.

Неправда, колорит был изначально. Целители пришли на готовое. Зачем пришли? Хотели победить здешнюю силу. Но Канкобра непобедима. Всех целителей она поглотила. Правда в том, что не целители они больше.

Никогда они не были целителями. Никого в Канкобре не исцеляли, и пытаться-то не пытались. А зачем нас везут в Канкобру — знаешь? А затем везут, чтобы были мы здесь, а не в других местах.

Угу. Там, в других местах, нами брезгуют. Мир полон низких душонок.

— Так говорите, вас одолевают гарпии?

— Я говорю?

* * *

— Вы слышите?

— Я слышу?

— Голоса. Вы их слышите?

Нет, она нас не слышит. Она глухая.

— Это голоса гарпий?

— Нет. Это мои голоса. И ваши.

Хорошо сказала! Так ему, целителю, пусть подавится!

— Исцеление встречается с известными затркдненими в случае сопротивления исцеляемой.

Э… Простите?

— Лулу, Бианка и Марципарина — это ваши имена?

— Мои.

— Нет, не ваши.

Он меня путает.

Он загадывает загадку. Кто не отгадает, останется здесь навеки.

А кто отгадает — сделается целителем.

О, я стану целителем. Здесь, в Канкобре, надо многое

поменять!

Ишь, как разошлась. Начала бы лучше с себя…

* * *

Потом от слов, заслоняющих стены и потолки, удаётся очнуться. Оказывается, жуткая воронка входа давно пройдена. Дракон-проводник сгрузил тебя со спины и давно улетел. И где ты сейчас? В храме.

Полутёмный огромный пещерный храм, под сводами которого между высоченных колонн медленно парят драконы, а по истёртому до скользкого блеска каменному полу в задумчивости бродят процессии людей.

Кажется, где-то когда-то и я так ходила?

Драконов-целителей отличить просто. В этом сонном царстве одни они двигаются уверенно и быстро. Им не грозит опасность врезаться в стену или колонну. Храм они видят.

Это другие бредут наощупь.

— Вы очнулись. Это похвально, — бросает на лету мчащийся мимо дракон, — однако, не останавливайтесь.

Лулу Марципарина Бианка и не может остановиться. Она бредёт в общем сонном ритме — как же иначе? На неё просто наткнутся.

Как жаль, что в этом огромном храме невозможно остаться одной. Правда, здесь каждый словно с собою наедине. Никто никого не видит.

— Вы исцелите меня, целитель?

— Нет. Я слишком хорошо знаю Канкобру.

Кажется, Бианка всё поняла. Она в храме, где души могут путешествовать отдельно от тела. И не только целые души: осколки путешествуют тоже.

А моя душа? Моя душа разбита?

Ты забыла — её давно расколол бессердечный Чичеро.

* * *

В храме нас посещают чудные картины…

Опять посторонний голос? Ну так вот, мне не нужно ваших картин, я хочу просто отсюда выбраться. Как мне отсюда уйти?

Это зависит от того, куда вы хотите прийти. Чудные картины — это как раз подходящий способ. А они разные.

Мне надо исцелиться от гарпий.

Так уйти, или исцелиться? Собственно, гарпии — вон в том приделе храма. Но без подготовки лучше туда не соваться. Из того придела до сих пор не возвращался никто. Гарпии своё дело знают.

А какое у них дело?

* * *

Придел с гарпиями Лулу Марципарина запомнила. Так, на всякий случай. Не стоит с собой лукавить: сейчас она с ними встретиться не готова. Но придёт время…

В Канкобре время никогда не приходит.

Не приходит? Ладно, тогда я его навещу. Когда навещу? Ну, как только придёт время.

Чудные картины суть картины колдовской болезни. И только тем они и чудны, что болезнь эта не твоя. Разумеется, не твоя, ведь в нужный тебе придел храма ты не заходишь.

Нужный придел тебе до поры не нужен.

* * *

Время в Канкобре никогда не приходит, однако же идёт. Завтрак, обед и ужин хорошо отмечают время.

— Обед! — возвещает младший дракон-целитель, и по его сигналу коловращение людей и драконов по необъятному колонному залу обретает центростремительный характер. Там, в центре храма, трижды за сутки накрываются столы для людей и высотные кормушки для драконов. Пища в кормушках снизу выглядит особенно изысканной. Там амброзия.

Лулу Марципраина Бианка — драконица, но до драконьих кормушек с ей не дотянуться, поэтому приходится подходить к столам для людей.

Что на тех столах? Что-то съедобное. Она отвлекается, когда ест, и потом не может сообразить, что там было. Но не амброзия, это точно. Зато и не отрава.

На столы накрывают люди, заколдованные меньше других. А потом, когда обед начинается, те же самые люди носят вокруг статуи, довольно тяжёлые на вид. Зачем — и самим, верно, непонятно.

Пообщаться бы с ними, поговорить, как с людьми… Бианка бы и подошла, но Лулу против. Ещё бы: она с некоторых пор в этом храме вообще не сколнна замечать людей. Говорит, здесь

только драконы, да и то….

— …почти все они не в себе. Здесь каждый день — одно и то же. Здесь почти не светит солнце и царит исцеляющий полумрак. Можно подумать, что мы — не в Небесах, а в Подземелье. Вся Канкобра — это пещерные часы небес, потому в ней так заведено, что всё движется по кругу, по кругу, всё одно и то же… — но первой по кругу, конечно же, движется Лулу. Её текст не сейчас рождается, он заготовлен и выверен месяцами.

Спорить с Лулу бесполезно, но Марципарина ловко её перебивает:

— А мне здесь нравится! Только сердце неспокойно за Драеладрика. Как он там, без матери? Хорошо ли кушает? Выводит ли его Хафиз погулять? А занимается ли Бланш его развитием?

Слушая это кудахтанье, Бианка невольно кривится. Не о том говорит Марципарина, не о том. Да и не говорит — забалтывает.

Забалтывает, видимо, то, о чём сама Бианка успешно молчит. Да…

Так о чём же она молчит? Ой, забыла…

* * *

Как ни таинственна Канкобра, к ней в худшем случае привыкаешь, а в лучшем — постигаешь её странную логику.

«Клин клином» — вот основной способ исцеления.

Обитателей Храма Исцеления — кажется, так он напыщенно называется — нет ни малейшей надежды расколдовать. Однако, драконы-целители способны заколдовать их ещё сильнее, и ещё сильнее, и ещё… И, когда дальше некуда, можно надеяться на благотворный поворот.

Это целители дополнительно заколдовали Лулу и Марципарину. Жаль, благотворного поворота с ними не состоялось. А вот Бианку — то ли заколдовать забыли, то ли с ней-то поворот состоялся.

Как-то окликнула она с верхней точки высоченного свода зависшего там самого главного из целителей-драконов — того самого, что в первые дни, вроде, загадывал загадку. Хотела Бианка, чтобы повторил условия.

Но вот незадача! Высокомерный главный дракон-целитель тут же выдал и отгадку. Не успела остановить, он и произрекает:

— Лулу, Бианка и Марципарина — не настоящие твои имена. Настоящее имя одно — Кешла.

— Неправда. Это мои имена. Все четыре.

А неплохо отбрила. Так его, главного здешнего гада!

И ходила потом, думала: новое имя нашлось, будто сестра потерянная.

Ведь было-то их, оказывается, четверо. Лулу, Марципаринц и Бианку ей в Цанце назвали, а Кешлу-то спрятали — некроманты несчастные…

А ведь и спрятали-то не зря. В Кешле всё дело.

* * *

Четвёртое имя, потерянная сестра — Бианка этим очень впечатлилась. А вот Лулу не поверила, Марципарина же сказала, что ей всё равно.

Как вы не понимаете, настаивала Бианка, мы потеряли червёртую, а без неё мы не едины, мы вынуждены всё время спорить, а временами бывало, что и любоваться на гарпий!

Вот-вот, замечали ей, как бы потом не оказалось, что все эти гарпии не что иное, как потерянная нами Кешла!

Нет, Кешла не такая, восклицала Бианка, но доказать не могла.

Тут-то и созрела веская причина подойти к памятному приделу храма.

— Полагаю, вы забыли, кого там можно встретить, — сказал дракон-целитель на входе в этот малопосещаемый придел, — там гарпии. А то, чем они занимаются, у многих отбивает охоту жить.

— Мы помним про гарпий, — возразила Бианка.

А что там делают гарпии, она и так знает. Визжат, будто недорезанные. На худой конец придётся заткнуть уши.

— А кто такие «вы»? — тонко улыбнулся дракон-привратник. — Я вижу вас одну. Боюсь, мне не стоит вас пропускать во множественном числе.

И не пустил.

А Лулу и Марципарина хоть бы от себя голос подали! Они каждая за себя. Что им искать у гарпий какую-то Кешлу.

* * *

Позвали обедать. Раздосадованная Бианка отправилась в неблизкий путь к накрытым столам в центре храма, как всегда, наблюдая сперва лишь движение статуй.

(Ах да, вот зачем статуи — чтобы люди не заблудились!).

Так уж повелось, что путешествия во плоти по Храму

Исцеления Бианка совершала в одиночестве, тогда как Лулу и Марципарина, пользуячь случаем, где-то витали.

И в тот самый раз, как её не пустил привратник, Бианка на пути к обеду помимо воли услышала вовсе необычный для Канкобры разговор.

— Вам не следует здесь находиться, — сказал главный дракон-целитель.

— Сожалею, но я здесь по поручению Рооретрала, — непривычно будничным тоном отвечал ему второй дракон.

— Вы не понимаете, — вздохнул целитель, горестно воздев крылья, — если кто-то не заколдован, то в Канкобру ему лучше не попадать. Ибо тут он и сделается заколдован. Вы и ваши драконы…

— Я и мои драконы получили приказ отыскать в Канкобре Лулу Марципарину Бианку. И вы зря отказываетесь нам помочь.

— Я не отказываюсь, просто не знаю. Канкобра — особое место, в нём никогда не уследишь за пациентами. По большому счёту, также бесполезно запоминать их имена. Ибо имена меняются.

— Драконьи имена устойчивы, — возразил собеседник, — я был Пендрамором, и Пендрамором пребуду. И учтите, драконы из правящего клана всё равно прочешут Канкобру, даже если вашим целителям вздумается оказать сопротивление…

— Помилуйте, какое сопротивление? Хотите — ищите. Только наши пациенты всё впемя в движении, и сверху не всегда заметны из-за плотного слоя слов. На прочёсывание храма у вас уйдёт не менее суток. Эти сутки для здравия рассудка многих из вас могут стать фатальными.

Пендрамор в ответ попросил его не учить.

Они ищут меня, догадалась Бианка, очень интересно.

И в тот день они её не нашли.

А на будущий день многие из новеньких драконов-пациентов летали в общем строю и заливисто хохотали. Громче всех веселился бывший Пендрамор — издевался над вчерашним своим именем.

* * *

Канкобра кого хочешь перемелет. Раньше Бианка эту истину сознавала с грустью, но с недавних пор находит в ней и утешение.

Если спрятаться надо — Канкобра одно из хороших мест.

Вот только… Сила, явившаяся сюда за нею тоже что-то могла.

И Канкобра, сперва неуловимо, стала меняться.

Принялись подхихикивать строгие драконы-целители — первый серьёзный симптом. А потом себе в утешение целители развели гарпий, стали откармливать — каждый по одной, итого многовато.

Сколько всего в Канкобре целителей, Бианке всё было недосуг пересчитать, тем более, что те, как и всё в здешнем коловращении, не желают стоять на месте, а Лулу так и норовит повторно счесть учтённых уже Марципариной. В общем, их много, да и не в количестве дело, а в том, что они целители. То есть, главные в Канкобре лица.

А тут ещё прибыла новая эспедиция от клана Рооретрала. Привела с собой чернокаменный замок — кажется, такие теперь в моде. А в том замке — зверинец, истинно зверинец, как судачили диалоги, что укрыли от взоров храмовые стены.

Подумаешь, невидаль — зверинец в замке… Но зверинец размерами с замок обитателей Канкобры впечатлил.

Потом оказалось — впечатлил и Бианку. Ведь зверинец прищёл сюда!

По полу между людьми побежали юркие шакалы с потерянными глазами. Наверху среди драконов засуетились небесные падальщики. Много зверья, много. И не всё легко зпколдуешь.

Но сильнее всех удивил самый главный дракон-целитель. Он привлёк внимание всех, чтобы только сказать:

— Отныне Канкобра переподчинена клану Рооретрала. Новое подчинение дарует нашему храму долгожданную нами свободу. В знак признательности за свободу считаю полезным переименовать Храм Исцеления. Теперь он будет зваться Храм Вечнотраурного Исцеления.

И женская фигурка на его спине согласно залаяла.

Пациентка? Новая хозяйка Канкобры? Трудно сказать. Очертания её лица и фигуры были черезчур уж изменчивы.

А особо выраженная визгливость лая заставляла подозревать, уж не истинную ли гарпию во плоти Бианка удостоилась лицезреть? Прошлые-то не были воплощены. Да и выглядели немного призрачно.

Далее весь храм под руководством необычной всадницы принялся разучивать какую-то противочеловеческую молитву.

А люди, которые раньше носили статуи, теперь нанесли откуда-то чёрного камня и приняоись в центральной части храма что-то строить.

— Что это будет? — как-то не утерпела Бианка.

— Мавзолей, — ответили ей.

Ага, видно, он нужен, чтобы исцеление сделалось

вечнотраурным.

— А для кого Мавзолей?

— Для какой-то Лулу Марципарины Бианки.

Хорошо, что про Кешлу они не знают. Может, хоть она Мавзолея избежит? Видать, избежит, если даже Бианкой до сих пор не найдена.

Тут вокруг набежало много-много шакалов.

А шакалы-то рыскают не просто так, спохватилась Бианка, неужели снова меня ищут? Смешной вопрос. Кого же ещё?

И нашли бы, если бы Канкобра не действовала. Крайне колдовское место. Говорят, здесь однажды дракон-маг… Но Бианка не помнит, что он сделал. Просто с тех пор здесь совсем потеряться легче, чем найтись.

Им трудно, но они ищут. Ищут с шакалами.

Чтобы упокоить в Мавзолее.

* * *

На сей раз Бианку в заветный придел пустили.

Не без того, чтобы дракон на входе не задал вопрос, а знает ли она, что там гарпии, что гарпии суть жуткие создания, творения ужаса вечной ночи…

Бианка посоветовала целителю разуть глаза: ведь эти создания даже в обеденное время теперь летают по всему храму.

Привратник подумал и нашёл её ответ резонным.

Правда, пропускать не спешил. Так и лежал, полностью перегораживая неширокий проём и сдержанно хихикал.

Бианка не понимала, а что смешного? Какой потаённый смысл находит привратник? Но тут она заметила, как маленькая, но очень ехидная гарпия щекотала ему пузико когтем.

Бианка поглядела твари в глаза, та ткнула дракона несколько сильнее обычного, и он с неудовольствием чуть отполз, освобождая проход.

Войдя, Бианка в первый момент опешила от знакомого интерьера. Ей показалось, что перед её взором открылась анфилада яральского дворца Драеладра. Но может ли быть, что дворец в Ярале так просто сообщается с канкобрским храмом? К чему тогда долгий путь с остановкой у Гатаматар?

Потом она поняла: интерьер отличается. Просто здесь, как и там, на полу под стенами чинно сидят птицедевы. Ноги скрестили по-карамцки, крылья сложили за спиной. Кстати, здешние — аккуратно причёсаны.

Все рядком, будто согласно очереди.

Вот так картина! Анфилада длинна, ей не видно впереди конца-краю, и на всём её протяжении — очередь из гарпий.

— Ты новенькая? — спросила гарпия, сидевшая в очереди последней.

— Кажется да…

— За мной будешь! — строго сказала гарпия. — Кстати, как твоё имя?

Бианка не дурочка — не стала выдавать ни одно из имён, под которыми её по всему храму ищут шакалы. Выбрала первое попавшееся:

— Меня зовут Кешла.

— Хорошо, садись, Кешла, — гарпия чуть подвинулась.

Только усаживаться в их ряд что-то не сильно хотелось.

— А что вы тут делаете? — спросила Бианка.

— Мы все ждём своей очереди пилить единственного жениха.

— Вы будете его пилить? Но как?

— Очень просто! — захихикала справа новая гарпия. — Как пела знаменитая уземфская поэтесса Лейла, прежде чем обратиться к дворцовым переворотам и тому подобной политической деятельности.

Возьмём двуручную пилу,
Его распилим на полу.

— А зачем пилить жениха? — забыв об осторожности, спросила Бианка.

— Она не знает, зачем пилить жениха! — возмутилась одна из гарпий помоложе.

— Она просто шутит, — возразила другая, несколько постарше.

— Полно, да гарпия ли она? — всполошилась аккуратнее всех причёсанная, с длинной косою, свёрнутой в аккуратный бублик. — Как её зовут?

— Кешла… — подсказали ей.

— Кешла? Я такого имени у гарпий не помню!..

— Есть такая гарпия! — пресекая спор, воскликнула Кешла-Бианка и прошла чуть вперёд.

За её спиной несколько гарпий завизжало. Не в полную силу, чтобы преждевременно не убить, но так, чтобы обозначить намерения.

Кешла быстро побежала вдоль очереди, и негромкий визгливый звук в самом хвосте очень быстро затих в её ушах.

Замедлила ход. Гарпии, мимо которых она шла теперь, выглядели более доброжелательными. К ней обращались не

столько злобные, сколько страдальческие лица. Эти не станут интересоваться, кто же такая Кешла.

— А скажите, давно ли вы сидите в очереди? — снова решилась она спросить.

— Да, почитай, с основания Канкобры, — ответила самая безнадёжная страдалица.

— А движется ли? — кивнула на длинный хвост.

— Да с тех самых пор и не движется, — проныла гарпия.

— Ждёте жениха?

— Угу.

— Чтобы распилить?

— Нет. Разорвать зубами.

Ишь, показался исторически более древний способ.

— А за что его так?

— А за всё хорошее…

Кешла хотела было пойти дальше, но разбуженные ею страсти гарпий брызнули яростным фонтаном слов:

— Я ждала его на белом коне, а он приплёлся на хромой каурой кобыле!

— Я надеялась, он постарается сделать меня счастливой, но он, как проклятый, ударился в своё ремесло, а я несчастна, несчастна, несчастна!

— Он обещал, что я у него будк жить как королева, а сам изнурял меня домашней работой, как какую-то прачку!

— Я хотела детей, я ждала, что он, как все люди, что будет как следует обеспечивать семью, но этот лентяй так никакому стоющему ремеслу и не обучился! Он дни напролёт рисует картины, он самовыражается в красках, чтоб ему кисть стала поперёк могилы!

— Я ждала от него внимания, только внимания и поддержки, я специально всерьёз заболела, чтобы честно его внимание заработать, а он только ругался, только ругался!

— Он грязно приставал к моему бывшему любовнику! Он воровал мои украшения и сам их потом носил…

Сколько печальных судеб, сколько убедительных поводов для истошного визга, погружающего в хаос весь провинившийся мир!

Глава 31. Битва с гарпией

Как и многое в Канкобре, анфилада была истинно титанической длины. Правда, ширина проёмов между комнатами исключала возможность пролёта дракона средних размеров. Если что — такому пришлось бы проползти.

Вот интересно, задумалась Бианка, неужели в те незапамятные времена, когда Канкобра только строилась — или достраивалась к странному небесному телу сотворённому Божествами, но это детали — так вот, разве уже тогда этот придел храма предназначался не для драконов, а только для гарпий и людей?..

Хотя что это я? На то ведь он и придел, что приделали его позже. Но приделали всё же не для драконов. Для существ, соразмерных человеку.

Для готовых стоять в очередях.

А ведь от кого-то я слышала о подобной недвижимой очереди, припоминалось Бианке. Вроде, от Бларпа Эйуоя. Только в ней не сидели гарпии, а стояли женихи. Ждали предсвадебного испытания. Кстати, их невесту звали Кешлой, как и меня сейчас. Однако же, вот так совпадение!

Всё когда-нибудь заканчивается, даже бесконечная на вид анфилада. Впереди замаячила лестница, уходящая высоко вверх.

Прекратилась и очередь из гарпий. Замерла у черты, кем-то проведенной мелом по полу. Значит, я добралась до начала?

— Да, я первая в очереди, — молвила гарпия у черты, — можно, я не буду тебе рассказывать свою историю? Я сидела здесь дольше века, и совсем позабыла, чем предо мною провинился жених. Но убить его надо. Неужели я зря сидела?

— А что там, наверху? — Бианка кивнула на лестницу.

— Известно что — полоса испытаний.

— Это что же, сидящим в очереди придётся их проходить?

— Да не нам. Жениху, — безразлично зевнула самая первая гарпия, — наше дело его подкарауливать. У колодца, у маятника. Кто как сможет.

— Значит, кто-то его там уже караулит?

— Ну уж нет! Я буду первая! — на какой-то миг всю апатию с гарпии будто волной слизнуло, затем она вернулась к первоначальному скучному тону. — Жениха всё ещё нет. По нынешним временам такие, как он — редкость. Как только появится, Ангелоликая даст отмашку.

Бианка понимающе покивала, будто бы тоже ждала отмашку Ангелоликой. Потом вежливо спросила:

— Можно ли я пройду вперёд, осмотрю местность?

— Валяй, — согласилась гарпия, — только не думай, что меня обскачешь. Соискателя там ещё нет, я не шутила.

Бианка принялась подниматься по лестнице, но в этот момент сверху прозвучал какой-то короткий сигнал: не то свист, не то взвизг, за краткостью и не разберёшься.

Но для гарпий из очереди он оказался не только знакомым, но даже и долгожданным. Оглянувшись, Бианка заметила, что за нею валит огромная толпа птицедев. Дошли до нижних ступеней, карабкаются выше, вот-вот догонят, сомнут.

Бианка рванулась вверх по лестнице, побежала изо всех сил, более не оглядываясь. Сзади раздавалось сопение, визг, подвывание, злобная ругань и короткие смешки.

Вот уже близко верхняя площадка, распахнутая в широченный зал.

На площадке стояла уже знакомая мёртвая женщина со странно меняющимся лицом, а вдали, за её спиной, под невысоким сводом широкого зала реял главный храмовый дракон-целитель. Реял, от лестницы отвернувшись, и немного застенчиво хихикал, будто бы не при чём.

Это на нём она прилетела. Видно, есть в это место воздушный проход из главного зала храма.

— В очередь, кешлины дети, в очередь! — грозно прикрикнула женщина на площадке.

— Слушаемся, Ангелоликая! — молвили гарпии, да тут же прямо на лестнице и построились. Нечего и сомневаться, что в точности по былому порядку. Та, что в длинной анфиладе стояла первой, откуда-то извлекла мел и на ступени перед собою провела ограничительную черту.

— Подойди-ка, дитя моё, — велела Ангелоликая Бианке, с дурацкой суетливостью заметавшейся между нею и строем гарпий.

Ну вот, глупо попалась, осталось произнести неутешительный вывод. Не подумала, что здешние ходы сообщаются. Теперь преследовательнице её и искать не надо. Можно больше не слать шакалов, которые в Канкобре и сами теряются. Но зачем я ей только нужна? Из-за Драеладра?

— Тебя зовут Кешла, если не ошибаюсь? — улыбнулась Ангелоликая.

Бианка энергично закивала.

— Самое лучшее имя для гарпии, — похвалила многоликая повелительница. — Теперь чувствую: тебя-то я и ждала.

* * *

Повезло: она принимает меня за другую! Итак, я Кешла. Имя бы не забыть. Хотя не забудется — имя-то легендарное. И в том повезло?

А всё же не очень повезло: она тянет меня к жениху без очереди. Это что ж получается: теперь я должна…

Попыталась заикнуться:

— Я ведь в самом конце стояла…

Получила ответ:

— Истинная гарпия знает, где ей надо стоять. А если не знает, место само её притягивает. Особое место. Полоса испытаний…

— Я должна пройти полосу испытаний?

— Нет, Кешла, конечно же нет. Это жених никак не должен её пройти.

Ангелоликая ухватила под руку «Кешлу» и повлекла к тёмному коридору в противоположном конце широкого зала.

Она меня заставит… Бедный жених.

— А жених-то тебе понравится, — вдруг сказала Ангелоликая.

Мысли читает?

— Нет. Просто, поскольку ты Кешла, я хорошо тебя знаю.

Вот так удружила себе с новым имечком.

— И ты тоже неплохо меня знаешь, хоть и затрудняешься вспомнить. Мы ведь больше, чем родственники.

Бианка пробормотала нечто невразумительное. Вспомнить «больше чем родственников» она никак не надеялась. Разве что родственников: у легендарной Кешлы был отец Ашогеорн, мать Элла, четыре родных брата, сводный брат Драеладр… Не о том ли эта странная женщина ведёт речь?

— Нет, я о другом, — усмехнулась Ангелоликая.

И они прошли из широкого зала в тёмный зев пещеры, ведущей к испытательной полосе.

— Я о другом, — повторила настойчивая спутница, — мы ведь обе гарпии, не так ли, Кешла?

— Да, именно так, — Бианка решила: покуда перечить рано.

— И вдобавок, у нас на двоих общее имя! — ликуя, добавила негаданная тёзка. — Я ведь тоже Кешла, представляешь! Причём та самая!

«Тоже Кешла»? Но Бианка-то, коли честно, не совсем она. Выходит, «та самая», единственная верная Кешла стоит сейчас перед нею с жутковато меняющимся лицом? Эх, вот так находка! Будь где-то здесь Лулу и Марципарина, Бианка не преминула бы её обсудить.

— И мы похожи не только лишь именами, — продолжала властная дама.

Что, и внешне? Так не хотелось бы…

— Мы похожи в главном. Ты и я — мстительные создания. Разве нет?

Ну, не то, чтобы совсем нет, но…

— Вижу, что мы прекрасно друг друга понимаем. Лично я — плохая подруга, но очень хороший враг. Ты такая же, Кешла, точно такая же!

Разве? Ну, вообще, со стороны виднее…

— Виднее, Кешла, виднее! Потому я решила, что честь уничтожить сегодняшнего жениха без сомнения принадлежит тебе…

— Простите, Ангелоликая, может, я недостойна? — в неясной надежде взмолилась новоявленная Кешла. — Вы ведь сами видите, гарпия из меня не особенно боевитая. Ни когтей, ни крыльев, ни голоса — ничего такого у меня нет. Тогда как в очереди все, как на подбор…

— Пхе! Когти, крылья, голос — пустой антураж, дорогая. Тебе ли не знать, что убивает совсем иное? Впрочем, я ещё поделюсь с тобой довольно занимательным орудием убийства. Извини, не сейчас. А пока что прими моё уверение: нынешнего жениха — тебе убивать. Потому что этот жених — твой.

Бедный жених неизвестной Кешлы!.. Наверное, стоило бы согласиться, а потом, будто ненароком, пощадить…

— А щадить-то и не захочется! — захихикала Ангелоликая. — Верь мне, уж я-то знаю. Потому что этот жених — твой. Он на самом деле твой. Точно так же, как «Кешла» и правда твоё имя. И достойно рукоплескания, что ты приняла истинное имя и для этого отринула все три ложных.

Знает, поняла Бианка. Знает про неё, Лулу и Марципарину.

— Как зовут жениха? — небрежно этак спросила.

— Разумеется, Чичеро, — захихикала собеседница.

Знает всё. И даже больше, чем всё.

* * *

Чичеро здесь? Нет, ерунда! Ангелоликая издевается. Нечего ему здесь делать! Хотя…

— Мы пришли.

Тёмный — хоть глаз выколи — коридор вывел Бианку с Ангелоликой к наблюдательной террасе над залом, освещённым синими магическими свечами. У самой балюстрады стоял стол, а на нём в блюде — что-то несъедобное. И кинжал, чтобы это несъедобное резать.

Ангелоликой подали пищу мёртвых? Но не Бианке, воспитанной некромантами Цанца, пугаться мертвецов и их экзотической снеди.

Женщины подошли к балюстраде. Бианка привычно подивилась открывшемуся залу, столь же огромному, как и многое в Канкобре. Терраса оказалась столь высоко поднятой над уровнем пола, что всё, расположенное внизу, казалось игрушечным.

А ведь там, глубоко внизу, проходила полоса испытаний.

— Вон колодец, вон маятник, а вон-те подвижные стены нагреваются и ползут друг другу навстречу, — любовно перечисляла Ангелоликая. — неправда ли, сверху хорошо видно? Здешний наблюдательный пункт предназначен для истинной гарпии!

— Да, — признала Бианка, — видно хорошо.

— Пикантность задачи в том, что один здесь никак не пройдёт. Кто-то следит за маятником, а другой проползает. Кто-то идёт над колодцем, кто-то страхует. Соответственно и с жаркими стенами… Ах да, я забыла сказать, что двоих женихов сразу на полосу не пропустит входное колдовство. Хи-хи, ты улавливаешь: двоих не пропустит, а один не пройдёт!

Бианка улавливала. Но, по-прежнему, многого не понимала. Что хотят от неё, если уверены, что жениху на полосе испытаний не светит совсем ничего? Если он сверзится в колодец — успеть поразить его в полёте? Если его разрубит маятник — предварительно отравить? Глуповатые задачи..

И Чичеро… Что здесь делать Чичеро? Как-то немного не верится…

— Чичеро я приманила! — захихикала хозяйка положения.

Видно, надо было ей для сего-то — приманить…

— Да не для себя, для тебя приманила! — рассмеялась Ангелоликая, — ты ведь ненавидишь его, разве нет?

Бианка задумалась: она бы так не сказала, Лулу — та бы себе ни в чём не призналась, а вот Марципарина…

Тут Марципарина, лёгкая на помине, как раз и проснулась. Вот она и сказала нужные Ангелоликой слова:

— Конечно же ненавижу! Так бы его и извела!

— Вот! — Ангелоликая так обрадовалась поддержке, что аж расплакалась от умиления. — Я же говорю, не для себя стараюсь!

Но Бианка запихнула Марципарину подальше, да и поглядела на собеседницу этак скептически.

Пришлось той изворачиваться:

— Не ощущаешь ли ты, гдядя мне в глаза, абсолютного доверия ко всему, что я расскажу? — а сама руками, как

мельница, водит.

Кешла прислушалась и вдруг убедилась: а ведь да, что-то такое она действительно чувствует. И с чего бы вдруг? Ах да, какое-то новое колдовство. Надо бы всё подвергать сомнению… Не получалось.

— Я вам верю, — сказала непроизвольно.

Обрадованная Ангелоликая продолжила:

— Вот за что тебя, сестра Кешла, люблю, так это за искренность.

Искренность, или вынужденная речь? Самой и не разобраться.

Ангелоликая же мертвечиха поманила её к высокому столу, где так и лежал кинжал и какой-то предмет на блюде.

— Возьми-ка, — сказала, протягивая Бианке кинжал. — Им тебе предстоит с одного удара пронзить сей набальзамированный орган.

— Только что это? — испугалась невеста Чичеро. — Там, на блюде…

— Это сердце твоего мёртвого жениха!

* * *

Хоть Ангелоликая и сказала открытым текстом, но Бианка не сразу смогла осознать, что ей такое суют. Взяла кинжал, и так, и этак повертела. К этому кинжалу прилагалось блюдо — вот только с какой стати?

Мёртвое сердце, острый кинжал. Ну, и?

— Сердце — это последнее, что осталось тела Чичеро, — между тем продолжала вещать Ангелоликая. — От того, настоящего. Остальное не так давно Патриархи спалили у себя в Обсерваториуме. Поторопились, конечно, да что взять с мужичья: только о себе и думают! А вот я, милая, подумала о тебе. Веришь мне? — Бианка думала промолчать, но Марципарина высунулась, кивнула. — Между прочим, я была в нижнем мире и сердце выторговала не задёшево. Знаешь, у кого? У Владыки Смерти! А зачем торговалась? Лишь затем, чтобы тебе его здесь и сейчас проколоть вот этим заговорённым кинжалом.

— Проколоть? — переспросила Бианка.

— Да, проколоть, — повторила та как можно будничнее.

— А почему я?

— Чтобы вернее убить Чичеро, — нехотя пояснила мёртвая женщина с меняющимся лицом. — По преданию и отречённым записям, этот удар должен быть нанесён по любви. Так ты

любишь его?

— Ну да…

— Стало быть, убивай!

Бианка опять повертела кинжал, покосилась в сторону сердца на блюде. Хмыкнула:

— Это что, ритуал такой?

— Ну конечно же, ритуал!

— И что, он так важен?

— Ради него, между прочим, мне пришлось устроить революцию в Канкобре. Ради него я искала тебя и ждала Чичеро. Ну, давай!

— Хорошо, я подумаю, — медленно сказала Бианка. — Не торопите меня, пожалуйста…

— Да как же не торопить, — взорвалась Ангелоликая, — когда… — тут она, не договорив, поглядела вниз. — Явились, не запылились…

Обратила внимание и Бианка: там, по препятствиям полосы испытаний, ловко карабкались три карлика. Страховали друг друга над колодцем и под маятником. Надо же, шли все втроём. Но ведь Ангелоликая иначе говорила.

— Их трое, — улыбнулась Бианка.

— Да вижу! — взвизгнула Ангелоликая. — Обманули охранное заклинание. Телесно людей трое, но жених-то один — Чичеро…

— Слаженно идут, — похвалила Бианка.

— Ещё бы не слаженно, — проворчала Ангелоликая, — ведь они сейчас вместе одно лицо, даром что не под плащом. Но их сплочение, хе-хе-хе, лишь до поры до времени…

— До какой поры? — наивно спросила Бианка.

— Пока сердце не проколешь, вот до какой! И увидишь сама: там останется три насмерть перепуганных карлика!

— А, — равнодушно сказала Бианка.

Карлики внизу зала ловко прошли колодец и маятник, подошли к пышущим жаром стенам.

Что-то кричала Ангелоликая. Бианке было не впервой отвлекаться на собственные мысли.

— А?

— Прокалывай, говорю!

— А…

Бианка подумала, что трёхликий Чичеро не случайно оказался на полосе испытаний. Ну конечно же не случайно: чего бы его туда всех втроём ни с того ни с сего понесло?

— Он испрашивает моей руки… — догадалась она. — Наконец-то он это делает добровольно!

— Что? Какое там добровольно! — захохотала Ангелоликая басовитым драконьим смехом. — Нет, уморишь ты меня, дорогая!

— Уморю? — Бианке не впервой в разговоре цепляться за первое попавшееся слово.

— Глупости! Ни о каком свободном выборе здесь не идёт речь! Они там вообще не знают, что здесь за полоса такая. Просто в Канкобру иначе было им не попасть, понятно? Я к центральной входной воронке пригнала чуть ли не весь клан Рооретрала, да ещё перегородила вход тремя шакальими замками.

— Зачем? — улыбнулась Бианка в рассеянности.

— Да чтобы зашли с этого боку!

— А зачем им было зайти… с этого боку?

— Да чтобы тебя из Канкобры вызволить!

— Вызволить? Да… пожалуй… неплохая идея… — с замедлением говорила и думала Бианка.

Потом и вовсе прекратила говорить, чтобы хоть немного быстрее думать. Что происходит?.. Готовится ритуал… Его готовила Ангелоликая… Значит, он ей зачем-то нужен… В ритуале от Бианки требуется, чтобы она… пронзила кинжалом сердце Чичеро… Зачем?.. Зачем?.. Зачем?..

— Кешла, ты слишком уж долго думаешь!

Затем, что Ангелоликая считает Бианку Кешлой?.. Но может, у неё есть основания так считать?.. Тогда, пронзив сердце на блюде, Бианка совершит нечто непоправимое… Совершит от имени Кешлы… И к выгоде Ангелоликой…

— Кешла, ну что ты, я не настолько корыстна! — но в мёртвых глазах на меняющемся лице застыла звериная алчность.

Так и говорили: Бианка лишь в мыслях, Ангелоликая вслух. Бианка думала, Ангелоликая ей мешала. Видно, Бианка уж слишком правильно думала, то-то ей и устраивали помехи.

А потом, отчаявшись запутать собеседнице мысли, хитрая мертвечиха принялась колдовски влиять на её телесные движения.

Кинжал дрогнул в её руке, а саму руку стало уводить в сторону — она шла на размах для бокового удара.

— Не надо! Не то брошу нож! — пригрозила Бианка.

— Попробуй! — усмехнулась Ангелоликая.

А кулак-то не разжимался! Сейчас она…

— Это ошибка! — выкрикнула Бианка, пытаясь отлепить руку от рукояти. — Серёзная ошибка!

— Кто ошибся? — осклабилась Ангелоликая.

— Вы! Вы хотите, чтобы сердце Чичеро пронзила кинжалом Кешла. Но я не Кешла! Я Лулу Марципарина Бианка — только и всего… — говорить приходилось быстро, чтобы фразы не

зависали в уме и в воздухе.

— Да, девочка моя. Ты Лулу — и так далее. Но в остальном не обманывайся. Знай, что великая Кешла в тебе тоже дремлет. И о том, будто это не так, лучше рассказывай драконам-целителям. Ибо я знаю лучше!

— Легендарная героиня Кешла… дремлет во мне? — переспросила Бианка, снова едва перебарывая подступающую вязкость мысли. — Вот какая… во мне… скрыта сила…

— Не обольщайся! — бросила мертвечиха. — Она не проснётся по твоему капризу. Ты попросту не умеешь её вызывать из глубин себя. Когда же проснётся, никогда тебя не простит.

— За что ей меня прощать?

— За то, что ты тратила её драгоценную силу в моём ритуале.

* * *

Бианка сопротивлялась, как только могла. Непостижимым усилием сбивала замах, и кинжал уже несколько раз проносился над сердцем Чичеро.

— Зря сопротивляешься, — напряжённо произнесла мёртвая тварь. — Стоит принять в себе гарпию, и жить станет проще.

— Зря пытаешься водить моей рукой, — сцепив зубы, выдохнула Бианка, — сама ведь знаешь, недобровольные действия не считаются!

Трудно вспомнить, где она это вычитала. Но, вроде, попала в точку.

Если бы суть была лишь в том, чтобы продырявить сердце, Ангелоликая и без неё бы прекрасно справилась. Если же суть была в том, чтобы за кинжал, ведомый Ангелоликой, подержалась рука Бианки — то к чему тогда убеждающие разговоры и объяснение смысла действия?

Ангелоликая нуждается в её добровольном содействии. В том, чтобы Бианка сдалась, и сама позволила…

— Ты думаешь, добровольным содействием я не располагаю?! — хитрая бестия разразилась длительным хохотом. Ничего пояснять не стала, но сила и искренность хохота говорили сами за себя — и Бианка прозрела.

Марципарина! Ну конечно: вот с кем она в первую очередь борется. Вот чью руку еле сбивает с широкого кинжального замаха. Марципарина призналась, что Чичеро ненавидит…

— Верно, Марципарина! А скоро, хе-хе, мы и с Лулу полюбовно договоримся! И посмотрим, как ты одна выдюжишь против двух. Интересная это штука — обращение гарпии. Всякий

раз, будто впервые, захватывает…

Марципарина, Марципарина, что ты творишь?

А что я творю? Я ничего… Я хочу, как лучше. Слушай, Бяша, не надо этих нотаций! Мы свободные люди, между прочим, из драконьего племени…

Мы с тобой — люди? У людей есть собственные тела!

Ой, ну ладно, мы части свободного человека.

Значит, одной части не следует решать за всех!

Вот и не решай. А я думаю, Чичеро нас обидел. И за это его нужно примерно наказать…

Споря с Марципариной, Бианка невольно вспомнила жалобы гарпий в очереди. Одна в одну, как будто их сочинял общий автор! Вот с чего начинается превращение — с понятных женских обид.

А потом к ним добавятся и непонятные.

* * *

Нелегко проходил спор Бианки с Марципариной. Вообще-то Бианка была умней, но Марципарина зато энергичней. В споре важно и то и другое.

Хоть сам спор происходил на словах — кинжалом больше не взмахивали. Впрочем, и из ладони не выпустили рукоять — уж за тем проследила сама Ангелоликая.

Впрочем, нож ножом, а главное-то поединок воль. Битва с гарпией: где она происходит? Внутри тебя, девочка моя, только внутри тебя.

К счастью для Бианки, нечто вдохновительное стряслось и снаружи.

Горестный хоровой визг сотряс мощные стены придела гарпий, а может и всей Канкобры, возвещая о непоправимом. Этот визг мог убить, а ведь мог и попортить имущество. С террасы, где Бианка боролась с собой и Ангелоликой, разом обавлились две секции балюстрады, словно бы приглашая кого-нибудь выпрыгнуть следом.

А случилось-то что?

Трое карликов, о которых за борьбой на террасе все позабыли, одолели свою полосу препятствий, пробежали насквозь весь огромный зал, полный синим магическим свечением. Коллективный жених Чичеро в испытании всё же добился руки легендарной Кешлы.

Вроде бы и формальность, но Ангелоликую она раздосадовала не на шутку. Предводительница гарпий ударила

кулаком по столу и заявила, что победа не считается, что проткнуть сердце Чичеро Марципарине удастся и чуть погодя. Даже при особом мнении Бианки.

Слушая раздражённые уверения, Бианка с Марципариной, не сговариваясь поняли: Ангелоликая тщетно успокаивает саму себя.

(Ясно, что не сговариваясь: им с недавних пор трудно бы было о чём-либо сговориться).

Но чего боится главная гарпия? Что случается, когда жених проходит полосу испытаний, и что из того, что в этот момент происходит, может Ангелоликую так напугать?

Бианка всё не могла догадаться, а событие, заранее напугавшее гарпию уже и происходило.

* * *

Было всё так. Бианка с Марципариной продолжали спорить с переменным успехом. Ангелоликая, желая привлечь к их спору и Лулу на своей стороне, рыскала мыслью в её поисках по всей Канкобре, но тщетно, всё тщетно. Лулу и в Ярале лучше других умела избегать гарпий, и пусть это зачастую не выход, зато и не вход в новые сложности да печали.

Вышло так, что мысли не только Бианки, но и Марципарины стали особо вязки и неповоротливы.

Я засыпаю, подумала Бианка, а очень жаль.

Нет, это я засыпаю, привычно возразила Марципарина, засыпаю свободным человеком, который так и не сдался в споре.

И заснули, обе опасаясь, что скоро явится гулёна Лулу, и, пока они дремлют, перерешает по-своему всё, о чём они спорили.

— Ну же! — забеспокоилась Ангелоликая, — восстань-ка Марципарина. Главное деяние тобою не совершено, не время ещё дремать…

Тут глаза Лулу Марципарины Бианки распахнулись, и затуманенный дремотой взор обрёл твёрдость и остроту.

— Вонзи кинжал, — вкрадчиво попросила мертвечиха, — ради Кешлы.

Ладонь, что долго не могла избавиться от оружия, ухватила его покрепче. Осанка стала не просто прямой, но величественной.

— Да, — прозвучали слова, — сердце придётся пронзить. С любовью.

— Праматерь? — просипела Ангелоликая.

— Подойди ближе, непутёвое дитя, — молвила Кешла.

В её голосе не было злобы, но было столько притяжения родительской любви и духовной власти, что Ангелоликая не

могла ослушаться.

— Стань передо мной, Клеопатрикс.

— Может, не надо… — срывающимся голосом проблеяла гарпия, — Надо? Да. Всё понимаю. Принимаю со смирением.

Но во взгляде, шарящем вокруг в поисках повода спастись, никакого смирения не было.

Когда заговорённый ритуальный клинок вошёл в мёртвое сердце, наблюдение Кешлы подтвердилось. Клеопатрикс в последние крохи своего посмертного времени была от смирения космически далека.

На Канкобру обрушились целые тонны осязаемого поросячьего визга.

6 марта — 15 августа 2017 г.